

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

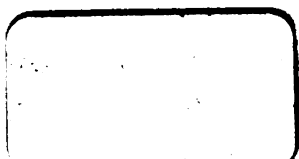
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

5 5433 05931869 5

MICROFILMED

чрво. шадрон

Y 2 AUG 29

INDEXED

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ IV.

ОКТАВРЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1882 г.

✓ I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. Гр. П. Галагана, съ предисловіемъ П. И. Житецкаго	1
II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) Н. (<i>Продолженіе</i>)	39
✓ III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). Н. Бѣлозерскаго	66
IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кievской археографической комисіи, ректора и профессора кievскаго университета). О. Л.	78
V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА. (<i>Продолженіе</i>)	89
VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ	119
✓ VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ ХУШ СТ.	126
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Poláci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882.	134
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Седульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Симитрія Ростовскаго о приѣзѣ и сдачѣ имъ елецкаго черныговскаго монастыря.—г) Старинныя малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ	159
ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кievская Старина».	
ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.	

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старины“, Кievъ, Софiевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КМ. 1882

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

90

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ОКТАВРЬ.

1882 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Невицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
436525A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1979 L

Дозволено цензурою. Київъ, 28-го септября 1882 года.

ХОУ ВАР
3189
VIA 801

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВЪ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ двѣнадцати книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на три тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолювъ главныя трудности основанія провинціального журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**. Въ слѣдующей книжкѣ мы объявимъ къ общему свѣдѣнію, какими новыми матеріалами располагаемъ на будущій годъ. Къ той-же книжкѣ будетъ приложенъ портретъ Гонты, съ его біографіею, сост. В. Б. Антоновичемъ. Далѣе будетъ портретъ жены Гонты,—оба художественной работы, превосходно воспроизведенные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой*. Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются, остальные—по мѣрѣ выхода.

МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ *).

Предварительныя замѣчанія.

Вертепная южно-русская драма издана была еще покойнымъ Н. А. Маркевичемъ ¹⁾ въ книгѣ, которая въ настоящее время вышла изъ продажи, поѣтому для читателей „Кіевской Старины“ статья Г. П. Галагана, въ живомъ очеркѣ возстановляющая своеобразныя сцены южно-русскаго вертепа, представляетъ особенный интересъ. Она написана по его сокиринскому списку, представляющему нѣкоторыя отклоненія отъ варианта, изданнаго Маркевичемъ. Специалисты не затруднятся отмѣтить особенности сокиринскаго текста, но ради этихъ особенностей не было надобности въ изданіи самаго текста, довольно близкаго къ напечатанному Маркевичемъ. Гораздо важнѣе объясненіе сценическихъ подробностей, относящихся къ вертепу, и воспроизведеніе самыхъ сценъ вертепа подъ живымъ впечатлѣніемъ идей, составлявшихъ содержаніе старинной нашей

---

*) Рукопись 1875 г. — Мы глубоко признательны достоуважаемому Гр. П. Галагану за дозволеніе ознакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшимъ содержаніемъ его рукописи, особливо-же за доставленіе намъ возможности впервые дать читающей публикѣ нотную часть вертепной драмы, драгоценную по ея древности, истинно народнымъ мотивамъ, равно изящный рисунокъ вертепнаго ящика, который можетъ дать наглядное представленіе о способѣ вертепнаго дѣйствія, долгое время поучавшаго и увеселявшаго нашихъ предковъ. Любовь къ родной древности въ этомъ именитомъ родѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранявшая драгоценное наслѣдіе сѣдой древности не въ пыли архивной, не въ сонномъ забвеніи, но въ ежегодно возобновлявшемся живомъ дѣйствіи, достойная глубокаго уваженія и самыхъ искреннихъ сивнатій. Огромный хоръ, прекрасный оркестръ, богатая обстановка сокиринскихъ владѣтелей сообщали воспроизведенію простодушной старины торжественность и великолѣпіе, достойныя его священнаго содержанія и истинно-народнаго значенія. — Ред.

¹⁾ Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянь. Кіевъ. 1860 г.

жизни. Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о вертепной драмѣ, къ статьѣ прилагаются 24 музыкальныхъ напѣва, которые сообщаютъ сценамъ вертепа истинно народную фізіономію, а также рисунокъ вертепнаго ящика. Съ своей стороны я, по вызову автора, представляю нѣсколько соображеній объ отношеніи южно-русскаго вертепа къ другимъ типамъ драматическихъ представлений, занимавшихъ видное мѣсто въ культурной исторіи нашего края.

Вертепная драма ведетъ свое начало изъ театра маріонетокъ ¹⁾.

Въ западной Европѣ театръ маріонетокъ существовалъ независимо и рядомъ съ мистеріями. Но, по мѣрѣ развитія мистерій, онъ становился достояніемъ народной массы, пониманію которой болѣе доступны были дѣйствія куколъ, чѣмъ богословскіе трактаты, драматизированные въ мистеріяхъ, особенно если взять въ расчетъ, что дѣйствія куколъ, производимыя скрытыми двигателями, сопровождались не однимъ пересказомъ евангельской исторіи Рождества и Воскресенія Христова, но и народными рѣчами, анекдотами изъ народной жизни, юмористическими замѣчаніями о текущихъ явленіяхъ жизни и т. п.

Такъ было въ католическихъ странахъ Европы и въ католической Польшѣ, такъ было и у насъ на югѣ Россіи.

Что появилось у насъ раньше, мистеріи или вертепная драма, сказать трудно. Первое извѣстіе о вертепѣ относится къ концу XVI в. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года ²⁾. Безъ сомнѣнія, и въ это болѣе отдаленное время вертепныя сцены стояли въ связи съ школьными мистеріями соответствующаго содержанія, но позднѣйшій типъ школьной мистеріи, который появился у насъ въ XVIII в., еще не положилъ на вертепную драму своего непосредственнаго вліянія.

Извѣстно, что реформа Лютера произвела своего рода кризисъ въ исторіи средневѣковой драмы. Лютеръ воспользовался ею для пропаганды своихъ идей. Онъ считалъ ее прекраснымъ педагоги-

¹⁾ Marionette -- уменьшительное имя пр. Дѣвы Маріи, отсюда маріонетки -- не большія статуи или, лучше сказать, куклы, которыя изображали Богоматерь.

²⁾ Athenaeum. Крашевскаго. 1843 г. Odział 3.

ческимъ пособіемъ для воспитанія будущихъ проповѣдниковъ въ духовныхъ школахъ и академіяхъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись орудіемъ постороннихъ цѣлей, оторвавшись отъ народной почвы, духовная драма не могла дальше развиваться. Въ свою очередь и католики внесли тенденціозныя драмы въ свои школы. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи въ Европѣ,—послѣдній видъ ея, который носитъ названіе школьной или учебной драмы. Составленіе подобныхъ драмъ вмѣнялось обыкновенно въ обязанность учителю поэзіи, поэтому школьное начало въ видѣ тѣхъ или другихъ господствующихъ воззрѣній на поэтическое искусство проникало въ самое существо драмы. Форма ея начала замѣтнымъ образомъ отдалялась отъ древняго типа, а подъ вліяніемъ возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, духовная драма сдѣлалась слабымъ снимкомъ съ древней трагедіи. Отсюда прологъ, иногда даже антипрологъ, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, и притомъ въ сопровожденіи музыки, которою завершался каждый актъ, отсюда мифологическія имена боговъ для аллегорическаго изображенія отвлеченныхъ идей, иногда-же эти идеи являлись въ чистомъ видѣ, не прикрытыя мифологической одеждой: таковы, на примѣръ, дѣйствующія лица подъ разными названіями: истина, любовь, радость, плачь, жизнь, смерть и проч.

Наша вертепная драма непосредственно примыкаетъ къ типу школьной драмы, но ее нужно отличать отъ католическаго вертепа.

Въ первой части нашей вертепной драмы нѣтъ тѣхъ игривыхъ подробностей, которыми сопровождалось иногда вертепное изображеніе Ирода въ католическихъ приходахъ. Согласно съ евангельской исторіей, иногда представляли Ирода поклонникомъ женской красоты въ лицѣ Иродіады; по ея внушенію Иродъ приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю, за что смерть отсѣкаетъ ему самому голову. Умирая Иродъ восклицаетъ: „отъ-се-жѣ мені лихо! Якъ-би я знавъ, що всему причиною дівчата, то-бъ не танцювавъ и не жартовавъ: карае за нихъ небесный царь“¹⁾. Иногда въ вертепныхъ сценахъ Иродъ являлся въ сопровожденіи жида, совѣтника на всякое злое дѣло, по пауценію котораго Иродъ вы-

¹⁾ Тихомировъ. Начало рус. театра. Лѣтоп. рус. литературы, кн. 5-я стр. 23.

сказывает угрозу погубить чуть не весь свѣтъ, за что смерть прекращаетъ жизнь изступленнаго царя¹⁾). Тутъ уже иной мотивъ появленія смерти—демоническая натура самаго Ирода, обставленнаго совѣтниками, ненавистными народу, врагами народнаго блага.

Въ нашей вертепной драмѣ смерть есть мстительница за избіеніе младенцевъ. Всѣ элементы шутливые, простонародные отодвинуты ко 2-му дѣйствию. Въ 1-мъ дѣйствиі нѣтъ ни жида, ни трагикомической гибели Ирода за дѣвчатъ. Трагическіе моменты дѣйствиа отдѣлены отъ комическихъ, при чемъ послѣднія очень слабо связаны съ первыми. Простонародныя сцены представляютъ рядъ веселыхъ интерлюдій, но они поставлены совсѣмъ не такъ, какъ въ старинной мистеріи, т. е. не въ видѣ „междудѣйствій“, на которыхъ отдыхалъ зритель, утомленный продолжительнымъ созерцаніемъ важныхъ событій, составлявшихъ обычное содержаніе мистерій.

Въ общемъ расположеніи драматическаго матеріала большое сходство съ нашей вертепной драмой представляетъ „Комическое дѣйствие“ на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, учителя пѣттики въ кievской академіи (1736—1737 г.)²⁾). Довгалевскій въ своей пѣттикѣ, сообразно съ требованіями псевдоклассической теоріи, отдѣляетъ трагедію отъ комедіи и въ послѣдней предлагаетъ выводить на сцену лица низкія, какъ-то: литвина, цыгана, еврея, поляка, козака и т. п. Всѣ эти лица должны выражаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ. „Комическое дѣйствие“ на Рождество Христово есть ничто иное, какъ литературный образецъ, написанный для поясненія теоріи. Въ противоположность католическому типу Вертепа, о которомъ мы говорили выше, въ 1-мъ дѣйствиі драмы Довгалевскаго Иродъ поставленъ внѣ бытовыхъ условій живой, народной дѣйствительности,—за то во 2-мъ дѣйствиі объ Иродѣ нѣтъ ни слова, а рѣчь идетъ исключительно о лицахъ низкихъ—о козакахъ, о полякахъ, о евреяхъ и ксендзахъ.

Собственно говоря, содержаніе 1-й части „Комическаго дѣйствиа“, равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано глав-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в. Н. Петрова, стр. 68.

нымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ мистерій, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на „Рождественскую драму“, о которой Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что она написана Димитріемъ Ростовскимъ, слѣдовательно, относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. ¹⁾ Она могла быть извѣстна Довгалеvскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ. Изъ „Рождественской драмы“ Довгалеvскій выбросилъ многія аллегорическія подробности, напримѣръ олицетворенія природы людской, земли и неба, вѣка золотого и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и челоvѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздохетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ съ первой интерлюдіи, вслѣдъ за драмой. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „Рождественской драмѣ“ выставленъ „звѣздохетцемъ“, Довгалеvскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама, которые однако-же не обладаютъ искусствомъ своего дѣда, какъ въ „Рождественской драмѣ“, гдѣ они говорятъ о себѣ: „мы трое равны семи въ ученіи значномъ, въ звѣздохетствѣ“ ²⁾. Затѣмъ завязка драмы и причины гибели Ирода у Довгалеvскаго та-же, какъ и въ „Рождественской драмѣ“.

Совершенно не зависимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалеvскаго, вертепная драма удержала изъ „Рождественской драмы“ пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалеvскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалеvскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—довольно живыя лица съ рѣзкимъ южно-русскимъ колоритомъ. И составитель „Рождественской драмы“ поддѣлывался подъ народный тонъ, но „пастыри“ его Борисъ, Аврамъ да Афоня—говорятъ языкомъ крайне искусственнымъ. Въ славянскую основу этого языка вплетены безъ разбора слова великорусскія и малорусскія. „Здравствуй, о Спасителю“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „намъ нынѣ рожденный!“..

¹⁾ Лѣтоп. Русской литературы Тихонр., т. IV.

²⁾ Ibid. стр. 177.

*И подушечки нѣту, одъяльца нѣту,
 Чимъ-бы тебе (sic) нашему сорпѣтися свѣту!
 На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе палатъ мною,
 А здѣсь, что въ вертепнишку, лежиши убого“¹⁾.*

А вотъ прѣвѣтствіе пастуховъ въ вертепной драмѣ:

*„Отъ-се-жѣ и мы, паниченьку, до вашои таки мості,
 Якъ самъ бачишь, Грицько зъ Прицькомъ припхалися въ юсті...
 И янятко принесли изъ сѣльсого стада,
 Нехай буде здорова вся наша громада!“*

Въ „Рождественской драмѣ“ вмѣсто живой Рахили въ 10-мъ явленіи слышится и плачь, и рыданіе о убиенныхъ отроцатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачь, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бытъ“. Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили“, „вѣстникомъ“ ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ 1-й части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не мертвыя ходульныя аллегоріи, которыми изобилуетъ не только „Рождественская драма“, но и „Комическое дѣйствіе“ Довгалевскаго. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, конечно, потому, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній. Очевидно, вертепная драма, заимствуя свое содержаніе изъ школьной мистеріи, перерабатывала его съ большею самостоятельностью, чѣмъ тотъ типъ школьной драмы, который явился позже въ драматическихъ опытахъ Довгалевскаго.

Что касается до 2-й части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ. Бытоваго содержанія ея нельзя вывести непосредственно изъ интерлюдій, имѣвшихъ мѣсто въ католическомъ вертепѣ. Можно сказать только, что наша вер-

¹⁾ Ibidem. 167—168.

тепная драма воспользовалась обычаемъ католическаго вертепа вносить яркія картины народной жизни въ вертепное „дѣйство“. Но заимствуя изъ католическаго міра оружіе для защиты праотеческой вѣры, южно-русскій вертепъ закалилъ его въ горнилѣ народного духа, народныхъ симпатій и антипатій. Въ сценахъ нашего вертепа нѣтъ тонкаго рисунка лицъ и характеровъ, нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но онѣ богаты изображеніемъ массоваго настроенія, которое управляло отдѣльными лицами, соединяя ихъ въ трудныя минуты жизни для защиты всенародныхъ интересовъ.

Сопоставляя 2-ю часть вертепной драмы съ интерлюдіями Довгалева, приложенными къ „Комическому дѣйствию“, мы видимъ разницу главнымъ образомъ въ постановкѣ народныхъ сценъ. Центромъ дѣйствія Довгалева ставитъ не козака, но москаля. Для борьбы съ козаками ляхъ призываетъ другихъ пановъ и заранѣе уже хвастаетъ своею побѣдою. Въ свою очередь козакъ призываетъ на помощь москаля, который обращается къ козаку съ такою рѣчью:

*„Козакъ! Пріймайся, не бойся, бери въ плечи двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долюпомилъ отъ тизъ.
А што здесь о рубежахъ они стожиали,
Будто ляхонки Украину въ областяхъ держали,
Добро вотъ: покажемъ рубежи кнутами на спить!“¹⁾*

Между тѣмъ въ вертепной драмѣ главное дѣйствующее лице есть запорожець. Въ немъ почиваетъ народная сила, поэтому отъ него исходятъ и къ нему направляются отдѣльныя сцены вертепа²⁾.

Но есть въ нашей вертепной драмѣ внутреннее родство съ „Комическимъ дѣйствиемъ“ Довгалева. Мы разумѣемъ отдѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго. Еще у Теофана Прокоповича, напр., въ его трагедивокомедіи „Владиміръ“, являются они въ смѣшанномъ видѣ,—у Довгалева рѣзче выступаетъ требованіе псевдоклассической теоріи не смѣшивать комическихъ элементовъ

1) Очерки изъ исторіи Украин. литерат. XVIII в., Петрова стр. 72.

2) Рассказываютъ кievскіе старожилы, что въ сороковыхъ годахъ имъ случилось видѣть представленіе вертепной драмы, въ которой вмѣсто запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Богданъ Хмельницкій. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь указаній на существованіе гдѣ-либо подобнаго варианта?

съ трагическими. Въ то-же время Довгалеви́й удержалъ кое-что изъ средневѣковыхъ приѣмовъ драматическаго искусства: комическія сцены не составляютъ у него отдѣльной драмы, чего требовала псевдоклассическая теорія, но приклеены внѣшнимъ образомъ къ сценамъ трагическимъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно цѣлое драматическое представленіе. Это уже не старинная мистерія, въ которой отдѣльные моменты трагическаго дѣйствія оживлялись посредствомъ интерлюдій, т. е. вставочныхъ веселыхъ сценъ, ибо эти послѣднія заняли отдѣльное мѣсто, представляя вторую дополнительную часть драмы. Это особый школьный типъ драмы, не похожій на другіе школьные типы, напримѣръ, на „Рождественскую драму“, изъ которой „Комическое дѣйствіе“ и наша вертепная драма могла позаимствовать содержаніе для начальныхъ сценъ. Но мы видѣли, что въ обработкѣ этого содержанія обѣ послѣднія драмы шли самостоятельно. Моделью для нихъ уже не могла служить „Рождественская драма“; богатое бытовое содержаніе, особенно въ нашей вертепной драмѣ, побуждало выдѣлить комическіе элементы, а своеобразно понятая псевдоклассическая теорія возводила этотъ приѣмъ въ правило. Нужно замѣтить при этомъ, что такое устройство драмы было на-руку актерамъ, которые промышляли своимъ искусствомъ среди городскихъ и сельскихъ обывателей. Не вездѣ требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго-благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселыми сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было конечно въ большинствѣ случаевъ, но не всегда.

Такимъ образомъ, вертепная драма въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть школьный типъ драмы, на которомъ отразилось вліяніе позднѣйшей школьной теоріи. Тѣмъ не менѣе, вертепная драма далеко раздвинула рамки простонародности, признанныя теоріей. Приспособленная для всенароднаго употребленія, она представляетъ одно изъ явленій, указывающихъ на живую связь старинной южнорусской шлолы съ жизнью.

П. И. Житецкій.

Вертепная драма и ея сценическая постановка.

Къ числу остатковъ средневѣковыхъ мистерій и тому подобныхъ представленій принадлежитъ малорусскій вертепъ. Такъ названъ этотъ родъ представленій отъ пещеры, въ которой родился Христосъ. Это событіе составляетъ главное содержаніе вертепной драмы, которая пережила много другихъ средневѣковыхъ представленій, вѣроятно потому, что она соединялась съ обычаемъ хожденія со звѣздою и колядованіемъ во время рождественскихъ праздниковъ. Представленіе вертепа, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма распространенное во всей Малороссіи, въ настоящее время почти совершенно исчезло, подобно тому, какъ, вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ, или вѣрнѣе — вслѣдствіе всей совокупности историческихъ явленій, исчезаютъ съ неудержимою быстротою и другія старинныя черты мѣстной жизни.

Совершенно случайно, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, старинный вертепъ съ его представленіями сохранился въ имѣніи моемъ Сокиринцахъ, прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи. Не знаю, водилось-ли представленіе вертепа въ домѣ моихъ предковъ въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: и тогда, вѣроятно, производилось оно заходящими артистами, но, по рассказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи столѣтій лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста. Какъ-бы то ни было, мы видимъ въ настоящемъ видѣ сокиринскаго вертепнаго текста, вмѣстѣ съ его музыкой, одинъ изъ тѣхъ памятниковъ старины,

которые способствуют вѣрному представленію понятій, вкусовъ и даже взаимныхъ отношеній людей половины прошедшаго столѣтія въ малороссійскомъ краѣ. Самыя пѣсни и стихи проникнуты схоластическимъ характеромъ академіи того времени, съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ: это языкъ различныхъ стихотвореній, рѣчей, надгробныхъ надписей, эпохи между Стефаномъ Яворскимъ и Сквородою. Что касается до мелодіи пѣсень, то она замѣчательна въ томъ отношеніи, что вполне проникнута мѣстнымъ характеромъ. Имѣя всѣ свойства священныхъ напѣвовъ, эта музыка совершенно малороссійская, безъ всякой чуждой примѣси. Она исполнена какой-то неподражаемой доброй простоты, дѣйствующей на душу своимъ успокоительнымъ и смягчающимъ свойствомъ.

Переходя къ описанію самаго вертепнаго представленія, считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что вертепный ящикъ имѣетъ видъ небольшого домика, раздѣленнаго на два яруса. За задней стѣной этого домика, дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія: онъ водить куклы и фигуры по путямъ, прорѣзаннымъ въ полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Весь вертепъ имѣетъ 2 аршина съ 1 вершкомъ въ вышину и 1½ аршина въ ширину. Верхній ярусъ его посвященъ изображенію святаго семейства и дѣйствіямъ, сопровождающимъ явленіе Христа. Нижній ярусъ предназначенъ для свѣтской части представленія: въ первомъ дѣйствіи изображается судьба Ирода, избившаго младенцевъ, во второмъ идетъ рядъ сценъ изъ жизни бытовой.

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ.

Прямо передъ зрителями, въ углубленіи, сидитъ Дѣва Марія съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ нея, съ одной стороны—праведный Иосифъ, съ другой, по обыкновенію, нѣсколько домашнихъ животныхъ. Представленіе отърывается хоровымъ пѣніемъ:

Пѣнію время и молитви часъ.

См. въ приложеніи № 1-й.

По окончаніи пѣсни въ нижнемъ ярусѣ выходитъ пономарь въ подрясникѣ и съ косою. Онъ кланяется на всѣ стороны и тонокимъ горловымъ голосомъ говоритъ:

*Востаните отъ сна и благо сотворите:
 Рождѣшагося Христа повсюду возвѣстите.
 Сіе вамъ охотно глаголю, да благословите:
 Пойду, позволю...*

За сими онъ подходитъ къ привѣшенному между колонками болокольчику, звонитъ и уходитъ, а хоръ исполняетъ цѣлый рядъ священныхъ кантовъ. (См. № 2-я).

По окончаніи пѣнія въ верхнемъ ярусѣ являются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ поклоновъ на всѣ стороны, одинъ ангелъ подходитъ къ боковой двери и говоритъ:

*Востаните, пастырие, и бдите злю,
 Яко се пристѣлю Рождество Спасово...*

Вслѣдъ за этимъ призывнымъ голосомъ ангеловъ, хоръ поетъ:

Слава буди во вышнихъ Богу! (См. № 3-я, купл. 1-я).

По окончаніи перваго стиха пѣсни слышится за стѣной вертепа разговоръ двухъ пастуховъ:

— „Грицьку!“ — „А що, Прицьку?“
 — „Вставай хутенько,
 Да выберемъ ягня,
 Да притко підемо гень-гень на гору,
 Може ще й мы поспіємо въ пору“.

За сими хоръ продолжаетъ пѣніе новыхъ кантовъ, тѣмъ-же напѣвомъ. (См. № 3-я, куп. 2 и 3-я).

По окончаніи хорового пѣнія, въ верхнемъ ярусѣ появляются пастыри. Это два малороссійскіе пастуха, съ чубами и усами, въ короткихъ нагольвыхъ полушубкахъ и кожаныхъ ностолахъ. Одинъ изъ нихъ несетъ подъ мышкой ягненка. Они становятся предъ Дѣвой Маріей, кланяются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

*Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашої таки мості,
 Якъ самъ бачишъ, Грицько съ Прицькомъ прихалися въ гості...
 И ягнятко принесли изъ сільского стада,
 Нехай буде здорова вся наша громада!*

Испросивъ позволеніе „пѣсню заспівати“, они въ два голоса поютъ извѣстную колядку:

Нова рада стала... (См. № 4-й).

По окончаніи колядки, скрипки играютъ малороссійскую „дудочку“ (№ 5-й), а пастухи танцуютъ, приговаривая: „ауба зуба на сопіаку“, затѣмъ удаляются со сцены съ такими словами:

Спасибі вамъ, паниченьку!...

Мы-бъ и довшє тутъ гуляли,

Такъ, признаться, хлѣба зъ дому не брали...

Между тѣмъ хоръ поетъ:

Днесъ Иродъ врядетъ во своя страны... (См. № 6-й).

Въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ посрединѣ стоитъ тронъ Ирода, появляются три воина, осматриваютъ комнату и тронъ, послѣ чего входитъ Иродъ и садится на тронъ, а воины удаляются. Иродъ одѣтъ въ порфиру и съ короной на головѣ, а воины въ солдатскихъ мундирахъ и въ каскахъ.

Хоръ продолжаетъ пѣть второй куплетъ предыдущей пѣсни, по окончаніи которой входятъ три царя—въ шубахъ и съ коронами на головахъ. Хоръ поетъ новымъ напѣвомъ:

Шедше триє цари ко Христу со дари,

Иродъ ихъ приласи, куда идуть—испроси. (№ 7, куп. 1).

Между куплетами этой пѣсни происходятъ различныя сцены и разговоры. Послѣ перваго куплета, Иродъ обращается къ тремъ царямъ съ вопросомъ, куда они идутъ. Онъ говоритъ голосомъ важнымъ, рѣчью официальнойю, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ. Цари отвѣчаютъ ему смиреннымъ тономъ, что идутъ они къ „Христу новорожденному“. Иродъ коварно просить ихъ, чтобы они извѣстили его о мѣстѣ рожденія Христа, чтобы и онъ могъ поклониться ему, какъ Царю. По окончаніи разговора Ирода съ царями, хоръ поетъ второй и третій куплеты начатой пѣсни. Во время пѣнія зажигается звѣзда на самомъ верху вертепа, причеиъ хоръ поетъ четвертый куплетъ, затѣмъ въ верхнемъ ярусѣ являются цари, поклоняются Христу и владутъ къ ногамъ его дары.

Поклонившись Христу, цари собираются идти далѣе, но на встрѣчу имъ является ангелъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы они не до-вѣряли Ироду и шли другою дорогою. Цари благодарятъ ангела за совѣтъ и просятъ его, чтобы онъ провелъ ихъ другою дорогою. Они уходятъ съ ангеломъ, а хоръ продолжаетъ пятый, шестой, и седьмой куплеты той-же пѣсни.

По окончаніи пѣнія, сцена слова переносится въ нижній ярусъ, гдѣ Иродъ сидя на тронѣ выражаетъ досаду свою, что его обманули цари, какъ простого мужика. Онъ зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ. Воины удаляются, а хоръ поетъ новую пѣсню, на новый мотивъ:

Перестань рыдати, печальная мати!... (№ 7-я, купл. 1-я)

Во время исполненія этой пѣсни воинъ вводитъ въ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя. Она одѣта по малорос-сійски, съ *наміткою* на головѣ, въ *плахтѣ* и въ *запаскѣ*. Во-обще должно замѣтить, что въ малороссійскомъ вертепѣ, даже въ священно-исторической его части, лица второстепенныя, какъ-то: пастыри, Рахиль и проч. сохраняютъ въ востюмахъ вполне мѣст-ный народный характеръ: это та-же особенность, что и въ кар-тинахъ священнаго содержанія до - Рафаэлевской школы. Воинъ объявляетъ Ироду, что во всемъ царствѣ его только одинъ мла-денецъ Рахили и остался, но „мать хочетъ замѣнить его смерть собою“. Онъ спрашиваетъ царя, какъ быть, и получаетъ въ от-вѣтъ приказъ „отроча убить“. Воинъ подымаетъ дитя на копье и съ нимъ уходитъ, а Рахиль начинаетъ рыдать, метаясь по сценѣ; хоръ между тѣмъ поетъ второй куплетъ пѣсни. На упреки Ра-хили Иродъ отвѣчаетъ:

*„Полно, полно, баба, шумѣть,
За убитымъ уже нечего жалѣть!“*

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать, исполняя третій куп-летъ пѣсни:

„Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе“...

Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, но является всѣмъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ оставшись наединѣ, въ раздумьи, говоритъ:

*„Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась перемена,
Думалъ жить вѣчно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью воеваться буду“...*

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не вбѣжала смерть, ловить ее, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую царю о приближеніи смерти. (Ж 9, куп. 1-я).

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ босою въ рукахъ. Воины въ страхъ убѣгаютъ, а смерть обращается къ Ироду со словами:

*„Что ты, Ироде несытый,
Почто сіе болтаеши,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повелѣаеши?
Я въ помощь призову
И своего брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!“*

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпучеными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными брыльями. При входѣ его за сценой слышится:

*„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?“*

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода

*„Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!“*

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ бесполезную заносчивость, говорить о своей славѣ и силѣ, но смерть превращаетъ жизнь жестокаго и властолюбиваго царя, ударая его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала. (№ 9, купл. 2).

Вслѣдъ за тѣмъ чертъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вѣрный, друже прелюбезный!

Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій бездні...

При этомъ за стѣной вертепа произносится правоученіе:

Отъ-такъ берутъ, а такъ несутъ

Роскошниковъ сѣю свѣта,

Понеже вони не можуть

Отдать передъ Богомъ одвіта...

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ словахъ своей пѣсни, которою заканчивается первое дѣйствіе.

(№ 9-я купл. 3).

Вторая часть вертепнаго представленія заключаетъ въ себѣ свѣтскія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народныя сцены, въ которыхъ являются почти всѣ разряды лицъ, дѣйствовавшихъ въ малороссійскомъ краѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сцены эти далеко не лишены внутренняго значенія и юмора и могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ своеобразной жизни края и его обитателей съ ихъ понятіями и привычками, съ ихъ воззрѣніями на жизнь и людей. Въ пестрой смѣнѣ лицъ второго дѣйствія, по видимому, нѣтъ послѣдовательности и связи, но уже то обстоятельство, что надъ всеми дѣйствующими лицами господствуетъ запорожець, указываетъ на основную идею, соединяющую отдѣльныя сцены въ одно цѣлое. Запорожець, представленный въ вертепѣ, видимо принадлежитъ уже ко времени упадка „славнаго товариства“, когда Сѣчь высылала изъ себя уже болѣе гайдамаковъ, героевъ партизанской войны за вѣру и народность, чѣмъ воиновъ съ строгимъ характеромъ старыхъ сѣчовиковъ. Отъ такого времени упадка Запорожья оставались въ Малороссіи слѣды довольно долго: еще въ

двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія малороссіянѣ часто употребляли слово „запорожець“, для выраженія понятія о грубости и даже злости. Не менѣе того въ личности вертепнаго запорожца находятя и черты еще свѣжаго тогда прошедшаго, о которомъ воспоминаніе возбуждало въ слушателяхъ живое сочувствіе и подобострастное уваженіе къ силѣ народнаго героя. Въ рѣчахъ запорожца много глубокаго своеобразнаго юмора, а въ его дѣйствіяхъ много сознанія силы и господства, хотя и выражающагося въ грубой формѣ: онъ всѣхъ и все побѣждаетъ, нанося смертельные удары кому попало, даже самому чорту, котораго онъ и въ грѣшъ не ставитъ, одинаково не понимая, ни чувства уваженія къ кому бы то ни было, ни чувства страха предъ кѣмъ или чѣмъ либо.

Появленію запорожца предшествуетъ цѣлый рядъ различныхъ сценъ какъ-бы нанизанныхъ одна на другую безъ внутренней связи, но тяготящихся къ общему центру. Только въ первыхъ двухъ сценахъ „дѣда и бабы“ и „солдата съ красавицей“, выведена связь этого втораго дѣйствія съ первымъ, такъ какъ въ нихъ говорится о Рождествѣ Христовомъ и смерти Ирода.

Дідъ и баба, являющіеся первыми на сцену, одѣты въ крестьянскія платья и дідъ такъ начинаетъ свою рѣчь:

„Отъ теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода не стало“, при чемъ приглашаетъ молодичку потанцовать по этому случаю. Баба сначала отказывается отъ танцевъ, опасаясь: „щобъ наши танці, та не ввели насъ въ лихо“. „Де бъ забраться у тісний вують, та и істы хлѣбъ собі тихо“. Дідъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню:

„Ой підъ вишнею, підъ черешнею“ (№ 10).

и баба не устояла противъ искушенія: оба они потихонько танцуютъ. Такимъ наивнымъ образомъ въ лицѣ дѣда и бабы изображается радость народа о смерти Ирода. Но вотъ неожиданно на сцену является солдатъ въ мундирѣ временъ Александра перваго (вѣроятно передѣланный изъ Екатерининскаго) и производитъ порядки. Онъ обращается къ дѣду и бабѣ съ грозною рѣчью:

*„Кой васъ чортъ здѣсь развеселилъ?
Видь тотчасъ потащу къ офицеру,
Чтобы вы знали христіанскую стру“.*

Дідъ и баба убираются, а солдатъ произноситъ длинную рѣчь о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Въ текстѣ этой рѣчи ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго; это просто повѣствованіе изъ священнаго писанія, съ соотвѣтствующими разсужденіями, изложенными въ тяжелыхъ стихахъ. Не совсѣмъ понятно, почему подобная рѣчь вложена въ уста солдата, въ которому она вовсе не идетъ. Не сдѣлали-ли этого составители вертепа съ цѣлію показать свое знаніе великорусской рѣчи, которая въ половинѣ XVIII вѣка была еще новизною въ Малороссіи?

Послѣ рѣчи солдата, выходитъ къ нему на сцену госпожа, называемая красавицей Даріей Ивановной. Начинаются взаимныя привѣтствія, и потомъ эта пара танцуетъ подъ звуки комаринской (см. № 11-я). Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться, какъ за сценой слышенъ барабанъ. Солдатъ спѣшить къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, выступая въ походъ, на вопросъ красавицы, когда они увидятся, говоритъ: „прощай навсегда“!...

На смѣху солдата является воинъ другого типа, въ лицѣ гусарина-венгерца. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то мадьярскій, не то сербскій, — вѣроятно такъ называемый ново-сербскій пикинеръ. Гусаринъ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадьярскаго ругательства, смѣшаннаго съ сербскими словами:

*„Терентетъ басà, маленька басà и вѣмко басà,
„Мдя пòля, мдя вòда, мде блѣто, мое злѣто,
„Мое све“...*

Съ этой сцены продолжается группировка дѣйствующихъ лицъ по народностямъ: къ гусарину выходитъ мадьярка, они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни:

Гусаръ коня наповоавъ (см. № 12-я).

Послѣ мадьярской пары является цыганъ. Ему посвящена довольно длинная сцена, въ которой малороссійскій юморъ и насмѣшка надъ цыганомъ, уступающимъ развѣ только жиду въ ан-

типатія къ нему народа, находить для себя полное примѣненіе. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на влячѣ. Его рѣчь испещрена разными непонятными словами, заимствованными, вѣроятно, изъ цыганскаго языка, который нашъ народъ такъ часто слышитъ на ярмаркахъ. Цыганъ, сѣди верхомъ, говоритъ:

*Діи, діи,
Забувъ батько дуи!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ празникомъ поздравляти...*

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

*Гей! Криця—не лошиця,
Кремінь—не кобыла:
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то ѣ лежить!*

При этомъ кобыла падаетъ и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

*Пху! Побила-бъ тебе нещаслива година,
Пре-пре-прекаторжною ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ-однимъ зубъ держався,
Та ѣ той теперъ у снігу zostався!*

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

*Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далєбі, що стоить ѣ продати!
Що-жъ? Ніхто ні шажка, ні копіечки не хоче дати?
А тутъ-то кобыла суча*

Брикуча.

*Хочъ ребра въ еі и дуже видно,
Та вже-жъ за годъ поправити можна.*

*Коли жива буде,
То боятимуться ѣ моде:
Отъ дивіться, якъ вона, суціа,
Дуже біа!*

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!..

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ.

*Охъ, юсти-жъ, юсти,
Смаженої капусты!
Хочъ-бы салъцемъ зашаровати,
Та добре попировати!*

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „салъцемъ“

Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говорить ему сынъ.

— *А що тамъ доброю, сынку, варили?*

— *Казала мати: „нічою“.*

— *А хлѣбъ же е?*

— *Де бь вінъ взявся? нема!*

— *Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми попомою!*

Ту-же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

*Гараську, Гараську!
Изъла собака порося и паску,
Да шей перець вынюхала:
Теперь кою пеняти?
Ниде хлѣба узяти“...*

Цыганъ упрекаетъ свою жену, подозревая ее въ обманѣ: „И, стара котюга!“

„*Ще й тобі мене драговати?*“—отвѣчаетъ ему жена.

Знавъ-бы собі міхомъ подувати

Та залізо кувати.

Якъ ударю тебе кинвою сією,

То не будешъ знуцаться надъ бідністю моею!

Съ этими словами она даетъ своему супругу пощечину. Цыганъ грозитъ ей плетью:

„*Охъ, жінко, жінко!*

Якъ почну я тебе отъ симъ серіємъ латати,

То вся шкура на тобі буде тріщати“.

Смирилась цыганка.

*„И не лай мене,
И не бий мене,
Принесу тобі борщичку
Въ поливянімъ юрицику“.*

Цыганка приносить что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

*„Тутъ-то страва, тутъ-то люба:
Покуштуешъ—звисне губа!“*

Цыганъ пьетъ съ жадностью, потомъ отплевывается и говорить съ досадою:

*„Побила-бъ тебе година михая!
Така твоя страва, якъ и ты—дурная!
Борщъ твоій похожій на ракову юшку!“*
— *„Кидала, мій миленькій, цибулю й петрушку“*, отвѣчаетъ
цыганка,

*„А ще для свого господаря
Кусокъ сала изъ комаря!“*

Сцена заканчивается, какъ и предыдущія, пляскою. Цыганъ съ цыганкою поютъ и танцуютъ. (См. № 13).

Слѣдующая затѣмъ сцена посвящена народности польской. Появляется предъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушь съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

*А цо тута слыхаць галасъ?
Ньхъ дзябло вѣзмъ гайдамаць!
Идзь, хлопку, до женскои палаць!*

Мальчицъ уходитъ, а полягъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

*А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовъ,
Былемъ въ Краковъ,
Былемъ въ Кіевъ,*

*Былемъ въ Варшавъ и Платавъ,
А теперъ естемъ у ясновельможного пана... (имя режъ),
Ктутому до нугъ падамъ,
Жичу здрувья и многа лята!*

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины—соответственно народности дѣйствующаго лица. Жена поляка въ сокиринскомъ вариантѣ почему-то названа платавкой. Она цѣлуется съ мужемъ и оба танцуютъ подъ звуки браковьяка (№ 14). Мальчикъ выглядываетъ изъ за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ, выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричить:

*„А пудзь до дзябла, лайдакъ:
Я цъ батогами забію!“*

Тогда поляка обращается къ мужу съ словами:

*Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо цѣбъ гайдамака забіе.*

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

*„Що ты, не эдукована кобіто, мувиши?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тишидзести гайдамакъ забіе!“*

Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая; только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

*Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Україні!
Що немає жиди,
Що немає ляхи:
Не буде измени! (№ 15).*

Трудно было-бы ожидать отъ маленькаго, скромнаго театра маріонетокъ такой знаменательной и характерной сцены.

Чрезвычайно умѣстны звуки этого величаваго и глубоко народнаго напѣва короткой исторической пѣсни, похожей скорѣе на

всенародный возгласъ южной Руси, проносившійся по ней отъ края до края всякій разъ послѣ того, какъ народъ кровію и страданіями хоть на время отстаивалъ отъ захватовъ запада свою русскую народность и восточное благочестіе. Можетъ быть, составители вертепнаго представленія и не задавались глубокими соображеніями о значеніи этой сцены, въ которой вслѣдъ за рѣчами самонадвѣяннаго поляка является запорожець съ своею величавою, знаменательною пѣснью; но довольно того, что они брали сцены съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ тогда событій, и великое даетъ себя чувствовать даже въ мелкомъ кукольномъ представленіи.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожець. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкіе красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. Вошедши на сцену, онъ поворачивается въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, и произноситъ слѣдующій, драгоцѣнный по историческимъ чертамъ, монологъ:

*На, на! махнувъ,
 Мовъ паньскій хортяла,
 Або опареный песъ!..
 Що то за народъ
 Изъ ихъ пресмілый,
 Що самъ и въ огонь не вскочить,
 Хиба его силою впрешъ!—
 Хоть дивись на мене,
 Та ба не владаешъ,
 Відкиль родомъ
 И якъ зовуть,—
 Ни чичиркъ не знаешъ!
 Коли траплялось кому
 У степахъ бувати,
 То той може призвище
 Мое уадати...
 А въ мене имя не одно,
 А есть ихъ до ката;*

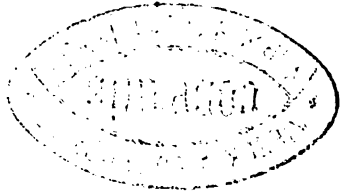
Такъ зовуть,
 Якъ набіжишъ
 На якою свата:
 Жидъ, зъ біды,
 За рідного батька почитає,
 Милостивимъ добродіємъ
 Ляхва называє,
 А ты, якъ хочъ, назови,
 На все позволяю,
 Абы лишъ не назвавъ крамаремъ,
 За те то полаю.
 Теперъ, бачу, на світи біда,—
 Що мене одиурався рідъ.
 Не бійсь, якъ бувъ богатъ,
 То казали: Иванъ братъ;
 А теперъ, якъ нічого не маю,
 То никто й не знає.
 А якъ розживетъся золота
 Дай загуляє,
 Тоді до чорта роду
 И всякій пізнає.
 Відкіль родомъ
 Я на світі,
 Всякъ изъ васъ
 Може знать приміты.
 Жінокъ въ Січі немає,
 Всякъ тее знає.
 Хиба скажешъ:
 Зъ Рима родомъ,
 Або зъ пугача
 Дідъ мій плодомъ?
 Но въ тімъ собі милишъ¹⁾,
 Инаково мислишъ (?).
 У насъ суракивъ тільки сліды,
 Дикій кони намъ сусіды,

1) Ошибаешься, обманываешь себя.

Да дніпрове сремя,—
 О то наше племя!
 Правда, якъ кінъ въ степний волн,
 То такъ козакъ не безъ доли:
 Куды хоче, туды скаче,
 За козакомъ никто не заплаче.—
 Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ,
 Що то въ мене була за сила!
 Було, ляхивъ борючи, и рука не мліла.
 А теперъ и вошъ сильніша
 Відъ ляхивъ сдается,
 Плечи и ніти болять,
 Якъ день полюбься.
 Такъ то бачу, що уже
 Не добра літъ нашихъ юдини:
 Скоро цвіте и вяне,
 Якъ у полі биліна.
 Хочажъ мені и не страшно
 На степу вмірати,
 Да тільки жалъ,
 Що нікому буде поховати:
 Татаринъ цурається,
 А ляхъ не приступитьъ,
 Хиба яка звіряка
 За ногу въ байраки поцупитьъ,
 И справді, пристарівшисьъ,
 На Русь пійти мушу,
 Бо тамъ одпоминають
 Попы мою душу.
 Тільки жъ мені и нечуеця
 На лаві вмірати,
 Бо щежъ мене тягне охота
 Зъ ляхами гуляти.
 А хай мині що небудь
 Прикинутьъ для смерти,
 То ще жиду або ляху
 Мушу носи втерти.

Хочъ уже мало излѣдащивъ,
 Однакъ чють плечи:
 Здаеця поборовся бѣ
 Ище зъ ляхами гречи,
 Ище бѣ прогнавъ шоронку
 За Вислу хочъ трохи;—
 Гинули бѣ ляхи
 Якъ отъ жару блохи!
 Трохи ляхва уадала,
 Що лошака даровала.
 Случалось мині и не разъ
 Въ степу варить пиво:
 Пивъ турчинъ,
 Пивъ татаринъ,
 Пивъ и ляхъ на диво;
 Багацько лежить
 И теперъ зъ похмілья
 Мертвахъ оловъ и кистокъ
 Одъ того весілья.
 Надія въ мене певна—
 Мушкетъ сѣромаха,
 Да ще не заржавѣла
 И шабля моя сваха.
 Хоча вона и не разъ
 Паюхою вмилась,
 Таки й теперъ
 Якъ бы розізмилась,
 То не одинъ католикъ
 Лобомъ двиньмъ (?) стане,
 Коли-жъ вѣкатъ схватиться,
 То на спису застряне.
 Да якъ и мужъ натягну,
 Брязну тетивою,
 То мусить съ поля вѣкатъ
 Ханъ крымскій зъ ордою.
 Гей, нуте-жъ вы, степы,
 Горіть пожарами!

Бо вже часъ кожухи мінять
 На жупаны зъ ляхами.
 Де ярмарокъ добрый,—
 Удача покаже,
 Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ
 Не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможуться,
 До мусишъ уступити
 За шкатулу червонихъ
 Золотомъ литихъ
 Кожухъ шкарупиний.

Скинемъ имъ до ката,
 Абы якъ одцурацься
 Упрямого свата,
 Да вже біжимъ до Січи
 Могорьчу пити!

Цуръ имъ! бодай ихъ!
 Якъ повькми ляхи
 Насъ дурити.

Козакъ Иванъ Виногура,—
 У ёго добра натура,—
 Въ Польци ляхівъ оббирае,
 А въ корчмі пропивае.
 Въ степахъ бобры та лисиці,
 А въ шинку дівки да молодиці.
 Козакъ, душа правдивая,
 Сорочки немає;
 Коли не пье, такъ воши бье,
 Таки не чуляе.

Н а д ъ б а н д у р о ю .

Гей, бандуро моя золотая!
 Коли-бъ до тебе жінка молодая,
 Скакала-бъ и плясала-бъ до миха,
 Що не одинъ бы чумакаъ
 Одцурався бъ соли й миха.

*Або якъ заграю,
То не одинъ поскаче,
А, підождавши, одъ того весіля
Та ще й заплаче.*

Появленіе запорожца вызвало на сцену и всю обычную его обстановку: первое лице, являющееся къ нему, есть шинкарка Феська.

*„А здорова, шинкарко,
Здорова, німаю!
Якъ я тебе давно бачивъ!“
— „Якъ бачились у Ромні
Объ Имї,
Та и досї ні“*

Этотъ отвѣтъ похожъ на мѣстную приставку, такъ какъ въ то время въ нашей мѣстности Ильинская ярмарка въ Ромнѣ имѣла большое значеніе. Грубый сѣчевикъ начинаетъ заигрывать съ шинкаркою:

*Такъ, Фесю, такъ!
Поцілуй-же мене по знакомості у крутий усокъ...
Отъ-такъ, цмокъ!
Ще поцілуй и въ чуприну
Хоть разокъ!
Поцілуй ще въ булаву!
А теперъ потанцюй съ козакомъ,
Бо дамъ и прочухана!*

Они танцуютъ козачка подъ музыку весьма стариннаго напѣва (№ 16).

Своенравному запорожцу надоѣдаетъ Феська, онъ ее прогоняетъ и продолжаетъ танцовать одинъ. Но Феська, какъ чаровница, не оставила обиды безъ мщенія: она послала козаку двѣ змѣи, которыя кусаютъ его и онъ съ крикомъ: „ой, лишечко! гадъ, гадъ“, выражаетъ желаніе, чтобы пришла поворожить цыганка, которая и является.

*„Поворожи, будь ласкава! я тобі оддячу—
Хочъ не зъ рукъ, то на окидячу“.*

Цыганка съ сожалѣніемъ говоритъ: „Охъ милый, волошину чорнобровый! се тобі Феська наробила, що тебе гадюва укусила“, — послѣ чего она начинаетъ ворожить, говоря козагу на выворотъ недоброжелательныя слова:

*Ходила цыганка по горахъ, по долинахъ,
Носила пісокъ на вилахъ;
Скілки на вилахъ сдержиться пуху,
Стілки въ тобі, козаченьку, духу.
Вставай та дохідъ давай, бо вже ты,
Козаченьку, зовсімъ здоровъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на вывороченную ворожбу цыганки, запорожець выздоравливаетъ.

О, спасибі тобі, цыганко, говоритъ онъ, що ты мене відъ смерти відвдала, теперъ-же потанцюй изъ козакомъ, бо дамъ и прочухана.

Они вдвоємъ немного танцуютъ (см. № 17), послѣ чего цыганка начинаетъ просить вознагражденія:

Не жалуй, батеньку, копійки, та дай дві.

— *Що ты, цыганко, кажешъ?—Бо якъ просять, то не дочуваю.*

Цыганка повторяетъ свою просьбу о двухъ копѣйкахъ.

— *На що тобі, або за що?—скажи мені, будь ласкава, спрашиваешь козакъ.*

— *Ябъ собі, мій юлубе сизый, рыбки купила.*

— *Може бз ты, цыганко, и товченики іла?*

— *Та іла бз, козаче-бурлаче, та де-то ихъ узять!*

„Оцаплена твоя голова!“—отвѣчаетъ запорожець. „Чому ты мені давно не сказала, я бз тобі оцю повну пазушину надававъ Отъ тобі товченики!“... приговариваетъ козакъ, ударяя цыганку и прогоняя ее со сцены. Послѣ этого онъ продолжаетъ танцовать одинъ (см. № 18).

Наконецъ, утомившись, онъ чувствуетъ потребность выпить, „бо такъ щось дуже на языку сухо“. Онъ подходитъ къ одной изъ боковыхъ дверей, которая должна изображать шинокъ Феськи и тутъ начинается сцена, вѣроятно, часто повторявшаяся въ тѣ времена, когда козаки разбивали шинки и доставали даромъ водку,

которую имъ отказывали давать въ кредитъ и за которую они потомъ незамѣтно расплачивались очень дорого.

Фесю, відчини! Не чуешъ? Фесю сердце, любка, голубко, відчини! Не чуешъ? Бодай ты зозулі не чула! Відчини, капостна халлява, а не то—Біж мене обий—коли віконъ не выбью и дверей выставлю!

Угрозу свою козаць приводитъ въ исполненіе: онъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ дверь.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской пары, которая воспоминаетъ библейскія времена, когда—

*Яревець самъ Богъ засцисцавъ,
За оменнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сме друге чудо вінъ луще изробифъ,
Якъ у Цорному морю все війско затопифъ.
Мовсей, Аронъ, Давидъ—вони-жъ пакъ насі святші,
Озидами-зъ Месіаса и тші.
Вінъ пакъ, якъ прійде,
Кружомъ насъ обійде
И скаже такъ:
„Цесні явреї! Я—царь вась,
Теперь и світъ весь насъ“.
Теперь, Суро, нумо танцювати
Та юріжку продавати.*

Еврей и еврейка танцуютъ подь музыку (№ 19).

Въ это время раздается стукъ въ двери. Еврей обращается къ жевѣ:

*Бізи, Суро, до хаты,
Гросей ховати,
А то йде гайдамака,
Буде грабувати!*

Является запорожець.

- Здоровъ бувъ, жидовину, еретичій суну!
- А здоровъ зе бувъ, всемилостивіиши пане!
- Що се ты у барыльці носиши?
- Сабаскову юрілочку носу.

- *А дай мені попробовать.*
 — *Ты-зъ у мене, козаченьку, буфъ,
 Медъ и горілоцку пифъ
 И гросей не заплаטיפъ.*
 — *Да ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.*
 — *Ты-зъ панъ Максимъ!*
 — *Брешешъ, бо я Протисъ!*
 — *Нехай-зе будешъ ти и Прокисъ,*

*Тилько головоньки моеи не бий,
 А на! ширілоцку пий!*

- „О такъ бы й давно казавъ!“

Запорожець пьетъ водку изъ барила, еврей поддерживаетъ барило и дрожить отъ страху.

— „Не труси бо, гадючий сыну, бо зубы побьешъ. Отъ-се жъ яка въ проклятого жида міцна горілка! Якъ я бачу, то я упивса“.

Козакъ хмѣлѣетъ и падаетъ на землю, а еврей начинаеть душить его колъѣнками, приговаривая:

*А! цузоі крові напивсь,
 Та й самъ скрутивсь!*

Козакъ пробуждается отъ сна — съ словами:

„Ухъ! що се по мені товчеться? глянь, глянь! Сс, бачу, жидъ пораеться по мені.. Чи въ насъ же такъ бьють?“

Онъ машеть булавою, еврей падаетъ, восклицая: „Вухъ, вухъ!“ а запорожець говоритъ со смѣхомъ:

*Я ще ёго и не вдаривъ,
 А вінъ кричить, що вже опухъ!*

„У насъ якъ бьють, то зъ притиска, та зъ відваги, отъ такъ и ты, сучій жиде, учись битъ“, говоритъ онъ, нанося еврею удары.

„Не проклятый же и жидъ“, восклицаетъ козакъ, видя, что онъ уже мертвъ. „Уже бачу вінъ и скрутивсь. Де лишъ тїи макогоны, чи въ правдёньку дзвонь? пійду по его душецьці боввну хоть разъ“.

Козакъ подходитъ къ колоколу и ведетъ при этомъ довольно бессмысленныя рѣчи пьянаго челоуѣка:

„Що се воно тако? на-ві-що воно похоже? підь хуртовину добра була бь шапка, та щербь и брязчала зь потилиці, тоді— хочь бы якій машталірь—то звернувь бы зь дороги. Ні, се та не те я вазу... А воно підь непогоду и горобцямь добре було бь ховатися вь ему. Ні, се-та не те я вазу... А якь бы его вь болото застромивь, то раківь бы повну вершу наловивь“...

Такь и не позвонилъ козаць, но тѣло убитаго жида лежить на полу.

„Пійти та заволокти еретичого жида, а то залігь місто, нігде козакові погулять“, говорить запорожець.

„Де пакь, якь пакь чорта величають? Про се мабуть не всі знають. Алежь на хрещеного вазуть „дядьку“, то вже его треба назвать „дідькомь“; послѣ этого разсужденія онъ зоветь чорта:

„Дідьку, дідьку, дідьку, го! Ходи сюды, будь ласкавь, возьми собі жида, таки-рідного твого діда, то-то зь его гарне буде жарке! що ты зь роду не івь таке; буде зь тебе на цілий шість, від-насеся, то піднимешь и хвість“.

Послѣ этой довольно грубой, но характерной остроты, запорожець уходить, а вь другую дверь входить чортъ съ обычнымь своимь гудѣниемь: „гу, гу, гу, гу!.. Отъ теперь я дождався, що жидь мені у рука попался“!

Возвращается запорожець и говорить чорту:

Чи се ты и ддсі не однісз?

Якій-же зь тебе проворный бісз?

„Неси, неси, та поживай собі на здоровье“, добавляеть онъ, выталавивая чорта съ жидомь, самъ-же продолжаеть танцювать. (Ж 20). Но наконець и мощный сѣчевикъ утомился. „Отъ-се, якь панове дуже вморився! мовь коло плуга два дні возився“.

Послѣ этого, онъ ложится на бокъ: „ляжу отъ такь—не гарно“, переворачивается на другой бокъ: „а такь ще гірше“. Ложится на спину: „а такь, то на груди хто якь сяде, то певно задушить, бо я признамся слабаватий“. Ложится ниць. „Ляжу отъ такь, якь колись мій батько лежавь, то хочь хто на ши и сяде, то повезу, якь добрый вілъ“.

Но только что успѣлъ козака заснуть, какъ входятъ два чорта и напавъ на запорожца, хотять его задушить. Козакъ просыпается и хватаетъ одного изъ нихъ за хвостъ:

„Ухъ! херувимы-серафимы!“

„Чортъ у боклагъ улізъ!“—послѣ чего онъ начинаетъ чорта разсматривать:

Що се таке я піймавъ?

Яка се птичка:

Чи перепеличка,

Чи не синичка,

Що не дыше,

Та тільки юловкою колыше?

Глянь, глянь, яке воно чудне та страшне:

Очи зъ пятака,

А языкъ вываливъ мовъ собака!

Де ты собі груди обідравъ?

Може глїдъ, або груши кравъ.

А повернись, я подивлюсь, яке ти зъ-заду!

Чортъ поворачивается—запорожець продолжаетъ:

Эге! Воно бачу й крыльця має:

Се-жъ мабуть те, що нічю літає,

Та курей хватає...

Нї, се да не те кажу я...

А воно, стеменно, той коникъ, що по полю скаче

Та хрущївъ давить.

А коли скаче, то вже-жъ танцювать уміє...

Та може не по силі...

А, ну лишъ! Не соромся та потанцюймо трохи,

Щобъ выскакали до-чиста усі зъ тебе блохи...

Музыка играетъ (№ 21), а запорожець танцуетъ:

„А що жъ ты стоишъ“, обращается онъ къ чорту, якъ ко-жухъ „дубленый?“ Чортъ продолжаетъ стоять неподвижно. Тогда запорожець бьетъ его булавой. Чортъ убѣгаетъ.

Но вотъ въ головѣ козака мелькаетъ мысль о побаяніи и онъ говоритъ:

*Де-бъ то отъ-се, панове, узять попа хоть ледяничку,
Абы не п'яничку,*

Бо я, признаться, самъ того не люблю.

Являється уніатскій попъ

„Про вовка помовка“, говорить запорожець,

Ажъ, бачу, дідько и попа примчавъ!

Бачъ, мовъ ёю мизень злизавъ!

Висповідай—пакъ мене, п'дне, підъ сією сухою попінкою!

—*Ты, козаче, говорить поць, въ грѣхахъ мені признавайся,
Та не соромляйся.*

—*Чою соромляться?*

Я, паноче,

Роскажу все коротше,

Що знаю.

Що воно бути мае,

Якъ кажуть: „бездна бездну призываетъ?“

—*Се значить: грѣшникъ на землі.*

—*Эге! Бачъ куды вінъ відвернувъ?*

А по нашому: бездна бездну призываетъ—

Се значить: п'пъ попа на обідъ кличе,

А той ёму дулі тиче.

Такъ я тобі грѣхівъ своихъ не доказавъ:

Ходивъ я зъ малку по білому світу,

Бивъ ляхивъ, жидивъ,

Купцівъ, панівъ

И всіхъ кого заманеться.

Правду сказать, уніатскихъ попівъ не бивъ,

А зъ нихъ живихъ кожу лупивъ,

Бо ждуть вони надъ козакомъ смерти,

Щобъ скоріше въ сыру могилу заперти,

Таскають, співають,

Тільки що не танцюють,

А на поминкахъ якъ попьются,

То мовъ кони гарцюють“.

Не добрыя вѣты слышались въ иронической рѣчи запорожца
Предчувствуя бѣду, уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ смиренно
отвѣчаетъ ему:

*Треба тобі до косцїла ходити
И частіи поклоны бити.*

— О, я зроду, возражаетъ ему запорожець, до косцїла
не ходивъ

И поклонївъ ніколи не бувъ!..

Хїба тебе, якъ хочешъ, попобую...

Попъ убѣгаетъ.

„Добре зробивъ, що втік“, говорить буйный рыцарь. Танцуетъ. Музыка играетъ (Ж 22).

Этотъ послѣднюю побѣдою надъ всѣми своими врагами оканчиваются сцены съ запорожцемъ. Грубою вистью изображены черты степнаго героя, который и въ дѣйствительности не могъ обладать мягкими качествами души; но этотъ герой былъ близокъ сердцу народа, какъ главный выразитель самостоятельной народной силы и народныхъ стремленій въ его борьбѣ за вѣру и землю русскую. Подъ вліяніемъ такихъ еще живыхъ впечатлѣній и отведено было въ нашѣмъ вертепѣ столь значительное и почти главное мѣсто запорожцу.

Прощаясь съ зрителями, козакъ какъ будто чувствуетъ, что онъ не всѣмъ могъ угодить своими рѣзкими выходками и, уходя со сцены, говоритъ:

Щожъ, панове? По сій мові

Будьмо здорові!

Зъ пісні слова не викинешъ...

А що було, то барзо прошу про те не поминати,

Бо вже піду теперъ въ курїнь віку доживати.

Наконецъ въ вертепной драмѣ отведено скромное мѣсто и простонародью. На сцену является Климиъ и жена его съ своимъ убогимъ хозяйствомъ—свиньей и козой. Онъ гонитъ на сцену свинью, приговаривая: „ая, ая“, и говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

Хїба дякамъ на школу дати,

Бо вона давно уже хотїла издыхати.

Сверхъ того оказывается, что свинья, какъ ей и подобаетъ, „шкодливая“.

*Увесь городъ, жалуется Климъ цыгану, вона порыла,
Капусту и постернакъ поила.*

Цыганъ предлагаетъ Климѣ свои услуги:

*Отдай намъ и, говорить онъ, до шатра:
Мы и научимъ халандры танцѣвати,
То вже тоді не буде вона въ городѣ скакат.*

Климъ рассчитывалъ, что цыганъ купить свинью, но, разувѣрившись въ этомъ, съ досадою прогоняетъ его:

*Пане купче, тикай,
Щобъ не вразивъ тобі я вида,
Тоді позывай мене хочъ и въ Свирида,
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хороший,
То не поможуть тобі твої урши.*

Жена извѣщаетъ Климѣ, что къ нимъ „кондякъ (дьячекъ) припхався“.—„Я его“, отвѣчаетъ Климъ, „дуже сподівався... Не соромся его, хочъ вінъ и письменный, говори ему сміло“.

Входитъ дякъ.

„Дай, Боже, здоровья пану Климѣ!“

— *Здоровъ бувъ, пане бакаляру*

И нашъ—таки кондяче!

Возьми собі, будь ласкавъ, отсю свиню:

Нехай черезъ тинъ не скаче!

Дьякъ радъ подарку:

Ци, урши, фертикъ Иванецъ!

Спіши сюди зіло,

Климѣй сотворивъ намъ честь,

Давъ свиняче тіло!

На призывъ дяка входитъ Иванецъ—школяръ, и говорить:

Азъ путешествую: кое ваше діло?

— *Вземъ сіе бремя, неси въ наши кѣтти,*

— *Помозите на рамена взяти,*

Бо, ей-богу, самъ не можу подняти.

— *Возласа: аля! аля! до школы пирья драти!*

Всѣ возглашаютъ: ая! ая! Иванецъ съ свиньей уходитъ.
Дьякъ въ напыщенной высокопарной рѣчи благодаритъ Климъ:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ и всі живущі въ Тирі...

Да приємлетъ Богъ душу твою въ Эфирі!

Обреченную вашу жертву съ благодарностью приємлемъ

И выю вамъ обьемлемъ.

— *Тее-жъ и тобі посполу, пане кондяче!* отвѣчаетъ Климъ.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ раздумьи говоритъ: „Отожь пресучій дьякъ подябувавъ гарно, ажъ слези навернулись... Правда, панове, есть за що й дякувать: свиня хочъ вуда свиня, ребра такъ и свѣтяться“...

Входитъ жена и извѣщаетъ мужа, „що уже кондяки принесли изъ свиньки обідрану пошу“.

Отъ бачъ, жінко, що я можу!—отвѣчаетъ ей Климъ,

Свиняка-бъ и дома пропала,

А дяку платить за сына пора настала,

Теперь-же мы зъ нимъ роцитались

И цілі гроші въ насъ остались.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ:

Потанцюймо, говоритъ жена, хочъ мало,

Якъ колись водилось,

Щобъ у насъ побільше

Конопель родилось.

Они танцуютъ (ж 23), а затѣмъ Климъ припоминаетъ, что у нихъ, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ на сцену козу, которая причется подъ Иродовъ тронъ. Климъ думаетъ, что коза пропала, и обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Панове громадо! Чи не бачили моеї—таки козы?

Що то за солодке було въ неї молоко!

По дві дійниці молока давала,

А теперъ бідна, якъ у воду впала.

Одна-жъ біда не минулась,

А друга не забаромъ навернулась:

*Заснувъ учора я підъ Лысою горою,
 Таки вечірнею порою,
 Де взявся Макогоненківъ Прицько,
 Се бачъ, казавъ-таки, нашіъ Грицько,
 Та й винявъ зъ кишені мольку, крицю й креминець,
 Ще въ кисеті—що на пугу—ремінець,
 Уразивъ вінъ мое серце въ самый край,
 Теперъ мені—ні до жінки, а ні въ пекло, а ні въ рай,
 А тутъ ище й козу заубивъ,
 Лучше було-бъ, якъ-би самъ її убивъ.*

Наконецъ, Клинь находятъ свою козу и говорятъ:

*Бачъ, де моя козонька,
 Де моя юлубонька!
 Бачъ, якъ вона скаче,
 Мовъ танцювать хоче!*

Коза танцуетъ подъ звуки музыки (№ 24). Клинь хочетъ поймать козу, но неосторожно убиваетъ ее.

„Бідна жъ моя головонько, козу вбивъ!“—восклицаетъ злополучный Клинь, „понесу жъ її до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинці кожухъ!“ Этою шуткою обавчиваетъ Клинь свою рѣчь и уходитъ.

Нельзя не замѣтить, что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Климма съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ отѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ. Дякъ и его ученикъ изображены болѣе благожелательною рукою и комизмъ ихъ заключается въ велерѣчивыхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ, въ этой сценѣ Климма съ дьячкомъ отражаются отчасти тогдашнія внутреннія отношенія народа къ просвѣтительному началу, исходившему главнымъ образомъ отъ кievской бурсы: Клинь, бѣдный

мужикъ, считаетъ необходимымъ учить сына грамотѣ и наставника своего сына называетъ бакаляромъ.

Вертепное представленіе оканчивается явленіемъ нищаго съ торбою (мѣшкомъ) въ рукахъ. Онъ подходитъ къ краю сцены и говоритъ зрителямъ:

*Я, Савочка нищій,
 Прошу на харчъ—на горіжку.
 Кто дастъ шагъ, а хто рубъ,
 Прійму и копійку,
 На дощечку, на клепаю,
 Кто що вкине, то пийшитъ—пропаю.*

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои даянія въ благодарность за представленіе.

Гр. П. Галаганъ.

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По рассказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстные жиды и паны о чемъ то шушукались, отъ двора до двора ѣздили то паньки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ“ идетъ войной на „Николая“ за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. Но весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при сабляхъ, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „до вроні“, уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узброєни (вооружены), утікайте“!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бурьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары“, но всего пять—шесть, за то чванства было „видимо—невидимо“. Подобные шайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „*Jeszcze Polska nie ugi-*

---

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старини».

неда“... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унию, бранили *поповъ*. Одна изъ шаякъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, послала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяць или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раненные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пастѣкамъ, приставать къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подѣ Дашевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
 А кінъ буряковый,
 Шапка въ ёго съ постернаку,
 Жупанъ лопуховый.
 Пистолеть съ качана,
 Кулі зъ бараболі,
 Шабеличка изъ петрушки,
 Піховки зъ квасолі.
 Выйнявъ ляшокъ пистолеть,
 Тай почавъ стріляти,—
 Свині кулі похапали,
 Нічимъ воювати!...

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ“ ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ“ не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или проносилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками“ въ нашей околицѣ оказа-

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда, одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военные поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ комиссій, исправниковъ и становыхъ, развѣзжавшихъ по деревнямъ съ козаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Въмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *измѣнившихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Въмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года устанавливалъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земли оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наследовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базилианскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церковь предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

Базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, комиссія, приво-
дившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ на-
вести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать
три десятины земли въ указанныхъ помѣщикамъ мѣстахъ, наименѣе
выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ деся-
тинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угоды
всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имуществен-
ныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться
внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже
не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвав-
шаго изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣшательства въ ближай-
шія интересы громады; онъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ
мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клецъ, впился въ гро-
мадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ
организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ
своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ гро-
мадскомъ тѣлѣ. Коловельчикъ становаго пристава усиливалъ зудъ
въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго
выскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за при-
хожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка,
въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку
сѣять“...

Такия-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская
революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за
другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: па-
дали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго
банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ
администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ
всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но
для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія
задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ
тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго еже-
дневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокрушеніи
польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣв-
шее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго прини-
женія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на
дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ краѣ и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголь Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагѣ раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсыльныхъ станового пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то винигреть изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности—вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судьбы исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затираала слѣды его, затемняла и обезобразивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новыя законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трущобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестью своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья“ и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печальми, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся“... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечъ Дамокла—грозное слово станового пристава: „пойдете муку съять“—позоръ, которымъ неразъ потомъ страдалъ его панъ, даже арендаторъ—шиньярь Азриль, а за нимъ зять и преемникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ

многочисленнымъ сказкамъ, равносмыслымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смиренно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу панщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панами, ставновыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслию о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, повончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка“, жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣвара, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живю помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ ея сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей наиболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, кто-жъ намъ такъ красно заспѣвае!...“ Крестянки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная“ убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, попѣть, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестянь, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата“. Не имѣя возможности управиться съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно прїѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадить насъ за книгу, онъ садеть подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ класъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ ночью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, садеть у окна или на крыльчѣхъ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропалъ! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удеретъ. Противна стала ему и книжка, и школа, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировалъ изъ города, прячется дома въ соломѣхъ, въ кухнѣхъ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тянуло его къ нему! Разъ прїѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Слѣзайте онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взялъ онъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны распрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корчмѣ въ херсонскихъ степяхъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троихъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взять былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣніи, пересталъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣхъ и школѣхъ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и впоследствии велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненнаго и непонятнаго для него чувства.

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ наибольшимъ несчастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней обществѣнности, какъ сословной, такъ и все-сословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ—священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безысходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домою, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлил свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходоу, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богословъ*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники“, „дьячковскіе богословы“, какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ“. Потому уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ“ поступали все „богословы“, такъ что къ началу пятидесятихъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околотеѣ. Я помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ“. Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ пояскомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клеенчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же востюмъ носили тогда и бо-

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадрили въ рясахъ, пренебрежительно называло собратовъ—старичковъ „халдеями“. Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулугѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длиннополомъ сюртукѣ, который онъ называлъ *ипенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою“, что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники“, которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу новизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ за „богослововъ“, поили завѣжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на черную шаль...“ и цѣлыя міриады безтолковыхъ сентиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились въ совершавшейся въ краѣ переменѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—отвормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленномъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять“ (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впоследствии встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ“ у простаго шляхтича. После 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ униатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщества съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами“. Ходить бывало и мечтаетъ въ слухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!“... Въ такія минуты ему нужно было

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласитъ для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянутъ старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ“... „Нехай собі!“—твердитъ какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ него добрый бувъ бы дьякъ“... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. вмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юноша, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ“, почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ“, которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счетъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій“, въ которыхъ совершало для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику“, за то тутъ были ненавистные „мужику“ польскіе „панки“ и „підпанки“ съ своими „паньями“ и „паненками“, иногда „самъ становой“, или письмоводитель его, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. вмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней“, или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, слышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія“, съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тьфу, тьфу“—плевалъ отецъ мой, поминая всѣ подобныя черты новаго священни-

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ вольцомъ, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ поникъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прихожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претило ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и канона не умѣютъ выбрать — даки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгаютъ, съ панами знаютъ. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣсть у ляха, да вѣруеть-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божиюму, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбрать его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дураекъ... Въ церкви служатъ, какъ деревянные, „мимраютъ“ себѣ подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное пѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учать? За что васъ тамъ бьютъ?“.. Рассказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?!“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

уніатскихъ „визитъ“, хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка издивленіемъ прихожанъ. Незвѣстно, православіе или унія дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ уніатъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ уніи, урѣзывавшей ихъ до *minium*-а, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю алтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали уніатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ уніаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унію, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ уніи оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборъ*—шкафчикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконою, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (*oblata—пресфора*). При отцѣ моемъ этотъ шкафчикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы“, выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій двѣе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остаткѣ уніи и полонизма, твер-

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольной надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядѣ по длинѣ церкви соответствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), середина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣва христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возобновлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія въ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говоривалъ онъ, не дѣвка, що въ кораляхъ и квіткахъ всякому подобаетца“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою*, какую носили въ то время на плечахъ крестьянки - щеголихи. Когда наконецъ

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трехлѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *хусткою* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацаны*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу“, степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣба — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣбу онъ содержалъ на сѣновосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣбы первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починокъ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались въ церковь хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зиму. Вырученные отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили наибольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи въ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской“ и „Тебе поемъ“. Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигала громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне“): „пора

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся“. Окончилась литургія и начинается выдвиганіе допутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходимъ... кто иде?“ Другихъ обливаютъ прочіе или плечами вытираютъ изъ толпы: „иди же, Омелку... Степане... Иване...“. Иной удираетъ по кажимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняютъ и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Шли вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно честилъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея,—ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешь безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ“, щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ непремѣнно пошелъ бы „муку сѣять“, если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходи—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ прохожему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей“... умиленно со вздохами читаетъ онъ... „а куда такъ бѣжишь“? замѣчаетъ тутъ-же спѣшившему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое“.. Въ интересномъ случаѣ, прервавъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выбравши, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы“ смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ“. Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кievскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Известно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальный смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходить бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псалмомъ, тихо идемъ за нимъ. „*Комъ возлюблена селенія твоя, Господи смѣ,*

*желаетъ и скончается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... Сердце мое и плоть моя возрадовастася... да не ломайте кустовъ, осторожно... ибо птица обрѣте себѣ... зеленой не кушайте... ну, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизусть? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ епархїи, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадить противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуеетъ и глазами водить по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ“. Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами проходимъ, въ изумленїи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва“? и т. п. Вдругъ ручеекъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ“. Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Свете тихий*“... Мы тихонько цѣли, онъ подпѣвалъ сильнымъ дребежжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, расскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ“. Стали рассказывать, онъ поправлялъ, дополнял, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подъѣхали экипажи...*

Читатель прости мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствїяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженїемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирлось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ то же время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божїю.

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя каѳизмы, стихиры, кондаки, сѣдальны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщизны, требы, заботы хозяйственныя. Подходить очередь субботныхъ паремій; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три пареміи и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае“. И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подросъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать“ эти пареміи дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ радъ, дабы къ великому четвергу „вычитать“ всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недовонченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ“... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недовонченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи поилуй, Госп...“ Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Паки и паки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую...“ и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эвтеніи и под. Дьячекъ давно свмыся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входившій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Свѣте тихій...* Вдругъ отецъ изъ олтаря: „а

ты еще вже *Свите тихій? Якій скорий!* А ну лишень: *Въ черннїмъ морї*“, и съ этимъ становится посреди церкви, начинается свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, въ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣсняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостоли, отъ конецъ земли совокупльшеся здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, приими духъ мой!*... Отецъ особенно любилъ эту пѣснь; ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытѣя. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ началъ, но послалъ исвать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостоли*, а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, приими духъ мой!“ слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспѣваемъ?“ Придумаетъ, и „заспѣваемъ“... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктеніи, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочесть положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинается ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начиналъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—поетъ по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинается распевать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу—не чуешь? ну, співай-же, я-жъ прошу...“ Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, поминая шеолу, гдѣ насъ заставляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресе*. Но едва я началъ: *Христосъ воскресъ въ утроу*... какъ отецъ, не подозревавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ просоня“? Дьякъ, посвященный въ сек-

реть, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цѣлаво! Слушайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христось воскрес...*„ „Добрі люди“ слушали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ гѣсни, которыя поются въ церквѣ, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нынѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодахъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваєте. Который разъ васъ въ церквѣ не повно! Василя... Степана... Ивана... который разъ не бачу въ церквѣ! Скажите имъ, що то—гріхъ, стыдно. Прийде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... По случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревни, скандаловъ на *вечерницахъ* и *досвіткахъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось диковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога бояться? Забули, що вінъ есть на небі, бачить, що дієца на світі? Хотите хіба, щобъ вінъ прийшовъ зъ неба до васъ зъ батогомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышишь: „и то добре, що у тебе діти не распустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставитъ“... Слѣдуетъ разрѣшительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Діво*“... Подходить другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хіба святой, жадного гріха не маешь? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Расскажи ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и является чрезъ часъ—два. Но вотъ

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говорить отецъ:—отъ Бога не утічешь“... „То мы его привели“—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь“?.. Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди“?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ сповутуе грѣхъ свій“... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дячекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблоні у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговорить жалостно: „охъ, тяжкій грѣхъ, лишечко“!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей“, которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку“ т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ“, окончательно редактированномъ при

патр. Никонъ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разные случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Аѳонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучовъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ—есть обрядъ, сгоняють со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священной водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „на страждущихъ огневицею“, „противъ огня“ (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду находился обрядъ или молитва¹⁾. Помню, какъ однажды, прочитывая отцу униатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, я встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

¹⁾ У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ и доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего униатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполне извѣстно епарціальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринимать въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предрасудки и глубокое невѣжество.

коловоль, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Богородице Дѣво, радуйся...*—обычай впервые установленный въ приходѣ униатскою властію по мримѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій униатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что униатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно униатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходяхъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также разсуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому“ (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву“. Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покой“, былъ глиняный полъ, „каналка“, покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впоследствии къ нимъ прибавился комодъ и маленький столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой“ походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе“, наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья“! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья“! выпиваетъ непремѣнно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, панцинѣ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: сошлись прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья“... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но допьяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скужѣ и

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною переменною всѣхъ условий быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и нитіе“, рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова пошли тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дядя, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ“... „Излій на мя, Боже“... „Горе мнѣ грѣшнику сущу“... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила“... Въ этой пѣсни соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не повидай, козаченьку,
Рідненього батька.

Бо якъ батька повинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай заплывнешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовецъ
Та въ полы руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавъ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „банашку“, долго и громко рыдалъ и всѣ плавали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки“ давно уже перестали быть „дрибненькими“ и мы съ братомъ были уже „богословами“, а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отець очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся — напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой — все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозить бывало развѣ становой, да всѣ люди знаютъ, что это онъ—, „съ дуру“ да и пріѣдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продажали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отець тотъ часъ посылаетъ дьяка, старосту—немедленно прекратить шумъ. Слышны пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье—опять командируется староста, дьякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходить баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убивае“!... Беретъ отецъ палку, влѣкнетъ дьяка, старосту и идетъ—и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовѣтъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутило и драчунъ, рассказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входить въ покои“?.. (такъ внушалъ „философъ“ въ силу капитанскаго чина). Но „философскій“ соблазнъ скоро прошелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника“ въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткіе руки... я—капитанъ“!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично инициативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушала*“... Но „слушали“ и „приказали“ болѣею частію не походить предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що *приказали*“. Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, приѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе“, но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами“ и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей“, но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего болѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзни поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ объ-

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестьяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ; потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причемъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестьянъ, но крестьяне отъ этого ничего не вытравляли, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, на эпитимію, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка“ (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестьянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, канцелярія для приѣма „мужиковъ“, требовали крестьянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ эконому или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панщину до попа“. Въ воображеніи крестьянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голявомъ! Въмѣсто одной панщины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестьянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панщины“ священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панщинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе нивнулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замѣнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подчасъ недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками“, его воззрѣнія на свои обязанности, на все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше льнули на сторону священниковъ—„богослововъ“... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту“. Приходить староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьянство, распутство... Бога не боітесь уже? Хотите, щобъ я“... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и спѣшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ“... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околотеѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

Н.

(Продолженіе будетъ).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

(1831—1861 г.).

Я лично не зналъ Шевченка и въ первый разъ узналъ о немъ весною памятнаго 1847 года; въ то время я находился въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, и на праздникъ былъ отпущенъ къ брату, служившему въ Петербургѣ. Отъ брата я узналъ, что сестра моя, въ борзенскомъ уѣздѣ (чернигов. губ.), вышла замужъ за малороссійскаго писателя Кулиша, что на свадьбѣ былъ малороссійскій поэтъ Шевченко—въ „боярахъ“ и въ числѣ прочихъ подписался на письмѣ къ моему брату. Я видѣлъ это письмо и помню подпись крупными буквами: „бояринъ Т. Шевченко“. Вскорѣ затѣмъ я познакомился съ стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были слѣдующіе изъ „Тарасовой ночи“:

*На распуттіі кобзарь сидить
Та на кобзі грає;
Кругомъ хлопці та дівчаті,
Якъ макъ процвітає...*

Затѣмъ слышалъ нѣкоторые стихи изъ „Посланія до земляківъ“. Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатлѣніе; они глубоко запали тогда въ мою, еще дѣтскую, душу...

Года черезъ три послѣ моего перваго знакомства съ произведеніями Шевченка, судьба привела меня на родину, въ родительскій домъ. На родинѣ я много наслышался о Шевченкѣ, который (въ началѣ 1847 г.) бывалъ у моей матери и у многихъ родныхъ въ Борзенщинѣ; всѣ, видѣвшіе его, о немъ хорошо помнили.

Я очень жалѣю, что тогда не записывалъ рассказовъ о Шевченкѣ; да и до послѣдняго времени я ничего не записывалъ о немъ. Думалось, что, такъ какъ очень многіе знали его лично, поль-

зовались его дружбою или знакомствомъ и находились съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ, то они, эти многіе, и припомнятъ *многое* о Шевченкѣ, напишутъ и передадутъ въ печать. Но, въ сожалѣнію, вышло не такъ: изъ числа пяти „союзниковъ“ Шевченка, которымъ онъ посвятилъ два стихотворенія ¹⁾, въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Тараса Гр., только одинъ Н. И. Костомаровъ напечаталъ свои воспоминанія о немъ ²⁾, да другой, П. А. Кулишъ, написалъ о немъ въ свое время десятокъ строчекъ, и очень недавно, изъ личныхъ воспоминаній о Шевченкѣ, огласилъ одно, доселѣ никому неизвѣстное обстоятельство изъ жизни какъ Шевченка, такъ и своей собственной и одной своей знакомой украинки, поклонницы Шевченка ³⁾. Изъ числа немалочисленныхъ товарищей Шевченка по академіи художествъ только два, Ѳ. П. Пономаревъ ⁴⁾ да М. О. Микѣшинъ ⁵⁾, напечатали свои воспоминанія о немъ; а изъ многочисленнаго круга личныхъ давнихъ пріятелей Шевченка одинъ лишь А. Афанасьевъ-Чужбинскій посвятилъ памяти Шевченка свои воспоминанія ⁶⁾.

¹⁾ Одно, написанное 30 мая 1847 г., «Сидючи въ неволі», и другое, озаглавленное «Моимъ союзникамъ», написанное во второй половинѣ 1847 г.

²⁾ «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., IV; собственно о Шевченкѣ, стр. 48—56; «Письмо» (воспоминанія о знакомствѣ съ Шевченкомъ). «Рус. Старина», 1880, III, стр. 597—610; «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя 5 декабря 1875 г., Спб., и напечатанныя въ пражск. изд. «Бюбзаря», 1876 г., т. I, стр. XIII—XXIII.

³⁾ Въ статьѣ: «Переглядъ українськихъ книжокъ», «Основа», 1862 г. I, отд. библиогр., стр. 60—1; друг. ст. въ газетѣ «Грудь» 1881 г., № 26-й.— Писалъ о Шевченкѣ и третій «союзникъ» Вас. М. Бѣлозерскій; но статьи его: «Значеніе Шевченка для Украины», «Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» и отъ редакціи «Основы», помѣщенныя въ ней за 1861 г., VI, стр. 1—38, —не составляютъ *воспоминаній о Шевченкѣ*.

⁴⁾ «Воспоминанія» о пребываніи Шевченка въ академіи художествъ въ 1830—1840-хъ годахъ. «Рус. Старина», 1880 г., III, стр. 587—596.

⁵⁾ «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», «Пчела», 1876 г., № 16.

⁶⁾ «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», въ «Рус. Словѣ» за 1861 г.

и отдѣл. оттискъ, in 8, 39 стр.— Въ печатавшихся въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ есть замѣтки о Шевченкѣ, относящіяся къ первому періоду его литературной дѣятельности и ко времени возвращенія его изъ ссылки. Нашлись и такіе «друзья» Шевченка, которые соглашались написать свои воспоминанія о немъ, *по заказу*, и при томъ за условную и очень высокую

Кромѣ воспоминаній о Шевченкѣ его давнихъ друзей и товарищей, были напечатаны и воспоминанія лицъ, знавшихъ его лично въ послѣдніе годы его жизни; изъ нихъ упомянемъ Л. М. Жемчужникова ¹⁾, И. С. Тургенева и Полонскаго ²⁾; а также А. М. Лазаревскаго, который хотя и не печаталъ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ, но собралъ и напечаталъ матеріалы для его біографіи ³⁾.

Изъ лицъ, не знавшихъ лично Шевченка, интересныя и новыя біографическія свѣдѣнія о немъ собрали и напечатали: М. К. Чалый ⁴⁾ и В. П. Масловъ ⁵⁾.

Вотъ, кажется, и все, что было напечатано до сихъ поръ изъ воспоминаній о Шевченкѣ. Итогъ очень скромный, слишкомъ невеликій для такого великаго человѣка, какъ Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лицъ, напечатавшихъ свои личныя воспоминанія о немъ! Печально...

Теперь приступлю къ изложенію всего, что мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, лично знавшихъ Шевченка.

О Шевченкѣ въ Варшавѣ.

Шевченко, въ сороковыхъ годахъ, рассказывалъ малорусскому поэту тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Виктору Николаевичу Забѣлѣ (жившему въ хуторѣ около Борзны, † 1869 г.), что когда его, какъ вѣрнопостнаго двороваго, вели зимою по этапу, изъ Варшавы въ Петербургъ, то у него порвался одинъ сапогъ, такъ что

плату, такъ что пришлось отъказаться отъ такихъ—казанныхъ и мотивированныхъ «воспоминаній».

¹⁾ «Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», «Основа», 1861 г., III, стр. 1—21.

²⁾ Изъ воспоминанія напечатаны въ пражск. изд. «Кобзарь», 1876 г., т. I, стр. III—XIV.

³⁾ «Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г. III, стр. 1—10.

⁴⁾ «Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г., V, стр. 45—61, и VI, стр. 1—27.

⁵⁾ «Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ». М. 1874 г., 56 страницъ. Заключаетъ, между прочимъ, неизвѣстныя въ печати свѣдѣнія о жизни Шевченка въ оренбургскомъ краѣ, сообщенныя А. И. Макшеевымъ, знавшимъ лично Шевченка.

отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ драномъ сапогѣ ногу; эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ. Это можетъ относиться въ 1831 году, когда Шевченко находился въ Варшавѣ и былъ удаленъ, въ числѣ прочихъ русскихъ, по распоряженію польскаго революціоннаго правительства.

О Шевченкѣ въ Кіевѣ.

Вас. Вас. Тарновскій—отецъ († въ 1865 г.) рассказывалъ мнѣ, что у него въ сороковыхъ годахъ, въ Кіевѣ, бывали литературные вечера, которые посѣщали Н. И. Костомаровъ, Вас. Мих. Бѣлозерскій и другіе друзья и знакомые Тарновскаго, и въ числѣ ихъ и Шевченко. Однажды пришелъ онъ и прочиталъ только что написанное имъ извѣстное „Посланіе до земляківъ“. Общее содержаніе этого произведенія и въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о вояцкихъ гетманахъ, которыхъ Шевченко первый понялъ и выставилъ въ ихъ истинномъ видѣ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе: съ этого момента поклоненіе яснѣвѣльможнымъ и представленіе ихъ героями-рыцарями, рушилось... Слово Шевченка низвело ихъ съ пьедесталовъ и поставило на надлежащія мѣста.

Алексѣй Флоров. Сенчило-Стефановичъ, бывшій иконописнымъ живописцемъ и учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, въ 1840—60-хъ годахъ (родомъ изъ Нѣжина), былъ большимъ пріателемъ Шевченка. О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ (въ 1855—6 г.) онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: 1) Шевченко любилъ съ нимъ кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимыхъ пѣсень Шевченка.

*Та по тїмъ боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина.*

2) они участвовали въ учено-археологической экскурсіи и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчиловъ былъ рисунокъ масляными красками, представлявшій эту могилу въ разрѣзѣ, нынѣ принадлежащій

В. Б. Антоновичу. Не эти-ли раскопки навели Шевченка на мысль написать нѣсколько стихотвореній о могилахъ?

Сенчило велъ переписку съ Шевченкомъ, и у него было до двадцати писемъ отъ Шевченка (недавно утерянныхъ); письма были юмористическія; въ одномъ Шевченко писалъ: „Коли бъ васъ у Петербургъ выписать, дакъ тамъ васъ зробили бъ товвачемъ або підтоввачемъ“.

О пребываніи Шевченка въ борзенск. уѣздѣ, черн. губ.

Въ борзен. у. онъ гостилъ въ Качановѣ у Григ. Степ. Тарновскаго, у котораго собирались литераторы, художники: кромѣ Шевченка, Забѣла, Глинка; онъ также бывалъ у В. Н. Забѣлы (въ окрестн. Борзны), а въ январѣ 1847 г., приглашенный П. А. Кулишемъ и Вас. М. Бѣлозерскимъ, въ качествѣ шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забѣлы, а по временамъ проживалъ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Ел. Ник. Бѣлозерской въ хут. Николаевѣ подъ Борзною и гостилъ въ семействѣ Сребдольскихъ въ хуторѣ Сорокѣ подъ Борзною, въ хут. Мотроновѣ, тоже подъ Борзною; а въ Борзнѣ бывалъ у Над. Ник. Забѣлиной и стряпчаго Д. М. Щербини. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Въ это время онъ снялъ нѣсколько портретовъ въ небольшомъ видѣ, карандашемъ: съ В. Н. Забѣлы, съ Ю. Г. Сребдольской два, съ мальчика К. И. Бѣлозерскаго. Всѣ три портрета сохранились. 22 генв. 1847 г. въ вознесенской церкви села Оленовки онъ держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ одною изъ моихъ сестеръ, былъ въ „боярахъ“. Когда „молодые“ пріѣхали отъ вѣнца въ хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядѣ, воскликнулъ: „Чи ти царівна, чи королівна?“ На что женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „На чужій коровой очей не порывай да собі дбай!“ Шевченко очень дорожилъ тою „квіточкою“, которую „молода“ пришила ему въ сюртуку. У брата моего, въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ хранилось письмо къ брату, въ которомъ, въ числѣ подписей разныхъ лицъ, бывшихъ на свадьбѣ, была и подпись „боярина Т. Шевченка“. По видимому Шевченко въ Борзенщинѣ го-

стиль долго, и 28 генв., съ его словъ, въ Мотроновеѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсень.

Мою мать († 1857 г.) въ особенности очаровывалъ Шевченко своимъ пѣніемъ: ходитъ бывало по залѣ, заложивши руки назадъ, опустивши внизъ думную голову; шея завязана шарфомъ; выраженіе лица грустное; голосъ тихій и тонкій; мать, бывало, плачетъ от его пѣсень. Вотъ его любимѣйшія тогда пѣсни:

1) *Ой изійди, зійди, ты зиронько та вечірняя!*

2) *У Кіїі на ринку, вють чумаки горіжку...*

3) *Ой горе, горе, який я дався, брівъ черезъ річеньку та й не вмывався...*

4) *Де-жъ ты доню, барилася, барилася?—На мельника дивилася, дивилася.*

Этимъ пѣснямъ онъ научалъ и моихъ сестеръ, и мать, бывало, сердится на него за послѣднюю, считая ее неприличною.

Н. А. Власенко припоминаетъ, какое сильное впечатлѣніе Шевченко производилъ на слушателей своимъ пѣніемъ; Шевченко гостилъ у Сребдольскихъ и въ будуарѣ одной изъ дѣвицъ Сребдольскихъ, въ присутствіи Н. Д. Бѣлозерскаго, человѣка очень суроваго, запѣлъ: и этотъ невозмутимый старикъ заплакалъ... О пѣніи Шевченка вспоминаетъ М. А. Максимовичъ (Собр. сочин., I, стр. 529) и В. П. Масловъ („Биографич. Очеркъ“, стр. 54 и 49).

Къ числу любимѣйшихъ пѣсень Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Изъ стихотвореній Шевченка, положенныхъ на голосъ, любимѣйшими въ борзенскомъ уѣздѣ, въ 1850—60-хъ годахъ были слѣдующія:

1) *На що мені чорні брови,
На що карі очи;*

2) *Тяжко—важко въ світі жити
Сироті безъ роду.*

Есть юмористическое посланіе „до Тараса“, въ стихотворной формѣ, В. Н. Забѣлы, въ которомъ тотъ упрекаетъ Шевченка въ томъ, что онъ, обѣщавши пріѣхать къ Забѣлѣ погостить, не исполнилъ своего обѣщанія. Оно находится у И. И. Бѣлозерскаго.

Въ 1847 г., на разставаніи съ Забѣлю, Шевченко подарилъ ему свой картузь и какой-то растительный порошокъ зеленоватаго цвѣта для приготовленія „лікарственної“ настойки. Какъ картузь, такъ и настойку съ осадкомъ отъ порошка на днѣ полуштофа Забѣла хранилъ у себя до своей кончины (1869 г.).

У того-же Забѣлы хранились (въ 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка, Ориною, изъ конопель ею вздѣланныхъ и пряденныхъ, а также письмо отъ Вареоломея Шевченка къ Тарасу. Этотъ Вареоломей посѣщалъ Забѣлу въ Борзнѣ въ 1860-хъ годахъ.

Шевченко въ Седневѣ и его арестъ.

По словамъ покойнаго Анд. Ив. Лизогуба (въ 1856 г.), Шевченко часто проживалъ у него и брата его Ильи Ивановича; помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею“: это, кажется, и была извѣстная „камъяница“, съ намалѣваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малѣвалъ“, а по ночамъ кутилъ съ Лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ.

Когда Шевченко послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція разыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищ. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя.

Бывши въ Седневѣ у Лизогубовъ въ 1856 г., я видѣлъ на стѣнѣ дома ихъ очаровательной виллы нѣсколько картинъ работы Шевченка. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ, помнится, пять собственноручныхъ писемъ въ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 г.; на одномъ едва былъ замѣтенъ, счищенный резиновою рисонокъ карандашемъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттаеъ тоби“! Рисунокъ и надпись были стерты, по всему вѣроятію, начальствомъ Шевченка, такъ какъ письма его проходили черезъ ихъ цензуру.

Объ арестованіи Шевченка я слышалъ слѣдующіе рассказы въ Черниговѣ (1851 г.), Кіевѣ (1856 г.) и Борзнѣ (1881 г.): когда

на поромѣ подѣ Кіевомѣ замѣтили присутствіе полиціи, наблюдавшей за Шевченкомъ, то, будто, артиллерійскій офицеръ С—а предлагалъ Шевченкѣ столкнуть его чемоданъ въ Днѣпръ; но Шевченко отвергъ это предложеніе: „не треба; нехай забирають“. Затѣмъ Шевченко и С. были арестованы. Въ Борзниѣ-же я недавно слышалъ, будто Шевченко сбросилъ свой чемоданъ въ Днѣпръ.

Одинъ жандармскій офицеръ, поручикъ Тѣльновъ, сидѣвшій весною 1847 г. въ 3-мъ отд. подѣ арестомъ, сообщилъ мнѣ (весною 1851 г.): что онъ тамъ видѣлъ стоявшаго у окна Шевченка; Тараасъ былъ одѣтъ въ бѣлый костюмъ, стоялъ грустный и чуть напѣвалъ какую-то грустную украинскую пѣсню.

Во время пребыванія въ академіи художествъ, Шевченко бывалъ въ домѣ у извѣстнаго ветерана-инвалида Скобелева, бывшаго въ то время командиромъ петропавловской цитадели, и дарилъ старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старикъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о немъ и называлъ его „неблагодарнымъ“.

ШЕВЧЕНКО ВЪ ССЫЛКѢ.

Изъ ссылки онъ писалъ письма къ В. Н. Забѣлѣ. Эти письма были сохраняемы Забѣлою; но едва ли Забѣла отвѣчалъ на нихъ Шевченку. Тогда, по поводу катастрофы 1847 г. и обысковъ, всѣ въ провинціи находились подѣ такимъ страхомъ и трепетомъ, что и помышлять не смѣли о перепискѣ съ Шевченкомъ. Тогда-то погибла масса писемъ, книгъ съ надписями, рукописей и драгоценнаго историческаго и этнографическаго матеріала, сожженнаго или закопаннаго въ землю.

Въ 1852 г. въ Черниговѣ носились слухи о смерти Шевченка. Мѣстные поэты написали нѣсколько плохихъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Тетради съ его стихотвореніями ходили по рукамъ между гимназистами и особенно между панночками: большею частію, это были стихи, переписанные изъ печатнаго.

ШЕВЧЕНКО НА СВОБОДѢ—ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

23 января 1859 г. Шевченко познакомился съ М. А. М—чь; Шевченко отъ автора „Народныхъ оповіданъ“ былъ въ неописанномъ восторгѣ. 24 января онъ повидался съ А. М. Кулишъ, у

которой ровно 12 лѣтъ назадъ былъ въ „боярахъ“: восторгъ былъ большой; Шевченко заплакалъ при свиданіи. Затѣмъ пѣлъ, но мало. Отъ „золота“ (жена М. А. М—ча) былъ въ восторгѣ: „Колибъ така у мене була жінка—повінчався бь да й умерь“. Земляки изъ Борзенщины прислали Шевченку сала и наливоекъ.—Около половины марта 1859 г. К—бей заказалъ Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначилъ 4 т. руб. сер. Помню два сюжета для этихъ картинъ: одинъ—*„якъ русалки місяць ловлять“*, а другой про Сомка Мушкета:

*А Сомко Мушкетъ на конику та й не вигравав,
Коня здержує, до себе притягує...*

Думає—гадає...

Ой щобъ сто чортівъ вбили ту ёго думу та гаданне...

Живя въ Петербургѣ, Шевченко любилъ посѣщать трактиръ около биржи, въ которомъ собирались матросы съ иностранныхъ кораблей: голландцы, англичане и другіе и въ который, поэтому, очень рѣдко заглядывала полиція. Всегда тихій и кроткій, Шевченко, подпивши, приходилъ въ страшно-возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу. Очевидцы сообщали мнѣ, что подобныя „сцены дѣлалъ“, въ Венеціи, великій зоологъ Бремъ.

Однажды встрѣтили въ Петербургѣ подгулявшаго Шевченка, педшаго съ такимъ-же Якушеинымъ подъ руку; они взаимно поддерживали другъ друга. Шевченко, обращаясь къ встрѣтившемуся съ ними знакомому и усмѣхаясь, сказалъ: „Поддержаніе народности“.

Шевченко въ Кіевѣ.

Т—скій рассказывалъ, что, бывши въ 1859 г. лѣтомъ въ Кіевѣ, Шевченко останавливался у Сенчицы, на Подолѣ. Приходитъ студентъ и застаётъ Шевченка, пожирающаго редьку; студентъ стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмѣхаясь, отклоняется: „Бачите, діломъ занятъ“. Онъ былъ одѣтъ въ парусинное пальто и такіе-же панталоны, шляпу имѣлъ бѣлую пуховую и сильно поношенные сапоги.

Смерть Шевченка, перевозъ тѣла и погребеніе въ Каневѣ.

Когда въ Петербургѣ, при выносѣ тѣла Шевченка изъ церкви, хотѣли поставить гробъ на дроги, то молодежь не допустила; понесли на рукахъ, смѣняясь. Народу тысячи полторы было—не чорнаго, не любопытныхъ зрителей, а людей интеллигентныхъ, уважавшихъ въ Шевченкѣ поэта и человѣка. Многіе навзрыдъ рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свѣжими цвѣтами забросали, студенты принесли лавровый вѣнокъ... Сколько рѣчей было сказано!.. А какое у него прекрасное свѣтлое выраженіе лица было. Усе хотѣлось сказать: „Оглянься, голубе ты нашъ, да встань! Годі уже насъ морочить, томить! Ты живъ, не умерь ще!“... Первоначально было предположено поручить провожаніе тѣла въ Каневъ художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки былъ назначенъ 26 апрѣля, а 27 апр. въ память Шевченка предположено было дать въ Петербургѣ концертъ, а сборъ употребить на содержаніе бѣднаго студента. (Изъ современ. письма отъ очевидца).

Повойный Мих. Матв. Лазаревскій сообщилъ мнѣ, что когда разрыли могилу Шевченка въ Петербургѣ, для перевозки тѣла въ Украину, то вскрывали и гробъ: тѣло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нисколько не измѣнилось, но покрылось плѣсенью. Въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучъ стружекъ; стеченіе публики было значительное.

Въ Орлѣ гробъ встрѣчали ученики гимназій; полковой хоръ игралъ похоронный маршъ, скомпонованный капельмейстеромъ изъ пѣсни: „Не ходи Грицю на вечерницѣ“. Тѣло было съ торжествомъ проведено за городъ.

Въ Борзенщинѣ Шевченко былъ очень хорошо извѣстенъ даже между мало-мальско образованными людьми, какъ поэтъ, пѣвецъ и рисовальщикъ; но среди просвѣтителей дѣтей оказался служитель министерства *народнаго просвѣщенія*, который даже не слыхивалъ имени Шевченка. Когда въ маѣ 1861 г., въ Борзнѣ, готовились къ торжественной встрѣчѣ тѣла Шевченка, В. Н. Забѣла особенно суетился; на улицѣ къ нему подошелъ старіеъ учитель уѣднаго училища, С—кій ¹⁾ и обратился къ Забѣлѣ съ слѣдующими

¹⁾ О немъ вспоминается въ «Незабудкахъ» Кулиша.

распросами: „Дагь кого се везимуть у свиньцѣвому гробі?“—Шевченка, отвѣчалъ Забѣла.—„Хто вінъ такий?“—Коваль.—„Дагь за що єго везимуть такъ далеко?“—За те, що добре ковавъ.—Учитель и ротъ разинулъ отъ удивленія: „А—а!“...

Въ Борзніѣ на ночь гробъ былъ поставленъ на „цвинтарі“ рождественской церкви.

Въ с. Оленовкѣ, борзенскаго уѣзда, была панихида, которую отправляли два священника обѣихъ оленовскихъ церквей; за гробомъ дѣвчина несла „канунъ“. Гробъ сопровождали: художникъ Гр. Н. Чистаховскій и А. М. Лазаревскій. Первый заносилъ въ свой альбомъ картины проводъ тѣла Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несеніе за гробомъ „кануну“, и проч. Гробъ провожали далеко за село. Въ одномъ лѣсномъ хуторѣ былъ обѣдъ для народа; въ числѣ бывшихъ на обѣдѣ находились лица изъ бывшей комнатной прислуги Б—хъ, хорошо помнившіе Шевченка, гостившаго въ 1847 г. въ х. Мотроновеѣ.

Въ Нѣжинѣ встрѣча была особенно-торжественная: на встрѣчу вышли всѣ цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

Въ Кіевѣ встрѣча была на шоссеиномъ мосту; лошадей выпрягли и гробъ повезла публика. Въ это время черезъ мостъ перѣзжалъ черниговскій архіерей, извѣстный писатель, Филаретъ Гумилевскій; выйдя изъ экипажа, онъ благословилъ прахъ Шевченка. По прибытіи въ городъ, гробъ поставили въ рождественской церкви на Подолѣ; на него была положена масса вѣнковъ; но вотъ вошла дама въ траурѣ и положила терновый вѣнокъ:

*вѣнецъ терновой,
увитый лаврами, надѣла на него.*

Это произвело сенсацію; полиція убрала этотъ вѣнокъ. Изъ Кіева до Канева гробъ везли на пароходѣ.

Могила надъ гробомъ Шевченка высыпали въ нѣсколько дней; работали 17 человекъ и въ числѣ ихъ В. Н. Забѣла. Съ этой картины была снята фотографія. Забѣла поминалъ Шевченка тою настойкою, порошокъ для которой далъ ему Шевченко въ 1840-хъ годахъ.

Впослѣдствіи народъ ходилъ на могилу Шевченка для исцѣленія отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Кіево-подольскія базарныя

торговки, „сидухи“, на рынкѣ около Братства, хорошо помнившія Шевченка съ 1840-хъ годовъ, рассказывали, что люди видѣли Шевченка, послѣ его погребенія, ѣздившаго по Подолу „на білімъ коні“. Нѣкоторые польскіе паны и „недоляшки“ распустили слухъ, что въ могилѣ Шевченка были закопаны ножи для истребленія пановъ-ляховъ; вслѣдствіе ихъ настояній, будто-бы, была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О портретахъ и рисункахъ Шевченка, и проч.

На одномъ экземплярѣ „Украины“ Кулиша, 1843 г., рукою Кулиша былъ начерченъ портретъ спящаго Шевченка; по словамъ Кулиша, портретъ былъ непохожій. Я видѣлъ его въ 1850 г. на экземплярѣ книги библіотеки Кулиша.

У Кулиша былъ тогда-же въ воші небольшой рисунокъ Шевченка—„гайдамака Галайда зъ свяченымъ, надъ Дніпромъ“.

У И. И. Бѣлозерскаго находится собственноручный портретъ Шевченка тушью или сепіей, замѣчательный тѣмъ, что изображаетъ Тараса у бороді!

Слышалъ, что стихотвореніе Шевченка: „Випьешъ чарку, стрепенешся“ было написано имъ въ шинку углемъ, на стѣнѣ.

Н. Бѣлозерскій.

20 августа 1882 г.

Хуторъ Зрубъ.

Путевыя замѣтки Н. Д. Иванішева

(бывшаго вице-предсѣдателя кievской археографической комисіи, ректора и профессора кievскаго университета).

Дѣятельность Н. Д. Иванішева въ области собиранія и научной разработки письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи юго-западной Руси, достаточно извѣстна всякому. Со времени учрежденія въ Кіевѣ археографической комисіи въ 1843 году, покойный Иванішевъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ ея занятіяхъ — сначала въ должности дѣлопроизводителя и редактора юридическихъ памятниковъ, затѣмъ — главнаго редактора и, наконецъ, вице-предсѣдателя комисіи. По его указаніямъ повсюду собирались древніе акты и другіе письменные памятники, производились развѣдки въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и монастырей юго-западнаго края, предпринимались археологическія раскопки и издавались добытые этими путями научно-историческіе матеріалы. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе актовыхъ книгъ, какъ важнѣйшаго матеріала для мѣстной исторіи, и указалъ на необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ предохранить ихъ отъ окончательной гибели, которая угрожала при прежней ихъ разбросанности по всему юго-западному краю и небрежномъ храненіи ихъ въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ и другихъ мѣстахъ. По его мысли, кievская комисіа представила въ 1843 г. въ высшія правительственныя сферы проектъ объ учрежденіи при кievскомъ университетѣ центральнаго архива, который и былъ открытъ въ 1852 г., одновременно съ учрежденіемъ такихъ же архивовъ въ Вильнѣ и Витебскѣ. Хранящіеся въ настоящее время въ кievскомъ центральномъ архивѣ 5,838 актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльных документовъ

по справедливости могутъ считаться памятникомъ энергіи и просвѣщенной заботливости ревнителей мѣстной старины, въ числѣ которыхъ наиболѣе почтенное мѣсто должно безспорно принадлежать Н. Д. Иванишеву.

Для розысканія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, Иванишеву неоднократно приходилось лично предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности юго-западнаго края. Такъ, въ 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра и описи библіотеки умершаго инеулата Осинскаго, а въ 1850 г. онъ ѣздилъ въ м. Бичаль волынской губ. для отысканія рукописей въ куполѣ тамошней церкви, указаніе на что онъ нашелъ въ одномъ древнемъ актѣ. Но всего плодотворнѣе была археографическая экскурсія Иванишева въ 1852 г., къ которой и относится помѣщаемый нами отрывокъ изъ его путевого журнала. Въ то самое время послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи кievскаго центрального архива и о передачѣ въ оный изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западныхъ губерній актовыхъ книгъ и старыхъ дѣлъ до 1800 г. Независимо отъ архивовъ правительственныхъ учреждений, тогдашній кievскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибииковъ счелъ нужнымъ произвести археографическія розысканія въ архивахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и возложилъ это порученіе на Иванишева. Въ дѣлахъ археографической комисіи хранится подлинное предписаніе Бибиикова по этому предмету, отъ 5 іюня 1852 г., слѣдующаго содержанія: „Ординарному профессору университета св. Владимира, статскому совѣтнику, Иванишеву. Въ м. Тульчинѣ, принадлежащемъ графу Михаилу Потоцкому и состоящемъ въ опеку, находится значительный частный архивъ. Въ прежнее время весь почти уѣздъ уманскій составлялъ имѣніе графа Потоцкаго, а архивъ его находился въ г. Умани; съ поступленіемъ же онаго въ казенное вѣдомство, архивъ этотъ перенесенъ въ Тульчинъ и сданъ тамъ въ общій архивъ графовъ Потоцкихъ. Съ наступленіемъ нынѣ ваканціоннаго времени, поручаю вашему высокородію отправиться въ м. Тульчинъ и осмотрѣть тамъ помянутый архивъ. Если въ немъ окажутся какіе либо акты и книги, заслуживающіе вниманія и изданія въ свѣтъ, то таковыя получить и представить въ Высочайше учрежденную при мнѣ временную комисію для разбора древнихъ актовъ, выдавъ въ полученіи росписку, съ обязательствомъ возвратитъ взятая бумаги въ совершенной цѣлости, по минованіи въ нихъ надобности. Администратору имѣній графа Потоцкаго, статск. сов

Абазѣ, даво предписаніе оказать вамъ въ семь случаѣ личное содѣйствіе. Кромѣ сего, по доставленнымъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, находятся архивы съ древними актами и бумагами въ слѣдующихъ мѣстахъ; въ могилевскомъ уѣздѣ у наследниковъ пом. Боновскаго; въ проскуровскомъ въ м. Сатановѣ; въ г. Заславѣ и новоградволинскомъ, въ мѣстечкахъ Корцѣ, Полонномъ и Звягелѣ и ковельскаго у. въ м. Ратнѣ. Поручаю вашему высочордію, по осмотрѣ тульчинскаго архива, осмотрѣть и эти архивы и тоже, если что оважется замѣчательное, получить подъ росписку и представить въ комиссію; о содѣйствіи-же вамъ въ семь прилагаются предписанія мѣстнымъ земскимъ исправникамъ. Подорожную вы получите изъ моей канцеляріи, а деньги на прогоны по особому распоряженію. Генераль-губернаторъ Библиковъ⁴.

Командировка Иванешева обогатила археографическую комиссію цѣнными приобрѣтеніями: изъ тульчинскаго архива онъ привезъ болѣе 200 актовъ, а изъ остальныхъ архивовъ 153, да сверхъ того нѣсколько актовыхъ и другихъ книгъ, о которыхъ упоминается въ его запискахъ. Поѣздка эта обратила на себя вниманіе тогдашней печати и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1853 г. появилась о ней подробная замѣтка.

Составленный Иванешевымъ во время этой поѣздки путевой дневникъ очевидно не предназначался имъ къ печати; это—рядъ путевыхъ наблюдений и замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, останавливавшихъ почему-либо на себѣ его вниманіе. Кромѣ палеографическихъ и археографическихъ замѣтокъ, имѣющихъ спеціальныи интересъ, въ дневникѣ Иванешева разсѣяно множество мѣстныхъ бытовыхъ и этнографическихъ наблюдений надъ жизнью и отношеніями, существовавшими въ нашемъ краѣ тридцать лѣтъ назадъ. Не меньшій интересъ представляютъ эти замѣтки и для ознакомленія съ личностью и характеромъ самаго Н. Д. Иванешева, и мы вполне раздѣляемъ справедливое замѣчаніе его біографа, профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, что дневникъ этотъ живьемъ рисуетъ предъ нами образъ Николая Дмитріевича съ его обычнымъ юморомъ и склонностью представлять изъ себя лѣниваго, празднаго сибарита, который не прочь покутить и пожуировать. Замѣтимъ, кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій, при составленіи своей весьма интересной книги „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванешева“ (С.-Петерб., 1876 г.), пользовался дневникомъ послѣдняго и даже помѣстилъ изъ него небольшія выдержки. Мы рѣшаемся теперь

напечатать этотъ интересный дневникъ въ болѣе полномъ видѣ, пользуясь автографомъ самого Иваницева, сохранившимся въ числѣ другихъ бумагъ послѣ его смерти.

Путь отъ Кіева до Тульчина не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Только и обращали на себя вниманіе курганы. Между Васильковомъ и Ксаверовкой находится множество кургановъ, разсѣянныхъ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи; они имѣютъ однообразную форму прижатаго конуса, весьма широкаго въ основаніи. Подлѣ самой Ксаверовки находится одинъ изъ такихъ кургановъ, очень удобный для разрытія; онъ находится подъ пашней. Съ дороги за Ксаверовкой виденъ по лѣвую руку, вдали, огромный курганъ между селеніями Пинчуки и Гребенки, на самомъ высокомъ мѣстѣ. Тоже на краю горизонта видѣются другіе курганы, составлявшіе какъ будто одну телеграфическую линію. Замѣчательно, что за Бѣлою - Церковью кургановъ почти вовсе не замѣтно, кромѣ весьма незначительныхъ, стоящихъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Съ того мѣста, гдѣ находится Бѣлоцерковская станція, видны четыре кургана, рядомъ стоящіе, недалеко одинъ отъ другаго. Староста и крестьяне говорили, что эти курганы внутри пусты. На Волини до сихъ поръ попадаются землянки, состоящія изъ землянаго вала, покрытаго досками или соломой. Если отнять дерево, то получается курганъ, пустой внутри, называемый въ народѣ „роскопанымъ“.

Не доѣзжая двѣ станціи до Брацлава, видѣлъ мужика съ огромнымъ лишаемъ на груди. Говорить, что получилъ отъ перепуга, когда его помѣщикъ хотѣлъ высѣчь. Въ этомъ селѣ живетъ „знахарька“, которая лѣчила его, окатывая шею, грудь и голову свѣжимъ куринымъ яйцомъ, и шептала надъ нимъ. Эта старуха лѣчитъ отъ „пранцівъ“, укушенія бѣшеной собакой и другихъ болѣзней. Тотъ-же мужикъ говорилъ мнѣ, что въ окрестныхъ селеніяхъ есть „знахарі“, заговаривающіе змѣй.

Въ Тульчинъ прибылъ 9 іюня. Архивъ вовсе не оправдалъ ожиданій, которыя можно было имѣть по слухамъ. Акты въ страшномъ безпорядкѣ. Большею частью они заключаютъ въ себѣ частныя дѣла, относящіяся къ имѣніямъ Потоцкихъ и фамилій, находившихся

съ ними въ сношеніяхъ. Много писемъ важныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но они васаются позднѣйшаго времени. Такъ какъ перечитываніе нѣсколькихъ тысячъ этихъ писемъ потребовало-бы много времени, то я далъ архиваріусу Ковальскому инструкцію, и, по мѣрѣ разбора этихъ писемъ, равно какъ и другихъ бумагъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, будутъ доставляемы свѣдѣнія г. генераль-губернатору. По 21 іюля я разбиралъ архивъ и выбралъ акты о городахъ, о религіозныхъ отношеніяхъ, о войнахъ Хмельницкаго и другіе, которые при подробныхъ описяхъ будутъ высланы г. генераль-губернатору.

Въ Тульчинѣ замѣчательнъ палацъ и садъ Потоцкаго. Впрочемъ садъ довольно запущенъ; мѣсто болотистое, требующее большихъ издержекъ. Въ такъ называемомъ французскомъ саду видѣлы розы, похожія цвѣтомъ на розовый мраморъ; черныя еще не расцвѣли, а желтыя большею частью объѣдены червями. Есть виноградъ и абрикосы, но абрикосовыя деревья распластаны на стѣнѣ такъ-же, какъ и виноградъ, чтобы удобнѣе покрывать зимою. Время провелъ хорошо. Поутру работалъ, а послѣ обѣда гулялъ и любезничалъ съ хорошенькими хозяйками, сильно, впрочемъ, покрытыми аристократическою мишурою. Однажды заѣхали ко мнѣ Вигура и Чугаевичъ¹⁾, проѣзжавшіе въ Одессу. Они думали застать меня надъ рукописями, а между тѣмъ нашли среди полного разгула: пропасть гостей, въ саду музыка и приготовленіе къ фейерверку. Былъ и театръ; играла какая-то несчастная бродячая труппа. Когда играли „Наталку-Полтавку“, то актеръ, игравшій роль Петруса, явился настоящимъ Гамлетомъ, съ гамлетовскою фізіономіею и таковыми-же замашками. Занимательнѣе всего была публика, состоявшая большею частью изъ нечесаной и неумытой дворни. Одна дѣвчонка, сидѣвшая впереди всѣхъ, одѣта была только въ грязную рубашонку и пеструю юбку. Были и жида, но сидѣли особо, молча и не выражая ничего на своихъ лукавыхъ фізіономіяхъ. Западныя идеи о равенствѣ не проникли еще въ это захолустье; аристокра-

¹⁾ Ив. Вигура—въ то время профессоръ кіевск. университета по кафедрѣ государственнаго права. Чугаевичъ—тогда учитель гимназіи въ Одессѣ, впоследствии профессоръ аналитической химіи въ кіевск. университетѣ.

тивъ свирѣцствуетъ; вѣчно слышишь о знакомствѣ съ графами да князьями; барышни мечтаютъ выйти замужъ за полковника, какъ о высшемъ блаженствѣ, чтобъ за ними уваживали офицеры и играла-бы вѣчно полковая музыка; названіе *монотича* считается хуже мужика и сапожника.

Въ православной церкви, бывшей прежде католическою, видѣлъ подвалъ или катакомбу, устроенную для погребенія Потоцкихъ. Въ маленькомъ свинцовомъ гробѣ лежитъ дитя лѣтъ десяти, набальзамированное; смотрѣть гадко. Дитя похоже на размалеванную деревянную куклу, поскобленную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножомъ. Въ стѣнахъ катакомбы подѣланы глубокия ниши, куда ставятъ гробы и замазываютъ отверстія. Батюшка, показывавшій катакомбу, не твердо стоялъ на ногахъ.

Вообще Тульчинъ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ проѣзжающихъ порядочныхъ людей. Они здѣсь останавливаются, пьютъ чай, имѣютъ обѣдъ и ужинъ, ночуютъ и ѣдутъ далѣе, иногда перекинувъ въ карты. Въ кабинетѣ графини, бывшей мамзель Швейковской, лежитъ на столѣ альбомъ, въ которомъ рукою графини написаны французскіе стихи, увѣряющіе супруга въ неизмѣнной и вѣчной вѣрности: „ты, говоритъ, привязалъ меня цѣпью къ своей кровати, но не бойся: если цѣпь и разорвется, то я не пойду отъ тебя“. Таковъ смыслъ несбывшихся французскихъ стиховъ ¹⁾. Въ кабинетѣ графа, между бумагами найденъ ²⁾..., бывший въ дѣлѣ, окровавленный и разорванный. На немъ означенъ годъ, число и мѣсяць, вѣроятно, весьма пріятнаго препровожденія времени.

Желая избавиться отъ скучныхъ прощаній и проужаній, я объявилъ хозяйкамъ о своемъ отъѣздѣ въ 12 часовъ ночи; однакожь онѣ заставили повара хлопотать ночью и наготовили мнѣ на дорогу паштеть, цыплятъ, булокъ, прибавивъ и двѣ бутылки портеру. Во всю дорогу, отъ Тульчина до Могилева, я думалъ о m-lle O.; даже

1) Они касаются семейной исторіи Мечислава (Михайла) Потоцкаго, но жалобъ жены сосланнаго Николаемъ I въ Саратовъ на жительство.

2) Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ слово, котораго мы никакъ не могли разобрать. Всѣ, кому мы показывали рукопись, читали это слово: *мондоль*, но мы не стоимъ за это чтеніе и рѣшительно отказываемся объяснить значеніе этого загадочнаго слова. — О. Л.

когда прїѣхалъ въ Могилевъ и остановился въ корчмѣ, то не обратилъ вниманія на хозяйку, молодую жидовку. Уже на другой день я замѣтилъ, что она очень аппетитна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, приглашалъ ее ѣхать со мною въ Каменецъ.

Въ Могилевѣ я написалъ въ книгѣ прїѣзжающихъ: статскій совѣтникъ изъ Кіева, по порученію генераль-губернатора. Тотчасъ явился городничій и другая полиція въ полной мундирной формѣ. Я принималъ ихъ и тѣмъ уподобился Хлестакову. Въ довершеніе сходства, городничій меня приглашалъ къ себѣ на квартиру. Кажется, они сильно струсили, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха. Городъ по своему устройству оригиналенъ и пахнетъ востокомъ. Живутъ въ немъ: жидаы, армяне, греки, цыгане, поляки и малороссы. Смѣсь эта сильно отражается на фізіономіяхъ. Тутъ я встрѣтилъ одного изъ нашихъ университетскихъ воспитанниковъ—Шастова, который служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Чай пилъ у городничаго и потребовалъ бессарабскаго вина. Северное вино, болѣе похоже на квасъ, чѣмъ на вино.

Старшій засѣдатель и городничій объявили мнѣ, что въ м. Верховѣ никакихъ Боновскихъ, у которыхъ-бы находился архивъ съ актовыми книгами, не имѣется. Въ Барѣ я не могъ также поѣхать, потому что онъ не подлежитъ вѣдѣнію могилевскаго исправника, а имѣетъ свое особое начальство, къ которому я не имѣлъ никакого предписанія отъ генераль-губернатора.

Изъ Могилева, переѣхавъ Днѣстръ, отправился на Хотинъ. При переѣздѣ присутствовалъ частный приставъ, титуловавшій меня генераломъ и превосходительствомъ. По переѣздѣ за Днѣстръ на первой станціи видѣлъ кузнеца съ хохлацкою фізіономією и съ цыганскою рѣчью. Отецъ отдалъ его мальчикомъ въ цыганы, съ которыми онъ кочевалъ 15 лѣтъ и оцыганился.

Кстати о цыганахъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Тульчина живетъ колонія цыганъ „плащоватыхъ“, простирающаяся до нѣсколькихъ сотъ душъ. Они ходятъ полу- или совсѣмъ нагіе, не имѣютъ хатъ, а живутъ въ землянкахъ. Зимой также одѣваются легко, какъ и лѣтомъ; только, отправляясь въ дорогу, берутъ охапку соломы, и когда слишкомъ припекаетъ морозъ, то зажигаютъ солому и грѣ-

ють ноги и другія оконечности. Живуть милостынею и мошенничествомъ.

За Днѣстромъ проѣхалъ влочекъ Бессарабiи; природа не та, не тѣ и люди. То степи, то каменные скалы. Лица жителей черномазыя, продолговатыя, съ черными глазами и черными длинными волосами. Народъ пригодный для живописи. Въ одной деревнѣ попробовалъ мамалыги. Корчага съ большой хлѣбъ лежала на лавѣ; двѣ дѣвчонки отдѣляли куски ложками, клали въ миску съ молокомъ и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ мамалыга въ этомъ видѣ показалась не лучше сѣна. За двѣ станціи до Хотина видѣлъ отверстіе въ скалѣ, по лѣвую сторону дороги. Ямщикъ говорилъ, что тамъ находятся пещеры, высѣченныя въ камнѣ, что въ отверстіе можно въѣхать четверкой и что будто тамъ есть какія-то начертанія.

Хотинъ городъ пустой и притомъ расположенъ весьма неудобно. Улицы и площадь огромной ширины, такъ что отъ одного конца города до другаго нужно пройти огромное пространство; при этомъ жидовскіе домики кажутся еще мельче. Замѣчательна только древняя крѣпость, но ее разсмотрѣть не было времени. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку и поѣхали въ Каменецъ.

Каменецъ городъ весьма живописный какъ по мѣстоположенію, такъ и по крѣпостнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ турками. Неприятное только производитъ впечатлѣніе рѣка, которая въ поводіе катитъ свои мутныя глинистыя воды, а въ межень такъ мелка, что ее переѣзжаютъ дрожками. Видѣлся съ бывшими воспитанниками университета; вышли всѣ люди порядочные: Крушинскій—товарищемъ палаты уголовного суда, Корнѣенко-Демянскій—учителемъ законовѣдѣнія, Кальскій—кажется засѣдателемъ, Гейслеръ—инспекторомъ гимназіи и Гогоцкій¹⁾—кажется канцелярскимъ служителемъ. Видѣлъ въ церкви одну изъ воспитанницъ института, Бесѣдовскую, которая сдѣлалась еще дурнѣе и, говорятъ, глупѣе, чѣмъ была въ институтѣ. Воспитанники университета дали мнѣ обѣдъ въ клубѣ, при чемъ на долю каждаго досталось по бутылкѣ шампанскаго. Въ церкви и на гуляньи я замѣтилъ, что Каменецъ не отличался красотою женскаго пола.

¹⁾ Николай Сильвестровичъ былъ потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія а послѣ директоромъ гимназіи въ г. Холмѣ, люб. губ.—Ред.

Изъ Каменца отправился въ Проскуровъ, — дрянной городишко. Исправникъ сказалъ, что въ Ярмолинцахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Проскурова, открылся погребъ, въ которомъ замѣчены бутылки съ какою-то жидкостью, вѣроятно виномъ. Отъ Каменца до Проскурова много пещеръ въ скалахъ. Изъ Проскурова въ м. Сатановъ ѣхалъ проселочною дорогою, сначала на помѣщичьихъ лошадяхъ, а потомъ на обывательскихъ. Здѣсь нашелъ воспитанника нашего медицинскаго факультета Шута или Шота, который обнаружилъ непритворную радость при свиданіи со мною. Угощенъ былъ тремя ужинами: одинъ я заказалъ въ корчмѣ, другой прислалъ пробощъ, а третій доставленъ докторомъ Шутомъ. За то на другой день нечего было ѣсть въ дорогѣ, такъ что въ обѣденное время я принужденъ былъ довольствоваться гадкою колбасою и рѣдкою, купленными въ сквернѣйшемъ мѣстечкѣ Куполѣ.

Въ Сатановѣ послѣ пожара уцѣлѣли слѣдующія книги:

1) Книга, напечатанная въ 1581 году, заключающая *Speculum Saxonicum* на польскомъ языкѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и право магдебургское. Въ концѣ книги приложены нѣкоторыя рукописныя прибавленія. Заглавія и нѣкоторыхъ другихъ листовъ въ книгѣ не достаетъ.

2) Актовая записная книга мѣстечка Сатанова съ 1709 по 1733 годъ съ приложеніями въ концѣ. Всѣхъ листовъ въ книгѣ 495.

3) Такая-же записная книга съ 1728 по 1733 годъ. Начала недостаетъ. Всѣхъ листовъ 189.

4) Рукописная книга подъ названіемъ *Receptarz* города Сатанова, или исчисленіе податей и сборовъ за 1728 и 1746 годы. Всего 188 листовъ. № книги 230.

Всѣ эти книги вручены мною проскуровскому исправнику для отсылки къ г. генераль-губернатору. Кромѣ этихъ книгъ я не нашелъ никакихъ рукописей, которыя были-бы важны въ какомъ-нибудь отношеніи. Прежній владѣлецъ Александръ Потоцкій перевезъ все въ Царство Польское.

По дорогѣ отъ Сатанова до Старо-Константинова, въ одномъ селеніи зашелъ въ церковь. Было *царские свято*, именно день рожденія Государя. Въ церкви не было ни души. Батюшка сказалъ, что отправилъ обѣдню и молебенъ съ дьячкомъ, безъ свидѣтелей; за отсутствіемъ пономаря, самъ зажигалъ свѣчи, а дьячекъ пѣлъ.

За-то въ корчмѣ я замѣтилъ значительное многолюдство, и нѣкоторые изъ крестьянъ, между ними и два братчика, были довольно нарѣзавшись, за что я назвалъ ихъ дурнями. Братство при церкви состоитъ только изъ старосты и двухъ братчиковъ. Они обязаны заботиться о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Тотъ-же священникъ связывалъ мнѣ, что въ селѣ Глятвахъ, недалеко отъ мѣстечка Куполя, живетъ священникъ Орловскій, у котораго находится замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, и что за это собраніе нѣкоторые помѣщики давали 900 рублей, но священникъ не согласился уступить. Хотѣлъ было захватъ, но помѣшала отвратительная дорога.

Въ Славутѣ засталъ погребеніе княгини, матери теперешняго князя Евстафія Сангушка. Гробъ былъ поставленъ на высокому катафалкѣ; надъ нимъ висѣла княжеская корона. Костель обтянутъ былъ чернымъ сукномъ, на которомъ видѣлись гербы фамилій, находившихся въ родствѣ съ Сангушками. Освѣщеніе было великолѣпное. Изъ церкви входъ въ довольно пространную катакомбу, гдѣ находились уже два гроба, третій долженъ былъ присоединиться по отправленіи панихиды. Поповъ было много; между ними рельефно выказывались два капуцина съ длинными бородами, придававшими имъ патріархальный видъ. Князь пригласилъ меня на обѣдъ и прислалъ за мною карету. Когда княжеская карета, съ какимъ-то важнымъ шляхтичемъ на козлахъ, подъѣхала къ корчмѣ, то сбѣжалась толпа жидковъ со всего мѣстечка и смотрѣла, какъ я сѣлъ и поѣхалъ. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, выставлена картина въ большомъ размѣрѣ, на которой изображенъ Романъ Сангушко, побѣждающій москвитянъ. Князь созвалъ крестьянъ на похороны княгини, по четыре человекъ съ cadaго села, и далъ имъ обѣдъ. Послѣ обѣда долго возился съ ними и на дорогу далъ каждому, кажется, по 3 коп. серебромъ. Многіе изъ крестьянъ были недовольны, что ихъ звали такъ далеко киселя хлебать, и я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, пообѣдавъ въ княжескомъ палацѣ, отводили душу въ кабакахъ, куда и перешли деньги, данныя имъ княземъ на дорогу. Князь раздавалъ также милостыню нищимъ. Князь совершенно глухъ и какъ-то страненъ въ обращеніи. Вѣроятно, глухота притупляетъ его умственные способности. Говорятъ, что скупость начинаетъ овладѣвать имъ.

Въ Славутѣ, въ библіотекѣ Сангушека, есть не болѣе 20 рукописей, не имѣющихъ никакой исторической важности. На счетъ архива въ Заславѣ, Сангушею сказалъ, что онъ рукописи раздроблять считаетъ не удобнымъ и что самъ предполагаетъ издать все, что важно въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ и приказаніе къ завѣдывающему архивомъ Шулинскому: „Vous aurez la bonté de garder comme instruction dans cette circonstance, que j'ai l'intention depuis longtemps de publier les documens de nos archives faisant un ensemble, et que j'ai même fait des démarches à cet effet. Je ne puis pas consequement livrer aucune pièce par ce que diminuer leur nombre c'est amoindrir leur richesse et leur valeur“... и проч. Письмо собственноручное 27 іюля 1852 года.

Въ Заславѣ житье прескверное. Жилъ въ сырѣмъ трактирѣ и имѣлъ самый плохой обѣдъ.

Въ мѣстечкѣ Ратно ковельскаго уѣзда никакихъ бумагъ, имѣющихъ историческое значеніе, не отыскалось. Книги актовъ, веденныя мѣщанами м. Ратно, пользовавшимися правомъ магдебургскимъ, оставшіяся отъ пожара, уже отправлены генераль-губернатору.

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ историко-статистическое описаніе ковельскаго уѣзда и замѣтки о произведенныхъ Иванишевымъ археологическихъ розысканіяхъ въ церквѣ с. Вербки (того-же уѣзда), гдѣ онъ отырылъ гробницу князя Курбскаго; но всѣ эти свѣдѣнія въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ помѣщены въ прибавленіяхъ къ составленной имъ книгѣ: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“ (т. II, 317—342).

О. Л.

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768 года.

(Продолженіе)*.

Помѣщаемая въ настоящей книжкѣ часть переписки Румянцева по дѣлу украинскаго возстанія 1768 г. состоитъ изъ 15-ти документовъ,—исключительно отъ него выходившихъ донесеній, писемъ, сообщеній и ордеровъ или приказовъ, и касаясь самаго важнаго періода возстанія,—когда, по разбитіи главныхъ гайдамацкихъ силъ, вошедшіе между собою въ сношенія екатерининскіе вельможи принялись уяснять для себя событіе, съ которымъ они имѣли дѣло, и причины его вызвавшія, представляетъ потому наибольшій интересъ. Она главнымъ образомъ и вращается около этого вопроса и лишь отчасти касается хода возстанія и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, свѣдѣнія.

Румянцевъ, начавшій, какъ мы уже видѣли, дѣйствовать наугадъ, не имѣя представленія ни о причинахъ и цѣляхъ возстанія, ни о взглядахъ на оное своего правительства, ни тѣмъ болѣе какого-либо полномочія вѣдѣваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, получивъ однако Высочайшую апрабацію всѣмъ принятымъ имъ мѣрамъ—по усмиренію возстанія. По обыкновенному порядку междунаrodnыхъ отношеній въ подобныхъ случаяхъ, онъ могъ лишь придвинуть русскія войска къ польской границѣ, дабы возстаніе въ столь близкомъ сосѣдствѣ не отразилось какъ-нибудь на спокойствіи вѣреннаго ему края; но Польша, и только она одна, какъ выражался самъ Румянцевъ, могла все сносить, теперь же она распалась, такъ сказать, на-двое, и огромная часть шляхты возстала противъ своего короля, котораго посадила на престолъ и поддерживала Екатерина. Уже одно возстаніе конфедератовъ грозило клиенту ея серьезною опасностію; начавшееся въ Украинѣ народное возстаніе увеличивало смуту; то и другое колебало строй и порядокъ въ Польшѣ, поддерживаемые Россією. Поэтому, какъ ни странно само по себѣ это обращеніе оружія русскаго противъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ, возставшихъ противъ явныхъ враговъ Россіи—конфедератовъ, противъ

*) См. севт. книжку „Кіев. Старина“.

несноснаго ига польско-жидовскаго, въ защиту вѣры отцовъ, но оно входило въ политическіе расчеты Панина и Екатерины, и Румянцевъ попалъ, такъ сказать, въ ихъ тонъ и заслужилъ одобреніе. Извѣщенный объ этомъ Панинымъ, онъ съ ловкостью истиннаго царедворца относитъ честь успѣха его дѣйствій къ самому Панину, воспѣваетъ его, яко-бы, мудрость, съ видимымъ удовольствіемъ отиѣчаетъ, что возстаніе сломлено и съ увѣренностью говоритъ, что Кошъ запорожскій, котораго участіе въ семъ дѣлѣ подозрѣвалось, даже не знаетъ о вышедшихъ изъ него партияхъ для поддержки и руководства возставшихъ и только слышалъ о происходящихъ въ Украинѣ волненіяхъ (№ XII). Повторяя почти тоже во всеподданнѣйшемъ донесеніи Екатеринѣ, посланномъ чрезъ день, 30 іюля (№ XIII), онъ всю надежду въ усмиреніи возстанія возлагаетъ на дѣйствіе манифеста Екатерины отъ 9 іюля ¹⁾, которымъ она призывала возставшихъ положить оружіе, угрожая непокорнымъ суровыми карами, — спѣшить распубликованіемъ этого манифеста и, входя въ смыслъ онаго, заявляетъ, что относительно крестьянъ онъ рѣшился показывать лишь видъ оружія, а обращать оное только противъ дѣйствительныхъ грабителей. Съ такимъ приказомъ (№ XVI) онъ дѣйствительно обратился къ полковникамъ Протасеву и Вульфъ, хотя уже позже, спустя три недѣли. Усмотрѣвъ въ полученной апробаціи полномочіе на дальнѣйшія дѣйствія по усмиренію возстанія, притомъ ему какъ-бы исключительно предоставляемое, Румянцевъ выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу какого-то препятствія, сдѣланнаго командированному имъ полковнику Протасеву генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ, который, полонивши, какъ извѣстно, главныя гайдамацкія силы, думалъ, кажется, самъ воспользоваться и честію и плодами нетрудной побѣды, и предписываетъ своему подчиненному строго держаться данныхъ ему инструкцій, тогда какъ Кречетниковъ въ свою очередь считаетъ себя естественнымъ распорядителемъ этого дѣла, ссылаясь на отдаленность Румянцева отъ театра возстанія (№ XV). Положеніе дѣла было дѣйствительно неопредѣленное и при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ усмиреніе горсти беззащитнаго народа, обнаружившееся разногласіе русскихъ генераловъ могло-бы повести къ большимъ затрудненіямъ, но оно устранено было начавшимися еще прежде между ними сношеніями по предписанію коллегин иностранныхъ дѣлъ. Такъ и на этотъ разъ Воейковъ, къ которому отправлены всѣ парти переловленныхъ гайдамакъ, обращается съ запросомъ къ Румянцеву, куда-бы, по его мнѣнію, ихъ дѣвать. Затрудненіе было дѣйствительно большое и стоило запроса, хотя онъ и не разрѣшенъ по существу. Дѣло въ томъ, что всѣ гайдамаки, за исключеніемъ запорожцевъ, были иностранные подданные, захвачены въ чужомъ государствѣ, какъ виновные противъ него только, и не русскимъ властямъ было ихъ судить и казнить; но съ Польшею и ея подданными давно уже не церемонились, и Румянцевъ, хотя находилъ «не неприличнымъ» отправить всѣхъ пойманныхъ

¹⁾ Текстъ онаго см. въ майской книжкѣ „Кіевской Старинѣ“, стр. 308.

въ главному начальнику польскихъ войскъ въ Украйнѣ и Подоліи, Бранницкому, по за воѣны тѣмъ совѣтовалъ Воейкову удержатъ ихъ у себя, употребляя на работы городенія и кружостныя, пока не получитсѣ разрѣшеніе о нихъ оттуда, откуда распоряжались и воѣны дѣлами Польши (№ XIV). Въ свою очередь, Румянцевъ, осѣдлившись, что Воейковъ предписалъ молкованику Протасьеву, перешедшему уже, по письму Рюинна, подъ начальство Прозоровскаго, отправлять пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветскую провинцію, т. е. въ сосѣдство къ Запорожью, предостерегаетъ Воейкова отъ этой мѣры, могущей, по его мнѣнію, повлечь за собою новыя безпокойства и опасность, т. е. волненіе въ самомъ Запорожѣ, и совѣтуетъ ему тѣхъ изъ гайдамакъ, которые окажутся русскими подданными, отправлять въ Глуховъ для приговора надъ ними въ генеральномъ судѣ, а польскихъ подданныхъ, куда будетъ приказано свыше (№ XXI).

Между тѣмъ возстаніе продолжалось: на мѣсто разбитыхъ гайдамацкихъ партій являлись новыя. Одна изъ такихъ оказалась даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Переяславомъ, близъ Канева, подъ предводительствомъ атамана Майбороды. Посланный Румянцевымъ отрядъ, подъ начальствомъ секундъ маіора Вурма, загналъ ее къ Мошнямъ и, истребивши здѣсь, оставшихся въ живыхъ 26 человекъ съ атаманомъ Майбородою представилъ въ Переяславъ; но это не значило положить конецъ возстанію. Румянцевъ умножалъ число дѣйствовавшихъ отрядовъ, — въ свою очередь упожались то тамъ, то здѣсь и партіи гайдамакъ. Съ другой стороны надежда на дѣйствіе манифеста Екатерины оказалась почти напрасною. Можно полагать, что въ селахъ украинскихъ, гдѣ распространялся манифестъ, было въ это время лишь незначительное число жителей, огромное-же большинство ихъ скрывалось въ лѣсахъ, или пристало къ гайдамакамъ. Тѣ изъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, положась на увѣренія русскихъ властей и довѣрясь словамъ своей прирочной царицы, возвратились къ своимъ помѣщикамъ, подверглись отъ нихъ жесточайшимъ истязаніямъ и даже лишенію жизни, другіе, видя, что не лучшая участь постигаетъ и тѣхъ, которые противятся русскому оружію, въ уныніи и отчаяніи не знали, на что рѣшиться и наконецъ наиболѣе смѣлые и рѣшительные открыто заявили, что не могутъ считать разбойниками тѣхъ, которые избавили ихъ отъ неминуемой гибели (со стороны, конечно, конфедератовъ). Никто и не думалъ преслѣдовать и выдавать гайдамакъ, какъ рассчитывали при изданіи манифеста, многіе, напротивъ, то не отставали отъ нихъ, то вновь къ нимъ приставали. Румянцевъ, прибывшій теперь (въ августѣ) въ Переяславъ для лѣтнихъ смотровъ собранныхъ туда войскамъ, прежде исполненія нѣкоторыхъ указаній въ полученномъ имъ Высочайшемъ рескриптѣ, рѣшился, какъ самъ пишетъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Между тѣмъ здѣсь-то онъ и могъ получить нужныя для этого свѣдѣнія. Переяславская консисторія, полковая канцелярія, судъ и другія мѣста завалены были массою всевозможныхъ жалобъ, протестовъ, донесеній, сообщеній, промеморій и т. п. о происходившихъ уже нѣсколько лѣтъ въ Украйнѣ не-

вѣроятныхъ насилій со стороны униатовъ и поляковъ «благочестивыхъ» священникамъ и народу. Тутъ жили епископъ Гервасій и мотренинскій игуменъ Мелхиседекъ, которые энергически вели борьбу съ притѣснителями отъ самаго начала оной, отстаивая свободу вѣры; тутъ скитались въ огромномъ числѣ изгнанные изъ своихъ приходовъ какъ православные, такъ и униатскіе священники; тутъ-же витала бѣжавшая отъ разъяреннаго народа польская шляхта, которая, вызвавъ своимъ безумнымъ фанатизмомъ происходившую страшную рѣзню, одна нашла у русскихъ властей не только защиту, но даже квартиры и денежную помощь. Здѣсь сошлись такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны, и свѣдѣнія одной могли быть проверены показаніями другой. И что-же? И православные, и униаты, и поляки (последніе въ формальныхъ просьбахъ на имя Румянцева) единогласно показываютъ, что виною страшнаго возстанія были неслышанныя мучительства за вѣру отъ униатскаго офицала Мокрицкаго и его пособниковъ—польскихъ пановъ. Православные на ряду съ польскимъ игомъ ставятъ и жидовское, выражаясь о жидкахъ, что они «самую изъ нихъ выжатую кровію обогащались». Румянцевъ и пишетъ въ этомъ смыслѣ Репнину, Панину, Екатерину, стараясь просвѣтить ихъ на счетъ совершающихся въ Украинѣ ужасовъ, ихъ происхожденія, основы, характера, могущихъ возникнуть отъ нихъ опасныхъ послѣдствій и единственнаго способа къ ихъ устраненію. По его представленію и словамъ «сей не безобѣдственный мятежъ произвели *дѣя крайности*: простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой и противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ». «Когда сими жестокими угнетеніями страждущія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдановъ такъ называемымъ гайдамакамъ, составивъ ложные отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ и увѣривши, что они ихъ пограничныхъ жителей навсегда изъ-подъ польскаго владычества освобождаютъ и что всѣ сіи пограничныя мѣста пріемяются подъ российскую державу». «Многіе изъ сихъ (жителей) впалясь къ мятежникамъ въ лучшее надеженіе и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія», «теперь-же всѣ они предалися отчаянію съ опасности мщенія своихъ властей, кои отдавшимися уже въ руки и начали отмищать даже отнятіемъ самой жизни», и «сей одинъ страхъ возрождаетъ истребленныя шайки и можетъ продолгать и долго въ тѣхъ мѣстахъ волненія». Единственный за тѣмъ способъ прекращенія губительнаго возстанія Румянцевъ указывалъ въ томъ, что-бы «облегчить участь сихъ польскихъ подданныхъ и избрѣсть средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ». Румянцевъ указывалъ на надежность обоеихъ сосѣдей—Польшы и Турціи, доказывалъ, что по этому одному «полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ обязательство ревности, усердія ихъ къ нашей сторонѣ» и выяснялъ это на отношеніи возставшихъ къ конфедератамъ, предостерегалъ, что если отнять у нихъ свободу «благочестія» и «подвергнуть состоянію тому-же, что

и были, то «тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло», и что онъ не ручается и за тамошнихъ (лѣвобережныхъ) жителей, «чтобъ они на сѣ, по ихъ разумѣнію законные подвиги себя не опредѣляли», такъ какъ и «они равно польскихъ жителей о гайдамакахъ думаютъ».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали сводъ выдающихся мѣстъ изъ четырехъ бумагъ Румянцева по одному и тому-же предмету (№ XVII, XVIII, XIX и XXI), чтобъ яснѣе представить его взглядъ на возстаніе 1768 г. Для насъ драгоцѣненъ этотъ взглядъ, какъ голосъ современника, занимавшаго высокое положеніе и находившагося такъ близко къ театру событій, какъ голосъ лица посредствовавшаго между двумя противными сторонами и потому чуждый какого-либо пристрастія. Намъ однако многое поражаетъ въ этомъ взглядѣ. Румянцевъ считаетъ одинаково крайностію ревность украинскаго народа къ вѣрѣ благочестивой, какъ и лютыя безчеловѣчія его враговъ; знатному вельможѣ непонятнымъ кажется, какъ можно изъ разности въ исповѣданіи подвергать себя жесточайшимъ мученіямъ, жертвовать даже жизнью, и онъ называетъ это *простымъ*, т. е. не разумнымъ усердіемъ къ вѣрѣ. Онъ допускаетъ свободу православія для жителей Украины, но не на основѣ историческихъ правъ ихъ, а только какъ «обязательство ихъ ревности и усердія къ нашей сторонѣ». Онъ разсматриваетъ разыгравшееся на его глазахъ кровавое событіе внѣ всякой связи съ прежними и тогдашними ходомъ событій въ Польшѣ, онъ забываетъ добытыя имъ-же свѣденія, что оно вызвано ближайшимъ образомъ насиліями конфедератовъ, что въ конфедераціи участвуетъ самъ папа и польско-католическое духовенство, что тутъ цѣлая система, что основа ея болѣе глубокая и отдаленная и цѣли ея болѣе широкія. Первостепенный государственный сановникъ не знаетъ судьбы столь родственнаго ему народа, въ девизѣ руководителей и помощниковъ этого народа не видитъ общенароднаго инстинкта, влекущаго его подъ державу россійскую, и этихъ послѣднихъ, подъ именемъ гайдамакъ, истиннаго смысла котораго онъ не отгадывалъ, считаетъ просто разбойниками и злодѣями, которыхъ должно беспощадно истреблять. Какъ помѣщикъ, онъ считаетъ справедливымъ привести возбунтовавшихся крестьянъ въ повиновеніе ихъ господамъ и только для лучшаго въ этомъ успѣхѣ признаетъ необходимымъ привести въ умѣренность власть сихъ послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе Румянцевъ по высказанному имъ взгляду на возстаніе въ Украинѣ стоитъ гораздо выше другихъ дѣятелей, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Кречетниковъ, на долю котораго выпало завладѣть гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью, просто пожелалъ воспользоваться громадною добычею награбленнаго гайдамаками у польской шляхты и жидовъ и принялся переправлять ее обозами за Днѣпръ (№ XX). Воейковъ еще въ 1766 г. опредѣлялъ свои отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ въ Украинѣ, вызвавшимъ нынѣшнее возстаніе, когда свой отказъ переяславской консисторіи—заявить въ кіево-губернской канцеляріи королевскія привилегіи на свободное исповѣданіе прав. вѣры—мотивированъ тѣмъ, что «дѣла вѣры суть весьма деликатны». Репнину, который жуировалъ въ Вар-

жавъ и окотился за польками, было просто не до дѣлъ вѣрны и хотя ему болѣе всѣмъ другимъ была известна кровавая картина народныхъ страданій въ Украинѣ, но онъ смотрѣлъ на все происходившее глазами поляковъ. Подобно Прозоровскому, внимавшему лялентамъ бѣжавшей подъ защиту его шляхты, и онъ всю вину возстанія въ Украинѣ сваливалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека (№ XXIII и XXIV). Румянцевъ твердо отстаивалъ невинность этихъ доблестныхъ защитниковъ православія какъ предъ Репнинымъ и Прозоровскимъ, такъ и предъ Панинымъ (№ XXII), говоря о Гервасіѣ, что всѣ дѣйствія его основаны были на «должности пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля вышшняго», а о второмъ свидѣтельствую, что онъ болѣе года уже находится въ Переяславѣ и даже свидѣній о своемъ монастырѣ не имѣетъ. Но лишь только Панинъ въ письмѣ къ Румянцеву отъ 19 сентября далъ понять, что самъ онъ и императрица имѣютъ иной взглядъ на это дѣло, какъ Румянцевъ сѣмъ отречься отъ прежнихъ своихъ мнѣній, заявляя, что «они были только гадательныя, а не положительныя» и что «смѣшанная тамъ его идея простиралась только по возрѣнію на обстоятельства наружныя». Какъ ловкій дипломатъ, онъ вываляетъ мудрость Панина, выражаетъ готсвенность сообразовать свои дѣйствія съ какими-то дополнительными повелѣніями, ему сообщенными, и наблюдать за поступками переяславскаго архіерея, предлагая и вовсе не пропускать къ нему униатскихъ, т. е. обращающихся изъ уни, по требованію народа, священниковъ, а прибывшихъ прежде всѣхъ выслать. Въ совѣтѣ Екатерины восторжествовалъ голосъ Репнина, который все дѣло возстанія считалъ плодомъ интриги двухъ лицъ: Гервасія и Мелхиседека и ихъ непопирнаго усердія въ поддержаніи и расширеніи православія въ Украинѣ. О томъ, чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился, за что жертвовалъ послѣднимъ достоинствомъ и самою жизнью, тогда не спрашивали, но по исконной привычкѣ искали главныхъ зачинщиковъ бунта и — нашли. Народъ же знать не хотѣлъ уни; онъ гналъ отъ себя тѣхъ пастырей, которые, подъ тяжестью насалій, измѣнили вѣрѣ отцевъ. Тѣ толпами стремились въ Переяславъ, чтобы заручиться свидѣтельствами своего обращенія, но ихъ рѣшили не пускать туда. Скоро и тѣ, которыхъ сочли главными виновниками кровавой смуты, были удалены. Тѣмъ надѣялись положить скорый конецъ возстанію, думая, конечно, что, за немѣніемъ православнымъ, народъ примирится и съ униатскими священниками, а что онъ самъ станетъ униатскимъ, кому какое до этого дѣло. Остальное должно было довершить «матернее милосердіе» Екатерины, которымъ такъ старались успокоить и обнадежить страждущій украинскій народъ, хотя отъ этого милосердія никому тамъ не было ни тепло, ни холодно, и народъ не могъ не видѣть, что вмѣсто милосердія противъ него направляется лишь оружіе, а его врагамъ и мучителямъ оказывается защита и поддержка. При такихъ условіяхъ возстаніе не скоро могло быть подавлено и хотя кн. Прозоровскій въ сентябрѣ доносилъ Румянцеву, что ни о какихъ гайда-

качать уже не слышно, но въ дальнѣйшей перепискѣ имъ еще встрѣтятся съ новыи онаго вниманіи и новыи особенностями въ его теченіи.

Пока остановились, кажется, на томъ, что возстаніе подавлено и пледомъ такого итѣнія надо считать приказъ Румянцова переяславской полковой канцеляріи (№ XXVI) отпустить по домамъ всѣхъ разновременно пойманныхъ и при ней содержавшихся польскихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Съ нихъ взята присяга, что они возвратятся къ своимъ помѣщикамъ и будутъ имъ покорны, полковой-же канцеляріи предписано снабдить всѣхъ ихъ «письменными препровожденіями» съ убѣжденіемъ помѣщиковъ оказать раскаявшимся помилованіе. Были-ли въ тоже время отпущены польскіе шляхтичи, сбѣжавшіеся въ Переяславъ подъ защиту русскаго оружія, изъ настоящей переписки не видно, но едва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Ихъ предлагалось отпустить еще въ началѣ августа, взявъ съ нихъ «репессы», или письменныя отреченія отъ конфедераціи; но, вѣроятно, явились случаи побѣга ихъ въ конфедерацію, и ихъ высочайше велѣно задержать до поры въ Переяславѣ. Одинъ случай такого побѣга Румянцовъ указывалъ Панину въ лицѣ трехтемировскаго помѣщика Щенявскаго, который, воспользовавшись, пока ему нужно было, русскою защитою, очутился потомъ въ рядѣхъ конфедератовъ и игралъ тамъ главную роль. Такъ какъ Щенявскій и до возстанія велъ себя въ отношеніи къ русскимъ пограничнымъ властямъ съ большимъ продерзостію и нахальствомъ, то Румянцовъ высказывался предъ Панинымъ, что было-бы не лишнимъ взять его итѣніе въ секвестръ для возмщенія убытковъ разграбленной трехтемировской таможи, или для отдачи кому-либо изъ благонадежныхъ. Послѣдовало-ли это согласіе Панина, неизвѣстно; но самое предложеніе Румянцова прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ нашей тогдашней политики въ Польшѣ.

Привела-ли вообще эта политика хотя къ ближайшей цѣли,—скорому усмиренію возстанію, покажетъ дальнѣйшая переписка.

(Продолженіе будетъ).

XII.

Письмо графа П. А. Румянцова къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, объ ослабленіи возстанія въ Украинѣ послѣ истребленія главныхъ силъ гайдамаковъ и о непричастности къ этому возстанію Сечи запорожской.

1778 года, іюля 29.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Толь милостивымъ и себѣ лестнымъ признаніемъ почтенъ будучи отъ вашего сіятельства въ послѣднемъ письмѣ, отношу

слѣдствія сіи къ причинѣ содѣйствующей, то есть руководителству вашему, которое начертываетъ способы и пролагаетъ стези познать мнѣ, какъ сдѣлать удобное въ настоящихъ дѣлахъ. Надѣюсь, милостивый государь, что ни тѣнь самая ласкательства, несроднаго моему чистосердечію и усердію предъ вами, не взойдетъ тутъ вашему сіятельству на мысль, чтобъ истиною не принять моихъ словъ; гдѣ уже успѣли, сами показали, колико вы искусства, провицанія и благонамѣренія во ввѣренной себѣ должности явили. Я только соединяю мой голосъ общему, что имя ваше, по прошлымъ и настоящимъ дѣламъ, всегда велико будетъ между людьми, прославившимися отличнымъ благоразуміемъ въ нашемъ отечествѣ. Себя-же счастливымъ найду, если воспріятіями моими, по вашимъ положеніямъ, продолжать исправно могу на меня возлагаемое.

Польскіе разбои, по истребленіи главной ихъ толпы, меньше уже привлекаютъ дальнѣйшаго къ себѣ вниманія; я не сомнѣваюсь, что вложенныя и пагубныя мысли отъ злодѣевъ въ простодушныхъ поселянъ теперь также исчезнутъ. Словомъ, я нынѣ сдѣланною мнѣ откровенностью отъ вашего сіятельства будучи на случай вразумленъ, всегда мѣры удобныя готовъ буду взять на успокоеніе всякихъ пограничныхъ волнованій, которыя, я чаю, одно содержаніе туда для публики посланныхъ манифестовъ сильно будетъ утушать.

Я моими ордерами взыскавши отъ Коша запорожскаго отвѣты, одно только то въ оныхъ нахожу, что тамъ не свѣдомы о своихъ козакахъ, грабленіе производившихъ въ Польшѣ. Хотя всю правду объ участіи открыть легко чрезъ пойманныхъ, однакожь средства сіи остаются теперь для Федора Матвѣевича, къ которому изъ запорожскихъ козаковъ словенные злодѣи отосланы всѣ въ Кіевъ.

О полученіе всевысочайшаго имяннаго указа и о первыхъ воспріятіяхъ по оному, прошу вашего сіятельства поднести ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее доношеніе, а мнѣ позволить назваться съ тою-же совершенною преданностію, которая не вончится, какъ съ живію.—Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій слуга.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцова чрез коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о принятыхъ имъ мѣрахъ къ распространенію между жителями украинскими манифеста ея къ нимъ относительно прекращенія волнений, объ ослабленіи возстанія за разбитіемъ главныхъ гайдамацкихъ партій и поимкою самаго Желѣзняка, о неучастности возстанію запорожскаго Коша, учрежденіи надзора за перебѣжавшими за Днѣпръ поляками и пресѣченіи волнений въ народъ военными постоями и угрозами.

Іюля 30 дня, 1768 г., № 744.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ, отъ 12 числа текущаго мѣсяца, отпущенный съ коллегін иностранныхъ дѣлъ, я, получа печатные экземпляры высочайшаго манифеста, издавнаго на случай смятеній, поднятыхъ въ Польшѣ отъ самихъ крестьянъ, намъ единовѣрныхъ, по поводу злоумышленниковъ,—въ тотъ же самый день, то есть 20 іюля, часть оныхъ отправилъ къ находящемуся въ Польшѣ полковнику Протасьеву, чтобъ оныя повсюду имъ распубликованы были, а другую—въ полковую переяславскую канцелярію, предписавъ оной послать нѣсколько исправныхъ старшинъ, для разсѣванія въ пограничныхъ польскихъ мѣстахъ, а паче въ тѣхъ, гдѣ не укротились селяне отъ свирепствъ и грабленій.

Я несомнѣнно уповаю, что плоды сего премудраго воспріятія явны будутъ вскорѣ въ тишинѣ и покоѣ взволновавшихся польскихъ жителей, которые изъ подаваемыхъ имъ всевысочайшихъ и всемилостивѣйшихъ отъ вашего императорскаго величества увѣреній познавъ свои заблужденія, непремѣнно къ лучшему обратятся, тѣмъ найпаче, что уже разбойническія партіи, ко злу ихъ одобрявшія, чрезъ команды, изъ войскъ вашего императорскаго величества отправленныя, всѣ разбиты и переловлены. О происшествіяхъ при томъ мнѣ не остается повторять, когда генералъ-аюшефъ и кievскій генералъ губернаторъ Воейковъ мнѣ сообщаетъ, что отъ него уже, по привезеніи въ Кіевъ, съ другими запорожскихъ козаковъ злодѣями, самаго главнаго разбойнической шайки начальника, называвшагося полковникомъ, Желѣзняка, о томъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесено.

Возвратившійся посланный отъ меня куріеръ въ Сѣчь запорожскую привезъ отъ кошеваго атамана на мои вопросы, въ ордеръ ему данномъ, сей отвѣтъ: что они никакихъ командъ въ Польшу не отправляли, а и сами слышатъ, что изъ польскихъ мужиковъ, назвавшихъ себя запорожцами, производятъ грабленія, и онъ атаманъ всѣ предосторожности употребилъ къ пресѣченію свободности въ Польшу прокрадываться своевольнымъ козакамъ. Но теперь допросы пойманныхъ грабителей изъ запорожцевъ подадутъ въ томъ подлинную достовѣрность, хотя примѣчая по обстоятельствамъ нынѣ собраннымъ, является, что собственные склонности къ мщенію сихъ своевольниковъ препровождали только на извѣстныя дерзновенія, нежели чѣмъ общее согласіе Коша къ тому ихъ руководствовало.

Изъ предписанныхъ предосторожностей касательно выбѣгающихъ подъ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества поляковъ, нѣкоторыя уже взяты съ полученія предварительнаго мнѣ сообщенія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Панина; а прочее, что въ полномъ повелѣніи отъ вашего императорскаго величества мнѣ объ нихъ предписано, я также исполню самъ, слѣдуя на сихъ дняхъ въ Переяславъ для смотру части полковъ моей дивизіи, собранныхъ тамо въ лагерь; гдѣ будучи, удобнѣе еще могу сдѣлать распоряженіе на утушеніе послѣднихъ мятежей въ польскихъ крестьянахъ, коихъ однихъ только теперь укротить осталось, когда не можетъ въ томъ успѣть своею командою полковникъ Протасевъ, которому далъ я повелѣніе—когда за опубликованіемъ манифеста не отстанутъ сейчасъ отъ своихъ наглостей, въ способъ принужденія къ приведенію ихъ въ послушаніе своихъ властей, располагать свои команды въ жилищахъ ихъ, покуда волнованіе тамъ не укротится, угрожая имъ страхомъ оружія, что и съ ними поступать подобно, какъ съ шайками разбойниковъ, ежели тотчасъ не отложатъ своихъ дерзостей, и о послѣдствіяхъ вашему императорскому величеству доносить доуженствую.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIV.

*Сообщеніе гр. П. А. Румянцова кievскому генералъ-убернатору
 Ѳ. М. Воейкову съ отвѣтомъ на запросъ послѣдняго, куда дѣвать
 захваченныхъ во время возстанія украинскихъ жителей и коза-
 ковъ, или какъ съ ними поступать, а равно извѣстіемъ о новыхъ
 попыткахъ къ продолженію возстанія и принятыхъ имъ, Румян-
 цевымъ, противъ того мѣръ.*

Августа 3, 1768 г., № 757.

Воспріявши въ честь себѣ вашего высокопревосходительства
 требованіе мнѣнія моего о содержащихся польскихъ мужикахъ и
 козакахъ, взятыхъ между гайдамаками, подаю мою мысль въ
 слѣдующемъ: что хотя не неприлично-бъ было, мнѣ кажется,
 ихъ также, какъ и прочихъ, отправить къ главному рейментарю
 графу Браницкому, что и сами ваше высокопревосходительство
 намѣревались учинить, давали мнѣ знать сообщеніемъ своимъ отъ
 14 іюля; но когда уже отъ васъ внесено объ оныхъ подъ вы-
 сочайшую резолюцію ея императорскаго величества, то до полу-
 ченія на то формальнаго повелѣнія, не будетъ траты напрасной
 ни времени, ни издвенію казенному, если ихъ прикажете упо-
 треблять на городовую или къ другимъ работамъ. Впрочемъ яко
 еще вы, милостивый государь мой, изволите сообщать съ извѣ-
 стій къ вамъ объ оставшихся и проявляющихся въ Польшѣ ра-
 зорителяхъ, то меня господинъ полковникъ Протасевъ отъ 21
 числа истекшаго мѣсяца репортуетъ, что онъ свѣдавши о оныхъ
 разбойникахъ, въ разныхъ шайкахъ состоящихъ, намѣревающихся
 соединить въ одно всѣ свои силы подъ мѣстечкомъ Бѣлою Цер-
 ковью, пошелъ прямо на истребленіе ихъ туда. Въ посылкѣ-же
 въ прибавокъ военной команды я, прибывши на сихъ дняхъ въ
 Переяславъ смотрѣть собравшихся полковъ въ лагерь, распоря-
 женіе по обстоятельствамъ сдѣлать не оставлю.

Имѣю честь за симъ съ моимъ вседолжнымъ почтеніемъ
 быть, и прочее.— Слѣдуетъ подпись.

XV.

*Приказъ гр. П. А. Румянцова командиру московскаго карабинер-
 наго полка полковнику Протасеву, которымъ онъ требуетъ въ дѣлѣ
 усмиренія украинскаго возстанія исполнять только его распоря-
 женія и отклоняетъ внимательство въ это дѣло генералъ-майора
 Кречетникова.*

Августа 4-го 1768 г., № 760.

Своимъ репортомъ, отъ 31 числа истекшаго мѣсяца, вы мнѣ
 представляете, что господинъ генералъ-майоръ Кречетниковъ сво-

ими повелѣніями останавливаетъ васъ отъ исполненія предписаннаго отъ меня вамъ. Я сему тѣмъ паче удивляюсь, что вы не посланы въ его команду, но командированы отъ меня, по возмущеніямъ польскихъ жителей пограничныхъ и ради разореній тамо происходящихъ отъ гайдамаковъ, для охраненія цѣлости границъ, въ чемъ должность лежитъ на мнѣ единственно. А что къ тому же еще онъ, господинъ генераль-маіоръ, прибавляетъ, что мнѣ тамошнія обстоятельства неизвѣстны, то вы для того тамъ находитесь, чтобъ мнѣ подавать объ оныхъ свѣдѣнія, какъ за апробаціею отъ ея императорскаго величества всѣхъ отъ меня воспріятыхъ мѣръ, на случай смятеній пограничныхъ польскихъ, государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія мнѣ предложила, что и самому господину генераль-маіору Кречетникову предписано отъ оной имѣть о сихъ дѣлахъ со мною сношеніе.

О семъ вы имѣете сообщить ему-ли господину генераль-маіору Кречетникову, или кто командующимъ будетъ, и дѣйствовать дальше по моему ордеру, что касается до преслѣдованія разбойническихъ шаякъ и возмущающихъ поселянъ. Но гдѣ польза службы и интересъ ея императорскаго величества потребуетъ, чтобъ и отъ тамо командующихъ исполнить вамъ предписаніе, вы тому повиноваться должны непременно. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVI.

Приказъ гр. П. А. Румянцева находящимся въ Украинѣ съ своими полками полковникамъ Протасьеву и Вульффу отклонять отъ возстанія украинское населеніе мѣрами увѣщанія и обнадеживаніемъ защиты, силу-же оружія употреблять лишь противъ непокорныхъ.

Августа 20-го 1768 г. №№: 777 и 778.

Я будучи извѣстенъ, что польскіе мужики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь, изъ отчаянія больше, которому предаются отъ страха мщенія раздраженныхъ своихъ господъ, продолжаютъ свое согласіе съ гайдамаками, думая ихъ быть своими избавителями. Вы, на основаніи манифеста имъ публикованнаго, вразумите ихъ всякимъ увѣщаніемъ и обнадежете, что они отъ всякихъ воображаемыхъ бѣдствъ, яко единовѣрные, будутъ сохранены милосердіемъ ея императорскаго величества, ежели тотчасъ, повинувся повелѣніямъ высочайшимъ, отложатъ мятежъ и сами вспомоше-

ствовать стануть истребленію вводящихъ оный. Силу-же прямую оружія обращайтесь на явныхъ тоюмятежниковъ разорителей. —
Слѣдуетъ подпись.

XVII.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ русскому при варшавскомъ дворѣ послу, князю Н. В. Репнину, съ изложеніемъ дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ народное возстаніе въ Украйнѣ, указаніемъ на необходимость, въ видахъ усмиренія онаго, умѣрить жестокое мщеніе со стороны польскихъ помѣщиковъ и проч.

Августа 24 го 1768 г.

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

По поводу перваго письма вашего сіятельства, которое получилъ имѣлъ честь въ сей день, я приѣмлю случай сказать вамъ, что по настоящимъ польскимъ дѣламъ, въ исполненіе высочайшихъ ея величества повелѣній отъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи мнѣ давныхъ, надлежало мнѣ найти способы какъ съ другими командующими въ Польшѣ съ нашей стороны генералами, такъ и съ вашимъ сіятельствомъ, ко взаимному сношенію. Не могъ однакожь я лучше въ томъ успѣть, какъ пользуясь тѣмъ путемъ, который ваше сіятельство теперь мнѣ сами открываете; и потому не оставилъ тотчасъ предложить полковнику Протасьеву, чтобъ онъ съ карабинернымъ московскимъ полкомъ, такъ какъ ваше сіятельство требуете, остался въ повелѣніяхъ генералъ-майора князя Прозоровскаго.

При семъ обзваннымъ я себя считаю изъяснить мои примѣчанія о причинахъ воздвигнувшихъ сей небезбѣдственный мятежь, кои, можетъ быть, вамъ болѣе моего уже знакомы. Простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчїемъ, безъ сомнѣнія суть двѣ крайности, возмутившія къ мятежу польскихъ крестьянъ. Елико надлежитъ до перваго обстоятельства, то все то изъясняющія удрученія не могутъ вамъ бытъ несвѣдомы изъ протеста, чрезъ игумена матронинска монастыря, поданнаго сего году въ Варшаву отъ всего православнаго общества пограничныхъ староствъ и губерній; а послѣднее оправдываетъ само шляхетство, выбѣгшее сюда подъ покровительство, формально въ своихъ поданныхъ мнѣ просьбахъ. сознавая, что настоящія въ

отечествѣ ихъ бѣдствіа родили суровыя поступки противу исповѣдующихъ законъ греческой церкви оффиціала украинскаго униатскаго Мокрицкаго. Когда сими жестокими угнетѣніями страдающія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ на всѣ извѣстныя дерзости. Возжечь сей пламень нашли они наилучшую удобность, составивъ ложныя отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ, и увѣривши, что они сихъ пограничныхъ жителей навсегда съ подѣ польскаго владычества освобождаютъ.

Я все сіе для того пишу, чтобъ показать: хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые вплелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего побровительства. Теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ, изданныхъ на случай смитеній сихъ, посылаемы отъ меня были за границу, возвратившись объявляютъ, что во многихъ мѣстахъ съ благодарностію и повиновеніемъ жители оной приняли, однакожъ, познавъ свой обманъ, показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаятъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакова себѣ помилованія, яко отдавшимися уже въ руки, и начали они ормщать даже отнятіемъ самой жизни.

Сей одинъ страхъ, не безъ основанія ввѣдрившись въ ихъ сердца, возрождаетъ вновь истребленные заграничныя шайки, и можетъ продолжать и долго, хотя слабыя, однакоже беспокойныя, въ тѣхъ мѣстахъ волненія. Сокращеніе сего представивъ зрѣлому вашему сіятельству провиданію, которое во многихъ дѣлахъ свѣтъ позналъ, пишу только, что мнѣ ближайшимъ кажется. Смѣю объявить способъ, что ежели облегчить сихъ польскихъ подданныхъ участь ваше сіятельство въ тамошней сторонѣ избреть изволите средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ, но привести послѣднихъ власть въ умѣренность, то уповать можно, что оныя, притомъ провождаемы будучи увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ ея императорскаго величества, яко единовѣрнымъ, милосердіемъ, возвратятся въ свои дома къ спокойной жизни. Я о семъ писалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и къ его сіятель-

ству графу Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ всегдашнюю о семъ веду корреспонденцію, удостоившись получить отъ ея императорскаго величества высочайшую апробацію всѣмъ моимъ распоряженіямъ, воспріятымъ при нынѣшнихъ пограничныхъ неспокойствіяхъ.

Польскіе шляхтичи просили меня многіе, чтобъ для защищенія отъ разграбленія ихъ имѣній послать въ оныя на ихъ коштъ команды. Я положилъ было, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ (оставить?) полкъ московскій, и по сей причинѣ писалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ если надобность найдетъ подвинуть сей полкъ въ даль отъ границъ, то бы меня заранѣе о томъ предувѣдомилъ, чтобъ для безопасности пограничной другимъ командамъ на его мѣсто вступить. Впрочемъ, привезя мою покорную просьбу, я ожидать буду, что ваше сіятельство по оной не оставите меня снабжать предувѣдомленіями въ настоящихъ дѣлахъ и подавать мнѣ наилучшія средства, по своему благоразумію, къ предохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ. А я навсегда имѣю честь съ истиннымъ слыть и пр.

P.S. Королевской пограничной трехтемировской камеры писарь Гоздава-Вилуцкій, выбѣгшій сюда, просилъ на снабденіе свое и служителей королевскихъ, съ нимъ вышедшихъ, сто рублей на счетъ королевской, показуя при разграбленіи помянутой камеры извѣстнымъ бунтовщикомъ Щенявскимъ, лишившимся всѣхъ пожитковъ. Я толикое число денегъ изъ приличія приказалъ ему выдать, и вашего сіятельства прошу, освѣдомлясь гдѣ надлежить, меня увѣдомить: вѣренъ-ли счетъ возвращенія быть можетъ, ежели и другіе, яко онъ самъ, здѣсь живущіе ставутъ и болѣе требовать таковыхъ денежныхъ ссудъ?—*Слѣдуетъ подпись.*

Переяславъ, № 783.

XVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину, съ изъясненіемъ о задержаніи имъ въ Переяславѣ перебѣжавшихъ туда поляковъ, о причинахъ возстанія въ Украинѣ, необходимости прекращенія жестокаго мщенія украинскимъ крестьянамъ со стороны ихъ помѣщиковъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украину по просьбамъ тамошней шляхты, косвенномъ участіи запорожскаго Коша въ происходящемъ возстаніи и проч.

Августа 26 дня 1768 г.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Приложа о исполненіи высочайшаго ея императорскаго величества именнаго указа, въ извѣстной вашему сіятельству ма-

терин, всеподданнѣйшую реляцію мою для поднесенія въ собственные руки, начинаю послѣдованіе о пограничныхъ дѣлахъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ, что ваше сіятельство преподаете мнѣ способы, изъ милостивой откровенности своей, къ произведенію возложенныхъ на меня повелѣній. Они посредствовали мнѣ удостоиться за то и высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, которое приобрѣтаю паче въ послѣднемъ рескриптѣ. Я теперь нахожусь въ лагерѣ подъ г. Переяславомъ, и какъ мнѣ хотѣлось самому ближе вникнуть въ польскія дѣла, то потому до сего времени все повелѣнное первымъ рескриптомъ еще не было выполнено надъ выбѣгшими въ сей городъ подъ протекцію поляками, кромѣ что оныя обезоруженные жили подъ присмотромъ.

За проѣздомъ моимъ, когда они приведены чрезъ священника католическаго къ присягѣ и спрошены подъ оную: будучи въ Польшѣ не присягали ли они конфедераціи барской, или другой, противъ варшавскаго сейму? и одни изъ нихъ признались, что въ повинновеніи означенному барскому заговору присягали съ принужденія конфедератовъ, назвавшихъ на ихъ дома съ командою, а другіе совѣмъ показали себя въ томъ неучаствавшими, въ сіе самое время отъ 3-го августа полученъ рескриптъ, въ которомъ по 3-му пункту нныя уже объ нихъ мѣры предписаны, и для того я, не требуя отъ нихъ прежде повелѣнныхъ рецессовъ, приказалъ какъ тѣхъ, кои хотя кромѣ принужденной присяги никакимъ больше противнымъ дѣйствіямъ въ согласіи съ конфедератами не вивились, такъ и необъявившихъ себя преступниками къ конфедераціи, по настоящему времени, изъ предосторожности и сомнительства, задержать ихъ неспускно въ семь городъ, объявивъ въ причину сего задержанія обстоятельства въ рескриптѣ значущіеся, и взявъ отъ нихъ всѣхъ обязательства о скромномъ пребываніи, по присланной ко мнѣ формѣ на польскомъ языкѣ отъ Федора Матвѣевича Воейкова.

При сихъ обстоятельствахъ, сколько явны мнѣ зрѣлыя нашего сіятельства провиданія, такъ обязаннымъ себя нахожу представить здѣсь о тѣхъ, кои и мое вниманіе на себя привлекаютъ. Но объявленіямъ выбѣгающихъ сюда поковъ уніатовъ къ обращенію въ православіе, и прочимъ обстоятельствамъ, нѣтъ больше сомнѣнія, чтобъ весь сей безобъдственный мятежъ не подъятъ былъ изъ простаго усердія къ вѣрѣ православной, которой противоборства свои римское духовенство распространяло съ лю-

тымъ безчеловѣчїемъ надъ простолюдинами и съ поруганїемъ нестерпимымъ попомъ благочестивымъ. Каковы неистовыя удрученїя мирскимъ и духовнымъ описаны обстоятельно въ протестѣ сообщенномъ отъ синода иностранной коллегїи, которые чрезъ архїерея переяславскаго все православное общество пограничныхъ староствъ и губерній сего году переслали въ Варшаву, гдѣ оный и внесенъ въ книги. А и сами изъ пребывающихъ тутъ подъ покровительствомъ шляхетства формально въ подаваемыхъ мнѣ просьбахъ сознають, что настоящїя въ отечествѣ ихъ бѣдствїя родили суровыя поступки, противъ исповѣдающихъ законъ греческой церкви, официала унитскаго Мокрицакаго; прибавивъ къ сему еще и то, что ложный слухъ, пронесенный запорожцами, и составленные отъ имени ея императорскаго величества указы, чѣмъ простолюдиновъ легко было ослѣпить умы, что сіи всѣ пограничныя мѣста прїемлются подъ россійскую державу и навсегда съ подъ владѣнія польскаго освобождаются.

И такъ хотя злыя дѣйствїя нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые присовокупились къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣренїи и надеждѣ на вышписанныя предложенїя, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства; теперь всѣ они предались отчаянїю съ опасности воображаемыхъ мученїй отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсвѣнія манифестовъ посланы были отъ меня за границу, возвратясь объявили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приняли содержанїе оныхъ со всякою благодарностїю и послушанїемъ, но къ тому не преминули жаловаться, сколько они послѣ сего страшатся крайнихъ бѣдствїй себѣ, въ руки отдавшись своимъ владѣльцамъ, которые то уже и показали, предавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерти.

Взвѣнувъ въ примѣры прошедшихъ временъ, ваше сіятельство сами найдете, что условїя, заключенныя съ сею сосѣднею державою, не всегда оставались непоколебимы; потому мое, безъ предложенїя, мнѣніе по сему преподавать осмѣливаюсь: чтобъ не изгнать изъ сердець искренней преклонности къ нашей сторонѣ, которую соблюдать изъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, во всякое время не бесполезно изобрѣсть средства, чтобъ облегчая сихъ польскихъ подданныхъ участь, не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенїя господъ, но послѣднихъ сократить къ тому въ умѣренность власть; вы же, ваше сіятельство, изобильныя найдете, уповаю, сами къ сему средства.

Я, по старанію о тишинѣ пограничной, умножаю посылку за границу командъ, слыша въ близости продолжающіеся еще неспокойства по поводу найпаче отчаянныхъ тамошнихъ жителей; однакожь, истребляя гайдамагъ, для самыхъ жителей показую только видъ оружія, повелѣвая больше командирамъ увѣщевать и обнадеживать ихъ высочайшимъ императорскимъ милосердіемъ, яко къ единовѣрнымъ, чтобъ они отошли въ свои селенія и жили покойно.

Здѣсь пребывающее шляхетство подали мнѣ просьбы, чтобъ для охраненія ихъ имѣній послать въ оныя команды на ихъ кошты. Подъ сямъ претекстомъ я отправляю въ показанныя ими мѣста команды, которыя тамъ содержавы будутъ къ истребленію послѣднихъ разбойническихъ отдѣленій и къ приведенію въ тишину мятущихся; сіе учинить тѣмъ болѣе нужно, что московскій карабинерный полкъ, которому, по письму ко мнѣ съ Варшавы князя Николая Васильевича Репнина, повелѣлъ я уже обращаться по повелѣніямъ командующаго корпусомъ генерала-маіора Прозоровскаго, можетъ въ даль въ Польшу подвинуть быть отъ границъ нашихъ.

Я еще беру смѣлость, изъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства, идеально токмо начертать одно разсужденіе, оставивъ зрѣлому вашему проицанію обратить виды онаго по лучшему искусству. Староста трехтемировскій Щенявской, отъ давнихъ временъ злодѣй нашимъ граничнымъ жителямъ, его отвага не въ томъ только была, что безвинно непрестанныя дѣлалъ грабленія, но въ одно время захватилъ двухъ драгунъ съ форпоста съ капраломъ, и усиловуясь завладѣть однимъ островомъ, нашей сторонѣ надлежащимъ, поставилъ въ страхъ на ономъ висѣлицы. Я сіе вспомичаю потому, что даны уже были объ немъ съ нашей стороны повелѣнія, чтобъ его подхватить. Онъ теперь въ конфедераціи и главнымъ руководителемъ, а староство его трехтемировское самое ближнее къ нашимъ границамъ, и въ ономъ неспокойства крестьянъ продолжаются; не могутъ-ли сіи обстоятельства быть достаточнымъ поводомъ, чтобъ сіи показанныя Щенявскаго деревни взять подъ секвестръ? Польза изъ оныхъ ежели бы признана не была потребною сторонѣ нашей, то предлогъ есть взыскивать во удовольствіе разграбленныхъ съ повелѣнія его Щенявскаго королевской трехтемировской камеры, или отдать оныя одному изъ благонамѣренныхъ.

Говоря о запорожских козакахъ, долженъ объявить вашему сіятельству мои примѣчанія, что не одна алчба, сродная симъ людямъ къ хищенію, побудила ихъ на своевольства, но въ Сѣчи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь въ Польшѣ есть благословенное дѣло. Можно думать безъ ошибки, что не безъ участія въ сѣмъ были главные ихъ старшины, ибо пойманые признаются, что строгости никакой не хранилось въ удержаніи ихъ выбѣговъ въ Польшу, и увѣрено, что сія польская страна достанется подъ начальство гетманское и кошеваго.

Я въ прочемъ имѣю честь вѣрить себя вашему сіятельству въ непремѣнную милость, съ моею совершенною преданностію и усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ назваться.—*Смѣдуетъ подпись.*

№ 793. Изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XIX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцова чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатерины II о задержаніи имъ перебѣжавшихъ въ Переяславъ польскихъ пановъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украину для подавленія непрекращающагося тамъ возстанія, слабомъ дѣйствіи на тамошнее населеніе манифеста (9 іюля), разбитіи отряда атамана Майбороды близъ м. Мошенъ и проч.

26 августа 1768 г.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Привода въ исполненіе высочайшія вашего императорскаго величества мнѣ данныя повелѣнія о полякахъ, выбѣгающихъ подъ протекцію, когда, при моей бытности теперь въ лагерьъ подъ городомъ Переяславомъ, открыли подъ присягою одни изъ нихъ преступленія свои въ присягѣ одной только, кромѣ всякихъ злыхъ содѣйствій, къ конфедераціи, по принужденію якобы имъ въ томъ чинимомъ, а другіе не признались во участіи никакому противному заговору, и приступлено было, чтобъ у первыхъ взять подлежащія рецессы,—то въ сіе самое время получилъ я другой высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, отъ 5-го августа изъ иностранной коллегіи пущенный ко мнѣ, въ которомъ предписаны другія уже мѣры къ поступленію съ ними. Почему и повелѣлъ я ихъ всѣхъ въ сѣмъ городѣ неспускно держать съ большимъ противъ прежняго присмотромъ, взявъ отъ каждаго обязательства о пребываніи во всякомъ благочиніи въ

замѣну дозволяемаго имъ покровительства, по приглашенной формѣ на польскомъ языкѣ отъ господина генерала губернатора Воейкова, и объявивъ имъ, въ причину сего задержанія, обстоятельства, изображенныя въ семъ высочайшемъ рескриптѣ.

Совращая въ близости границъ волненія польскихъ жителей, которыя до днесь еще не успокоены, и не истреблены совершенно остатки разбойническихъ шаекъ вновь возрождающихся по поводу и участію самихъ же тамошнихъ жителей, коихъ одно отчаяніе, по воображенію страха отъ мщенія своихъ господъ, подвигаютъ на всякую крайность, прибавляю я часто послышки за границу военныхъ командъ, предписуя начальникамъ больше взбунтовавшихся жителей обращать увѣщаніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ, ежели они возвратятся въ свои дома къ спокойной жизни, а прамую силу оружія обращать паче на злыхъ разорителей.

По республикованіи высочайшаго вашего императорскаго величества манифеста, изданнаго на случай сихъ смутеній въ Польшѣ, возвратившіесь нарочные объявляютъ, что въ однихъ мѣстахъ со всеподданнѣйшею благодарностію и повиновеніемъ жители оныя привяли, въ другихъ показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чають уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакого себѣ помилованія, а нѣкоторые прямо объявили, что они не могутъ тѣхъ признавать разбойниками, которые отъ предстоявшей имъ отъ поляковъ за православную вѣру смерти ихъ охранили, слѣдственно и отъ поисковъ надъ оными откажутся. Сихъ упорствующихъ противъ кратчайшихъ и имъ спасительныхъ средствъ, конечно, страхъ оружія посланныхъ туда командъ принудить отложить всякую жестокость и неповиновеніе

Я недавно услышавъ, что близъ Канева дѣлаетъ разоренія вновь собравшаяся шайка разбойническая подъ предводительствомъ атамана Майбороды, отправилъ для поимки оной секундъ-маіора Вурма съ однимъ эскадрономъ карабинернаго ростовскаго полку и друмя стами козаковъ, который ихъ преслѣдуя настигъ въ мѣстечкѣ Мошвахъ, гдѣ они заперлись въ замкѣ; когда начали сопротивляться командѣ (ихъ прежде увѣщевали къ сдачѣ) и подстрѣлили одного карабинера, который отъ тѣхъ ранъ и умре, то помянутый секундъ-маіоръ, ихъ атаковавъ, взялъ 26 человекъ съ помянутымъ атаманомъ Майбородою живыхъ, а 6 оста-

внѣзъ убитыхъ, протчіе-же, бросившись къ побѣгу въ рѣку, въ оной утопились. Сихъ разбойниковъ представилъ онъ ко мнѣ въ Переяславъ, изъ которыхъ по допросамъ показавшіе себя запорожцами отданы будутъ въ надлежащій судъ, а съ польскими жителями, въ сей-же шайкѣ нашедшимись, какъ поступать—прошу въ реляцію себѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

И при донесеніи всеподданнѣйшемъ о вышеписанномъ, представляю именный списокъ¹⁾ всѣмъ шляхтичамъ содержащимся въ городъ Переяславъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—
Слѣдуетъ подпись.

26 августа 1768 года, изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XX.

Секретное донесеніе гр. П. А. Румянцова имп. Екатеринѣ II о неотысканіи имъ переправляемыхъ генералъ-майоромъ Кречетниковымъ чрезъ Днѣпръ обозовъ (съ отнятою отъ гайдамакъ добычею), съ предложеніемъ, что таковыя могутъ слѣдовать чрезъ форпосты вѣдомства генералъ-губернатора Воейкова.

26 августа 1768 г., изъ Переяслава.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Въ исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, посланные отъ меня надежные люди во всѣ мѣста вѣдомства моего пограничныя, чрезъ которыя изъ Польши проѣзды бывають, для отысканія свѣдѣнія о проходѣ обозовъ генерала Кречетникова, возвратясь теперь объявили, что они какъ по запискамъ смотрителей форпостныхъ, такъ и подъ секретомъ посторонними развѣдываніями, ни въ которомъ мѣстѣ не нашли, чтобъ пропущены были какія его посылки. Донся о томъ всеподданнѣйше, уповаю, что всѣ такія корысти, къ предосужденію толь близкому общей славы и чести военныхъ начальниковъ приобрѣтенныя, ежели еще не провезены, то слѣдовать будутъ чрезъ форпосты, состоящіе подъ вѣденіемъ господина генералъ-губернатора кіевскаго Воейкова.—*Слѣдуетъ подпись.*

¹⁾ Упоминаемаго здѣсь списка въ сборникѣ М. А. Максимовича не оказалось.

XXI.

Выписка, содланная М. А. Максимовичемъ изъ письма гр. П. А. Румянцева къ Ѳ. М. Воейкову, которымъ Румянцевъ отклоняетъ Воейкова отъ начатой имъ посылки пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветградскую провинцію, а совѣтуетъ отправлять таковыхъ въ Глуховъ для суда.

Графъ П. А. Румянцевъ въ сообщеніи своемъ къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 26 августа 1768 г., между прочимъ пишетъ:

„Я не хотѣлъ повѣрить репорту теперь полученному отъ полковника Протасьева, что онъ отправляетъ пойманныхъ гайдамакъ, по ордеру вашего высокопревосходительства, по способности, въ елисаветградскую провинцію. Я будучи преданъ вашему высокопревосходительству всякимъ чистосердечіемъ и откровенностію, нахожу потребнымъ сказать, что въ тѣ мѣста отправленіемъ сихъ гайдамакъ само собою умножить причины неспокойства и опасностей. Лучше будетъ, ежели вы прикажете всѣхъ малороссійскаго вѣдомства отъ мѣста до мѣста отправлять въ Глуховъ, къ поступленію съ ними паки по надлежащему, какъ и я то всегда чиню, а польскихъ мужиковъ туда дѣвать, гдѣ повелѣніе опредѣлитъ, если уже оное имѣете на свои представленія“. — *Слѣдуетъ подпись*

XXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ, опровергая дошедшее до него обвиненіе кн. Репнинимъ перемыскаго епископа Гervasія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека въ произшедшемъ въ Украинѣ возстаніи, излагаетъ свой общій взглядъ на это дѣло и выясняетъ необходимость, въ интересахъ русской политики, поддерживать въ Украинѣ православіе, указывая на симпатіи къ возставшимъ какъ Запорожья, такъ и лѣвобережной Украинѣ, и проч.

Сентября (8?) дня 1768 года, Глуховъ.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичь!

При отъѣздѣ обратномъ отсюда военной коллегіи курьера, имѣю честь вашему сіятельству объявить, что я какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской болѣе уже не слышу извѣстій, сверхъ

сообщенныхъ отъ меня вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, такъ и командующій теперь корпусомъ генералъ-майоръ князь Прозоровскій и находящійся въ Польшѣ полковникъ Протасъевъ репортами своими увѣдомляютъ, что на настоящее время утихло довольно волненіе тамошнихъ жителей. Помянутый генералъ-майоръ приложилъ мнѣ экстрактъ изъ повелѣнія ему давняго отъ нашего посла князя Репнина, гдѣ онъ, судя поступки архіерея переяславскаго и игумена мотровинскаго монастыря Мельхиседека, признаетъ ихъ давшими поводъ и участвующими въ настоящихъ смутеніяхъ польскихъ. Я уже вашему сіятельству, отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца, имѣлъ честь объяснить, что сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему униатскихъ поповъ основывалъ на должности своего паствытства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія, и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго о взаимной свободѣ въ перемѣнѣ состоянія такъ православнаго на униатское, яко и послѣдняго на первое, приводя въ оправданіе свое, что его предмѣстники въ самый Радомысль, мѣсто кафедральное бискуповъ униатскихъ, посвящали въ Переяславѣ поповъ; но не извинительно одно только, что къ тому приступилъ онъ безъ формальнаго повелѣнія себѣ. Но какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иныя, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, пресобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольствію обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отвсдены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обоарѣтъ можетъ настоящіа дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія.

По разумѣнію сего я мои примѣчанія представилъ вашему сіятельству въ помянутомъ письмѣ, сколько мнѣ сіи дѣла, какъ близко на нихъзирающему, кажутся въ настоящемъ положеніи и слѣдствій ихъ своихъ; такъ и теперь, довѣренностію вашею пользуясь, въ прибавокъ прежнему сказать осмѣливаюсь: поелику обоихъ нашихъ здѣсь сосѣдей союзъ установленный не есть толь твердъ и неподвиженъ, чтобъ всегда намъ обнадѣяться возможно на непоколебимость онаго, разумѣя ихъ свойства удобопреклонныя во всѣ стороны, то изъ сихъ причинъ во всякое время полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ

обязательство ревности и усердія ихъ къ нашей сторонѣ. При-мѣръ сему показываетъ я настоящій случай: когда конфедераты, собираясь на самомъ противъ насъ берегу рѣки Днѣпра, ко умноженію своихъ силъ забрали было къ себѣ всѣхъ польскихъ козаковъ, чтобъ съ оными ополчиться противъ нашихъ войскъ, то коль скоро сіи козаки и другіе жители вооруженные противниками свѣдали, что ихъ ведутъ поборствовать по вѣрѣ римской, вдругъ не только отложились отъ послушанія своимъ вождямъ, но и прямо на самихъ ихъ по сему случаю возстали; инако-же всѣ сіи дѣйствія и силы должны были они на наши войска или на жителей пограничныхъ устремить, которыя вопреки обратили на вредъ самихъ заводителей, не хотя быть ихъ единовѣрными и единомышленниками. Извѣстный губернаторъ Сасинъ, подъ арестомъ содержащійся, уполномоченъ былъ нарочно отъ господина своего, бунтовщика Щенявскаго, чтобъ собрать всѣхъ пограничныхъ козаковъ и противъ насъ поставить; токмо сіи жители, овѣдавши, для чего сіе дѣлается, притѣснили самага конфедерата столько, что онъ, съ опасности лишиться жизни, выбѣжалъ въ наши границы.

Проницаніе вашего сіятельства, конечно, не минетъ сей пунктъ сообразить со всѣми окрестностями оному противустоящими. Я уже до сего вамъ объявилъ, что опубликованный манифестъ хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престають они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, а жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самую изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмицевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горичность къ благочестію, ежели отнять ихъ въ томъ свободу, и удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому-же, что и были, то я ваше сіятельство предварительно предувѣряю о слѣдствіяхъ неприятныхъ, неминуемо изъ того возродящихся, что тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло, ибо запорожскіе и польскіе козаки союзомъ самага родства и преклонности такъ между собою сопряжены, что братъ одинъ въ томъ селеніи, другой въ другомъ жителствууютъ и по произволенію перемѣняютъ свое пребываніе.

Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію, законные подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ тайную уже молву, будучи въ Переяславѣ, въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ.

Но не возмните, ваше сіятельство, чтобъ я моими объясненіями преподавалъ вамъ совѣты или оныя писалъ бы къ какому либо наставленію; нѣтъ милостивый государь, мнѣ достаточно извѣстно и ваше благоразуміе, и изобиліе въ способахъ предохранительныхъ интересовъ ея величества и пользы государства; а я только мои примѣчанія о дѣлахъ себѣ приближенныхъ, столько отъ должности моей, какъ и въ воздаяніе особливо дозволяемой отъ васъ къ себѣ откровенности и милости, приношу, будучи всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства.

Р. С. Я, противъ моего расположенія, и лѣтніе дни принужденъ былъ препроводить въ Переяславѣ, покуда могъ уже видѣть, что всѣ ватаги разбойниковъ вблизи границъ истреблены. Теперь я нахожусь въ Глуховѣ, куда меня на нѣкоторое время призвали по моей должности другія дѣла; я на сихъ дняхъ выѣду въ Полтаву для осмотра полковъ другой разъ въ лагерѣ собранныхъ, гдѣ будучи въ приближеніи, еще удобнѣе и лучше могу развѣдать обстоятельства нашихъ и въ ту сторону сосѣдей.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXIII.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ командующему русскими войсками въ Новороссіи, кн. А. А. Прозоровскому, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе дѣйствовавшего противъ гайдамакъ московскаго карабинернаго полка, какъ уже не нужнаго, для этой цѣли, и изложеніемъ оправданія переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, по обвиненію ихъ въ возбужденіи возстанія въ Украинѣ.

Сентября 8-го (1768 г.)

Милостивый государь, князь Александръ Александровичъ!

Рапортъ вашего сіятельства, отъ 31 августа, съ приложеннымъ экстрактомъ, я имѣлъ честь получить исправно, и на оное въ отвѣтъ самъ служу. По препорученіи въ команду вашу мос-

ковскаго карабинернаго полка, ваше сіятельство имѣете полную власть располагать онымъ по надобности случаевъ и точному своему благоразсмотренію, ибо въ разсужденіи гайдамакъ, о коихъ изъ рапорта вашего видно, что ихъ въ Польшѣ уже не слышно, нѣтъ нужды оному болѣе обращаться тамо, какъ и мнѣ командировать туда другаго полку, а вмѣсто того прива-залъ я господину генераль-порутчику фонъ Дальке: еслибы появились вновь каковы либо партіи гайдамакъ, по первѣйшимъ извѣстіямъ посылать на ту сторону Днѣпра, для истребленія оныхъ, команды, по примѣру тому, какъ въ бытность мою здѣсь то чинено было съ успѣхомъ.

Чтожь принадлежитъ до здѣшняго епископа и мотронинскаго игумена поступковъ, я въ самомъ началѣ по пріѣздѣ моемъ въ Переяславъ усмотря великое множество здѣсь уніатскихъ поповъ, о томъ епископу сказалъ мое удивленіе, но въ отвѣтъ отъ него получилъ слѣдующее: 1) что между положеніями обоихъ церквей не возбранено уніатамъ по надобностямъ приходить къ православному, а православнымъ попамъ къ уніатскому архіереямъ, 2) что по притерпѣніи многими изъ православныхъ поповъ отъ конфедераціи великихъ въ вѣрѣ утесненій и мучительствъ, принуждены оные были явше сдѣлаться уніатами, а иные искали убѣжище у него, и 3) что по вступленіи гайдамакъ въ Польшу, кои, согласясь съ мужиками, мщеніе свое, какъ показываютъ, за прежнія отъ поляковъ мучительства производили столь далеко, что невинные младенцы щадимы не были, обратившіеся въ унію священники не имѣли другаго средства къ своему спасенію, какъ только, подражая перво вышедшимъ, искать себѣ защищенія у его-же; а по миновеніи отъ конфедераціи и гайдимаковъ безпокойства, большая часть оныхъ обратно отправились. Но игумень мотронинской объявляетъ, какъ онъ еще въ прошедшемъ 1767 году, въ маѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ монастыря своего, находясь всегда внѣ онаго, не только о обращеніяхъ гайдамаковъ, но и монастырѣ своемъ никакъ извѣстія не имѣеть.

Впрочемъ особливимъ для себя имѣю удовольствіемъ пожелать вашему сіятельству, при семъ случаѣ, въ порученномъ вамъ дѣлѣ благополучныхъ успѣховъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

Отправлено 8 сентября изъ Переяслава.

XXIV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу въ Варшаву, кн. Н. В. Репнину, съ изясненіемъ необходимости примиренія украинскихъ пановъ съ возставшими изъ крестьянами, изложеніемъ взгляда ея на переяславскаго епископа Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека по отношенію ихъ къ возстанію и выраженіемъ сочувствія къ Репнину въ его трудномъ относительно этого дѣла положеніи.

23 сентября (1768 г.)

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

При благодареніи за послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 9/ю сентября, и новаго ничего изъ здѣшнихъ мѣстъ сообщить вамъ не нахожу, какъ повторить прежніи мои изъясненія, коль нужна благодать помѣщикамъ польскихъ къ своимъ забунтовавшимъ крестьянамъ, чтобъ привести ихъ въ прежнее повиновеніе, къ которому они уже преклоняются, и колеблются однимъ только страхомъ мщенія.

О поступкахъ архіерея переяславскаго я нимало не свѣдомъ, тѣмъ меньше ручаться могу за игумена мотронинскаго, хотя первый всегда мнѣ кажется такимъ черноризцемъ, который въ глубокой своей уже старости *) посвятилъ себя строгому благоговѣнію, и совсемъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его подозрѣваютъ. Многихъ-же къ нему уніатскихъ приходящихъ поповъ я самъ въ Переяславѣ видѣлъ, которые сказуютъ, что прежде въ унію ихъ привело принужденіе тамошнихъ властей, а теперь отъ оныя къ благочестію обращаетъ неминуемая гибель, которою угрожаетъ простой народъ возмутившійся.

Я самъ, кромѣ вашего объмышленія, былъ въ томъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ вами отправляемыхъ сколъ приноситъ для васъ славы, то не меньше плотите вы за то трудами и неутомленною заботою. Въ обстоятельствахъ сихъ я представляю вамъ, любезнѣйшій мой другъ, что не будетъ такого препятствія и самой невозможности, которую бы вы своимъ талантомъ не въ состояніи были преодолѣть. Я думаю, противъ недоброхотовъ есть много и доброжелателей, которые свои силы соединяютъ вашимъ за возстановленіе благосостоянія общаго.

*) Ему было въ это время 84 года.—Р е д.

Я обнадежившись вашимъ благосклоннымъ обѣщаніемъ о частыхъ меня увѣдомленіяхъ въ происхожденіи вашихъ дѣлъ, имѣю честь пребывать съ должнымъ почтеніемъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXV.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ вымораживаетъ себя въ высказанномъ имъ прежде взглядѣ на украинское возстаніе, какъ не согласномъ съ общими политическими видами имп. Екатерины II и самаго Панина, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о враждебномъ настроеніи къ намъ Турціи и ея намѣреніяхъ.

27 сентября (1768 г.).

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Если вспоможеніе во всякой вещи дѣлаетъ насъ обязанными, то какъ больше должны мы благодарностію таковымъ людямъ, которые въ дѣлахъ нашихъ руководствуютъ насъ полезными наставленіями. Такъ, милостивый государь, я сталъ долженъ вашему сіятельству непрестаннымъ чувствованіемъ великаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое доказуетъ въ письмѣ своемъ отъ 19-го сего мѣсяца, вразумляя меня изображеніями, однимъ—въ видѣ министра, другимъ—въ качествѣ друга. Тутъ ваше сіятельство, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя, показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣваніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столко-же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сія начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія.

Посему изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по возрѣнію на обстоятельства наружныя тахъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко я изъ предосторожности противъ сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ курьеромъ, вчера отправленнымъ, наполнилъ я мои къ вамъ депеши, предусматривая по положенію и движеніямъ турец-

кихъ войскъ. Ихъ непремѣнное намѣреніе, вступя въ Польшу, воспятить нашимъ тамъ подвигамъ. Между повелѣніями, должствующими непосредственно уже ограничить сей случай, я вашему сіятельству наибольше нужнымъ повторить честь имѣю то, что отъ 5-го числа писалъ о приведеніи всѣхъ здѣшнихъ военныхъ силъ подъ единоначаліе. Съ моей стороны, сколько позволяли здѣшніе способы, я предосторожность на неожиданныя происшествія уже употребилъ и распологать буду; но всякій начальникъ лучше тутъ подѣйствуетъ, когда не могутъ встрѣтиться расположенія его другаго мысли и несогласія.

Я немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣнія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько-же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ униатскими попами вовсе пресѣкаться можетъ, ежели ваше сіятельство изволите согласиться, чтобъ ихъ ни единого чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать, такъ какъ и пришедшихъ назадъ выслать.

Теперь всѣ правила, поелику они въ системѣ толь полезной, козь описаны мнѣ вашимъ сіятельствомъ интересующія намѣренія ея императорскаго величества, я съ благодареніемъ отъ васъ узнавши, всѣ послѣдованія въ сихъ дѣлахъ нужныхъ соглашать оныя стараться буду. Воспомявая то въ честь себѣ, что ваше сіятельство бывши въ томъ мнѣ руководителемъ, станете вы принимать посему всѣ дѣйствія мои, какъ плодъ вашихъ наставленій, позволяя тѣмъ самимъ непрестанно называться съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. — *Слѣдуетъ подпись.*

XXVI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцова переяславской полковой канцеляріи отпустить пойманныхъ вмѣстѣ съ гайдамаками украинскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ съ формальными видами, взявъ съ первыхъ присягу въ покорности, располагая послѣднихъ къ прощенію, и проч.

Сентября 27 го (1768 г.) № 940.

Ордеръ полковой переяславской канцеляріи.

Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившамъ, та канце-

лѣрія имѣеть нынѣ освободивъ отправить въ ихъ дома, но со взятіемъ однако-жъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оныя возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобъ ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои-бы иногда и надъ раскаявшимися прежде возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія, на сей случай, дать имъ имѣеть урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоня послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали вѣтвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности; инакоже, своею мстительностію противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускѣ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ, приступлено. Къ симъ присоединить и напередъ по моему ордеру присланнаго жителя польскаго мѣстечка Медвѣдовки, Саву Шпачевка, пойманнаго обще съ козакомъ сотни каневской Василиемъ Кущевкомъ, который въ осужденію отосланъ въ судъ генеральный.—*Смѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

РѢЧЬ

„О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ“ МАЛОРОССІИ.

Помѣщаемая рѣчь получена нами отъ А. М. Лазаревскаго, а ея́ досталась отъ умершаго уже нѣсколько лѣтъ назадъ предводителя дворянства конотопскаго уѣзда П. Гр. Кандыбы († 1868 г.), у котораго хранилась, какъ любопытная рѣдкость, съ такимъ заглавіемъ: «копія древней малороссійской рукописи, написанной въ царствованіе императрицы Елисаветы, при гетманѣ графѣ Разумовскомъ». Копія эта, судя по почерку, — 30 или 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и самъ Кандыба не зналъ, кажется, ея происхожденія.

Время оригинала приблизительно опредѣляется заглавіемъ рукописи и ея сохраненіемъ; но кѣмъ, гдѣ и по какому именно случаю сказана самая рѣчь, рѣшить трудно. Съ достовѣрностію полагать можно, что она произнесена гдѣ-то въ Черниговщинѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первые годы гетманства Разумовскаго. Очень вѣроятно, что это призрачное и случайное возстановленіе гетманскаго достоинства и возведеніе въ этотъ санъ бывшаго придворнаго пѣвчаго воодушевило его соотчичей надеждами на возвращеніе старыхъ порядковъ, когда знатной старшинѣ козацкой жилось еще льготнѣе, чѣмъ теперь подъ протекціею и наблюденіемъ россійскихъ правителей, предъ которыми надо было изгибаться и умѣть изворачиваться, чтобы располагать богатыми «магнотями», и они, рѣшившись воспользоваться близостію гетмана къ императрицѣ, собрался гдѣ-то для разсужденій о поправленіи состоянія любезнаго своего отечества — лѣвобережной Украйны, носившей названіе Малороссія. Ни въ самой рѣчи, ни въ какихъ-либо современныхъ документахъ нѣтъ указаній на офціальныи характеръ собранія. Самъ ораторъ какъ будто случайно поадаеть въ собраніе, хотя рѣчь его видимо подготовлена и весьма старательно. Въ ней довольно мѣстнаго патріотическаго зуда, еще болѣе краснорѣчія, но немного истиннаго знанія нуждъ родины и еще менѣе яснаго представленія о способахъ къ поправленію ея состоянія. Не легко человеку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу свыкаться съ новыми порядками, еще менѣе совершенными, и нечего удивляться въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторой ляментациа и радужнымъ обращеніямъ къ прошлому; но ни самъ ораторъ, ни, по всей вѣ-

роятности, и его слушатели не могли стать выше своихъ мѣстныхъ и даже сословныхъ воззрѣній. Шляхетская свобода, или льготы высшихъ классовъ, и прикрѣпленіе низшихъ,—таковы идеалы того времени и вмѣстѣ неизвѣстнаго автора. Мы не будемъ касаться частныхъ рѣчи; скажемъ лишь вообще, что это тѣ-же возделѣнія, которыя воодушевляли малороссійское дворянство и спустя десятка полтора лѣтъ, при выборѣ депутатовъ въ кончившуюся ничѣмъ Екатерининскую комисію 1767 г. и составленія для нихъ наказовъ, но здѣсь картина тогдашнихъ порядковъ общѣ и разсужденія практическаго характера системнѣе, или дѣльнѣе. Во всякомъ случаѣ рѣчь имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе и, какъ памятнику такого рода, мы и даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Въ частности относительно личности автора мы можемъ допустить предположеніе, что это былъ одинъ изъ двухъ выдававшихся ораторовъ того времени: или М. В. Скоропадскій, бывшій генеральный подскарбій, ставшій жертвою интриги Теплова, или не занимавшій никакого уряда, рьяный патріотъ, Полятика. Кто-бы ни былъ впрочемъ авторъ рѣчи, онъ хорошо былъ ознакомленъ съ правилами высшей реторики, какъ даетъ это чувствовать самая рѣчь.

Имѣя счастье быть участникомъ благороднаго вашего собравія, въ которое вы, какъ мнѣ безъизвѣстно, сошлись, чтобы разсуждать о поправленіи состоянія любезнаго отечества нашего, въ сомнѣніи нахожусь, лучше-ли мнѣ отъ любви и усердія къ отечеству все то говорить, что слабой мой велить разсудокъ, или лучше обо всемъ молчать отъ жалости. Предки наши—славный оной народъ россійскій, послѣ несчастливаго разоренія татарами, будучи, какъ по доброму согласію, такъ по большей части завоеваніями, присоединены къ республикѣ польской, не меньше благоразуміемъ, какъ и мужествомъ своимъ дошли до того, что принять былъ на всѣ права, вольности и преимущества, которыми еще и нынѣ помянутая республика предъ цѣлымъ свѣтомъ хвалится. Въ семъ благополучномъ состояніи умѣлъ онъ себя содержать до тѣхъ временъ, пока зависть и насиліе не стали искать способовъ, какъ его всего того лишить; но и тутъ сохранялъ онъ себя тѣмъ-же благоразуміемъ и храбростію, защищая иногда себя своими правами и привилегіями, а иногда силою отвращая, пока, напоследокъ, будучи доведенъ до крайности, свергъ съ себя иго поляковъ и пришелъ въ подданство прежнихъ своихъ государей, всемилостивѣйшихъ россійскихъ монарховъ. Сколь радостно, столь милостиво приняли въ свою протекцію малороссійскій народъ сіи новыя владѣтели и не токмо всѣ

тъ вольности и права, которыя мы имѣли подъ Польшею подтвердили, но новыми и лучшими насъ наградить и пожаловать обѣщали. Но кто-бы подумалъ, что съ самаго того времени, когда мы чрезъ сіе подданство думали сысвать наше благополучіе, наше спокойство и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушение нашего покоя и благосостоянія? Кому же сіе приписать должно? Не внутреннимъ-ли нашимъ не порядкамъ и замѣшательствамъ, не властолюбію-ль частныхъ людей? не пренебреженію-ли общаго добра и исканію своего собственнаго? Не злому-ли употребленію законовъ?—Не упоминая о другихъ безчисленныхъ безпорядкахъ, возьмите только въ разсудокъ и здравымъ умомъ разсмотрите исторію предковъ нашихъ и ихъ состояніе снесите съ нынѣшнимъ: гдѣ нынѣ славные оныя люди, которые разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества нашего и благоразумно онымъ правили? Гдѣ нынѣ славные оныя воины, которыхъ трепетали многіе европейскіе и азіатскіе народы, которыхъ дрожали Таврика и Константинополь, которыми въ пепель превращены многіе непріятельскіе города, которыми на послѣдокъ потрясена Польша, славное тогда въ свѣтъ и сильное государство? Я смѣло скажу, что ихъ немного у насъ осталось и, что всего жалостнѣе, перенелися они въ недавнія лѣта, и почти въ памяти отцовъ нашихъ и нашей. Но для меня и словъ не достанетъ, если я захочу пространно изъяснить упадокъ отечества нашего и исчислять всѣ наши несчастія. И такъ, лучше мнѣ обратитъ рѣчь мою къ вамъ, благородное собраніе, и просить васъ чрезъ любовь отечества, чрезъ собственную вашу и потомковъ вашихъ честь и пользу, соберите всѣ силы ума вашего, подтвердите оныя патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумайте объ возстановленіи прежнихъ отечества вашего порядковъ и благосостоянія; а если вы мнѣ позволите вольный между вами имѣть голосъ, если прикажете объявить вамъ мое мнѣніе, то я вамъ предложу оное вератцѣ и такъ, какъ велитъ мнѣ моя честь, совѣсть и польза отечества, которое я люблю больше моей жизни.

Отъ хорошаго учрежденія гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ зависитъ все благополучіе государствъ. Гражданскіе у насъ дѣла совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, городскіе, подкоморскіе и протчіе. Къ содержанію правосудія и

порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналь, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общіе и важнѣйшіе наши дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возрасла и почти все себѣ присвоила воинская сила. И такъ надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которыя управляютъ гражданскими дѣлами на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣвають права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привилегію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о учрежденіи подкоморныхъ, которое намъ вѣрнымъ служить залогомъ, что Ея Императорское Величество и прочіе нужные къ управленію гражданскіе чины учредить уважаетъ. Направленіе гражданское тогда хорошо, когда хороши законы. Мы такія имѣемъ законы, которые только наилучшія имѣть можетъ вольный и благородный въ свѣтѣ народъ; но первое несчастіе наше состоитъ въ томъ, что имѣемъ оныя на чужестранномъ языкѣ и что не имѣемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; они состоятъ не въ одной книгѣ Статута, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, но во многихъ книгахъ конституцій или установленій сеймовыхъ, на которыхъ законодателями были и предки наши и въ которыхъ больше заключаются наши привилегіи, преимущества и вольности, нежели въ Статутѣ, а сверхъ того въ помощь вышеупомянутыхъ правъ употребляемъ мы, по древнему обыкновенію, саксонское и холмское право. Подумайте-же, въ такомъ великомъ числѣ книгъ и законовъ, не можно-ли запутаться и самымъ искуснымъ и ученымъ людямъ, не можно-ли сыскать противустоящихъ и двоякій видъ имѣющихъ установленій, а сіе къ какой обидѣ и разоренію общества служить, вы сами довольно знаете. Другое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что имѣемъ мы весьма мало людей, знавшихъ точный разумъ, силу и употребленіе нашихъ законовъ. Да и почему намъ знать то можно, когда мы не учимся и учиться гдѣ не имѣемъ законодательству наукъ. Итакъ я бы думалъ, что все благополучіе отъ того зависитъ, чтобы мы всѣ наши права и привилегіи имѣли въ одной книгѣ, чтобы законы наши были исправно переведены на нашъ языкъ, расположены порядочно и на всякій случай ясныя и точныя

имѣли положенія. На сіе можно намъ употребить разумныхъ и прямо законы знающихъ людей. Но не думайте, чтобы чрезъ сіе хотѣлъ я какого-либо нашихъ правъ нарушенія или отиѣны,— нѣтъ, я хочу порядка; мы ихъ всѣхъ можемъ имѣть въ своей силѣ и точности, только лучше и порядочнѣе, нежели нынѣ, а если захочемъ въ нихъ сдѣлать какую отиѣну по нынѣшнимъ временамъ, правамъ и обстоятельствамъ нашимъ, слѣдуя въ томъ примѣру просвѣщенныхъ народовъ, то и то будетъ зависеть отъ нашего соизволенія и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. Я знаю, что законы для людей, а не люди для законовъ дѣлаются, и сего довольно одѣлахъ гражданскихъ.

Воинство наше, то есть козаки, которыми мы въ прежніе времена толь великую приобрѣли славу, имѣло особенныя свои вольности, выгоды и пользы, а сверхъ того, хотя небольшое, получало жалованье, нынѣ не тоюмо того не имѣетъ, но, служа изъ своего собственнаго имѣнія, должно сверхъ того питать нѣсколько регулярныхъ полковъ, что въ такое привело истощеніе, что смѣло можно сказать, что нѣтъ десятой доли, которые во всей исправности могли-бы на службу выйти, а отъ сего презрѣніе имѣютъ отъ другихъ воинскихъ людей и уже за негодныхъ къ войнѣ и къ храбрымъ поступкамъ почитаются тѣ люди, которые недавно были сильны, храбры и страшны. Чѣмъ же имъ помочь должно? Надлежитъ прежде охранить ихъ имѣніе отъ всякихъ нападковъ и разореній, возобновить ихъ вольность, просить, чтобы сложены были съ нихъ подати, положить извѣстное небольшое число козаковъ и дать имъ хотя малое жалованье, а остальныхъ козаковъ въ подмогу, и раздѣлить ихъ такъ, чтобы зажиточнѣйшіе служили конную, а убогіе пѣшую службу, какъ-то было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ его пріемникахъ. Сямъ способомъ, кажется мнѣ, можете привести ихъ въ прежнее состояніе и возобновить древнюю ихъ храбрость и славу.

Имѣнія и земли наши, которыя по правамъ и привилегіямъ нашимъ ни въ чію, кромѣ въ собственную нашу, пользу служить не должны, отошли отъ насъ то къ слободскимъ полкамъ и подѣлнью, то отданы иностранцамъ и нашедникамъ, а раскольщики сами собою на земляхъ нашихъ поселившись, думаютъ, что то ихъ наслѣдіе. Не должно-ли намъ о семъ, упавъ предъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возвращенія всѣхъ оныхъ имѣній и земель? Сіе-жъ самое должно разумѣть и о награжденіи деревнями и чинами иностранцевъ. Всѣ государства поддѣриваются, по-

лучаютъ богатство и приращеніе свое чрезъ коммерцію. Кто-жь съ жалостію не видитъ, что какъ пріезобильно Богъ благословилъ Малую Россію всякими нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, такъ въ пребѣдномъ состояніи находится ея комерція? А сіе отъ чего произошло?—Отъ запрещенія свободного вывозу нашихъ продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинь, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привилегій, которые коммерцію отпавляютъ. Кому-жь все сіе поправлять, какъ не вамъ, благородное собраніе?

Духовный чинъ вашъ также многія потерялъ свои права и преимущества. Естли мы хотимъ, чтобы всякій чинъ въ Малой Россіи при своихъ правахъ сохраненъ былъ, то должно намъ вступиться и за чинъ духовный и просить о сохраненіи ихъ при прежнихъ ихъ привилегіяхъ, а они напротивъ того должны намъ помогать своими имѣніями въ полезныхъ отечества нашего учрежденіяхъ.

Но сколь много всѣ малороссійскаго народа чины потеряли своихъ вольностей! Отъ чего мужики наши пріобрѣли самоволія? Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безвозбранно вписываются въ козаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умалается земледѣліе, неисправно платятся общенародныя подати, и протчіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю, что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободного перехода.

Не должно-же позабыть и о претерпѣнныхъ убыткахъ во время турецкой войны и просить милостивого за оныя награжденія.

Ученіе какъ къ просвѣщенію разума, такъ и къ содержанію всякихъ добрыхъ порядковъ въ государствахъ больше всего способствуетъ; наилучшіе государи, полководцы, градоначальники были философы; надлежитъ намъ стараться и о распространеніи наукъ въ нашемъ отечествѣ, а распространить ихъ не можемъ, не учредивъ хорошихъ училищъ и не давъ должного на оныя содержанія.

Я бѣ еще и больше хотѣлъ предлагать вамъ о нуждахъ отечества нашего, но опасаясь, чтобы не наскучить и не вывести васъ изъ терпѣнія. На ваше благоразуміе, на ваше усердіе надѣюсь, что мои недостаточныя предложенія исправите и свои благоразумнѣйшія прибавите, и во исполненіе приведете; словомъ

сказать: не упустите ничего того, что только къ сохраненію правъ, привилегій, преимуществъ и вольностей вашихъ служить. При премудрой, милостивой, просвѣщенной и великодушной монархивѣ, которую мы нынѣ имѣемъ, нѣтъ никакого невозможнаго дѣла, котораго-бы мы испросить не могли, если только справедливо просить будемъ, ибо ни о чемъ она больше не мыслить, ни къ чему больше не устремляетъ своего монаршего сердца, какъ къ явнолюбію, къ правосудію и къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Итакъ намъ, благородное собраніе, ничего больше не остается, какъ, собравъ всѣ нужды и просьбы наши, просить ясновельможнаго нашего графа гетмана, чтобы онъ присокупилъ свое усердіе къ нашему и сильнымъ своимъ у ея императорскаго величества предстательствомъ исходатайствовалъ намъ милость и помощь; на его благоразуміе, на его великодушіе, на его усердіе къ отечеству должно намъ несомнѣнную положить надежду, что онъ, презирая всякія труды и собственную пользу, приложитъ ревностнѣйшее стараніе о приведеніи въ прежнее состояніе бѣдствующее, презрѣнное и всякой помощи лишенное отечество наше, и тѣмъ, вмѣстѣ съ нами, получить сіяніе и славу предковъ нашихъ, а у потомковъ заслужить благодарность. Только я чѣмъ началъ, тѣмъ и кончу, что въ общемъ благѣ должно отложено быть всякое пристрастіе и собственная польза.

Два документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положеніе Малороссіи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтія, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономическаго положенія. Приводимые документы представляютъ официальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнія военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенія малороссійской коллегіи тогдашняго правителя Малороссіи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссійскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторіею и порядками страны, равно особенностямъ козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствіе воинскаго строя и знанія военныхъ артикуловъ въ нестроевыхъ ротахъ, видимо уже до него перестроенныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссійской коллегіи и ея подраздѣленіяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ снѣжавской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козацкихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣній, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненіи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанію, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказаніе «кіями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, введенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участіе, и мѣстными малороссійскими, унаследованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношеніяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всеильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, дѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами—отца, сына, мужа, жениха. Но—война родить и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родицѣ, охрана ея дѣлості, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждого интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеалъ народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Повятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козацья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козацкая была службою за землю, и тутъ-то соглашались интересы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы козачей. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и козачество, удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несплоченное съ прочими частями государства, не могло расширить своего патріотическаго кругозора и на мѣсто прежнихъ, удивившихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни создать новые. Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизненной почвы; они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей» по природному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще хуже, въ простыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы казаки почти уже не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унижительную работу рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, шанцевъ и другихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эти работы въ то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья Невы были въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ возвращался домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навывкнутъ воинскому строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, становилась годъ отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й учалъ ставить на высшіе уряды по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чужеземцевъ, а не рѣдко и проходивцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду неизвѣстныхъ козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ на средство къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизмъ, какой сама несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями военными, для которыхъ не было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, но исканіемъ протекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на козаковъ-же смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и оттягивая всѣми неправдами ихъ земли и угоды. Среди такой безладницы, среди всеобщей почти погони за наживою и неразлучныхъ съ нею интригъ, искательства и тяжбъ какъ не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской службѣ? Козаки дѣйствительно отвливали и уклонялись отъ нея, переходили въ городъ, занимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ временахъ, болѣе льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народѣ, а обычай свободнаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена семьи другимъ и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ полной силѣ, хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности козачей службы, козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ наименѣе было пригодно. Эти традиціи ясно сказались въ обояхъ протестахъ, съ которыми встрѣтился теперь Румянцевъ, но онъ не заогѣлъ понять ихъ и согласить нужды народа съ требованіями военного искусства и распорядился съ необученными и непокорными по своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документовъ.

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдатскихъ ротъ многія неурядиства и безпорядка, что хотя оне имѣ регулярныхъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и вида того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служить, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отданныхъ имъ подъ караулъ полку его величества, короля польскаго, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самой караулки, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславіе нанесли, въ разсужденіи, что въ Польше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ караулъ, никакова военнова порядка не знаетъ, сведенія не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа большая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, являсь, хотели спрашивать, какую оне службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожь на одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безызвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генералной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешіе, а сіи, имея жалованье большое, мундиръ и аммуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однакожь, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявление обе солдатские роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ караулъ отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собраніи протчихъ виновныхъ оныхъ солдатовъ, плетями высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ учиня плетями наказаніе и отобрать всѣ вещи, изъ солдатскаго званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненніи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведены и допущени не были, отъ службы и должности отрѣштить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію ево господина брегадира къ службѣ способныхъ офицеровъ и рядовыхъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерскаго полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетвой комиссіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никуда, въ разсужденіи, что по апробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ дома ихъ съ пашпортами и свидетелствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потомужъ пересмотрѣть и самыя лучіе при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣетъ вѣдать.

Генераль Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.

Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ чернѣговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновскаго, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ прочихъ сотняхъ чернѣговскаго полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоя сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣніи таковаго о службѣ, чрезъ показаннаго полковаго старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по ивструкціи сему старшинѣ отъ полковой чернѣговской канцеляріи данной. велѣно ихъ обя-

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣняясь другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ народъ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оныя къ исполненію всеѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовсе несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то найпаче, чтобъ начальна всякое повелительное слово всеѣмъ подчиненные ставили себѣ за венарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія столько невыщипныхъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начальства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожъ невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъ стари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ приѣмлютъ означенной сиявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всеѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й. Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруковецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напоследокъ, по имянному ближневныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіяся же опредѣлены къ вспомоствованію сямъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значить, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначенного числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлыя дѣмы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установлений, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козанами, которые-бы разумѣя должность

на себѣ лежащую, навывнули прямому оныя употребленію, инакоже естли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако-жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлыя и престарѣлыя жены; по дѣйствию корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой избранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемыя, что оныя потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако нельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣеть тотъ часъ полковнику чернѣговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ карауль козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значить, показать непослушаніе командъ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь вѣями, и яко огуоряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкаго (гдѣ установлено: „которые-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огуорялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣеть“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ
ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы
всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни
о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генералъ Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1768 года
въ Глуховѣ.

Библіографія.

Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербуръ. 1882 г.

Задача, исполнить которую предпринялъ г. Мордовцевъ, написать бытовую и историческую повѣсть изъ жизни козачества начала XVII столѣтія, составляетъ, какъ полагаемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ для беллетриста. Не смотря на усиленную въ послѣднее время разработку историческаго матеріала, бытовая сторона жизни козачества въ ту отдаленную эпоху его существованія едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ; весь поныѣ обнародованный матеріалъ не только не даетъ возможности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной бытовой картины, но оставляетъ неясными, въ полумракѣ, многія весьма крупныя и существенныя черты. Сама личность Петра Конашевича Сагайдачнаго, около которой группируется разсказъ повѣсти, представляется намъ неяснымъ силуэтомъ, главные контуры котораго мы едва можемъ установить по дошедшимъ до насъ историческимъ свѣдѣніямъ; подробности біографіи этаго знаменитаго козацкаго гетмана, весьма справедливо привлекающаго вниманіе даровитаго беллетриста, остаются пока неизвѣстными. Всѣ эти трудности не утратили г. Мордовцева и онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ талантомъ, хотя, за скудостью историческаго матеріала, былъ поставленъ весьма часто въ необходимость брать краски для своихъ картинъ изъ народныхъ думъ и преданій, или, еще чаще, восполнять пробѣлы довольно смѣлыми гипотезами, или усиліями личнаго творчества. Намъ приходится особенно сътовать, читая повѣсть г. Мордовцева, на недостатокъ историческаго матеріала, такъ какъ тѣ страницы повѣсти,

составляя которыя авторъ стоялъ на прочной исторической почвѣ, поражаютъ насъ живостью, свѣжестью колорита, драматизмомъ и цѣлнвно художественнымъ изображеніемъ. Таковыми кажутся намъ эпизоды, заключающіе описаніе пороговъ и переправы вдоль ихъ козацкихъ чаекъ, описаніе морского козацкаго похода и бури на Черномъ морѣ, описаніе выбора кошевого и особенно описаніе невольничьяго рынка въ Кафѣ и взятія этого города козаками. Авторъ въ описаніяхъ этихъ весьма удачно воспользовался историческими данными и сухія свѣдѣнія лѣтописей и документовъ превратилъ въ исполненныя жизни и художественно пересказанныя картины. Но, къ несчастью, авторъ не нашель для всѣхъ изображаемыхъ имъ эпизодовъ подлиннаго историческаго матеріала и долженъ былъ пробѣгнуть къ другимъ источникамъ; съ этою цѣлью г. Мордовцевъ выбралъ нѣсколько народныхъ эпическихъ произведеній, болѣе обильныхъ фактическими подробностями и развилъ на ихъ основаніи бытовыя картины. Мы находимъ такимъ образомъ въ книгѣ г. Мордовцева главы, сюжетами которыхъ служатъ думы: о Ганжѣ Андыберѣ, Самуйлѣ Кошкѣ, Алексѣ Поповичѣ и Федорѣ Безродномъ. Приѣмъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удаченъ и сообщаетъ повѣсти колоритъ народнаго современнаго взгляда и народнаго міросозерцанія; полагаемъ только, что думою о Ганжѣ Андыберѣ авторъ воспользовался для своей цѣли не вполне умѣстно и совершенно напрасно отождествилъ Ганжу Андыбера съ Сагайдачнымъ, а „Настю Горовую“ съ женою этого гетмана. Главный мотивъ думы о Ганжѣ Андыберѣ—это борьба бездомной и безземельной козацкой „гололоты“, опиравшейся на поддержку Запорожья, съ козацкою старшиною, „дуками“, захватившими въ собственность всѣ „займанщины, дуки и дуги“, стремившимися къ образованію козацкой аристократіи, своего рода шляхетства, и смотрѣвшими съ гордостью и пренебреженіемъ на „гололоту“. Явленія эти имѣли мѣсто только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ переворота, совершившагося при Богданѣ Хмельницкомъ, когда изъ среды козачества выдѣляется дѣйствительно кружокъ старшины, захватившей поземельную собственность и стремившейся къ образованію привилегированнаго сословія. Перенесеніе этихъ общественныхъ отношеній въ первую четверть XVII столѣтія намъ кажется анахронизмомъ, не столько важнымъ въ хронологическомъ отношеніи, сколько нарушающимъ правду исторической бытовой картины; козацкіе „дуки“, всплывшіе при Самойловичѣ и Мазепѣ, не существовали во время Сагайдачнаго,

когда все козацкое сословіе представляло лишь преслѣдуемую и гонимую „чернь“, спасавшуюся бѣгствомъ на Запорожье; выборная старшина козацкая не могла тогда еще помышлять о захватѣ территоріальной собственности, а напрягала всѣ силы въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всего козачества— „дуками“ польскими.

Впрочемъ указанный анахронизмъ, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ сочиненіи г. Мордовцева. Конечно, отъ исторической повѣсти мы не вправе требовать такой точности, какая требуется отъ строго историческаго изслѣдованія; несомнѣнно феллетристъ имѣетъ право въ значительной степени жертвовать требованіямъ художественнаго творчества мелочами строгой исторической дѣйствительности; онъ можетъ не стѣсняться до известной степени хронологическими данными, можетъ рассказывать сцены и событія не констатированныя исторіею, но возможные въ данное время и при данной обстановкѣ, можетъ восполнять и изображать въ законченныхъ образахъ едва начертанные исторіею характеры историческихъ дѣятелей и представителей народныхъ типовъ и т. д. Но эта *licentia poetica* не безгранична и подлежитъ въ свою очередь известнымъ требованіямъ критики, конечно болѣе широкимъ, чѣмъ требованія, предъявляемыя историческому изслѣдованію. Мы полагаемъ, что отступленія отъ строгой исторической истины не должны въ исторической повѣсти допускаться безъ причины, тамъ, гдѣ условія художественнаго творчества этого не требуютъ, что отступленія эти не должны превышать предѣловъ возможнаго въ данной мѣстности и въ данное время, т. е. что рассказъ исторической повѣсти, не имѣетъ права вводить обстоятельства, не принадлежащія описываемой мѣстности и средѣ и описываемой эпохѣ. Не соблюдая этихъ требованій, историческая повѣсть перестаетъ быть историческою, переходитъ въ область фантазіи и, сверхъ того, привлекаетъ читателей художественностью своей формы, способствуетъ установленію въ публикѣ превратныхъ представленій о данной исторической эпохѣ и способствуетъ затемнѣнію историческаго народнаго самопознанія, вмѣсто того, чтобы восполнить его путемъ артистическаго творчества.

Въ повѣсти г. Мордовцева такихъ отступленій, болѣе или менѣе крупныхъ, весьма много, и мы должны замѣтить, что въ значительномъ большинствѣ они зависятъ не столько отъ недостаточности историческаго матеріала, сколько отъ небрежнаго его изученія, весьма замѣтной поспѣшности работы и желанія

усилить лишними эффектными сценами и безъ того въ высокой степени интересный разсказъ. Постараемся указать нѣкоторыя изъ этихъ, болѣе или менѣе крупныхъ отступленій, замѣченныхъ нами невольно при чтеніи повѣсти „Сагайдачный“, не смотря на то, что въ цѣломъ повѣсть значительно подкупала наше вниманіе художественными достоинствами.

Прежде всего бросается въ глаза небрежное отношеніе автора къ географическимъ даннымъ описываемаго имъ края. Въ 7-ой главѣ повѣсти (стр. 67—79) изображается бѣгство четырехъ козаковъ изъ Острога въ Запорожье и затѣмъ погона за ними придворной полиціи князя острожскаго. Бѣжавъ ночью изъ Острога, козаки утромъ вѣзжаютъ уже въ безграничную степь, „которая тянулась вплоть до запорожскихъ вольностей“, и въ тотъ же день перерѣзываютъ „Чорвый шляхъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности Острогъ вовсе не былъ пограничнымъ замкомъ, стоявшимъ на границѣ степи; онъ находился почти въ центрѣ густо населенной Волыни, ближайшее разстояніе отъ него къ западной части „Чернаго шляха“—болѣе 100 верстъ; но и за „Чернымъ шляхомъ“ находилась вовсе не пустынная степь—тамъ лежали населенныя, хотя менѣе густо, чѣмъ Волынь, воеводства подольское и брацлавское, тянувшіяся болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, по прямой линіи отъ границъ Волыни до рѣкъ Синюхи и Кодымы, за которыми только начинались „запорожскія вольности“. Какъ не привлекательны у г. Мордовцева картины степи, мы полагаемъ, что онъ нашелъ-бы мѣсто изобразить ихъ, не дѣлая напрасной географической перестановки, а за то могъ-бы извлечь не одну интересную сцену, описавъ путешествіе своихъ странниковъ по заселеннымъ русскими крестьянами и мѣщанами Волыни и Брацлавщинѣ и обративъ вниманіе на отношеніе къ бѣглецамъ какъ этого населенія, такъ и властвовавшихъ надъ нимъ шляхтичей. Не менѣе страннымъ кажется намъ и та сцена въ повѣсти (стр. 221—222), гдѣ описывается охота у князя Вишневецкаго въ Лубнахъ: въ то время, когда охотники выѣзжаютъ со двора, дѣвица Кисель замѣчаетъ, что „по направленію прямо къ югу, на синевѣ чистаго неба, гдѣ-то далеко за Днѣпромъ, клубились дымныя облака и зловѣще ползли къ сѣверу“. Полагать должно, что жители Лубенъ съ удивленіемъ прочтутъ эту картину, зная, что по направленію къ югу ближайшій берегъ Днѣпра (у Крылова) находится за 100 верстъ отъ нихъ по прямой линіи и, конечно, они сильно изумятся дальнозоркости дѣвицы Кисель. Во-

обще географических промаховъ и небрежностей въ повѣсти слишкомъ много. Такъ въ перечнѣ польскихъ областей (стр. 37) названы, будто двѣ отдѣльныя провинціи, Подлясье и Подлякія (это синонимы) и указана странная область—„Инолянтъ съ Полоцкомъ“, т. е. вѣроятно два отдѣльных воеводства: полоцкое и инолянтское (польская Ливонія съ главнымъ городомъ Динабургомъ); городъ Самборъ, родина Конашевича, перемѣщенъ изъ прикарпатской Руси на Дибиръ (стр. 91), хотя потомъ онъ и названъ „горнымъ Самборомъ“ (стр. 167); въ окрестности Бизикермена (нынѣшній Бериславъ) описанъ никогда не бывавшій въ той мѣстности дубовый лѣсъ и т. п. Всѣ эти географическія ошибки сдѣланы, конечно, по небрежности, но есть и такія, которыя авторъ ввелъ, по видимому, преднамѣренно для того, чтобы извлечь изъ нихъ вѣщій эффектъ; къ такого рода разсказамъ мы относимъ описаніе охоты на тура и постоянныя указанія на присутствіе этого животнаго въ южно-русскихъ степяхъ въ XVII столѣтіи. Мы сомнѣваемся, чтобы туръ (правильнѣе зубръ), звѣрь по преимуществу лѣсной, населялъ когда нибудь эти степи; но если и допустить, что Мономахъ охотился на него не въ сѣверскихъ лѣсахъ, а въ степи, то во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ во всей южной Руси о немъ не было и помину. Г. Мордовцевъ повидимому заимствовалъ описаніе тура и охоты на него изъ сочиненія Виженера¹⁾, но упустилъ изъ виду обстоятельство, на которое самъ Виженеръ указываетъ,—что въ концѣ XVI вѣка туры были очень рѣдки, водились исключительно на границѣ Литвы и Мазовіи, гдѣ уже тогда поручалось мѣстнымъ жителямъ оберегать ихъ въ опредѣленныхъ частяхъ пущи, загороженныхъ на подобіе парковъ. Введеніе тура, въ качествѣ запорожской дичи, очевидно сдѣлано съ цѣлью нарисовать картину охоты въ стилѣ Майнрида, можетъ быть и интересную, но выходящую изъ области исторической повѣсти въ область фантастическаго вояжа. Такой-же майнридовскій характеръ носить и сцена степнаго пожара, которымъ будто жители Череловочной отразили набѣгъ татарскій, нагнавъ на татарскій станъ пламя и цѣлыя стада степной дичи, въ томъ числѣ и злополучныхъ туровъ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ данныя о томъ, что татаре прибѣгали къ выжиганію степи, при приближеніи сильной

¹⁾ La description du royaume de Pologne par Blaise de Vigenère. Paris. 1573.

непріятельской арміи; но это дѣлалось съ тѣмъ расчетомъ, чтобы лишити нападавшихъ возможности пользоваться кормомъ для лошадей, но вовсе не имѣлся въ виду самый огонь, какъ средство защиты, такъ какъ слабая растительность южныхъ приморскихъ степеней не позволяла рассчитывать на огненный ураганъ, можетъ быть и случающійся въ американскихъ саваннахъ.

Если обратимся къ историческимъ подробностямъ разсказа, то также не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ его частностяхъ: такъ рисуя бытъ козачества въ началѣ XVII столѣтія, г. Мордовцевъ исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на Запорожьѣ и игнорируетъ регистравое козачество и его отношеніе какъ къ Запорожьѣ, такъ и къ польскому правительству, между тѣмъ безъ указанія на значеніе и роль этого сословія, населявшаго значительную часть Украйны, всякая историческая картина козачества того времени является неминуемо неполною и незаконченною. Въ самомъ разсказѣ о Запорожьѣ введены нѣкоторыя, правда второстепенныя, ошибки, по видимому безъ всякой нужды; такъ избраніе Конашевича вождемъ запорожцевъ и походъ его на Кафу отнесены почему-то къ 1614 году, между тѣмъ какъ еще покойный М. А. Максимовичъ констатировалъ точно, что взятіе Кафы случилось въ 1606 г. ¹⁾ Полагаемъ, что еслибы г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Максимовича, то онъ избѣжалъ-бы этой ошибки, а также не сѣтовалъ-бы на то, что исторія „пропустила Сагайдачнаго“ (стр. 91), такъ какъ онъ нашелъ-бы двѣ обстоятельныя монографіи, въ которыхъ покойный историкъ собралъ весьма тщательно всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Сагайдачномъ. Думаемъ также, что въ семъ случаѣ авторъ и не заключилъ-бы разсказа о походѣ на Кафу описаніемъ торжественнаго въѣзда Сагайдачнаго въ Кіевъ и встрѣчи его тамъ польскими властями. Въ то время и запорожцы и Сагайдачный считались ослушниками и бунтовщиками, и пограничнымъ старостамъ приказано было не пропускать ихъ въ осѣдающую Украйну и даже не допускать провоза хлѣба въ Запорожье; за исполненіемъ этихъ распоряженій правительства и наблюдалъ до 1618 года кіевскій воевода Станиславъ Жолкевскій, весьма не дружественно относившійся къ козакамъ. Ужь конечно не онъ-бы раз-

¹⁾ Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 359.

рѣшилъ торжественный пріемъ въ Кіевѣ гонимаго козацкаго вождя и не онъ вышелъ-бы встрѣтить его съ почетомъ. Появленіе Сагайдачнаго въ Кіевѣ и пріемъ имъ подъ свою власть осѣдлой Украйны относятся къ болѣе позднему времени и составляютъ результатъ московскаго похода козацкаго гетмана, предпринятаго, по просьбѣ польскаго правительства, для спасенія отъ гибели королевича Владислава, въ описываемое-же авторомъ время факты эти представляютъ историческую невозможность.

Еще большую историческую ошибку дѣлаетъ г. Мордовцевъ въ изображеніи польскаго или точнѣе южно-русскаго дворянскаго общества того времени. Черты, долженствующія рисовать это общество, взяты на угадъ изъ различныхъ періодовъ его исторической жизни; но большая часть ихъ относится къ концу XVIII вѣка, начиная съ описанія изящныхъ „палаццо“ съ статуями греческихъ боговъ, каскадами и фонтанами и оканчивая произносимымъ весьма часто „слово гонору“. Въ общемъ самая существенная черта, не согласная съ историческою истиною и придающая фальшивый историческій колоритъ данной эпохѣ, состоитъ въ предположеніи автора, будто въ началѣ XVII вѣка южно-русское дворянство было вполне ополячено, между тѣмъ какъ въ это время колонизація едва начиналась и, усилія езуитовъ, минуя старое поколѣніе, направлены были главнымъ образомъ на школы, гдѣ воспитывались молодые шляхтичи; если и были въ данное время, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ополяченные шляхтичи, то вся масса шляхетскаго сословія говорила еще и писала на русскомъ языкѣ и оставалась вѣрною православной церкви. Если-бы г. Мордовцевъ пересмотрѣлъ хотя-бы юридическіе документы того времени, подписи церковныхъ братчиковъ въ издаваемыхъ каталогахъ братствъ, или подписи дворянъ на постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ, если-бы онъ остановилъ вниманіе на извѣстномъ ему фактѣ существованія многочисленныхъ южно и западно-русскихъ типографій и братскихъ школъ, то онъ вѣроятно воздержался-бы отъ исторически не вѣрныхъ и напрасныхъ совершенно изреченій: „литературный, ученый и юридическій языкъ хохла XVI и XVII вѣка сталъ чисто польскимъ“ и будто „писаннаго хохлацкаго языка не существовало вовсе“ (стр. 40) и т. п.—Кромѣ этой существенной фальши, мелкихъ ошибокъ и фактическихъ промаховъ въ изображеніи дворянскаго общества такъ много, что почти нѣтъ ни одной подробности отъ нихъ свободной: то въ рядахъ южно русскою знати перечисляются дворянскіе роды литовско бѣлорусскіе (Ход-

кевичи, Пацы, Сапѣги), чисто-польскіе (Замойскіе) и даже новгородскіе (Борекіе) (стр. 40 и 806); то внигина Райна Могилянца Вишневецкая, почему-то переименована въ Райду (стр. 48), а княжна Анна Острожская въ Людвигу (т. е. Луизу—стр. 208); то въ одномъ обществѣ участвуютъ, въ качествѣ ровесниковъ, лица разныхъ поколѣній: такъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій, которому въ 1614 году могло быть 4—5 лѣтъ, является ровесникомъ своего тестя Тома Замойскаго, который черезъ двѣ страницы названъ уже собственнымъ своимъ сыномъ (сравни Томашъ Замойскій стр. 47 и 50) и т. д. Особенно почему-то не везетъ у г. Мордовцева роду Замойскихъ: Янъ Замойскій, учившійся дѣйствительно въ прѣдварскомъ университетѣ, сдѣланъ ректоромъ этого университета, Тома Замойскій хвалится знатностью своего рода и подаркомъ, полученнымъ его предкомъ отъ королевы Ядвиги, между тѣмъ какъ родъ этотъ сталъ выдаваться изъ среды шляхетской мелюзги только въ концѣ XVI столѣтія и т. д. Но, минуя эти мелочи, намъ кажутся въ бытовой картинѣ гораздо болѣе важными ошибки, вытекающія изъ непониманія терминовъ, рисующихъ юридическое и бытовое устройство общества, а такіа ошибки мы встрѣтили нѣсколько разъ въ разсматриваемой повѣсти: такъ, единственное въ Польшѣ войско, существовавшее на средства государства—„кварцаное“ смѣшивается съ панскими надворными хоругвями, терминъ „уроженный“, составлявшій юридически установленный эпитетъ дворянскаго сословія, какъ „славетный“ было эпитетомъ мѣщанина, „працовитый“ крестьянина и т. д., понимается въ смыслѣ не сословномъ, а національномъ, и переводится значеніемъ „прирожденный полякъ“ (стр. 44).

Впрочемъ ошибочное пониманіе терминовъ, хотя въ значительно меньшей долѣ, встрѣчается въ примѣненіи къ подробностямъ козацкаго быта. На протяжении всей повѣсти авторъ передаетъ многія изреченія козаковъ, а также всѣ названія мѣстныхъ бытовыхъ предметовъ по малорусски. Конечно, пріемъ этотъ значительно усиливаетъ мѣстный, реальный колоритъ повѣсти и помогаетъ автору сохранить цѣльнѣе характеръ изображаемаго общества; но по временамъ въ этомъ отношеніи допущены ошибки, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами примѣровъ: на сцену является войсковою писарь съ атрибутами своей должности (стр. 23); у него чернильница за поясомъ и „каламаръ“ за ухомъ; вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду за ухомъ писаря помѣстить перо, но вмѣсто него помѣстилъ „ка-

ламарь^а, т. е. другую чернильницу, и писарь остался безъ пера. Во время взятія Кафы козакъ сизачъ тащить, въ видѣ добычи, мѣдную пушку (стр. 159): пушка эта называется въ русскомъ разговорѣ „пушкою“, въ малорусскомъ же „гаковницею“; но по малорусски пушка— „гармата“, а гаковница—это длинное вѣршное ружье, не требовавшее особенной силы для переноси и всегда дѣлавшееся изъ желѣза, а не отливавшееся изъ мѣди. Козакъ видятъ необычное зрѣлище, не вполнѣ для нихъ понятное (стр. 105) и въ изумленіи всарикаиваютъ: „вотъ *внесапія*“!... Мы не знаемъ въ какомъ языкѣ существуетъ это слово; но можемъ поручиться, что его нѣтъ и быть не можетъ въ малорусской рѣчи; догадываемся, что авторъ желалъ сказать употребляемое въ такихъ случаяхъ малороссами слово „оказія“, но забылъ его и сочинилъ „внесапію“. Ужъ подлинно „внесапія“!...

Указывая всѣ эти недостатки, замѣченные нами при чтеніи „Сагайдачного“, мы однако признаемъ, что достоинства повѣсти далеко ихъ выкупаютъ. Надѣемся притомъ, что г. Мордовцевъ, продолжая изображать историческій бытъ южной Руси въ своихъ исполненныхъ таланта повѣстяхъ, обратитъ нѣсколько болѣе вниманія не мелочную и скучную отдѣлку историческихъ деталей, необходимую однако для сохраненія вполнѣ того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ его историческія повѣсти.

В. А.

Poláci a Rusini. Sepsal prof. Josef. Perwolf.

(Поляки и Русины, Очеркъ проф. Перволфа).

Статья съ выписаннымъ выше заглавіемъ печаталась въ чешскомъ журналѣ „Osvěta“ почти впродолженіи всего 1881 года и вышла потомъ отдѣльной книжкой. Въ виду того, что вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, благодаря извѣстному львовскому процессу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, статья эта представляетъ теперь несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ „русинны“ авторъ понимаетъ не только русское населеніе Галиціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но вообще населеніе всѣхъ русскихъ областей, входившихъ когда-то въ составъ польскаго государства.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ первоначальнаго происхожденія племенъ польскаго и русскаго и образованія ими двукъ

государствъ. Различныя, говоритъ онъ, славянскія племена, населяющія страну къ сѣверу отъ Карпатъ, между Виолой и Днѣпромъ, уже издревле извѣстны были подъ двумя главными именами: Ляховъ и Руси. Когда произошло это раздѣленіе, достоверно неизвѣстно; надо полагать, что совершилось оно въ доисторическій періодъ, такъ-какъ, встрѣчаясь съ ними въ исторіи, мы уже находимъ дѣленіе на Ляховъ и Русь съ характеристическими признаками обѣихъ народностей. Тѣмъ не менѣе общность ихъ происхожденія несомнѣнно доказывается сходствомъ языка: въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же слова имѣютъ лишь различное произношеніе; западныя племена (польскія) говорятъ *grad, dąb, Sandomierz*,—восточныя (русскія): городъ, дубъ, Судомірѣ. Мало по-малу различіе между двумя народами становится все больше и больше; причины его авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Въ IX и X в. сѣверные славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ карпатскихъ горъ, составили два государства: Польшу и Русь; первое произошло отъ соединенія привислянскихъ ляховъ подъ властью польскихъ князей,—въ составъ втораго вошли всѣ восточно-славянскія племена. Польша, послѣ нѣкотораго колебанія, прильнула къ церкви римской и образованности западной, Русь—къ церкви греческой и образованности восточной, византійской. Такое религіозное и культурное раздвоеніе сѣверныхъ славянъ сообщило и ихъ дальнѣйшему развитію противоположное направленіе и имѣло громадное вліяніе на взаимныя отношенія между Польшей и Русью. Если бы ляхскія племена остались вѣрны исповѣданію православному и языку церковно-славянскому, или, наоборотъ, римско-католическая вѣра распространилась и на Русь,—ляшскія и русскія племена соединились-бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ существовала-бы лишь такая разница, какая существуетъ теперь между Кіевомъ и Владиміромъ. Но католицизмъ и православіе и соединенная съ ними двойственность культуры воздвигли между поляками и русскими стѣну, которая и до сихъ поръ раздѣляетъ оба славянскіе народа“.

Какъ два сосѣднія государства, Польша и Русь не могли не сталкиваться другъ съ другомъ. Польскіе князья вмѣшивались въ дѣла Червоной Руси, Волыни и кіевской земли, временно захватывали ихъ и, наконецъ, завладѣли ими окончательно; рускіе князья, съ своей стороны, вмѣшивались въ польскія отноше-

ніа и помогали польскимъ князьямъ въ ихъ межеоусобіяхъ. Ко всему этому присоединилось соперничество между пястовичами и юриковичами въ стремленіи обвѣхъ династій къ захвату русскихъ земель. Возникшія кровавыя войны еще болѣе разожгли политическую, народную и религіозную взаимную ненависть.

Вообще отношенія Польши съ юго-западной Русью были ближе и тѣснѣе, чѣмъ ея отношенія съ Русью сѣверо-восточной, такъ называемой „Москвой“. Близость эта поддерживалась браками между пястовичами и юриковичами; такъ въ XIV вѣкѣ Болеславъ, князь мазовецкій, будучи сыномъ галицко-русской княжны, достигаетъ галицкаго княжескаго престола. Послѣ его смерти король польскій Казиміръ окончательнo присоединяетъ къ Польшѣ Галицію, вмѣстѣ съ землями Белзской, Холмской и Подоліей (1340 г.).

Но завоевательныя стремленія поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣ же русскія области, именно Подолію и Волинь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волинь, а Польша—Подолію. Русскія земли къ сѣверу отъ Карпатъ, по Днѣпру и Вугу (Галиція, Подолія, земли Белзская и Холмская) присоединяются къ Польшѣ („Русь, что что короля слушаетъ“), земли-же по Днѣстру и Двинѣ входятъ въ составъ Литвы („Русь, что Литвы слушаетъ“, какъ говорится въ договорѣ между польскимъ королемъ Казиміромъ и Литвой). Всѣ русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ послѣ соединенія Литвы съ Польшей, во владѣніе послѣдней, хотя и сохраняютъ еще свою самостоятельность въ дѣлѣ управления до 1569 года. Только съ того времени начинается широкое вліяніе Польши на литовскую Русь.

Итакъ, говоритъ авторъ, мы видимъ, что до соединенія Литвы съ Польшей одні русскія области принадлежатъ Польшѣ, другія—Литвѣ. Но послѣдствія столкновенія народа русскаго съ литовскимъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ послѣдствія его близкаго соотношенія съ народомъ польскимъ. Храбрые, но необразованные литовскіе князья и паны подверглись вліянію болѣе многочисленнаго и болѣе образованнаго русскаго народа, позаимствовавъ у него формы правленія, языкъ, религію и образованность. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ языкомъ господствующимъ, административнымъ; правители называютъ себя „великими князьями литовскими и русскими“.

Иначе было съ Русью польской. Господствующій польскій элементъ, уже сильно подвергшійся вліянію европейской цивилизаціи, не могъ подчиниться уступавшему ему въ численности и образованности русскому народу; здѣсь, напротивъ, началась успѣшная колонизація высшихъ классовъ русскихъ областей. Простой народъ какъ въ польской, такъ и въ литовской Руси, остался вѣренъ своей народности, вѣрѣ, языку, и тѣмъ самымъ сохранилъ Русь отъ окончательнаго присоединенія къ Польшѣ.

Итакъ польскому вліянію подверглись только высшіе классы русскихъ областей, и этотъ то процессъ постепеннаго ихъ перехода въ польскую народность и составляетъ предметъ разсмотрѣнія въ данной статьѣ. Въ 1-й главѣ ея авторъ разсматриваетъ отношенія къ Польшѣ Руси, такъ называемой, коронной, во 2 ой, болѣе пространной, — Руси литовской.

На первой главѣ останавливается авторъ не долго, да и для насъ она не такъ важна. Въ общихъ чертахъ онъ указываетъ на ту первенствующую роль, какую сыгралъ католицизмъ и, какъ переходная ступень къ нему, унія въ дѣлѣ колонизаціи русскихъ земель, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ. Съ преобладаніемъ католицизма начинается преобладаніе польскаго языка, польскихъ нравовъ, обычаевъ. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что галицко-русскіе бояре, еще до водворенія польскаго владычества, отличались большимъ могуществомъ, напоминая въ этомъ отношеніи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ. Привыкнувъ къ первенствующему положенію, они не могли примириться съ той неравноправностью по отношенію къ польскимъ панамъ, поселившимся въ литовской Руси, которая выпадала на ихъ долю, благодаря ихъ православному вѣроисповѣданію; дабы сравняться съ ними въ правахъ, бояре спѣшнѣе принимали католичество. Съ ополченіемъ бояръ, въ русскія земли начинаютъ проникать и польскія учрежденія; русскіе города, подобно польскимъ, получаютъ магдебургскія привилегіи.

„Такимъ образомъ—говоритъ авторъ въ концѣ главы—довершилась колонизація коронной Руси. Древне-русская шляхта мало по малу сливалась и слилась, наконецъ, съ пришлой, польской; русскіе бояре сдѣлались „ляхами“ въ смыслѣ религіозномъ и народномъ. Въ политическомъ отношеніи они были ими уже давно, и то, что говоритъ о себѣ Станиславъ Ожешковскій (польскій писатель 16 вѣка), называя себя по происхожденію „русскимъ“, по

народности—полякомъ (*gente Ruthenus, natione Polonus*), могъ теперь сказать о себѣ и говорилъ каждый русскій шляхтичъ польской Руси и Подолія.

Вторая глава обработана авторомъ очень тщательно и по содержанию своему имѣетъ для насъ несравненно болѣе интереса. Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ познакомить читателя хотя отчасти съ тѣмъ множествомъ интересныхъ фактовъ относительно юго-западной Руси, какіе сообщаетъ авторъ. Такъ какъ сама по себѣ данная статья есть извлеченіе изъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и столкновенія“, и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, лишь все существенно важное, то составить нѣчто въ родѣ конспекта изъ данной статьи, выбрать изъ существеннаго существеннѣйшее представляется чрезвычайно труднымъ. Какъ источниками, авторъ пользуется актами южной и западной Руси, лѣтописями, древними рукописями, сочиненіями Эрбена, Бѣлевскаго, Горашевича, Шараневича, Шайнохи, Папроцкаго, Антоновича, Стадницкаго, Драгоманова, многочисленными историческими сочиненіями львовской библиотеки Оссолинскихъ и пр.

Прежде чѣмъ перейти къ польскому вліянію на юго-западную Русь, какъ главному предмету и вопросу, если можно такъ выразиться, авторъ останавливается на томъ обрусѣніи Литвы, которое было слѣдствіемъ присоединенія къ ней русскихъ областей. Здѣсь происходитъ явленіе совершенно обратное замѣчаемому въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ польской коронѣ. Вліяніемъ пользуется не народъ покорившій, а покоренный, какъ уже указано выше. Уже съ незапамятныхъ временъ литовскіе князья начинаютъ принимать православную вѣру. Почти всѣ сыновья Гедимина были православные. Одинъ изъ нихъ Ольгердъ, будучи ревностнымъ послѣдователемъ православія, занимается собираніемъ русскихъ земель въ одно цѣлое, предоставляя собственно Литву и Жмудь брату своему Кейстуту, послѣднему языческому князю литовскому. Многіе Ольгердовичи пользовались большимъ расположеніемъ русскаго народа; такъ напримѣръ, кievскій князь Владиміръ и его потомки Олельковичи (отъ имени его сына и наслѣдника Александра, иначе Олелька) были очень любимы населеніемъ подчиненныхъ имъ областей.

Далѣе слѣдуютъ указанія на несомнѣнность преобладанія въ Литвѣ не только православной вѣры, но и русскаго языка, русскихъ народныхъ обычаевъ, древне-русскихъ городскихъ и земельныхъ

учрежденій. Согласно этимъ указаніямъ литовскій языкъ употреблялся лишь въ домашней жизни; на сеймахъ-же, въ судебныхъ и административныхъ актахъ, даже въ частной перепискѣ, не говори уже о перепискѣ дипломатической, литовцы пользуются русскимъ языкомъ. Самъ король Владиславъ Ягелло, не смотря на свою приверженность къ католицизму, легко объясняемую, широчемъ, желаніемъ пріобрѣсть расположеіе своихъ новыхъ подданныхъ, поляковъ, не говоритъ ни по польски, ни по латыни, а пользуется языкомъ притѣсняемыхъ имъ-же „схизматиковъ“.

Такое положеніе русской народности, не смотря на ея политическую (зависимость) несамостоятельность, дало ей возможность окрѣпнуть, а потому и долѣше устоять въ борьбѣ съ польскими порядками, введенными на Руси послѣ ея присоединенія къ Польшѣ. И дѣйствительно еще долго послѣ политической уніи польскаго и литовскаго государства (въ 1386) русскій языкъ и православіе сохраняются не только въ средѣ населенія, но даже и при королевскомъ дворѣ. Самый младшій сынъ короля Владислава Казиміръ былъ православный, внучъ его Сигизмундъ I имѣлъ въ собственной библіотекѣ русскія книги и очень былъ любимъ русскимъ народомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ отрывки изъ рѣчи смоленскаго каштеляна русина Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ (1589). Противопоставляя Сигизмунда I Сигизмунду-Августу, ревностно принявшемуся за распространеніе польскаго языка, Мелешко говоритъ: „Сыгмунта первого, солодка память его, бо той нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ, и лиховъ зъ ихъ хитростями вельме не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловаль“.

До начала XV вѣка сохраняется еще дѣленіе русскихъ земель на княжества, въ противоположность польскимъ повѣтамъ, и хотя древне русскіе удѣльные князья и замѣняются намѣстниками, помощниками этихъ намѣстниковъ являются еще долго тиуны, дьяки и другіе древне-русскіе чиновные люди. Послѣ появленія повѣтовъ, послѣдніе дѣлятся на волости, члены которыхъ подчиняются старѣйшинамъ. Въ управленіи и обычномъ правѣ литовской Руси тоже долго сохранялись остатки старины. Древне-русское общинное начало проявляется въ обычай, по которому жители сосѣднихъ поселеній сходились на кону (громаду) для обсужденія споровъ и произведенія суда. Долѣе всего обычай этотъ сохранился у мелкой шляхты на сѣверѣ кievской земли; тамъ мы находимъ его еще въ XVIII вѣкѣ. Во многихъ городахъ и селахъ

юго-западной Руси встрѣчаются и во времена польскаго владычества такъ называемые *сыбры*, хранители общественнаго имущества.

Но какъ ни сильно было вліяніе русскаго элемента на жизнь соединенной Литвы и Руси, — въ концѣ концовъ онъ не могъ устоять противъ наплыва болѣе могущественныхъ польскихъ порядковъ. Будучи народомъ болѣе культурнымъ, поляки не могли не достигнуть преобладанія даже помимо ихъ политическаго могущества, какъ народа господствующаго. Особенно успѣшно шла колонизація привилегированныхъ классовъ. Русско-литовскіе бояре, въ отличіе отъ бояръ галицкихъ, несли много повинностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Принимая католичество, они становились въ ряды литовскихъ вельможъ, освобождались отъ всякихъ повинностей посредствомъ неоднократно издаваемыхъ польскими королями привилегій въ пользу католическихъ пановъ. Какъ и въ польской Руси переходной ступенью къ католицизму служить унія.

Какъ уже указано выше, культурное преимущество много способствовало тому господству польскаго элемента, какого ему удалось достигнуть на Руси. Задавленная страшнымъ татарскимъ погромомъ и его немаловажными послѣдствіями, Русь надолго остановилась въ своемъ духовномъ развитіи. Литературная дѣятельность ея была крайне одностороння, ограничивалась только церковными, богословскими сочиненіями, да составленіемъ и переписываніемъ лѣтописей. Распространенію этихъ книгъ мѣшало небольшое количество экземпляровъ, такъ-какъ даже долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ оставались писанными. Между тѣмъ Польша подъ вліяніемъ проникавшаго въ нее съ запада умственнаго движенія, явившагося слѣдствіемъ реформаціи, заняла непослѣднее мѣсто въ ряду западно-европейскихъ народовъ. Знаніе и литература, освободившись отъ церковныхъ узъ, достигли цвѣтущаго состоянія. Русь, политически разъединенная, культурно связанная съ отжившей Византіей, не могла участвовать въ духовномъ движеніи латинской Европы, всё болѣе и болѣе разширявшемся. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ русскіе привилегированные классы подчинились волюн польской культурѣ, забыли родной языкъ и мало по малу утратили свою народность.

Но оплотомъ православной вѣры и русскои народности остался простой народъ. Положеніе его, послѣ присоединенія

Руси къ Польшѣ, значительно ухудшилось; „кровью писана исторія этихъ хлоповъ, говоритъ авторъ, кровь такъ и брызжетъ съ ихъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ думахъ, пѣсняхъ, пословицахъ“. Съ паденіемъ Польши кончается періодъ кровавой русской поэзіи“, говорится далѣе. И вотъ являются великіе защитники этихъ хлоповъ: Хмельницкій, Перебийнісь, Говта, Зализнякъ...

Съ паденіемъ Речи Посполитой совпадаетъ и паденіе ея культурнаго значенія. Безиристрастное и философское отношеніе въ различнымъ обще-человѣческимъ вопросамъ, составлявшее главное украшеніе и отличительный признакъ польской литературы XVI вѣка, исчезаетъ вслѣдствіе вліянія на польскую духовную жизнь папскаго и іезуитскаго авторитета. Слѣдствіемъ этого является крайне одностороннее направленіе польской литературы и культуры и теряется ея значеніе для сосѣднихъ народовъ. Петръ Великій въ своихъ стараніяхъ познакомить Россію съ западно-европейской цивилизаціей, заботится о распространеніи на Руси нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, но не польскихъ книгъ, приглашаетъ ко двору французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже южноруссовъ, но не поляковъ.

Казалось-бы, что съ паденіемъ Польши должны были-бы прекратиться взаимныя распри между русинами и поляками. Но, доканчиваетъ авторъ свою статью, „до сихъ поръ не прекратилась взаимная вражда между лихами и Русью. Славянскій патриотъ со скорбью смотритъ на зіющую между ними пропасть“. „Дай Богъ“, говоритъ онъ, „чтобы правду сказалъ Тарасъ Шевченко, что воспѣтыя имъ войны между козаками и поляками кончились“.

Е. Н. К—ая.

*D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kiewskiego.
Warszawa, 1882.*

*(Докторъ Антоній I... Къ исторіи кievскаго Полесья.
Варшава. 1882).*

Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ д-ра Антонія I... принадлежитъ къ числу самыхъ плодотворныхъ и талантливыхъ польскихъ историческихъ писателей нашего времени. Въ теченіи семи лѣтъ д-ръ Антоній издалъ восемь томовъ историческихъ мо-

нографій¹⁾, представляющих особый интерес для читателей „Кіевской Старины“, такъ какъ, за незначительными исключениями, всё онѣ относится къ исторіи юго-западной Руси. Вообще, къ несомнѣннымъ достоинствамъ автора принадлежитъ его основательное знакомство съ источниками, поясняющими избранные имъ эпизоды: онѣ изучилъ не только польскую историческую литературу и польскія археографическія изданія, но основательно свѣдѣть за такими-же изданіями русскими и внимательно ими пользуется, качество, которое не особенно часто мы встрѣчаемъ у польскихъ историческихъ писателей; сверхъ того, д-ръ Антоній заимствуетъ многія свѣдѣнія и характеристики изъ доступнаго ему обширнаго архивнаго матеріала, хранящагося въ частныхъ фамильныхъ архивахъ или собраннаго въ его личной, на сколько можемъ судить по ссылкамъ, весьма цѣнной коллекціи.

Изложеніе д-ра I... отличается большимъ талантомъ въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ и весьма тщательною разработкою бытовой характеристики времени, къ которому относится тотъ или другой рассказываемый имъ эпизодъ. Отдавая полную справедливость всѣмъ исчисленнымъ качествамъ почтеннаго писателя, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ приемовъ въ его изложеніи, манерѣ и освѣщеніи, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ менѣе желательныя черты историческаго труда, хотя, можетъ быть, и не должны быть поставлены лично на счетъ автора, а составляютъ скорѣе принадлежность установившейся традиціи въ польской исторической литературѣ, съ которой всякій писатель долженъ болѣе или менѣе считаться въ виду своихъ читателей. Къ числу недостатковъ, замѣченныхъ нами въ первыхъ трудахъ автора, относится, по нашему мнѣнію, стремленіе къ слишкомъ наглядному воспроизведенію событій, при чемъ авторъ, желая придать болѣе живости изображаемымъ картинамъ, дополнялъ личнымъ воображеніемъ черты, вывѣтрившіяся въ документальныхъ источникахъ; въ силу такого приема многіе изъ

---

1) Кромя сочиненія, заглавіе котораго выше прописано, имѣетъ извѣстныя еще слѣдующія монографіи этого автора: 1) Историческіе рассказы (Opowiadania historyczne) Львовъ, 1875 г.; 2) Новые историческіе рассказы (Nowe opowiadania historyczne)—2 тома, Львовъ 1878—1881; 3) Три историческіе рассказы (Trzy opowiadania historyczne)—Львовъ, 1880 г. и, наконецъ 4) капитальное сочиненіе: Подольскіе замки на молдавской границѣ (Zameczki podolskie na okresach młodszych)—3 тома. Варшава, 1880 г.

первых очерковъ, составленныхъ д-мъ Антоіемъ, не замѣтно теряли характеръ историческаго изслѣдованія и переходили въ категорію историческаго романа или, по крайней мѣрѣ, близко къ нему подходили. Таковы почти всѣ рассказы, составляющіе первый томъ „Opowiadań historycznych“. Конечно, при такой манерѣ невозможно было частностей изложенія подкрѣпить подстрочными ссылками и авторъ долженъ былъ отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Впрочемъ къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ дальнѣйшихъ трудахъ отклонялся все болѣе и болѣе отъ беллетристическаго пошиба, сталъ приводить источники, сначала въ видѣ общихъ перечней въ концѣ каждой монографіи, потомъ болѣе подробно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ самомъ текстѣ изслѣдованій. Конечно, отъ этой перемены значительно усилилось научное достоинство изслѣдованій д-ра Антоіа и послѣднія его работы носятъ характеръ строго историческій, безъ всякихъ прикрасъ беллетристическихъ.

Другое, болѣе серьезное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ сдѣлать д-ру Антоію, заключается, какъ намъ кажется, въ недостатѣ объективизма и въ постоянномъ присутствіи предвзятой мысли, которою освѣщаются событія по мѣрѣ того, какъ авторъ восстанавливаетъ ихъ изъ архивнаго матеріала; факты не говорятъ сами за себя, а по большей части укладываются, иногда не безъ значительныхъ усилій со стороны автора, въ рамки, а priori придуманныя и приготовленныя. Общій критерій, изъ котораго авторъ исходитъ при сужденіи о польско-русскихъ историческихъ отношеніяхъ въ прошедшей судьбѣ юго-западной Руси, состоитъ въ томъ положеніи, которое сдѣлалось въ послѣднее время общимъ знаменемъ довольно многочисленной группы польскихъ историческихъ писателей, будто въ южной Руси Польша преслѣдовала миссію цивилизаторскую и занята была по преимуществу насажденіемъ умственной и гражданской культуры. Поставивъ въ основѣ взгляда такую мысль, писатели, проникнутые ею, въ томъ числѣ и д-ръ Антоій, всѣ историческія черты быта Польши считаютъ признаками культуры, и обратно всѣ бытовые черты Руси признаками варварства; запомнимъ образцомъ все то, что въ быту самой Польши составляло тормозы народнаго развитія: религиозный фанатизмъ, дѣятельность іезуитовъ, излишнее развитіе сословности, эксплуатація крестьянъ и т. п., является или признакомъ высшей культуры, или ея необходимымъ атри-

бугамъ, и обратно тѣ черты жизни южной Руси, которыя мы привыкли уважать въ каждомъ народѣ, какъ задатки будущаго развитія и какъ признаки самостоятельности народнаго духа: любовь къ родинѣ и къ своей національности, инстинкты равноправности гражданской, протесты противъ гнета экономическаго, религіознаго и нравственнаго, расположеніе къ вѣчевому строю и т. д., все это изображается, какъ признакъ грубости, варварства и врожденнаго какого-то отвращенія къ культурѣ. Вирочемъ, какъ намъ ни кажется невѣрною съ научной и обще-человѣческой точки зрѣнія подобная постановка вопроса, мы готовы были бы спорить съ авторомъ только о ея справедливости, но, изъ уваженія къ искреннему убѣжденію противника, не ставили-бы ему его исходной точки въ укоръ, какъ недостатокъ историческаго научнаго приѣма, если-бы онъ ее доказывалъ фактическими данными и строго послѣдовательными логическими выводами изъ этихъ данныхъ. Мы далеки отъ того, чтобы вмѣнять писателю въ вину его убѣжденія, не согласныя съ нашими, и не признавать научныхъ заслугъ противника, если онъ научно отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которая намъ кажется ошибочною; но, въ данномъ случаѣ, мы д-ра Антонія, какъ историческаго писателя, имѣемъ право попрекнуть не за его убѣжденія, а за способъ проведенія ихъ, недостойный, какъ намъ кажется, ни его развитія, ни его таланта. Отстаивая общія, вышеуказанныя положенія, авторъ не опирается на факты, не исходитъ изъ широкихъ, общихъ для всего человѣчества, историческихъ законовъ прогресса, а старается исключительно ударять на чувство читателя, для этого онъ въ излишествѣ прибѣгаетъ къ эпитетамъ въ характеристикахъ и къ произвольнымъ положеніямъ, которыя въ качествѣ афоризмовъ онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій. Манера эта придаетъ изслѣдованіямъ доктора Антонія характеръ апологіи или адвокатской рѣчи вмѣсто объективнаго изслѣдованія исторической истины и возбуждаетъ въ читателѣ, не раздѣляющемъ апріорныхъ положеній автора, нѣкоторое невольное недоверіе даже къ тѣмъ частямъ труда, которыя правдоподобны и лишены субъективныхъ прикрасъ. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими приѣмами, авторъ иногда какъ-бы отстраняетъ нѣкоторую часть разрабатываемаго имъ матеріала, если содержаніе его слишкомъ противорѣчитъ его основной схемѣ и скользитъ слишкомъ уклончиво по поверхности нѣкоторыхъ неприятныхъ фактовъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эти общія замѣчанія потому, что указанные приемы мы находимъ и въ послѣдней книгѣ, изданной д-ромъ Антоviемъ, заглавіе которой мы выписали выше. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи: 1) „Исторія околичной шляхты въ овруцкомъ повѣтѣ“ и 2) „Козачество въ кievскомъ Полѣсьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія“. Главнымъ матеріаломъ для составленія обѣихъ статей автору, по его собственнымъ словамъ, послужили 2 тома актовъ, изданныхъ кievскою археографическою комиссіею¹⁾. Извлеченіе сдѣлано весьма подробно, содержаніе разсказано живо и сгруппировано умѣло, но, къ несчастью, всѣ характеристики уснащены своеобразными эпитетами и афоризмами и нѣсколько группъ актовыхъ свидѣтельствъ (какъ напримѣръ: столкновенія православныхъ околичныхъ шляхтичей съ католиками—буйства жолнеровъ) отодвинуты на второй планъ и едва упомянуты. За то въ первой статьѣ авторъ, въ началѣ, въ видѣ введенія, прибавилъ весьма живой топографическій и экономическій очеркъ кievскаго Полѣсья, а въ концѣ списокъ овруцкихъ старостъ съ перечнемъ ихъ отношеній къ шляхетскимъ околицамъ. Въ списокѣ этомъ, впрочемъ, мы замѣтили одну довольно крупную неточность: авторъ полагаетъ, что овруцкимъ повѣтомъ съ 1471—по 1531 годъ управляли непосредственно кievскіе воеводы и самостоятельные старосты стали назначаться только съ 1531 года; мы думаемъ, что это положеніе ошибочно, потому что въ актовыхъ свидѣтельствахъ упоминаются овруцкіе старосты съ конца XV вѣка и если полнаго списка ихъ мы не можемъ составить, по причинѣ скуднаго количества дошедшихъ до насъ актовъ, то имена нѣкоторыхъ назвать можемъ: такъ старостою овруцкимъ (1496—1503) былъ князь Григорій Борисовичъ Глинскій, затѣмъ (1506—1510) Сенько Романовичъ Полозовичъ, а въ 1525 Михайло Холецкій. Въ числѣ же позднѣйшихъ старостъ пропущены: Лука Сапѣга, носившій этотъ титулъ въ 1621 году, и князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.

Вторая статья заключаетъ въ себѣ очеркъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія козачества, которое предпринимало польское правительство въ концѣ XVII столѣтія въ кievскомъ Полѣсьѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ авторъ изъ объемистаго тома актовъ выбралъ отдѣлъ менѣе всего интересный, отъ воспроизведе-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, томъ I и часть III, томъ II.

нія-же возрожденія самостоятельнаго козачества на правой сторонѣ Днѣпра усиліями Палія и его сподвижниковъ онъ воздержался.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны д-ру Антонію за то, что онъ знакомитъ свою публику съ матеріаломъ, добытымъ русскою археографическою наукою, и полагаемъ, что взаимное ознакомленіе съ научнымъ матеріаломъ обѣихъ литературъ отразится въ будущемъ съ пользою для развитія въ обѣихъ болѣе прочныхъ историческихъ свѣдѣній и для установленія болѣе объективныхъ историческихъ взглядовъ.

В. А.

Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4-хъ картъ югозападнаго края. К. 1882, in 8°, стр. 324 + 2 таблицы, + 3 большихъ и 1 малая карты.

Мы не выписываемъ всего заглавія, наполняющаго собою обложку этой книги и не совсѣмъ складнаго, какъ это замѣтно и по выписанному его началу. Содержаніе книги далеко не соответствуетъ ея названію, такъ какъ въ ней въ сущности нѣтъ ни топографическихъ, ни статистическихъ матеріаловъ, а есть только подробный дорожникъ, принаровленный къ потребностямъ военнаго вѣдомства; ему предшествуетъ перечень административныхъ подраздѣленій края, а всему этому предпосланъ жиденькій общій обзоръ, въ которомъ авторъ пытается на 36 страницахъ совмѣстить географическія, естественно-историческія и даже этнографическія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, заключающемъ въ себѣ около 150 тысячъ кв. верстъ и около 6½ милліоновъ населенія. Конечно, дорожники вообще, въ томъ числѣ и спеціально-военные, составляютъ предметъ необходимости, а средней уровень образованія нашего офицерскаго корпуса, въ особенности воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ, дѣлаетъ вовсе не излишнимъ и присоединеніе къ нимъ краткихъ обзоровъ природы и населенія края. Поэтому, самый планъ изданія г. Тарановскаго не заключаетъ въ себѣ никакой грубой погрѣшности; посмотримъ, каково выполненіе.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ опредѣляетъ цѣль своего изданія гораздо скромнѣе и точнѣе, чѣмъ въ заглавіи,—служить справочной книгой, въ которой бы заключалось хотя краткое описаніе края и, по меньшей мѣрѣ, тѣ общія свѣдѣнія, ко-

торыя чаще всего бывають необходимы гражданскимъ и военнымъ учрежденіямъ (канцеляріямъ), а также служащимъ лицамъ, разъѣзжающимъ въ край на обывательскихъ (земскихъ) лошадахъ⁴. Конечно, ни для канцелярскихъ писцовъ, ни для военныхъ писарей, ни для „лицъ, разъѣзжающихъ на обывательскихъ“ знакомство съ литературой изслѣдованій нашего края не только не обязательно, а даже можетъ подчасъ оказаться, съ служебной точки зрѣнія, „излишнимъ“. Но составителю изданія, предназначеннаго служить для всѣхъ этихъ лицъ руководствомъ, такое знакомство отнюдь-бы не помѣшало. Между тѣмъ перечень источниковъ, какими пользовался авторъ, показываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ работъ генеральнаго штаба, да почтоваго дорожника, самъ онъ пользовался почти исключительно канцелярскими источниками, а литература предмета ему вовсе незнакома. Единственное исключеніе онъ сдѣлалъ для мѣстныхъ газетъ, включивъ въ число своихъ источниковъ корреспонденціи „Кіевлянина“ и „Зари“.

Первый отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ „краткій общій очеркъ края“, и на первой-же его страницѣ читаемъ такое неудобопонятное мѣсто: „этотъ край имѣетъ *въ ширину*, по *длиннѣйшему* разстоянію, отъ желѣзнодорожной станціи Малорыто до ж.-д. ст. Борщи 535 верстъ; *въ длину*, по *кратчайшему* разстоянію, отъ с. Авратыня до Кіева 295 верстъ“. Линія Малорыто-Борщи идетъ въ направленіи болѣе или менѣе съ сѣвера на югъ, а Авратынь—Кіевъ съ запада на востокъ, и только по этому, вслѣдствіе смѣшенія авторомъ понятій о длинѣ и ширинѣ площади съ понятіями о долготѣ и широтѣ географической, ширина нашего края оказывается почти вдвое длиннѣе его длины; но почему одна изъ нихъ измѣрена по длиннѣйшему разстоянію, а другая по кратчайшему,—этого и угадать невозможно.

Въ опредѣленіи границъ края допущенъ крупный недостатокъ, такъ какъ въ сѣверо-западный его уголъ отнесенъ, вмѣсто владимірскаго, новоградволынскій уѣздъ. Подраздѣливъ край въ топографическомъ отношеніи на три части: Полѣсье, Волинь съ Подольемъ и Украйну, авторъ приводитъ (стр. 5) завѣдомо невѣрную цифру населенности Полѣсья въ 15 человекъ на квадратную версту, тогда какъ изъ его-же свѣдѣній (стр. 320) видно, что даже для пяти вполнѣ полѣськихъ уѣздовъ Волини (владим., ковел., луцк., ровен. и овручскій) населеніе составляетъ 754,634 чел. на 35,618 верстъ, т. е. болѣе 21 чел. на версту; очевидно,

первая цифра выведена изъ сильно устарѣвшихъ свѣдѣній, къ которымъ нужно отнести и мнѣніе о „непроходимости“ современныхъ лѣсовъ Полѣсья. Точно такую-же достовѣрность имѣеть и утверженіе, будто лѣса въ „Украинѣ“, куда авторъ относитъ кievскую губ., вромѣ полѣсской ея части, а изъ подольской уѣзды: брацлавскій, гайсинскій, ольгопольскій и восточную половину балтскаго,—„почти вездѣ уничтожены сахарными заводами, а сохранились только въ кievскомъ, скачирскомъ и бердичевскомъ въ видѣ небольшихъ дачъ п роцѣ“; на самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ только и есть, что мелкіи роцци, но за то въ другихъ, именно черкасскомъ, звенигородскомъ, чигиринскомъ, южной части каиевскаго и сѣверо-восточной таращанскаго, можно еще найти и настоящій лѣсъ, съ десятками верстъ сплошнаго протяженія.

Недосмотры, непростительная неточность выраженій и искаженіе собственныхъ именъ преслѣдуютъ автора чуть не на каждой страницѣ. Такъ у него (12) Припять входитъ въ составъ соединяющей *Днѣпръ съ Двиною Березинской системы!*... Днѣпръ подходит *правымъ берегомъ къ Россіи*, а лѣвымъ къ Австріи (13); та-же рѣка замерзаетъ въ какой-то неизвѣстный промежутокъ времени *между* концемъ ноября и началомъ декабря (15); правый берегъ Западнаго Буга, холмистый до Устизуга, ниже Корытницы *расходится* (?); теченіе Припети раздѣляетъ Полѣсье на минское и кievское, волынскому-же близъ нея нѣтъ мѣста; по Случи лѣсъ *сплавляется* не только по теченію, но и *противъ теченія*; Медоборскія горы дважды называются Медоборскими, м. Киселинъ—у автора Киселиное, Несухожжи—Несухая, Мерва—Мевръ, р. Раставица—Ростовица и т. д.; „разнаго рода звѣри“ на Полѣсьи во множествѣ водятся „въ луговыхъ травахъ“,—вѣроятно, разумѣются кабаны, дикія козы, лоси, медвѣди и т. под. По счету г. Тарановскаго нашъ край отличается замѣчательной особенностью,—въ немъ всѣ годы високосные: ясныхъ дней бываетъ среднимъ числомъ 80,8, облачныхъ 52,7, а пасмурныхъ, свѣжпыхъ, дождливыхъ и туманныхъ 232,7,—въ суммѣ 366; помимо послѣдней цифры, возбуждаютъ сомнѣніе и ея слагаемыя, по которымъ климатъ нашего края оказывается въ родѣ лондонскаго; для провѣрки, не имѣя подѣ рукой другихъ источниковъ, мы сосчитали по таблицамъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ за 1874 годъ число дней, въ которыхъ облачность показана менѣе половины,—и ихъ оказалось 153, т. е. значительно болѣе, чѣмъ значителся у г. Тарановскаго ясныхъ вмѣстѣ съ облачными.

Главные заглавья отдѣлы книги, т. е. справочные, имѣютъ, какъ кажется, хоть то достоинство, что списаны не съ печатнаго, не нуждались, поэтому, въ прикрываніи заимствованіи и поэтому не подвергались искажающимъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Судить о ихъ достоинствахъ, т. е. степени достовѣрности, довольно трудно, не имѣя никакихъ однородныхъ данныхъ для критической проверки. Мы и ограничимся только перечнемъ ихъ содержанія. Подъ рубрикой „административное дѣленіе“, поименованы города трехъ губерній съ показаніемъ числа жителей по свѣдѣніямъ 1880 года, источникъ которыхъ, къ сожалѣнію, не указанъ; слѣдовало-бы здѣсь же показать и населеніе уѣздовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе уѣздовъ на станы, съ показаніемъ становой квартиры каждаго, а потомъ перечень волостей каждаго уѣзда по мировымъ участкамъ, указано при этомъ отношеніе участковаго дѣленія со становымъ. Напечатаніе этихъ свѣдѣній съ обозначеніемъ ихъ на приложенной картѣ во всякомъ случаѣ очень полезно, не для однихъ только канцелярій и „разъѣзжающихъ“. Этого повсе нельзя сказать о перечнѣ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учреждений края, который включаетъ въ себя только названія учреждений и положенныхъ въ нихъ по штату должностей, даже безъ числа послѣднихъ; если бы были указаны адреса учреждений и ихъ личный составъ, такой адресъ-календарь придалъ-бы цѣны справочной книгѣ, безъ этого же перечня представляетъ собою совершенно ненужный балластъ.

Третій отдѣлъ, „пути сообщенія по проселочнымъ дорогамъ края“, содержитъ перечень земскихъ станцій и разстоянія отъ нихъ до ближайшихъ пунктовъ; свѣдѣнія эти въ печатномъ видѣ — новинка. Изъ нихъ мы узнаемъ впервые, что въ кievской губерніи существуетъ 191 земская станція, въ подольской 198, въ волынской 227, всего въ краѣ 616. Конечно, дорожникъ не можетъ дать никакихъ отвѣтовъ на вопросы о существующихъ системахъ содержанія этихъ станцій, его стоимости, величинѣ налоговъ собственно на этотъ предметъ и т. д.; но онъ уже неуважно скупъ, не обозначивъ даже числа лошадей, которое могло бы дать косвенное въ которое понятіе о размѣрахъ земско-почтовой повинности въ краѣ.

Въ отдѣлахъ о путяхъ шоссейныхъ, почтовыхъ, желѣзныхъ и водныхъ вѣтъ, конечно, ничего новаго, чего-бы не было въ почтовомъ дорожникѣ, въ росписаніяхъ поѣздовъ и пароходнаго движенія; здѣсь же помѣщены правила перевозокъ пассажировъ и

багажа. Болѣе интереса, по новизнѣ въ печати, представляетъ списокъ рѣчныхъ переправъ въ край.

Седьмой отдѣлъ содержитъ въ себѣ перечень телеграфныхъ ставцій съ тарифомъ внутренней корреспонденціи и почтовыхъ учрежденій съ ~~пределами~~ относително частной корреспонденціи и почтовою таксою.

Въ концѣ книги приложены таблицы пространства населенія, движенія послѣдняго, учебныхъ заведеній и фабрикъ и заводовъ. Изъ картъ—одна общая, другая съ административными дѣленіями и пунктами, третья—съ линіями телеграфовъ и четвертая—желѣзнодорожная.

Безспорно, всѣ перечисленныя свѣдѣнія, собранныя въ одну книгу, дѣлають ее очень полезною и часто необходимою для справокъ. Поэтому, конечно, мѣстный окружной штабъ и рекомендовалъ ее съ такой стороны войскамъ. Если бы г. Тарановскій далъ ей правильное и непретенціозное названіе „общаго дорожника юго-западнаго края“ и совершенно исключилъ изъ нея попытку „общаго очерка“, превышающаго его знанія и литературныя силы,—изданіе это заслуживало-бы похвалы, конечно, въ скромныхъ предѣлахъ удовлетворенія практической потребности.

P.S. Какъ ни плохъ „очеркъ“ г. Тарановскаго, и въ немъ случайно попало безъинтересное „зерно“. На стр. 14 о Днястрѣ говорится, что тамъ, гдѣ берега долины рѣки обрывисты, дно большею частью иловатое, глинистое, усыпанное мелкими камешками (рынь). Послѣдній терминъ, выражающій мѣстную особенность строенія дна, изъясняетъ вполнѣ лѣтописный текстъ о крещеніи Руси и о низверженіи перунова кумира, который „проидѣ сквозъ пороги, изверже ѿ вѣтрѣ на *рынь*, и отголѣ прослу *Перуна рынь*, якоже и до сего дне слово“ (Лаврент. лѣт., въ Полн. Собр., т. I, стр. 50).

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ“.

Запорожье во все время своего существованія—какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ“: татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разскинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ“, отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ“¹⁾, но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполне довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновения, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

¹⁾ «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣніями «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близъ устьевъ Дона, Еи и Калміуса ¹⁾).

Еъ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности“, т. е. богатяя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновения серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „последняго Коша запорожскаго“.

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, именины кошеваго атамана *Павла Иванова* (*Козелецкаю*). По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эскадръ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ донесенія Коша къ „ясне-вельможному“ малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписавшыя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписа въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бывшій господинъ Кошовій *Якимъ Имановичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Заруднаю* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ кварталѣ господина Игнатовича первѣе хрустальный „креденць“ ²⁾ побилъ, скизывая: „велено де вамъ войску самарскія вольности (степи) межевать, а и по ся поры не межовано, за что нынѣ „я репримендовать васъ веленожь“. А потому атамана Кошеваго Павла Иванова зъ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣтъ добраго состоянія ни единого человека“. По отходѣ же атамана Кошеваго Павла Иванова, войсковаго писаря

¹⁾ Р. Калміусъ, впадающая близъ Маріуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

²⁾ Креденць — приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Дмитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называлъ-же, и въ щечу, безъ всякой виновности, при всей компаніи вдарилъ; такожъ и бывшаго атамана Кошеваго Янима Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Заруднымъ, въ квартирѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошѣ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будетъ, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся“.

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепримство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣніи въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое происшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ¹⁾, по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ ново-сѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находились господина маіора *Мыкульшина*²⁾ жена, капитанъ *Мошоновъ* съ женою, находичій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бялозерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Янимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошоновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

¹⁾ Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пепелищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

²⁾ Комендантъ ретраншамента.

Кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго повосительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужикомъ несмысленнымъ“, приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его“; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщину съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ приболвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ“. Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашево Кошеваго въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ланцугахъ (цѣпяхъ) его скованнаго держали“. И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываесть, еще произносилъ для чести его вельможности неспосные укоризны. А понеже, какъ выше значить, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ въ несносной обидѣ своего командира такіа поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышепрописанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышепрописанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю“.

Войска запорожскаго низоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ*¹⁾.

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада“ изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генераль-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генераль Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медля „о поношеніи чести такой“ поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ неприятымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошопова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго посползованія удерживаться побуждены быть могли“.

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

¹⁾ *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлыя десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами“, которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи“ кошевого Якимъ Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кіевскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣлянскаго и другихъ „замковъ“, особенно-же гг. *Станиславъ Костка - Орчынскій*, *Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ*, повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ оффиціальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ дѣбстровскаго походу, зазавши командующій въ Умапи прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, явобы для удовольствія ихъ харчами или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежду и деньги, *Мартына Гончара*, *Трофима Яровою*, *Афанасія Опатого*, *Андрея Дона*, *Михаила Долатого* и другихъ повѣшали“.

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосца пане ¹⁾ Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой приятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чисель, получилъ я, въ котормъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопча именемъ *Останка*, але и козака именемъ *Саморьднаю* въ вашемъ войску запорожскому, при котормъ оній хлопецъ застаеть, не

---

¹⁾ *Mosci panie* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гр. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

отпытаво. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманыватися; понежь я не объ Самородному, но объ Яцку Безродному до В. М. М. писалъ, ибо оный Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопца Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люде сами на свои очи онаго хлопца при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ“. А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, которій В. М. Пану и листъ оный, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ мені пару жупанівъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему“. За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ мнѣ моего хлопца Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впрочемъ, если бы В. М. М. Пана изволили вѣдать, въ якомъ оный Остапко заводъ находится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оный Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тогъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуеть (стоить), нежели 700 рублевъ. Значить, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во воѣхъ народахъ пограничныхъ не заступають (не защищаютъ). Ежели же самозвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ ясне вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣцій прислатися, зъ дальшею турбаціею и большею утратою, принуждены будете отдати.

„Что же В. М. М. Пана изволите въ листъ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодай) или драпѣжда (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ ридерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отбирати, то бы можетъ на службу вашу и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) воруннымъ и безъ того „товарищемъ“ состою¹⁾, оной вашей службы не же-

¹⁾ Въ Польшѣ, кромѣ небольшого числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называемая *guardia narodowa* (гвардія народова), состоявшая изъ

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полявомъ называется, але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жь базъ большой турбаціи и утрати успокоить прошу.

„Наковецъ В. М. М. Панае навсегда зостаю приятелемъ значивымъ.

„Михаилъ Ключковскій“.

2 сентября 1752 года.

З замку Богуславского ¹⁾).

Кошъ опредѣлили: хлопця отъ „вельможностей“ войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ“,—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кievскій генераль-губернаторъ *Глбовъ*, *Кочубей*, графъ *Панинъ*, князь *Прозоровскій*, графъ *Остерманъ*, даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ“, выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтиевъ Эйлеръ*, въ приѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знаковъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королямъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki rowazne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

¹⁾ «З замку Богуславского». Богуславъ — г. кievской губерніи, имѣние князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

курень Кушевскаго товарищей, принять и между товариство того курень, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйлеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго визоваго при подписаніи и печати войсковою выданъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года“.

(М. П.) Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго визоваго кошевой атаманъ Петръ Камнишевскій, съ старшиною и товариствомъ“.

А. Скальновскій.

ОТЕЦЪ АПОЛЛОНИЙ СЕНДУЛЬСКІЙ,

СВЯЩЕННИКЪ СЕЛА СИВОКЪ ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

(Некрологъ)*.

Отецъ Аполлоній Сендульскій былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человекъ, образцовый священникъ—пастырь, незаурядный дѣятель—администраторъ и выдающійся мѣстный ученый—историкъ.

Лучшая пора жизни отца Аполлонія Сендульскаго совпала съ началомъ 60 годовъ, когда, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, у правительства и всего образованнаго русскаго народа вспыхнула любовь къ забытой—было русскаго части народонаселенія

*) Считаемо долгомъ выразить нашу искреннюю признательность почтенному Ал. Тарнавскому за сообщеніе намъ его теплаго слова о скромномъ и незвѣстномъ, но достойномъ самой свѣтлой памяти мѣстномъ дѣятелѣ въ области жизни и исторіи. Сожалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что это столь интересное и на многія размышленія наводящее сообщеніе слишкомъ долго въ незаслуженномъ небреженіи пролежало въ одной изъ мѣстныхъ редакцій и является потому запоздалымъ. Присоединяемся къ его желанію, чтобы монографіи о. Сендульскаго были изданы и получили общую извѣстность. Каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, но они могутъ дать много новаго матеріала для мѣстной исторіи, а число ихъ велико (до 40), и всѣ онѣ касаются мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное историческое значеніе. Мы имѣли уже случай высказать, что тѣмъ болѣе будетъ раздроблена разработка мѣстной исторіи, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ того наша историческая наука.—Ред.

его вѣрѣ, попираемой иновѣрными пришельцами, и историческимъ мѣстностямъ и памятникамъ, приходившимъ въ большую и большую ветхость, а то и совсѣмъ въ разрушеніе и забвеніе.

Истинно-русская и глубоко православная душа отца Аполлонія не могла не отвѣлнуться на призывъ—поднимать мѣстное народонаселеніе въ религіозно-національномъ и экономическомъ направленіяхъ. Отецъ Аполлоній Сендульскій изо всѣхъ силъ сталъ трудиться, чтобы исполнить долгъ православнаго пастыря и русскаго человѣка. Не смотря на многочисленность семьи (самый употребительный предлогъ для отказа отъ самоотверженной дѣятельности), не смотря на занятія по приходу, выражавшіяся не однимъ требоисправленіемъ, но и проповѣдью, и словесною, а нерѣдко и денежною помощію бѣднякамъ-прихожанамъ; не смотря на занятія по выборнымъ должностямъ, то члена семинарскаго правленія, то члена окружнаго училищнаго съѣзда, то предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, не смотря на хлопоты по постройкѣ церкви въ своемъ приходѣ,—отецъ Аполлоній Сендульскій не переставалъ трудиться надъ увеличеніемъ тѣхъ познаній, которыя онъ приобрѣлъ во время прохожденія семинарскаго курса. Отецъ Аполлоній Сендульскій вообще имѣлъ склонность къ занятію исторіей, а пережитыя краемъ и въ частности имъ самимъ событія—освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее послѣ 1863 года общее освобожденіе края отъ многовѣковаго гнета — польщизны и католицизма, еще болѣе побудили его отдаться изученію мѣстной исторіи, историческихъ мѣстностей, памятниковъ и пр.

Историческія занятія не легки въ большомъ городѣ, представляющемъ собою крупный мѣстный центръ; а въ селѣ глухомъ, крошечномъ, отдаленномъ даже отъ уѣзднаго города, историческія занятія еще болѣе тяжелы, нерѣдко вовсе невозможны. Отецъ Аполлоній не зналъ однако невозможнаго и твердо, неустанно и послѣдовательно шель къ намѣченной цѣли—разработкѣ мѣстной исторіи, въ отношеніи къ существующимъ и исчезнувшимъ мѣстностямъ и памятникамъ православной Волыни. Открыть, выяснить и доказать въ изслѣдуемой мѣстности и памятникѣ остатки православія—вотъ та цѣль, къ достиженію которой стремился отецъ Аполлоній Сендульскій. Для достиженія этой цѣли отецъ Аполлоній не мало потратилъ времени, денегъ, труда и здоровья. За то не мало оста-

вилъ послѣ себя памятниковъ. Начавъ съ исторіи села Сивокъ, своего прихода,—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ 1868 году, отецъ Аполлоній перешель къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей, сель, мѣстечекъ, городовъ и монастырей и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Вотъ перечень историческихъ трудовъ отца Аполлонія Сендульского: „Мѣстечко Ляховцы острожскаго уѣзда“, „Село Тихомль“, „Мѣстечко Ямполь“, „Мѣстечко Шумскъ“, „Мѣстечко Рахмановъ“, „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ валевскомъ монастырѣ“, нынѣ не существующемъ, „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ г. Луцкѣ“, нынѣ не существующихъ, „Мѣстечко Вишневецъ“, „Татаринецкій мужескій монастырь, бывший вблизи с. Обычи“, нынѣ не существующій, „Село Суражъ“, „Село Стожокъ“, „Городъ Луцкъ“, „Городъ Кременецъ“, „Село Поляховка“, „Село Городище“, „Городъ Заславль“, „Преподобный Іовъ, игумень почаевскій“, „Городъ Овручъ“, „Городъ Дубно“, „Загаецкій монастырь“, „Мѣстечко Бѣлориница“, „Мѣстечко Боремль“, „Мѣстечко Олыка“, „Мѣстечко Четвертня“, „Мѣстечко Чарторыйскъ“, „Мѣстечко Берестечко“, „Городъ Ровно“, „Мѣстечко Искорость“, „Мѣстечко Пересопница“, „Мѣстечко Клевань“, „Мѣстечко Корець“, „Мѣстечко Вышгородокъ“, „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“, „Мѣстечко Домбровица“, „Изъ наблюденій сельскаго священника“, „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, острожскаго уѣзда, во имя преподобнаго Θεодора, князя острожскаго“. Всѣ эти работы напечатаны въ промежутокъ времени между 1868 годомъ и началомъ нынѣшняго 1882 года. „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“ печатались уже послѣ смерти ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ историческихъ статей, отецъ Аполлоній помѣщалъ въ „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ не мало своихъ проповѣдей, отличавшихся краткостью и, употребляя гомилетическое выраженіе, елейностью. Но литературная дѣятельность отца Аполлонія Сендульского не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ-то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ-же самимъ „Авто-

біографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати статьи: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и обширная бібліотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.

Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ сочиненія отца Аполлонія были напечатаны въ отдѣльномъ изданіи и пущены въ продажу. За это дѣло слѣдовало-бы взятыя редакціи „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и, въ случаѣ неимѣнія средства на изданіе, выполнить его при содѣйствіи епархіальной власти и типографіи почаевской лавры. Изданіе всѣхъ сочиненій отца Аполлонія въ видѣ книги было-бы лучшимъ памятникомъ покойному и немалою поддержкою его осиротѣвшей семьѣ.

Трудясь на поприщѣ литературной дѣятельности, отецъ Аполлоній не забывалъ прямыхъ обязанностей священника. Въ отношеніи крестьянъ онъ былъ „добрыи пастырѣ“—помогалъ своимъ прихожанамъ не только словомъ, но и дѣломъ, т. е. деньгами. Не мало семействъ избавлено было отцомъ Аполлоніемъ отъ еврейской кабалы. Но особенную заботу прилагалъ отецъ Аполлоній къ устройству церкви въ своемъ приходѣ. Такъ какъ средства прихода были недостаточны для постройки храма, то от. Аполлоній прибѣгнулъ къ помощи церковно-строительнаго комитета и... вдоволь намучился, пока не одержалъ побѣды надъ комитетомъ. Эта любопытная исторія изложена отцомъ Аполлоніемъ въ „Запискѣ“ и помѣщена въ „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1879 годъ. Выстроенный отцомъ Аполлоніемъ храмъ освященъ въ честь преподобнаго Теодора, князя острожскаго. Если не считать придѣла въ церкви Кирилло - Меодіевскаго острожскаго братства, освященнаго въ честь молитвенника за Острогъ и Волынь, то церковь въ селѣ Сивкахъ есть единственная въ честь преподобнаго Теодора, заступника Волыни.

Не мало потрудился отецъ Аполлоній и для своего роднаго сословія, служа по выборамъ въ должностяхъ: сначала члена правленія семинаріи, для чего ѣздилъ въ Кременецъ за 50 верстъ, потомъ члена окружнаго училищнаго съѣзда, потомъ члена и наконецъ предсѣдателя епархіальнаго съѣзда. Во время исполненія этихъ должностей, отецъ Аполлоній переносилъ большія неприяты отъ своихъ-же собратій—духовенства, въ особенности

въ послѣднее время, когда обсуждались вопросы о расширеніи житомірскаго духовнаго женскаго училища и объ открытіи таковаго-же въ Кременцѣ. Отецъ Аполлоній стоялъ за рѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, а духовенство шло противъ, потому что не желало разстаться съ нѣсколькими рублями. Своею прямою и откровенностію отъ Аполлоній отличался и въ частной жизни, отъ того не многіе понимали его самоотверженную дѣятельность и строгое исполненіе обязанностей.

Отецъ Аполлоній умеръ 7 января 1882 года послѣ тяжелой болѣзни, которая, однако, не мѣшала его сильной волѣ исполнять обязанности священника: изнемогая отъ болѣзни, не имѣя силъ и голоса, отецъ Аполлоній служилъ 25 декабря за 13 дней до смерти. Таковъ сильна была воля покойнаго и таковъ самоотверженно исполнялъ онъ свои обязанности!

Вѣчная память имени скромнаго сельскаго дѣятеля!

Ал. Тарнавскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О ПРИЕМѢ И СДАЧѢ ИМЪ ЕЛЕЦКАГО ЧЕРНИГОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Это тѣ именно записки, которыя г. Кулжинскій принималъ за дневникъ св. Димитрія, рисующій внутреннюю жизнь монастыря. Хотя онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что привыкли мы называть дневникомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано много данныхъ, не лишенныхъ значенія для исторіи того времени и наводящихъ на мысль о самой жизни монастыря,—той жизни, къ которой относятся слова Христа Спасителя: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ*. Мы видимъ здѣсь и самаго святителя въ роли главнаго хозяина монастыря, не забывающаго и тлѣнныхъ міра сего: *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ*, какъ замѣтилъ ап. Іаковъ о пророкѣ Іліѣ, но... *моитвою молюся*, о Богѣ и высшей жизни не забывалъ, среди неизбѣжныхъ заботъ мірскихъ, и стяжалъ себѣ имя великаго святителя, которое благоговѣнно чтить вся земля русская. Мы видимъ въ записяхъ, кромѣ монеты въ разныхъ видахъ, много животныхъ и для пищи пригодныхъ; но пусть это не вводитъ кого-либо въ соблазнъ: монастырская братія того вре-

мѣни не нарушала обычаевъ всегдашняго поста; всѣ эти вепри и поросята, овцы и телята, гуси и подобная дробь разводились не для братскаго стола, но какъ предметъ промысла; одной „горѣлки“ добивалась и на недостатокъ или дурное качество оной жаловалась нерѣдко тогдашняя братія, и на это часто можно наткаться въ монастырскихъ архивахъ.—Мы находимъ наонецъ въ запискахъ данныя о денежныхъ средствахъ монастыря и ихъ источникахъ, о мѣстахъ, размѣрахъ и особенностяхъ монастырскаго хозяйства, о денежныхъ знакахъ, мѣрахъ хлѣбныхъ и проч. Но и, кромѣ указаннаго нами, читатель найдетъ еще нѣкоторыя любопытныя частности въ самыхъ запискахъ, составляющихъ автографъ святителя.

І. Записка о приемѣ монастыря.

Року 1697, мѣсяца іюня: принявши архимандрію еледскую черниговскую, зрѣвѣдовалисмо скринку скарбцовую, зличили въ ней талеровъ битыхъ сто, 1,000 золотыхъ чехами, а остатокъ чеховъ велѣлисмо отцу Генадію шафару взяти до шафована на монастырскія расходы.

Затѣмъ написаны и зачеркнуты красными чернилами слѣдующія слова: въ той-же скринки особно положено пани Полуботковыхъ грошей червонныхъ гнутыхъ 15, а чехами копа. *Вмѣсто зачеркнутаго написано краснымъ черниломъ:*

НВ. Року 1698, ноября 4, умерла старая Полуботчиха и взято тихъ грошей назадъ, тилько даво 5 червонихъ до скринки, а три кирошанамъ.

Того-жъ году (1697) предъ Покровою пресвятой Богородицы, ягъ выбиралемся въ дорогу до Батурпина и Глухова, а братія о належитое себѣ зажитое просили, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же мало есть у него грошей, теда на прошенія ихъ выдадемъ з скринки сей чехами золотыхъ двѣстѣ.

Того-жъ часу отецъ намѣстникъ Ипполитъ, ѣдучи до Нѣжина къ Покровѣ пресвятой Богородицы, на ярмарокъ, же яко отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, что не было иншихъ въ монастыру грошей, теда з сееижъ скринки взялъ золотыхъ 60.

Якъ вернулемся зъ Глухова въ Филиповъ постъ, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же отнюдь не маеть грошей, теда зъ сееи скринки давано на расходы, и вышло золотыхъ 34 и шаголь три.

Того-жь году 1697, декабря 22, учинилисмо нового шафара брата Інокентія діакона, далисмо ему зъ сихъ же грошей до шафованія золотыхъ сто. Бо отъ отца Генадія, якъ здавалъ зъ себе шафарство, не взялисмъ грошей большъ, тилько полодинадцата шагачехами, а остатковъ было 7 золотыхъ и шеляговъ шось трохи.

Року 1698, януарія мѣсяца, взялисмо зъ сихъ же скарбцовыхъ грошей на соль золотыхъ сто, и купилисмо соли московской гуртомъ за цѣлие сто золотыхъ.

Мѣсяца апрѣля, предъ вѣханемъ нашимъ отсюдже выдали золотыхъ 50 на расходы, бо згола нѣоткодь взяли.

НВ. А такъ зъ сумы лежачои вышло грошей золотыхъ 544 и шаговъ три.

На потимъ еще въ року 1699, въ зимѣ, зкуповуючи вѣтра-ного, взялисмо зъ скарбцовыхъ грошей золотыхъ сто, а прочее платилисмо грошми пана бунчуковаго, который далъ былъ зъ побожности своей на монастырь полтораста золотыхъ.

II. Записка о сдачѣ монастыря.

Року 1699, септемврія 17. Отъѣзжаючи зъ монастыря елецкаго, оставляю господарство такое:

Въ Овдѣвци посѣяли жита осмачокъ 7 и четверикъ, а осталось немолоченого жита копь 100 и семьдесятъ; быдла рогатого семьдесятъ и трое, овечокъ шестьдесятъ и осмеро, телятъ тридцатеро и одно, коней четвондцатеро, свиней 13, гусей 60, овса копь сорокъ, ячменю копь 4, сѣна стоговъ добрыхъ 11.

Въ Горбовѣ посѣяли осмачокъ семь жита, а осталось копь 100 и тридцать, овса копь двадцать, сѣна скиртъ 5.

Въ Серединци посѣяли осмачокъ десять, а осталось немолоченаго копь 30, овса копь тридцать и три, ячменю копь 21, гороху, що всюди есть, копиць 170, проса въ монастырю и на Святомъ копь 25, гречка ще не кошена.

Въ Серединци коней два и вляча, воловъ девять и телица, свиней трое, гусей 12, сѣна двѣ скирти и стоговъ добрихъ осмь, а еще сѣножатей некошенихъ на толькижь будо.

Дерева тамже на два млины рѣзанаго и тертиць пятьдесятъ и падей дубовыхъ двадцать.

Въ монастыру сѣна стирта и два стоги великихъ.

На Святомъ коровъ три, телятъ 4, гусей з двадцать.

Въ Рижикахъ казановъ 4, пять новыхъ дома, свиней 30, въ сажи три вепри, поросать з двадцать, гусей двадцать и конь одинъ.

Въ пасѣци подь Папоровкою пчолъ на зиму оставлено двадцать осмь.

Въ монастыру коней монастырскихъ семеро, а моихъ власнихъ оставляю шестеро. Ридванъ, коляса пароконная и коляска одноконная, полубъ пароконный и полубѣцъ одноконный, шоръ паръ три зовсѣмъ.

Въ церквѣ аппарата, книги, сребро все ведлугъ давнихъ реестровъ + паламарскихъ + вцѣлости.

Прибыло стихаровъ священническихъ, отъ панаи обозной давнихъ, два. Ризы пана обознаго злогоглавы и епитрахиль. Ризы черныи зъ золотымъ крестомъ.

Въ трапезѣ, въ кухнѣ, весь посудокъ ведлугъ давнихъ трапезныхъ реестровъ в цѣлости.

Прибыла книга до трапезы житій святыхъ декабрь, януарь, февраль по небожчику Иннокентію дакову.

Прибыла до церкви книга уставъ.

Въ сварбцу церковномъ грошей въ доброй монетѣ въ червонихъ и таларахъ 1,000 золотихъ и 300, а особливе гетманскихъ чехами золотихъ 300.

Въ Копачевѣ и Надиновци зкупилисмо вѣтраного, дали копъ сто, за часть млина его, и за дворъ, и за сѣножати, и за всѣ его добра лежачи.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Въ с. Сулимовѣ, переяславскаго уѣзда, въ усадьбѣ Ал. Андр. Войцеховича, хранятся четыре портрета, на которыхъ изображены:

30) *Иванъ Федоровичъ Сулима*, генеральный хорунжій, умершій въ 1721 г., на работахъ ладожскаго канала. Тѣло его было привезено въ родную Сулимовку, какъ говоритъ семейное преданіе, въ выдолбленной и осмоленной сосновой колодѣ, въ которой противъ лица умершаго, выставлено было стекло. Въ этой самой колодѣ хорунжій былъ и погребенъ въ склепу сулимовской церкви.

*) «Кіевская Старина», май, 337 и сентябрь, 557.

31) *Марья Павловна Сулима*, жена предыдущаго, дочь Павла Полуботка. Умерла въ 1729 г.

32) *Семенъ Ивановичъ Сулима*, переяславскій полковникъ 1739+1766, сынъ предыдущихъ. Нарисованъ въ бѣломъ кунтушѣ, съ перначемъ въ рукавѣ.

Всѣ три портрета представляютъ собою подлинники, довольно плохо впрочемъ сохранившіеся. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, и указаніе на принадлежность ихъ означеннымъ лицамъ сдѣлано нами со словъ Пр. М. Артемьевой¹⁾, происходящей изъ рода Сулимъ и хорошо знакомой съ семейными преданіями своего рода.

33) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ*, черниговскій полковникъ. Въ первой нашей замѣткѣ о малороссійскихъ портретахъ („Кіевск. Старина“, май), указывая на два портрета Полуботковъ, хранящихся у гр. Гр. А. Милорадовича, мы сказали, между прочимъ, что по неимѣнію надписей, нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ Леонтія (отца), а который Павла (сына). Теперь съ достовѣрностью можно сказать, что портретъ будто бы Павла Полуботка, приложенный ко всѣмъ тремъ изданіямъ Истории Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, изображаетъ не Павла, а должно быть отца его—Леонтія, бывшаго при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Портретъ, находящійся у А. А. Войцеховича, имѣетъ на оборотной сторонѣ надпись, указывающую, что это портретъ—Павла Полуботка. Портретъ этотъ—двойникъ одного изъ Полуботковскихъ портретовъ, хранящихся у гр. Милорадовича, и двойникъ именно того портрета, литографію котораго (довольно плохую, впрочемъ) лѣтъ десять назадъ издалъ владѣлецъ этихъ обоихъ портретовъ, съ догадкою о его принадлежности Павлу Полуботку. Принадлежность

---

¹⁾ Отъ нея-же, между прочимъ, получили мы свѣдѣніе, что въ томъ же переяславскомъ уѣздѣ, въ с. В. Круполѣ, у Ник. Ил-ча Бутовича, имѣется какой-то замѣчательный по старинѣ портретъ Мазепы. Интересно было-бы получить объ этомъ портретѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сколько нибудь достовѣрнаго портрета Мазепы пока въ виду не имѣется. Изъ всѣхъ печатныхъ портретовъ его, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ гравюра на деревѣ, напечатанная въ «Иллюстраціи» 1847 г., № 5. О подлинникѣ этой гравюры сказано только, что это «древній портретъ». Не тотъ-ли это, что въ академіи художествъ?

Сулимовскаго портрета Павлу Полуботку подтверждается, кромѣ надписи, еще и тѣмъ, что жена Ивана Федоровича Сулимы была, какъ мы уже сказали, дочь Павла Полуботка; она конечно и привезла въ Сулимовку портретъ *своего отца* ¹⁾.

Ал. Лазаревскій.

О ДНѢ СМЕРТИ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ-КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ОСТРОЖСКАГО.

Въ исторіи есть лица на столько памятные и дорогія, что не просто любопытно, но иногда и необходимо знать вѣрно не только годъ, но и день ихъ кончины, съ которою, какъ и съ ихъ жизнію, связываются иногда многія событія. Къ числу такихъ лицъ у насъ безспорно принадлежатъ два великіе ревнителя православія и народности русской, князя Константинъ Ивановичъ и въ особенности двухъ-именный сынъ его Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскіе.

Между тѣмъ время кончины этихъ великихъ не только для своего времени, но и для потомства дѣятелей до настоящей поры съ точностію не опредѣлено. Относительно перваго можно несомнѣнно утверждать только то, что онъ скончался между 1 сентября 1529 г. и первыми числами октября 1530 г. ²⁾. Опредѣленіе дня смерти (18 августа) этого князя, сдѣланное Нарбутомъ, пока не будетъ извѣстенъ источникъ, изъ котораго оно заимствовано, или-же не откроется новыхъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія этого историка, нельзя считать несомнѣннымъ.

Что-же касается князя Василія-Константина Острожскаго, то до послѣдняго времени не только день, но даже и годъ его смерти опредѣлялись и опредѣляются различно. Нѣсецкій ³⁾, а за нимъ и

¹⁾ Собирая свѣдѣнія о старинныхъ малороссійскихъ портретахъ, мы недавно узнали, что будто-бы имѣется довольно значительное собраніе этихъ портретовъ въ с. Очкинѣ, новгородсѣверскаго уѣзда, въ усадьбѣ умершаго въ этомъ году, А. М. Суденка. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о составѣ этого собранія намъ получить до сихъ поръ не удалось. Не поможетъ-ли кто изъ видѣвшихъ это собраніе?

²⁾ Подробнѣе объ этомъ въ Труд. кiev. дух. акад. 1877 г. октябрь, 182—188 стр.

³⁾ Herbarz Polsk. t. VII.

нѣкоторые другіе обыкновенно утверждали, что онъ умеръ 21 марта 1606 г. Петровъ нашелъ въ рукописномъ сборникѣ кіево-софійскаго собора двѣ надгробныя надписи обоимъ этимъ князьямъ. Изъ нихъ видно, что кн. Василій-Константинъ скончался въ 1608 г. на 81 году жизни. Въ помянникѣ (писанномъ) дерманскаго монастыря на поляхъ отмѣчено, что этотъ князь „преставися“ отъ Р. X. 1608 г. февраля 13 дня, въ субботу Θεодорову, жилъ 81 г... положенъ въ церкви соборной острожской“¹⁾. Это послѣднее опредѣленіе принято нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями²⁾. Но приведенная отмѣтка въ синодикѣ Острожскихъ позднѣйшаго происхожденія и придавать ей значеніе несомнѣннаго свидѣтельства нельзя³⁾, ибо въ томъ-же синодикѣ на поляхъ есть грубая ошибка и анахронизмы. Можно съ несомнѣнностію принять только годъ кончины этого князя, такъ какъ это подтверждается другими свидѣтельствами, напр., выше указанными надгробными надписями; что-же касается дня, то, кажется, гораздо вѣроятнѣе опредѣленіе его, сдѣланное Нѣсецкимъ, на основаніи свидѣтельства іезуита Янчинскаго. Этотъ іезуитъ, сообщающій много свѣдѣній о частной жизни этого дѣятеля, считаетъ днемъ его смерти 21 марта. Мы можемъ указать данныя, которыя, по видимому, даютъ этому опредѣленію большую вѣроятность. Въ сборникѣ копій писемъ кн. Острожскихъ (изъ несвижскаго архива князей Радзивиловъ), находящемся въ рукописномъ отдѣленіи слб. публичной библіотеки, есть слѣдующее письмо кн. Ивана (Януша) Константиновича Острожскаго къ князю Хр. Радзивилу⁴⁾.

Oswiecony Xiąze, moj M-cwy Panie powinny!

Złożywszy czas pogrzebowi ciała sławnej pamięci X-cia, J-o M. Pana Ojca i Dobrodzieja mego na dzień 27 kwietnia, w Ostrogu, rozumiałem za słuszną W. X. M. oznajmić, prosząc przytem, abyś

¹⁾ Памятникъ кіевск. комис. IV, отд. I, 108. Родился-же онъ въ 1527 г.

²⁾ Макарій, Истор. русск. церк. т. X, 358.

³⁾ Очень можетъ быть, что авторъ ея слѣшалъ этого князя съ его пращуромъ Василюмъ (Краснымъ) и найдя въ древнихъ синодикахъ надпись о днѣ кончины послѣдняго, соединилъ ее съ извѣстнымъ ему годомъ смерти перваго.

⁴⁾ Этотъ кн. Радзивилъ былъ желать на дочери князя Василя-Константина, сестрѣ Ивана Константиновича.

W. X. M. z krewnej powinności swej, pomniąc na uprzejme ku sobie chęci i miłość nieboszczykowską, przybycieś raczył ku temu żalostnemu aktowi na czas pomieniony do Ostroga. Oświadczysz W. X. M., mój M-y Pan, przez to łaskę swą i powinną miłość, która była ku żywemu, tudzież którą mieć raczył przeciwko mnie i domowi memu..... z Ostrogu 1608 r. martii die ulma (ultima) ¹⁾.

Janusz xiąże Ostroskie, kasztelan krakowski.

Приведенное письмо даетъ понять, что фактъ смерти князя Константина Острожскаго былъ извѣстенъ уже его зятю, князю Радзивилу, котораго шуринъ, князь Янушъ Острожскій извѣщаетъ теперь лишь о времени погребенія отца, назначенномъ на 27 апрѣля, приглашая прибыть къ этой печальной церемоніи; оно также показываетъ, что назначенный для погребенія срокъ былъ теперь только избранъ и не служилъ отмѣною какаго либо другаго, болѣе ранняго срока. Если-же письмо писано 31 марта, то естественнѣе допустить, что смерть этого князя послѣдовала 21 марта, чѣмъ 13 февраля. Нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобы тѣло кн. Василя-Константина оставалось непогребеннымъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною мѣсяцевъ, если дѣйствительно онъ скончался 13 февраля. Равнымъ образомъ трудно, при этомъ предположеніи, объяснить, почему кн. Янушъ Острожскій увѣдомляетъ своего ближайшаго родственника о времени погребенія своего отца едва по истеченіи полутора мѣсяца со времени кончины этого послѣдняго. Напротивъ допустивъ, что смерть кн. Константина послѣдовала 21 марта, мы не найдемъ ничего страннаго и неестественнаго въ томъ, что сынъ его извѣщаетъ своего родственника Радзивила о времени погребенія отца спустя десять дней послѣ кончины этого послѣдняго.

В. Балагушевичъ.

У К Р А И Н С К І Й Г Е Л І О С Ъ .

(НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СОЛНЦѢ).

Украинскія преданія, давшія столько богатыхъ сюжетовъ для безсмертныхъ произведеній Шевченка, Гоголя, Пушкина („Гусаръ“,

¹⁾ IV. F. № 223, лист. 76.

напримѣръ), Мицкевича и др., сколько извѣстно, еще не разсматривались, какъ своего рода *окаменелость* древне-языческихъ воззрѣній южно-русскаго народа. Въ настоящей замѣткѣ хочу сгруппировать украинскія легенды о *солнцѣ*, иногда значительно сходныя съ разсказами древнихъ грековъ о Гелиосѣ, въ огненной колесницѣ совершающемъ свой объѣзды по небу. Есть-ли это совпаденіе взглядовъ—случайность, или это результатъ вліянія грековъ, жившихъ въ героическія времена по берегамъ Чорнаго моря, на древнѣйшихъ нашихъ предковъ,—я не берусь рѣшать этого вопроса.

По представленію украинцевъ, *солнце*, равно-какъ *місяць* (луна), *зорі-зорниці*, *морозко*, *вітеръ* и проч.—живыя существа, могучіе, обитающіе на небѣ великаны, способные, смотря по расположенію духа, оказывать благодѣянія людямъ или-же дѣлать людей безъисходно несчастными. Каждый изъ этихъ титановъ имѣетъ свою особую, физическую и нравственную, фізіономію, свой характеръ. Болѣе добрыми изъ нихъ въ легендахъ являются *солнце* и *місяць*.

Солнце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой, которую онъ надѣваетъ по своему усмотрѣнію и съ помощью которой онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ всю природу¹⁾. *Місяць*—блѣдный, менѣе могучій, съ печатью „каинова грѣха“ на лицѣ, братъ солнца, созданный одновременно съ нимъ²⁾. Въ заклинаніяхъ своихъ украинцы такъ обращаются къ этимъ двумъ свѣтиламъ: „И тебе прошу, красне сонце, и тебе прошу, ясный місяцю!“³⁾),—тѣмъ не меньше, и звѣзды, и мѣсяць далеко не пользуются у южноруссовъ такимъ уваженіемъ, какъ благодѣтельный Гелиосъ, что можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующей поговорки: „Світило-бъ мині тільки праведне сонце, а місяць и зорі я воломъ побью“...

Вида беззаконія, творимыя ежеминутно человѣчествомъ, солнце иногда, въ невыносимой горести, закрываетъ лице свое руками, отчего и происходятъ затмѣнія солнца⁴⁾. Другой разъ украинскіе дра-

¹⁾ Труды этнографич. экспедиціи въ юго-жеслави. край, т. I, в. I, стр. 5—6.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibidem., стр. 69.

⁴⁾ Ibid., стр. 13.

коны, *крылаті вавулаки*, набрасываются на свѣтоноснаго великана, желая уничтожить его; вступая съ ними въ борьбу, солнце на время перестаетъ освѣщать и согрѣвать землю ¹⁾).

Солнце, при всемъ своемъ могуществѣ, не всегда оказывается равнодушнымъ къ прелестямъ нашихъ земныхъ красавицъ, при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти отымаетъ у мужей и отцевъ красивѣйшихъ украинокъ, насылая на нихъ въ такомъ случаѣ вихрь, который и уноситъ женщинъ въ палацы свѣтоноснаго великана ²⁾).

Впрочемъ, солнце и здѣсь стремится быть справедливымъ. За каждую похищенную имъ женщину оно щедро награждаетъ деньгами ея родныхъ ³⁾).

Солнце имѣетъ у себя трехъ дочерей, которыя, въ видѣ утокъ, плаваютъ иногда по рѣкамъ и оврагамъ земнымъ; дочери эти всемогущи на землѣ, но силу свою употребляютъ исключительно на добро людямъ ⁴⁾). Нѣкій сказочный украинскій герой, которому необходимо было отыскать „палацъ“ солнца, случайно встрѣчается съ одной изъ солнцевыхъ дочерей; послѣдняя вошла въ его положеніе и дала ему золотой влубокъ, который приватился къ самимъ дверямъ солнцева дворца ⁵⁾). Этотъ-же герой женился на дочери солнца, а всемогущій тесть сдѣлалъ его неуязвимымъ, заставивъ его окутаться въ громадномъ казанѣ въ кипящее молоко.

Проведя ночь въ подземныхъ чертогахъ, утромъ солнце начинаетъ подыматься по *блакиту*, при чемъ ему пособляютъ демоны, живущіе въ моряхъ; не одна тысяча *куцанивъ* (чертей безхвостыхъ) погибнетъ отъ солнечнаго жару прежде, чѣмъ солнце наконецъ взойдетъ ⁶⁾!—Въ полдень солнце не идетъ по небу, говорится въ одной легендѣ ⁷⁾, но „трохи спочивае“ (отдыхаетъ); подъ-вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ, почью-же спитъ и встаетъ утромъ очень рано. На востокѣ прежде жила какая-то поразительно красивая

¹⁾ Труды этн. экс., т. I., стр. 13.

²⁾ Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. I, стр. 85.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., стр. 91—93.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ «Труды этногр. экс.», т. I, стр. 4.

⁷⁾ Ibid., 3—4.

панна, и лишь только, бывало, солнцу надо всходить, она умоетъ, вытретъ его хорошо: вотъ по какой причинѣ въ прежнее время солнце свѣтило гораздо лучше, чѣмъ теперъ ¹⁾).

Въ параллель къ этой украинской легендѣ, приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія г. Петискуса о древне-греческой мифологіи. „По вѣрованію древнихъ, говоритъ онъ, Геліосъ (солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперсная Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, неся по своду небесному, ночь-же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Тефисы прекрасной“ ²⁾).

Однажды солнце вмѣсто себя послало освѣщать міръ своего зятя, снабдивъ послѣдняго своими свѣтоносными „ризами“, подобно Геліосу, который то-же довѣрилъ какъ-то свою огненную колесницу сыну Фаэтону; зять во время обхода задалъ трепку „вітру и морозку“ (морозу), но тесть на другой день извинился предъ ними ³⁾).

Уваженіе и довѣріе, которыя украинскій народъ питаетъ къ солнцу, видны, между прочимъ, изъ одного заклинанія, влагаемаго въ уста дѣвушки, которая, желая получше устроить свою судьбу, рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, выходитъ изъ хаты и, обращаясь къ нему, говоритъ: „День тебѣ добрый, солнышко ясное! Ты святое, ты ясное-прекрасное; ты чистое, величавое, почтенное (поважное)! ты освѣщаешь, и горы, и долины, и высокіе курганы... Освѣти меня, рабу Божию, передъ панами, передъ попами, передъ царями, передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ“ ... и т. д. ⁴⁾

Гр. Десятинъ.

СВ. МУРО ВЪ СТАРИНУ и КАКІЕ СЪ НИМЪ СЛУЧАИ БЫВАЛИ.

Въ практикѣ церкви нашей есть и теперь много невыясненнаго, неопредѣленнаго; отсюда неизбѣжны недоумѣнія и затрудненія не только для молодыхъ, но и для старыхъ священниковъ, отсюда

¹⁾ Ibid.

²⁾ Петискусъ. «Олимпъ», стр. 94.

³⁾ Рудченко, Народныя жно-рус. сказки, в. I, стр. 94.

⁴⁾ «Труды этногр. эксл.», т. I, стр. 93.

по мѣстамъ особенности въ богослуженіи и обрядахъ, приводящія въ соблазнъ, а то и раздражащія иного знатока уставовъ церкви и ревнителя церковнаго благолѣпія и благочестія, отсюда выходы и оригинальныя дѣйствія нашихъ пастырей, неизбѣжны въ прежнее, возможны и въ наше время. Многое восполняетъ и поправляетъ теперь большая развитость и образованность нашихъ священниковъ; не то было въ старину—бѣдную и простую.

Вотъ какіе казусы бывали, между прочимъ, и съ св. муромъ.

Обычнымъ для сель источникомъ св. мвра, были въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемыя протопопіи. Протопопіи эти, и въ центрѣ расположенныя, отъ крайнихъ сель уѣзда отстояли часто на 50—60 верстъ, что въ круговой объѣздъ давало отъ 100 до 120 верстъ; инныя отстояли на 100 и болѣе верстъ, въ круговомъ объѣздѣ 200 и больше верстъ, какое разстояніе не всегда легко и удобно переѣзжать и по сухому хорошему пути. Это, впрочемъ, препятствіе больше для позднѣйшаго времени, и, такъ сказать, второстепенное. Въ старину другое было. Протопопъ для священника иного сельскаго захолустья казался чѣмъ-то особенно великимъ и страшнымъ¹⁾. Предстать предъ лице его, да еще и говорить съ нимъ, пожалуй, да это такое ужасное дѣло, отъ одного представленія о которомъ у иного волосы дыбомъ стануть. А между тѣмъ какъ быть? Св. мвро совершенно истоцилось, сосѣда просиль, не даетъ, да и у самаго немного; а тутъ, какъ нарочно, являются и являются крестить. И тычетъ бѣднякъ сучемъ въ сосудъ, немного еще мокрый отъ бывшаго въ немъ мвра, а то и совсѣмъ сухой, и утѣшаетъ себя мыслію, что, по милости Божіей, совершилъ таки таинство мвропомазанія.

¹⁾ И это не преувеличеніе. Одинъ уважаемый протоіерей (уже умершій), служившій въ 50 и 60 годахъ, рассказывалъ намъ, какъ онъ самъ, пріѣхавъ въ село въ храмовой день, приходомъ своимъ въ церковь до того испугалъ одного старичка—священника, пріѣхавшаго нарочито принять участіе въ праздничномъ богослуженіи, что тотъ едва въ состояніи былъ окончить акафистъ, который читалъ, и затѣмъ ни за что не согласился пойти въ домъ настоятеля прихода, а изъ церкви прямо убѣжалъ домой. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что сотрудничая въ богослуженіи, старичокъ укрѣплялся въ трудѣ перспективой будущаго «учрежденія ведія». Надо быть великому страху, чтобы уйти отъ трапезы.

А то, говорили мнѣ старики-отцы, былъ и такой случай. У одного изъ захолюстныхъ совершенно истощился запасъ св. мѣра, даже самый сосудъ сухой совсѣмъ. Старичокъ для мѣра употреблялъ стручець съ волосяной висточкой. Естественно не имущему вообразить, что тамъ за долгое время скопилось таки не мало св. мѣра. И вотъ почтенный отецъ, когда приходится ему мѣропомазывать, прижжетъ висточку на свѣчкѣ, и, помазывая прижженнымъ мѣстомъ, весь погруженный въ свое дѣйствіе, уже забываетъ и слова таинства, а говорить только, повторяя: *оце важнисть... оце важнисть!*

Разсказывали и слѣдующее событіе. Одинъ священникъ давно и крайне нуждался въ св. мѣрѣ; но никакъ не могъ рѣшиться поѣхать въ протопопію. Матушка-попадья была похрабрѣе, и вызвалась сама побывать у страшнаго о. протопопа и получить св. мѣро. Кстати-же ей и въ городъ, купить или продать, нужно было. Снарядилъ батюшка „госпожу свою“, снабдилъ и сосудцемъ для св. мѣра, и отправилась матушка. Представляется о. протопопу. „А что вамъ?“ — „Мѣра св. заполучити поручили папотець“, отвѣчаетъ матушка. „Да какъ-же это? помилуйте!—воскликаетъ удивленный о. протопопъ,—женщинѣ и сосуда такого касаться не подобаетъ, а вы еще и мѣра“. — „Да я и не касалась, отвѣчаетъ вопрошаемая. Панотець сами надѣли мнѣ на шею сосудецъ на ленточкѣ, я же и рубаху и одежду всю чистую надѣла, совсѣмъ въ чистотѣ, какъ слѣдъ, и свазали, что тамъ о. протопопъ сами сосудецъ снимутъ, нальютъ, и опять тебѣ на шею привѣсятъ. Такъ я, не касаясь, и доведу, будьте сповойны“. Удовлетворился-ли такимъ объясненіемъ о. протопопъ, даль-ли св. мѣра, неизвѣстно, да и не интересно. Интересно, какъ „госпожа“ выручала своего „господинка“ въ трудномъ дѣлѣ полученія св. мѣра.

Слышалъ я и еще случай—проще и естественнѣе, но вызванный тою-же отдаленною поѣздкой и тревогой видѣться и бесѣдовать съ о. протоіереемъ изъ-за нужды въ св. мѣрѣ. О гонорарѣ за выдачу, всегда неизбѣжномъ, не скорбѣли отцы, помня, что то дѣло обычное¹⁾.

¹⁾ Слышали мы, что одинъ раздаватель св. мѣра, принимая обычную подачку, и спѣшно пряча оную въ карманъ, имѣлъ обычай приговаривать: *зачѣмъ это, ачѣмъ? благодать не продается.*

Бѣда ѣхать далеко, да и представляться о протопопу—дѣло изъ ряда выходящее. Случай, ниже приводимый, рассказанъ мнѣ очевидцемъ, бывшимъ на ту пору діакономъ, и давно уже мирно скончавшимся въ санѣ священника. „Настоятель прихода, гдѣ я діаконовствовалъ, рассказывалъ покойникъ, былъ мой своякъ, простой и очень добрый человекъ, и жили мы очень любовно. Однажды не стало у насъ св. муро, настоятель и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ въ уѣздный городъ къ о. протопопу“. И поѣздка вдвоемъ, очевидно, для смѣлости, а по тогдашнему времени и обычаямъ и выпивка неизбѣжная для смѣлости-же. „Явились, продолжалъ рассказчикъ, получили и возвращаемся домой веселые и довольные. Жара страшная, а тутъ по дорогѣ село, и въ селѣ прудокъ съ отличнымъ мѣстомъ для купанья. Хорошо-бы выкупаться, предлагаетъ настоятель. Я, конечно, согласился. Разоблачились, св. муро, которое настоятель везъ на шеѣ—на лентѣ, привѣсили на время на сучкѣ вербы, и нырнули въ воду. Выкупались, какъ слѣдъ, одѣлись и поѣхали. Вотъ мы и дома. Но вдругъ настоятель мой схватывается за грудь и страшно блѣднѣетъ. Что съ свами? спрашиваю.—Да вѣдь муро-то на вербѣ осталось, о. діаконовъ.—А тамъ и дѣти еще купались. Что, какъ увидѣли, сняли, и разлили? Боже мой!.. Бѣгите, летите скорѣй на мѣсто, можетъ быть еще въ цѣлости застанете. Я быстро вскочилъ на лошадь,—верховой ѣздокъ изъ меня былъ хорошій въ молодости, и полетѣлъ стрѣлой къ мѣсту купанья, благо и недалеко, версты четыре; и, къ общей радости нашей, св. муро оказалось на сучкѣ цѣлымъ и невредимымъ. Дѣти не успѣли его увидѣть“.

И много подобныхъ казусовъ можно-бы собрать между братією, на дѣлѣ извѣдавшей, какъ не легко добывалось св. муро въ старину.

КАРМЕЛЮКЪ.

Кармелюкъ, разбойникъ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уроженецъ Подолиі, бывшей главнымъ театромъ его страшныхъ подвиговъ, оставилъ память по себѣ и въ населеніи кievской губерніи.

Кармелюкъ—типъ тѣхъ народныхъ героевъ, память о которыхъ будетъ жить вѣчно въ народѣ. Онъ разбойникъ и межъ тѣмъ пользуется такой доброй славой и любовью. Отъ чего-же это? Отъ того, что народъ никогда не забываетъ тѣхъ своихъ защитниковъ, которые явно выразили чѣмъ-нибудь свой протестъ противъ его угнетеннаго, бѣдственнаго положенія. Кармелюкъ стоялъ за право тѣхъ поработанныхъ бѣднягъ, которые обречены были день и ночь работать въ ярмѣ для пана. Его протестъ выразился въ формѣ разбойничества, какъ болѣе удобной и возможной въ то время... Замѣчательныя его пѣсни (уже извѣстныя) переполнены моремъ грусти и скорби по людскомъ бездолю. Въ нихъ слышится могучая сила, готовая въ пухъ и прахъ разбить виновниковъ людскаго несчастья, но эта сила надломлена, сжована,—и часто въ этихъ-же пѣсняхъ слышится плачь вмѣстѣ съ провлятіями:

*Вбої моди, вбої моди,
Скрізь васъ, моди, бачу!
Якъ задаю вашу муку,
Самъ не разъ заплачу.
Кажуть моди, що счастливий,
Я зъ того сміюся,
Бо не знають, якъ я часомъ
Сліозами заллюся.
Куди піду, подивлюся,
Скрізь балаць пануе,
У роскошахъ превеликихъ
И днює й ноче.
Убогому, несчастному,
Тяжка робота,
А ще гіршая неправда,
Вічная скорбота!*

Про свое разбойничанье онъ такъ говоритъ:

*Зовуть мене розбойникомъ,
Кажуть—розбиваю;
Ой нікого ще-жъ не вбивъ я,
Бо й самъ душу маю.*

*Богатого обдираю,
А бідного наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.....
Ассесоры, исправники
За мною ганяють,—
Більше-жъ вони людей граблять,
Якъ я грошей маю.....*

Очень интересно и важно было-бы собрать въ разныхъ мѣстахъ рассказы народные и пѣсни про Кармелюка; они уяснили-бы его личность и установили бы точный взглядъ на него народа. Характеристива-же такихъ личностей, какъ Кармелюкъ, по народнымъ рассказамъ и пѣснямъ важна для изученія самаго народа. Привожу тутъ одинъ такой рассказъ, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ. Онъ не такъ характеренъ, тамъ рассказываются болѣе интересные случаи о столеновеніи Кармелюка съ помѣщиками. Надѣюсь ихъ записать. Къ концу рассказа привожу и пѣсню; она, кажется, еще нигдѣ не напечатана, хотя и имѣетъ сходство съ нѣкоторыми уже извѣстными.

„Всі у насъ на Вкраїні знають Кармелюка—одъ малого до великого. Ёго жалісливі пісньні витають и по степахъ, и по хатахъ, и по вишневихъ садкахъ. Про нѣго всякій роскаже, наче вінъ ёго знавъ... Багато де-чого розказують про нѣго люди; навить показують ліса и місця, въ которыхъ вінъ живъ, и це ледве не въ кожному селі. Кажуть, що вінъ бувъ розбойникъ, ще-жъ до того характерникъ. Ходивъ та ховався вінъ все по лісахъ, та по степахъ, бо ёго дуже підстерегали, щобъ якъ піймати. Тамъ де ёго ніхто не сподівався, тамъ вінъ зъявлявся и якъ бачивъ, шо про нѣго вже прокухали и хотять піймати, заразъ десь пропадавъ. Кажуть, якъ который чоловікъ робочий та чесный, то вінъ ёго и грішми наділить и всімъ, чого ему треба.—Разъ іхавъ чоловікъ на ярмарокъ; иде, та підперши голову рукою, сидить на возі, тай курникає собі підъ нісь—сваржиця на свою долю:

*Та доле-жъ моя, доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ тая чужая!*

Тагъ вінъ співає собі, ажъ ось догоняє ёго якийсь чоловікъ.

— А здоровъ будь, чоловіче!—каже.

— Будьте й вы здорові!—одповідає той.

— А звігніль? А куда? Чи багато маєшь волівъ та коней? Та все роспитує. А той ёму розскажує, шо отъ такъ и такъ: „жінка зосталась у дома безъ хліба, а я оце іду на ярмарокъ, шобъ продати остатню пару воликівъ, або шобъ стати де підъ хуру, та хотъ на хлібъ дітямъ заробить, а то нема чого їсти...“—А той слухавъ, слухавъ, а далі винявъ зъ кешені сто карбованцівъ та й каже: „на тобі, чоловіче, оці сто карбованцівъ, та купи собі ще дві пари волівъ, шобъ було до плуга, та згадуй Кармелюка“. Такъ той и остовпнівъ.—„Кармелюка?!“ питає, витріщивши очи, мовъ не вірить, шо це робитця въ яву. А Кармелюка вже й немає. Радый такый той чоловікъ, шо ото має въ кишені сто карбованцівъ. Прихавъ до корчмы, тай звернувъ трохи на radoщахъ выпити. Выпивъ чарку, выпивъ другу, выпивъ третю, а далі й не зоглядівся, якъ и гроші вкрани. Сидить тоді вінъ, тай плаче въ корчмі; ба, це входить той самый чоловікъ—Кармелюкъ. Глянувъ вінъ на нёго, тай крикнувъ до своїхъ: „эй, хлопці, простягніть-но лишъ ёго, та дайде ёму прочухана, шобъ знавъ, якъ пропивать гроші, коли діти сидять дома безъ хліба.

Опустили ёму трохи, а Кармелюкъ зновъ тоді виймає сто карбованцівъ, тай дає ёму.—Теперь гляди, каже, якъ зайдешъ въ корчму, то вже не минешъ моіхъ рукъ, тоді не викрутися!..

И багачко такъ вінъ визволявъ людей изъ біды.

А то разъ зновъ иде баба на базаръ, та якъ разъ проходить черезъ той лісь, де живъ Кармелюкъ. Отъ иде, та все оглядаєтця, та заглядає по-межъ корчі, чи не сидить тамъ часомъ Кармелюкъ. А той и наглядівъ її, та вийшовъ изъ-за кущівъ, тай иде противъ неі. Якъ угляділа вона ёго, то такъ и похололо въ неі въ сердці, а далі, перехрестившись, й каже: „охъ, Боже-жъ мій! а я думала, шо це де-небудь вирвався той проклятый Кармелюкъ, та вже оце иде по мою душу. Такъ боюсь того Кармеля, шой не знаю, де-бъ и ділась, якъ-би вгляділа ёго“. А сама й гадки не має, шо передъ нею стоить той самый Кармелюкъ, котрого вона такъ боитця..

— Чого-жъ ты, бабко, боишься того Кармелюка? Вінъ тільки багатихъ чухрає, а тебе, не бійсь, не зацепить..

— Охъ, не дай, Боже, мені зъ нимъ здибатись, зъ тимъ проклятуцимъ розбіякою, такъ на місті, здаеця, и вмерла-бъ!

Ставъ її Кармелюкъ питати, що вона несе, чи має дітей, чи є що дома істи... Всѣ бабуся розказала: несе півкопи яецъ, та низку цибулі, шобъ продать. „Та треба скоро йти, каже, шобъ не спізнитись, а то якъ забарюсь, та буду пізно йти назадъ черезъ лісь, то ще встріне той Кармелюкъ“...

— Купи мені, бабко, на базарі, каже той, за гривню підковы до чобіть, та десятокъ цвяшківъ за два шаги.

— А де-жъ я вась тутъ побачу?—питає баба.

— Та я тутъ вь лісі карбівничимъ, то тутъ буду де-небудь сидіть коло шляху, бо теперъ люду всякого вештаеця... Давъ вінъ їй гроши, а вона й пішла собі.

Цілий день сидівъ Кармелюкъ коло шляху вь лісі та виглядавъ баби. Тільки уже надъ вечіръ вернулась баба зъ місця. Вийшовъ до неї Кармелюкъ, тай питає: „а чи купила, бабусю, підковы?“—„Купила“, каже.—„Ну, добре, сідай-же теперъ, я тебе підкую. Уже шо тамъ собі хочешъ, а підкую, бо я Кармелюкъ, а ты Кармелюка лаяла, щей казала, шо вінъ біднихъ грабує; треба шобъ у тебе була відъ мене памятка; а шобъ ты знала, шо я біднихъ не займаю, а заступаюсь за нихъ, то ось тобі сорокъ карбованцівъ“.

Нема що, сідає баба середъ шляху, трясетця, якъ одъ пропасниці, та сідає, бо дуже боитця Кармелюка, а зъ нимъ жартувать не можна. Сховала вона вь пазуху сорокъ карбованцівъ та плаче, та проситця: „вь мене діти, каже, зостанутця сиротами; хто їхъ вигодує, хто догляне“?

— Та це нічого, каже Кармелюкъ, жартуючи:—одъ цѣго не вмерешъ; а шобъ не дуже боліло, шобъ тобі можна було дойти до дому, то я підкую тебе тільки по два цвяшки на кожную ногу... Підкувавъ вінъ її, а тоді звівъ, тай каже: „ну, теперъ иди зъ Богомъ, та згадуй тимъ часомъ Кармелюка“!... Пішла баба. Навспинячки стає та йде, ажъ порохъ по шляху знявся..

За Сибиромъ сонце сходить!

Хлопці, не зівайте

И на мене, Кармелюка,

Всю надію майте!

А Кармелюкъ добрый хлопецъ—
 Вінъ по ночамъ ходить,
 Не одну чорнявую
 Изъ розуму зводить...
 Маю жінку, маю діти
 Та я їх не бачу,
 Якъ задаю про їх життя,
 То й самъ ірко плачу.
 Кажуть моде, шо розбійникъ,
 Шо я розбиваю,
 Брешуть вони, та й говорять—
 Я й самъ душу маю.
 Я богатыхъ обдираю,
 А убогихъ наділяю—
 И, такъ гроші поділюши,
 Самъ гроша не маю.
 Зібравъ собі хлопцівъ добрыхъ—
 Шо кому до того?
 Розійдемся по дорогахъ
 Для подорожнєю.
 Ой хто іде, а хто йтиме—
 Довго ёю ждати;
 Якъ не маємъ прихилища,
 Мусимъ пропадати...
 Ажъ ось іде самъ владька.
 А здорово, хлопці!
 Вони ёму одказали:
 Благослови, отче!
 Ой, якъ хочешъ въ світі жити,
 То оддай намъ гроші.....
 Оглянеця кругомъ себе—
 Все хлопці хороші.
 Ой выйнявъ вінъ сорокъ тисячъ—
 Це вамъ усі гроші.....
 Пішовъ-бы я у містечко,
 Боюсь станового:

*Идутъ сощкі щей десяцкі
Послані одъ ёю.
Беруть мене за рукава,
Кажуть мені сісти,
А я тее добре знаю,
Шо я выйду звідти.
Встромлю руки у кешені,
У кешеняхъ тісно:
Полщейскимъ кручкодерамъ
Й тимъ про мене звісно.*

Разказъ и пѣсня записаны въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда, 1880 г.

А. Смонтій.

Andante.

№ 1.

1

Пь_ні_ю вре_мя и мо_лит_вь чась;

The first system of the musical score consists of four staves. The top staff is a vocal line in G major, C major, and F major, with lyrics "Пь_ні_ю вре_мя и мо_лит_вь чась;". The second staff is a piano accompaniment in G major, C major, and F major. The third staff is a vocal line in G major, C major, and F major, with lyrics "Пь_ні_ю вре_мя и мо_лит_вь чась;". The fourth staff is a piano accompaniment in G major, C major, and F major. The tempo is marked "Andante." and the piece is numbered "№ 1." and "1".

Хрис_те рож_ден_ный, спа__си всьхъ насъ!

The second system of the musical score consists of four staves. The top staff is a vocal line in G major, C major, and F major, with lyrics "Хрис_те рож_ден_ный, спа__си всьхъ насъ!". The second staff is a piano accompaniment in G major, C major, and F major. The third staff is a vocal line in G major, C major, and F major, with lyrics "Хрис_те рож_ден_ный, спа__си всьхъ насъ!". The fourth staff is a piano accompaniment in G major, C major, and F major. The tempo is marked "Andante." and the piece is numbered "№ 1." and "1".

II

№ 2.

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первый став — верхний голос (сопрано), второй — сопрано (альт), третий — вокальный текст, четвертый — альт (тенор), пятый — бас. В начале каждого стова есть динамический знак *p*. Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 4/4 такта. В первом такте вокальные партии начинаются с ноты ми-бемоль, во втором — с ноты ре, в третьем — с ноты ми, в четвертом — с ноты фа. В пятом такте вокальные партии заканчиваются на ноте ми-бемоль.

p
Ангелисни жай те ся, ко зем ли сбли жайте ся,

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первый став — верхний голос (сопрано), второй — сопрано (альт), третий — вокальный текст, четвертый — альт (тенор), пятый — бас. В начале каждого стова есть динамический знак *p*. Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 4/4 такта. В первом такте вокальные партии начинаются с ноты ми-бемоль, во втором — с ноты ре, в третьем — с ноты ми, в четвертом — с ноты фа. В пятом такте вокальные партии заканчиваются на ноте ми-бемоль.

p
Богъ Го сподъ, ко то рыи съ нами днесъ, отъ вль ка Онь былъ съ нами,

Му́жъ не бесной сла вой пол ны и я зы ци вси до воль ны.

The first system of the musical score consists of five staves. The top staff is the vocal line, followed by a piano accompaniment staff. The lyrics are written below the vocal line. The music is in a minor key and 4/4 time. The piano accompaniment features a steady bass line and chords.

f Весели те ся, ра дуй те ся, я ко съна ми Богъ!

The second system of the musical score consists of five staves. The top staff is the vocal line, followed by a piano accompaniment staff. The lyrics are written below the vocal line. The music is in a minor key and 4/4 time. The piano accompaniment features a steady bass line and chords. Dynamics markings *f* and *ff* are present.

Небомъ земля сталася,
 Якъ Бога дождалася,
 До Творець Архангелівъ,
 То тамъ треба и Ангелівъ.

Мы-жь небесной славой полны
 И языци всі довольны;
 Веселитесь, радуйтеся,
 Яко съ нами Богъ.

Якъ Луциферъ спавъ зъ неба,
 То тамъ святихъ людей треба,
 Щобъ поповнить паденіе,
 Должно Христу роженіе.

Мы-жь небесной славы полны
 И языци всі довольны;
 Веселитесь, радуйтеся,
 Яко съ нами Богъ.

Богъ изъ Дівы раждається,
 Небомъ земля сполняється,
 Трепещуть Архангели,
 Служать Їму всі Ангели;

Мы-жь небесной славы полны
 И языци всі довольны;
 Веселитесь. радуйтеся,
 Яко съ нами Богъ.

Moderato

№ 3.

v

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первые два стaves — верхний и нижний регистры голоса. Третий став — текст. Четвертый и пятый стaves — фортепиано. Темп обозначен как Moderato, метр — 3/4, тональность — B-flat major. В начале каждого стая есть ключевые знаки: для голоса — B-flat и 3/4, для фортепиано — B-flat и 3/4.

Сла-ва бу-ди во-выш-нихъ Бо-гу, да-ю-ще-му

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первые два стaves — верхний и нижний регистры голоса. Третий став — текст. Четвертый и пятый стaves — фортепиано. Продолжение темпа Moderato, метр 3/4, тональность B-flat major.

ра достъ пре мно гу, рож ден ну, яв лен

VI

Ну и во ясляхъ без сло весныхъ по ло жен ну.

Воль и осель Христа витають,
 Пастыріе Ёго прославляють
 И Цари-Государи
 Отъ Персь и Индіи
 Принесоша ему дари.

Ты, вертене, возвеселися;
 Се бо въ тебе
 Христось родися.
 Вострунно въ псалтирѣ
 Рожденнаго прославляйте
 По всемъ мірѣ.

Но ва радоста ла якъ на не бі хма ра, надъвертепомъзвізда

Яс на увесь свить о сі я ла.

Де Христось родився,
 Зъ Дівы воплотився,
 Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
 Пеленами повився.

Передъ тимъ дитяткомъ
 Пастушки зъ ягняткомъ
 На колінця упадають,
 Христа Бога выхваляють.

Просимъ тебе, Царю,
 Небеській Шапарю,
 Пошли Боже многа літа,
 Сему господарю.

VIII
Allegro.

№ 5.

The first system of music consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It features a continuous eighth-note melody. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, providing a harmonic accompaniment of chords and eighth notes. The system concludes with a repeat sign and the number 14.

The second system continues the piece. The upper staff begins with a dynamic marking of *f* (forte). The melody continues with eighth-note patterns. The lower staff provides a steady accompaniment of chords and eighth notes. The system ends with a repeat sign and the number 7.

The third system continues the piece. The upper staff features a melody of eighth notes. The lower staff provides a harmonic accompaniment of chords and eighth notes. The system ends with a repeat sign and the number 7.

The fourth system continues the piece. The upper staff features a melody of eighth notes. The lower staff provides a harmonic accompaniment of chords and eighth notes. The system ends with a repeat sign and the number 7.

Andante

№ 6.

IX

p

p

Днесь Иродъ грядеть во сво_я_стра ны ви фле си _ски_

p

p

я плъ_ни_ти вся храми да_бы възис_ка_ти Хрис_та

Музыкальный фрагмент, состоящий из трех систем нот. Первая система — вокальная линия, вторая — фортепиано, третья — басовая линия. В центре системы размещены русские слова: «На рожден на, отъ три ехъ Ца рей е му из вѣ щен на,».

На рожден на, отъ три ехъ Ца рей е му из вѣ щен на,

Музыкальный фрагмент, состоящий из трех систем нот. Первая система — вокальная линия, вторая — фортепиано, третья — басовая линия. В центре системы размещены русские слова: «со во ин ствомъ пре мно гимъ.».

со во ин ствомъ пре мно гимъ.

И велѣвъ же вѣтъ во своемъ повѣтѣ
 Живущія въ немъ вся дѣти избити:
 Во двоихъ лѣтахъ или и низайше,
 Во трохъ лѣтахъ или и множайше.
 О, Ироде предкайнный!

Музыкальный фрагмент, состоящий из четырех стaves. Верхний став — мелодия в G-мажоре, C-ритме. Второй став — аккомпанемент в G-мажоре, C-ритме. Третий став — вокальная линия с русскими текстами. Четвертый став — басовый став с аккомпанементом. В начале вокальной линии и на протяжении всего фрагмента присутствует дирижабль.

Шед ше три е ца ри ко Хрис ту со да

Музыкальный фрагмент, состоящий из четырех стaves, продолжение первого. Верхний став — мелодия в G-мажоре, C-ритме. Второй став — аккомпанемент в G-мажоре, C-ритме. Третий став — вокальная линия с русскими текстами. Четвертый став — басовый став с аккомпанементом. В начале вокальной линии и на протяжении всего фрагмента присутствует дирижабль.

ри; И родъ ихъ при гла си, ку да идуть, во про

си. И родѣхъ при гла си, ку да и дуть, во про си.

Отвѣщаша ему:
 Идемъ къ рожденному.—
 Къ рожденному идите
 И мнѣ возвѣстите.

Азь шедъ поклонюся,
 Передъ Царемъ смирюся,
 Воздамъ честь обичну,
 Какъ Цареви приличну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востока на полудне,
Надъ вертепомъ сіяеть,
Христа Царя являеть.

Ангель къ нимъ вѣщаеть,
На путь наставляеть;
Инимъ путемъ идите,
Ко Ироду не йдите.

Волеви возвратишася,
Въ Ирода не быша;
Вспяеть, вспяеть возвратишася,
Не вотще трудишася.

Пришли въ страни своя,
Христа славослова,
Чають зъ Нимъ въ небі жити,
Ему жъ на вікъ служити.

XIV
Moderato

№ 8.

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первые два стaves (верхние) содержат мелодию в нотной записи. Третий став содержит текст песни. Четвертый и пятый стaves содержат аккомпанемент в нотной записи. Музыкальный фрагмент разделен на три такта. В первом такте мелодия начинается с ноты G4, за которой следуют A4, B4, C5, D5, E5, F5, G5. В последующих тактах мелодия развивается, включая ноты A5, B5, C6, D6, E6, F6, G6. Аккомпанемент в нижних стаях поддерживает ритм и гармонию мелодии.

Пе_ре стань   ри — да — ти,   пе — чаль —

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти стaves. Первые два стaves (верхние) содержат мелодию в нотной записи. Третий став содержит текст песни. Четвертый и пятый стaves содержат аккомпанемент в нотной записи. Музыкальный фрагмент разделен на три такта. В первом такте мелодия начинается с ноты G4, за которой следуют A4, B4, C5, D5, E5, F5, G5. В последующих тактах мелодия развивается, включая ноты A5, B5, C6, D6, E6, F6, G6. Аккомпанемент в нижних стаях поддерживает ритм и гармонию мелодии. В начале второго такта и в начале третьего такта мелодия и аккомпанемент начинаются с динамического маркера *f* (forte).

на_я ма — ти,   и на_ра — дость   при_ло_жи — ся

и къ ца рю при бли жи ся, при бли жи ся.

Alligro moderato

Не и ми за шкоду ви дя, я ко во ду, кровь из ли ва е му.

Ис-у-би-ва-е-мыхъ-къ-жиз-ни-не-пре-мьн-ной-ко-смер-ти-не-тлѣн-ной,

The first system of the musical score consists of five staves. The top staff is the vocal line, and the bottom staff is the bass line. The middle three staves are for piano accompaniment. The lyrics are written below the vocal line. The music is in a minor key and features a steady eighth-note accompaniment.

За-жи-во-та-стра-ту-прі-ем-лѣ-тъ-за-пла-ту-прі-ем-лѣ-тъ-за-пла-ту.

The second system of the musical score continues the composition. It also consists of five staves with the same layout as the first system. The lyrics are written below the vocal line. The music concludes with a final cadence in the vocal line.

Иродъ не ситий велить убити,
А воинъ терзаетъ и убиваетъ.

Маленькіе чада
Все пребудуть ради;
Тѣмъ бо съ неба платять,
Что животь свой тратять
За Христа и Бога;
То и мзда премнога
Малимъ отрочатамъ,
Закланнимъ овчатамъ.

Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе.
Не увядаютъ, но процвѣтають
Польниі крини новой святини,
Къ Богу и Сыну имѣеть причину:

Твое бо пернате
Небомъ есть взяте;
Путь прошедшіи ти снй
Побідниі пісні
Поють Царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ сѣтей ловащихъ,
Пагубу губящихъ.

Тутъ смерть ви хо дить, ре че. къ не_му ви ну: по что дерзнуть про

лить кро въ не _ повин ну, за ню же, — ре ку, стя жуть

тво ю ду шу и при тла — си ти дру ги сво — я му шу.

Detailed description: This system contains a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is written on a single staff with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The lyrics are: "тво ю ду шу и при тла — си ти дру ги сво — я му шу." The piano accompaniment consists of two staves: the upper staff has a treble clef and the lower staff has a bass clef. The music is in a 4/4 time signature. The first measure of the vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, Bb4, and C5. The piano accompaniment in the first measure has a bass line of G2, A2, Bb2, C3 and a treble line of G4, A4, Bb4, C5.

О, И ро де пре о ка ян ный!

Detailed description: This system continues the musical score. The vocal line is on a single staff with a treble clef and a key signature of one flat. The lyrics are: "О, И ро де пре о ка ян ный!" The piano accompaniment consists of two staves: the upper staff has a treble clef and the lower staff has a bass clef. The music is in a 4/4 time signature. The first measure of the vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, Bb4, and C5. The piano accompaniment in the first measure has a bass line of G2, A2, Bb2, C3 and a treble line of G4, A4, Bb4, C5. The system ends with a double bar line.

Дерзай! отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живеть съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

Не відавъ же вінь,
Що вже истребится
И царство его
Въ конецъ разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О. Ироде преокаянный!

№ 10.

f
 Ой підъ виш не ю, підъ че реш не ю,
f

This system contains the first four measures of the piece. It features a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a bass clef staff. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 2/4. The dynamic marking is *f* (forte). The lyrics are: "Ой підъ виш не ю, підъ че реш не ю,".

сто лвъ стары зьмо ло до ю, якъ изъ я год ко ю.
 :

This system contains the next four measures. The vocal line continues with the lyrics: "сто лвъ стары зьмо ло до ю, якъ изъ я год ко ю.". The piano accompaniment features a rhythmic pattern of eighth notes. The system concludes with repeat signs (:).

И просилася, и молилася;
Пусти жь мене, старий дїду,
На улицю погудять!
Я и самъ не піду
И тебе не пущу,
Бо ты-жь мене старенького
Да й покинешь на біду.
Куплю тобі хатку,
И ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ,
И вишневенькій садокъ.
Не хочу я хатки.
А ни сіножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневого садка;
Бо ты старый дїдуга
Изїгнувся, якъ дуга,
А я молоденька
Гуляты раденька.
Ты въ запічку: ахи, ахи!
Я зъ молодымъ: хи-хи, хи-хи!
Ой ты дубъ, я береза,
Охъ ты пьяный, я твереза.

№ II.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It contains four measures of music, each starting with a quarter rest followed by a quarter note, then an eighth note, and finally a sixteenth note. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. It contains four measures of music, each starting with a quarter rest followed by a quarter note, then an eighth note, and finally a sixteenth note.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It contains four measures of music. The first two measures are identical to the first system. The third measure ends with a fermata and a repeat sign, with a '7' below it. The fourth measure is identical to the first system. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. It contains four measures of music. The first two measures are identical to the first system. The third measure ends with a fermata and a repeat sign, with a '7' below it. The fourth measure is identical to the first system.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It contains four measures of music. The first two measures are identical to the first system. The third measure ends with a fermata and a repeat sign, with a '7' below it. The fourth measure is identical to the first system. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. It contains four measures of music. The first two measures are identical to the first system. The third measure ends with a fermata and a repeat sign, with a '7' below it. The fourth measure is identical to the first system.

XXIV
Allegro.

№ 12.

Гусарь коня наповавъ,
Дзюба воду брала,
Гусарь пісню заспівавъ,
Дзюба заплакала.

Andante

№ 13.

XXV

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one flat (B-flat) and a 4/4 time signature. It begins with a piano (*p*) dynamic marking. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, also starting with a piano (*p*) dynamic marking. The music features a steady eighth-note melody in the right hand and a bass line with chords and eighth notes in the left hand.

The second system continues the musical piece with two staves. The notation and dynamics remain consistent with the first system, showing the continuation of the eighth-note melody and the supporting bass line.

The third system of the musical score consists of two staves. The notation continues, with the right hand playing a melodic line and the left hand providing harmonic support with chords and bass notes.

Allegretto

The fourth system of the musical score consists of two staves. The tempo changes to *Allegretto*. The upper staff is in treble clef with a key signature of one flat and a 4/4 time signature. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. The music features a more active eighth-note melody in the right hand and a bass line with chords and eighth notes in the left hand.

Цыганка: Де-жъ, цыгане, ты живешъ?

Цыганъ: Яжъ не маю хаты,
Що выкую та выдурю,
Тілько мені шаты.

Хоръ: Пригѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, пятакомъ.

Цыганъ: Де-жъ, цыганко, ты живешъ?

Цыганка: Ой я живу у шатрі,
Не кую, не дую,
Тілько знаю ачхи-дри!

Хоръ: Пригѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Цыганка: Чомъ, цыгане, не орешъ?

Цыганъ: Бо немаю плужка!
Тілько въ мене плужка,—
За поясомъ плужка.

Хоръ: Пригѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, пятакомъ.

Цыганъ: Чомъ, цыганко, не придешь?

Цыганка: Бо не вмію прости.
Изъ за гаю выгадаю,
Щобъ сорочку верасти!

Хоръ: Пригѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Цыганка: Чимъ ты, цыгане, щастливый?

Цыганъ: Табе-жъ мое щастья,
Яжъ ураду та продамъ—
Охъ, щобъ ёму тряща!

Хоръ: Пригѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Цыганъ: Де-жъ, цыганко, твої діти?

Цыганка: Діти-жъ мої у шатрі:
То кавчять, то нищать,
Яжъ щенята—ачхи-дри...

Alegro moderato

№ 14.

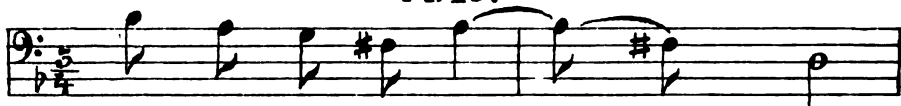
XXVII

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The time signature is 4/4. The music begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The melody in the treble staff starts with a quarter note G4, followed by eighth notes A4, B4, and C5. The bass staff provides a harmonic accompaniment with chords. The system concludes with a repeat sign.

The second system of musical notation continues the piece. It features the same two-staff structure. The melody in the treble staff continues with eighth notes and quarter notes. The bass staff accompaniment remains consistent. The system ends with a repeat sign.

The third system of musical notation continues the piece. The melody in the treble staff includes a half note G4. The bass staff accompaniment continues with chords. The system ends with a repeat sign.

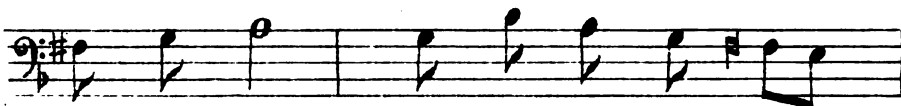
The fourth system of musical notation concludes the piece. The melody in the treble staff ends with a quarter note G4. The bass staff accompaniment continues with chords. The system ends with a repeat sign.

Та не бу де луч — — — ше,

та не бу де кра — — — ще,

Якь у насъ та на У кра и —

ні; що не ма е жи — — — да,

що не ма е ля — — — ха, та не бу

де из мі — — — ны.

Allegro

№ 16.

XXIX

The first system of music for No. 16 consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It begins with a treble clef, a sharp sign, and a 2/4 time signature. The melody starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4 and B4, then a quarter note C5 with a sharp sign, and ends with a quarter note B4. The lower staff is in bass clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It begins with a bass clef, a sharp sign, and a 2/4 time signature. The accompaniment consists of a series of chords: G2-B2-D3, A2-C3-E3, B2-D3-F#3, and G2-B2-D3. The system concludes with a repeat sign and a double bar line.

The second system of music for No. 16 consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It begins with a treble clef, a sharp sign, and a 2/4 time signature. The melody starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4 and B4, then a quarter note C5 with a sharp sign, and ends with a quarter note B4. The lower staff is in bass clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It begins with a bass clef, a sharp sign, and a 2/4 time signature. The accompaniment consists of a series of chords: G2-B2-D3, A2-C3-E3, B2-D3-F#3, and G2-B2-D3. The system concludes with a repeat sign and a double bar line.

№ 17.

The first system of music for No. 17 consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of two sharps (F# and C#) and a time signature of 2/4. It begins with a treble clef, two sharp signs, and a 2/4 time signature. The melody starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4 and B4, then a quarter note C5 with a sharp sign, and ends with a quarter note B4. The lower staff is in bass clef with a key signature of two sharps (F# and C#) and a time signature of 2/4. It begins with a bass clef, two sharp signs, and a 2/4 time signature. The accompaniment consists of a series of chords: G2-B2-D3, A2-C3-E3, B2-D3-F#3, and G2-B2-D3. The system concludes with a repeat sign and a double bar line.

The second system of music for No. 17 consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of two sharps (F# and C#) and a time signature of 2/4. It begins with a treble clef, two sharp signs, and a 2/4 time signature. The melody starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4 and B4, then a quarter note C5 with a sharp sign, and ends with a quarter note B4. The lower staff is in bass clef with a key signature of two sharps (F# and C#) and a time signature of 2/4. It begins with a bass clef, two sharp signs, and a 2/4 time signature. The accompaniment consists of a series of chords: G2-B2-D3, A2-C3-E3, B2-D3-F#3, and G2-B2-D3. The system concludes with a repeat sign and a double bar line.

XXX
Allievo.

№ 18.

The first system of music consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It contains four measures of eighth-note patterns. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, featuring a sequence of chords and eighth-note accompaniment.

The second system continues the piece. The upper staff shows eighth-note runs with some notes marked with an asterisk (*). The lower staff continues with chordal accompaniment and eighth-note patterns.

The third system features more complex eighth-note passages in the upper staff, including some sixteenth-note runs. The lower staff provides harmonic support with chords and eighth notes.

The fourth system shows a continuation of the eighth-note motifs. The upper staff has some notes with accidentals, and the lower staff maintains the accompaniment.

The fifth system concludes the piece. The upper staff features eighth-note patterns with some rests. The lower staff includes some notes with '4' written below them, possibly indicating a specific fingering or articulation.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a time signature of 2/4. It contains four measures of music: the first measure has a quarter note G4, a quarter note A4, and a quarter note B4; the second measure has a quarter note C5, a quarter note B4, and a quarter note A4; the third measure has a quarter note G4, a quarter note F#4, and a quarter note E4; the fourth measure has a quarter note D4, a quarter note C4, and a quarter note B3. The lower staff is in bass clef and contains four measures of chords: the first measure has a triad of G2, B1, and D2; the second measure has a triad of A1, C2, and E2; the third measure has a triad of B1, D2, and F#2; the fourth measure has a triad of C2, E2, and G2.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff continues the melody from the first system. The lower staff continues the chordal accompaniment with chords of G2-B1-D2, A1-C2-E2, B1-D2-F#2, and C2-E2-G2.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff features a half note G4 in the second measure, which is circled with a fermata. The lower staff features a half note G2 in the second measure, also circled with a fermata. The system concludes with a double bar line.

The fourth system of musical notation consists of two staves. The upper staff contains four measures of eighth notes: G4-A4-B4, C5-B4-A4, G4-F#4-E4, and D4-C4-B3. The lower staff contains four measures of chords: G2-B1-D2, A1-C2-E2, B1-D2-F#2, and C2-E2-G2.

The fifth system of musical notation consists of two staves. The upper staff contains two measures of eighth notes: G4-A4-B4 and C5-B4-A4. The lower staff contains two measures of chords: G2-B1-D2 and A1-C2-E2. The system concludes with a double bar line and a fermata over the final notes.

XXXII
Allegro

№ 20.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 7/4 time signature. It contains four measures of music, with the melody ascending in pitch across the system. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, providing a harmonic accompaniment with chords and moving bass lines.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff continues the melody from the first system, ending with a repeat sign and a fermata. The lower staff continues the accompaniment, also ending with a repeat sign and a fermata.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff features a melodic line with some chromatic movement and a key signature change to two sharps (F# and C#). The lower staff continues the accompaniment with chords and moving bass lines.

The fourth system of musical notation consists of two staves. The upper staff continues the melodic line, ending with a repeat sign and a fermata. The lower staff continues the accompaniment, also ending with a repeat sign and a fermata.

XXXIII
Allegro

№ 21.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains four measures of music, with an 'X' above the final measure. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, containing four measures of music.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains four measures of music, ending with a double bar line and repeat dots. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, containing four measures of music, ending with a double bar line and repeat dots.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains four measures of music, with an 'X' above the first and second measures, and a dynamic marking of *ff* at the beginning. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, containing four measures of music, with a dynamic marking of *ff* at the beginning.

The fourth system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains four measures of music, with an 'X' above the first and second measures, and a double bar line with repeat dots at the end. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, containing four measures of music, ending with a double bar line and repeat dots.

Allegro XXXIV

№ 22.

First system of musical notation for No. 22. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 2/4. The treble staff begins with a piano (*p*) dynamic marking. The bass staff also begins with a piano (*p*) dynamic marking. The music is in a 4-measure phrase, ending with repeat signs.

Second system of musical notation for No. 22. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 2/4. The treble staff begins with a forte (*f*) dynamic marking. The bass staff also begins with a forte (*f*) dynamic marking. The music is in a 4-measure phrase, ending with repeat signs.

Moderato.

№ 23.

First system of musical notation for No. 23. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 2/4. The treble staff begins with a melodic line. The bass staff begins with a sharp sign (#) above the first measure. The music is in a 4-measure phrase, ending with repeat signs.

Second system of musical notation for No. 23. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 2/4. The treble staff continues the melodic line. The bass staff continues with chords, including a sharp sign (#) above the first and third measures. The music is in a 4-measure phrase, ending with repeat signs.

First system of musical notation, measures 1-4. The treble clef staff contains a melodic line with eighth and sixteenth notes, including accidentals (sharps). The bass clef staff contains a harmonic accompaniment of chords.

Second system of musical notation, measures 5-8. The treble clef staff continues the melodic line. The bass clef staff continues the harmonic accompaniment. Measure 8 ends with a fermata.

Allegro moderato. № 24.

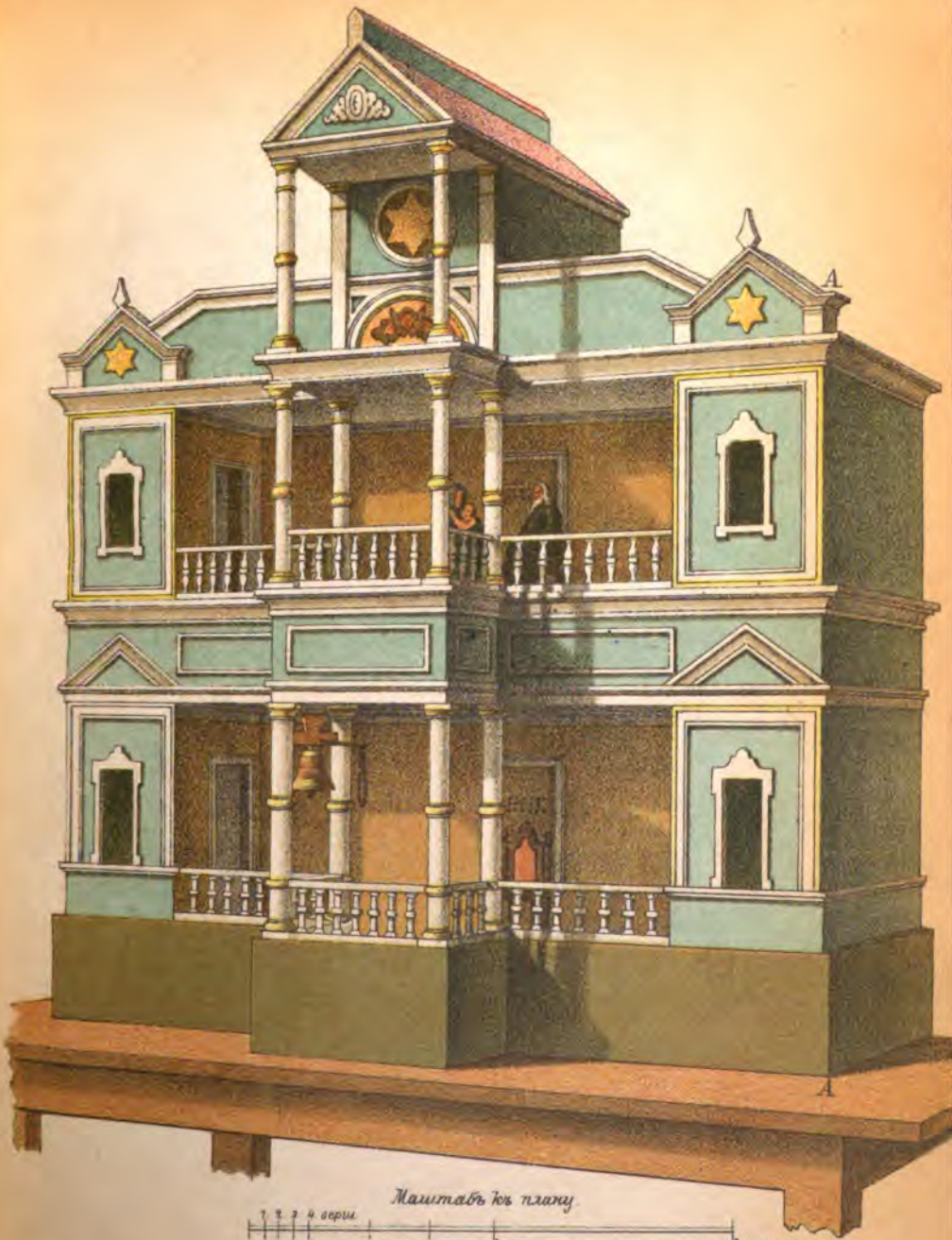
Third system of musical notation, measures 9-12. The key signature changes to two sharps (F# and C#) and the time signature to 2/4. The treble clef staff begins with a piano (*p.*) dynamic marking. The bass clef staff also begins with a piano (*p.*) dynamic marking.

Fourth system of musical notation, measures 13-16. The treble clef staff features a more active melodic line with sixteenth notes. The bass clef staff continues with chords. A forte (*f.*) dynamic marking is present in measure 14.

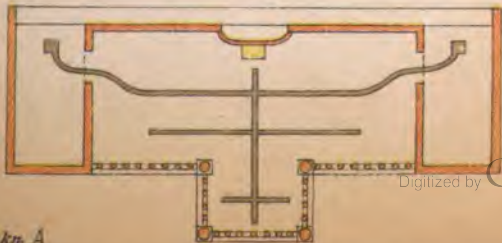
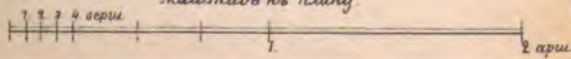
Fifth system of musical notation, measures 17-20. The treble clef staff continues with a melodic line. The bass clef staff continues with chords. Measure 20 ends with a fermata.

ЩИТЪ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ.

Маштабъ къ плану

Маштабъ къ фасаду въ точкѣ А

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозныя, правовыя и т. п., исчезающіе древніе нагѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. В., Базальтъ Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бьлззерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. О., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. О., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. О., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Льсковъ Н. С., Мальшевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацилевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемня А. А., Праховъ А. В., Страшкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій О. Я., Чальи М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходитъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее же годовое изданіе составитъ четыре тома, размѣромъ 35—40 печ. листовъ каждый.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

~~Въ~~ Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной: Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой; въ отдѣленіяхъ конторы: при книжномъ магазинѣ Оглоблина (Крещатики, д. Ключа) и бумажномъ складѣ Дитятковской фабрики (Подоль, Гостиный дворъ); гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городского на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію четыре семикопѣечныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Цѣна съ пересылкою, безъ приложеній—8 р., съ приложеніями—12 р. въ годъ.

Отдѣльныя книжки «Кіев. Старины» продаются по 1 р. с.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

Y2 AUG 29

INDEXED

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ IV.

Н О Я В Р Ъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул.; собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1882 г.

✓ V. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. А. Л. Шимонова	191
✓ VI. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. М. Т—ова	229
✓ VII. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) В. Антоновича	250
✓ VIII. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. П. И. Житецкаго.	277
✓ IX. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Ал. Лазаревскаго.	292
✓ X. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЩИМА. (Продолженіе). В. А.	328
✓ XI. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Колившины»)	349
XII. БИБ. ПОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кiev. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кiev. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кievь. 1882 г.—б) E. Chantre Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spécialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковимъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховимъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскаго народнаго орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.)	354
XIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кievо-выдубицкій перевозъ на Днѣрѣ и его неожиданная политическая роль.—б) Замятка на замятку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христова	368
ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кievская Старина».	
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ уманскаго сотника Ивана Гонты.	

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старины“, Кievь, Софievская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ IV.

Н О Я В Р Ъ.

1882 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
436512A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1929 L

Дозволено цензурою. Київъ, 29-го октября 1882 года.

AND WITH
CLEAN
PAPER

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналь „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолевъ главныя трудности основанія **провинціального** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Стѣна*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волинская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. В. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ и проч.*, *Дневникъ Н. Ханенки*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Морцуппаннъ и Ганнусковой горляки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

Вмѣсто предисловія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случайно достались нѣкоторые разрозненные матеріалы по крестьянскому землевладѣнію въ харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ заинтересовали насъ уже потому, что самому автору, какъ уроженцу этой же губерніи, уже не разъ бросался въ глаза тотъ загадочный непорядокъ въ нѣкоторыхъ, по преимуществу крестьянскихъ, дачахъ губерніи, который самъ по себѣ не давалъ никакого ключа къ разумѣнію его причинъ и средствъ его устраненія: это была какая-то механическая смѣсь началъ и порядковъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, среди которой видимо было плохо не только крестьянамъ, но и мелкому чрезполосному владѣнію другихъ сословій. По мѣрѣ того, какъ мы дополняли наши скудные матеріалы новыми, причины этой аграрной безурядицы хотя въ основныхъ чертахъ и выяснялись постепенно, но за то общая связь этихъ причинъ осложнялась и расширялась настолько, что самые предѣлы общаго вопроса объ исторіи землевладѣнія въ здѣшней мѣстности постоянно раздвигались и исчезали въ томъ непроницаемомъ туманѣ, который можно назвать заброшенной и забытой исторіей прошлаго нашихъ провинцій. Вслѣдствіе этого намъ пришлось коснуться и общей исторической стороны здѣшней мѣстности, при чемъ даже бѣглый обзоръ мѣстныхъ историческихъ фактовъ показалъ намъ, что *земельный вопросъ здѣсь органически и, можно сказать, на каждомъ шагу представляетъ неразрывное цѣлое съ общей исторіей здѣш-*

наю края, которая и сама, по своей сущности, представляет нечто иное, какъ рядъ непрерывныхъ, извнѣ опредѣлявшихся метаморфозъ въ судьбѣ мѣстнаго поземельнаго владѣнія. Такое неожиданное на первыхъ порахъ разширеніе рамокъ мѣстнаго земельного вопроса поставило на нашемъ пути нѣкоторыя задачи, выходящія не только за предѣлы нашихъ *не обширныхъ матеріаловъ*, но и за предѣлы нашей личной общей подготовки; ибо вопросъ въ своихъ сложныхъ развѣтвленіяхъ не только шелъ вглубь мѣстной областной и обще-русской исторіи, но и глубоко затрогивалъ нѣкоторые общіе вопросы изъ области права, экономической науки и, можетъ быть, народной психологіи.

Въ виду всѣхъ этихъ внѣшнихъ и субъективныхъ препятствій намъ оставалось или отказаться совершенно отъ мысли браться за непосильный для насъ, при данныхъ условіяхъ, вопросъ, или-же по крайней мѣрѣ хотъ поставить его на видъ, хотя-бы со всѣми недостатками, которые неизбежно присущи всякому начинанію. Мы предпочли послѣднее, руководствуясь тою мыслію, что иногда самая постановка вопроса на сцену общественнаго вниманія есть уже начало дѣла.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи представляетъ слѣдующія существенныя стороны для своего изслѣдованія: во первыхъ, о самомъ происхожденіи этого землевладѣнія и его дальнѣйшей внѣшней судьбѣ, во вторыхъ, объ основныхъ принципахъ этого землевладѣнія и обусловленныхъ этими принципами внутреннихъ порядкахъ, т. е. было-ли это владѣніе личное и наслѣдственное, или владѣніе общинное, или-же оно представляло собою какое-либо органическое сочетаніе началъ того и другаго типа, съ преобладаніемъ одного изъ нихъ и, въ третьихъ, какой именно характеръ и нравственный складъ воспитывалъ въ народѣ тотъ или другой типъ землевладѣнія, при данныхъ условіяхъ исторіи, и насколько здѣсь причина сама могла быть слѣдствіемъ.

Само собою разумѣется, что случайные и отрывочные матеріалы, какими мы располагаемъ по этому предмету, не даютъ намъ достаточнаго основанія для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, но мы рѣшились воспользоваться ими хотя для самой постановки общаго вопроса и нѣкотораго освѣщенія указанныхъ его сторонъ, въ томъ предположеніи, что нашъ

трудъ составить, по крайней мѣрѣ, ту *общую первоначальную канву*, при наличности которой легче будетъ ориентироваться и дальнѣйшимъ матеріаламъ по занимающему насъ вопросу. А вопросъ этотъ не только назрѣлъ, но скорѣе уже перезрѣлъ въ самой жизни, которая въ послѣднее время уже слишкомъ серьезно поставила его на видъ и подъ угрозой, можетъ быть, самыхъ печальныхъ осложнений видимо не допускаетъ его дальнѣйшаго отлагательства.

Внѣшней руководящей нитью въ нашемъ изложеніи послужить намъ отчасти исторія и содержаніе одного судебного старозаимочнаго процесса, именно такъ называемаго „ахтырскаго дѣла“, о которомъ года два назадъ такъ много говорилось въ газетахъ, а также нѣкоторые матеріалы по исторіи ахтырскаго поля.

„Ахтырское дѣло“ есть только довольно содержательный эпизодъ сложнаго старозаимочнаго вопроса, который, съ одной стороны, затрогиваетъ самыя основы матеріальной жизни значительной части населенія многихъ южно-русскихъ мѣстностей, а съ другой, можетъ быть, существенно дополняетъ и отгѣняетъ собою намъ болѣе счастливый, съ легкой руки Гакстгаузена и славянофиловъ 40-хъ годовъ, вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, въ послѣдніе годы, болѣе чѣмъ когда либо, переходящій въ стадію того или другаго своего практическаго разрѣшенія. Но такъ какъ вопросъ о *старозаимочномъ землевладѣніи* во многихъ мѣстностяхъ южно-русскихъ губерній ведетъ свое начало еще отъ временъ первой колонизаціи этихъ мѣстностей (главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ губерній: полтавской, черниговской и харьковской), то историческая сторона и „ахтырскаго дѣла“ неразрывно связана съ превратной судьбой народнаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны, а потому, при разрозненности и отрывочности находившихся у насъ подъ руками матеріаловъ, мы по необходимости должны были дополнять ихъ, можетъ быть, и довольно извѣстными историческими фактами. Мы однако позволяемъ себѣ думать, что уже самое содержаніе многихъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ значительно помочь намъ въ постановкѣ и даже посильномъ освѣщеніи не только общихъ сторонъ поставленнаго нами вопроса, но и вопросовъ нашей темной современности: можетъ быть эти матеріалы лишній разъ остерегутъ насъ отъ нашей почти общей

привычки универсальничать, какъ въ сферѣ теоретическихъ сужденій, такъ и въ практическомъ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ давно лишенной самосознанія нашей общественной жизни, и въ то-же время обнаружатъ причины, почему многія стихійныя движенія современности застаютъ насъ врасплохъ, какъ истинное для насъ *deus ex machina*. Можетъ быть болѣе близкое ознакомленіе съ такимъ крупнымъ мѣстнымъ вопросомъ, какъ старозаимочный, хотя нѣсколько наведетъ насъ на мысль, что многія своеобразныя мѣстности нашего обширнаго государства имѣютъ свои спеціальныя вопросы, спеціальныя недуги, а слѣдовательно требуютъ спеціальныя, а не универсальныхъ рѣшеній и врачеваній и что можетъ быть самое рожденіе этихъ недуговъ вызвано слишкомъ легкой, традиціонной вѣрой въ примѣнимость циркулярно-универсальныхъ мѣропріятій, не говоря уже о соображеніяхъ и цѣляхъ, стоявшихъ внѣ интересовъ той или другой мѣстной народной жизни и только въ лучшихъ случаяхъ имѣвшихъ своимъ источникомъ субъективно понимаемую государственную пользу.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи въ б. Слободской Украинѣ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи, характерѣ и типѣ всего южно-русскаго народнаго землевладѣнія, а этотъ, въ свою очередь, не можетъ быть понятъ внѣ связи съ исторіею землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Намѣтивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческую связь этихъ вопросовъ, мы перейдемъ затѣмъ къ спеціальному предмету нашего изслѣдованія.

Юридическій характеръ и внутренняя организація землевладѣнія б. московскаго государства въ значительной степени сложились подъ вліяніемъ условій татарскаго ига, не касаясь уже причинъ, лежавшихъ въ исторіи и народномъ характерѣ Великороссіи. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностію: подданные хана могли быть только владѣльцами земли“. По причинамъ, которыя вѣдомы исторіи, активнымъ и нормирующимъ элементомъ въ московскомъ государствѣ была не столько сама народная жизнь, сколько искони установившаяся ея форма: „одно его, великаго государя, государство“. Отсюда единственное основаніе и оправданіе всякаго поземельнаго владѣнія въ Великороссіи заключалось въ службѣ государству; внѣ этого условія по-

земельное владѣніе, какъ нормальное явленіе, не существовало. „Къ концу XVI вѣка, говоритъ русскій цивилистъ (курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 132—133, изд. 1873 г.) желѣзная воля Ивана IV, очевидно дѣйствовавшая систематически, разбила послѣдніе остатки чистаго вотчиннаго владѣнія и сплвила все землевладѣніе въ московскомъ государствѣ въ одну сплошную массу владѣнія служебнаго“. Только съ конца прошлаго вѣка, со времени жалованной грамоты Екатерины II дворянству, выражено было законное признаніе правъ личной собственности на землю для высшаго дворянскаго сословія, и только указомъ 1801 года было предоставлено право приобрѣтенія ненаселенныхъ земель всѣмъ російскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ.

При такомъ общемъ юридическомъ характерѣ землевладѣнія Великороссіи, къ ней, какъ извѣстно, присоединилась въ половинѣ XVII вѣка, а отчасти заселилась около этого времени малороссіянами почти вся территория южной Руси или Украйны, землевладѣніе которой возникло и слагалось подъ вліяніемъ причинъ и началъ весьма своеобразныхъ, а послѣ эпохи Богдана Хмельницкаго почти полярно противоположныхъ. Хотя въ бывшемъ литовскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ котораго формировалось до эпохи Богдана южно-русское землевладѣніе, право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю и въ этомъ отношеніи была, повидимому, какъ-бы полная параллель съ юридическимъ положеніемъ землевладѣнія и въ московскомъ государствѣ; но есть основаніе думать, что эта параллель не шла дальше сходства основныхъ государственныхъ возрѣній на землевладѣніе и не проникала собою фактически всего правоваго строя народной жизни, какъ въ московскомъ государствѣ; а со времени отдѣленія южной Руси отъ Рѣчи Посполитой само собою должно было упраздниться и возрѣніе объ исключительномъ правѣ государства на землевладѣніе южной Руси. Съ эпохи Богдана земля стала уже фактической собственностію занимавшаго ее народа.

Такъ какъ для самобытнаго развитія народныхъ южно-русскихъ началъ землевладѣнія не оказалось въ послѣдствіи благопріятныхъ условій, а органическаго сліянія съ принципами и порядками землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, по ихъ рѣзкой во многомъ противоположности, не могло и быть, то послѣдующая исторія

южно-русскаго землевладѣнія, главнымъ образомъ въ Слободской Украинѣ, представляетъ собою интересную для исторической мысли картину, такъ сказать, механическаго, официального воздѣйствія началъ и порядковъ сѣвернаго землевладѣнія на южное. Полная разработка этого вопроса составила-бы общую исторію землевладѣнія Украины со времени присоединенія ея къ московскому государству, а вмѣстѣ съ нимъ и существенную сторону исторіи южно-русскаго народа. Но, какъ уже объяснено выше, мы намѣтили себѣ гораздо болѣе скромную задачу: изложить въ нѣкоторой сильной системѣ хотя не многіе имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы для будущей разработки этого вопроса въ примѣненіи только къ небольшой части территоріи бывшей Малороссіи или Украины, именно относительно земель бывшихъ слободскихъ полковъ, территорія которыхъ занимала пространство нынѣшней харьковской губерніи, нѣкоторые южные уѣзды курской и часть воронежской губерніи. По самой разрозненности этихъ матеріаловъ, мы изложимъ оныя въ 12-ти отдѣльныхъ главахъ, представляющихъ происхожденіе и отдѣльные фазисы и видоизмѣненія общаго вопроса, сохраняя однако между ними внутреннюю предметную связь.

1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныхъ особенности.

Слободская Украина, составляя, по національности большинства ея населенія, часть общей территоріи Малороссіи, почти съ самаго своего заселенія вошла въ составъ московскаго государства и поэтому уже съ давняго времени была подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Это вліяніе могло быть тѣмъ рѣшительнѣе, что колонизація Слободской Украины производилась на территоріи уже отчасти (хотя изрѣдка) занятой великорусскими окраинными поселеніями; этому вліянію благоприятствовало и то обстоятельство, что всѣ пять слободскихъ полковъ (ахтырскій, сумской, харьковскій, изюмскій и острогожскій) не имѣли того собственнаго объединяющаго административнаго центра, какимъ представлялся гетманскій урядъ въ полкахъ бывшей гетманщины: слободскіе полки никогда не имѣли своей общей гене-

ральной старшины, что, конечно, не могло входить и въ виды московскаго правительства. Въ первое время своего возникновенія и присоединенія къ московскому государству слободскіе полки находились въ непосредственномъ вѣдѣніи посольскаго приказа (замѣненнаго потомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ), потомъ зависѣли отъ бѣлгородскаго разряда „и отъ губерніи бѣлгородской по гражданскимъ, а по воинскимъ дѣламъ отъ военной коллегіи“.

Въ то время, какъ на сѣверѣ Россіи извѣстный строй жизни и ея аграрные порядки слагались и крѣпли цѣлые вѣка, колонизація малолюдной лѣвобережной Украйны, въ большинствѣ ея мѣстностей, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени и главнымъ образомъ, можетъ быть, XVI—XVII вѣкамъ. Характеръ происхожденія поземельнаго владѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ этой территоріи довольно вѣрно опредѣляется слѣдующимъ объясненіемъ землевладѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ одного села, въ ихъ поземельномъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ въ концѣ прошлаго вѣка: „Когда при помощи Божіей малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя, Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянь сполная и общая потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, дворы, дома и футоры осягли и позаймали; и потому *сталися все добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть власними* (собственными) *чрезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборывали, другіе копцами обносили и рвомъ окопывали, кляеами ограничали и, что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возвращали и сады заводили, футоры, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроению мельницъ мѣста, тамъ оніе строили“¹⁾.

¹⁾ Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга первая. Черниговъ. 1766 г. «Малороссійскіе посполитые крестьяне».

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ авторъ цитированной нами статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“, полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда-же видно, что происхождение и характеръ поземельнаго владѣнія, какъ въ бывшей германщинѣ (нынѣ полтавской и черниговской губерніяхъ), такъ и въ предѣлахъ бывшихъ слободскихъ полковъ, позднѣе слободско-украинской губерніи, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей мѣстностями сосѣднихъ курской и воронежской губерній, въ районѣ южно-русской колонизаціи, были почти одни и тѣ-же, ибо вся эта территорія почти до степей Дона была мало-по-малу заселена, за исключеніемъ рѣдкихъ великорусскихъ поселеній, почти сплошнымъ южно-русскимъ населеніемъ. Хотя въ территоріи слободскихъ полковъ, еще съ самаго начала ихъ возникновенія, происхождение землевладѣнія было довольно разнообразно,—кромѣ массы вольныхъ заимокъ, были и жалованныя и помѣстные земли однодворцевъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной полосѣ Слободжанщины—по такъ называемой бѣлгородской чертѣ ¹⁾, и самыя заимки съ теченіемъ времени освящались большею

¹⁾ Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ переимѣнахъ»... Москва, 1788 г., относительно бѣлгородской черты сказано, что она была проведена въ видѣ рва еще при Михаилѣ Федоровичѣ: начиналась она съ запада «отъ рубежа малороссійскаго бывшей тамъ польской границы» и простиралась до рѣки Дона, слишкомъ на 300 верстъ. По этой линіи были построены съ крѣпостями великорусскіе города: Вольное, Хотомырскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый-Осколь, Верхососенскъ, Усердь, Ольшавскъ и Коротоякъ надъ Дономъ. Главнѣйшими изъ этихъ городовъ-крѣпостей были Бѣлгородъ и Новый-Осколь. «Прилежащими къ сей чертѣ землями, говорится въ этой книгѣ, удовольствованы какъ города во время построенія, такъ въ помѣстные оклады жалованы дворяне, дьяки, подьячіе и дѣти боярскіе; а сверхъ того розданы тѣ земли въ дачи прежнихъ службъ служилымъ людямъ; оставшіеся за раздачею пространство, большей частью съ южной стороны линіи, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ отвѣсть и утвердилъ подъ поселенія слободскимъ полкамъ». Но что здѣсь не было и не могло быть какого-либо дѣйствительнаго отвода земель для колонизаторовъ слободскихъ полковъ, это подтверждаетъ и самъ авторъ названной нами книги: «восточная (бывшаго) княженія кievскаго сторона,.... на которой послѣ слободскіе полки поселились, пребыла около 400 лѣтъ необитаемою пустынею, гдѣ отъ востока и юга набѣги татарскіе однигъ только звѣрягъ, птицъ и пресмыкающихся не могли воспретить обиталища», почему «земли сія... со временъ нашествія татарскаго до поселенія слободскихъ полковъ пребыли но большей части пусты»....

частью жалованными грамотами московскихъ государей; но такъ какъ въ этихъ правительственныхъ актахъ относительно самаго внутреннего распорядка землевладѣнія не было никакой регламентаціи и съ этой стороны акты обыкновенно ограничивались простымъ упоминаніемъ о „старыхъ козацкихъ обыкlostяхъ“, то національный характеръ населенія, какъ видно изъ массы фактовъ, постоянно-клонилъ аграрные порядки къ индивидуальному, участково-наслѣдственному землевладѣнію. Вслѣдствіе этого характеръ землевладѣнія в Слободской Украинѣ, подобно аграрному устройству населенія бывшей гетманщины, во многомъ отличается отъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи не только въ большинствѣ случаевъ своимъ происхожденіемъ, но и формой, типомъ: вмѣсто обыкновенной дачи съ помѣстьемъ, для отбыванія государственной службы, здѣсь, по крайней мѣрѣ для большинства южно-русскаго населенія, была *вольная заимка*, вмѣсто общиннаго владѣнія всѣмъ міромъ великорусскаго селенія или деревни, въ Слободской Украинѣ почти повсемѣстно, въ предѣлахъ южно-русской колонизаціи, было личное индивидуальное владѣніе, съ обычнымъ переходомъ и дробленіемъ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что фактически представляло всѣ условія полной поземельной собственности и что для массы населенія Великороссіи юридически стало возможно, кромѣ крѣпостныхъ людей, только съ начала текущаго вѣка (указъ 1801 г.).

Документальнымъ подтвержденіемъ того историческаго факта, что малороссіяне („черкасы“ по московскимъ или великорусскимъ письменнымъ памятникамъ XVII и XVIII вѣковъ) колонизировали не только земли бывшей гетманщины, но и территорію слободскихъ полковъ большей частью *вольно, безъ всякихъ предварительныхъ откуды-бы то ни было разрѣшеній*, служатъ многочисленныя историческія данныя, изъ которыхъ однако мы приведемъ лишь немногія, имѣя въ виду судьбу южно-русскаго поземельнаго владѣнія бывшей Слободжанщины главнымъ образомъ уже въ позднѣйшее время, почти исключительно въ текущемъ столѣтіи, и даже за послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Такъ относительно главнаго поселенія ахтырскаго слободско-украинскаго полка, города Ахтырки, есть историческія указанія, что онъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества, т. е. въ предѣлы государственной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой. „Сочинителю географическаго словаря извѣстна

была грамота царя Алексѣя 1669 г., въ которой сказано было, что городъ построенъ въ августѣ 1641 г., подъ надзоромъ королевскаго урядника Кульчевскаго, и въ немъ первымъ урядникомъ былъ панъ Якубовскій. Въ актѣ размежеванія границъ 1647 г. сказано, что ахтырскій городъ переданъ Польшею московскому царю вслѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ договора. По Чугуевской перепискѣ, Ахтырка является черкасскимъ новопостроеннымъ городомъ въ 1654 г. ¹⁾).

Также точно и основаніе другихъ поселеній западной, древнѣйшей части Слобожанщины, какъ напримѣръ полковаго города Сумъ и бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка Лебедина, историческія преданія относятъ еще до времени присоединенія Малороссіи въ московскому государству, когда первоначальная колонизація этихъ мѣстностей не могла быть подъ вліяніемъ московскаго правительства, а непосредственнаго московскаго вліянія на внутренній аграрный строй Слобожанщины не было и въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка. „Въ 1654 году, говоритъ Побѣдоносцевъ ²⁾, харьковскій полкъ (впослѣдствіи центръ мѣстнаго управленія) былъ принятъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ во владѣніе *посольскаго приказа*, и на ряду съ нимъ образовался другой главный полкъ, изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII вѣка начинается рядъ жалованныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи“ ³⁾). Такъ за вѣрность слободскихъ полковъ московскому правительству во время политическихъ смуть въ гетманской Малороссіи при Виговскомъ и Брюховецкомъ тремъ слободскимъ полкамъ—сумскому, ахтырскому и харьковскому была дана жалованная грамота въ 1668 г.: здѣсь Алексѣй Михайловичъ за ихъ вѣрную службу и разореніе „указалъ сложить съ нихъ оброки... съ промысловъ и шинковъ по бѣлгородскому овладу, а промышлять въ городахъ тѣхъ полковъ всякими промыслами безоброчно и безошлинно“ ⁴⁾).

¹⁾ Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отдѣленіе III, Москва 1857 г. стр. 9—10.

²⁾ Тамъ-же, стр. 279, 280 и 441.

³⁾ См. его уже упомянутый нами «Курсъ гражд. права», часть I, 1873 г. стр. 350,

⁴⁾ Тоже топограф. описан. харьковскаго намістничества 1788 года.

Жалованною грамотою 1682 г. указано слободскимъ полкамъ „пахенныя земли пахать и всякими угоды владѣть промежь собой *по раздѣлу, по ихъ черкасской обычности*“. „Къ числу такихъ обычностей, продолжаетъ авторъ уже названнаго нами „Курса гражданскаго права“, перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія“. Такимъ образомъ *заимка* въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности. Отсюда видно, что первоначальное заселеніе харьковскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и его древнѣйшая поземельная организація (также какъ и ахтырскаго полка) стояли внѣ всякаго офіціального вліянія московскаго правительства. Относительно этихъ жалованныхъ грамотъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, невольно обращается вниманіе на то обстоятельство, что они почему-то какъ-бы постоянно забываются со стороны московской администраціи, что нерѣдко вызывало въ прежнее время жалобы и челобитныя со стороны слободскихъ козаковъ. Эти жалобы за нарушеніе дарованныхъ правъ относятся еще къ началу царствованія Петра I-го.

Такъ въ жалованной грамотѣ Петра I-го въ 1705 г. „сумскаго полка стольнику нашему и полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву“, между прочимъ, говорится: „въ нынѣшнемъ 705 году били челомъ намъ, великому государю, твоего полку старшина... городовые сотники и рядовые козаки съ товарищи: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники и онѣ изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ подъ нашу государеву руку на сю сторону Днѣпра (переселились)... и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою не отъемленною милостію и всякими ихъ *черкасскими неотземленными отъ нихъ обыклыми волюностями*, и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, въ дивихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды подъ наши государевы жилые украинскіе города, а для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на житье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ „*черкасскіе*“ и тѣми новоприхожими „*черкассами*“ построены города на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Судова, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и де-

ревни и... служили они намъ, великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнные *шаточные времена*, и во измѣнникомъ не приставились и на прелестныя ихъ ни на какія письма... не склонялись никогда-же; и въ прошлыхъ де годѣхъ (за время отца и братьевъ Петра) для утверженія ихъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полевую службу служить *по черкасской обычности*, при всякихъ вольностяхъ, и велѣно-же *замки занимать, пасѣвы и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслами промыслять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно, противъ старой черкасской обычности, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодья и на торговые промысла были наложены, за вышеупомянутую вашу службу и во измѣнникомъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править *и на тѣ ихъ вольности и на грунты и на всякіе промысла ихъ и дѣтямъ ихъ надежду и въ предыдущіе годы даны наши государевы жалованныя грамоты*"... Въ заключеніе грамота эта на имя сумскаго полковника повелѣваетъ ему сдѣлать оглашеніе въ полку старшинѣ и рядовымъ козакамъ *„всякими угодья владѣть по прежнимъ нашимъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, какъ прежде сего владѣли безъ всякаго премѣненія“* ¹⁾... Такимъ образомъ мѣстная московская администрація, по своему личному усмотрѣнію, или-же по распоряженіямъ свыше, уже предавала забвенію тѣ права и льготы, которыя были формально даны колонизаторамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Эти привилегіи, по замѣчанію самаго автора „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества“ 1788 г., уже потому были необходимы для слободскихъ полковъ, что „они въ собственномъ военномъ одѣяніи, въ собственномъ вооруженіи, на собственныхъ коняхъ и на собственномъ провіантѣ легвоконными козаками въ войскѣ служили“ ²⁾...

¹⁾ Частная рукописная копія.

²⁾ Матеріалы по исторіи Слобожанщины, кромѣ московскихъ архивовъ посольскаго приказа и военной коллегіи, а также архивовъ г. Харькова, разбросаны въ старыхъ изданіяхъ и особенно провинціальныхъ: такъ исторія г. Суджи, входить-

Итакъ въ слободскихъ полкахъ *вольная заимка земель* была главнымъ способомъ пріобрѣтенія поземельной собственности, на сколько правовая сторона землевладѣнія могла имѣть мѣсто въ смутное и тревожное время XVII вѣка. Черкасская или малоросійская колонизація мало по малу заняла и облюдовала и бывшія еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ территоріи Слободской Украйны, разныя временныя московскія сторожи, опустѣлыя острожки, остатки прежнихъ городовъ и селеній, какъ напримѣръ: Олешню, Изюмъ, Валки, Чугуевъ, Царево-Борисовъ и другіе, которые такимъ образомъ и населялись почти исключительно черкассами.

Врядъ-ли будетъ ошибкой предположить, что для колонизаторовъ - черкассъ Слободской Украйны былъ важенъ самый фактъ вольнаго, безоброчнаго владѣнія землей, а не юридическое основаніе этого факта и не правовая сторона ихъ владѣнія: колонизаторы видимо вполне удовлетворялись тѣмъ, что они фактически являлись полными хозяевами занятой ими земли, которой они владѣли и распоряжались, согласно своимъ народнымъ обычаямъ. Наиболѣе древнія жалованныя грамоты московскихъ государей давали имъ право выбора полковой старшины, а также „въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“¹⁾. Но есть основаніе предполагать, что даже въ древнѣйшихъ слободскихъ полкахъ, какъ напримѣръ ахтырскомъ, сумскомъ и харьковскомъ, вольная заимка военныхъ колонизаторовъ Слободской Украйны уже рано смѣшивалась и съ другими видами землевладѣнія. Такъ изъ актовъ того времени можно видѣть, что еще у первыхъ полковниковъ слободскихъ полковъ встрѣчаются помѣстныя и вотчинныя земли²⁾; эти-же полковники и другая полко-

---

шей въ составъ сумскаго козачьяго полка, помѣщена въ историческомъ и географическомъ журналѣ, изданномъ профессоромъ Гавриловымъ въ Москвѣ 1829 г. Въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. № 22 есть небольшая замѣтка «объ отчужденіи старозаимочныхъ земель войсковыхъ обывателей людемъ всякаго сословія».

¹⁾ Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, отдѣленіе III, стр. 35.

²⁾ См. грамоту ахтырскому полковнику Перекрестову 1786 г. въ историко-стат. описаніи харьковской епархіи.

вая старшина заселяли свои пустопорожнія жалованныя и заимочныя земли въ смежныхъ поселеніяхъ великорусскихъ ратныхъ людей (у дѣтей боярскихъ) и также населяли ихъ черкасами; въ актахъ того времени упоминаются и случаи населенія „новыхъ поселеній“ даже прямо по царскимъ указамъ, при чемъ однако земли предлагались „въ вѣчное владѣніе безденежно“. Иногда чины Слободской козацкой старшины получали приказаніе отъ московскаго правительства строить города и поселенія, призывать въ нихъ на вѣчное житье „всякихъ чиновъ черкасъ и дворами и всякими усадьбы ихъ строить“.

Бывали случаи дачи земель отдѣльнымъ лицамъ козацкаго населенія за ихъ заслуги отъ мѣстныхъ полковниковъ и даже уполномоченныхъ правительствомъ бояръ. Не лишено интереса и то обстоятельство, что еще въ первую пору исторіи Слобожанщины, въ ней уже являлось, главнымъ образомъ, путемъ правительственнаго пожалованія, крупное личное землевладѣніе громаднхъ размѣровъ: такъ „жалованная вотчинная милостивая грамота“ Петра I-го на имя сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева (сына сумскаго-же полковника Герасима Кондратьева, знаменитаго своей непреклонной вѣрностью московскому правительству) утверждаетъ за нимъ громадную массу земель, „ихъ помѣстья въ отчину... вѣчно и въ роды неподвижно... и вольно ту вотчину продать и заложить и въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить“. По матеріаламъ генеральнаго межеванія 1785 г., упоминаемымъ въ томъ-же историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, въ рукахъ фамиліи бывшаго сумскаго полковника Кондратьева оказалось свыше 119,000 десятинъ земли. Даже духовный авторъ этого описанія какъ-бы невольно замѣчаетъ: „изумительно, какъ много милостей излито было на домъ Герасима Кондратьева!“ Мы не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, насколько согласовались признававшіяся прежними грамотами старья „черкаскія или козацкія обыкности“ съ появленіемъ подобныхъ латифундій, но по всей вѣроятности во времени введенія крѣпостнаго права въ Слободской Украинѣ эти латифундіи уже были заселены черкасами, обращенными такимъ образомъ въ крѣпостное положеніе. Въ ахтырскомъ полку усиленнымъ „собираніемъ земель“ занялся почти современникъ знаменитаго по царскимъ милостямъ сумскаго пол-

ковника, ахтырскій полковникъ Ив. Ив. Перекрестовъ, по заявленію котораго въ ахтырскомъ полку будто-бы еще въ его время не стало „дорожныхъ земель и дѣвхъ полей и разныхъ угодій“ и поэтому онъ пріобрѣталъ земли у дѣтей боярскихъ, ближайшихъ къ малорусскому населенію ахтырскаго полка великорусскихъ поселеній—Олешни, Вольнаго и Хотьмыжска. Современемъ онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Петра, вслѣдствіе чего указомъ 1704 г. онъ неожиданно лишенъ былъ званія полковника; огромныя имѣнія его были отобраны въ казну, а подъ конецъ его жизни, уже послѣ 1721 г., его, уже больнаго, умирающаго старика, начальство потребовало къ суду въ Архангельскъ, „по какимъ-то дѣламъ архангельской крѣпости“. Начальству объяснили его физическое положеніе; но все-таки получился отвѣтъ: „не взирая ни на что, выслать его въ Архангельскъ“. Старикъ умеръ въ дорогѣ. При конфискаціи имѣній Перекрестова малая толика перепала и князю Меньшикову. Другая крупная конфискація помѣстій, по приказанію Петра (1711 г.), обрушилась на тогдашняго бригадира слободскихъ полковъ Шидловскаго, благодаря интригамъ того-же Меньшикова и Рагузинскаго. Такимъ образомъ конфискованныя земли снова составляли особый фондъ въ рукахъ московскаго правительства и вносили новый элементъ пертурбаціи въ только что возникшій порядокъ личнаго заимочнаго владѣнія.

При такомъ разнообразіи происхожденія, категорій и юридическаго положенія поземельнаго владѣнія въ Слободской Украинѣ, только характеръ внутренняго устройства козацкихъ поселеній по видимому оставался неизмѣннымъ: насколько извѣстно по мѣстнымъ преданіямъ и старымъ актамъ *въ земельныхъ дачахъ слободскихъ козаковъ почти вездѣ существовало участко-наслѣдственное землевладѣніе*, со всѣми послѣдствіями индивидуальной, личной собственности: семейнымъ раздѣломъ, куплей, продажей, завѣщаніемъ и т. п. Въ этомъ порядкѣ аграрнаго устройства заключалась, по видимому, одна изъ существенныхъ чертъ старой черкасской „обычности“ и народныхъ вольностей. Но есть основаніе думать, что и эта особенность аграрнаго строя, обусловленная можетъ быть прежде всего національными обычаями малороссовъ, уже издавна подвергалась разнымъ ограниченіямъ и исключеніямъ. Изъ предыдущаго изложенія мы уже видѣли, что кромѣ основнаго способа

заселенія—вольной заимки земель, были и другіе способы заселенія: черкасы селились и на землѣ полковой старшины, на монастырскихъ земляхъ, на отводимыхъ имъ прямо отъ правительства; но мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы категорически отвѣтить на вопросъ, всегда-ли они и въ этихъ случаяхъ сохраняли личный, индивидуальный характеръ землевладѣнія по участково-наслѣдственной системѣ. Извѣстно только, что въ позднѣйшее время, особенно послѣ полтавской битвы, когда правительство Петра и его преемниковъ выступило съ болѣе откровеннымъ образомъ дѣйствій относительно Малороссіи вообще и особенно относительно Слободской Украины, въ предѣлахъ ея территоріи началось усиленное пожалованіе и дареніе болѣе или менѣе обширныхъ земель великорусскимъ чинамъ и помѣщикамъ, которые уже, ради удобства своихъ вотчинныхъ администрацій, естественно вводили у себя великорусскіе порядки крестьянскаго землевладѣнія—общинное устройство. Въ этомъ отношеніи можно положительно сказать, что *общинное владѣніе*, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ мѣстностей теперешней харьковской губерніи и особенно восточной ея части, *началось сперва подъ вліяніемъ порядковъ, вносимыхъ великорусскими помѣщиками, а потомъ уже окончательно расширилось и явилось, можетъ быть, господствующимъ типомъ подъ вліяніемъ общихъ русскихъ законовъ и въ частности ради удобства фиска.* Въ послѣдующемъ изложеніи нашей компіляціи мы надѣемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ въ подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія. Мы лично не имѣемъ никакихъ исключительныхъ симпатій или предубѣжденій относительно личного или общиннаго землевладѣнія, но относительно судьбы народнаго землевладѣнія въ Слободской Украинѣ считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что національное, участково-наслѣдственное землевладѣніе военныхъ колонизаторовъ бывшихъ слободскихъ полковъ встрѣтило на пути своего развитія и юридическаго нормированія почти неодолимыя препятствія. Достаточно только вернатцѣ припомнить суровую внѣшнюю исторію этой территоріи, чтобы прежде всего придти къ убѣжденію, что казакамъ слободскихъ полковъ буквально почти некогда было заниматься упроченіемъ и гражданскимъ развитіемъ своихъ бытовыхъ порядковъ вообще и поземельныхъ въ частности: достаточно только вспомнить, что почти

до половины прошлаго вѣка развитію мѣстной гражданской жизни мѣшали, можетъ быть, прежде всего набѣги и разоренія отъ татаръ и другихъ степныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и разной степной вольницы разлагавшагося тогда, среди окружавшихъ его историческихъ условій, Запорожья; мы не говоримъ уже о крайне тревожной для Слободской Украйны эпохѣ гетманства Брюховецкаго, когда сочувствіе къ планамъ этого гетмана въ значительной части населенія Слобожанщины угрожало внести почти между-усобную борьбу (вслѣдствіе „прелѣстныхъ писемъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ“) ... а затѣмъ скоро настала и эпоха Еватерини II, когда уже принципиально порѣшено было покончить съ областными особенностями не только Слободской Украйны, но и всей даже гетманской Малороссіи. Такимъ образомъ сперва дѣйствительное незнакомство московскаго правительства съ внутреннимъ устройствомъ поземельнаго владѣнія въ Слобожанщинѣ, а потомъ уже болѣе или менѣе намѣренное игнорированіе этого типа мѣстнаго аграрнаго устройства могли быть причиною того, что *этотъ порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія остался, такъ сказать, внѣ защиты закона*. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ эта легальная беззащитность участково-наслѣдственнаго владѣнія, поддерживаемая временно и слабо такимъ-же беззащитнымъ народнымъ обычаемъ, мало по малу путемъ, такъ сказать, разлагающаго хаоса обращала участково-наслѣдственное владѣніе въ общинное. Въ этомъ отношеніи даже краткое ознакомленіе съ исторіей хотя-бы не многихъ поземельныхъ крестьянскихъ дачъ въ харьковской губерніи могло-бы значительно уяснить фактами нашъ давній метафизическій споръ о томъ, дѣйствительно-ли русскому народу вообще такъ врождена отъ вѣка идея поземельной общины, или-же это аграрное устройство большинства населенія Россіи есть продуктъ весьма сложныхъ и въ томъ числѣ главнымъ образомъ внѣшнихъ условій.

2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны.

Почти на рубежѣ двухъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи и Украйны проходила полоса землевладѣнія, такъ сказать, средняго

типа. Это были вотчинныя и, главнымъ образомъ, *помѣстные земли* великорусскихъ украинскихъ людей военного сословія, преимущественно по направленію бѣлгородской черты.

Судьба этого послѣдняго поземельнаго владѣнія, т. е. земель пограничнаго съ Слободской Украиной великорусскаго военного населенія, въ позднѣйшее время получившаго общее названіе однодворцевъ, во многихъ отношеніяхъ тѣсно связана съ судьбою старозаимочныхъ земель бывшей Слободской Украины. Изъ содержанія и взаимнаго сопоставленія различныхъ указовъ и другихъ аграрныхъ мѣропріятій московскаго, а потомъ русскаго правительства, не трудно замѣтить, что эти указы и мѣропріятія отчасти преслѣдовали (хотя и разновремененно) однѣ и тѣ-же цѣли какъ относительно однодворческихъ, такъ и старозаимочныхъ земель, а отчасти видимо не различали этихъ двухъ весьма различныхъ категорій землевладѣнія; вообще-же говоря, въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдовались главнымъ образомъ дѣйствительныя, или кажущіяся интересы и удобства центральнаго правительства и фиска, при чемъ не рѣдко самыя крутыя преобразовательныя мѣры шли впереди ближайшаго знакомства съ тѣмъ положеніемъ вещей въ далекихъ провинціяхъ, заглазное реформированіе которыхъ они предпринимали.

Изъ краткаго изложенія многихъ превратностей поземельнаго владѣнія однодворцевъ можно было-бы установить нѣкоторыя общія положенія, которыя почти вполнѣ имѣли мѣсто и въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія бывшихъ слободскихъ полковъ.

Въ самомъ началѣ исторіи однодворческихъ земель мы встрѣчаемъ тотъ знаменательный въ настоящемъ случаѣ фактъ, что *землевладѣніе это, также какъ и старозаимочное, имѣло въ началѣ личный, индивидуальный характеръ*, или, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „основано было по начальному происхожденію на помѣстномъ правѣ, а по переходу—на правѣ наслѣдственномъ“¹⁾.

Какъ извѣстно, сословіе однодворцевъ, этихъ „украинскихъ служилыхъ людей“ великорусскаго происхожденія, образовалось изъ потомковъ служилыхъ людей разныхъ чиновъ московской военной службы (дѣтей боярскихъ, воезовъ, стрѣльцовъ, драгуновъ, солдатъ

¹⁾ Курсъ гражд. права, ч. I, стр. 498.

и т. д.), поселенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на украинской линіи и въ окраинныхъ московскихъ городахъ, для охраненія юго-восточныхъ границъ московскаго государства отъ непріятелей. „Всѣмъ имъ, говоритъ тотъ-же авторъ „Курса гражданскаго права“, раздавались на помѣстномъ правѣ отдѣльными участками на каждою человѣчку особо земли, на которыхъ они селились отдѣльными дворами въ слободы; задача этихъ помѣстныхъ земель опредѣлялась четвертями (около $1\frac{1}{2}$ десятины), откуда эти земли получили названіе *четвертныхъ земель*. Къ этимъ четвертнымъ землямъ принадлежали: 1) данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы въ помѣстьѣ прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный овладъ, 2) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожныхъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную пропорцію на душу и 3) купленныя цѣлою волостью или селеніемъ у помѣщиковъ съ правомъ собственности. *Владѣніе этого рода называлось помѣстнымъ, потому что первоначально земли розданы были служилымъ людямъ въ помѣстьѣ, для исправленія государственной службы.* Въ послѣднее время стали называть четвертными отъ слова четверть (уже объясненная выше поземельная мѣра—полторы десятины). Отсюда *четвертное право землевладѣнія* ¹⁾).

Въ классъ однодворцевъ поступали также обѣднѣвшія и ставшія мелкопомѣстными дворянскія фамиліи; а при Петрѣ I даже дворяне, имѣвшіе иногда по 100 и 200 дворовъ своихъ собственныхъ крестьянъ, избѣгая крутыхъ мѣропріятій энергическаго реформатора, тоже записывались въ однодворцы. Когда, при введеніи Петромъ I регулярнаго войска и замѣны имъ прежнихъ служилыхъ людей московскаго государства, права дворянства стали получаться на извѣстныхъ условіяхъ въ связи съ регулярной военной службой, многіе „украинскіе служилые люди“ (т. е. пограничное съ Слободской Украиной московское военное населеніе) не захотѣли, или не могли подчиниться этимъ новымъ военнымъ порядкамъ и вслѣдствіе этого большая часть такъ называемыхъ однодворцевъ не вошла въ дво-

¹⁾ См. IX т. зак. о сост., изд. 1855 г. ст., 755, 756, 671, 672, 673 и 676. Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352, «о четвертныхъ земляхъ».

рянское сословіе, а въ 1724 г. въ односторонцы, не поступившіе въ регулярную военную службу, были причислены къ государственнымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ механическое начало циркулярныхъ мѣропріятій, обусловленное отсутствіемъ въ это время уже всякой автономіи областей въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, за исключеніемъ развѣ доживавшей свой вѣкъ гетманщины, вызвало и въ быту односторцевъ такіе странные факты, какъ рожденіе новой массы государственныхъ крестьянъ изъ разжалованныхъ, такъ сказать, односторцевъ, которые сами владѣли крѣпостными крестьянами; но, располагая своими крѣпостными людьми по всему произволу нигдѣ точно неоговореннаго въ законахъ крѣпостнаго права, они въ то-же время сами не имѣли полного права на свои помѣстныя земли, ибо, въ интересахъ охраненія поземельнаго фонда бывшаго военного служилаго сословія московскаго государства, односторцы имѣли право мѣны, продажи, залога и другихъ гражданскихъ сдѣлокъ по своимъ землямъ только въ средѣ своего сословія—великорусскихъ „украинскихъ служилыхъ людей“. Въ этомъ случаѣ, если не допустить фискальной точки зрѣнія, то позволительно думать, что правительственная мѣра, упраздняя почти цѣлое сословіе, какъ военно-служилый классъ, вѣроятно только по недоразумѣнію оставила прежнія историческія условія его землевладѣнія, а именно его замѣнутость въ классѣ только односторцевъ, безъ всякаго измѣненія. Только въ 1714 году, какъ говорить г. Побѣдоносцевъ, прекратилась раздача помѣстій и помѣстное право уравнино было съ вотчиннымъ, т. е. всѣ прежнія ограниченія въ распоряженіи помѣстными землями должны были уничтожиться.

Хотя въ это время односторцы уже были приравнены къ крестьянамъ (владѣя однако-же, какъ мы видѣли выше, сами крѣпостными людьми) и находились въ низшемъ сословіи сельскихъ обывателей; но, очевидно, по новому простому недоразумѣнію, можетъ быть, просто по недосмотру центральнаго правительства, и для нихъ также не было сдѣлано никакого исключенія въ наставшей теперь полной свободѣ распоряженія бывшими помѣстными землями, хотя въ это-же время оставался въ полной силѣ общій порядокъ, „по которому сельскіе обыватели низшихъ сословіи не могли располагать землями въ уѣздѣ на полномъ правѣ собственности“. Только черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого недоразумѣнія, именно въ 1727 г.,

послѣдовалъ *запретительный указъ* объ ограниченіи поземельныхъ правъ однодворцевъ, наравнѣ съ остальной массой низшихъ сословіи сельскихъ обывателей; но въ это промежуточное время 13-ти лѣтъ и даже гораздо позднѣе, почти до изданія межевой инструкціи 1766 г., однодворцы распродали массу своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель лицамъ другихъ мѣстностей и разныхъ сословіи. Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ, каковы: дробленіе личнаго владѣнія по наслѣдству, выходъ многихъ однодворцевъ въ дворяне съ особенными правами на землю, завлекавшее многихъ переселенцевъ и покупателей плодородіе земли на сѣверныхъ предѣлахъ Слободжанщины и тому подобное, — *при отсутствіи мѣстныхъ и общедоступныхъ межевыхъ и специальныхъ учрежденій*, которыя по мѣрѣ надобности могли-бы регистрировать и регулировать естественное непрерывное движеніе и перемѣны мелкаго поземельнаго владѣнія, были причиною какъ чрезвычайной чрезполосицы однодворческихъ дачъ, такъ и развивавшагося у владѣльцевъ этихъ дачъ духа жалобъ и сутяжничества.

Уже изъ этого бѣглаго обзора исторіи чрезполосныхъ земель однодворцевъ можно видѣть тѣ особенности этого землевладѣнія, которыя во многомъ сближали его съ старозаимочнымъ земельнымъ порядкомъ въ Слободской Малороссіи.

Такъ прежде всего, не смотря на различное происхожденіе (какъ будетъ сказано еще ниже) этихъ двухъ категорій землевладѣнія, *въ томъ и другомъ имѣло мѣсто начало личнаго и наслѣдственнаго владѣнія*. Въ бывшемъ военномъ сословіи великорусскихъ украинскихъ людей этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ личнымъ составомъ этого класса, который во всякомъ случаѣ представлялъ уже сравнительно высшіе слои народной великорусской массы и даже иногда владѣлъ ею, какъ видѣли выше, на крѣпостномъ правѣ. Мы уже говорили, что самая раздача земель этому сословію на помѣстномъ правѣ, т. е. съ условіемъ обязательной военной службы и съ тѣми ограниченіями въ распоряженіи этой землей, которыя имѣли въ виду задержаніе этихъ земель въ одномъ только классѣ служилыхъ военныхъ людей, — производилась „*на каждого человека особо*“. Обращеніе этого класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ сословіе крестьянъ не во имя какихъ либо высшихъ принциповъ соціальной правды, а просто въ интересахъ безличной ни-

велировки для болѣе удобнаго взисканія податей и упрощенія государственнаго механизма, было во всякомъ случаѣ *приниженіемъ личности*, что, въ связи съ полной неопредѣленностью юридической и матеріальной стороны землевладѣнія и съ падавшими иногда внезапно крутыми, а порою даже взаимно противорѣчивыми, или физически неисполнимыми, какъ увидимъ ниже, мѣропріятіями, не могло не сказаться упадкомъ матеріальной и даже нравственной стороны населенія; а все это вмѣстѣ естественно должно было повлечь за собою неизбѣжный *регрессъ провинціальной жизни*. И этотъ регрессъ, какъ можно фактически прослѣдить даже въ бѣгломъ обзорѣ исторіи провинціального землевладѣнія, шелъ почти рука объ руку съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ центральной власти, которое неизбѣжно должно было усилиться односторонне-систематическими мѣропріятіями державнаго реформатора начала прошлаго вѣка. Уже одна замѣна земскаго ополченія древней Руси регулярнымъ войскомъ сразу освобождала центральную власть отъ всякой необходимости въ чемъ-либо считаться съ тѣми или другими условіями сперва великорусскихъ областей, а впослѣдствіи и всѣхъ другихъ провинцій. Послѣдующую судьбу однодворческаго землевладѣнія мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Вмѣсто прежняго порядка военной службы великорусскихъ украинскихъ людей, онѣ съ 1713 г. стали комплектовать собой *ландмилиціе полки* московской украинской линіи и для обезпеченія этого комплектованія, а также для устраненія „всякаго помѣшательства въ платежѣ подушныхъ денегъ“ (т. е. ради военныхъ и фискальныхъ цѣлей) и возникло уже упомянутое нами выше ограниченіе поземельныхъ правъ однодворцевъ въ 1727 г. Впослѣдствіи различныя аграрныя мѣропріятія съ фискальными цѣлями мотивировались „устройствомъ хозяйственнаго быта“ и даже „улучшеніемъ“ быта; но приемы и основные мотивы оставались тѣ-же. По межевой инструкціи 1754 г., въ интересахъ имущественнаго равенства и единообразія (опять ради фискальныхъ удобствъ) было предложено всѣхъ ландмилиціонеровъ надѣлать землей по 30 десят. на дворъ (изъ четырехъ человекъ), а потомъ уже и по 15 десят. на душу; но это благое начинаніе, по видимому, совершенно не осуществилось, ибо въ большинствѣ мѣстностей бывшей ландмилиціи (великорусская украинская ландмилиція существовала до 1769 г.) далеко не оказалось земли въ потребномъ для таковаго надѣла количествѣ.

1766 годъ представляетъ собою особенно важный моментъ въ исторіи четвертныхъ земель, такъ какъ въ это время произошло окончательное стѣсненіе правъ четвертнаго владѣнія. Въ *межевой инструкціи* этого года вся XIX ея глава посвящена однодворческимъ или помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны казенными, а однодворцамъ была запрещена не только продажа своихъ четвертныхъ земель, но даже и покупка новыхъ. Пунктомъ 1-мъ упомянутой выше XIX главы *межевой инструкціи* 1766 г. вѣлно: „всѣ состоящія за однодворцами (и другими служилыми людьми) земли утверждать по всякимъ укрѣпленіямъ не каждому въ порознь, а вообще всему селенію особо отъ другихъ“; пунктомъ 2-мъ: „перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не намѣривать“; пунктомъ 19-мъ: „послѣ умершихъ однодворцевъ, оставшихся земель ихъ женамъ и дочерямъ ихъ, какъ наслѣдникамъ, на части не дѣлить и въ приданое за дочерьми, вышедшими замужъ за людей другаго званія и за однодворцевъ въ другія селенія, не отдавать, но оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ примезованы“. Пунктъ 20-й гласилъ: „если послѣ однодворца сыновей не останется, а дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за однодворцевъ-же въ другія селенія, то оставшуюся землю отдавать поженившимся тогда лишь, когда мужъ согласится перейти на участокъ тестя, отъ своей-же земли отречется въ пользу другихъ того селенія жителей“. Пункты 19 и 20 вошли въ сводъ законовъ и образовали 672 и 673 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1857 г. Такимъ образомъ: „генеральное межеваніе ограничило помѣстную землю однодворцевъ такъ, что она не можетъ отдѣлиться отъ селенія и вѣчно должна обращаться между односельцами. Значить, ни купецъ, ни мѣщанинъ, ни даже однодворецъ другаго селенія, хотя-бы они были и законные сыновья однодворца, ни дочь его, вышедшая замужъ въ другое селеніе, ни жена его послѣ смерти не наслѣдуютъ. Однимъ словомъ, не принадлежащій къ обществу не наслѣдникъ въ четвертной землѣ, а равно вдова умершаго“¹⁾.

Навонецъ черезъ 110 лѣтъ послѣ *межевой инструкціи*, закономъ 1866 и 1867 годовъ и главнымъ образомъ введеніемъ *владѣн-*

¹⁾ Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 352 «о четвертныхъ земляхъ».

ныхъ записей, все таки съ неизмѣнной цѣлью „улучшенія быта“, положенъ былъ рѣшительный конецъ своеобразному положенію однодворческаго землевладѣнія, которое и слилось съ этого времени съ общей массой безличнаго крестьянскаго владѣнія, съ почти полной для внѣшняго міра неизвѣстностью всего, что съ этого времени происходило и происходитъ въ предѣлахъ всѣхъ этихъ общинныхъ крестьянскихъ дачъ, гдѣ въ интересахъ фиска не требовалось никакой внутренней регистраціи земель по лицамъ и дворамъ, а все дѣло ограничивалось только записью земель „не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ“. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ, во многихъ однодворческихъ дачахъ осталось только преданіе о бывшемъ когда-то личномъ, участковомъ владѣніи: теперь эти дачи уже *volens-nolens* подчинились общинному порядку.

Изъ этого краткаго обзора судьбы однодворческихъ земель не трудно понять, почему съ внѣшней стороны нерѣдко крайняя, нигдѣ точно и постоянно не регистрируемая *чрезполосица* частнаго и общиннаго владѣнія, а въ сферѣ сознанія крайнее затемнѣніе, если не полное упраздненіе въ населеніи понятій о собственности должны были съ теченіемъ времени выработаться въ наличные господствующіе факты жизни. Такое аграрное положеніе должно было представлять собою отрицаніе какъ индивидуальнаго, такъ и общиннаго владѣнія и выражало собою развѣ только одинъ принципъ *полной случайности*, а слѣдовательно и отсутствіе всякой органичности и условій дальнѣйшаго саморазвитія. Такимъ образомъ постепенно, но почти непрерывно провинціальная жизнь все болѣе и болѣе теряла начало самоопредѣленія даже въ тѣсной домашней сферѣ имущественныхъ отношеній.

Вышеизложенный краткій очеркъ исторіи однодворческихъ земель даетъ намъ возможность намѣтить одну, какъ намъ кажется, весьма важную особенность этой исторіи: личное поземельное владѣніе было первоначально, по крайней мѣрѣ, замѣтнымъ фактомъ и среди великорусскаго военнаго населенія московской украинской линіи; превращеніе-же этого личнаго, индивидуальнаго землевладѣнія въ общинное совершилось не изъ „нѣдръ народнаго духа“, а по внѣшнимъ, почти механическимъ условіямъ, на глазахъ еще недавней исторіи. Подробности процесса этого превращенія могутъ

быть отчасти поняты и изъ послѣдующей исторіи старозаимки. Нивелирующія и фискальныя реформы, съ начала прошлаго вѣка, остановили дальнѣйшее естественное развитіе личнаго начала въ землевладѣніи однодворцевъ и сами по себѣ не дали, или не могли дать ему, безъ тяжелой и продолжительной ломки, органическаго общиннаго устройства; внутреннее-же положеніе дачъ, за отсутствіемъ мѣстнаго межеваго вѣдомства и необходимой при мелкомъ личномъ землевладѣніи полной децентрализаціи межевыхъ учреждений, оставалось безъ выясненія и точной регистраціи. Отсюда сначала хаотическая чрезполосица однодворческихъ земель въ предѣлахъ одной и той-же дачи, а потомъ чрезполосица ихъ съ владѣніемъ другихъ сословій и юридическая и фактическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія. Все это неизбежно отразилось и на самомъ характерѣ населенія: „между однодворцами и помѣщиками завелось, какъ говорить г. Побѣдоносцевъ, великое множество судныхъ дѣлъ о завладѣніяхъ и обидахъ, и развилась вредная привычка къ жалобамъ и сутяжничеству“¹⁾. Но тутъ всякому понятно, что какъ индивидуализмъ землевладѣнія не былъ чуждъ великорусскому элементу, также точно и страсть сутяжничества не была характерной чертой однихъ малороссовъ, а вызывалась и поддерживалась довольно конкретными причинами.

Такъ какъ реформаторская дѣятельность сперва московскаго, а потомъ русскаго правительства прежде всего географически и по ходу исторіи имѣла въ виду однодворческія земли, а потомъ уже принялась за старозаимочное владѣніе; то, какъ увидимъ ниже, многія правительственныя мѣры и законы, обусловленные исторіей и характеромъ четвертнаго землевладѣнія, стали потомъ всецѣло примѣняться и къ землевладѣнію войсковыхъ обывателей слободско-украинской губерніи; такъ, напримѣръ, генеральное межеваніе въ этой губерніи опредѣлило только внѣшнія границы даже и старозаимочныхъ дачъ, а внутри этихъ дачъ опредѣлялись только земли другихъ сословій, кромѣ войсковыхъ обывателей; фактическое и даже документальное личное владѣніе этихъ послѣднихъ и въ настоящее время остается безъ всякой сѣмки и формальнаго опредѣленія. Впрочемъ межеваніе земель не по владѣльцамъ, а по селеніямъ

¹⁾ См. его «Курсъ гражд. права», стр. 499.

могло вызываться, помимо недостатка мѣстныхъ межевыхъ средствъ и учреждений, еще и физической невозможностію для центрального правительства угоняться, такъ сказать, за постояннымъ измѣненіемъ и метаморфозами въ микросмѣ жизни обширныхъ провинцій: извѣстно, что земли козаковъ черниговской губерніи, „составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, еще и въ 1838 г. не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ“, и владѣльцы этихъ земель опредѣляли ихъ величину, такъ сказать, допотопнымъ способомъ: количествомъ времени, потребнаго для обработки, или-же количествомъ высѣваемаго зерна¹⁾.

Кромѣ сказаннаго объ однодворческихъ земляхъ, многія спеціальныя мѣры, какъ напримѣръ указы Петра и его пріемниковъ о воспрещеніи или разрѣшеніи пріобрѣтать земли однодворцамъ (указы 1724, 1727, 1801 г.), стали въ позднѣйшія времена примѣняться и къ старозаимочнымъ землямъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія. Ошибки: и недоразумѣнія позднѣйшей областной администраціи слободско - украинской губерніи, можетъ быть вызывались и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по причинамъ, угадывать которыя мы не беремъ, специальная инструкція Еватерини II для размежеванія слободскихъ полковъ видимо осталась безъ примѣненія къ дѣлу, и позднѣйшія административныя мѣропріятія относительно старозаимочныхъ земель чаще всего ссылаются на межевыя инструкціи 1754 и 1766 годовъ, имѣвшія главнымъ образомъ въ виду условіе и положеніе однодворческаго землевладѣнія.

Теперь возвращаемся снова къ главному предмету нашей статьи—исторіи старозаимочнаго поземельнаго владѣнія Слободской Украины. Однодворческое землевладѣніе, и помимо внѣшнихъ мѣръ, могло заключать въ себѣ начала внутренняго разложенія и механическаго превращенія въ общинные порядки. Размноженіе потомства перводачниковъ и владѣніе со стороны нѣкоторыхъ однодворцевъ крѣпостными людьми естественно порождало въ ихъ средѣ классъ безземельныхъ, которые, при безуспѣшности по тѣмъ или другимъ причинамъ личной энергіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ, естественно должны были тяготѣть къ коммунальнымъ аграрнымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ безземельный

¹⁾ Земскій Сборникъ черниговской губерніи 1877 г., № 5—8.

и даже малоземельный сельскій пролетаріатъ, особенно при отсутствіи городскихъ промысловъ, естественно долженъ былъ идти на встрѣчу всѣмъ нивелирующимъ мѣрамъ власти въ гражданской сферѣ жизни. Легкость усвоенія этого міровоззрѣнія, во всякомъ случаѣ парализующаго, при отечественныхъ культурныхъ условіяхъ, начало личности и личной энергіи можетъ быть повлекла за собой и тотъ недостатокъ нравственныхъ началъ, который уже неоднократно замѣчался въ основѣ этого коммунальнаго міровоззрѣнія нашихъ крестьянскихъ массъ: скудный земельный надѣлъ въ общинѣ, правда, обеспечивалъ его бѣдное физическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ и предѣлъ дальнѣйшему личному преуспѣванію и предприимчивости. Кромѣ того различіе самыхъ основныхъ принциповъ въ землевладѣніи высшихъ классовъ населенія и массы народа (мы разумѣемъ индивидуальную собственность первыхъ и общинное пользованіе землей послѣдними), принциповъ, порожденныхъ даже различными внѣшними причинами, не могло не развивать мало-по-малу той нравственной и матеріальной розни между этими классами, которая въ наше время уже обычно называется *пропастью* и давно тяжело задушиваетъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мирнаго развитія. На этой недоговоренной мысли мы и оставляемъ затронутый нами трудный абстрактный вопросъ о культурномъ значеніи различныхъ принциповъ землевладѣнія при различныхъ общихъ политическихъ условіяхъ. Конечно, теперь безплодно сожалѣть о томъ, что наша исторія большею частію механически и прямолинейно регламентировала жизнь даже въ тѣхъ ея важнѣйшихъ моментахъ, когда она должна была формироваться постепенно, путемъ осторожнаго самоопредѣленія и только подъ умѣряющимъ и регулирующимъ вліяніемъ государства, какъ естественнаго представителя общаго интереса.

3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 года.

(Административная организація и характеръ поземельнаго владѣнія въ ахтырскомъ полку).

Въ числѣ матеріаловъ у насъ имѣется рукописная книга 1726 г., которую можно назвать *Статистическимъ описаніемъ* ко-

зачьяго населенія ахтырскаго полка. Изъ содержанія этой книги видны и причины, вызвавшія ея составленіе, и самый ходъ онаго.

Въ концѣ 1725 или началѣ 1726 г., какъ видно изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ указа канцеляріи бѣлгородской провинціи ахтырскому полковнику Лесевицкому, рѣшеніемъ „верховнаго тайнаго совѣта и приговоромъ высокаго сената велѣно было“ *слободскіе полки выдать въ военной коллегіи* и учинить въ нихъ компанейцовъ *по прежнему*, по разсмотрѣнію той коллегіи, и для того *тѣхъ полковъ жителей переписать*, кому о томъ коллегіей опредѣлено будетъ, а сербовъ, которые пристали въ службу ея... величества и обрѣтаются въ командѣ кіевскаго генераль-губернатора, тѣхъ росписать къ тѣмъ компанейщикамъ; тако-жъ буде въ тѣхъ-же слободскихъ полкахъ будутъ обрѣтаться какіе люди военной службы, тѣмъ безъ изыятія всѣмъ вѣдомымъ (быть) въ той-же военной коллегіи“...

Полковникомъ ахтырскаго слободскаго полка былъ въ то время Лесевицкій; отъ него, какъ конечно и отъ другихъ полковниковъ по ихъ полкамъ, предписаніемъ генераль-фельдмаршала и полковника лейбъ-гвардіи семеновскаго полка князя Михаила Михайловича Голицына, затребована была „вѣдомость, въ самой скорости“, о составѣ всего населенія ахтырскаго полка: „о старшинѣ, сотникахъ, подпрапорныхъ, о козакахъ кумпанейцахъ и подмошникахъ и прочихъ служителяхъ и какіе военной службы люди обрѣтаются, не выключая никого, и тѣ компанейцы *съ своихъ-ли грунтовъ служатъ*, или имѣютъ подмошниковъ, и по скольку, и тѣ подмошники имъ подмогаютъ по вся-ль годы, и чѣмъ—деньгами или хлѣбомъ, тако-жъ и бобылей отъ каждой сотни отписать именно, подъ лишеніемъ не токмо чести, и живота“. Предписаніе заканчивается угрозой, что если эта вѣдомость окажется неправильной, то такая неправильность (т. е. главнымъ образомъ укрывательство) взыщется на самомъ полковникѣ Лесевицкомъ. Распоряженіе это, помѣченное 14 мая 1726 г., дано было княземъ Голицынымъ изъ его походной канцеляріи, бывшей въ то время въ Острогжскѣ.

Угроза предписанія побуждала Лесевицкаго къ точному его выполненію и вызвала въ приказѣ отъ него по сотнямъ его полка такое замѣчаніе: „да было-бы у писара вашего, когда зъ оною вѣдомостію въ Ахтырку пріездитиметь, зо своего чистого паперу либеръ

по двѣ въ запасъ, для переписки, ежели неправдо что покажется“... Въ одинъ мѣсяць были собраны всѣ эти свѣдѣнія и отвѣтное доношеніе полковника Лесевицкаго послано по командѣ 16 іюня 1726 года. Но, не смотря на приведенное сейчасъ предостереженіе на счетъ „двухъ либеръ чистаго паперу“, полковникъ сомнѣвался, кажется, въ вѣрности переписи и заканчивалъ свое доношеніе такимъ объясненіемъ: „...и во извѣстіе споворнѣйше вашему сіятельству доношу, яко по посланнымъ вѣдомостямъ обыватели въ единомъ состояніи (т. е. какъ показано въ вѣдомостяхъ) и чрезъ малое время фундаментальнымъ житіемъ быть не могутъ, понеже по своему черкаскому обыкновенію никогда въ однихъ домахъ не проживутъ, но переходятъ съ мѣста на мѣсто, куда хто похочетъ, и оттого при полку бываетъ временемъ въ обывателяхъ прибѣль, а временемъ убѣль“.

Произведенная теперь общая перепись слободскихъ полковъ даетъ намъ не только понятіе о характерѣ службы козаковъ, административномъ устройствѣ въ это время ахтырскаго, а слѣд. и другихъ полковъ, численности населенія полка ахтырскаго, внутреннихъ соотношеній составныхъ его частей и его территоріи, но и нѣкоторыя данныя относительно характера и организациіи землевладѣнія въ военномъ населеніи этого полка.

Въ эпоху переписи 1726 г. границы ахтырскаго полка заключали въ себѣ большую часть теперешняго ахтырскаго уѣзда (за исключеніемъ сѣверной его части), небольшую часть лебединскаго, почти весь теперешній богодуховскій уѣздъ и небольшую юго-западную часть валковскаго уѣзда. Это пространство полка опредѣляетъ намъ, какъ великъ былъ районъ козацкаго землевладѣнія въ этомъ полку. Полкъ въ это время заключалъ въ себѣ 20 сотенъ, при чемъ полковой городъ Ахтырка состоялъ изъ двухъ сотенъ; города или мѣстечки этого-же полка—Боромля и Котельва заключали въ себѣ также по двѣ сотни. Именная перепись населенія 1726 года совершенно не коснулась класса духовенства, и о немъ упоминается только мимоходомъ, при перечисленіи класса „сусидъ“, которые вездѣ показаны живущими на чужихъ „подворьяхъ“.

Итогъ этой переписи ахтырскаго полка далъ слѣдующія цифры:

Полковникъ	1
Полковой старшины (обозный, асаулъ, судья, ротмистръ, три полковыхъ писаря и два хорунжихъ)	9

Полковыхъ пушкарей	8
Прочихъ служителей (въ этомъ числѣ 3 канцелярскихъ писаря, 1 подъ-асаульный, 1 литавщикъ, 1 сурмачъ, 4 трубача и 5 „полевыхъ сторожей“, которые учреждены „для посылки съ почтовыми письмами“) . . .	23
Ахтырскихъ полковыхъ сотниковъ	2
Въ Ахтыркѣ городской службы мѣщанъ и купеческихъ людей	78
Городовыхъ сотниковъ	15
Подпрапорныхъ	42
Городовыхъ и сельскихъ атамановъ	24
Сотенныхъ писарей	12
Сотенныхъ хорунжихъ	11
Выборныхъ козаковъ-компанейцовъ	1222
Ихъ подмогчиковъ или спомогателей	5510
„За подмогою самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“. „Сусидъ“, которые жили на чужихъ подворьяхъ, преимущественно у старшины; сотниковъ, духовенства и болѣе богатыхъ козаковъ, или ихъ подмогчиковъ	286
Городовыхъ и сотенныхъ „услужниковъ“ (низшій разрядъ которыхъ назывался, кажется, асаульці, а къ высшему принадлежали провіантовые зборщики)	402
Итого всѣхъ „чиновъ“ военной службы ахтырскаго полка .	1359
Подмогчиковъ и посполитыхъ	6.341
<hr/>	
Всего населенія по означеннымъ разрядамъ	7.700

Въ итогѣ „чиновъ“ пропущено 87, вѣроятно 78 мѣщанъ и 9 служителей; кромѣ того въ перепись не вошли находившіеся въ это время въ гиланскомъ походѣ 3 сотника съ 250 козаками, въ бахмутскомъ конвоѣ 40 человекъ, въ Изюмѣ „въ надсмотрѣніи лѣсовъ“ при Донцѣ и по другихъ мѣстахъ 11 человекъ, и при Коломакѣ на форпостѣ съ переменною одинъ сотникъ съ сотней козаковъ, а всего изъ ахтырскаго полка было въ отлучкѣ въ это время на военной и полицейской службѣ 404 человекъ.

Эта-же „именная опись“ 1726 года заключаетъ въ себѣ хотя общія, но весьма цѣнные объясненія и замѣтки о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ вышеозначенныхъ отдѣловъ

населенія. Въ концѣ описи каждой сотни находится приписка, дающая понятіе о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ въ описи отдѣловъ населенія. Она вездѣ почти одна и таже и гласитъ такъ: „а вишеписаніе подможчики (или подмогчики) мнѣ, сотнику, и подпрапорнымъ (если такіе есть въ сотнѣ) и выборнымъ козакамъ-компанейцамъ, съ примѣру противъ другихъ полку ахтырскаго старшины, опредѣлены по отпискѣ въ бытность еще въ Бѣлгородѣ боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова, а разсмотрѣніемъ бывшаго ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова и бывшаго въ ахтырскомъ-же полку бригадира Федора Осипова, когда въ слободскихъ полкахъ велѣно выбрать компанейцовъ и дать имъ подмогчиковъ, кои за выборомъ компанейцовъ останутся изъ посольства, для пополненія службы въ тотъ образъ оныя сотниціе подможчики вмѣсто денежной и провіантовой подмоги, для пополненія ея императорскаго величества службы, чинять ему вспоможеніе повозкою сѣна и дровъ безъ отягощенія; да съ нихъ-же подмогчиковъ беремъ за собою у военный походъ погонщиками на свои возки; а выборныхъ козаковъ компанейцовъ ихъ вспомоатели (подмогчики) спомагають по своему обыкновенію и по возможности провіантомъ и деньгами для покупки лошадей и ружья и на прочіи всякіе потребности, временно, а повсягодно токмо въ ту пору, когда бывають козаки на службѣ ея императорскаго величества въ дальнихъ походѣхъ; да тѣжъ наши вспомоатели и, кромѣ той подмоги, армейскіе полки провіантомъ и фуражемъ суспентуютъ всѣ врядъ безобиходно—подводы возать и прочіе въ интересахъ ея императорскаго величества и полковіе должности отбувають; да изъ нихъ-же, подмогчиковъ, на убылое мѣсто хто изъ служащихъ козаковъ компанейцовъ *оскуднетъ*, или сомреть, всегда опредѣляются въ тѣ-жъ служаціе козаки-компанейцы, дабы указныи козацкѣи компуть непремѣнно содержался въ въ цѣлости“.

Отмѣтимъ въ этой припискѣ слѣдующіе факты:

1) Еще до переписи слободскихъ полковъ 1726 г. была произведена въ нихъ какая-то важная реформа, за время бѣлгородскаго воеводы, князя Якова Федоровича Долгорукова, состоявшая, какъ можно догадываться, въ введеніи въ козацкѣи населеніи набора козаковъ и постоянной личной службы, въ противоположность ко-

ренному козачьему обычаю вольной службы и замѣны одного члена семьи другимъ и даже постороннимъ наемщикомъ.

2) Послѣдствіемъ этой реформы было раздѣленіе козачьяго населенія на людей служилыхъ и ихъ подмогчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіе, какъ думать можно, класса посполитыхъ, ибо все малорусское населеніе, по крайней мѣрѣ, ахтырскаго полка, за выборомъ установленнаго числа козачевъ-компанейцовъ, было записано въ классъ подмогчиковъ для всѣхъ чиновъ козацкой службы.

3) Козацкіе подмогчики не только содержали своихъ выборныхъ козачевъ деньгами и натурою и замѣщали собою всѣ убылыя козацкія мѣста, но давали еще и на армейскіе полки „провіантъ и фураж“, а также, какъ официально глухо сказано въ припискѣ, „и прочіе полковыя должности отбываютъ“.

4) Хотя эти повинности, какъ говорится въ доношеніи, совершались „безъ отягощенія“, но этому вѣрить трудно какъ потому, что они не были опредѣлены, да врядъ-ли и могли быть опредѣлены, такъ и потому, что во всякомъ случаѣ это были двойныя и совершенно разнородныя повинности предъ двумя начальствами: своей козацкой старшиной и вѣдомствомъ армейскихъ полковъ. Можетъ быть это непосильное бремя и было причиною того „черкаскаго обыкновенія, что обыватели не жили фундаментально никогда въ однихъ домахъ, но переходили съ мѣста на мѣсто“, какъ доносилъ полк. Лесевицкій.

Центромъ козачьяго управленія ахтырскаго полка была ахтырская *полковая канцелярія*, и кромѣ того въ Ахтырѣ была въ это время и *полковая ратуша*, которая, нужно думать, вѣдала купцовъ и мѣщанъ. Въ нашей именной описи 1726 г. рубрика этого класса населенія названа: „вѣдомость городской службы мѣщанамъ, которые стоятъ въ казни (?) на караулѣ“; въ этой рубрикѣ показаны городничій (Логвинъ Ивановъ), 12 пушкарей все великорусскихъ фамилій, 9 цѣловальниковъ—тоже великороссовъ; „рядовыхъ мѣщанъ“ въ самой Ахтырѣ показано 32 человекъ, въ сотенномъ мѣстечкѣ Кириковѣ 9 человекъ, въ селѣ Рабынѣ тоже 9. Мѣщане, какъ видно, вѣдались городничимъ; кромѣ того въ Ахтырѣ въ 1727 г. показано 6 купцовъ, о которыхъ сказано: „ахтырскіе жители купеческіе люди, которыя въ ея императорскаго величества и въ полковыхъ интересахъ надлежащія повинности врядъ

съ другими отбываютъ, а въ командѣ вѣдомы въ ахтырской полковой ратушѣ“.

Ахтырскій полкъ въ 1726 г. состоялъ изъ 20 сотенъ и еще двухъ козачьихъ поселеній: Жигайловки и Хухры, которыя въ описи 1726 г. почему-то остались прямо непричисленными къ сотнямъ. Въ переписи каждой сотни населеніе исчислено по тѣмъ-же разрядамъ, какіе мы видѣли выше въ общей вѣдомости; вездѣ оно дѣлится на два главные класса: „выборныхъ козаковъ-компанейцовъ“ и ихъ *подмогчиковъ* или *спомогателей*; остальная, сравнительно незначительная часть населенія отнесена: 1) къ классу „самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“, каковы были, по всей вѣроятности, одинокіе, или, по выраженію бѣлгородской администраціи, бобыли и 2) къ классу „сусидъ“, которые жили на земляхъ и подворкахъ не только полковой и сотенной старшины и духовенства, но и у людей простаго козачьяго сословія и „обывателей“, подъ которыми надо разумѣть мѣщанъ и купцовъ. Полковая старшина не вся жила въ Ахтырѣ, а нѣкоторые жили въ сотенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ, кромѣ сотниковъ, были еще и атаманы, нерѣдко называвшіеся городскими атаманами. Число выборныхъ козаковъ-компанейцовъ по сотнямъ было крайне неравномѣрно: отъ 19—20 человекъ (въ сотняхъ аляшанской, села Ямнаго и Высокопольской) до 98—103 человекъ (въ двухъ сотняхъ бывшаго города, нынѣ слободы Котельвы). Еще большее разнообразіе обнаруживается въ цифрахъ козачьихъ подпомощниковъ: при нѣкоторыхъ козакахъ (впрочемъ такихъ малый процентъ) не показано ни одного „спомогателя“, а сдѣланы только краткія замѣтки: „служить зъ своего грунту“; но обыкновенно при каждомъ козацѣ показано среднимъ числомъ около 5-ти помощниковъ, при чемъ это число варьируется отъ 1 и 2 до 7 и 8 человекъ при выборныхъ козакахъ, а при полковой и сотенной старшинѣ число подмогчиковъ гораздо больше: такъ при сотникѣ 1-й ахтырской сотни показано 21 подмогчикъ, при сотникѣ 2-й ахтырской сотни 20 подмогчиковъ. Нѣкоторые полковые подпрапорные также показаны служащими съ своихъ грунтовъ.

Хотя въ нашей книгѣ описанія ахтырскаго полка (которую для краткости мы будемъ называть „компутовой книгой“) и нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ землевладѣнія населенія этого

полка, но нѣкоторыя косвенныя указанія врядь-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ *предѣлахъ этого полка господствующимъ типомъ поземельнаго владѣнія было во всякомъ случаѣ необыкновенное владѣніе*. Эти косвенныя указанія мы отмѣтимъ по нѣсколькимъ сотнямъ этого полка.

Такъ въ обѣихъ ахтырскихъ сотняхъ въ числѣ воячьихъ „спомогателей“ показано изрядное количество *вдовъ*, которыя, очевидно, по смерти своихъ мужей оставались во главѣ семьи и хозяйствъ, что всего скорѣе могло быть ~~только~~ при наследственномъ характерѣ поземельнаго владѣнія; въ двухъ сотняхъ въ числѣ воячьихъ спомогателей показаны даже дѣвушки (дѣвки), очевидно, какъ единственныя наследницы послѣ оставшихся родителей.

Порядочный % „скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“ (на весь ахтырскій полкъ ихъ показано 286) тоже подтверждаетъ ту мысль, что здѣсь не равнялось имущество ради внѣшнихъ, служилыхъ цѣлей, а напротивъ сама организація полка сильно принаравливалась къ данному положенію имущественной стороны населенія. Эти „скудные и въ подмогу негодные“ видимо были все таки вольные, самостоятельные хозяева, хотя-бы въ *предѣлахъ* своего двора и хаты, ибо опись опредѣляетъ и цифру совершенно безземельныхъ—это вышеупомянутые „сусіды“, которые жили на чужихъ земляхъ и, нужно думать, отбывали тѣ или другія добровольныя послуги въ пользу владѣльцовъ тѣхъ подворьковъ или земель, на которыхъ они жили.

Но отсутствіе общиннаго владѣнія почти на всемъ пространствѣ ахтырскаго полка подтверждается и крайне разнообразнымъ числомъ воячьихъ *спомогателей*, что прямо указываетъ на полное разнообразіе имущественныхъ средствъ, т. е. поземельнаго владѣнія у населенія, а это разнообразіе отъ полного достатка, давашаго средства служить „съ своего грунта“, до совершеннаго безземелія могло быть опять таки при семейно-наследственномъ характерѣ владѣнія землей, какъ единственномъ почти въ то время видѣ имущества. Это положеніе подтверждается краткимъ заключительнымъ объясненіемъ „компутовой книги“, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „...онные подмогчики старпинамъ по заслугамъ, инымъ по 20, а инымъ по 10, по 6 человекъ, а воякамъ-компанейцамъ по тому-жъ неровно, но смотря по *пожиткамъ—мочнѣйшимъ по 2,*

по 3, по 4, а худшихъ по 5, по 6, по 7, по 8 человекъ подмогчиковъ одному компанейцу разверстани зъ дворового числа“.

При сотняхъ были по 1—3 человекъ „услужники-асаульці“, въ родѣ посыльныхъ для объявленія приказовъ, и „провіантовые комиссары“ или сборщики. Послѣднихъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ значится обмененно по одному и не больше двухъ, а въ другихъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ въ одной сотнѣ г. Боромли показанъ одинъ „сусидъ“, живущій „за шевскимъ цехмистромъ“. Это случайно оброненное слово указываетъ на существованіе въ городахъ Слободской Украйны, на ряду съ военно-козачею организаціею, и практиковавшагося издавна во всей южной Россіи цехового устройства и управленія въ городскомъ не служиломъ населеніи.

Въ „компутовой книгѣ“ находимъ рядъ указаній на существованіе особаго рода отношеній козачьяго слободско-украинскаго населенія къ его полковой старшинѣ, выражавшихся назначеніемъ или отдачей кому либо изъ членовъ полковой старшины „въ куринь“ цѣлой деревни съ поселенными въ ней козаками и ихъ подмогчиками „для военнаго похода“. Не подлежитъ сомнѣнію, что то не было только военно-административное подчиненіе, но что тѣ-же обязанности вспоможенія натурою, какія лежали на подмогчикахъ въ отношеніи къ простымъ козакамъ, переносились на тѣхъ и другихъ по отношенію къ членамъ полковой старшины. Къ сожалѣнію, въ „компутовой книгѣ“ мы не находимъ не только опредѣленнаго, но даже общаго указанія на родъ и размѣры этихъ повинностей, усиливавшихъ, конечно, экономическую тягость, но не нарушавшихъ общаго строя и порядка козачьяго землевладѣнія. Мы узнаемъ только изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые сейчасъ уважемъ, что отдача селъ и деревень „въ куринь“ была явленіемъ общимъ, что она производилась не просто для цѣлей службы, но часто лишь подъ ихъ прикрытіемъ, какъ-бы въ награду заслугъ, и что потому численность населенія отдаваемыхъ „въ куринь“ селъ и деревень соразмѣрялась съ рангомъ, а можетъ быть и заслугами извѣстнаго старшины. Такъ сельцо Бакировка вириковской сотни, по указанію „компутовой книги“, „разсмотрѣніемъ и по данному универсалу отъ бывшаго ахтырскаго бригадира Федора Осипова полковому ахтырскому судьи Матвѣю Боярскому, противъ другихъ его братьи полковой старшины, зъ выборными козаками и ихъ подмогчиками, опредѣлено

для военнаго похода въ *курѣнь*, о чемъ и въ бѣлогородской (провинціальной) канцеляріи извѣстно"; въ волонатаевской сотнѣ село Любовка, по универсалу ахтырскаго бригадира Федора Осипова опредѣлена была „въ курѣнь“ полковому ахтырскому обозному; деревня Млинки, котелевской сотни, была, по универсалу того-же Осипова, опредѣлена „въ курѣнь“ полковому писарю для военнаго походу, съ выборными козаками и посполитыми; въ той-же котелевской сотнѣ село Деревки, „какъ въ бытность при Малороссіи бывало ви(ѣ)дѣніемъ гадяцаго полку у полковниковъ для военной службы въ курѣнѣ, а съ того примѣру онымъ селомъ, когда мѣстечко Котельва указомъ опредѣлена въ ахтырскому полку, вѣдалъ за собою бывшій ахтырскій бригадиръ Осиповъ, такъ нынѣ по немъ бригадиру оногo-жъ села служащіе козаки съ посполитыми имѣются для военнаго походу въ курѣнѣ ахтырскаго полковника Лесевицкаго“.

Отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ подробностяхъ повинностей, отъ этой служебной и вмѣстѣ экономической зависимости не далеко было до своего рода закрѣпощенія не только жившихъ въ сотняхъ людей посполитыхъ, но и служившихъ козаковъ. Такъ о мураховской сотнѣ отмѣчено въ „компутовой книгѣ“, что въ ней 1 сотникъ, 1 атаманъ и 70 козаковъ - компанейцовъ, которые всѣ служатъ *съ своихъ грунтовъ*, „понеже посполитые вси обыватели той сотни обрѣтаются указомъ кіево - губернской канцеляріи отъ прошлаго 1716 года и по нынѣ въ подданствѣ у волоскаго полковника Василя Танскаго“. Нѣсколько раньше и вся эта сотня была въ подданствѣ Танскаго, ибо теперь о старшинѣ и козакахъ этой сотни въ той-же „компутовой книгѣ“ говорится: „сотни мураховской старшина и выборные козаки - компанейцы... указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества съ канцеляріи бѣлогородской провинціи изъ подданства отъ волоскаго полковника Василя Танскаго выключены и по прежнему приверстаны въ службу ея императорскаго величества въ ахтырскій полкъ“. Впрочемъ во всей переписи ахтырскаго полка это единственный фактъ „подданства“, относимый нашимъ источникомъ къ 1716 году. Мы не знаемъ, какое измѣненіе въ характеръ землевладѣнія этой сотни могъ внести этотъ фактъ и былъ-ли онъ послѣдствіемъ корыстолюбія Танскаго, или простаго пожалованія.

Отмѣтимъ еще, что только въ двухъ сотняхъ м. Котельвы означены *посполитые*, во всѣхъ-же другихъ сотняхъ ахтырскаго полка значатся только подмогичи козаковъ; новая организація, какъ видно, еще не коснулась этихъ двухъ сотенъ, такъ какъ мѣстечко Котельва только въ 1709 году именнымъ указомъ Петра „отъ Малороссіи гадяцкаго полеу въ ахтырскій полкъ для смежности *приверстана*“. Посполитыхъ въ обоихъ котелевскихъ сотняхъ показано 129 человекъ, по всей вѣроятности главъ семействъ, ибо между ними есть и вдовы.

Каплуновская сотня, вѣжется, также не избѣгла на нѣкоторое время подданства, въ какомъ была и сотня мураховская. Повидимому, она вся состояла изъ „отписныхъ перекрестовскихъ селъ“, несомнѣнно бывшихъ въ подданствѣ у б. ахтырскаго полковника Перекрестова и отобранныхъ отъ него послѣ павшей на него царской опалы. Къ этимъ отписнымъ селамъ во время перенеси 1726 г. принадлежали села: Каплуновка, Пархомовка, Яблучное, Новая Рабина; при 77 козакахъ-компанейцахъ этой сотни показано всего 51 подмогичтъ; при многихъ козацкихъ фамиліяхъ стоитъ краткая фраза: „самъ собою служить“; при другихъ козакахъ въ числѣ ихъ подмогичковъ весьма часто означены ихъ родственники: братья, зятья, дяди, и сыновья, и „братаничи“, т. е. племянники. Но вромѣ временнаго прикрѣпленія полковнику Перекрестову, нѣкоторыя части населенія каплуновской сотни и во время переписи 1726 г. состояли въ особомъ прикрѣпленіи: „а другіе тѣхъ селъ обыватели по указу императорскаго величества (Петра I-го) приписаны въ табачнымъ заводамъ, и оные всякою работою упражняются“.

Такимъ образомъ крѣпостное право уже и тогда прокрадывалось въ свободное козачье населеніе и не могло не вліять на измѣненіе стародавняго строя и порядка землевладѣнія, хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній на размѣры и степень этого вліянія.

Трудно сдѣлать другіе общіе выводы изъ изложенной нами переписи, относящіяся къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, по самому характеру этой переписи и спѣшному ея производству. Мы знаемъ только, что это не была перепись всего населенія полка, ибо сюда не вошли: духовенство, „подданные“ полковника Танскаго и какіе-то обыватели каплуновской сотни, уже въ то время бывшіе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

государства; дальше, есть основаніе предположить, что число „сусідѣ“, какъ жившихъ на чужихъ земляхъ и не несшихъ войсковой службы, скорѣе было умалено, чѣмъ увеличено, уже по общему характеру того времени, когда всякое обывательское существованіе разсматривалось только съ точки зрѣнія „интересовъ службы“. Принимая все это въ расчетъ, вмѣстѣ съ цифрой козаковъ, бывшихъ въ это время на различныхъ службахъ, за предѣлами своего полка (404), общую цифру населенія ахтырскаго полка 7700 человекъ можно поднять приблизительно до 9.000 человекъ домохозяевъ, или главъ семействъ, что, полагая семью среднимъ числомъ въ 4 человека, даетъ общую цифру населенія въ 30—36.000 человекъ. Если съ этой цифрой сопоставить количество „скудныхъ“ (286) и людей безземельныхъ—„сусідѣ“ (402), а также всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ служивыхъ (65) и, въ виду остальныхъ членовъ ихъ семействъ, хотя утроить ихъ цифру ($286 + 402 + 65 = 753$), то количество этихъ безземельныхъ и „скудныхъ“ людей составитъ всего свыше 2200 человекъ, что на общую цифру предположеннаго нами населенія ахтырскаго полка въ 30—35 тысячъ даетъ всего только около 7%, бѣднаго или-же совсѣмъ неимущаго, безземельнаго населенія.

А. Л. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ)

Матеріали и замѣтки объ украинской народной словесности.

Къ читателю. — 1. Пѣсни о взятіи Азова. — 2. Степанъ Разинъ — Козакъ Гарасимъ.

Къ читателю.

Авторъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, какихъ не мало было и есть среди украинцевъ и которые созданы не совсѣмъ нормальными, чтобъ не сказать: совсѣмъ ненормальными, условіями культуры на ихъ родинѣ. Страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ-бы издать въ систематическомъ видѣ—сводою съ объясненіями. Но для такихъ изданій во-первыхъ нужны средства, которыя могли-бы доставить только правильно-организованныя ученныя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-славянскихъ *матицъ*. А кромѣ того для самаго приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобъ производить труды, которые, Богъ—вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфель автора“, необходимы полныя ученныя пособия, богатая бібліотека, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія (сравнительно—историческаго), какое теперь приняла наука о такъ-называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сыраго матеріала, безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или

мудрованіями домашняго народничества. Но надо быть особеннымъ счастливецемъ, чтобъ имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ какъ ихъ въ должной полнотѣ не дають не только бібліотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, въ добавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей, полныя и достойныя требованій времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться бібліотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Париза и Лондона.

Пишущій эти строки не только не принадлежитъ въ этимъ счастливымъ, но опредѣленъ судьбою на жительство въ нѣкоторой труппѣ, въ которой нельзя добыть для справки часто самой обыкновенной книги. Онъ, конечно, не теряетъ надежды обработать сколько-нибудь систематически извѣстную часть находящагося у него украинскаго этнографическаго матеріала, а пока, и помимо тѣхъ отдѣловъ, надъ которыми онъ специально работаетъ,—онъ рѣшился время отъ времени публиковать отдѣльные матеріалы и замѣчанія, на которыя они наводятъ, предоставляя и эти матеріалы и эти замѣчанія, особенно, конечно, первые, на усмотрѣніе другимъ любителямъ украинскаго родиновѣдѣнія. На первый разъ предлагается на благосклонное вниманіе редакціи и читателямъ „Кіевской Старины“ нижеслѣдующія замѣтки, число которыхъ можетъ быть умножено, если того пожелаютъ и редакція, и читатели *).

1. Пѣсня о взятіи Азова.

Статья г. А. Стоянова „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, помѣщенная въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., какъ и слѣдовало ожидать, произвела движеніе въ средѣ украинскихъ этнографовъ. На статью эту послѣдшили отозваться

---

*) Съ удовольствіемъ и признательностію открываемъ страницы нашего изданія для почтеннаго автора замѣтокъ, открывающихъ недостающую намъ въ напечатанномъ имъ кругѣ предметовъ широту взгляда. Надѣмся, что и наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это, ознакомившись по приводимымъ теперь замѣткамъ съ строго научными приемами и взглядами ихъ автора.—Р е д.

гг. Костомаровъ („Кіев. Стар.“, августъ) и Новицкій (ibid., сентябрь), хотя и пришли къ выводамъ, несогласнымъ съ заключеніями г. Стоянова, такъ какъ оба признали, что пѣсня, относимая этимъ послѣднимъ къ событію XI в., взятію Торческа, относится къ событію болѣе позднему, взятію Азова козаками (донцами и запорожцами) въ 1637 г.

И мы начнемъ наши замѣтки съ предмета, подавшаго поводъ къ названнымъ статьямъ, какъ въ виду, такъ связать, животрепещущаго характера этого предмета, такъ и по тому, что всѣ три извѣстные авторы упоминали и наши слова объ этомъ предметѣ, выказанные нѣсколько лѣтъ назадъ..

Прежде всего пополнимъ матеріаль, на которомъ всѣ три писателя основываютъ свои соображенія.

Въ нашихъ бумагахъ находятся еще два варианта спорной пѣсни. Первый по полнотѣ, а также и по времени записи его, находится въ тетради неизвѣстнаго любителя съ большимъ толкомъ собиравшаго народныя пѣсни, которыми, какъ видно изъ помѣтокъ, пользовались такіе издатели, какъ гг. Чубинскій, Новицкій, Антоновичъ и Драгомановъ и др. Вотъ онъ:

1. *Ой, що то за крячокъ,
Що по морю літає?
Ой, що то за бурлачекъ
Да молодцівъ збирає?*
5. — *„Збирайтеся, братця,
Все народъ майстеровый,
Зділаємо, братця,
Пятюраста возівъ,
Да накупимо мы, братця,*
10. *Пятюраста паръ волівъ,
Посадимо мы, братця,
По семи молодцівъ,
А по восьмому поганяничку,
По девятому кашоварничку,*
15. *А по десятому для сторожності;
Поїдемо, братця,
У славный городъ, у Азовъ.*

- И станемо мы, братця,
У дванадцать рядівъ".—
20. Выходють, братця,
Азовскіе купці:
—Покажутьте вы, славі чумаченьки,
Славный товаръ изъ возівъ.—
— „Ой, есть у насъ лисиці, кунциці,
25. Ще й чорні соболі,
Да до завтраго не покажемъ"...—
Ой, купці пішли ночувать...
. . . . .¹⁾
— „А вставайте, милі братця, потихесеньку,
Заряжайте ружья помалесеньку!"
30. Да тоді тряхнули,
Да й узяли Азовъ.

Подъ этимъ спискомъ стоятъ помѣтки собирателя: слѣва—не кончена (вѣрнѣе-бы, кажется, сказать: съ пропускомъ), справа: Борзна.

Другой вариантъ находится въ сборникѣ Маціевича и Ганицваго, составленномъ въ 1876 г. Записанъ этотъ вариантъ въ с. Барахтахъ, васильк. у., кievск. губ., отъ стараго „дѣда“, который, по помѣткѣ г. Маціевича, „не зналъ ни происхожденія, ни конца, ни вообще смысла“ данной пѣсни. Вотъ вариантъ г. М—ча:

1. Ой, що-жъ то за крячокъ,
Що по морю крякае?
А що-жъ то за бурлакъ,
Що народъ збирае?
— „А збирайтесь, братьтя,
А все народъ майстерской,
Та изробимо, братьтя,
Пѣтораста та возовъ;
Та покунімъ, братьтя,
Пѣтораста та волівъ,
Та изробімъ, братьтя,
Пѣтораста та яромъ,

¹⁾ Тутъ, очевидно, пропускъ.

*Та посадімъ, братътя,
Пятюраста молодцівъ;
Та поїдемъ, братътя,
Въ городъ та Азовъ...*

*—Що вы за люде,
Якой у васъ товаръ?
— „Лисиці, кунниці
И чорні соболі.
Дай, Боже, завтраго дождать,
То всі будемо ¹⁾ знать“.—*

Варианты эти не представляютъ крупныхъ отличій отъ тѣхъ, которые были уже извѣстны по сборнику г. Рудченка (чумацкія пѣсни) и статьѣ г. Стоянова, но все таки они имѣютъ важность, во первыхъ, по мѣсту ихъ записыванья: не только въ васильковскомъ уѣздѣ, кievск. губ., но и въ Борзнѣ, черниг. губ. И г. Стояновъ, и г. Новицкій придають большое значеніе вопросу о распространеніи данной пѣсни; первый полагается на то, что она поется только въ Поднѣпровья, т. е. въ мѣстности, въ которой лежалъ и Торческъ, а второй наираетъ на нахожденіе пѣсни, кромѣ Поднѣпровья, еще въ елисаветградскомъ уѣздѣ, краѣ запорожскомъ, что для г. Новицкаго важно въ виду его наклонности къ мнѣнію о запорожскомъ происхожденіи этой пѣсни. Теперь оказывается, что пѣсня замѣчена и въ Борзнѣ, довольно далеко и отъ Днѣпра, и отъ запорожскихъ вольностей. Взглянувъ на мѣста, въ которыхъ записаны (конечно, болѣе или менѣе случайно) всѣ семь вариантовъ пѣсни. ²⁾ можно сказать, что данная пѣсня вообще довольно широко распространена по Украинѣ, особенно по кievской и лѣвобережной, т. е. по мѣстахъ сравнительно новаго заселенія (Кievщина наново заселилась съ XVIII в.). Последнее обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу сравнительно новаго, азовскаго, происхожденія пѣсни, чѣмъ

¹⁾ Очевидно вмѣсто *будете*.

²⁾ Вариантъ г. Костомарова (у г. Рудченка Г.), по всей вѣроятности, былъ записанъ въ Слободской Украинѣ.

старого, торческаго. Далѣе, наши варианты интересны потому, что въ нихъ обоихъ городъ, взятый хитростію, названъ прямо *Азовомъ*. Такимъ образомъ изъ семи, до сихъ поръ записанныхъ вариантовъ, въ пяти искомый городъ названъ—Азовъ (Рудченко, А, В, Стояновъ, Косачъ, наши два вар.), а въ двухъ другихъ (Рудч. Б—Стояновъ, Ильницкій и Рудч. Г.) названы Ростовъ (тутже и Кремень) и Щучинъ, оба близкіе къ Азову. Такое большинство въ пользу Азова не можетъ не имѣть значенія. Впрочемъ, самое вѣское доказательство въ пользу азовскаго происхожденія пѣсни, сходство ея съ писаннымъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древностей“, подъ именемъ: „Взятіе Азова донцами въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича“ (1864 г., кн. III, 12—17), почти исчерпано въ статьѣ г. Новицкаго. Мы можемъ только прибавить, что стихи 20—26, особенно послѣдній, варианта борзенскаго наиболѣе ясно передаютъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ совсѣмъ затемненный смыслъ разговора азовцевъ съ пріѣзжими, изложенный въ сказаніи слѣдующимъ образомъ: „...и козаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякій товаръ, какъ-то: котлы, порохъ, свинець, укладъ, холсты, сукна, *добрыя соболи, мсицы и быжи*. Увидѣвъ то, турки и татары говорили: во всѣхъ-ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: только въ двухъ возахъ у насъ есть пашѣ вашему и коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, *а завтра тѣ подарки сами принесемъ*“..., а потому вариантъ борзенскій особенно важенъ въ пользу мнѣнія объ азовскомъ происхожденіи данной пѣсни, котораго придерживается г. Новицкій.

Г. Новицкому безспорно принадлежитъ честь первенства въ указаніи на связь пѣсни, отнесенной г. Рудченкомъ къ древне-чумацкимъ, со взятіемъ Азова въ 1637 г. и на сходство ея съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ“. Это указаніе было сдѣлано имъ еще въ 1874 г., въ „Кіевлянинѣ“, въ рецензіи на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Рудченка. Статья г. Н—аго въ „К. Старинѣ“ есть болѣе обстоятельное развитіе высказанныхъ имъ еще тогда соображеній. Но и въ этой статьѣ г. Новицкій все таки не только не рѣшилъ вопроса о происхожденіи этой пѣсни, ни о значеніи сходства ея съ прозаическимъ сказаніемъ, надо замѣтить, *великорусскимъ*, но даже не высказалъ по этому вопросу яснаго и опредѣленнаго мнѣнія. Касаясь и нашего мнѣнія по тому-же пред-

мету, онъ не разобралъ онаго съ такою полнотою, чтобъ или опровергнуть его вѣскими аргументами, или видоизмѣнить, если уже не признавать его, но допустивъ неточность въ объясненіи нашего мнѣнія и непонятное противорѣчіе въ собственномъ о немъ сужденіи, онъ оставилъ вопросъ на полъ-пути въ его разрѣшенію, что и побуждаетъ насъ возобновить въ памяти читателей давно высказанное нами по данному вопросу и самый вопросъ привести въ опредѣленному концу.

Это мнѣніе высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьѣ, имѣвшей цѣлю, разборомъ выпедшихъ въ 1874—75 г. украинскихъ этнографическихъ изданій, доказать необходимость сравнительнаго изученія памятниковъ украинской народной словесности. Разбирая въ концѣ статьи сборникъ г. Рудченка, мы говорили:

„Жаль, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслию о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи и, можетъ быть, заимствованы. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченка, которую онъ врядъ-ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варианты ея, напечатанные у г. Рудченка (В. и Г.), рассказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перифразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, сказанія, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ импер. моск. общества исторіи и древностей“ (1864 г., кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это, по своему именно сказочному характеру, сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи и при томъ явно составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ нигдѣ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться; варианты А. и Б. у г. Рудченка уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

„Это не единственный примѣръ того ¹⁾, какъ въ Малороссіи находятся пѣсни, такъ сказать, переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ исследователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ 1 томѣ „Истор. пѣсень малор. народа“, стр. 284. Это одни изъ вариантовъ пѣсень о кровоспѣненіи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варианты, напечатанныя въ V томѣ „Матеріаловъ“ г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно вариантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала, или, быть можетъ, существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ связаніе, въ родѣ тѣхъ, какіе напечатаны г. Костомаровымъ въ „Памятникахъ стариной русской литературы“, изд. гр. Куселева-Безбородко, II, 415—442. *И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки.* Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соответствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву „о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотъ-часъ въ нему приросла“, (Иконниковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, стр. 420), а въ „Запискахъ о южной Руси“ г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянидѣ Кириѣ, совершенно на эту тему, только вмѣсто козлей шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой вариантъ этой-же сатиры.

„Подобные примѣры указываютъ на настоящую необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украину велико-

---

¹⁾ Такъ переходили не только баллады, но и историческія пѣсни; наприм. самарская пѣсня, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы», т. IV, 38, — явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы, только съ переменной грусти побѣжденныхъ въ пропію побѣдителей. Примѣч. въ В. Е.

русскую, которая соприкасается съ малорусскою, и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской колонизаціи“.

Г. Стояновъ имѣлъ въ виду выписанныя слова, сильно расходящіяся съ его торческою гипотезою, срезюмировалъ ихъ только мимоходомъ и не совсѣмъ полно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ вариантѣ В. сборника г. Рудченка, при взятіи Азова, разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ вариантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ („Вѣстникъ Европы“, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ сказано ниже“, а ниже г. Стояновъ говоритъ: „Г. М. Т—въ признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ нигдѣмъ“.

Г. Новицкій, выписавъ первое замѣчаніе г. Стоянова, будто мы отнесли спорную пѣсню къ Азову только на основаніи *черкесочокъ*, упоминаемыхъ въ вар. В. г. Рудченка, поспѣшилъ написать, что „на самомъ дѣлѣ“ мнѣніе о связи пѣсни съ взятіемъ Азова, было „высказано первоначально имъ, г. Н—имъ“, но „по болѣе вѣскимъ соображеніямъ“, причемъ онъ, г. Н—ій, „конечно, отрицалъ всякую возможность *перифразировки* (курс. подл.) донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню и только указалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ“. Снова повторяемъ полное признаніе первенства напечатанія г. Новицкимъ извѣстнаго мнѣнія, которое первенство не указано въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ по причинамъ, о которыхъ говорить теперь было-бы мелочностью, не интересною для читателя, и которое первенство мы поспѣшили признать, при первомъ удобномъ случаѣ: при разборѣ мнѣнія г. Костомарова, относившаго сначала занимающую насъ пѣсню къ освобожденію Палія изъ Мариенбурга (см. Русск. Мысль, 1880 г., июнь, III, 45 и „Нов. укр. пѣсни и пр.“, стр. 44, примѣч. 1).

Какъ читатель самъ можетъ судить изъ выписанныхъ выше словъ нашихъ, мнѣніе наше объ отношеніи разбираемой пѣсни къ

Азову основано вовсе не на одномъ вариантѣ ея и не на однихъ *чертесочкахъ*, какъ это представилъ г. Стояновъ. Также само и г. Новицкій ужъ слишкомъ буквально принялъ слово *перифразировка* въ нашей статьѣ и приписалъ намъ мысль о прямой передѣлкѣ сказанія о взятіи Азова, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ“¹⁾. Изъ всего выписаннаго выше, а особенно изъ подчеркнутыхъ словъ, видно, что мы предполагаемъ существованіе (въ Донской области) и устныхъ, и письменныхъ вариантовъ исторіи о взятіи Азова, каковыя варианты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ вариантовъ, намъ теперь извѣстныхъ.

Самъ-же г. Новицкій говоритъ теперь (стр. 430), что пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена ими немедленно, на мѣстѣ, въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону²⁾, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ-же событіи послужили источникомъ „Сказанія“, и не смотря на другое предположеніе, высказанное вслѣдъ за выписанными словами: „или-же пѣсня сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь“, признаетъ (на стр. 433) „несходство характера пѣсни съ общимъ тономъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже, вообще, малорусскихъ пѣсень“), которое несходство г. Н—ій, признаетъ признакомъ происхождения пѣсни въ этнографически-смѣшанной средѣ“³⁾. Послѣ этого вдвойнѣ неожиданными показываются финальныя слова г. Н—аго: „конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто-бы *земно-русскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только (?) невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній“.

Мысль, продиктовавшая намъ выписанные выше строки, а именно мысль о переходѣ пѣсень, какъ и другихъ произведеній народной словесности отъ одного племени къ другому, а также изъ одной формы въ другую (изъ прозы въ пѣсню и наоборотъ) изъ

¹⁾ Кстати укажемъ и на другой напечатанный его вариантъ: въ приложеніи къ IV-му тому «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбняковымъ», стр. 166—184, въ «Исторіи о азовскомъ взятіи».

²⁾ На какомъ языкѣ? На великорусскомъ? М. Т.

³⁾ О которой средѣ и о необходимости изслѣдованія ея мы и говорили. М. Т.

письменной словесности въ устную и наоборотъ, очень туго прививается у насъ, встрѣчая иногда враждебное къ себѣ отношеніе даже у большинства специалистовъ, которые и до сихъ поръ еще не выбились изъ узъ теоріи, разсматривавшей памятники народной словесности, или какъ продукты одной національной почвы, или какъ наслѣдіе арійскихъ прародителей. А между тѣмъ въ Западной Европѣ эта мысль лежитъ въ основѣ новѣйшихъ работъ по народной словесности. Принятіе ея возбуждаетъ вниманіе къ изслѣдованію именно областей съ смѣшанною этнографическою средою, каковы Провансъ и Каталонія, Піемонтъ, Нидерланды (въ обширномъ смыслѣ, съ Бельгіей), Лузація съ Богеміей и т. д. Такия страны, служація спайками между племенами, особенно интересны для изслѣдованія путей движенія сходныхъ сказаній отъ племени къ другому. Относительно украинскаго племени съ его словесностью особенно интересны области пряшевская за Карпатами, мѣсто соприкосновенія украинцевъ съ словаками, ворота, по которымъ прошло на Украйну извѣстное количество общеевропейскихъ сказаній съ Запада, и донская, — мѣсто, черезъ которое совершается взаимный обмѣнъ сказаній между украинцами и ихъ восточными сосѣдями.

Изслѣдованіе такихъ областей въ значительной степени помогаетъ тому, чтобы сравнительное изученіе памятниковъ народной словесности пошло далѣе одного только указанія параллелизмовъ между ними. Такое указаніе еще очень недостаточно.

Возьмемъ хоть данный случай. Что-же намъ изъ того, если мы успокоимся на одномъ „только указаніи замѣчательнаго параллелизма“ между украинскою пѣсней и великорусскимъ сказаніемъ? Самъ г. Новицкій, какъ видимъ изъ выписанныхъ словъ его, не захотѣлъ „только“ на этомъ успокоиться и перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что-же значить этотъ параллелизмъ, иначе, гдѣ и какъ образовалась данная пѣсня; но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ выписаннаго, былъ отвлеченъ въ сторону отъ сущности дѣла заботами объ установленіи своего первенства въ указаніи параллелизма. Надо рѣшить, образовалась-ли пѣсня на Украйнѣ самостоятельно и отъ нея пошелъ рассказъ, который послужилъ источникомъ прозаической исторіи, или-же у великоруссовъ образовалась сказка, отъ которой пошли и исторія, и пѣсня — великорусская, потомъ украинская, или-же въ одно время, по воспоминаніямъ о фактахъ,

которыхъ свидѣтелями и участниками были и великоруссы, и украинцы, образовалась фабула, которая обработана великоруссами въ прозаической формѣ, украинцами-же въ пѣсенной. Въ послѣднемъ случаѣ тѣ отличія, какія представляетъ и пѣсня, и „гисторія“ въ рассказѣ о взятіи Азова. противъ указаній извѣстныхъ историческихъ источниковъ, надо будетъ признать не сказочными, а реальными.

Повторяемъ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія нельзя, пока не будетъ лучше изслѣдована донская область, въ которой можетъ быть найденъ великорусскій вариантъ пѣсни *). Но и теперь возможны предположенія не совсѣмъ неосновательныя. Мы сдѣлали таковое въ подчеркнутыхъ выше словахъ, предполагающихъ существованіе великорусскаго оригинала пѣсни, близкаго къ сказанію и послужившаго источникомъ украинскихъ вариантовъ.

Сдѣлали мы это предположеніе и поддерживаемъ его теперь на основаніи, между прочимъ, языка и склада украинскихъ вариантовъ пѣсни. Складъ этотъ несомнѣнно великорусскій. Языкъ тоже носитъ на себѣ великорусскую окраску. Кромѣ упомянутыхъ вариантовъ г. Рудченка, остановимся на борзенскомъ вариантѣ.

---

*) Соблюдая полное безпристрастіе въ происходящемъ ученomъ спорѣ, мы замѣтимъ, что такое-же заявленіе о новыхъ поискахъ, но въ области древняго Торческа, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть сдѣлано г. Стояновымъ, авторомъ торческой гипотезы, или древнѣйшаго происхожденія изслѣдуемой пѣсни, и должно быть сдѣлано всякимъ, кто для удобнѣйшаго ея изслѣдованія пожелалъ-бы возвратиться на Эвеева или Троянскаго коня... Мы во всякомъ случаѣ не можемъ не отдать должнаго уваженія и серьезнымъ приемамъ г. Стоянова, хотя и не можемъ присоединиться къ сдѣланному имъ выводу, пока не явится болѣе твердыхъ данныхъ для его смѣлой, но симпатичной гипотезы, равно и къ мнѣнію противной стороны, требующему, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ настоящей замѣтки, новыхъ подкрѣпленій. Метаморфозы съ пѣснями, легендами и пр. явленіе общее, но трудно-удовимое. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ ищутъ разгадки пережитъ и наслоеній, но одна въ болѣе древнемъ, другая въ позднѣйшемъ времени. Несомнѣнно одно, что метаморфозы столько-же возможны были тамъ, какъ и здѣсь,—столько-же въ древней, какъ и въ позднѣйшей пѣсни. Во всякомъ случаѣ вопросъ, какъ намъ кажется, далекъ еще отъ окончательнаго разрѣшенія, а великорусскія измѣненія словъ въ его разрѣшеніи могутъ имѣть значеніе лишь въ связи съ другими, болѣе существенными данными. Такія измѣненія мы находили даже въ думать, распѣваемыхъ Вересемъ, которыхъ древность и мѣстное происхожденіе никакъ не могутъ быть заподозрены.—Ред.

Форма: майстеровый, слово: *здилаемъ* — великорусскія; слово *Азовъ* тогда только получить себѣ рифму, когда противъ него будетъ стоять не *рядівъ*, какъ теперъ, а *рядовъ*. Въ вариантѣ г. Маціевича разъ поставлено по великорусски *возовъ*; въ другомъ мѣстѣ съ словомъ *Азовъ* должна рифмовать малорусская форма — *молодцівъ*.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельстве. Вышеизложенныя соображенія говорятъ въ пользу того, что пѣсня наша принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *бродячихъ*, или *странствующихъ сказаній*, бродячихъ, скажемъ пока, только въ предѣлахъ великорусско-украинскихъ. Но не есть-ли эта пѣсня бродячая и въ болѣе обширной области. Исторія о взятіи города пронижскими въ него спрятанными людьми въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Есть французская пѣсня о взятіи женскаго монастыря рыцарями, проникшими туда въ мѣшкахъ; есть голштинская (дитмарская) пѣсня о занятіи замка рыцаря-помѣщика крестьянами-вассалами, привезенными въ мѣшкахъ вмѣсто дани и т. п. Что реальнаго, историческаго скрывается подъ этими варіаціями старой фабулы? Въ области украинскихъ сказаній мы имѣемъ рассказъ о проникновеніи козаковъ въ товарныхъ возахъ въ пѣснѣ объ *Азовѣ* и въ исторіи освобожденія Палія изъ плѣна въ Магдебургѣ (Маріенбургѣ). Прибавимъ къ этому, что въ украинскихъ лѣтописяхъ, намъ помнится, есть подобное-же сказаніе въ повѣствованіи объ одномъ изъ походовъ запорожцевъ на Крымъ въ XVII и XVIII в. Намъ очень конфузно говорить объ этомъ обстоятельстве такъ неопредѣленно, — но, не имѣя подъ рукою всѣхъ должныхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать болѣе точныхъ указаній, которыя мы и представляемъ лицамъ, поставленнымъ въ лучшія условія.

Стенька Разинъ — козаекъ Гарасимъ.

Великорусскіе варианты пѣсни о сынѣ Ст. Разина извѣстны давно. Весьма полный вариантъ напечатанъ уже у г. Костомарова: („Бунтъ Ст. Разина“, историч. моногр., т. II, 290—291). Мы тутъ воспроизведемъ его для того, чтобъ читатель могъ лучше судить объ украинскихъ передѣлкахъ этой пѣсни.

Какъ во славномъ во городѣ
 Во Астрахани,
 Очутился, проявился
 Тутъ незнамовый человекъ.
 Шибко, шепетно по городу
 Похаживаетъ,
 Въ тоненькой рубашкѣ
 Да во нанковомъ халатѣ
 На распашечку.
 Астраханскимъ тутъ купчишкамъ
 Онъ не кланяется,
 Господамъ-ли да боярамъ
 Онъ челомъ не бьетъ,
 Астраханскому воеводѣ
 Онъ подъ судъ не идетъ.
 Увидалъ-же воевода
 Со параднаго крыльца;
 Приказалъ-же воевода
 Къ себѣ его привести:
 — „Ужъ вы слуги, мои слуги,
 Слуги вѣрные мои,
 Вы подите, поймайте
 Удалова молодца!“
 Поимали, соковали
 Удалова молодца,
 Привели къ воеводѣ
 Незнамова на глаза.
 Какъ и сталъ же воевода
 Ею спрашивать:
 — „Ужъ и чей такой, дѣтиска,
 Чей удавый молодецъ?
 Ты какого поведенья,
 Чьей ты матери, отца?
 Не со города-ль Казани,
 Съ каменной славной Москвы,
 Или съ Дону козака,
 Или купецкій сынъ?“ —

—Я не съ города Казани,
 Не со каменной Москвы,
 Я не съ Дону козахъ,
 Не купецкій сынъ,
 Я со матушки со Воли
 Стеньки Разина сынокъ.—¹⁾

Рабочіе великоруссы занесли эту пѣсню и на Украину. У насъ есть три ея варианта, записанные на Украинѣ, при чемъ одинъ записанъ прямо отъ рабочаго великорусса, а другіе два представляютъ украинскія попытки усвоить эту пѣсню.

Первый вариантъ записанъ г. Манджурою въ Харьковѣ отъ плотника изъ владимірской губерніи:

Въ славномъ городѣ во Астрахань
 Очутился, скажемъ, проявился
 Тамъ незнамый человекъ,
 Чисто, щепетко, скажемъ, погуливаетъ;
 На немъ бархатный кафтанъ на распашку,
 На распашку въ немъ идетъ,
 Свой персицкой кумачекъ
 Въ правой рученькѣ несетъ,
 Перчаточки новы съ серебромъ
 На ево бѣлыхъ рукахъ,
 Чорна шляпа съ палюмашемъ
 На ею русыхъ кудряхъ.
 Охъ, онъ штапамъ—офицерамъ
 Онъ не кланяется, идетъ,
 Для мѣжикъ господъ
 Пуховой шляпы не мнетъ,
 А самому, скажемъ, губернатору
 И челомъ ему не бьетъ.

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вариантъ этой пѣсни былъ найденъ въ бумагахъ Пушкина и возбудилъ въ нѣкоторыхъ газетахъ («Новое Время» и др.) разговоры о томъ, не сочиненіе-ли это Пушкина. Фактъ характеризующій степень образованія нашихъ редакторовъ русскихъ газетъ настоящаго времени!

Губернатуръ, скажемъ, господинъ,
 На крылечко выходилъ,
 Закричалъ, скажемъ, губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 — „Охъ, вы слуги, служки вѣрные мои,
 Вы подите, служки, приведите
 Незнамова молодца“.—

Ею взяли, подхватили
 И къ допросу повели,
 Охъ, становили, скажемъ, молодца
 Близъ параднаго крыльца.
 Охъ, губернаторъ, скажемъ, господинъ
 На крылечко выходилъ,
 Таки рѣчи говорилъ:
 — „Чей, откуда, Расскажи, мальчишка,
 Чей, незнамый молодецъ?
 Охъ, не съ Москвы-ли ты купецъ,
 Не купеческой-ли сынъ?
 Аль не съ Дону-ли козакъ,
 Не козаческой-ли сынъ?“
 — А я съ Дону не козакъ,
 Не козаческой я сынъ,
 Я со матушки со Воли,
 Я со Камы со рѣки,
 Стенки Разина сынокъ.—
 — „Вы возьмите только, мои слуги,
 Въ бѣлой каменной острогъ.
 — А ты послушай, скажемъ, губернатуръ,
 Одно слово мнѣ сказать:
 Будто батюшка мой родной
 Завтра хотѣлъ быть.
 Ты умъ-ка его встрѣтить,
 Умъ подчивать его,
 А изъ комнаты поидетъ,
 Умъ двери затворить!“—
 Приказалъ, скажемъ, губернатуръ
 Вдоль по улицу пустить.

*Охъ, какъ на утро рано на зарь
 Лѣжка лодочка плыветъ,
 Какъ въ этой-то во лодочкѣ
 Ровно тридцать молодцовъ,
 Ну, а тамъ въ самой середкѣ
 Атаманъ-м ихъ сидитъ,
 Таки рычи говоритъ:
 — „Вы послушайте, скажемъ, ребята,
 Что я буду говорить:
 Охъ, будто чадо, чадо мое милое
 Въ бѣлой каменной тюрьмѣ!“ —
 — Охъ, не печалься, нашъ хозяинъ-господинъ;
 Охъ, бѣлой каменной острогъ
 По кирпичу разберемъ,
 Астраханскаво, скажемъ, губернатора
 Во полонъ ево возьмемъ.*

Изъ двухъ невѣстныхъ намъ украинскихъ передѣлокъ подобной пѣсни, наиболее интересна записанная г. Ганицкимъ въ аккерманскомъ уѣздѣ, бессарабск. губерніи, въ 1874 г. въ числѣ другихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ среди рыбаковъ. Вариантъ этотъ состоитъ изъ прозаическаго рассказа, прерываемаго стихами.

„Бувъ колись на Україні славный козакъ Гарасимъ, такий, якъ Максимъ Залізнякъ, або козакъ Нечай. Якъ настала недобра година, Гарасима кілька разъ сажали за камінні стіни, въ тюрьму, але славный Гарасимъ завше пробиравъ стіни й втікавъ. Вінъ війсьва не мавъ, а якъ тільки свисне, то набіжить козаківъ зо всіхъ сторінъ“!

„Отъ Гарасимъ якъ втікъ уже може въ десятый разъ зъ каторжной тюрьмы, зібравъ козаківъ и пішовъ въ *Рассю*, бо Україна зо всіхъ сторінъ тоді була вже занята, а впередъ Гарасимъ пустилъ своего сына, щобъ розпізнавъ тихъ людей и ту сторону“...

*Проявився дитинушка, незнакомый чоловікъ;
 Вінъ не заходить по Калуї, по калуїнськімъ мужикамъ,*

*Вінъ почавъ дитинушка въ кабаку чулять
И про себе пісню запівать...¹⁾*

„Губернаторъ, узнавши объ ёму, велівъ ёго привести:

— „*Ехъ, вы слуги, вы лакеї вірній мои,*

Идіте, приведіте мужика

Зъ пишого кабака!

— „*Скуль ты, дитинушка, скуль ты родомъ чоловікъ?*

Чи ты зъ Дону козакъ, чи ты козацький сынъ?“—

— *Я не зъ Дону козакъ, я не козацький сынъ;*

Мій батько хоче у васъ въ гостяхъ бувать,—

Знайте-жъ, якъ мого отця приймать.

„Розсердився губернаторъ на вдалого молодця:

— „*Ехъ, вы слуги, вы вірній, возьміте козака!*

Засадить ёго въ тюрму, за каменну стіну!“—

— *Якая ваша тюрма:*

Каменна, чи кирпичная?

Мы вашу тюрму по кирпичу розберемъ,

И вашого губернатора въ полонъ візьмемъ!—

„Герасимівъ сынъ, вепкуючи надъ губернаторомъ, якъ туй-
нувъ ёго, то всі вівна въ губернаторському дворці потріскались.
Герасимівъ сынъ ишовъ весело въ тюрму, бо добре знавъ, що отецъ
ёго въ скорімъ часі прибуде и висвободить:

Ище не світъ, ище не світъ²⁾,

Красну лотушку видать!

¹⁾ Ср. у Костомарова, *op. cit.* 241.

*У насъ то было, братцы, на тижомъ Дону,
Породился удалъ храбрый молодець....*

*Во козачій круъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ,
Ходилъ-чулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ зольтьбою и т. д.*

Другіе варианты передѣлываютъ эти слова и на сына Ст. Разина.

²⁾ Стихъ изъ извѣстной гайдамацкой пѣсни о Гнаткѣ и Савѣ Чаломъ:

Ой, ще не світъ, ой, ще не світъ,

Ой, ще не світае,

А вже Гнатко зъ Кравчиною

Конику сідлае и т. д.

*Красну лотушку згадавъ,—
Отець до ёго прибувавъ.*

Другой вариантъ записанъ г. Чернякомъ около 1876 г. въ деревнѣ Ракова Балка, въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, со словъ хлопча 14 лѣтъ, Ивана Носаченка. Вотъ онъ:

*Виходила дитина
Зъ-підъ білою камяя,
Ой якъ крикне панъ губернатаръ
На своїхъ прежнихъ бурлакъ:
— „Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На поженки кайданочки,
А на ручки рушнички.“—
— А чи бачишь, губернаторъ,
Отой камзяный острогъ?
Я тобі камзяный острогъ
По камінцямъ рознесу,
Я тобі Дунай-рїчку
До пісочку перепзю...*

Записыватель сообщаетъ, что хлопецъ долго не хотѣлъ сказать слова *губернаторъ*, пока наконецъ рѣшился проговорить его.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что оба вышеприведенные варианты составляютъ прямую перифразировку (на этотъ разъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова) великорусской пѣсни, хотя на нихъ, особенно на первой, налегли уже и нѣкоторыя украинскія черты. Съ перваго разу, впрочемъ, видны и отличія этихъ вариантовъ отъ пѣсни о взятіи Азова. Последняя все-таки болѣе объукраинилась, что и совершенно понятно: пѣсня эта должна была пожить въ козацкой, смѣшанной средѣ и зашла она къ намъ давно, тогда какъ пѣсня о сынѣ Ст. Разина, очевидно, пришла на Украину недавно и принесена чистыми великоруссами, рабочими, и не имѣла за собою никакого памятнаго, общаго сынамъ двухъ племенъ, событія ¹⁾). Даже имя Ст. Разина ока-

¹⁾ Хотя нѣкоторое количество запорожцевъ и участвовало въ походѣ Ст. Разина и послѣдній писалъ грамоты въ Сѣчь, но память объ этомъ не сохранилась въ массѣ украинцевъ, которымъ, очевидно, мало было дѣла въ свой часъ до Ст. Разина.

залось на столько чужимъ для украинцевъ, что они, чтобъ его оживить для себя, сдѣлали изъ него козака—Гарасима.

Но все-таки представленные украинскіе варианты великорусской пѣсни показываютъ примѣры нѣкотораго ея усвоенія. Основная идея ихъ,—непокорность воеводѣ-губернатору, въ украинскихъ вариантахъ даже рѣзче выдвинута, чѣмъ въ великорусскихъ, а въ вариантѣ г. Ганицкаго Разину приданы черты запорожскаго характера и самъ онъ сравнивается съ памятными украинцамъ героями: Нечаемъ и Желѣзнякомъ, и даже сдѣланъ украинцемъ, подъ именемъ Гарасима, который только потому пошелъ въ *Рассю*, что „Украина уже вся была тогда занята“. Украинскіе варианты пѣсни о сынѣ Ст. Разина представляютъ собою примѣръ усвоенія чужой пѣсни все-таки *органическаго*, хотя и не таковаго полного, какъ нѣкоторые примѣры взаимнаго обмѣна пѣсенъ козацкихъ изъ временъ общей жизни донцовъ и запорожцевъ. Тутъ все-таки пѣсня усвоена потому, что она для усваивавшихъ симпатична по своему содержанию. Въ украинскомъ населеніи обращается теперь не малое количество великорусскихъ пѣсенъ усвоенныхъ иначе, *механически*: вслѣдствіе внѣшняго давленія, по привычкѣ, изъ желанія быть похожимъ на барина чрезъ усвоеніе себѣ признаковъ барской народности. Это пѣсни солдатскія, бытовыя и повѣствовательныя, (о Петрѣ Великомъ, Лопухинѣ, Платовѣ, Наполеонѣ и др.), пѣсни лавейскія, „жестокіе романсы“, фабричныя и т. п. У насъ у самихъ ихъ набралось на добрый томъ. На печальныя мысли навелъ бы этотъ томъ, если-бъ его напечатать. Съ внѣшней стороны этотъ матеріалъ представляетъ образцы чисто машинальнаго повторенія великорусскихъ вариантовъ, съ большими или меньшими искаженіями языка и фабулы, при чемъ иногда представляютъ въ частяхъ или въ цѣломъ полную бессмыслицу. Съ внутренней, идейной стороны, по сравненію съ украинскими пѣснями домашнего образованія, матеріалъ этотъ носитъ на себѣ признаки упадка и деморализаціи политической, общественной и семейной рабскаго духа, жестокости, грубости, цинизма, особенно относительно женщины,—при фразистой сентиментальности, захватанной изъ романсовъ „благородныхъ“. Ни одной дѣйствительно культурной идеи, ни образа изъ запаса всероссійской цивилизаціи, образовавшейся въ верхнихъ слояхъ общества въ XVIII в. изъ взаимодѣйствія украинцевъ и ве-

ливоруссовъ, при западно-европейскомъ вліяніи, не проникло въ этотъ народный словесный матеріалъ, который въ ту-же эпоху образовался на Украинѣ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Да, кажется, такихъ дѣйствительныхъ культурныхъ идей и образцовъ нѣтъ въ новообразовавшейся великорусской народной словесности и у нея на дому. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить на основаніи того, что до сихъ поръ извѣстно по этой части въ печати, напр. изъ интересной работы г. Вл. Михневича „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Историч. этюды русской жизни, II, 377—421).

Впрочемъ, это вопросъ не только очень важный, но и очень сложный, а потому объ немъ до другаго раза.

М. Т—овъ.

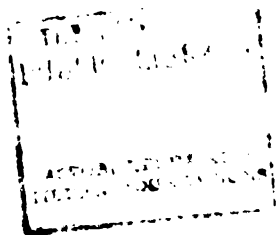
УМАНСКІЙ СОТНИКЪ И В А Н Ъ Г О Н Т А .

(1768 г.).

Для характеристики историческаго значенія гайдамачества вообще и особенно „Коліивщины“ личность одного изъ вождей послѣдней, сотника Гонты, имѣетъ особенный интересъ. Печальное состояніе края, разразившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія страшною уманскою катастрофою, недостаточно еще обслѣдовано безпристрастнымъ историческимъ изученіемъ. Современники—мемуаристы, принадлежавшіе къ потерпѣвшей сторонѣ, оставили намъ лишь яркія картины пожаровъ, убійствъ и грабежа, сопровождавшихъ катастрофу; но о поводахъ, вызвавшихъ эти печальныя явленія, о причинахъ, которыя довели постепенно народъ мирный, земледѣльческій, стремившійся къ прочной, осѣдлой и хотя сколько-нибудь обезпеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминаютъ, или-же говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. По ихъ мнѣнію, страшное народное волненіе въ Украинѣ было, съ одной стороны, плодомъ яко-бы дипломатической интриги Россіи, съ другой—результатомъ врожденнаго будто-бы южно-русскому народу варварства, его злой природы и главное—страсти къ грабежу. Конечно, такія объясненія мемуаристовъ, весьма впрочемъ естественныя въ устахъ людей мало развитыхъ и сильно раздраженныхъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ всякіе огульныя приговоры надъ характеромъ цѣлаго народа; конечно, легче объяснить явленіе историческое, предположивъ извѣстную, будто врожденную наклонность въ народномъ характерѣ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать истинныя причины этого явленія, часто слишкомъ сложныя для степени развитія изслѣдователя или слишкомъ нежелательныя для самолюбія той общественной группы, къ которой

Г О Н Т А.

онъ принадлежитъ. Но предположенія такого рода не могутъ останавливать на себѣ вниманія сколько-нибудь спокойнаго историческаго изслѣдованія и первый попавшійся фактъ, передаваемый историкомъ пристрастнымъ, при внимательномъ разсмотрѣннн, совершенно разрушаетъ всѣ поверхностныя предположенія автора онаго.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является въ разсказахъ о „Коливищинѣ“ личность уманскаго сотника Ивана Гонты. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣннн о немъ мы можемъ извлекать лишь изъ записокъ шляхтичей или духовныхъ лицъ польской народности, писавшихъ послѣ „Коливищины“ (и слѣдовательно относившихся съ крайнею ненавистью къ бывшему уманскому сотнику), личность его, и по ихъ связанннмъ, является съ характеромъ совершенно противоположнымъ тому общему ихъ взгляду на „гайдамачество“, которое высказывается ими въ мемуарахъ. Гонта является человекомъ не только зажиточнымъ, но даже богатымъ,—слѣдовательно не страсть къ грабежу руководить имъ; онъ пользуется особою милостію владѣтеля Умани, воеводы Салезія Потоцкаго, который обезпечиваетъ исполнѣ его будущую карьеру, общаетъ ему подарить въ потомственное владѣннн нѣсколько селъ и выхлопотать на сеймѣ „нобилитацію“, т. е. возведеннн въ дворянство,—слѣдовательно личный интересъ и личное честолюбнн должны были-бы склонять Гонту къ защитѣ шляхетства, въ ряды котораго попасть онъ имѣлъ возможность. Свѣдѣннн о влнннн на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передаютъ и влнннн такого даже не предполагаютъ. Такимъ образомъ побужденнн, заставившнн Гонту принять участнн въ „Коливищинѣ“, остаются не разъясненными, съ точки зрѣннн на „Коливищину“ шляхетскаго общества, и само его участнн является чѣмъ-то, по видимому, неожиданнымъ, загадочнымъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событнн съ той точки зрѣннн, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденнн, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру и свое общественное положеннн.

Если-бы до насъ дошли извѣстія о Гонтѣ и его участіи въ „Колівининѣ“ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ другой заинтересо-ванной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтелей безпри-страстныхъ и постороннихъ, то мы не сомнѣваемся, что высказанное нами положеніе можно было-бы установить самыми точными и по-дробными ссылками. Къ несчастію мы поставлены въ необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонтѣ, и потому можемъ попытаться лишь указать путемъ сопоставленій и критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ на болѣе серьезныя и человѣчныя побужденія дѣятельности Гонты, чѣмъ тѣ, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью къ лицу, причинившему имъ много бѣдствій и страданій ¹⁾. Не желая, впрочемъ, теряться въ догадкахъ и гипотезахъ, мы ограничимся лишь фактическимъ изло-женіемъ относящихся къ его біографіи событій.

Иванъ Гонта принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію; по словамъ Липпомана, онъ родился въ селѣ Росопкахъ, принадлежавшемъ къ уманскому имѣнію Потоцкихъ. Свѣдѣніе это заимствовано Липпоманомъ изъ записокъ Вероники Кребсъ, которая говоритъ: „Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань (1757 г.), онъ уже засталъ тамъ полковника (надворныхъ козаковъ) Обуха и старшаго сотника Гонту, крестьянина изъ деревни Росошець“ ²⁾. Братъ г-жи Кребсъ, Павелъ Младановичъ, утверждаетъ въ своихъ запискахъ, будто Гонта родился гдѣ-то въ Подѣсьи и, достигши 18-лѣтняго возраста, совершилъ какое-то преступленіе, за которое былъ при-говоренъ къ висѣлицѣ, но будто, уже на самомъ мѣстѣ исполненія казни, отецъ Младановича, занимавшій тогда должность уманскаго

1) При составленіи этого очерка мы пользовались слѣдующими источниками: 1) Липпоманъ — «Bunt hajdamaków na Ukrainie 1768 г.» . 2) Павелъ Младановичъ — «Rzeź humańska». 3) Турчакскій — «Opis krótki rzezi w mieście Humańiu». 4) Вероника Кребсъ — «Уманская рѣзня», переводъ Ревы 1879 г. 5) Мощинскій «Pamiętnik do historii polskiej». 6) Безыменный базилианинъ — «Opisanie kłeski Humańskiej». «Кіевская Старина», мартъ 1882 г. 7) Охоцкій — «Pamiętniki», т. I, глава 12. 8) Гумпльовичъ «Konfederacja Barska» — переписка короля Станислава-Августа съ Ксаверіемъ Браницкимъ. 9) Рукописный отрывокъ изъ анонимаго мемуара.

²⁾ Липпоманъ, стр. 14; Записки Кребсъ, стр. 16.

„губернатора“, выпросилъ ему помилованіе, уплатилъ въ судъ штрафъ въ 4000 злотыхъ, причитавшійся за его вину, и затѣмъ зачислилъ его въ уманскую надворную милицію ¹⁾); Конечно, весь рассказъ Павла Младановича есть не болѣе, какъ эпизодъ, сочиненный имъ самимъ для того, чтобы изобразить въ болѣе черныхъ краскахъ характеръ Гонты; рассказъ этотъ не заслуживаетъ вѣроятія не только при сопоставленіи его съ рассказомъ его сестры, но и съ данными, сообщаемыми самимъ Младановичемъ ²⁾).

Мы не знаемъ, когда Гонта поступилъ на службу въ надворную козацкую милицію: во всякомъ случаѣ это должно было случиться за долго до катастрофы 1768 года, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Кребсъ, за 11 лѣтъ до нея онъ уже занималъ должность старшаго въ ней сотника. Среди козаковъ этой милиціи онъ пользовался значительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ, и шляхтичи, управлявшіе уманскимъ имѣніемъ, были увѣрены, что въ каждомъ затруднительномъ случаѣ мнѣнію Гонты и его вліянію вся уманская милиція готова повиноваться безпрекословно. Вслѣдствіе этого убѣжденія шляхтичи старались жить въ дружбѣ съ вліятельнымъ сотникомъ и обходились съ нимъ съ почетомъ, какъ съ равнымъ; впрочемъ, положеніе свое въ шляхетскомъ обществѣ Гонта поддерживалъ и личными своими качествами. Павелъ Младановичъ описываетъ его, по своимъ воспоминаніямъ, слѣдующими словами: „Гонта былъ козакъ видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во

¹⁾ Записки Павла Младановича, стр. 106.

²⁾ Г-жа Кребсъ была взрослою дѣвушкою (18 лѣтъ) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома съ Гонтою и могла знать лучше его отношенія къ отцу, чѣмъ ея братъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ. Притомъ невѣроятность рассказа Младановича явствуетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ: 1) Младановичъ—отецъ былъ назначенъ уманскимъ губернаторомъ въ 1757 году, слѣдовательно, по его словамъ, въ 1768 году Гонтѣ могло быть максимумъ 28—29 лѣтъ, между тѣмъ самъ Младановичъ рассказываетъ въ послѣдствіи, что у Гонты было 4 взрослые дочери и сынъ. 2) Надворная милиція составлялась изъ осѣдлыхъ крестьянъ уманскаго имѣнія; еслибы губернаторъ и приписалъ къ ней лице постороннее, то наврядъ-ли можно допустить, чтобы это лице было выбрано въ сотники преимущественно передъ почетными односельцами. 3) Наконецъ солидарность Гонты съ громадою села Росошекъ, помимо записокъ Кребсъ, подтверждается еще надписью на церковной двери въ этомъ селѣ, свѣдѣніе о которой мы сообщимъ ниже.

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ“¹⁾). Въ запискахъ Кребсъ мы находимъ такую-же его характеристику: „Гонта, говоритъ составительница этихъ записокъ, былъ красивый, представительный мужчина и къ тому онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь (т. е. въ началѣ XIX ст.) его можно было-бы счѣсть за шляхтича“²⁾). Благодаря этимъ качествамъ, Гонта, не смотря на крестьянское происхожденіе, принять былъ въ мѣстномъ кругу шляхетскаго общества и занялъ въ немъ даже видное положеніе, вслѣдствіе особеннаго къ нему благоволенія уманскаго владѣльца, воеводы Салезія Потоцкаго. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаковъ изъ надворной уманской милиціи, подъ предводительствомъ сотника, отправлялись по очереди ко двору владѣльца въ его резиденцію—Кристинополь, находившуюся въ Червоной Руси, гдѣ исполняли при его особѣ службу, въ качествѣ придворной стражи. Во время этихъ командировокъ Гонта обратилъ на себя вниманіе Потоцкаго, сдѣлался его любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ. Въ два похода Гонта приобрѣлъ отъ воеводы грамоты, по которымъ послѣдній отказалъ въ его пожизненное владѣніе два богатыхъ села: его родину Росошки и сосѣднее село Орадвку, а села эти приносили въ то время ежегодно доходъ въ 20,000 злотыхъ; сверхъ того Потоцкій изъясилъ Гонтѣ и его сотню изъ зависимости отъ полковниковъ-шляхтичей, командовавшихъ уманскою милиціею и подчинилъ прямо власти губернатора³⁾). Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гонта сталъ возбуждать зависть шляхтичей, завѣдывавшихъ администраціею Уманщины; но, тѣмъ не менѣе, они, не исключая губернатора, обращались съ сотникомъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ въ средѣ ихъ установилось мнѣніе, что Потоцкій будто выслушиваетъ сообщенія Гонты о дѣйствіяхъ ихъ по управленію имѣніемъ и относится къ этимъ сообщеніямъ съ большимъ довѣріемъ.

Семейство Гонты жило въ то время въ его домѣ въ селѣ Росошкахъ; оно, по свѣдѣніямъ П. Младановича, состояло изъ жены,

¹⁾ Записки Младановича, стр. 78.

²⁾ Записки Кребсъ, стр. 18.

³⁾ Записки Кребсъ, стр. 17—18; П. Младановича, стр. 78; Липоманъ, стр. 15; записки Мощинскаго, стр. 137.

четырёх дочерей и сына; тотъ-же мемуаристъ сообщаетъ, въ весьма впрочемъ не ясныхъ выраженіяхъ, будто Гонта вступилъ въ бракъ не по собственному желанію, а по чьему-то принужденію, но будто въ послѣдствіи онъ примирился съ судьбою и былъ совершенно доволенъ своею семейною обстановкою ¹⁾.

Приведенными фактами исчерпываются всѣ извѣстія, сообщаемые о Гонтѣ мемуаристами до рокового 1768 года. Изъ извѣстій этихъ явствуетъ, что, не смотря на милость владѣльца и уваженіе, которымъ пользовался Гонта въ средѣ окружавшей его шляхты, онъ не увлекся личною карьерою на столько, чтобы перейти въ шляхетскій лагерь и разорвать связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ; тѣсная связь эта обозначается какъ признанною всѣми мемуаристами популярностью Гонты въ средѣ уманской милиціи, которой онъ былъ выборнымъ сотникомъ, такъ и его усердіемъ къ православной вѣрѣ, на которое мы имѣемъ два фактическія указанія. Въ 1860 году намъ случилось быть въ селѣ Росошкахъ, гдѣ въ старой деревянной церкви надъ дверью мы видѣли рѣзную надпись примѣрно слѣдующаго содержанія: „Церковь сія збудована коштомъ сотника Ивана Гонты и всей громады“ ²⁾. Въ мѣстечкѣ Володаркѣ, въ старой Воздвиженской церкви, въ числѣ церковныхъ ктиторовъ записанъ былъ и Иванъ Гонта съ женою, и портреты ихъ хранились въ церкви до 1847 года. Въ этомъ году старая церковь была разобрана и перенесена на другое мѣсто по желанію помѣщика; тогда, вѣроятно, въ собственность послѣдняго перешли и портреты ктиторовъ, въ томъ числѣ и портретъ Гонты, снимокъ съ котораго и помѣщается въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Въ 1768 году Гонтѣ суждено было занять видную и трагическую роль въ исторіи края. Въ февралѣ этого года вспыхнула барская конфедерація; конфедераты, занявъ значительную часть воеводства: подольскаго, брацлавскаго и кіевскаго, стали понуждать землевладѣльцевъ къ доставкѣ въ помощь конфедераціи денегъ, провіанта и вооруженныхъ людей; въ Умани полученъ былъ универсалъ,

¹⁾ Записки П. Младановича, стр. 78.

²⁾ За буквальную точность приводимой надписи мы не можемъ поручиться, ибо восстанавливаемъ ее по памяти, такъ какъ копія, снятая съ надписи, утерялась.

требовавши присылки въ станъ конфедератовъ 30,000 злотыхъ, значительнаго фуража и 3,000 вооруженныхъ и форменно одѣтыхъ солдатъ, т. е., иными словами, всей надворной козацкой милиціи, и угрожавши строгимъ взысканіемъ въ случаѣ ослушанія ¹⁾. Универсалъ этотъ былъ препровожденъ на усмотрѣніе владѣтеля Уманщины, воеводы Салезія Потоцкаго, и управлявшій его имѣніемъ дворянинъ Младановичъ просилъ снабдить его инструкціями. Потоцкій не былъ расположенъ въ пользу конфедерации, но съ другой стороны боялся, чтобы, въ случаѣ рѣзкаго отказа, его уманскія помѣстья не подверглись разоренію со стороны конфедератовъ, и потому занялъ двусмысленное положеніе. Онъ приказалъ Младановичу отвѣтить конфедератамъ, что онъ находитъ неудобнымъ послать имъ въ помощь свою козацкую милицію, такъ какъ на искреннее участіе козаковъ въ войнѣ съ русскими войсками невозможно положиться; но, въ замѣнъ милиціи, онъ обѣщалъ на вербовать требуемое количество войска изъ шляхты и, вооруживъ ее на свой счетъ и снабдивъ мундирами, отправить въ помощь конфедерации. Въ то же время онъ приказалъ всю уманскую милицію расположить лагеремъ у рѣки Синюхи вдоль русской границы и вошелъ въ сношенія съ кievскимъ военнымъ губернаторомъ Воейковимъ; послѣдній, по просьбѣ Потоцкаго, разрѣшилъ уманскимъ козакамъ отступить за русскую границу, въ случаѣ если-бы конфедераты заняли Умань ²⁾. Не довѣряя, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ шляхтичамъ, управлявшимъ Уманщиною, симпатизировавшимъ конфедерации, подобно всѣмъ лицамъ ихъ сословія, Потоцкій, помимо губернатора Младановича, снабдилъ Гонтю особыми инструкціями относительно поведенія милиціи и вступилъ съ нимъ въ частную переписку. Одно изъ писемъ воеводы къ Гонтѣ было перехвачено и утаено Младановичемъ: мы не знаемъ, какія распоряженія заключались въ немъ, но несомнѣнно то, что Потоцкій обѣщалъ въ немъ Гонтѣ, въ награду за точное исполненіе своихъ инструкцій, выхлопотать дворянство и подарить нѣсколько селъ немедленно послѣ усмиренія конфедерации ³⁾.

¹⁾ Записки П. Младановича, стр. 79.

²⁾ Записки Мошанскаго стр. 138.

³⁾ Записки Павла Младановича стр. 78, зап. Липомана стр. 32, зап. Тучапскаго стр. 135—136.

Между тѣмъ Младановичъ и другіе экономическіе урядники въ Умани, желая вмѣстѣ оказать помощь конфедерации и исполнить формально распоряженія Потоцкаго, отправили милицію въ лагерь къ Синюхѣ, приказавъ командовавшимъ ею полковникамъ шляхтичамъ зорко слѣдить за поведеніемъ козаковъ вообще и въ особенности за дѣйствіями Гонты; затѣмъ они принялись весьма усердно готовить вооруженіе предположенной шляхетской милиціи. Они обложили всѣхъ крестьянъ Уманщины тяжелымъ налогомъ и за полученныя деньги стали пріобрѣтать оружіе и заготовлять мундиры: бѣлые жупаны, зеленыя шапки и куртки. Къ Младановичу стали сѣзжаться мѣстные шляхтичи на секретныя совѣщанія, являлись какія-то таинственныя лица для интимныхъ переговоровъ, по ночамъ въ экономическіе магазины привозили запасы оружія, сѣделъ и т. п. ¹⁾

Хотя всѣ эти приготовленія дѣлались въ тайнѣ, но слухи объ нихъ дошли до Потоцкаго и послѣдній рѣшился отправить довѣренное лицо для повѣрки дѣйствій своихъ управляющихъ; выборъ его, впрочемъ, сдѣланъ былъ весьма неудачно. Въ Умань явился, въ качествѣ уполномоченнаго воеводы, белзскій мечникъ Цѣсельскій, человѣкъ, по словамъ современника, „весьма видной наружности, но скудный умомъ, лишенный храбрости и самостоятельности“. Цѣсельскому поручено было: провѣрить расходы и не допустить растраты денегъ управляющими на предметы не разрѣшенные владѣльцемъ. Пріѣхавъ въ Умань, Цѣсельскій немедленно подчинился вліянію Младановича и окружавшей его шляхты; вмѣсто того, чтобы удержать ихъ отъ дѣйствій въ пользу конфедерации, онъ сообщилъ имъ подробности о сношеніяхъ воеводы съ Гонтою и о томъ, что послѣдній сообщаетъ Потоцкому свѣдѣнія о ихъ поступкахъ ²⁾.

Извѣстіе это крайне взволновало шляхтичей: губернаторъ Младановичъ, главный кассиръ Рогашевскій и полковникъ милиціи Обухъ давно уже косились на Гонту, завидуя милости и довѣрію къ нему

¹⁾ Зап. Кребсъ, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 79; зап. Мошинскаго, стр. 139.

²⁾ Зап. Мошинскаго, стр. 137.

Потоцкаго и негодуя на то независимое отъ нихъ, самостоятельное и обезпеченное положеніе, котораго успѣлъ достигнуть козацкій сотникъ. Давно ихъ коробило отъ необходимости обращаться съ хлопомъ, какъ съ равнымъ себѣ урядникомъ; теперь, узнавъ, что Гонта противудѣйствуетъ ихъ конфедерацкимъ замысламъ и служить органомъ непонятныхъ для нихъ намѣреній воеводы, они рѣшились изобресть всевозможныя мѣры для того, чтобы уронить его въ глазахъ владѣльца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвиненія, и шляхтичи занялись этимъ весьма усердно. Они начали съ того, что уговорили Цѣсельскаго сдѣлать представленіе Потоцкому о томъ, что Гонта получаетъ вознагражденіе не по заслугамъ, что уманская касса терпитъ значительный уронъ, вслѣдствіе отдачи ему въ пользованіе двухъ богатыхъ селъ, и что было-бы справедливо, отнявъ у него эти села, назначить ему въ качествѣ сотника жалованье въ 100 злотыхъ, (т. е. 15 р.) въ годъ, которые болѣе чѣмъ достаточны для содержанія хлопа ¹⁾). Вслѣдъ за тѣмъ Младановичъ сталъ вызывать и тщательно собиралъ всевозможные доносы на сотника. Въ доносчикахъ не оказалось недостатка: нѣсколько евреевъ уманскихъ сообщили Цѣсельскому, будто въ лагерѣ Гонта уговариваетъ козаконъ вступить въ сношенія съ гайдамаками, но что въ осуществленіи этого намѣренія помѣшалъ ему скончавшійся недавно въ лагерѣ-же сотникъ Дашко, который будто сказалъ: „я не согласенъ, ибо семь недѣль будетъ вашего господства, а потомъ въ теченіи семи лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“ ²⁾). Получивъ этотъ доносъ, Цѣсельскій хотѣлъ было судить Гонту и приговорить къ висѣлицѣ; но другіе шляхтичи сообразили недостаточность уликъ и удержали его отъ рѣшительныхъ шаговъ, въ надеждѣ на болѣе вѣское обвиненіе. Новый доносъ, болѣе серьезный, не замедлилъ явиться; его прислалъ въ началѣ мая изъ лагеря полковникъ Обухъ. Онъ извѣщалъ, что Гонта по ночамъ уѣзжаетъ изъ лагеря въ свои села и тамъ проводитъ время въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ какими-то „заграничными особами“. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Умани извѣстили Обуха, что сообщенія его не достаточны для того, чтобы

¹⁾ Зап. Моцинскаго, стр. 138.

²⁾ Зап. Моцинскаго, стр. 139.

казнить Гонту, и посовѣтовали болѣе тщательно слѣдить за нимъ, пресѣчь ему всякую возможность тайно споситься съ посторонними лицами и, главное, стараться поймать въ располхъ и арестовать „заграничныя особы“, буде таковыя появятся. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты Обухомъ, но онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; нѣсколько дней спустя, въ лагерь козацкій пріѣхали какія-то духовныя лица изъ Кіева и заявили желаніе посѣтить Гонту. Обухъ распорядился немедленно арестовать ихъ, обыскать и доставить подъ сильнымъ карауломъ въ Умань вмѣстѣ съ найденными при нихъ бумагами. Узнавъ о случившемся, Младановичъ вызвалъ въ Умань Гонту, въ полной увѣренности, что напелъ достаточныя улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовныя арестованныя лица вовсе не занимались политикою; найденныя при нихъ бумаги заключали лишь полемическія разсужденія, направленныя противъ уніи, сѣтованія о томъ, что польское правительство воспрещаетъ православнымъ жителямъ Украины ходить на поклоненіе въ кіевскія пещеры и, наконецъ, письмо какого-то духовнаго лица къ Гонтѣ, заключавшее исключительно заявленія дружескихъ чувствъ. Конечно, на основаніи всего найденнаго нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно въ виду расположенности къ нему Потоцкаго. Младановичъ напелся въ затруднительномъ положеніи: чтобы выйти изъ него, онъ далъ пиръ въ честь Гонты, объяснилъ все дѣло недоразумѣніемъ Обуха и, вступивъ съ заподозрѣннымъ сотникомъ въ интимную бесѣду, предложилъ ему: или искренно поклясться въ вѣрности шляхтѣ, или сложить съ себя чинъ сотника и оставить милицію. Гонта отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ ни оставлять военной службы, ни нарушать вѣрности къ воеводѣ Потоцкому. На томъ противники и прекратили переговоры. Младановичъ, чувствуя поражение, отпустилъ Гонту съ честью въ лагерь, приказавъ тѣмъ не менѣе полковникамъ Обуху и Магнушевскому продолжать тщательный за нимъ надзоръ¹⁾.

Таковы были отношенія Гонты въ Уманщинѣ въ маѣ 1768 года, когда неожиданное событіе прервало сѣтъ шляхетскихъ интригъ противъ ненавистнаго имъ сотника. Въ концѣ мая въ Умань пришли

¹⁾ Зап. Павла Младановича, стр. 79—80.

первыя вѣсти о появленіи гайдамаковъ у Чигрина, но первоначально власти не обратили на эти слухи особеннаго вниманія; гайдамацкіе отряды, болѣе или менѣе крупныя, каждую весну появлялись въ Украинѣ и тревожили шляхтичей, но покушаться на болѣе сильно укрѣпленные города не дерзали. Въ числѣ украинскихъ крѣпостей Умань считалась сильнѣйшею: городъ былъ окруженъ ровомъ и валомъ съ палисадомъ; внутри его экономическій дворъ, устроенный въ видѣ цитадели, имѣлъ особыя укрѣпленія; двое городскихъ воротъ и валы кругомъ города были снабжены численною артиллеріею; наконецъ, гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Ленарта и надворная козацкая милиція представляли силы слишкомъ внушительныя для летучихъ гайдамацкихъ отрядовъ. Но на этотъ разъ тревожныя вѣсти вскорѣ стали принимать необычныя размѣры: гайдамацкій набѣгъ ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское возстаніе. Небольшой отрядъ Желѣзняка, заключавшій въ себѣ при первомъ появленіи только 18 человекъ, росъ по часамъ и мгновенно почти охватилъ весь юго-восточный уголь Киевщины, направляясь медленно къ западу; шляхта и евреи въ тревогѣ бѣжали подъ защиту крѣпостей: Бѣлой-Церкви, Лысянки и особенно Умани. Въ виду возрастающей паники, Младановичъ счелъ наконецъ нужнымъ въ началѣ іюня принять болѣе серьезныя мѣры предосторожности: онъ приказалъ запереть городскія ворота и не пропускать въ городъ никого безъ тщательнаго осмотра, отправилъ довѣренныхъ лицъ въ Бендеры для закупки у турецкаго паши пороха и ядеръ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, кругомъ города разставилъ стражу ¹⁾ и наконецъ рѣшился пустить въ дѣло козацкую милицію. Младановичъ призвалъ ее изъ лагеря въ Умань и приказалъ всему полку на рынокѣ принести присягу на вѣрность владѣльцу, послѣ-же ея исполненія, онъ призвалъ къ себѣ полковниковъ: Обуха и Магнушевскаго и сотниковъ: Гонту, Уласенка и Ярему и, угощая ихъ усердно, уговаривалъ не измѣнять данной присягѣ, при чемъ обращался главнымъ образомъ къ Гонтѣ; послѣдній отвѣчалъ очень краснорѣчивыми увѣреніями въ своей неизмѣнной вѣр-

¹⁾ Зап. П. Младановича, стр. 81—82. «Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 523—524.

пости владѣльцу. Вслѣдъ за тѣмъ къ Гонтѣ явилась депутація отъ уманскихъ евреевъ, поднесла ему блюдо червонцевъ и другіе богатые подарки и просила позаботиться о ихъ спасеніи. Младановичъ заключилъ пиръ увѣреніемъ, что спасеніе города и всей Украйны зависитъ отъ Гонты, и далъ приказъ козакамъ выступать въ походъ¹⁾. Для насъ кажется очевиднымъ, что во всѣхъ переговорахъ Младановича съ Гонтою обѣ стороны не досказывали вполнѣ своей мысли и въ значительной мѣрѣ скрывали ее подъ общеою среднею формулою присяги: Младановичъ, трактуя о вѣрности и требуя присяги на имя Потоцкаго, подразумѣвалъ вѣрность Рѣчи Посполитой, шляхтѣ и возникшей въ ея средѣ конфедераціи. Гонта, съ своей стороны, ограничиваясь строго формулою вѣрности воеводѣ, имѣлъ въ виду исключительно личность послѣдняго и, на основаніи бывшей переписки, могъ чувствовать себя совершенно не связаннымъ по отношенію къ шляхтѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ конфедератамъ. Между тѣмъ обѣ стороны считали неудобнымъ открывать другъ другу вполнѣ свои побужденія и кружились въ заколдованномъ кругу недомолвокъ и взаимнаго недовѣрія. По крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить и ту легкость, съ которою Гонта повторялъ требуемую присягу, и то недовѣріе, съ которымъ принималась присяга Младановичемъ, и ту нерѣшительность, вслѣдствіе которой онъ не осмѣлился принять сколько нибудь серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Гонтѣ, не смотря на постоянно осаждавшія его подозрѣнія.

Выступивъ изъ Умани, козацкая милиція пошла по направленію къ Звенигородѣ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Желѣзнякъ взялъ Смѣлу и оттуда идетъ на Умань. Между тѣмъ количество бѣглецовъ, искавшихъ спасенія въ Умани, увеличивалось все болѣе и болѣе; они уже не мѣстились въ городъ и расположились лагеремъ за его чертою; въ лагерѣ этомъ насчитывали до 6,000 шляхтичей, евреевъ и слугъ; между ними постоянно носились тревожныя вѣсти и паника быстро возрастала. На третій день послѣ выступленія изъ города милиціи, къ Младановичу явилась депутація изъ лагеря и сказала, что шляхтичи имѣютъ вѣрное из-

¹⁾ Зап. Липпомана, стр. 16—17; Зап. Павла Младановича, стр. 81; Зап. Тучапскаго, стр. 126; Зап. Кребсъ, стр. 19; Зап. Мощинскаго, стр. 140.

вѣстіе о соединеніи Гонты съ Желѣзнякомъ у Звенигородки. Потому шляхтичи совѣтуютъ, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

„Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Младановичъ, не потому что Гонта въ милости у пана, а потому, что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сейчасъ пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ пріѣхать въ Умань“.

Сотники явились. Младановичъ публично повелъ разговоръ съ Гонтою и объявилъ ему, что получено извѣстіе объ его сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Гонта, не вступавшій еще въ эти сношенія, по предположенію Липпомана, отрицалъ фактъ и требовалъ очной ставки съ обвинителемъ; но никто не явился, и Младановичъ замялъ дѣло и пригласилъ сотниковъ еще разъ принести присягу въ вѣрности.

„Послѣ этой церемоніи, говоритъ Кребсъ, я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услышавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ-бы, что Гонта о томъ только и думаетъ, какъ-бы усилить къ себѣ расположеніе воеводы“¹⁾. Того-же дня сотники опять уѣхали къ войску и въ городѣ настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими извѣстіями о приближеніи гайдамаковъ къ Умани. Гроза дѣйствительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили въ ней шляхтичей; лысянская козацкая милиція присоединилась къ нимъ, и они направились на Умань; въ уманскую волость они вступили съ сѣверо-востока, перебили шляхтичей въ мѣстечкѣ Букахъ и въ окружающихъ селахъ и направились къ мѣстечку Соколовкѣ. На пути Желѣзнякъ разглашалъ, будто онъ предпринялъ походъ на основаніи указа императрицы, что онъ пришелъ возстановить козачество, въ томъ числѣ и древній уманскій полкъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ пановъ изъ Украины, Подоли и Волыни и т. п.²⁾. Послѣ занятія гайдамаками Соколовки, къ мѣстечку подступила и уманская милиція и остановилась вблизи его на ночлегъ; здѣсь только, по всему вѣроятію, между Желѣзнякомъ и Гонтою открылись переговоры. Полеовникъ

¹⁾ Зап. Кребсъ, стр. 19—20; Зап. Липпомана, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 82.

²⁾ Зап. Липпомана, стр. 20; «Кіевская Старина», I, стр. 522.

Магнушевскій, объѣзжая ночью разставленные имъ вокругъ лагера пикеты, узналъ, что они были сняты по приказанію Гонты: онъ отправился въ палатку своего товарища Обуха, рассказалъ ему замѣченный фактъ и предложилъ немедленно застрѣлить спящаго Гонту, но Обухъ воспротивился этому, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Потоцкимъ; между тѣмъ сотники Гонта и Уласенко успѣли войти въ сношенія съ Желѣзнякомъ ¹⁾. Мы не находимъ въ мемуарахъ указанія на побужденія, которыми руководился Гонта, рѣшившись примкнуть къ движенію Желѣзняка; конечно, слухи о мнимой грамотѣ императрицы были слѣшкомъ наивны, чтобы могли сдѣлать на него впечатлѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Липпоманъ ²⁾, трудно также предполагать, чтобы инструкціи, данныя Гонтѣ Потоцкимъ, могли его побудить къ участію въ гайдамачествѣ; Потоцкій могъ ему предписывать уклоняться отъ участія въ конфедераціи, можетъ быть приказывалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ или соединиться съ русскими войсками, но онъ не могъ предвидѣть движенія Желѣзняка и тѣмъ менѣе не могъ желать разоренія центрального города своихъ помѣстій и истребленія проживавшей въ нихъ шляхты. Очевидно, другія побужденія руководили Гонтою; скорѣе всего можно допустить, что въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ онъ убѣдился, что послѣдній поднималъ возстаніе во имя осуществленія завѣтныхъ народныхъ идеаловъ: возстановленія козачества, изгнанія пановъ и истребленія уни и счелъ своимъ долгомъ примкнуть къ общенародному дѣлу.

На слѣдующее утро послѣ ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли изъ мѣстечка по направленію къ Уманн, на встрѣчу имъ шли уманскіе козаки; но на пути они остановились по приказанію сотниковъ и послѣдніе обратились къ полковникамъ - шляхтичамъ, прямѣрно съ слѣдующею рѣчью: „можете паны уѣхать прочь, мы не нуждаемся болѣе въ вашемъ присутствіи, совѣтуемъ вамъ: бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей“. Затѣмъ сотники объявили, что кто желаетъ изъ козаковъ, можетъ удалиться

¹⁾ Зап. Липсмана, стр. 21; Зап. Мощинскаго, стр. 140—141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

²⁾ Зап. Липпомана, стр. 21.

вмѣстѣ съ полковниками. Обухъ и Магнушевскій быстро отбѣжали въ сторону и направились къ русской границѣ, которой достигли не безъ большой опасности; всѣ же козаки подъ предводительствомъ Гонты соединились съ ополченіемъ Желѣзняка и вмѣстѣ направились къ Умани ¹⁾).

Между тѣмъ въ городѣ въ теченіи четырехъ дней не было все извѣстій ни о движеніи гайдамаковъ, ни о дѣйствіяхъ уманской милиціи. Наконецъ 18 іюня около 11 часовъ дня, изъ башни экономическаго двора замѣтили приближавшійся полкъ уманскихъ козаковъ; вслѣдъ за нимъ шло ополченіе Желѣзняка. Оба остановились въ виду города, Гонта и Желѣзнякъ дружелюбно приветствовали другъ друга и оба войска, соединившись, бросились на таборъ, расположенный внѣ городскихъ укрѣпленій, и стали истреблять находившихся въ немъ шляхтичей ²⁾). Губернаторъ Младановичъ совершенно растерялся; въ городѣ водворилась анархія и безпорядокъ; кое-какія мѣры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Ленарта и землемѣра Шафранскаго, служившаго нѣкогда въ арміи Фридриха II: они вооружили, чѣмъ попало, дворянъ, слугъ, евреевъ и учениковъ базилианскаго училища, размѣстили ихъ за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшимъ. Перестрѣлка продолжалась въ теченіи 30 часовъ; но средства осажденных быстро изсякли. Въ слѣдующее утро Шафранскій заявилъ Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притомъ въ городѣ не было воды, колодезь, начатый за нѣсколько дней назадъ, на глубинѣ 30 сажень, наткнулся на свалу, но воды въ немъ не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медомъ, вишневою и виномъ, отъ которыхъ хмѣлѣли и увеличивали безпорядокъ; сверхъ того ночью изъ города сбѣжали къ Гонтѣ всѣ солдаты гарнизона, экономическіе слуги и арестанты, содержавшіеся въ экономической тюрьмѣ, и выпущенные на волю милиціонерами ³⁾). Получая эти

¹⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 127; Зап. Мощинскаго, стр. 141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

²⁾ Зап. Липпожана, стр. 25—26; Зап. Младановича, стр. 83—84; Зап. Кребсъ, стр. 20—21; Зап. Мощинскаго, стр. 141—142; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

³⁾ Зап. Липпожана, стр. 26—27; Зап. П. Младановича, стр. 83—85; Зап. Тучапскаго, стр. 128; Зап. Кребсъ, стр. 21—22; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

неутѣшительныя извѣстія, Младановичъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ защиты и еще ночью уговорилъ купцевъ евреевъ отправить Гонтѣ и Желѣзняку въ подарокъ нѣсколько возовъ дорожныхъ матерій и начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи. Предводители гайдамаковъ приняли подарки, но переговоры отложили до утра ¹⁾). На слѣдующій день Гонта, привязавъ бѣлый платокъ къ копыю, подѣхалъ къ воротамъ и предложилъ возобновить переговоры объ условіяхъ сдачи; онъ требовалъ, чтобы Младановичъ вышелъ къ нему лично и приказалъ-бы отереть ворота; разтеравшійся губернаторъ исполнилъ это требованіе, онъ пошелъ къ воротамъ на встрѣчу Гонтѣ въ сопровожденіи мѣщанъ, несшихъ хлѣбъ и соль. У воротъ произошла беспорядочная сцена, различно рассказываемая мемуаристами. Изъ сопоставленія сообщаемыхъ ими извѣстій, весьма впрочемъ противурѣчивыхъ въ частностяхъ, несомнѣнно то, что вслѣдствіе анархіи, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернаторъ Младановичъ, капитанъ Ленартъ, кассиръ Рогашевскій, корунжій Марковскій и друг. вышли на встрѣчу Гонтѣ, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Желѣзнякъ въ сопровожденіи козацкой старшины въѣзжали въ нихъ, одни шляхтичи пытались было вступить въ переговоры, другіе прерывали ихъ бранью, иные порывались палить изъ пупекъ, другіе отталкивали ихъ и ложились на пушки. Младановичъ, хотѣвшій было предложить Гонтѣ условія, не могъ говорить среди шума; исполненный досады и отчаянія, онъ обратился къ шляхтѣ: „помышляйте-же сами о себѣ, я иду въ церковь и предаю себя Господу!“ и затѣмъ ушелъ къ костелу ²⁾). Между тѣмъ, пока шляхтичи ссорились и шумѣли, вслѣдъ за старшиною вошла въ городъ толпа народа и разсыпалась по улицамъ; началась кровавая расправа, извѣстная подъ именемъ „Уманской рѣзни“. Мы не станемъ передавать подробностей этого дѣла, изобильно рассказанныхъ всѣми мемуаристами, а остановимся лишь на тѣхъ фактахъ, кото-

¹⁾ Зап. Мощинскаго, стр. 142—143.

²⁾ Зап. Липомана, стр. 27—29; Зап. П. Младановича, стр. 85—86; Зап. Тучапскаго, стр. 128—130; Зап. Мощинскаго, стр. 142—143; «Кіевская Старина», I, стр. 525.

рые относятся лично къ Гонтѣ и очерчиваютъ его отношеніе къ излишества́мъ народной мести. Не смотря на то, что факты эти мы въ состояніи заимствовать исключительно изъ источниковъ крайне непріязненныхъ для Гонты и желающихъ свалить по преимуществу на него отвѣтственность за варварскія убійства, происходившія въ Умани, всматриваясь въ передаваемые мемуаристами данныя, мы видимъ въ дѣйствіяхъ Гонты гораздо болѣе желанія смягчить расправу, чѣмъ усилить ее, и во многихъ случаяхъ онъ очевидно прибѣгаетъ къ всевозможнымъ компромисамъ и хитростямъ для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву отъ ярости народнаго озлобленія; онъ старается оттянуть время, дѣлаетъ распоряженія будто грозныя для жертвъ, но въ сущности имѣвшія пѣлю спасти ихъ и т. п. Принявъ во вниманіе составъ овладѣвшаго Уманью ополченія и отношенія къ нему Гонты, мы не можемъ относить къ его личному вліянію того кроваваго характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая въ Умань, состояла изъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ всей южной Кіевщины: крестьяне эти, томившіеся долго въ тяжелой крѣпостной зависимости, раздраженные недавними событіями, направленными къ насильственному введенію уніи, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развитія не способную ни сдерживать своихъ страстей, ни подчиниться правильному руководству своихъ вождей. Притомъ, какъ ни былъ популяренъ Гонта, вліяніе его ограничивалось предѣлами Уманщины и для большинства возставшихъ крестьянъ онъ былъ чуждымъ и не авторитетнымъ. Дать направленіе движенію, сдержать чувство народной мести, онъ не имѣлъ возможности и на немъ не можетъ лежать отвѣтственность за общій характеръ событій. Чтобы уяснить его личный образъ дѣйствій, посмотримъ, на какіе факты указываютъ его враги. Самый враждебный къ Гонтѣ изъ всѣхъ мемуаристовъ, Павелъ Младановичъ, приписываетъ ему лично два убійства: кассира Рогашевскаго и своей тетки Констанціи Янкевичевой; но въ первомъ случаѣ Младановичъ противурѣчитъ самъ себя, такъ какъ онъ самъ сообщаетъ приказъ данный Гонтою о томъ, чтобы пощадить семейство Рогашевскаго, относительно-же Янкевичевой, сестра Младановича, видѣвшая ея смерть, сообщаетъ, что она была убита какимъ-то неизвѣстнымъ крестьяниномъ, въ то время, когда, въ числѣ другихъ

женщинъ ее препровождали въ церковь по приказанію Гонты ¹⁾. Затѣмъ Тучапскій утверждаетъ, что Гонта приказалъ привести къ себѣ губернатора Младановича, упрекалъ его въ утайкѣ важнаго письма, писаннаго воеводою къ Гонтѣ, и въ заключеніе нанесъ ему ударъ саблею, а затѣмъ приказалъ окружавшимъ убить его; но Павелъ Младановичъ, сопровождавшій отца во время этого разговора, ничего подобнаго не слышалъ; онъ утверждаетъ, что Гонта требовалъ отъ Младановича передачи кассы и вслѣдствіе его отказа, выдалъ его окружавшимъ козакамъ ²⁾. Кромѣ этихъ трехъ сбивчивыхъ, противурѣчивыхъ и не ясныхъ указаній, ни одинъ мемуаристъ не приводитъ ни одного не только лично Гонтою совершеннаго убійства, но даже исходившаго отъ него смертнаго приговора, между тѣмъ какъ въ разсказахъ ихъ постоянно просвѣчиваютъ свидѣтельства объ усиліяхъ Гонты спасти какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя группы шляхтичей. Такъ Тучапскій свидѣтельствуется, что Гонта приказалъ пощадить эконома Скаржинскаго; но крестьяне, ненавидѣвшіе его за крайнюю строгость, убили его выстрѣлами изъ толпы, помимо запрета Гонты ³⁾. Младановичъ и Кребсъ разсказываютъ согласно о томъ, что, явившись въ костель, куда укрылись многіе шляхтичи и гдѣ уже началась рѣзня, Гонта приказалъ вывести изъ него нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и семейство Младановича, обѣщая спасти ихъ. Выведенныхъ изъ костела препроводили частью въ домъ мѣщанина Богатого, частью въ экономическій дворъ, ихъ сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: „не троны!“ Затѣмъ, явившись самъ въ домъ Богатого и замѣтивъ, что гайдамаки въ него врываются и обращаютъ вниманіе на спасенныхъ, онъ отвелъ Младановича въ заднюю комнату и сказалъ ему: „сиди здѣсь, будешь въ безопасности“. Желая предохранить отъ разъяренной толпы дѣтей и женщинъ уведенныхъ въ экономическій дворъ, онъ приказалъ ихъ отвести въ церковь, гдѣ священникъ прочелъ надъ ними молитву и окропилъ ихъ водою; толпѣ было сообщено, что лица эти приняли крещеніе по православному обря-

¹⁾ Зап. П. Младановича, стр. 87 и 94; Зап. Кребсъ, стр. 23.

²⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 135—136; Зап. П. Младановича, стр. 90—91.

³⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 136.

ду и что воспріемниками ихъ были Гонта и Желѣзнякъ. Мальчишка Младановича, будущаго мемуариста, Гонта поручилъ безотступному попеченію козака Шило, который его охранялъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, объявляя всѣмъ: „то лацка дитына, дарована житьемъ видъ Гонты“. Когда явились изъ одного изъ окрестныхъ селъ крестьяне, преданные семьѣ Младановичей, онъ приказалъ выдать имъ и позволилъ увести изъ Умани трое спасенныхъ дѣтей. Наконецъ когда страсти успокоились, Гонта приказалъ вывести на улицу всѣхъ, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявилъ, что жизни его не угрожаетъ болѣе опасность. Записывая послѣднюю сцену, Младановичъ прибавляетъ, что Гонта случайно замѣтилъ во время разговора лежавшіе на улицѣ трупы убитыхъ дѣтей, страшно поблѣднѣлъ и приказалъ немедленно похоронить ихъ ¹⁾.

Факты, подобные приведеннымъ, разсѣяны въ значительномъ количествѣ въ мемуарахъ и они, независимо отъ воли сообщающихъ ихъ лицъ, возстановляютъ человѣчный образъ ненавистнаго для шляхтичей уманскаго сотника.

Погромъ продолжался два дня, наконецъ страсти улеглись; нужно было приступить къ устройству края и къ продолженію начатыхъ дѣйствій. О дѣятельности Гонты въ теченіи трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за взятіемъ Умани, мы имѣемъ только весьма скудные намеки, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно обозначается направленіе къ тому порядку, который стремился осуществить возставшій народъ и его вожди. Послѣ взятія Умани только въ теченіи трехъ недѣль они имѣли возможность свободно распоряжаться въ краѣ; въ это время они приняли мѣры для того, чтобы распространить движеніе на возможно широкомъ пространствѣ: изъ крестьянъ формировали отряды и разсылали ихъ въ разныя стороны: въ Брацлавщину, на границы Подолія и Полѣсья, съ порученіемъ изгнать или истребить шляхтичей. Въ Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины, на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбѣ, провозглашены были: Желѣзнякъ гетманомъ и Гонта уманскимъ полковникомъ; (о другихъ должностныхъ лицахъ

¹⁾ Зап. П. Младановича, стр. 87—100 и 103; Зап. Кребсъ, стр. 22—24.

до насъ не дошли свѣдѣнія ¹⁾). Уманщина раздѣлена была на сотни и въ каждую отправленъ сотникъ, который долженъ былъ регулировать доставку военного контингента и завѣдывать сборомъ провіанта и податей, въ этомъ смыслѣ разосланы были по селамъ указы за подписью Гонты ²⁾). Уніатскимъ священникамъ предписано было или оставить приходы, или присоединиться къ православію, испросивъ у переяславскаго епископа уставныя грамоты и антимины ³⁾). Затѣмъ приступлено было къ очисткѣ города отъ труповъ; часть козацкаго войска заняла въ качествѣ гарнизона Умань, другая выведена была за городъ въ лагерь. Гонта старался поддерживать въ войскѣ бодрость духа и веселіе: онъ раздѣлилъ между козаками богатую добычу, старался о правильномъ снабженіи лагеря провіантомъ и по временамъ устраивалъ пиры съ музыкою и танцами, на которые приглашалъ безъ различія всѣхъ жителей города, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшихъ дамъ шляхетскаго сословія ⁴⁾). Не смотря на эту дѣятельность, Гонта однако сознавалъ всю трудность прочнаго водворенія козачества; онъ по временамъ былъ безпокоенъ и задумчивъ и говорилъ къ окружавшимъ: „Братья! сомнѣваюсь, пойдеть-ли въ прокъ начатое дѣло“ ⁵⁾).

Дѣйствительно сомнѣнія Гонты оправдались раньше, чѣмъ онъ полагалъ, и гроза наступила съ той стороны, откуда менѣе всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимымъ принять участіе въ водвореніи порядка въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и снабдило соотвѣтственными инструкціями генерала Кречетникова, осаждавшаго въ то время отрядъ конфедератовъ въ Бердичевѣ. Кречетниковъ отправилъ въ Умань полкъ донскихъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Гурьева ⁶⁾), съ

¹⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 137.

²⁾ Зап. Мощинскаго, стр. 145; зап. П. Младановича, стр. 103.

³⁾ «Кіевская Старина» I, стр. 528.

⁴⁾ Зап. П. Младановича, стр. 101—102; Зап. Тучапскаго, стр. 137—138.

⁵⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 138.

⁶⁾ Польскіе мемуары передають различно фамилію рускаго начальника, разсѣявшаго гайдамаковъ; его называютъ то Кречетниковъ, то Кологривовъ, то Кривой, то Нолькинъ и т. д. Имя Гурьева сохранилось только въ Запискахъ Мощинскаго, затѣмъ оно подтверждается официальнымъ рапортомъ Враницкаго королю, отъ 10 іюля. Зап. Мощинскаго, стр. 145. Gumplowicz—Konfederacja Barska, стр. 38.

порученіемъ усмирить возставшихъ крестьянъ и вслѣдъ за Гурьевымъ послалъ туда-же отрядъ пѣхоты. Гурьевъ, прибывъ къ Умани и расположившись рядомъ съ лагеремъ Желѣзняка; онъ вступилъ въ пріятельскія отношенія съ предводителями возстанія, посѣщалъ часто Гонту и Желѣзняка, предлагалъ имъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ конфедератовъ, обѣщалъ свою помощь для изгнанія шляхты изъ Волны и давалъ совѣты относительно устройства войска и введенія правильнаго военнаго порядка. Дружелюбныя отношенія продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока Гурьевъ не былъ извѣщенъ, что въ подкрѣпленіе ему приближается полкъ пѣхоты. Узнавъ объ этомъ, онъ устроилъ пиръ для всего войска и приказалъ донцамъ усердно угощать украинцевъ и въ то же время незамѣтно овладѣть складомъ ихъ оружія и угнать ихъ лошадей; между тѣмъ подходящая пѣхота окружала цѣпью веселившійся лагерь. Среди этихъ приготовленій Гонты, Желѣзнякъ и другіе козацкіе старшины приглашены были въ палатку Гурьева, откуда, по условію, они должны были отправиться погостить въ домъ Гонты въ Росопки. Вдругъ, Гурьевъ, бесѣдовавшій дружелюбно съ своими посѣтителями, подалъ условный знакъ и въ палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, въ ту же минуту пѣхота сомкнула цѣпь и вмѣстѣ съ донцами бросилась на пировавшихъ козаковъ. ихъ хватали въ распахъ, вязали, забивали въ кандалы; многіе успѣли бѣжать, другіе пытались защищаться, но были подавлены ¹⁾. Къ утру лагерь украинцевъ уже не существовалъ и 900 плѣнниковъ находилось во власти Гурьева ²⁾.

Такимъ образомъ исполнено было приказаніе данное Гурьеву. Правительство, отъ котораго оно исходило, руководилось конечно соображеніями высшей политики, болѣе или менѣе просвѣчивающими въ перепискѣ Румянцева съ Паниномъ и коллегією иностранныхъ

¹⁾ Зап. Липомана, стр. 42—45; Зап. П. Младановича, стр. 107—111; Зап. Тучапскаго, стр. 141—143; Зап. Кребсь, стр. 28—30; Зап. Моцинскаго; стр. 145—148.

²⁾ Изъ росписки коменданта кievской крѣпости Лбова, мы знаемъ, что онъ принялъ 68 плѣнниковъ, присланныхъ Гурьевымъ; въ рапортѣ Браницкаго королю показано число плѣнныхъ, переданныхъ Гурьевымъ въ распоряженіе польскихъ властей—846.

дѣлъ, и имѣло свои основанія принять данный образъ дѣйствія; но въ самыхъ приемахъ усмиренія возставшихъ крестьянъ не менѣ замѣтны личное настроеніе и точка зрѣнія русскихъ офицеровъ, исполнявшихъ приказанія правительства. Донской полковникъ Гурьевъ и прибывшіе вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія въ Умань генералы Кречетниковъ и Подгоричанинъ относятся къ плѣннымъ крестьянамъ и козакамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ и напротивъ заявляютъ весьма нѣжную симпатію къ шляхтичамъ; они какъ будто не сознаютъ, что возставшіе крестьяне связаны съ Россіею узами вѣры и народности, что если возстаніе и было несвоевременно и съ политической точки зрѣнія не желательно для русскаго правительства, то тѣмъ не менѣ оно исходило изъ желанія отстоять свои народныя права, опиралось на симпатію къ Россіи и прикрывалось именемъ императрицы. Русскіе офицеры не обращаютъ вниманія на все это; они видятъ въ возставшихъ лишь бунтующихъ вѣрнопостныхъ, въ шляхтичахъ—обиженныхъ дворянъ и потому, въ обращеніи съ плѣнными, они лично отъ себя прибавляютъ мѣры строгости и произвольныя наказанія, далеко не вытекавшія изъ служебныхъ обязанностей. Такъ Павелъ Младановичъ, оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ ареста Гонты, съ радостью и похвалою описываетъ подробно дѣйствія Гурьева. Онъ сообщаетъ, что сейчасъ послѣ ареста полковникъ нанесъ собственноручно сильныя побои Гонтѣ, а затѣмъ приказалъ передъ своею палаткою отсчитать по 300 ударовъ Гонтѣ, Желѣзняку и остальнымъ плѣннымъ старшинамъ. По словамъ мемуариста, наказаніе этимъ не ограничилось: въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока плѣнники не были сданы польскимъ властямъ, Гонта подвергался тѣлесному наказанію по три раза въ сутки; все тѣло его покрыто было язвами, говоритъ съ торжествомъ Младановичъ, и полковникъ провожалъ съѣзжавшуюся въ его лагерь шляхту, къ ямѣ, въ которой содержался Гонта, и указывалъ имъ плѣнника; сверхъ того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены въ лагерь, нѣсколько разъ наказаны публично розгами за то, что не донесли объ измѣнѣ мужа и отца, и затѣмъ отправлены въ ссылку; сынъ Гонты спасся бѣгствомъ въ Молдавію, вмѣстѣ съ сотникомъ Уласенкомъ. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младановичъ сѣтуетъ только на то, что Кречетниковъ не выдалъ его потерпѣвшимъ шляхтичамъ, а

присвоилъ себѣ въ качествѣ военной добычи ¹⁾. Мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько Младановичъ преувеличилъ рассказываемые имъ факты, но подтвержденіе общаго колорита ихъ находимъ въ Запискахъ Кребстъ; она сообщаетъ, что генераль Подгоричанинъ посѣтилъ ее въ селѣ, гдѣ она скрывалась, очень заинтересовался ея участіемъ, перевезъ въ Умань, обезпечилъ ей содержаніе и, уходя въ походъ, со слезами просилъ Кречетникова взять ее подъ свое покровительство. Утѣшая спасенную Гонтою-же дѣвушку, Кречетниковъ привелъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, въ палатку, гдѣ она увидѣла Гонту окованнаго по рукамъ и по ногамъ, лежавшаго лицомъ къ землѣ, но одѣтаго еще въ свое форменное платье уманской милиціи. „Кречетниковъ толкнулъ его палкою въ голову, Гонта приподнялся; тогда генераль, указывая на насъ, сказалъ: посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ! Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: чортъ ихъ бери! и снова уткнулся лбомъ въ землю“ ²⁾.

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго плѣна, Гурьевъ передалъ Гонту, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, уроженцами польской Кіевщины, подъ стражу отряда польскаго войска, и они были препровождены въ главную польскую военную квартиру, находившуюся въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ.

Здѣсь плѣнные ожидали суда въ теченіи мѣсяца, пока начальникъ польскаго войска сносился съ королемъ и пока установилась точка зрѣнія на предстоящій процессъ ³⁾. Въ то время главнымъ начальникомъ незначительныхъ военныхъ силъ, которыми Польша располагала въ юго-западномъ краѣ, былъ ловчій коронный Ксаверій Браницкій, личный другъ короля Станислава Понятовскаго; онъ имѣлъ специальное порученіе дѣйствовать противъ конфедератовъ; съ этою цѣлью онъ расположилъ свои небольшія силы вдоль по теченію Днѣстра, для того, чтобы пресѣчь сношенія конфедератовъ съ Молдавіею, гдѣ находились въ то время конфедератскіе на-

¹⁾ Зап. Павла Младановича, стр. 111—114.

²⁾ Зап. Кребстъ, стр. 27—28.

³⁾ Gumpłowicz—Konfederacja Barska. Стр. 38, 68. Браницкій извѣщаетъ короля 10 іюля о присылкѣ Гурьевымъ плѣнныхъ и только 13 августа посылаетъ рапортъ объ ихъ казни.

чальники и резервы, и куда укрывались партіи конфедератовъ послѣ каждаго пораженія. Былъ-ли Браницкій исключительно занятъ своимъ дѣломъ, или считалъ свои силы слишкомъ слабыми, или, можетъ быть, полагалъ, что крестьянское возстаніе, грозное для конфедератовъ, случилось на руку для польскаго правительства, во всякомъ случаѣ онъ не тронулся съ мѣста при вѣсти о народномъ возстаніи и не принялъ никакихъ мѣръ для его подавленія. Между тѣмъ теперь, совершенно противъ воли, ему пришлось стать судьей плѣнныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ дошедшей до насъ переписки Браницкаго съ королемъ, онъ былъ человѣкъ для своего времени либеральный и гуманный, не раздѣлялъ фанатическихъ и эксклюзивныхъ воззрѣній шляхты и, по врожденной мягкости права, чувствовалъ отвращеніе отъ жестокой расправы. Роль уголовного военного судьи претила ему и онъ старается смягчить ее, по мимо напора общественнаго шляхетскаго мнѣнія. Въ письмѣ къ королю отъ 10 іюля, извѣщая о присланныхъ плѣнникахъ, онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои взгляды и свое положеніе въ этомъ дѣлѣ: „Здѣсь господствуетъ всеобщая радость: окрестные помѣщики и евреи постоянно меня осаждаютъ, совѣтуютъ четвертовать, жечь, сажать на колъ, вѣшать безъ милосердія, только и слышу: „казни! распни!“ Я объясняю, что только часть виновныхъ прикажу казнить, остальныхъ-же отправлю для крѣпостныхъ работъ и для устройства мостовыхъ въ городахъ; но они продолжаютъ настаивать. Въ другое время я не сталъ-бы ихъ и слушать, но теперь я долженъ дѣлать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунтъ произошелъ по нашему наущенію; тѣ лица, которыя бѣжали толпами за границу при появленіи двухъ-трехъ гайдамаковъ, теперь, видя ихъ въ плѣну, проявляютъ неимовѣрное рвеніе и мужество и добиваются чести быть палачами; совѣтуютъ мнѣ, по примѣру Потоцкаго ¹⁾, перерѣзать поголовно, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, тѣ села, которыя были причастны въ бунту; напрасно я поставляю имъ на видъ, что въ слабо населенной области нельзя истреблять населенія... Я намѣренъ поступить такъ: нѣкоторыхъ гайдамаковъ прикажу казнить для удовольствія господъ помѣ-

¹⁾ Это упоминаніе относится къ гетману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянскій бунтъ въ Брацлавщинѣ въ 1702 году.

щиковъ, остальныхъ-же (а ихъ наберется болѣе тысячи) отправлю для исполненія крѣпостныхъ и городскихъ работъ въ Каменецъ, Львовъ и вашей королевской милости въ Уяздовъ¹⁾). Король одобрилъ въ принципѣ челоуѣволюбивый взглядъ Браницкаго, но замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни войска для охраны многочисленныхъ плѣнниковъ, ни денегъ для ихъ прокормленія, затѣмъ обѣщалъ постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкаго, онъ наконецъ отвѣтилъ: „мысль объ обращеніи плѣнныхъ хлоповъ къ исполненію работъ общественныхъ и моихъ частныхъ прекрасна, но возможна при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не теперъ . . . если вамъ впредь будутъ попадаться плѣнники изъ бунтующихъ крестьянъ, то прикажите одному изъ десяти отрубить по одной ногѣ и по одной рукѣ и всѣхъ выпускайте. Эта мѣра устрашитъ ихъ болѣе, чѣмъ смертная казнь; въ доказательство ея пользы есть примѣры въ прошедшемъ“²⁾).

Такимъ образомъ рѣшена была участь плѣнныхъ. Браницкій, уступая общественному мнѣнію шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначилъ военносудную комиссію; послѣдняя опредѣлила 700 челоуѣкъ повѣсить въ различныхъ селахъ и городахъ юго-западнаго края; предводители-же подверглись „для примѣра, жесточайшей казни“, по выраженію Браницкаго; послѣдній все таки помиловалъ нѣсколько сотъ челоуѣвъ, отправивъ ихъ на работы въ каменецкую и львовскую крѣпости. „Пусть доброта вашей королевской милости извинить мнѣ это ослушаніе его воли, пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 13 августа, но я не могу вынести мысли о томъ, чтобы казнить смертью столько людей изъ за того только, что намъ нечѣмъ прокормить ихъ“³⁾).

Въ числѣ начальниковъ, казенныхъ „жесточайшимъ образомъ для примѣра“; конечно, первое мѣсто занималъ Гонта. Приговоръ комиссіи присудилъ его къ слѣдующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; въ теченіи первыхъ десяти палачъ долженъ ежедневно снять съ его спины полосу кожи, въ 11-й день отрубить

¹⁾ Gumpłowicz, стр. 38—39. Уяздовъ—вилла въ окрестности Варшавы, гдѣ король тогда строилъ дворецъ и заводилъ паркъ.

²⁾ Ibid. стр. 41—42, 49—50, 58 и 74.

³⁾ Ibid. стр. 68.

обѣ ноги, въ 12-й обѣ руки, въ 13-й вырвать сердце и наконецъ въ 14-й отрубить голову. Затѣмъ части его тѣла должны быть прибиты къ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ 14 городахъ Украины ¹⁾). Браницкій смягчилъ этотъ приговоръ тѣмъ, что приказалъ обезглавить Гонту на третій день и продолжать исполненіе дальнѣйшей казни на трущѣ. Затѣмъ, не будучи въ состояніи выносить этого зрѣлища, онъ уѣхалъ изъ лагеря въ Каменецъ, откуда и послалъ рапортъ королю ²⁾).

О послѣднихъ минутахъ Гонты осталось нѣсколько характеристическихъ разсказовъ. Младановичъ сообщаетъ, что Браницкій дозволилъ нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ напутствовать его передъ смертью ³⁾). Тучапскій говоритъ, что „Гонта перенесъ справедливую казнь съ полною рѣшимостью и приготовился къ ней надлежащимъ образомъ“ ⁴⁾). Охоцкій, со словъ очевидцевъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Гонта вышелъ на мѣсто казни съ лицомъ веселымъ и спокойнымъ, будто онъ шелъ къ куму на крестины. Палачъ оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лице гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: „Отъ говорили, що буде болиты,—а ни кришки не болить!“—Удивительная сила воли!—въ другомъ положеніи человѣкъ этотъ несомнѣнно могъ-бы совершить великія дѣла“ ⁵⁾). Наконецъ неизвѣстный шляхтичъ, частью записокъ котораго мы пользуемся въ рукописи, передаетъ со словъ офицера, присутствовавшего при казни, слѣдующую черту, свидѣтельствующую о томъ, что самообладаніе и даже юморъ не оставили Гонту до послѣдней минуты: „Плѣнника сторожилъ по ночамъ одинъ изъ товарищей панцырной хоругви. Послѣ прочтенія приговора, на канунѣ казни, товарищъ этотъ, подозрѣвавшій, что Гонта припряталъ кое-что изъ добычи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Панъ полковникъ! завтра

¹⁾ По свидѣтельству Младановича много лѣтъ спустя видѣлся еще черепъ Гонты, прибитый къ висѣлицѣ у города Могилева, стр. 115.

²⁾ Зап. П. Младановича, стр. 115; Зап. Тучапскаго, стр. 145; Зап. Кребсъ, стр. 31; Зап. Мощинскаго, стр. 149. Рукописныя записки анонима.

³⁾ Зап. П. Младановича, стр. 115.

⁴⁾ Зап. Тучапскаго, стр. 145.

⁵⁾ Зап. Охоцкаго, т. I, стр. 108.

все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память не богатому воину, который проводить съ вами послѣднія минуты?“ — „Охотно, отвѣчалъ Гонта, напомните мнѣ завтра, я вамъ подарю поясъ“. Товарищъ всю ночь мечталъ о богатомъ поясѣ изъ златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели изъ темницы, онъ обратился къ нему: „панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!“ — „Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою, — первая полоса кожи¹⁾, которую снимутъ съ меня, пусть служить вамъ поясомъ!“

Полагаемъ, что такое полное хладнокровіе и самообладаніе въ виду мучительной варварской казни могъ сохранить только человекъ глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ чистотѣ руководившихъ имъ принциповъ и побужденій. Судя по намекамъ мемуаристовъ, такое-же представленіе о Гонтѣ присунце было всему народу. Младановичъ утверждаетъ, что послѣ казни Гонты многие друзья его въ Уманщинѣ кончили жизнь въ отчаяніи самоубійствомъ²⁾. Имя его долго хранилось въ памяти народа и служило символомъ освобожденія изъ панской неволи; и на Волини въ 1789 году и въ Уманщинѣ въ 1826 г., когда между крестьянами зарождались неосновательные слухи объ изгнаніи пановъ, въ числѣ ихъ появлялось неизмѣнно извѣстіе о томъ, будто руководителемъ движенія будетъ сынъ Гонты, скрывающійся гдѣ-то „на Волощинѣ“.

В. Антоновичъ.

¹⁾ По польски *pas* означаетъ и поясъ и полоса кожи.

²⁾ Зап. Младановича, стр. 116.

Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

(Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.).

Языкъ всегда привлекалъ вниманіе мыслящаго человѣка своимъ загадочнымъ, чудеснымъ устройствомъ. Не чудесно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ посредствомъ разнообразныхъ комбинацій немногихъ звуковъ называетъ тысячи предметовъ, которые видитъ вокругъ себя, рассказываетъ объ ихъ свойствахъ, движеніи и перемѣнахъ и даже сообщаетъ другимъ то, что самъ думаетъ и чувствуетъ, при чемъ другіе понимаютъ его? Какая чудесная сила скрыта въ этихъ звуковыхъ знакахъ? Какъ появились эти знаки, которые мы называемъ словомъ? Что такое человѣческое слово?

Я не хочу утомлять васъ теоретическимъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ. Не мѣсто и не время здѣсь заниматься предметомъ, о которомъ легко говорить языкомъ учебника, но не легко мыслить безъ колебаній и сомнѣній въ виду разныхъ теорій о происхожденіи и сущности человѣческаго слова. Я имѣю въ виду обратить вниманіе ваше на ту сторону поставленныхъ мною вопросовъ, которая имѣетъ прямое отношеніе къ русской школѣ и къ живому орудію ея—русскому слову. Оно звучало нѣкогда въ устахъ нашихъ предковъ, обнимая все содержаніе ихъ жизни, которая давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ степныхъ курганахъ, на городскихъ и сельскихъ кладбищахъ. Но звучитъ оно и теперь въ нашихъ устахъ, давая намъ возможность вступать въ живое общеніе съ людьми, давно уже сошедшими съ земнаго поприща. Оно переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, не позволяя заглохнуть нашему историческому самосознанію или, говоря языкомъ

Слова о полку Игоревѣ, „свивая славы оба помы сего времени“. Дорогое это наслѣдство, завѣщанное намъ предками нашими.

Какъ-же они смотрѣли на свое собственное слово? Какъ они понимали тотъ русскій языкъ, съ которымъ связаны для насъ родныя преданія старины глубокой?

Думаю, что эти вопросы не лишены живаго интереса, поэтому я избралъ предметомъ моего чтенія—старинныя возврѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

Въ давнее время человекъ видѣлъ въ словѣ вѣщую силу, которая его устами возвѣщала ему тайны жизни. Слово—не простой знакъ мысли, ибо въ звукахъ его живеть невѣдомая сила, утѣляющая печали сердца, избавляющая отъ напастей, исцѣляющая отъ недуговъ,—сила не всегда благодѣтельная, но иногда пагубная, разрушительная. Донынѣ еще не исчезла въ народѣ вѣра въ чарующее вліяніе слова, вѣра въ заклятія и заговоры.

Но и животныя произносятъ разные звуки, и у нихъ есть потребность выразить въ звукахъ то, что они чувствуютъ и чего желаютъ. Отсюда возникло представленіе о языкѣ животныхъ, въ которомъ живеть та-же вѣщая сила, что и въ человѣческомъ словѣ. По народному мировозврѣнію, есть вѣщие люди, которые понимаютъ этотъ языкъ. Понятенъ онъ бываетъ и простымъ смертнымъ тогда, когда животныя произносятъ человѣческое слово. И не только животныя, даже деревья говорятъ иногда, какъ люди. На этомъ представленіи основано множество прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіей. Я напому вамъ одинъ изъ этихъ образовъ молодой женщины, превращенной злою свекровью въ рябину. Ходилъ добрый молодецъ на охоту и ничего не нашель, кромѣ рябинушки, что безъ вѣтру мается, безъ вихру къ землѣ клонится. Пришелъ онъ домой и рассказываетъ объ этомъ своей матери. „Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда“, отвѣчаетъ ему мать, „ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую“. „Ужъ я разъ ударилъ“, говоритъ добрый молодецъ, „руда (кровь) пошла, другой ударилъ, она охнула, ужъ я въ третій разъ ударилъ, слово молвила: не рябинушку рубишь ты, а свою жену“. ¹⁾

¹⁾ Народныя рус. пѣсни Якушкина, стр. 122.

Таковы самыя давнія воззрѣнія на языкъ, не выдѣляющія чело-
вѣка изъ общей жизни природы. Они были свойственны предкамъ
предковъ нашихъ задолго до того времени, когда они назвали землю
свою русскою землею и языкъ свой русскимъ языкомъ. Это было
сравнительно позднее время, когда явилась уже потребность рѣшить
вопросъ: „откуда есть пошла русская земля“. Это была эпоха со-
ставленія начальной нашей лѣтописи, въ которой слово *языкъ* часто
употребляется, какъ синонимъ слова *народъ*: „словенску языку живу-
щую на Дунай“, говоритъ лѣтописецъ, „придоша болгаре“... Такое-же
значеніе иногда имѣетъ и слово *земля*: „се ведеть на ны (Изяславъ)
землю лядскую“... „И приѣха вся *земля* половецкая“¹⁾... Понятіе
о языкѣ еще не рѣзко выдѣлилось изъ понятія о говорящихъ из-
вѣстнымъ языкомъ и живущихъ на извѣстной землѣ.

Что-же такое былъ въ сознаніи людей того времени русский
языкъ?

„А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ“, говоритъ лѣтописецъ,
„отъ варагъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша словѣне, аще
и полане звахуса, но словѣнская рѣчь бѣ, полами же прозвахуса,
зане въ полѣ сѣдаху, языкъ словѣнский бѣ имъ одинъ“²⁾.

Теперь уже никто не раздѣляетъ мнѣнія лѣтописца о единствѣ
языковъ славянскаго и русскаго въ его время. Самый языкъ на-
чальной лѣтописи можно назвать церковно-славянскимъ только по
намѣренію, а не по исполненію. Въ немъ сквозь церковно-славян-
скую основу ярко выступаютъ особенности древне-русскаго языка
и въ звукахъ, и въ формахъ словъ, и въ построеніи рѣчи. Правда,
начальная лѣтопись дошла до насъ въ спискахъ сравнительно позд-
нихъ (XIV—XV в.); но и въ письменныхъ памятникахъ, совре-
менныхъ составителю начального свода, легко распознать цѣлый
рядъ признаковъ собственно языка русскаго. Тѣмъ не менѣе, лѣто-
писецъ съ особенною настойчивостію утверждаетъ, что „словѣнескъ
языкъ и рускый бѣ одинъ“.

Таково было убѣжденіе книжныхъ людей кievской Руси. Смо-
трѣли они на языкъ съ точки зрѣнія практической. Для нихъ было
довольно того, что церковно-славянскій языкъ болѣе или менѣе

¹⁾ Ипатскій списокъ, 122.

²⁾ Ibidem. 16.

понятенъ былъ всёмъ племенамъ славянскимъ, которыя „прозвашася Русью... а первѣе быша словѣне... тѣмъ-же и грамота прозвася словѣнская“. Нужно было такъ или иначе приладиться къ этой грамотѣ, на которой возвѣщены были великія идеи христіанства. Нужно было привыкнуть къ „ученію книжному“, чтобы разстаться со всёми привычками и понятіями язычества, которое, какъ извѣстно, не было формулировано и скрѣплено письменностію. Въ тотъ вѣкъ книжнымъ человѣкомъ назывался добрый христіанинъ, устроившій жизнь свою по новому христіанскому идеалу. Это была жизнь уединенная, подвижническая, монастырская, поэтому въ монастыряхъ книжность была предметомъ особенной заботы и почтенія. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ печерскомъ монастырѣ монахъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги, другой монахъ Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ игуменъ Θεодосій плелъ веревки для переплета книгъ. Это были новые „христіанскіе люди“, которые не могли не сознавать, что христіанству они обязаны готовымъ запасомъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Они видѣли въ христіанствѣ не только путь къ спасенію, но и путь къ просвѣщенію, которое въ тотъ вѣкъ возможно было только на языкѣ славянскомъ. Вотъ почему славянскій языкъ былъ для нихъ символомъ идей, высоко стоявшихъ надъ мелкими интересами ежедневной жизни, а также залогомъ нравственнаго союза между людьми, духовнаго братства между разрозненными племенами славяно-русскими. Отсюда стремленіе выставить на видъ родовое единство этихъ племенъ. Отсюда равнодушіе къ діалектическимъ особенностямъ языка русскаго. Они базались тогда мелочью, о которой не стоитъ говорить.

Нужно замѣтить при этомъ, что и русскій языкъ въ то отдаленное время далеко не былъ чуждъ многихъ особенностей церковно-славянскаго языка, нынѣ утраченныхъ. И теперь еще въ народныхъ русскіихъ нарѣчіяхъ сохранились нѣкоторыя древне-русскія черты, напоминающія церковно-славянскій языкъ и позабытыя литературнымъ русскимъ языкомъ. Поэтому древне-русскій писатель во многихъ церковно-славянскихъ формахъ слова узнавалъ свои собственные и вносилъ ихъ въ свою письменную рѣчь рядомъ съ церковно-славянскими и собственно русскими. Такъ образовался древне-русскій письменный языкъ, въ которомъ церковно-славянскія стихіи рѣчи

выступаютъ не вездѣ съ одинаковою рѣзвостію. Онѣ господствуютъ преимущественно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвышенныхъ предметахъ вѣры и благочестія, и ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ она спускается къ явленіямъ обыденной жизни. Часто въ этихъ случаяхъ струя народной рѣчи незамѣтно сливается съ славяно-русскою, — иногда-же она лется вольнымъ потокомъ по книжному руслу, которое образовалось подъ вліяніемъ привычки къ славянской грамотѣ. Многія страницы лѣтописей блещутъ красотою литературнаго стиля, въ которомъ народный колоритъ рѣчи отбѣняется съ особенною выразительностію именно потому, что онъ поставленъ въ соразмѣрныя отношенія къ приемамъ книжнаго изложенія. Я уже не говорю о Словѣ о полку Игоревѣ, въ которомъ эти приемы, выработанные литературной практикой, не погасили вдохновенія поэта, создавшаго изъ народныхъ красокъ чудную поэтическую картину древне-русской жизни. Правду сказалъ лѣтописецъ: „велика полза бываетъ отъ ученія книжнаго!“

Въ XIII в. кievская Русь пала подѣ ударами татаръ. Въ первой половинѣ XIV в. она вошла въ составъ литовскаго государства. Такъ прожила она подѣ чужимъ именемъ весь XV и первую половину XVI в. Мы не будемъ останавливаться на этомъ глухомъ времени, въ которое зрѣли силы, выступившія позже—въ козацкій періодъ южно-русской исторіи. Замѣтимъ только, что старыя преданія кievской культуры сохранились и въ новой бытовой и общественной обстановкѣ литовской Руси. Въ ней господствовала та-же вѣра, тотъ-же языкъ. Высшія сословія не чужды были автономическихъ стремленій, а въ народѣ не угасалъ старыи духъ вѣчевой свободы. Недоставало только новыхъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя могли-бы оплодотворить задатки старой культуры и выразиться въ литературной формѣ.

Съ двадцатыхъ годовъ XVI в. въ умственной жизни юго-западной Руси мы видимъ цѣлый рядъ явленій, которыя были плодомъ европейскаго движенія, поднятаго протестантствомъ. По слѣдамъ протестантства шло социніанское движеніе. Оно не ограничивалось критикою внѣшнихъ порядковъ католической церкви, какъ протестантство, но стремилось поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія. На Волыни и въ Украинѣ социніане свили себѣ прочныя гнѣзда, изъ которыхъ распространяли свое ученіе преиму-

щественно въ средѣ южно-русскаго дворянства. Они шли къ своей цѣли путемъ просвѣщенія, устраивая собственныя школы, путемъ печати, заводя собственныя типографіи, путемъ гласнаго обсужденія религіозныхъ мнѣній, созывая соборы и принимая живое участіе въ публичныхъ диспутахъ. Между тѣмъ для защиты католичества въ 1564 г. вызваны были въ Польшу іезуиты. Скоро распространились они по всей юго-западной Руси, дѣйствуя такъ-же путемъ школы, печати и публичной проповѣди. Нужно было за то-же оружіе взяться и православнымъ, чтобы въ общемъ броженіи религіозныхъ ученій не потерять вѣру отцевъ своихъ. Нужно было подумать о просвѣщеніи народа, чтобы выступить съ равными силами на защиту праотеческой вѣры, которая входила въ самое существо народной жизни и была, такъ сказать, хранилищемъ народнаго духа. Но какъ двинуть дѣло просвѣщенія, чтобы оно не поколебало самой этой вѣры, которая до сихъ поръ имѣла свою защиту главнымъ образомъ въ охранительномъ настроеніи народныхъ массъ? Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ не легкій вопросъ для тѣхъ людей, которые, не желая разрывать связи съ народомъ, оставались вѣрны древнему „благочестію“ и въ то-же время, не желая отставать отъ идей вѣка, увлекались просвѣщеніемъ, возникшимъ на чужой, неправославной почвѣ. Они дѣлали нерѣшительные шаги въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій выразилось въ цѣломъ рядѣ опытовъ перевода книгъ священнаго писанія, преимущественно Новаго Завѣта, на языкъ народный. Еще задолго до появленія соціаліанства въ литовской Руси явилась Библія Скюрины „людемъ посполитымъ *русскаго языка* въ пожитку“. Докторъ Скюрина былъ уроженецъ г. Полоцка и подъ русскимъ языкомъ разумѣлъ главнымъ образомъ бѣлорусскую рѣчь. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ XVI в. въ пересопницкомъ монастырѣ на Волыни трудились надъ переводомъ Евангелія „изъ азыка бѣлгарскаго на *мовоу рѣускоу*“ архимандритъ Григорій и какой-то Михаилъ, сынъ протопопа Саноцкаго. Пересопницкіе переводчики внесли въ свой трудъ южно-русскую фразеологію въ такомъ изобиліи, что изъ нея одной можно было-бы выбрать богатый матеріалъ для южно-русской грамматики XVI в. Въ прошломъ году въ кіево-михайловскомъ монастырѣ открытъ переводъ всего Новаго Завѣта, составленный Валентиномъ Невгалевскимъ въ 1581 г. на Волыни, въ

с. Хорошовъ. Переводъ сдѣланъ въ духѣ соцініанства „съ полскаго языка на *речь рускую*“ и предназначенъ для тѣхъ людей, „которые писма полскаго читати не умѣють, а языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу зъ словъ его не розумѣють“¹⁾. Кромѣ того, есть и другіе рукописные переводы Евангелія на малорусское нарѣчіе, которые до настоящаго времени совѣмъ не описаны: одно изъ нихъ хранится въ виленской публичной библиотекѣ, другое—въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, третье 1571 г. принадлежитъ частному лицу въ Житомирѣ. Есть даже печатное малорусское Евангеліе XVI в. съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, такъ называемое, тяпинское, тоже до сихъ поръ не описанное.

Въ какомъ отношеніи стоятъ эти памятники другъ въ другу? Что побуждало позднѣйшихъ переводчиковъ браться за трудъ—неудовлетворительность прежнихъ переводовъ или-же незнакомство съ ними? Какого типа были славянскіе подлинники, которыми пользовались переводчики? Въ чемъ заключается относительное достоинство переводовъ со стороны языка? Какое мѣсто занимаетъ этотъ языкъ въ исторіи малорусскаго народа?

Все это вопросы, еще не рѣшенные въ наукѣ. Судя по языку пересопницкаго Евангелія, можно сказать только, что въ XVI в. народная рѣчь рѣзко выступила съ такими особенностями, которыя едва мелькаютъ въ письменныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. По преданію, письмо осталось церковно-славянское позднѣйшей, южно-славянской редакціи. Удержаны въ переводѣ даже многія формы словъ и обороты рѣчи церковно-славянскіе, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что они сами по себѣ понятны читателю. Тѣмъ не менѣ эта церковно-славянская видимость выражаетъ уже „*мову рускую*“, въ которой сохранились многія черты древне-русской рѣчи, свойственныя и церковно-славянскому языку, но уже видоизмѣненныя и переработанныя въ духѣ южно-русской фонетики. Мы видимъ предъ собою старинное зданіе, въ которомъ живутъ новые люди, съ новыми задачами жизни, съ новыми потребностями и вкусами. Не такъ говорятъ эти люди, какъ говорили въ старину, что „языкъ словѣнескъ и русый одинъ“. Напротивъ того,

¹⁾ «Кіевск. Старина», 1882 г. май, стр. 200.

они трудятся „людемъ посполитымъ руского языка въ пожитку“— въ виду того, что эти люди „языка словенского не розумѣють“. Такимъ образомъ идея русскаго языка въ его отдѣльности отъ церковно-славянскаго еще въ XVI в. признана была южно-русскими писателями.

Между тѣмъ религіозныя столкновенія становились острѣе и больнѣе, особенно послѣ брестскаго собора (1596 г.), на которомъ провозглашена была церковная унія. Представители старинныхъ русскихъ родовъ становились въ ряды католиковъ, принимая вмѣстѣ съ католической вѣрой языкъ и имя польское. Трудно было защитникамъ православія ожидать помощи и отъ союзниковъ своихъ по положенію—протестантовъ и соцініанъ, которые, поддерживая православныхъ въ борьбѣ съ католиками, сами однако-же стремились увеличить свои силы на счетъ православныхъ. Католики въ свою очередь упрекали православныхъ за то, что они не отказывались отъ союза съ открытыми еретиками-соцініанами. Тогда раздался суровый голосъ ревнителей православія, отрицавшихъ всякую возможность соглашенія между наукой и вѣрой. „Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили“, говоритъ Іоаннъ Вишенскій въ концѣ XVI в., „тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онеможили и поболѣли, и ереси породили... Овъ бо зовется папезникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылъзъ—евангелиста, овъ зась недавно въкрещеный, овъ зась суботникъ... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословець, псалтырь, октоихъ, апостоль и евангеліе... и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся звати и въ геену отыти?“¹⁾ Нападая на мірскую мудрость, Іоаннъ Вишенскій не могъ благосклонно смотрѣть и на самое орудіе распространенія ея—языки латинскій и греческій. „Да знаете“, говоритъ онъ, „яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“. Поэтому „книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для вырозумѣнья людскаго, попросту толкуйте и выкладайте“²⁾. Таеъ-то силою со-

1) Акты южной и запад. Россіи, стр 210, 220.

2) Ibid. 210.

битій „простой“, т. е. народный языкъ снова отодвинуть былъ на задній планъ. Не до того было, чтобы въздѣлывать его литературнымъ образомъ. Время не ждало. Для борьбы съ разновѣрцами казалось необходимымъ выступить во всеоружіи языка священныхъ книгъ, который, по мнѣнію Іоанна Вишенскаго, „есть плодоносѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматиѣ, риторикѣ, діалектикѣ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводить“¹⁾.

Въ этихъ словахъ слышится сила убѣжденія, опиравагося на народное міровоззрѣніе. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ привыкъ видѣть въ славянскомъ словѣ не простое, грѣшное слово, предназначенное для ежедневнаго употребленія, а священное слово вѣры, неразрывно связанное съ самою сущностію ея. Въ сознаніи большинства идея церковнаго языка смѣшивалась съ идеей вѣры, а та и другая—съ идеей народной самобытности. Но само собою разумѣется, что „простаго, прилѣжнаго читанія“ славянскихъ книгъ было вовсе недостаточно для того, чтобы выдержать борьбу съ людьми, вооруженными школой и наукой. Дѣло въ томъ, что славянскій языкъ въ XVI в. извѣстенъ былъ грамотнымъ людямъ южной Руси по рукописямъ позднѣйшихъ редакцій, преимущественно среднеболгарской и сербской, съ примѣсью русскихъ особенностей въ правописаніи. Цѣлыми вѣками накопились у разныхъ славянскихъ народовъ черты новаго церковно-славянскаго письма, подъ которыми скрывались наслоенія отъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Нужно было устранить разночтенія и искаженія въ самомъ текстѣ церковныхъ книгъ, чтобы надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Поэтому нельзя было обойтись безъ грамматическаго знанія, которое въ то время можно было получить только у иновѣрцевъ. Отсюда глубоко сознанная потребность въ собственныхъ школахъ, которыя могли-бы состязаться въ научномъ достоинствѣ съ польскими школами, и въ то-же время могли-бы служить опорой для защиты народной вѣры. Такъ появилась прежде всего школа въ Острогѣ, основанная вн. К. Острожскимъ въ 1580 г. Затѣмъ братства львовское, виленское,

¹⁾ Ibid. 210.

кіевское одно за другимъ начали отерывать свои школы. Онѣ носили въ свое время названіе „латинскихъ“ школъ, такъ какъ самое преподаваніе въ нихъ шло на латинскомъ языкѣ, который былъ обязательнъ для учащихся даже въ разговорной рѣчи. Самая знаменитая изъ нихъ—кіевская школа, названная въ честь Петра Могилы могилянскимъ коллегіумомъ и переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію.

Я не стану входить въ подробности о томъ, чему и какъ учили въ этихъ школахъ. Извѣстно, что въ нихъ водворилась схоластическая наука съ ея тяжелымъ формализмомъ, развивавшимъ разсудочныя силы въ ущербъ положительному знанію. Можно многое сказать противъ ея односторонняго направленія, но все-же это была методическая сила, которая могла служить точкой опоры для изученія дѣйствительности. Плодомъ этой науки была цѣлая литература, которая такъ или иначе должна была отзываться на текущіе вопросы жизни, на ея тревоги и невзгоды. Нельзя сказать, чтобы она входила въ самое существо народныхъ идеаловъ и выражала ихъ всегда понятнымъ для народа языкомъ; но было-бы несправедливо отрицать всякую связь ея съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Нужно только искать этой связи въ устныхъ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а не въ однихъ письменныхъ памятникахъ. Что касается до языка этихъ памятниковъ, то коренной недостатокъ его заключается въ отсутствіи индивидуальной силы. Это, можно сказать, языкъ, сложенный изъ разныхъ матеріаловъ—древнихъ и новыхъ, своихъ и чужихъ. Прежде всего бросается въ глаза яркая примѣсь въ немъ словъ латинскихъ и особенно польскихъ. Тѣ и другія вплетены въ церковно-славянскую рѣчь, которая, согласно съ древне-русскимъ преданіемъ и новыми потребностями религіозной мысли, положена была въ основу книжнаго языка. Нужно сказать, что въ самомъ началѣ XVII в. (1619 г.) явилась славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, которая положила конецъ синкретическому направленію славянской письменности и возвела русскую редакцію ея на степень установившейся нормы. Тѣмъ не менѣе церковно-славянская рѣчь и послѣ того оставалась трудною и невразумительною для непривычнаго читателя. Чтобы облегчить пониманіе ея, тогда-же (1627 г.) „мужъ побожный, Памво Берында“, составилъ свой „лексиконъ славенорос-

скій“ „ку пожитку любомудрымъ, найбарзей спудеомъ“. Въ этомъ трудѣ онъ изъ многихъ языковъ „и власнаго нашего словенскаго“ множество словъ „згромадивши, нашимъ языкомъ рускимъ объяснилъ“ ¹⁾. Собственно говоря, эти объясненія написаны тоже языкомъ книжнымъ, не свободнымъ отъ польскаго вліянія, но въ этомъ языкѣ замѣтны уже ясно сознанныя стихіи народной рѣчи, которая выступаетъ особенно ярко на многихъ страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в.

Теперь обратимся къ сѣверной Руси.

Здѣсь очень рано признана была надобность въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ. Такъ, въ новгородскомъ спискѣ Кормчей 1282 г. помѣщено объясненіе 174 еврейскихъ словъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на роускую“. Въ этотъ списокъ позднѣйшіе переписчики вносили новый матеріалъ, такъ что ко времени другаго новгородскаго словаря, сохранившагося въ рукописи 1431 г. (при книгѣ Іоанна Лѣствичника), число словъ увеличилось до 350. Тѣмъ и другимъ матеріаломъ отчасти воспользовался П. Беринда, но главнымъ источникомъ его былъ „Лексисъ“ Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, приложенный къ его грамматикѣ 1596 г. Въ „Лексисъ“ вошло уже 1061 слово: онъ былъ извѣстенъ и составителямъ такъ-называемыхъ Азбуковниковъ или Алфавитовъ, которые начали появляться во второй половинѣ XVI в.

Это было переходное время въ сѣверной Руси, время тяжелой и страстной борьбы мнѣній. Тотчасъ послѣ усмиренія еретиковъ обнаружилось въ торжествовавшей правительственной партіи стремленіе подвести итоги прошлому и освятить новые порядки жизни старыми преданіями. „Прежніе обычаи поизшатался“, говоритъ Іоаннъ Грозный отцамъ стоглаваго собора. Онъ указывалъ на отступленіе отъ церковнаго устава, на порчу священныхъ книгъ и иконъ, на пороки и суевѣріе въ народѣ и даже въ духовенствѣ, на небрежное ученіе грамотѣ. На соборѣ рѣшено было завести училища для обученія церковному пѣнію и чтенію. Такимъ образомъ, признана была польза ученія, но оно ограничено было церковными нуждами. А между

¹⁾ Предисл. къ Лексикону Беринды, по изданію 1653 г.

тѣмъ отовсюду слышался голосъ нарождавшихся новыхъ потребностей мысли, которыхъ не могла удовлетворить домашняя наука. Разными окольными путями проникали и въ сѣверную Русь западныя идеи. Вліяніе ихъ было неотразимо и въ жизни, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Оно выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ читателей, которыхъ томила жажда знанія.

Не высокога достоинства матеріалъ заключается въ этихъ сборникахъ: это въ большинствѣ случаевъ пестрая смѣсь всякаго рода свѣдѣній, случайно выбранныхъ изъ разныхъ источниковъ, даже изъ апокрифическихъ сочиненій. Таковы были по своему содержанию и Азбуковники, получившіе свое названіе отъ принятаго въ нихъ способа располагать матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Они представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ только своими воззрѣніями на языкъ.

Составители Азбуковниковъ проникнуты были вѣрою въ неприкосновенность книжнаго языка. Они держались господствовавшаго въ то время мнѣнія, высказаннаго Зиновіемъ Отенскимъ, ученикомъ Максима Грека, что „низводитъ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое умышленіе христорборцевъ,—что гораздо приличнѣе исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами“¹⁾. Поэтому въ Азбуковникахъ рѣдко встрѣчаются объясненія славянскихъ словъ русскими словами. Гораздо чаще мы видимъ въ нихъ этимологическія изобрѣтенія такого рода, что слово *братъ* заимствовано изъ латинскаго языка, что слово *Адамъ* составлено изъ четырехъ символическихъ буквъ, означающихъ четыре страны свѣта: *азъ*—востокъ, *добро*—западъ, другое *азъ*—полунощіе, а *мыслете*—полудница²⁾. Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужбныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Исправленіе книгъ вызвало нужду въ грамматическихъ знаніяхъ; отсюда въ Азбуков-

¹⁾ Исторія рус. словесности Порфирьева, 563

²⁾ Правосл. обозрѣвіе, 1877 г., июль.

никахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну Болгарскому, изъ грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

Спросъ на грамматическія знанія возрасталь по мѣрѣ того, какъ увеличивались недоразумѣнія между людьми, занимавшимися исправленіемъ книгъ. Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ съ неподражаемою наивностію грамматика сама о себѣ рассказываетъ, что она „словою честна, и ученіемъ красовита, во устѣхъ сладка, и на сердца чюдна, и на языцѣ свѣтла“, ибо, продолжаетъ она, „письмо или слогъ, или часть или рѣчь, или слово, или статья, или стихъ, или глава, или начало, или конецъ, или чему точка, или о чемъ запинка, то все мое ученіе, и умѣніе, и разумѣніе, и умышленіе, и уложеніе, и положеніе, и всяко въ писменахъ строеніе и составленіе, мое грамматическое проразумѣніе. Такова есмь уставомъ, и поставомъ, и составомъ, и всѣмъ естествомъ грамматика именуемая“¹⁾. Справщики раскольники и православные толковали о грамматикѣ, но только не многіе изъ нихъ научнымъ образомъ подготовлены были къ изученію ея. Большею частію тѣ и другіе стучали въ глухую для нихъ дверь славянской грамматики, не владѣя ключемъ для того, чтобы проинвнуть въ таинства ея. Многіе хотѣли славянствовать на письмѣ, встрѣчая постоянныя помѣхи въ своей родной рѣчи. Англичанинъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 г., замѣчаетъ, что „москвитяне говорили, будто-бы разговаривать должно по-русски, а писать по-славянски“²⁾. Но только съ помощью обширной богословской начитанности можно было писать по-славянски. При первомъ движеніи живаго чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, съ которою не всегда могъ справиться писатель. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, знакомые съ грамматической терминологіей, а главное—люди старой вѣры, которые желали-бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ справщикъ Савватій въ своей челобитной

¹⁾ Предисл. къ грам. М. Смотрицкаго, по изд. 1648 г.

²⁾ Вѣст. Европы, 1807 г. № 16.

говорить: „нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что новое ни объявится—за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ“. Онъ вооружается противъ употребленія полнаго прилагательнаго вмѣсто краткаго (древнѣйшаю вм. древнѣйша), полнаго причастія вмѣсто краткаго (сѣдѣщаю вм. сѣдѣща), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. „Насъ“, говоритъ онъ, „уничужаютъ, а и сами справщики совершенно грамматикѣ не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времени... Въ воскресномъ тропарѣ на Пасху... прежде сего печатали: и на престолѣ бѣаше Христе со Отцемъ и Духомъ... А нынѣ въ новой тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ бѣзъ еси Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко-же иногда бѣзъ, иногда естъ. А сего не разумѣютъ, яко... лепо Богу присно быти“¹⁾. Таковы были теоретическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было-бы назвать особаго рода грамматикѣ—богословскую. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей,—подтянуть рѣчь къ старому стилю. Такъ, у него есть *времены, въ книзѣ, учинихъ, поборахъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: „уже мнѣ, грѣшному, несколько жити“... „а до насъ и послѣ насъ *николи съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку сполна не сбиривали*“. „Въ *другорядѣ* я, нищей, стражду при васъ, великомъ государѣ“... „Бѣзъ *дьячешкомъ* за Илью Бунакова“ и т. п.

Цѣлый рядъ великорусскихъ письменныхъ памятниковъ XVI—XVII в. представляютъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ. Рядомъ съ глубокими архаизмами стоятъ новыя звуки и формы. Часто встрѣчаются архаизмы особеннаго рода: я назову ихъ мнимыми или-же поддѣльными. Таковы, напримѣръ, формы предложнаго падежа въ Домостроѣ Сильвестра: *въ дѣлехъ* и *обычаехъ, въ спящихъ* и т. п. Очевидно, такъ не говорили, а только писали, и только потому такъ писали, что не умѣли совладѣть съ книжною рѣчью, въ которую вторгался потокъ народной рѣчи, подмывая и ниспро-

1) Три челобитныя расколн., Спб. 1862 г. 23.

вергая всѣ измышленія книжниковъ. Наконецъ, въ концѣ XVII в. въ пользу народной рѣчи высказалась правительственная власть. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что „будетъ кто въ челобитѣхъ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о-а*, или вмѣсто *а-о*, или вмѣсто *ѡ-ѡ*, или вмѣсто *ѣ-е*, или вмѣсто *и-і*, или вмѣсто *у-о*, или вмѣсто *о-у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкlostямъ своимъ говорить и писать навывъ, того въ безчестье не ставить“¹⁾.

Мы подошли къ эпохѣ Петра Великаго. Первое поколѣніе русскихъ людей, затронутыхъ реформой, было оглушено новымъ міромъ идей, для которыхъ не было подходящихъ словъ ни въ книжномъ, ни въ народномъ языкѣ,—и вотъ мы видимъ своего рода нашествіе иноплеменниковъ на русскую рѣчь. Въ сознаніи современниковъ Петра Великаго спутались и смѣшались въ неорганическую массу разнообразныя стихіи рѣчи—славянской, великорусской, малорусской, съ густою примѣсью всякаго рода иностранныхъ словъ—голландскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Только во второмъ поколѣніи явилась потребность вывести книжный языкъ изъ хаотическаго состоянія. Трудную задачу эту рѣшилъ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, создатель нашего литературнаго языка, который служить органомъ умственной жизни для всѣхъ насъ—людей Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

П. И. Житецкій.

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Много фамильных архивовъ въ Малороссіи уже погибло навсегда. Достаточная часть ихъ погибла, конечно, отъ пожаровъ, при истребленіи всего имущества владѣльца; но гораздо больше исчезло архивовъ по кладовымъ и амбарамъ, отъ мышей и сырости... Въ настоящее время эти архивы существуютъ въ Малороссіи какъ счастливая случайность. Недавно намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ нихъ, принадлежащій роду Сулимъ и сохраняющійся въ родовомъ ихъ селѣ Сулимовѣ (встарину—Сулиминцахъ) переяславскаго уѣзда.

При обязательномъ участіи Т. В. Гамалѣй, настоящій владѣлецъ сулиминскаго архива — Ал. Андр. Войцеховичъ съ истинно просвѣщенною готовностію, далъ намъ возможность осмотрѣть этотъ архивъ во всѣхъ его подробностяхъ. Результатами этого осмотра дѣлимся здѣсь, желая и надѣясь вызвать свѣдѣнія и о другихъ такихъ, еще уцѣлѣвшихъ, архивахъ.

Значеніе фамильнаго архива зависитъ главнымъ образомъ отъ того общественнаго положенія, въ какомъ находились лица, накопившія такой архивъ. Въ этомъ отношеніи сулиминскій архивъ имѣетъ за собою всѣ преимущества: родъ Сулимъ — одинъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Семейныя преданія относятъ начальную извѣстность Сулимъ чуть-ли не къ XIII в.; мѣстная-же исторія начинается ихъ знанъ съ начала XVII в., чѣмъ могутъ похвалиться въ Малороссіи лишь весьма немногіе роды. Иванъ Михайловичъ Сулима въ 1628 г. былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ ¹⁾ и за свои службы получилъ отъ извѣстнаго Жолтѣвскаго значительное количество земель на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ имъ и поселено теперешнее село Сулимовка. О первоначальномъ поселеніи здѣсь Сулимъ мы встрѣтили въ другомъ мѣстѣ очень интересный актъ 1677 г., въ которомъ читаемъ: «славетне урожонный панъ Федоръ Сулима прекладалъ скаргу (переяславскому полковнику) на обывателей села своего дѣдизнаго Сулиминецъ, якожь лебединскихъ и кучаковскихъ, до тоей-же его власности старожитне прислушаючихъ, въ

---

¹⁾ См. его письмо изъ Сѣчи къ Христофору Радзивилу, 1628 г., въ Археограф. Сборн. докум. относящ. къ исторіи сѣв.-зап. Руси, т. VII, стр. 87 (Вильна, 1870 г.).

таковій способъ: ижъ помянутіе селяне, оцѣвши съ предковъ своихъ на грунтахъ еще отца его Федорова Іоана Сулимы, по всѣ тіе часи отдавали послушенство и походячіе належности; а теперъ о томъ ся оперши, усилovali съ того слѣберовати (освободиться) и съ подданства, которое предкове ихъ на собѣ иѣли, визутися» (избавиться). По этой жалобѣ тогдашній переяславскій полковникъ Иванъ Лысенко поручилъ одному изъ урядниковъ, «абы тамъ, въ Барышовцѣ, старожитныхъ людей где кого знаючи, вышукавши, досконалне выпытавъ: чин то отъ початку вѣку ихъ были грунта, нѣмъ (пока) еще люди не оцѣли на сей Украинѣ? — Теды вынайдены Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо въ лѣтехъ подейшлие, по сумленю старости своей визнали, же еще наспочатку, якъ ся садила (селилась) Барышовка, тогда тое все положеня, иде тие села оцѣли—Сулиминци, Лебедынъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолковскій Ивану Сулимъ въ заслугахъ у вѣчность, абы собѣ тамъ, сколько можъ и хотѣвъ, осадывъ людей ку своему подданству».¹⁾ На основаніи приведеннаго показанія барышевскихъ старожиловъ, Сулиминци, Лебедынъ и Кучаковъ отданы были въ подданство Федору Ивановичу Сулимѣ, который до того, какъ кажется, скитался на правѣмъ берегу Днѣпра, пока чигаринскіе походы не разрушили надеждъ и мечтаній, вызванныхъ извѣстнымъ гадацкимъ договоромъ. Поселившись на лѣвомъ берегу Днѣпра, Федоръ Сулима создалъ себѣ положеніе въ тогдашнѣмъ обществѣ, выдавъ дочь замужъ за одного изъ сыновей гетмана Самойловича. Единственный сынъ Федора Иванъ поддержалъ это положеніе, женившись на сестрѣ Павла Полуботка, который помогъ зятю получить при Скоропадскомъ уже и генеральный урядъ «хоружаго». Бумаги Ивана Федоровича Сулимы послужили основаніемъ для Сулиминскаго архива. Одинъ изъ ляти сыновей его, Семень, занявъ около 27 лѣтъ (1739—1766 г.) урядъ переяславскаго полковничества, значительно увеличилъ отцовское наслѣдство и сталъ однимъ изъ извѣстныхъ богачей въ Малороссіи. Такое общественное положеніе Семена Ивановича повело за собою значительное накопленіе бумагъ фамилнаго архива. Но наибольшее количество бумагъ Сулиминскаго архива относится къ концу XVIII в., когда владѣльцемъ Сулимовки сталъ средній сынъ переяславскаго полковника Акимъ. Последній, по своему образованію, рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашняго общества. Акимъ Семеновичъ учился сначала въ кievской академіи, затѣмъ въ 1755 г. перешелъ въ Петербургъ, въ сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года выпущенъ сержантомъ, при чемъ «жалованъ золотою медалью». Кончивъ ученіе, Акимъ Семеновичъ оставленъ былъ при корпусѣ «для смотрѣнія надъ обученіемъ кадетъ наукамъ». При этомъ онъ между прочимъ былъ «опредѣленъ отъ начальства кадетскаго корпуса къ переводу съ французскаго языка на російскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ фран-

¹⁾ Генеральн. описъ Румянцова, переяславскій полкъ, въ архивѣ кievск. в.зев. палати.

пузскомъ Тюреннѣ, кои въ 1766 г. въ типографіи оного корпуса напечатаны». Въ 1764 г. Сулима изъ корпуса былъ переведенъ въ азовскій пѣхотный полкъ премьеръ-майоромъ; но черезъ три года снова былъ возвращенъ въ кадетскій корпусъ «и былъ въ смотрѣніи надъ тѣмъ-же обученіемъ кадетъ; а потомъ определенъ къ реформѣ того-жъ корпуса и къ разнымъ должностямъ, въ команду генераль-поручика Ивана Ивановича Бецкаго и отъ него при томъ-же корпусѣ употребленъ къ сочиненію: 1) Устава шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 2) второй и третьей частей Учрежденія московскаго воспитательнаго дома и 3) плана къ заведенію при ономъ домѣ сохранный казны, ссудной казны и вдовей казны». Въ 1773 г. Сулиму выпросилъ въ свое распоряженіе гр. З. Гр. Чернышовъ, которому было поручено гражданское устроеніе только что присоединенной тогда Бѣлоруссіи; здѣсь Акимъ Семеновичъ составлялъ «разныя узаконенія учрежденнымъ бѣлорусскимъ губерніямъ». Но, женившись около этого-же времени на дочери стародубскаго богача, полковника Павла Григорьевича Скорупы, Сулима пересталъ интересоваться службою и въ 1777 г. выпросился въ отставку, причѣмъ былъ произведенъ въ рѣдкій межъ тогдашними малороссіянами и завидный для нитъ генеральскій чинъ. Двадцать лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ въ Малороссіи, устраивая свои богатые помѣстья (у него было 1310 крестьянъ) и воспитывая своихъ двухъ сыновей, Павла и Акима. Но когда въ 1797 г. въ Малороссіи, вмѣсто судебныхъ палатъ, возстановленъ былъ генеральный судъ, Акимъ Семеновичъ, избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, утвержденъ былъ императоромъ въ этой должности въ первый департаментъ суда. Прослуживъ шесть лѣтъ въ судѣ, Сулима вышелъ въ отставку и поселившись въ Сулимовкѣ, главнымъ образомъ заботился объ окончаніи воспитанія сыновей. Старшій изъ нихъ Павелъ окончилъ свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ, а младшій Акимъ въ московскомъ. Переписка отца съ двумя сыновьями — студентами (почти исключительно на французскомъ языкѣ) составляетъ одну изъ интересныхъ частей фамильнаго архива. Перепискою съ сыновьями, дѣятельно продолжавшеюся и по вступленіи ихъ на службу, и заканчиваются бумаги собственно Сулиминскаго фамильнаго архива. Бумаги этого архива заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ три отдѣла: 1) земельные акты, т. е. гетманскіе универсалы и кучія записи, 2) отрывки изъ множества судебныхъ дѣлъ по спорамъ за имѣнія какъ между самими Сулимами, такъ и съ сосѣдями и 3) частная переписка. Послѣдній отдѣлъ представляетъ наибольшій историческій интересъ, представляя старую жизнь такую, какою она была въ дѣйствительности.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно роду Сулимъ, въ ихъ фамильный архивъ вошли значительныя части еще трехъ фамильныхъ архивовъ: Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей. Первые два архива перешли къ Акиму С—чу по женитьбѣ его на Марьѣ Павловнѣ Скорупѣ, которая принесла мужу всѣ богатства отца своего; а Павелъ Скорупа, кромѣ половины отцовскихъ (Григорія Скорупы)

имѣній, получилъ еще по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Марины Григорьевны, по мужу Есимонтовской, всѣ мужнины ея имѣнія. Архивъ Войцеховичей вошелъ въ составъ Сулиминскаго, по браку дочери Акіма Семеновича Прасковьи съ Иваномъ Андреевичемъ Войцеховичемъ, къ которому впоследствии за бездѣтствомъ братьевъ жены, Павла и Акіма, перешли всѣ имѣнія Акіма Семеновича. Архивъ Войцеховичей состоитъ главнымъ образомъ изъ частной переписки Андрея Ивановича Войцеховича съ его четырьмя сыновьями и одного изъ послѣднихъ Ивана Андреевича (зятя Акіма Семеновича) съ его тремя сыновьями: Николаемъ, Алексѣемъ и Андреемъ. Переписка эта, обнимающая почти полныя три царствованія, Екатерины II, Павла и Александра I, сохранилась въ наилучшемъ порядкѣ, въ который приведена была Алексѣемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ¹⁾.

Для ближайшаго знакомства съ составомъ Сулиминскаго архива приводимъ здѣсь нѣсколько документовъ, преимущественно изъ частной переписки, какъ самаго цѣннаго историческаго матеріала.

Ал. Лазаревскій.

1.

Отрывокъ изъ жалобы мѣлнскаго сотника Алексѣя Есимонтовскаго на брата его Афанасія, стародубскаго обознаго, объ убыткахъ чрезъ него понесенныхъ во время взятія Мѣлны шведами въ 1708 г.

Когда я былъ у походъ за Сожомъ, въ Литвѣ, при покойномъ пану гетману Скоропадскомъ, на тотъ часъ будучомъ полковникомъ стародубовскимъ и наказнимъ гетманомъ, и ходилъ за шведомъ, а услышалъ тое, что намѣренъ шведъ вторгнуться въ полкъ стародубовскій, якъ и указы монаршіе о пересторозѣ объявлены были, писалъ до брата своего п. Афанасія Есимонтовскаго о томъ, дабы онъ непремѣнно и завчасу имѣніе рухломое въ пристойныхъ мѣстахъ поховалъ, яко за совокупнаго нашего житія; но онъ, по своей природной презумициѣ и великомыслию, не токмо писанія моего не послушалъ, лечъ и на уничтоженіе того отписалъ до мене, гаячи мене страхополохомъ, зъ выраженемъ того вѣршу на писмо п. Покорскаго, въ томъ-же до него писанное: „наши де матрони безпечно смажутъ сласціони; такъ миѣ Боже поможи въ правдѣ моей!“ Такжеде и по зближеню ся шведа во Мглину учинилъ, же и на колкократное напомене покойной паней родителейи нашей, которой, уже будучой въ престарѣломъ вѣку, не разъ три-

¹⁾ Умеръ въ прошломъ 1881 г., членомъ государственнаго совѣта.

Филося войни людскіе видѣти и дознавать въ онихъ злыхъ при-
включений, не послушалъ и имѣнія нѣякого не ховалъ, но своимъ
упоромъ все на возы забравши, а согласившись зъ паномъ Тур-
ковскимъ и не освѣдчаючи указа монаршого такого, что въ ономъ
повелѣвано зъ некрѣпкихъ городковъ уступать у крѣпкіа или въ
посторонние мѣста, зъ быдломъ и зъ протчимъ, а зъ мельницъ
снати вынимать, опасаяся того, жебы граждане ихъ не удержали,
пошли были, городъ покинувши и людей, ночью добою въ Бак-
лань и далѣй за Судость рѣку. А ему-бы можна своимъ домомъ
зъ Есимоновки своимъ трактомъ безпрепятно и безсорно зъ на-
родомъ ити въ Стародубовъ; понеже за то зсора сталась, что онъ
держался пана Турковского, на той часъ сотника мглинского бу-
дучого. Догнали мглинци великимъ тумултомъ жену его и мою
зъ обозомъ всего имѣнія нашего и настращавши довольно, завер-
нули у Мглинъ, чего ради покойная панѣ родителька наша того
времени изъ дому нарушилась, зъло осердившись. И такъ за ско-
римъ приходомъ шведскимъ, а не мнѣй и за тимъ, же народъ на
ихъ повсталъ для виписанныхъ причинъ, на десять тысячъ зо-
лотихъ худобы погубилъ своей и моей, якъ и самъ въ чолобитной,
подаваемой имъ п. гетману Скоропадскому на Петра Подлужкого
выражалъ, по какой отъ п. Черниша, суди енерального, высланнымъ
покойный Дашкевичъ былъ; однакже зъ того ничого полезного не
учинилось, что сие все въ сущую правду сознаю подъ страшнимъ
судомъ Божиимъ. А по многихъ турбацияхъ и страхованьяхъ,
бывшихъ у Мглинѣ отъ народу и отъ находу неприятельского,
выходя зъ города, мое-жь доброе давалъ великороссійскимъ людямъ
зъ хутеръ и зъ протчего, свое легшее поховавши, за выводъ со
Мглина, бо вже толко насилу пришло на троухъ чыли на чотироухъ
возахъ выѣхать усѣмъ, послѣ великого обозу...

2.

*Жалоба гетману вдовы генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы на
сына. Около 1728 г.*

Ясневелможный пане и все милостивѣйшій патроне.

Рада-бы вседушне и по-премногу сама вашему високоповаж-
ному рейментарскому оказатися лицу и, при належитой субмѣссіа,
бѣдствуемое, отъ своей-же утробы дѣючоесе, оповѣститъ житіе;
лечъ крайное мое изнемагаетъ калѣтство и болѣзань не малая.

Еднако жъ яко до своего полномощного рейментара и патрона злезнымъ и ревнымъ отзываюся чоломбиттемъ въ томъ, что позосталие сыни по покойномъ пану моемъ, старшіе Феодоръ и Самуилъ всякое послушенство, при обычайной чести и венераціи материнской, отдавали удовольваемой мнѣ презъ немалое время; а по окончению живота Феодора на службѣ монаршой, и Самуила, первымъ по нихъ остался Іванъ плачливый сынъ мой, на которого еще, яко на преслушника, разграбителя и разорителя дому моего, а но яко на сына, имѣла заносити скаргу въ коллегіи, первие и прежде упоминаючи его материнско и многократне; и по нынѣ приврие и зѣло поносие отъ него, при старости лѣтъ моихъ, досади, утиски и грабительства износила терпѣиємъ; а теперъ цале не имѣючи куди и нуди въ такомъ моемъ разореніи суплѣковата, толко принужденна до ясневелможности вашей кривавослезную заносити апелляцію на ослушника такого, ибо не тилко необычайними и зѣло досадливыми мене словами оный очевисте изъ жевою своею укораетъ, но и честь мою поносить преднародне, нѣякоесь юродство невиннѣ мнѣ притвораючи; лечъ и на здоровю моемъ не малое увѣчча сдѣлавъ, якою причиною его зъ ущербомъ здоровья моего и повинѣ въ калѣтствѣ пребываю, въ якомъ хотячи снабдѣніе и отраду принаймнѣй по жизнь мою зъ меншими двома сынами, Семеномъ и Стефаномъ, и зъ позосталими сиротами покойного старшого сына Феодора дѣтми, а моими увучками, имѣти, лечъ онъ и на тихъ вражду не малую имѣючи, не тилко словесно ихъ укораетъ и ругаетъ безчиннѣ и неприятно слуху людскому, але яко наступца окрутний, не имѣючи ни Бога въ сердцу, ни памятаючи единоутробныя зъ собою, весьма ихъ ненавидячи, бьетъ и ни въ чомъ простертися не допускаетъ. Черезъ волю-же нашу и чрезъ благословеніе и до полѣцяннаго наслѣдія, по согласію обополнимъ зъ покойнимъ паномъ моимъ опредѣленного, подлугъ леггованного и сочиненного тестаменту, при особахъ знатныхъ и вѣри годныхъ, дѣтямъ моимъ Семену и Стефану, при которыхъ-бы спокойне могла животь свой кончити; а онъ самоволне грабительствомъ и насилне отобравши и себѣ подлугъ хотѣнія своего належитую часть, якою уже я ему и не претила, лечъ и тимъ еще не доволствується и втручается тамъ, где оному не позволяется и неблагословеніемъ обполнимъ запретилось; якого онъ чрезъ небрежение свое и упарчивость лишаячися и ослушенъ будучи, а нѣ тежъ уважаючи на клятву материнскую и калѣтство мое, и сего времени превеликое грабительство починидъ и чинить въ маотно-

стяхъ за службу покойному пану моему наданныхъ; отбуду въ вальтствѣ и слабости здорова, при старости моеѣ, прекормленіе зъ меншими синами моими и помянутыми сиротами имѣю и всякое убожеское одѣяніе сооружается. А онъ тому заздостячи, послѣд-
нему въ крайнее убожество и бѣдство мене грабительствомъ своимъ приводитъ и такими ребеллѣями, поступками и неспокойнимъ жи-
тиемъ еженеденно утруждаючи, прежде времени жаляетъ мене умерт-
вити. И дабы указомъ ясневельможности вашой призванъ оный
ослушникъ былъ во оправданіе наочне и по праворазсудителному
рѣшенію прещенія и знатное отъ его-жь ясневельможности при-
нялъ наказаніе; и впредь-би такового необычайного не чинилъ и
не важился чинить мнѣ бѣдствуемой матери своей и сынамъ моимъ
меншимъ грабительства, утѣсненія и насилства. Милостивное та-
ковое въ занесенной апелляціи моеѣ отъ полномощного рейментара
своего дознавши помилованіе, по жизнь мою зъ позostalими си-
ротами одолжаюся за щастливое и долголѣтвое его ясневельмож-
ности, моего всемилостивѣйшаго патрона, правительство и владѣніе
непреставно Господа Бога благати, яко и повинна. Ясневель-
можности вашой, моего всемилостивѣйшаго пана и многодознанного
добродѣя, нижайшая слуга Марія Полуботковна Шванова Сулимина,
хоружая енералная, для лучшого достовѣрія къ сей чоломбитной
моеѣ своеручно крестъ святей прикладаю †.

3.

*Четыре письма къ бунчуковому товарищу Григорію Демьяновичу
Скорупѣ: зятя—Петра Искрицкаго, Ивана Михайловича Микла-
шевскаго, Василя Алексѣевича Дмитрашко-Раича и генеральнаго
есаула Петра Валькевича. 1730—1740 и.*

а) Милостивѣйшій мой отче и добродѣю.

Господарь двору рейментарского, панъ Костантій Острож-
скій мѣеть по указу ясневельможного добродѣя, прійдуючого ав-
густа 1 или 2 числа отъездить въ Мглинъ, для взятя на урядѣ
тамошномъ купчой на покупленіе грунта его ясневельможности,
а оттоль (еще для лучшей крѣпости) прибывши въ Стародубъ,
зъ майстрату тамошного взятъ мѣеть екстрактномъ купчую тихъ
покупленнихъ грунтовъ; которій поневажъ, за волею ясневельмож-
ной паней, за однимъ заходомъ, и мнѣ осмотрувать будетъ при-
торговать хуторъ, того ради благоволи в. м. добродѣй, освѣдо-

мившись о его, господара, въ Мглинъ прибытіи, объявить письмомъ своимъ о хуторѣ, ежели якій на продажѣ имѣется поблизу, а хочай и въ разстоянію отъ Стародуба, биле бы былъ угоденъ и чтобъ при немъ млинъ занять мощно было; понеже такъ вскорости, а особливе не знаючи осѣдлостей тамошнихъ, господарь не можетъ винайти безъ объявленя ему. О якую вм. м. добродѣя отеческую милость покорнѣйше просячи, застаю вм. м. добродѣя щирозичливый синь и нижайшій слуга Петръ Искрицкій¹⁾). Глуховъ, іюля 30 д. 1730 году.

Адрессъ: „милостивѣйшому моему отцу и добродѣевъ, его милости, пану Григорію Скоруппъ, знатному товаришевъ бунчуковому“.

б) Мосцѣ пане Григорій Скоруппа, мнѣ велце мосцѣ пане и сердечне коханый племѣннику.

Прибывши панъ Θεодоръ Ширай въ Любечъ, писалъ ко мнѣ, что никакой команды тамо не засталъ, токмо панъ Есимонтовскій поручивши де въ команду горы, воды и лѣсы, отъехалъ въ домъ. Зъ здешнихъ-же червѣговскихъ вѣдомостей болше никакихъ газетовъ не имѣется, токмо старая войтиха Лопатиха сего на датѣ положеннаго числа рано умре; а я на кушене запрошенъ до преосвященного, где и за ваше здорове полную имѣю выпить объявляю; да если еще неизвѣстно у васъ, ижъ указъ во всѣ малороссійскіе полки, въ томъ числѣ и въ червѣговскомъ, полученъ сего октоврія 13 д., дабы всѣ полковники зъ старшинами, бунчуковіе и значковіе товарищи и хто тилко іменемъ козачимъ зовется, подъ смертною казней, были въ крайней къ походу готовности, дабы за полученіемъ впредъ указа въ 24 часа выступили непременно, къ выше показаннимъ сообщая вѣдомостямъ, а добродравственнаго вм. м. пану желая пребиванія, остаюсь вм. м. пану, сердечне-коханому моему племѣннику, щирозичливый дядя и слуга Іванъ Миклашевскій²⁾).

1736 году, октоврія 14 д. Червѣговъ.

Адрессъ: „Моему велце мосцѣвому пану, сердечне коханому племѣннику, его милости, пану Григорію Скоруппъ, знатному товаришу бунчуковому, въ юродѣ Сосницѣ у покупки провіанта обрѣтаючомуся, надлежитъ“.

¹⁾ Родной племянникъ гетманши Ульяны Апостолю, рожденной Искрицкой.

²⁾ Синь стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго. Григорій Скоруппа былъ женатъ на родной племянницѣ Івана Миклашевскаго, дочери Степана Спирidonовича Ширая.

е) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, вселаскавый мой свате и благодѣтелю.

Племенникъ мой, сотникъ ивангородскій п. Матвей Конискій, пришедши смотреніемъ Божиимъ въ совершенный возрастъ, будучи совершенного ума и ученія, желаетъ въ супружество себѣ пріятеля искать; а понеже сей станъ, по Божиему смотрѣнію и и его святой ординаціи установленный, избирають персоны не безъ пріятелского отозву и родительского консенсу, того для пріятелскую мою сватовскую вм. пану симъ моимъ выразивъ венерацію, родительского вашего соизволенія и аппробаціи моего отозву съ охотою дожидаюсь. И ежели намѣренъ вм. панъ наймѣйшую свою панну дочь ему пану Матеею Конискому въ супружество отдать, покорнѣйше прошу вм. пана стороны отозву моего своимъ мене писанемъ не оставить, которое мнѣ въ надежду сватской вм. пана любвѣ висвѣдчить имѣющейя благопріятное будетъ, а нынѣ со всякимъ персони вм. пана почтеніемъ остаюсь вм. пана покорный слуга Василий Думитрашко-Райча, бунчуковий товаришь ¹⁾.

12 септеврія, 1737 году. Нѣжинъ.

е) Мосцѣ пане Григорій Демяновичъ, мой давно знаемый друже и брате.

Всѣмъ тое можетъ быти извѣстно, въ томъ числѣ и вм. пану, же я прежде сего за службою и за разними зъ Малой Россіи отлучками по указамъ, не вѣдалемъ о нуждахъ и долегливостяхъ дому моего, чрезъ многое время. А нынѣ, когда въ дому трохи помешкалемъ, извѣстился зъ жалобы слобожанъ моихъ, жителей слободокъ Чернетцини и Черятки, что вм. панъ, сидячи слободою въ отчявѣ покословской и знаючи границу между Покословщиною и между грунтомъ моимъ меженокскимъ, за рѣчкою Жечою лежачимъ, въ которомъ помянутіе мои слободки поселени, черезъ между, въ оный мой грунтъ зъ двохъ сторонъ вступаешъ и изъ слободокъ моихъ сѣсно не разъ велѣлъ забирать, и въ протчемъ ихъ обидить поступаю, указомъ ея императорского величества противно, понеже на тотъ грунтъ и на утверженіе оного границы имѣю я многіе крепости подлугъ давного ограниченія и розвѣзда: первой отъ старшины полковой, а потомъ отъ еeneralного бунчуч-

¹⁾ См. ниже № 5.

ного пана Лизогуба зъ прочіими чиненіе, послѣ декретальніе суду войскового еверального писма, унѣверсали и приватніе указы гетманскіе, а зверхъ того всѣ крепости утверждающая високомонаршая блаженной и вѣчнодостойной памяти его императорского величества жалованная грамота на все мое помѣсте, въ томъ числѣ и на мой меженковскій грунтъ, якъ есть въ своемъ ограниченію, данная во вѣчное владѣніе; о чемъ знать и вм. панъ, не безъизвѣстенъ будучи, писалъ къ намъ писмомъ своимъ, припоминаючи того нашего грунту граниченіе, при еверальномъ бунчучномъ подтверждающее, и просилъ, жебы потому смежности не нарушать, но содержать. А якъ зъ дѣла показалось, самъ вм. панъ въ томъ не устоялъ и не видя господара грунту въ присутствіи, такожъ доброй пріязни свѣтліе очи прикривши лакомимъ упоромъ, пустился былъ по чужое, да и зъ друга въ недруга переминавшися, захотѣлъ мене обидити. И затимъ неправимъ поступкомъ, приличнѣйшого иску зъ паномъ Гудовичемъ и зъ Германомъ заповѣлъ. Якъ-же ни было прежде безъ мене, нынѣ все тое Господь Богъ и высокіе указы ея императорского величества исправлять во благо, и впредь я себе обидити не дамъ! Толоко не опускаючи слобожанъ моихъ обиды прежней, хотѣлъ бимъ вѣдать, почему вм. панъ силенъ такъ безъ мѣри, же не толоко крепостей обыкновенныхъ, но и чрезвычайной вседостойнѣйшой твердости монаршого привилею за предѣлъ и важность не имѣете? Надѣюся, на поселеніе слободки своей, скажешь вм. панъ, же есть унѣверсалъ гетманскій.—Толоко чи совершенный?—Ибо извѣстенъ я, что нѣкоторый унѣверсалъ вашъ въ канцеляріи еверальной прежде подрано; а що нѣсколко купилъ вм. панъ у покослогцовъ дубовъ да сосонъ, вынихъ для латвѣйшой куплѣ въ турму сажаячи, тое здается мнѣ до нарушенія границы меженковской и до забиранія у слобожанъ моихъ сѣна не силно, да и заводци ваши, дубовіе и сосновіе почему дерева и свой-ль или чужіе, вамъ показали, жадныхъ крѣпостей не имѣють, подлинно знаю; однакожь между деревомъ отчиннимъ и грунтомъ земелнимъ разнь и граница обосторонная мѣеть быти безъ нарушенія; къ тому-же купля и купчая наша покословской полосы первѣйшая, за которую гроши наши продавецвѣ передомъ позаходили и еще за оную росправы не было. Чого ради хоти вм. панъ чимъ слобожанъ нашихъ изобидилъ, тое имъ наградить, а черезъ границу въ грунтъ мой впредь не вступать никакимъ способомъ и проискомъ, понеже я чрезъ сее мое писаніе объявляю тое, защищая себя указомъ ея императорского

величества и чтобъ вм. панъ потомъ не вимовлялся, что о томъ извѣстенъ не былъ. Впротчемъ, остаюся вм. пану зичливый приятель и братъ охочій ко услугамъ Петръ Валкевичъ¹⁾).

4.

Письмо безезанскаго сотника Василя Алексѣевича Дмитрашка-Райча къ своему полковнику Семену Сулимъ, поздравительное съ рожденіемъ сына. 1746 г.

Велможный мосцѣ пане полковникъ переяславскій, милостивий мой добродѣю.

Рожденнымъ сыномъ велможности вашой Θεодоромъ Семеновичемъ поздравляя, желаю, даби шляхтичъ отъ шляхтича рожденный таковой дождалъ чести, какову велможность ваша и антецесори получили и въ числѣ велможныхъ считался зо временемъ, которому дай Боже совершенный возрастъ на подпору и вицщое прославленіе имени велможности вашой. Я же должность мою вѣдая, мой поклонъ отдать, по приказу велможности вашой, имѣю и со всею моею покорностію остаюся велможности вашой всепокорнѣйшій слуга Василь Д. Райча.

1746 годъ. 8 дня іюня. Березань.

P.S. Ignosce quasi illustrissime quod hodie et cras non veniam, parce quaso 100 rublones d. Johanni Marcowicz ex vitrans actionis solvendo cui veniam posteras, fidibus non oblector potum horreo, tibi bene precari non deero.

5.

Письмо прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ Семену Сулимъ, съ приглашеніемъ на свадьбу дочери. 1752 г.

Високородній и високопочтенний господинъ полковникъ переяславскій, сердечній мосцѣ пане брате и добродѣю мой.

Понеже, по судбахъ Божескихъ, дочь моя Елена зговоренна въ супружество умершего бунчукового товариша п. Андрея Миклашевскаго сину его, пану Петру Миклашевскому, а къ бракосочетавію ихъ, по согласію обоихъ сторонъ, положенъ термѣнь сего

¹⁾ Письмо писано, по видимому, около 1740 г.

году въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ 20-е число, и яко таковы веселія акта найвыяще приукрашаемы бывають собраніемъ достойнѣйшихъ гостей и пріятелей, такъ и я, по преданности моей, почитая вашего високородія персону за найвождеденнѣйшого къ сему присутствію гостя, всепокорно прошу на воспоминаемое число, купно съ дражайшею вашего високородія супругою, не отказатси въ домъ мой благоволить прибыть и чрезъ то ущасливитъ мене, обще, прѣ такомъ случаѣ, сугубо—какъ о благополучномъ вашего високородія прибытія, такъ и о совершенномъ дѣтей моихъ Богомъ узаконенного супружества воспріятіи—порадоваться; чего сердцемъ моимъ найохотнѣйше желаю, съ равномѣрнымъ одолженіемъ, дабы и я при такихъ случаяхъ поважному вашего високородія дому щасливъ былъ мои услуги показать, къ которымъ и нынѣ совершенно и съ почтеніемъ обязуюсь и есмь вашего високородія, сердечного мосцѣ пана брата и добродѣя моего, покорный слуга Григорій Галаганъ.

Августа 23 д. 1752 г.

Прилука.

6.

Ордеръ гетмана Разумовскаго генеральному подскарбію Михайлу Скоропадскому обз отрпшеніи его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ“. 1753 г.

Господинъ Скоропадскій!

Изъ многихъ опытовъ, довольно мнѣ извѣстныхъ, я усмотрѣлъ, что ви, будучи мнѣ точно, по всевысочайшей волѣ ея императорскаго величества, человекъ подъ властію, вознамѣриваетея противу мене нѣкоторимъ якоби самовластіемъ и весьма мало уваженія имѣете на мои ордеры, чрезъ что о себѣ даете въ народѣ малороссійскомъ великое мнѣніе, а моей власти нѣкоторимъ образомъ уничтоженіе. Хотя я самъ изъ многихъ вашихъ поступковъ оное примѣтилъ, однакожъ снисхожденіемъ моимъ или паче молчаніемъ старался васъ привести къ должности вашей, что самое ви видѣть всегда могли изъ того, что многое не по вашему мнѣнію отъ мене иногда опредѣляемо било, но по собственному моему разсужденію; ви-же, какъ вижу, стараетея подъ именемъ блага народнаго, укорять мене во многихъ повелѣніяхъ, или своимъ ослушаніемъ или таковыми представленіями, которыя

болше сходятся возраженіямъ противу мене, такъ-какъ я самъ усмотрѣлъ въ представленіяхъ мѣхъ, отъ васъ учиненныхъ отъ мая 14 и 25 чиселъ сего года, гдѣ войсковая оставшаяся въ Глуховѣ канцелярія, вашимъ уповательно руководствомъ, показиваетъ мѣхъ дерзостно и безъизвѣстно, яко-би при моемъ гетманствѣ, для моихъ домовихъ вуждъ, весь народъ малороссійской къ разоренію и крайнему истощенію приведенъ и будто-би уже всего малороссійскаго народа едва кто и въ домѣ остается; гдѣ хитростно мѣхъ представлено и то было, чтобы я хотя половинное число толко бралъ народа на работу, ибо де уже многое число онаго къ побегу обратилось, или въ слободскіе поля, или за границу, а изъ сего уже въ тѣхъ представленіяхъ и далніи амплификаціи и непотребніи слѣдствіи дополнены. Все-же оное приписываете моей экономической канцеляріи, которая одвакожь ничего, безъ точнаго моего повелѣнія, до сего времени не дѣлала; почему всѣ такіа уразительніа представленіа къ моей собственной персонѣ скланяются. Въ самомъ-же существѣ не толко ничего того не сискалося, но еще по нѣкоторымъ изъ сего слѣдствіямъ показалось, что оная представленіа вимышленны или для возмущенія противу меня народнаго, или въ сохраненіе въ архивѣ канцелярской противу настоящаго и безпристрастнаго моего гетманства, сходящегося во всемъ съ височайшею волею всемилостивѣйшей моей государини, нѣкоторыхъ будто-би доказательствъ къ каковимъ-либо виредѣ намѣриваемымъ жалобамъ. Напоследокъ, когда я учредилъ для лутшаго порядку экономическую канцелярію, не мою точно, но гетманскую, въ томъ мѣстѣ, дабы всѣ малороссійскіе дѣла лутшимъ распорядкомъ теченіе свое имѣли, а въ оной опредѣлилъ членами совѣтника Теплова и трехъ бунчуковыхъ товарищей, а именно: Тернавскаго, Ломиковскаго и Чуйкевича, гдѣ и письменное учрежденіе далъ, что онаа экономическая моя канцелярія не иное какое мѣсто есть, тоже самое, что и войсковая канцелярія, но одному мѣсту отъ меня предпоручено войсковые дѣла отправлять, другому гетманскій урядъ, касающійся до содержанія дому нѣкоторыхъ городовъ и маестностей; то въ семъ случае возмечтали вы такое мое учрежденіе вовсе уничтожить разными проэктами и своимъ прозрѣніемъ, и перво, неприлично почитать то себѣ за обиду, что оной экономической канцеляріи опредѣлено отъ мене относиться съ вами въ равенствѣ: въ каковыхъ случаяхъ никогда не взирается на честь присутствующихъ, но на важность мѣ-

ста. Вскорѣ-же послѣ моего учрежденія, вы вздумали уравнивать войсковыхъ канцеляристовъ съ членами экономической канцеляріи, и на сношеніяхъ, въ противность мнѣ, своимъ установленіемъ опредѣлили подписываться рядовимъ канцеляристамъ, а въ немалую обиду членамъ той канцеляріи; напослѣдокъ, когда оное мною пресѣчено было, то не единожды на справедливыя требованія оной канцеляріи прислать свои грубыя отвѣты и задавать иногда неприличныя требованія, на которые я свисходительно чрезъ долгое время съ терпѣніемъ взиралъ. Наконецъ, усматривая самъ изъ нѣкоторыхъ въ экономическую мою канцелярію отъ васъ сношеній таковыя экспрессіи, которыя безъ всякаго уваженія на мою собственную персону обращается, то, не требуя уже ни отъ кого себѣ болшихъ доказательствъ и экспликацій, хотѣлъ принять таковыя мѣри, каковыхъ власть, по всевысочайшей волѣ отъ ея императорскаго величества, мнѣ данная надъ вами требовала; но по крайней моей умѣренности еще удержался отъ того, а повелѣлъ изъ экономической канцеляріи отвѣтъ за мою аппробацію вамъ написать, что и учинено, и хотя вы точно вѣдали, что оный отвѣтъ изъ экономической канцеляріи состоялъ изъ моихъ собственныхъ повелѣній, однако-жъ не хотючи онаго разумѣть, вздумали мнѣ приносить на совѣтника Теплова жалобу, давая чрезъ то мнѣ знать, что вы не примете таковыхъ моихъ отвѣтовъ; а между тѣмъ учинили у себе, яко-бы парламентское нѣкоторое опредѣленіе, въ противность моему ордеру, не сносятся писменно въ равенствѣ съ экономической канцеляріею, чего было вамъ дѣлать никакъ не подлежало, безъ собственнаго моего повелѣнія, а слѣдовало представить прежде и ожидать на то резолюціи, а не собою отрѣшительныя мои ордери, чрезъ что явное подали презрѣніе къ моей персонѣ, а на себе навели нѣкоторое общественное самовластіе въ народѣ. Сколь сіе есть дерзновенно, то вы разсудить сами можете. Хотя-жъ ваша жалоба несправедливая отвѣта еще отъ мене никакова не удостоена, но для лутшаго усмотрѣнія, кто таковымъ затѣйкамъ притчиною, принужденъ я былъ господина обозного генеральнаго ¹⁾ въ войсковую канцелярію опредѣлить съ вами однимъ, а прочихъ отрѣшитель; ибо вы иногда сказываете въ таковыхъ случаяхъ, что не сильны другихъ голоса оспорать. А нынѣ усматривая, что положенное вами опредѣленіе прежде

¹⁾ Семѣна Кочубѣя.

сего о несношеніи съ экономическою канцелярією письменномъ въ вашемъ мѣннѣ силу свою и по сію пору имѣтъ, въ явную противность мѣнѣ, и господинъ обозный генералный, хотя далеко старѣе васъ чиномъ, мѣннѣемъ своимъ согласующій съ моимъ ордеромъ, не силенъ находится васъ самихъ оспорить; чрезъ таковой поступокъ вы себе оказали, что и прежнимъ затѣйкамъ не кто иной притчиною, ибо вознамѣрился или висискать отъ мене несправедно требуемую сатисфакцію на совѣтника Теплова, или таковымъ послушаніемъ укорить мои поступки, которыя предъ лицомъ ея императорскаго величества всегда вѣрны и безпристрастны. Я вижу, что вы мою терпеливость и учтивое до сего времени съ вами обхожденіе толкуете своей головою, якобы въ нѣкоторое мое непроницательство, въ чемъ вы по сіе время весьма ошибаетесь. Изволите вѣдать, что ваше високомисліе мѣнѣ всегда видимо было и оное весьма неприлично; и вы никакими знатными службами предъ ея императорскаго величества похвалиться еще не можете предъ прочими многими службами въ Малой Россіи; хотя вы и много лѣтъ считаете вашей службѣ, и вѣдаете, что довольно найдется у ея императорскаго величества честно служащихъ малороссійскихъ людей, которые мѣсто ваше заступить могутъ. И не думайте, чтобъ вы въ такой цѣнѣ были, какъ вы сами себе содержите. Когда вы презираете всѣ до сего учиненныя вамъ отъ мене милости и снисхожденія, а на-последокъ не только ослушши уже являетесь моимъ ордеромъ, но и своими противнаго содержанія приговорами отрѣшаете, чрезъ что явное поощреніе даете другимъ, то видно, что вы не хотите припамятствовать поступокъ прежнихъ моихъ антецессоровъ съ таковыми ослушниками, а составляете и своей персонѣ голосъ, якобы цѣлаго народа, противу мене. Чего ради я не имѣю болшей къ вамъ никакой повѣренности и отрѣшаю васъ отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ, а сверхъ того приказываю быть вамъ въ Глуховѣ, не вѣзжая ни на малое время, ни подъ какомъ видомъ, безъ моего позволенія, изъ города. А ежели что противно сему еще учините, то я другія мѣри сищу васъ заставить почитать власть надъ вами поставленную отъ всемилостивѣйшей нашей самодержицы.

Москва. Декабря 24 д. 1753 году.

Гетманъ Разумовскій¹⁾.

¹⁾ Думаемъ, что приведенный „ордеръ“ Разумовскаго, найденный нами въ сулиминскомъ архивѣ въ копіи XVIII в., писанъ подъ днеловку Теплова, который предсѣ-

7.

Письмо А. Каноровскаго-Сохи къ Григорію Сковороде. 1754 г.

Любезнопріятвѣйшій другъ мой, господинъ Сковороде.

Писаніе ваше чрезъ г. А. Турчановскаго я исправно получилъ. Не мало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печаленъ о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи. Однако нѣчему и удивляться: часто трудолюбивая пчела, ища пріумноженія сокровищамъ своимъ, обтекая неизмѣримые мѣста пространныхъ полъ, зачавъ отъ Пелопонеса и минуя острова Серилскіе, прелетѣвъ изобилную Индію, ища цвѣту амарантового, переходитъ чрезъ сѣверныя границы, гдѣ царство Хаоса и Старой Нощи граничить съ небомъ, тщетно возвращается, но вторично почивъ чрезъ ночь, возводитъ очи вмѣстѣ и желаніе свое, видитъ по щедротамъ неба блестящую на листьяхъ полезную росу, которая развиваетъ унылыя листья и показываетъ ей цвѣты корыстями потребными наполненныи, она радуясь усугубляетъ трудъ свой, забываетъ суети прошедшаго дни, возмѣщаетъ корысти и радуясь награждаетъ потерянное.

Таковымъ образомъ, пока силы еще въ насъ, а паче въ тебѣ не ослабѣваютъ, возведъ очи къ милосерднымъ небесамъ и во мѣсто росы, проливъ свой источникъ, протекающій отъ сердца чрезъ пріятныя два свѣтила, дождись отгуду корыстей; дождись и мене, твоего нелицемѣрнаго друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешь во мѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печался и дождись меня. Я въ май мѣсяцѣ именно буду. Я отъ тебѣ старательство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ камня сдѣлать человѣка да человѣка доброго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ прійду; потерпи на мнѣ, вся ты воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Каноровскій-Соха.

дательству въ учрежденной по его мысли и для него „экономической канцеляріи“, хотѣлъ, подъ видомъ защиты интересовъ „гетманскаго уряду“, вліять на дѣла всей Малороссіи. Встрѣтивъ оппозицію со стороны Скоропадскаго (р. 1697—1758), Тепловъ, какъ видно, безъ особнхъ затрудненій, удалилъ его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ“ и выдвинулъ на его мѣсто молодого Семена Кочубея (р. 1725 г.), уже безпрепятственно вліять на дѣла Малороссіи.

Р. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до приѣзду моего, у себе учись. Не печалься ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай. Вотъ тебѣ за много латинскихъ и русскій:

Питай лавръ водамы, пока не увянетъ!

И скройся грозныхъ тучъ, пока громъ не грянетъ!

Не погнавайся, что я писалъ скоро и безъ разсужденія. Ты простишь мнѣ, что не резолюцію написалъ.

Р. S. Хотя не сатрапа персидскій, однакожъ не тотъ, что былъ; толко ты узнаешь протчихъ. Отдаленъ живу и умру отдаленъ-же.

1754 г. генваря 25 д.

Москва ¹⁾).

8.

Письма Семена Ивановича и жены его Прасковьи Семеновны Сулимы къ сыновьямъ.

а) Любезнѣйшій сыну, Якимъ Симеоновичъ. Ми родительскии сердцама обрадовани о выраженномъ въ писмѣ, что васъ Всевишній за труда не оставляя, якое нѣсть производство подъ болшій степень получили. И надѣмся, по нашему молитвенному къ Богу восклицанію, не оставлени и впредь будете, толко по своимъ наукамъ зъ помощію (сѣтце суть патрони:) а лучше Божіею дерзать, чимъ би еще въ живихъ будучи, въ сердцахъ ми радостныхъ приобрѣли хочъ маленку жизнь. О Симеонѣ, сыну нашемъ, болѣе размышлять нѣчего, какъ бы ему хорошую отставку получивши, женить его, чтобъ и насъ, не лишась сего вѣка, могъ поддержать и своими труди; ибо въ насъ въ отечествѣ много противъ прежнего перемѣнъ насилствуется; хочай на то отъ монархп имянного и указу нѣтъ, можете зъ копѣи у Семена вичитавши, разсудить, да и впредь, Богъ вѣсть, что происходитиметь. Васъ, любезнѣйшій сыну, родительски просимъ, всѣми мѣри стараться о дохожденіи

1) Письмо надписано: „Сердечному другу и пріятелю моему, Григорію Ивановичу, его благородію, Сзвородѣ, или Савину, или Дунаевскому. Въ „Кавраи“. О Каноровскомъ знаемъ только, что онъ былъ племянникомъ Семена Ивановича Сулимы, полковника переяславскаго. Село Кавраи въ это время принадлежало Степану Васильевичу Тохарѣ. Вѣроятно, о немъ и говорится въ Р. S.

по дѣлу Михалчиной и Гудовки маестностей конца и насъ наскорѣ увѣдомить. О Симеонѣ разсудить, что вскорѣ очей позбудеть, да и тамо съ жалованья ему не прокормится, какъ въ одѣянїи и прочомъ. Бога ради, промишляйте объ немъ и какъ возможно старайся въ будущій годъ выпускъ ему совѣтовать получить. А вамъ отъ сердець родительскихъ зичимъ, при молитвахъ нашихъ, въ помощь благополучія вашего пробавить и континтовать до болшого степени; отъ отчизны васъ не оставляемъ во вѣви. Синочку, за присылку книгъ много благодарю и впредь просимъ переводами своими снабдивать насъ. Книжки Тюрена, съ которыхъ мѣлъ презентовать нашему шефу П. А. Румянцову, но я его дожидаясь въ полку своемъ видѣть и тогда презентовать имѣлъ; однакъ почастию въ насъ не бывалъ и затимъ остались въ мене. Болѣе за слабостію писать не досугъ. Васъ, любезнѣйшій сину, Божію промислу, при молитвахъ нашихъ, препоручаемъ. Вамъ всѣхъ благополучій вѣрно усерднѣйшій отецъ и мати Семень Параскевія Сулими.

Ноябра 30 д. 1765 г. Баршповка.

б) Любезнѣйшіе дѣты, Семень Семеновичъ, Якимъ Семеновичъ. Отпущеннымъ моими до сего къ вамъ чрезъ Кіевъ и Глуховъ писмами дала я вамъ знать о горестномъ и тяжкомъ приключенїи нашемъ, что мой мужъ, вашъ отецъ, минувшого мая 27 числа, сподня въ половинѣ третего часа, по долговременномъ разными болѣзнями страданїи, преставился изъ сего на вѣчное житїе, оставя мене съ вами въ сиротствѣ и къ пролитію тяжчайшихъ слезъ моихъ. А нынѣ и чрезъ сей удобной случай о томъ же нещастїи вамъ повторю и плачливе прошу васъ, любезніе дѣти, во всемъ томъ, что покойнїи отецъ вашъ чрезъ отправленнаго къ вамъ Якубовскаго писалъ, прилагать неусыпного старательства къ вашему благополучію и моему утоленію весноснихъ печалій. Да и сами вы, какой ни на есть съ васъ, не укосяѣтъ сюда прїѣхать подъ сей случай, ибо братъ вашъ Евстафій Семеновичъ на время было въ домъ отпросился, да и пакы на срокъ по обовязки отѣхалъ. При томъ не оставте постараца испросить у графа Румянцова сюда въ полкъ ордеръ, чтобъ значковїи товарищъ Шульговскїи, въ котораго вѣдѣнїи и званїи всѣ наши писменніе дѣла, оставленъ былъ для оныхъ, подъ такое время, при домѣ нашемъ, на свободѣ отъ полковихъ по его званію нарядовъ; и тое прислать ко мнѣ, и обо всемъ уведомить, да и Якубовскаго не медлить. Чего всего, а паче самихъ васъ, коего возможнаго

прибытія, ожидая и поручая васъ же Божію благословенію и милости, остаюсь вамъ, любезніе сыни, усердно богомолствующая печальная маты, Параскевія Сулимина.

Іюнь 9 д. 1766 г. Барышова.

9.

Письмо Василя Ивановича Скоропадскаго къ Ивану Андреевичу Войцеховичу. Окт. 1786 г.

Милостивый государь мой, Иванъ Андреевичъ. Признательно вамъ благодарю за исполненіе моей комисіи относительно отсылки письма моего въ Питербургъ и за сообщеніе разныхъ бумагъ, въ пакетъ вашемъ вложенныхъ. У насъ по Юркевичевому дѣлу есть очевидность доказательствомъ, что нынѣ въ свѣтъ все идетъ и такъ, и сякъ. Планы я у васъ оставляю, потому что они здѣланы для покойнаго отца моего и ошибкою оставлены въ комисіи покойнымъ Семеномъ Васильевичемъ¹⁾. Записку-жь, по требованію вашему, обратно вамъ отсылаю и хотя вы таите сочинителя оной, слѣдуя въ случаи сей скромности столько васъ отличающей, которой въ прочемъ правду говоря, между нами не долженствовало бы быть, однакожь по надутому слогу, по чудности изреченій, по лести безмѣрно тутъ находящейся, я отгадываю, что писалъ записку тотъ грекъ, что изъ Царьграда притекъ, несносну ябеду съ собой привлекъ и матери его да будетъ пекъ. Въ прочемъ естли тѣ безмѣрныя похвалы, коими усыпана записка, относятся на имя извѣстнаго вамъ моего благодателя и правителя сего края²⁾, то они справедливы суть всеконечно. Но естли паче чаянія (чего конечно быть не можетъ) влонятся они къ тому, кто столько фамилію нашу обидилъ, то вотъ мой на сіе отвѣтъ:

не должно,
что можно
дурака,
простака,
выхвалять,
прославлять
и повѣсть
надъ совѣсть

ни за что,
ни про что,
возвышать,
украшать
дѣлами,
хвалами.
На время
и племя,

¹⁾ Кочубей, членъ малороссійской коллегіи. † 1779 г.

²⁾ П. А. Румянцевъ.

что течеть,
извлечеть
правды свѣтъ
и минеть
ужь тогда,
на всегда,
блескъ хвалы;
а глупый
тотъ подлець,
тотъ страмецъ,
что писалъ,
что мараль,
что почѣлъ,

что вертѣлъ
и умомъ,
и перомъ,
дабы соръ
пустой вздоръ
издавать,
предавать
потомству,
къ знакомству
всѣхъ людей
по своей
глупости,
тупости,

допущень быть не можетъ.

Ожидаю отъ скромности вашей, любезный другъ, что сія пашь, которая ничто иное есть, какъ плодъ празднаго времени, останется между нами, не съ тѣмъ однако, чтобъ я сего боялся; нѣтъ! но чтобъ не имѣть себѣ непріятелей. Въ прочемъ усердіе мое и почтеніе къ вамъ есть довольно извѣстны. Итакъ не распространяя письма моего излишними онаго повтореніями, я кончу тѣмъ для меня найпріятнѣйшимъ увѣреніемъ, что есть и пребуду навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. В. Скоропадскій ¹⁾.

(Ок. 1786 г., изъ с. Авдѣвки).

10.

Два письма слободско-украинскаго епископа Христофора Сулимы къ брату Акиму Сулимъ. 1789 г.

а) 1789 года 12 августа, въ понедѣльникъ, съ Санктпетербурга.

Донесъ меня Богъ въ Питеръ благополучно сего 9 августа, въ четвертокъ. Живу въ невскомъ монастырѣ. Ризницу уже при-

---

¹⁾ В. Ив. Скоропадскій служилъ у Румянцова адъютантомъ. Подъ обидчикомъ Скоропадскихъ здѣсь разумѣется, кажется, генер.-лейт. Семень Ивановичъ Неплюевъ, мужъ двоюродной сестри В. Изъ-ча, Прасковья Петровн. Последняя, будучи бездѣвною и желая передать мужу имѣнія, выдача на послѣднія купчую крѣпость какому-то Чоголову, а Чоголовъ на эти имѣнія выдалъ Неплюеву закладную крѣпость. Скоропадскіе, послѣ долгаго процесса, добились признанія купчей крѣпости недѣйствительною и вернули отъ зятя сс. Блотницу, Васьковца, Чепелевъ и Охромѣевичи.

няли въ синодѣ. Письма поручилъ; одно только еще у меня остается къ Якимовичу. Графъ ¹⁾ сказалъ: съ удовольствіемъ приймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Петръ Васильевичъ ²⁾ приказалъ частѣе у его бывать и обѣщался такъ-же стараться, но примолвилъ еще, чтобъ собравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ ³⁾ былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался пріятнѣйшимъ; притомъ сказалъ, когда услышилъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощь, чтобъ графа повудить къ доставленію чина и—своей своему по неволѣ долженъ помогать. Есть еще дворецкій у графа съ студентовъ, Острогорскій, приближенный къ графу, а мнѣ знакомый, ибо я его отцу помогалъ еще въ Переяславѣ и онъ помнить; а посему меня скоро и къ графу представилъ и крѣпко съ Николаемъ Петровичемъ взялся часто напоминать о мнѣ графу. Но что Богъ устроить, еще не извѣстно. Въ духовныхъ нѣтъ надежды новся, кромѣ духовника; не любятъ—съ дворянъ; хотятъ, чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинъ. Митрополитъ приказалъ намѣстнику, когда буду проситься въ невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я ни за что здѣсь оставаться не соглашуся и мнѣ здѣшнее житѣе новся не кажется; я естли недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, отсель удалюся и оставлю стараніе Николаю Петровичу и г. Острогорскому. Желаніе-жъ мое, за возвратомъ, переселиться къ могилевскому преосвященному ⁴⁾: ибо онъ обѣщался дать мнѣ чиноначаліе, а большого буду ожидать въ маломъ чинѣ. Всѣ о вашемъ здоровьи спрашивали, а о дѣлахъ никто ничего ⁵⁾ не предлагалъ. Петръ Васильевичъ удивился, когда услышилъ о смерти Семена Семеновича. *Valete et sis validus; timeo, ne teneam necessitatem rerum gerendarum ideoque cito hoc mense discedam.*

P. S. Матушкѣ низенько кланяюся, а юнотѣ ⁶⁾ мысленно цѣлую. Искренно желаю видѣть всѣхъ здоровыми и благоденственными.

¹⁾ Безбородко.

²⁾ Завадовскій.

³⁾ Румянцевъ?—Отецъ его, тогдашній правитель Малороссіи, былъ сосѣдомъ Сулицъ, по таманскому мѣстности.

⁴⁾ Георгію Ковисскому.

⁵⁾ Юношѣ, г. е. дѣтей Акима С—ча.

б). Съ Санктпетербурга въ среду 1789 года, 3 октября.

Excellentissime atque clarissime!

Ce! уже благоволил Всевышній излить на мя благость свою не по моему достоинству, но щастіемъ вашихъ юнотъ, къ ихъ можетъ быть будущему удовольствію, коихъ прошу за меня поцѣловать и есть-ли успѣшны во всемъ благомъ, то и погладить, а я имъ не премину въ гостинець привезть по одной книги съ картинами. Въ день Покрова, въ который совершается въ Сулимовѣ память предковъ нашихъ ¹⁾, при посвященіи переименованныя съ богородичнаго Успенія церкви каменныя во Владимира, строившіяся 50 лѣтъ, которая на питербургской сторонѣ, въ виду множества генераловъ и народа, произведенъ митрополитомъ Гавриломъ во игумена въ свято-пиколскій моденскій монастырь, состоящій отъ Новгорода въ 15-ти верстахъ. Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что за производствомъ въ Иркутскъ архіерея и по перемѣщеніи архимандритовъ, будетъ мнѣ недѣль чрезъ двѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ здѣланъ только для совершенія порядка. За получениемъ сего позвольте васъ просить, чтобъ вы совершенно считали меня архимандритомъ и о семъ-бы отецъ Павелъ и отецъ Кондратъ принесли-бъ Богу благодареніе. Благодарилъ я графа, благодарилъ я и Николая Петровича и г. Острогорскаго, коего я вѣкъ не забуду, ибо онъ меня графу представлялъ и меня рекомендовалъ. Графъ чрезвычайно ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ, а ходатайство его и промыслъ неуспѣшны. Г. Новицкій бывши у меня, сказывалъ: „графъ-де рассказываетъ, что видѣлъ тебя въ одной каретѣ съ митрополитомъ ѳхавшаго, якобы задумавшися, сказалъ: будетъ-ли то нашъ отецъ Христофоръ архіереемъ? но я-де отвѣчалъ, развѣ по времени, а теперь по производствѣ архимандритомъ, нужно чтобъ повидѣлся съ роднею“. И сіе сказано въ мою пользу: ибо здѣсь у меня уже денегъ нѣтъ и ни у меня, ни у Гаврилы ²⁾, шубъ не имѣется. О семъ объяснить я стыдился г. Новицкому, потому что онъ-бы графу сказалъ, что было-бъ мнѣ въ стыдъ, а вамъ-бы можетъ быть было въ поношеніе. И такъ я принужденъ занять триста рублей у г. Острогорскаго. Наконецъ Николай Петровичъ спрашивалъ

¹⁾ Сулимовская церковь посвящена Покрову Богородицы.

²⁾ Слуга Сулимы.

меня, освѣдомляль-ли я родныхъ о графской милости и о успѣхъ производства. Я отвѣчалъ, что о первомъ писалъ, а о другомъ буду писать. Онъ мнѣ отвѣчалъ: пишите. Я изъ сего заключаю, что нужно и надобно, дабы вы, пока я здѣсь, письмомъ благодарили графа и г. Новицкаго; а ко мнѣ не извольте писать потому, что письмо урядъ-ли меня здѣсь застанеть: ибо я, по производствѣ архимандритомъ ¹⁾, немедленно выѣду и буду къ вамъ возвращаться чрезъ Москву, Смоленскъ и Могилевъ. Къ господину-жъ Острожскому писать я на волю вашу отдаю и за возвратомъ больше вамъ о немъ доложу. *A Zawadowsky nihil boni fecit nec post primū ostensit suū faciem.* Теперь позвольте терпѣливо внять просьбу мою: 1) нижайше прошу заготовить для отдачи денегъ г. Острогорскому хотя рублей двѣстѣ, чтобъ я могъ за возвратомъ заразъ долгъ ему отдать и симъ чувствительность оказать, а у меня надѣюся сыщется сотнишка; но при семъ прошу не беспокоить ни Скрупиного, ни пани сватовой скарбу, а изъ точного Сулиминога одолжить; я-жъ надмуся десятицею отдать. 2) Не оставте притвердить заразъ пану Матвею, чтобъ онъ часто часто чрезъ Тимоха келіи мои и въ нихъ содержимая навѣщаль и наблюдалъ, дабы было все цѣло, чисто, тепло и въ порядкѣ; а я ему уже купилъ круговое платья. Впрочемъ прошу кланяться матушкѣ и испросить ея ко мнѣ благоволенія, а безъ сего опасаясь захватъ, чтобъ иногда какъ мать и съ крестомъ меня за уши не подрала; но нѣтъ! не посмѣть! Я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я поистиннѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судьбою моею доволенъ. Желая душою моею, чтобъ мнѣ и васъ въ такомъ положеніи видѣть и воспѣть: здравствуйте! а нынѣ прощайте.

Позвольте сказать: хоть лиха набрався, но въ щастя вихався. Теперь я не прошу невѣстухку о архимандріи. Фе! и думать не хочу. А Грыбанъ отъ радости еще больше для важности грыбы свои отквасилъ. Митрополитъ мою благодарною рѣчью весьма былъ доволенъ; а по отпускѣ сего примуса за двѣ (рѣчи), т. е. одну на случай, для высочайшаго лица, а друю для митрополита. О дѣлѣ чернижовскомъ ниже слышу что; я весьма опасался при-

¹⁾ Христофоръ Сулима посвященъ былъ архимандритомъ въ гамалѣвскій харлампіевскій монастырь (глуховскаго уѣзда) 14 декабря того-же 1789 г. (объ отъѣздѣ Сулимы изъ Сиб. см. письмо Безбородка—Сборникъ русск. ист. общ., XXVI, 478). Умеръ въ 1813 г., въ санѣ слободско-украинскаго епископа.

ѣду Іоськового ¹⁾), но однакъ обманулся. Я у него не былъ еще и съ нимъ не видѣлся, а слышу, что онъ въ моей судьбѣ ни теплъ, ни холоденъ. Графу-жъ онъ сказалъ только: умно вы здѣлали, что сему невинному помогли и я радуюся. Подлинно весьма графъ ко мнѣ благопріятенъ. Онъ до небесъ возноситъ родъ Сулимъ и доброту родителей и въ одно время сказалъ: и грѣхъ мнѣ, когда я сему Сулиминому потомку не помогу. А единожды съ сожалѣніемъ говорилъ о невинныхъ доносахъ на батюшку нашего. Иваненковы ²⁾ письма часто раздѣраетъ и терпѣть не можетъ, говоря: я-бы желалъ, чтобъ сей... ни меня не зналъ, ни я его.

11.

Письма Якимъ Якимовича Сулимъ къ отцу. 1804—1805 г.

а) Милостивый государь, батюшка!

Съ позволенія г-дъ профессоровъ, Петра Ивановича Стрехова и Антона Антоновича Антонскаго, кожу я въ преподаваемые ими публичные ординарные классы опытной физики и натуральной исторіи, по 3 часа въ недѣлю. Приватныя лекціи для философіи имѣть буду, дней чрезъ пять, у профессора философіи Павла Аѳанасіевича Сахацкаго, о учености коего извѣстно и въ самой Германіи; онъ знавъ дядюшку Христофора Семеновича ³⁾, еще іеромонахомъ въ кievской академіи, съ охотою на сіе согласился; о цѣнѣ, однако-жь, за каждую часть философіи еще не объявилъ. Но профессора для смѣшенной математики до сихъ поръ не нашли; Панкевичъ, весьма прославившійся профессоръ науки сей, по причинѣ слабаго своего здоровья, приватныхъ лекцій никому не даетъ; а другіе профессора то весьма дорого цѣнятъ труды свои, то далеко живутъ.

По вступленіи моемъ въ классы, имѣлъ я честь быть съ Иваномъ Ивановичемъ ⁴⁾, 19 го сего мѣсяца, у его превосходительства Александра Андреевича; и приняты мы были

¹⁾ Кажется, слѣдуетъ разумѣть Суденка (Осипа Степановича), бывшаго фактумомъ у Безбородка.

²⁾ Иваненка, Григорія Григорьевича, назначеннаго переяславскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго Семена Ива—ча Сулимъ, отца Христофора.

³⁾ См. выше, № 10.

⁴⁾ Ваниновскимъ, воспитателемъ Як. Як—ча Сулимъ.

весьма благосклонно: онъ изволилъ спрашивать о здоровьи нашемъ, о братѣ Павлѣ Якимовичѣ, вышлили сестры замужъ и приказалъ намъ остаться у его обѣдать. Впрочемъ я не знаю, что со мною его высокопр-ву по письму вашему, на которое отвѣчать обѣщались, угодно будетъ здѣлать. Ожидая, въ разсужденіи сего, вашихъ повелѣній и испрашивая родительскаго благословенія, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь батюшка, всемокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сузима.

9 октября, 1804-го года.

Москва.

P. S. Квартиру, которая была далеко отъ университета, мы перемѣнили: она теперь близъ самаго университета, въ домѣ университетской церкви пономаря.

б) Милостивый государь, батюшка! Пользуясь недавно открывшеюся здѣсь весною, посѣщалъ я нѣкоторыя достойныя примѣчанія мѣста: и ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ голицинская, недавно выстроенная, больница. Князь, движимъ будучи нѣжнѣйшею чувствительностію къ человѣчеству, умѣлъ украсить благодѣтельное сіе заведеніе и превосходнѣйшимъ вкусомъ въ расположеніи, и совершеннѣйшимъ искусствомъ въ исполненіи. Прийти туда: въ покояхъ—цѣль и средство; во храмѣ Бога—великолѣпіе и благоговѣніе входящихъ. Тутъ позналъ я силу произведеній великихъ артистовъ на чувствованіе наше. Величественныя изъ церквей востѣмъ мраморныхъ столбовъ, пространство, свѣтъ, игра горящаго солнца въ яркой бронзѣ у жертвенника, вселяютъ нѣкоторый священный страхъ, и—слышешь, кажется, гласъ: земля, на ней-же стоиши, свята есть! Сіе чувствованіе растворяется надеждою, когда обратятся глаза на картины, представляющія разительно Божество, его величіе и премудрость, его благодать и милосердіе—картины, кои пребудутъ вѣчнымъ предметомъ удивленія! При таковой переѣвѣ движенія духа, тихая и совершеннѣйшая гармонія пѣвцовъ, переливаясь изъ тона въ тонъ, изъ трели въ трель, погружаетъ его въ какое-то пріятное забвеніе, возвышаетъ его, и—онъ стремится къ своему началу—всеобщей причинѣ. Тутъ проникъ я Сократову истинну: совершеннѣйшая музыка есть настоящая философія! Мраморный памятникъ, воздвигнутый въ честь строителю, за-

служиваетъ также великаго вниманія: онъ выработанъ съ послѣднею возможностію. Женщина, стоящая предъ бюстомъ на колынахъ съ распростертыми руками, и обращаясь къ олтарю, упрекаетъ, вѣжета, самое небо въ отнятіи таковаго благодѣтеля людей! Нельзя не подумать, что въ хладный сей мраморъ, образованный рукою искусства, не заключена и жизнь, и душа. Каждая часть, каждая черта живо выражаетъ свѣдающее сердце тягостнѣйшею печалію, и не находящее ни въ чемъ утѣшенія!...

Ты былъ другъ природы! сказалъ я. Ты здѣлалъ честь нашему времени!—Достойное достойному!!!... Я приготавливаю себя видѣть Останкинъ, мызу г. Шереметьева. Сіе мѣсто заслужило удивленіе двухъ императоровъ, Іосифа II и Павла I.

Примите, милостивый государь, батюшка! усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ покорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

16-го маія, 1805-го года Москва. На Никольской. Въ Бого-явленскомъ монастырѣ.

P. S. Уже двѣ молотильни осматривали мы, однакожь сверхъ того, что солома совсѣмъ къ употребленію, выключая корму скота, не будетъ годиться, вычислилъ я, что 5 человекъ, работая на ней 12 часовъ безъ отдохновенія, не больше могутъ обмолотить 30 копенъ. Правда, работа на ней весьма легка: шевчики, а не шевцы, съ приставникомъ съ нею управятся. Цѣна за оныя по 300 ру. Смотрѣли мы и вѣзляницы: они точно такія, какъ наша; въ нашей только размѣръ потерянъ. Сіе удержало насъ заплатить 100 ру. за простую сію машину. Бритвы при семъ имѣемъ честь поднести: для нихъ потребна только горячая вода и ремень, но никогда оселокъ.

е) Милостивый государь батюшка! Наконецъ пришли тѣ драгоценнѣйшія минуты, что хвалюся предъ вами. Выслушалъ я курсъ философіи; понимаю то, что есть чистое и человекъ достойное! Я счастливъ: знаю то, чего-бы не зналъ, не имѣя родителя философа! Чувствованіе сего счастья, недовѣдомаго многимъ, зажгло новый и вѣчный огонь благодарности ему Великому! на жертвенникѣ моего сердца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь батюшка! послушать еще отъ премудростей безсмертной Ураніи, подвергающей эеиры своему разуму, да познаю и я пути небесныя, бѣги свѣтилъ по

неизмѣримымъ эллипсисамъ, таинственные законы звѣздъ; да узрю по-ближе дѣла персть Божіихъ. Ни пышности должностей гражданскихъ, ни блески буйной славы подвиговъ воинскихъ, не прельщаютъ меня: я музамъ себя посвятилъ. Благоволите, что-бъ и сѣверъ къ новому году совсѣмъ не нуженъ мнѣ былъ, да поздравлю онымъ и облобизаю руки родителя, котораго почитаю и которому удивляюсь! Милостивый государь, батюшка, вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

4 іюля, 1805-го года. Москва. На Никольской, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

*) Милостивый государь, батюшка! Письмо ваше и деньги 700 р. получили мы 19-го сего мѣсяца, исправно. Мнѣ весьма прискорбно, что не могу похвалиться вамъ: воля ваша исполнена, я записанъ въ университетъ. Сему причиною крайняя слабость, которую почувствовалъ я съ 25 сентября, во всѣмъ моемъ корпусѣ, сопровождаемая чрезвычайною тяжестію. Хина, которой съѣлъ на 6 р., выключая другихъ лѣкарствъ, поставила меня теперь на ноги, но которой оставлять еще не велать. Въ семъ-то случаѣ увидѣлъ я наиболѣе привязанность и усердіе ко мнѣ Ивана Ивановича: не только самъ трудился онъ, но призывалъ еще старыхъ своихъ знакомыхъ изъ г-дѣ медиковъ, доктора Вегнера и Фреза. Растройка сія въ здоровьи дала мнѣ знать, что я не способенъ оставаться болѣе въ ученоемъ кругѣ. Чистая маеоматика, сдѣлавшись моимъ ремесломъ, престанетъ быть уже источникомъ пріятныхъ для меня занятій, но будетъ тяжкимъ бременемъ. Того не довольно, что могу я читать свободно всю чистую маеоматику въ ея аппликаціяхъ къ смѣшенной: но и самыя тончайшія произведенія великихъ умовъ долженъ знать механически, какъ знаю артилерію, которая однако-жъ не можетъ быть мнѣ полезна. Таковы подлежатъ мнѣ труды; а я не могу и 4-хъ часовъ въ сутки, хотя сіе время и не достаточно, работать, какъ работалъ въ астрономіи надъ плоскою и ортогографическою проеціями, въ чистой маеоматикѣ надъ дифференціаломъ и интеграломъ, гдѣ разумная способность человѣка, отдѣляясь отъ всякой матеріи, занимается свободно вещами, вѣшнимъ чувствамъ неподверженными, дѣлаетъ ихъ возможными, дѣйствительными, даетъ имъ различные виды и назначенія. Сіе-то положеніе маеоматиковъ страшно: они не могутъ тутъ примѣчать, какъ время, шумя на быстрыхъ крыльяхъ, похищаетъ у нихъ половину дни, или половину ночи. Да и при испытаніяхъ пуб-

личныхъ не спросить: каково здоровье ваше? Мнѣ не возможно будетъ пользоваться полезнѣйшими совѣтами дражайшаго родителя! ни заниматься долго подобными работами, его вѣжнѣйшими попеченіями, его ласками—первѣйшимъ благомъ! Я долженъ править симъ тяжелымъ плугомъ и ожидать почти всеобщаго конца маематикамъ, котораго не избѣжали ни г. Голдбахъ, ни Иде, ни Загорскій, ни Панкевичъ! Почтенные сіи мужи вмѣсто того, чтобы пожать плоды на нивѣ долговременныхъ трудовъ своихъ, изнемогаютъ первые три—отъ лютѣйшей чахотки, дѣлающей самое бытіе ихъ несноснымъ, а послѣдній—паралитикъ. Такова маематика. Сверхъ того, лишаетъ она прочихъ полезныхъ познаній, требуя непрерывныхъ упражненій въ ней или въ ея остротахъ, часто бесполезныхъ, но которыя привыкли называть маематическими чудесами! Я предъ вами, дражайшій родитель!—открываюсь! не открыться—себя стыжусь: страшусь, со времени растройки въ здоровья моемъ, принять ее и на время своимъ ремесломъ, оставляя щастливѣйшимъ меня въ комплекціи: и кандидатства, и магистерства, и адьюкства; и прилѣжняйше прошу васъ, милостивый государь, батюшка! дать мнѣ другое средство къ политическимъ потребностямъ. Практическая астрономія—веретено, возлѣ котораго обращается непрестанно моя мысль! Не уйдетъ, когда почувствую здоровье мое возстановленнымъ и представится къ тому благоприятный случай. Впрочемъ, есть-ли проходить мнѣ ученые степени есть непремѣнная ваша воля, скажите—готовъ и послѣдними силами: або нѣтъ для меня вичего пріятнѣйшаго и лѣстнѣйшаго, какъ совершеннѣйшее покореніе и возможнѣйшее исполненіе оной и всего того, что можетъ усладить дни ваши, толико для насъ драгоценны! Милостивый государь батюшка! вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулама.

24 октября 1805 года. Москва. Богоявленскій монастырь.

d) Monsieur et très cher père! Enfin après un hyver fort irrégulier, le printemps commence ici à se faire sentir tout inopinément; et il n'est pas étonnant que les chevaux, que vous avez eû la bonté de nous envoyer, sont venus harassés quoiqu'ils n'ayent aporté pas un poud du tabac. Ces mêmes circonstances ne nous laissèrent pas nous déterminer de vous envoyer en profitant du retour de Hamaniza à Koustricz: quelques modèles des machines économiques que mon frère aporta de payes étrangers et de Finlande et notre bibleotheque. Nous nous contentons donc de Vous faire passer seulement une petite quan-

tité de confitures dont vous m'avez parlé à mon départ de chez vous, et de semense Kounjoutnoe.

Jusqu'à présent je ne vous ai rien dit que je m'occupe d'Architecture et de l'art des Jardins. Dans la première j'ai fait déjà quelques pas, grâce à mon ami M-r de Stassoﬀ, professeur de l'Architecture de l'Accademie de s-t Luc à Rome. Plus je contemple les monumens de la haute antiquité, plus j'y trouve de solidité, de convenance et de beauté. Ces productions de l'antique art de batir dont la fermeté extrême nous étone et fera l'admiration de ceux qui naitront long temps après nous, font bien voir que l'envie de plaire n'étoit jamais l'objet de l'architecture; son but étoit la solidité de batimens, l'utilité publique et particulière, le bonheur et conservation des individus. Il est bien vrai que la beauté n'y fut point oubliée; mais l'air majeustneux et inposant des enciens édifices, qui les distingue des batimens modernes chargés des ornemens et des decorations mal entendues, ne depend que de la proportion de chaque masse en particulier et de l'harmonie qui regne entre les partie et leur ensemble.

Quand à l'art des Jardins j'en suis plus satisfait que je ne m'en attendois pas. Digne enfant de la belle nature! Cette jeune Muse élevée par la philosophie des anglois qui ne sont jamais las de l'examen de la nature, nous apprens de nous entourer des objets plains d'attraits et nous inspire les plaisirs les plus doux, les plus nobles, les plus durables qui fleurissent dans le carrière de la vie, plaisirs qui convient à tous les ages, à tous les états, à toutes les situations de l'homme, plaisirs, dit M-r Guichfeld, que les sujet partage avec son roi. Car quelles connoissance de la peinture en paysage, que de gout et de jugement qu'il faut avoir pour pouvoir, en imitant la belle nature se figurer l'ordonnace d'une vaste tableau sur le terrain ou l'on rencontre presque à chaque pas une foule d'obstacles qu'on ne peut surpasser qu'à force d'imagination bien exercée et par un travail soutenu. J'aime à surmonter les difficultés et je suis conduit dans la theorie de cet art par les talens et les lumiers de Guirchfeld; je vous supplie donc mon très cher Père de faire choisir un garçon, qui sait lire et écrire, d'une meilleure et riche famille de Vos sujets, de l'angager pres d'un Alemend qui dirige le jardin imperiale à Kiew et de le faire passer d'entre les bras de sa mère tout droitement à Kiew pour qu'il ne soit pas imbu des moeurs des courtisans. L'aurois besoin de bon cultivateur des plantes et des arbres: car je veux Vous faire un jardin qui surpassera le paradis que Mahomet imagina pour le recompense de Mousoulmans. J'àl l'honneur d'être.

Monsieur et très cher Père Votre très-humble et très obcissant serviteur et fils Ioachim Soulima.

Le 17 mars, 1811.

S. P-bourg.

Переводъ. Милостивый государь, дорогой отецъ! Наконецъ то, послѣ очень неровной зимы, совершенно неожиданно весна начинается здѣсь давать себя чувствовать; а потому не удивительно, что лошади, которыя, благодаря вашему вниманію, были намъ высланы, оказались измученными, хотя не привезли ни одного пуда табуу. Тѣ-же обстоятельства не дозволили намъ воспользоваться отъѣздомъ Гаманицы въ Кустичи, чтобы переслать вамъ нѣсколько моделей хозяйственныхъ машинъ, которыя привезъ мой братъ изъ заграницы и Финляндіи, а также нашу библіотеку. Поэтому ограничиваемся только посылкою конфетъ, о которыхъ вы говорили при моемъ отъѣздѣ, и кунжутныхъ сѣмянъ.

До сихъ поръ я вамъ еще ничего не говорилъ о своихъ занятіяхъ архитектурой и садоводствомъ. Въ первой я уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, благодаря моему другу Стасову, профессору архитектуры академіи св. Луки въ Римѣ. Чѣмъ болѣе изучаю я памятники глубокой древности, тѣмъ болѣе нахожу въ нихъ основательности, цѣлесообразности и красоты. Эти созданія древняго строительнаго искусства, необычайная прочность которыхъ удивляетъ насъ и заставляетъ восторгаться далекимъ нашихъ потомковъ, доказываютъ ясно, что желаніе нравиться никогда не было цѣлью тогдашней архитектуры; цѣль ея заключалась въ прочности зданій, общественной и частной пользѣ, въ довольствѣ и безопасности отдѣльныхъ личностей. Правда, что красота нѣсколько въ нихъ не была забыта; но величественная и внушительная наружность древнихъ зданій, которая ихъ отличаетъ отъ новыхъ построекъ, обремененныхъ разнаго рода украшеніями, плохо понятыми, зависитъ только отъ соразмѣрности каждой массы въ частности и отъ гармоніи, которая царствуетъ между частями и цѣлымъ.

Относительно садоводства, я настолько доволенъ, какъ и не ожидалъ!—Достойное дитя прекрасной природы! Эта молодая муза, воспитанная философіей англичанъ, которые никогда не утомляются созерцаніемъ природы, учить насъ окружать себя предметами, полными привлекательности и внушаетъ намъ самыя пріятныя, самыя благородныя и самыя продолжительныя наслаж-

денія, которыя радуютъ насъ въ продолженіе всей жизни,—наслажденія, которыя соотвѣтствуютъ всякому возрасту, всякому положенію и всякому состоянію чловѣка, и которыя, по выраженію Гиршфельда, подданный раздѣляетъ съ своимъ королемъ. Какихъ нужно познаній въ пейзажной живописи, сколько нужно вкуса и разсудка, чтобы, подражая чудной природѣ, представить расположеніе обширной картины на землѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу встрѣчается масса препятствій, побѣда надъ которыми возможна лишь при помощи хорошо изощренного воображенія и неустаннаго труда. Я люблю преодолевать затрудненія и—въ теоріи этого искусства, руковожусь талантами и знаніемъ Гиршфельда. Прошу, дорогой отецъ, прикажите найти межъ вашими крестьянами грамотнаго мальчика изъ хорошей и зажиточной семьи, и затѣмъ—отдать его къ нѣмцу, завѣдующему царскимъ садомъ въ Кіевѣ; но только отдать прямо изъ семьи, чтобы къ нему не могли привиться нравы дворовыхъ. Мнѣ будетъ необходимъ хорошій садовникъ, такъ какъ я желаю устроить вамъ садъ, который превосходилъ-бы рай, который созданъ Магометомъ для его мусульманъ.

12.

Письмо Павла Якимовича Сулимы къ отцу и отвѣтъ отца. 1804 г.

a) Monsieur et très cher père. N'ayant jusqu'ici reçu aucune nouvelle de la lettre de change, qui devoit, suivant ce que Vous nous avez écrit, suivre immédiatement votre lettre du ^{13^e}/₂₇ d'avril, je me trouve obligé de Vous en faire part en vous priant très humblement d'en accélérer l'envoi, s'il est possible, avec le supplément de 1000 r. que vous avez eu la bonté de nous accorder. Le sémestre présent tire à sa fin et en couronnant mes travaux par l'attestation de l'Université, je me flatte d'avoir satisfait aux désirs et aux souhaits de mon très cher père. Pour y parvenir il me falloit subir l'examen de la faculté de Philosophie: j'ai comparu suivant l'usage devant cette imposante compagnie; six Professeurs, le Doyen en tête, ont assisté et présidé à mon examen: M rs Tychsen, Schlötzer, Meyer, Meiners, Eychhorn et Mischerlich; c'étoit le ²⁰/₁₁ Avril et j'ai reçu le diplôme de Docteur en Philosophie muni de la signature de M r Tychsen, Doyen de la faculté de Philosophie et scellé du sceau de l'Université, ci joint la copie et celle de mon serment. Apres avoir disseré

de jour en jour en attendant la lettre de change ci—mentionée, je vous les envoie en vous faisant mille remerciemens pour vos soins et vous priant tres humblement de vouloir bien les agreer comme une preuve parlante de mon zèle ardent pour l'accomplissement de vos vœux. Il ne me reste donc que commencer l'autre carrière en me rendant à Petersbourg: et je mettrai en route dès que j'aurai reçu l'argent, qui nous manque déjà depuis longtems, le plutôt sera le mieux; nous serions charmés de profiter, s'il est possible, de la belle saison pour notre voyage pour ne pas arriver à Petersbourg sur l'arrière saison.

Dans l'esperance de recevoir bientôt de Vos chères nouvelles j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission votre très humble serviteur et fils Paul Soulima.

Le $\frac{20 \text{ Juin}}{5 \text{ Juil}}$ 1804. Göttingue.

Переводъ. Милостивый государь и дорогой отецъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого свѣдѣнія на счетъ векселя, который, по вашимъ словамъ, долженъ былъ слѣдовать за вашимъ письмомъ отъ 18/27 апрѣля, я принужденъ напомнить вамъ объ этомъ и покорнѣйше просить, если возможно, ускорить высылку такового съ прибавленіемъ 1000 р., которую вы по вашей добротѣ подавали намъ.

Настоящій семестръ приближается къ концу и, вѣнчая мои труды университетскимъ дипломомъ, заставляетъ меня надѣяться, что я удовлетворилъ требованіямъ и желаніямъ моего дорогого отца. Для достиженія этого, мнѣ нужно было держать экзаменъ по философскому факультету; я предсталъ по обычаю предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ: шесть профессоровъ съ деканомъ во главѣ, присутствовали на моемъ экзаменѣ: Тихзенъ, Шлетцеръ, Мееръ, Мейнерстъ, Эйхгорнъ и Мичерлихъ; совершилось это 29/11 апрѣля—мая, и я получилъ дипломъ доктора философіи, съ подписью г. Тихзена, декана философскаго факультета, и съ университетской печатью. Прилагаю копію диплома и копію моей присяги, посылкою которыхъ медлилъ въ ожиданіи со дня на день вашего векселя. Отправляя эти документы, приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши заботы и покорнѣйше прошу принять эти бумаги, какъ живое доказательство моего пламеннаго усердія исполнять ваши желанія. Затѣмъ, предо мною начало другаго поприща—въ Петербургѣ. Уѣду я, какъ только получу деньги, въ которыхъ мы давно уже чувствуемъ недоста-

токъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мы будемъ въ восторгѣ воспользоваться, если возможно, прекраснымъ временемъ года для нашего путешествія, чтобы не опоздать и не попасть въ Петербургъ осенью.

Le 17²⁸ d'aout 1804. Souliminci.

О Mon cher fils Paul. Je me hâte de vous avertir par la poste de Kiew, que le 22 du mois Courant du v. st., j'ai envoyé d'ici par un Expres à Czernihow chez Wasily Jw-cz Ienko, 2,200 roubles pour Vous faire parvenir cette somme par des lettres de change de Moskou. Les vôtres de Gottingue écrites le 30 d'avril et 5 de Juillet duv. st. de l'année présente me sont parvenues la 1-ri le 31 de Mai et la dernière le 18 du mois courant. C'est au comble de ma joye, que je me vois parvenu à avoir un fils si cher comme vous, digne d'un grade de Docteur en philosophie, fondement inébranlable d'une vray felicité dans ce monde: nul autre grade, ni militaire ni civil, ne m'auroit jamais consolé autant que celui que vous venez de recevoir dans une Université aussi célèbre que celle de Göttingue: je vous en felicite mon cher fils du fond de mon coeur. Mais étant venu à Petersbourg, nonobstant le titre de docteur, vous devez subire un examen: c'est par ce moyen seul, que la loi veut qu'un Etudiant, qui a fait des Etudes aux frais de la couronne, soit accepté aux services avec un grade d'officier: or celui, qui les a faites à ses propres depens, en merite préférablement: Que dire d'un docteur en philosophie mis déjà en epreuve et muni d'un privilège? mais ce titre vous mène aux services plutot sivils que militaires: l'entrée à ceux-ci d'un Docteur sera bien sans exemples. C'est donc au ministre des affaires interieures M-r le comte Victor Paulovicz Koczoubey, ou bien à celui de justice prince Petr Alexeewicz Lopouchin, que vous vous devrez adresser (après avoir subi l'examen) avec votre privilège de Docteur, en cherchant service pour en obtenir un grade competant à un docteur en philosophie, et non pas à un Etudiant: et je ne manquerai pas de prevenir votre arrivée de Petersbourg, que je suppose vers le milieu du mois de Novembre, par des lettres aux dits seigneurs, de sorte qu'au moment de votre départ de Gottingue vous m'en avertirez par une lettre en l'adressant une par Kiew a Perejaslaw du Gouvernement de Poltawa, et l'autre par Czernihow. Si j'ai tardé à vous envyer le dite somme, c'est à cause d'un achat de terre, que j'ai fait près de notre *choutor* pour 2 mille roubles, aussi j'avois à payer 600 roubles à Ma-mѣ votre chère Epouse mon cher Iwan Michaïlowicz,

dont voici la copie d'une quittance. Un catastrophe assez triste m'a fait tarder aussi: votre soeur Marie ayant pour son Mariage avec Подсудокъ de Perejaslaw M-r Маркевичъ suivie la meme voie qu' à voit prise votre soeur Paranka. Mais vous me consolerez encor par une nouvelle du soin que vous prenez toujours à conserver votre santé et les yeux. Votre frère va le mois, qui suit, à Moscou accom-
pagné par M-r Iwan Iwanowicz Korizky, pour y achever les Etudes sous la protection (entant qu'il s'en rendra digne) de S. E. M-r Alex. Andr-cz Beklechew General Gouverneur de Moskau.

Adieu, mon cher fils.

P.S. Mille et mille respects à vous mon cher Iwan Michailowicz: le privilège de docteur sur le perchemin, dont vous m écrivez doit être présenté non pas à moi, mais à l'Academie de Petersburg.

17/.. августа 1804 г. Сулимивцы.

Переводъ. Дорогой мой сынъ Павелъ. Спѣшу увѣдомить тебя по кievской почтѣ, что 22-го текущаго мѣсяца, я съ нарочнымъ выслалъ отсюда въ Черниговъ, Василю Ивановичу Енько, 2200 рубл., для отправки тебѣ этихъ денегъ векселями изъ Москвы. Твоя письма изъ Геттингена отъ 30 апрѣля и 5 юля сего года, получены мною, 1-е 31 мая, а послѣднее 18-го сего мѣсяца. Для меня верхъ отрады чувствовать, что я имѣю такого дорогого сына, какъ ты, сына—удостоеннаго степени доктора филосоiи!—Послѣднее—прочное основанiе истиннаго благополучiя въ этомъ мiрѣ: никакое другое удостоенiе, ни военное, ни гражданское, не доставило бы мнѣ столько отрады, какъ то, которое ты получилъ въ такомъ знаменитомъ университетѣ, какъ геттингенскiй! Поздравляю тебя, сынъ мой, отъ глубины души моей!—Но за прибытiемъ въ Петербургъ, не смотря на полученную докторскую степень, ты долженъ будешь держать тамъ другой экзаменъ. Этотъ-то только способомъ по закону учившiйся на казенный счетъ можетъ быть принятъ на службу съ офицерскимъ чиномъ; но учившiйся на свои средства, конечно, удостоенъ будетъ этого чина съ предпочтенiемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о докторѣ филосоiи, выдержавшемъ экзаменъ и—съ дипломомъ въ рукахъ. Но этотъ титулъ даетъ тебѣ болѣе правъ на службу гражданскую, чѣмъ на военную; военный со степенью доктора—явленiе вѣдъ примѣровъ. Поэтому, вслѣдъ за экзаменомъ, тебѣ слѣдуетъ обратиться съ докторскимъ дипломомъ въ рукахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Виктору Павловичу Кочубею, или къ

министру юстиціи, князю Петру Алексѣевичу Лопухину и—искать должности, соотвѣтствующей степени доктора философіи, а не званію студента. Я не упусти, конечно, еще до твоего пріѣзда въ Петербургъ, что будетъ, по видимому, около половины ноября, предупредить названныхъ сановниковъ письменно. И такъ, о выѣздѣ изъ Геттингена ты меня извѣсти, адресуя одно письмо черезъ Кіевъ, въ Переяславъ, а другое—въ Черниговъ. Если я опоздалъ выслать деньги, то случилось это вслѣдствіе сдѣланной мною покупки земли, поблизу нашего хутора, за которую заплатилъ 2000 р. Кромѣ того, я долженъ былъ уплатить 600 руб. вашей дорогой супругѣ, мой любезный Иванъ Михайловичъ, въ чемъ прилагаю копію квитанціи. Да случилось еще одно грустное событіе, которое также задержало меня: ваша сестра Марья, имѣющая теперь мужа, въ лицѣ переяславскаго подсудка Маркевича, пошла по стопамъ сестры вашей Параньки¹⁾. Утѣшилъ ты меня также и извѣстіемъ о твоей заботливости по сохраненію здоровья и глазъ. Братъ твой ѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Москву, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Корицкаго, для окончанія своихъ наукъ, при помощи (если будетъ достоинъ) его пр—ва Александра Андреевича Беклешева, московскаго генералъ-губернатора. Прощай, мой дорогой сынъ!

P.S. Тысячи пожеланій вамъ, мой дорогой Иванъ Михайловичъ! Докторскій дипломъ на пергаментѣ, о которомъ вы мнѣ пишете, долженъ быть представленъ не мнѣ, но въ петербургскую академію²⁾.

Доставившій столько счастья отцу своимъ докторскимъ дипломомъ и затѣмъ значительными успѣхами въ службѣ, военной, а не гражданской, какъ предполагалось, Павелъ Акимовичъ умеръ въ 1812 г. Акимъ Семеновичъ въ дневникѣ своемъ, о которомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, смерть сына Павла отмѣтилъ слѣдующими строками:

¹⁾ „Паранька“, т. е. Пасковья Акимовна вышла замужъ, какъ уже упомянуто въ предисловіи, за Ивана Андреевича Войцеховича, во время службы Акіма Сем—ча въ Черниговѣ, гдѣ Войцеховичъ занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. По видимому, бракъ состоялся противъ воли отца, ожидавшаго, конечно, болѣе видныхъ жениховъ. Переяславскій подсудокъ—быть еще ниже, по своему рангу.

²⁾ Обращеніе эт. относится къ Ив. М—чу Ванновскому, бывшему воспитателемъ Павла Ак—ча, сопровождавшему его и за границу. У младшаго брата, Акіма, воспитателемъ былъ И. И. Корицкій.

„Paul Joach-cz Soulima, capitaine de la suite de S. M., étant commandé de S.-Peterzbourg à Ostaschkow pour en chasser les ennemis du district de ce nom, sous les ordres du prince Wolkonsky, alors chef de la suite de S. M., en passant par Bronica, est mort на почтовомъ дворѣ. Sa mort est publiée Московск. Вѣдом. an. 1812, № 99, page 1851^а.

Дневникъ Станислава Рсвѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюля 1. Въ субботу все войско отдыхало; пѣхота была изнурена трудомъ въ теченіи цѣлаго предъидущаго дня и пребываніемъ въ продолженіи всей ночи въ строю подъ дождемъ, а конница не менѣе выбилась изъ силъ, такъ какъ лошади три послѣдніе дня, не выходя почти изъ строя, оставались безъ корма. Между тѣмъ король совѣщался съ опытными въ военномъ дѣлѣ людьми о томъ, предпринять-ли штурмъ козацкаго лагеря, или заключить его въ осаду. Предпріятіе это было не легкое; таборъ козацкій былъ многолюдный и огромный, такъ, что конца его не было видно; въ немъ пылали многочисленныя костры и кругомъ возвышались сильныя земляныя укрѣпленія; притомъ козаки уже находились въ отчаяніи, а отчаяніе даже боязливыхъ дѣлаетъ храбрыми. Между тѣмъ ихъ не переставали тревожить пальбою изъ небольшихъ походныхъ пушекъ, за артилерію-же большого калибра отправили королевскихъ лошадей въ Броды. Козаки совершенно потеряли самоувѣренность и стали метаться, ища спасенія, подобно утопающимъ, хватающимся за водоросли.

Іюля 2. Въ воскресенье козаки заявили готовность просить помилованія и прислали объ этомъ письмо къ королю. Другое письмо прислалъ князю Вишневецкому бѣлоцерковскій полковникъ Крыса; онъ просилъ князя поручиться за козаковъ, обѣщая, что въ теченіи двухъ дней они все сдадутся; тѣмъ не менѣе, они

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь и сентябрь „Кіев. Ст.“.

продолжали непріятельскія дѣйствія, палили въ наше войско изъ пушекъ и не допускали насъ къ переправѣ. Потерявъ надежду на возвращеніе Хмельницкаго и чувствуя, что столь многочисленное войско не можетъ оставаться безъ предводителя, козаки избрали на мѣсто Хмельницкаго гетманомъ Джеджалія, того самаго, который въ началѣ возстанія, во время похода на Жолтыя Воды, поднялъ на Днѣпрѣ знамя бунта противъ старшины, преданной Рѣчи Посполитой и, вмѣстѣ съ другими, перебилъ ее. Ему, не смотря на его сопротивленіе, насильно вручили начальство; но Джеджалій принялъ оное лишь на нѣсколько дней, чувствуя, что можетъ поплатиться головою за эту должность. Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь, но король приказалъ стрѣлять въ перебѣжчиковъ, а для того, чтобы они не могли спастись бѣгствомъ, привязано было князьямъ Вишневецкому и Радзивиллу съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позицію сзади за ихъ таборомъ; но приказъ этотъ не былъ исполненъ, ибо князь Вишневецкій потребовалъ 15,000 войска, а король не хотѣлъ отпустить такого количества. Между тѣмъ совѣщались по поводу письма, заключавшаго просьбу о помилованіи: одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнивъ смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиковъ; другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово относительно прощенія, и потомъ, отнявъ пушки и оружіе, распределить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, отнять у оставшихся всѣ привиллегіи, на вѣчныя времена запретить употребленіе оружія, истребить ихъ вѣру (въ виду этого предложенія кievскій воевода Адамъ Кисѣль былъ удаленъ изъ совѣта подъ благовиднымъ предлогомъ) и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію; непріятель-же, въ виду нашего бездѣйствія, не упускалъ ни одного средства къ своему спасенію; онъ отстрѣливался изъ валовъ и, выбирая удобное время, предпринималъ вылазки; въ ту-же ночь нѣкоторые ползкомъ прокрались въ одинъ изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ и изъ нихъ 8 человекъ убили, а многихъ переранили косами; они чуть было не овладѣли редутомъ и были оттиснуты только во время подосиѣвшимъ подкрѣпленіемъ.

Іюля 3. Въ понедѣльникъ къ намъ стали перебѣгать изъ козацкаго лагеря шляхтичи, утверждавшіе, что они находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію и будто ихъ насильно

заставили принимать участіе въ войнѣ; на самомъ-же дѣлѣ они, потерявъ все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ. Эти-то перебѣжчики извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія, что обыкновенно бываетъ, когда нѣтъ вождя. Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши возвратились въ лагерь, и когда удалился самъ кастелянъ краковскій, на горѣ-же, возвышавшейся надъ козацкимъ таборомъ, оставлены были только два полка, непріятель, сознавая неудобство для себя нашей позиціи на той горѣ, наступилъ всѣми своими силами на оставшіеся полки; и тѣ, не получая подкрѣпленій, должны были, отстрѣливаясь, отступить не безъ урона въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но не долго могъ удержать эту позицію, ибо на разсвѣтъ хорунжій коронный (Конецпольскій), выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ непріятелей отступить обратно въ таборъ, при чемъ многіе козаки были перебиты и потоплены въ прудѣ, позиція-же на горѣ вновь была нами занята.

Іюля 4. Хотя по видимому и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ то, что относится ко многимъ знаменитымъ и храбрымъ военачальникамъ, что умѣли побѣдить, но не умѣли воспользоваться побѣдою. Врагу разбитому, обѣятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели мы, пребывая долго въ бездѣйствіи, дозволили отдохнуть, оправиться, возстановить совершенно было упавшую бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ-же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію врага и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору. Принято было рѣшеніе, чтобы врага окружить со всѣхъ сторонъ окопами, занять эти послѣдніе войскомъ, сзади-же войско обезпечить возами и такимъ образомъ подавить враговъ голодомъ, такъ какъ приступъ былъ невозможнымъ. Въ тотъ-же день воздвигнуто было множество шанцевъ и редутовъ и почти вся работа была завершена. Для усиленія военной дисциплины среди дворянскихъ поголовныхъ ополченій, ихъ распредѣлили по частямъ и присоединили къ отрядамъ наемнаго войска; изъ числа ихъ, ополченія краковское, сендомирское, познанское и калишское, прихода котораго еще ожидали, присоединены къ королевскому полку. Ополченія волынское, под-

ляское и русское не хотѣли было сразу согласиться на эту мѣру, заявляя различные предлоги въ дѣйствительности-же не желая отправляться, согласно полученному приказанію, на ту сторону рѣки, гдѣ они могли ожидать частыхъ нападеній.

Между тѣмъ враги, понявъ наше намѣреніе и встревожившись вслѣдствіе приближенія нашего войска, съ большою рѣшимостью вышли изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшились сразиться, но были храбро оттиснуты нашими войсками къ табору, при чемъ нѣсколько сотъ ихъ погибло. Впрочемъ побѣда эта не даромъ досталась и нашимъ войскамъ: нѣсколько товарищей было убито; раненъ былъ выстрѣломъ панъ Сокоръ, храбро предводительствовавшій своимъ отрядомъ, равно и панъ Пясечинскій. Пушки въ теченіи цѣлаго дня гремѣли съ обѣихъ сторонъ; но наши были больше калибромъ и причиняли больше вреда, а непріятельскія ядра хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности; отъ нихъ убитъ былъ только одинъ товарищъ и нѣсколько рядовыхъ, также убита лошадь подъ паномъ Яцкомъ Разражевскимъ, самъ-же онъ, по милости Божьей, остался невредимъ. Ночью хлопы безпрестанно старались насъ беспокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ натискомъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

Доставлено было письмо, написанное ханомъ 30 іюня подъ Константиновымъ. Ханъ, желая замаскировать позорное свое бѣгство, извѣщалъ въ немъ, что онъ отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора; онъ заявлялъ, что охотно подождетъ у Константинова пряхода короля или пановъ, съ надеждою на лучшій успѣхъ битвы. Писарь, писавшій это ханское письмо, очевидно полякъ, хотя не подписавшій своего имени, въ концѣ письма сдѣлалъ по польски приписку, изобличавшую неискренность татарской похвалы; онъ приписалъ слѣдующее: „Писавшій это письмо, покорный слуга вашей королевской милости, извѣщаетъ, что ханъ сильно струсилъ и что мы бѣжимъ, не останавливаясь, въ Крымъ; козаковъ извѣстили, чтобы они спасались бѣгствомъ и не надѣялись на помощь. Хмельницкій отправленъ въ оковахъ въ Чигринъ, дабы выдать свою казну“.

Другое письмо ханъ написалъ кастеляну краковскому; въ немъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ приказалъ хорошо обращаться съ плѣнными, особенно съ Мегечь-мурзою, который былъ пойманъ у Каменца и отправленъ въ Варшаву, обѣщая взаимно хорошо обращаться съ нашими плѣнными. Притомъ онъ требовалъ уплаты выкупа за отпущенныхъ татарами на свободу „товарищей“, подѣ опасеніемъ потери впередъ всякаго довѣрія.

Іюля 5, въ среду. Утромъ татаринъ Мехметъ-Челеби, состоящій на службѣ у кастеляна краковскаго, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-Агу; послѣдній брошенъ былъ во время бѣгства татарами, которые не могли его увести съ собою по той причинѣ, что, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ лежать въ повозкѣ. Муртаза-Ага человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана; всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря; онъ раненъ былъ картечью въ руку и въ бокъ и насилу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ; теперь онъ предлагалъ 10,000 талеровъ Мехметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще татаре оставили по дорогѣ до 1,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Прежде этого не случалось, ибо они считаютъ не дозволеннымъ бросать трупы убитыхъ; обстоятельство это свидѣтельствуетъ о степени замѣшательства и упадка духа, до какой они дошли. Утверждаютъ, что въ теченіи трехъ дней убито было 1000 татаръ, не считая въ томъ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ. Дѣло неслыханное, чтобы татаре понесли столь численную потерю въ открытомъ сраженіи. Самъ ханъ не былъ раненъ, какъ разглашали, только нѣсколько мурзъ, стоявшихъ возлѣ него, было убито.

День этотъ прошелъ спокойно; ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ, но ливень, продолжавшійся въ теченіи всей ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10,000 находилось въ строю и кромѣ того калишскій полкъ, только что подошедшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволить имъ выходить за провіантомъ и мѣшать ихъ бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ добыть точное свѣдѣніе о ханѣ, ибо ходили слухи, что этотъ послѣдній, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ четырехъ миляхъ отъ Вишневецка.

Іюля 6, въ четвергъ, артилерія наша открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полдня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мужчина и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переяславецъ; ихъ проводили прежде къ кастеляну браковскому, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисляя всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ, говорилъ онъ;—вы уже не христіане, ибо побратались съ татарами и турками, вы не достойны явиться передъ лице короля и т. д.“ Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю; они съ земными поклонами просили помилованія и на всѣ предложенныя имъ вопросы отвѣчали только то, что просятъ милосердія; всю вину они слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи; всѣмъ сенаторамъ они поочередно цѣловали руки и края одежды, словомъ, заявили достаточно смиренія (лишь-бы не притворнаго). Послѣ продолжительнаго совѣщанія, король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя преступленія, равныхъ которымъ нѣтъ во вселивной, и не достойны помилованія, но что король, какъ монархъ милосердный, уподобляясь милосердному Господу Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только смиреніе ихъ будетъ искреннее, что условія онаго будутъ имъ объявлены завтра, сегодня-же они должны въ доказательство искренности оставить въ лагерь одного изъ среды себя. Остался по собственной просьбѣ Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха.

Въ то время, когда наши вели эти переговоры у Берестенка, литовское войско также не оставалось въ бездѣйствіи; оно въ тотъ-же день съ Божіею помощію одержало за Днѣпромъ не маловажную побѣду надъ этою сволочью, какъ о томъ гласятъ слѣдующія письма:

Копія письма князя Януша Радзивилла, гетмана великаго литовскаго, писаннаго къ его женѣ 6-го іюля, въ день одержанной побѣды, въ пяти миляхъ отъ Чернигова.

„Извѣщаю васъ, что Господь даровалъ мнѣ побѣду надъ врагами. Коротко изложу за недосугомъ, ибо сейчасъ выступаю въ походъ: я быстро овладѣлъ тѣми укрѣпленіями, которыя защищали переправу черезъ Днѣпръ. Тотчасъ Небаба явился имъ на выручку и храбро наступалъ на насъ, но, подобно Кречевскому, онъ и самъ погибъ и потерялъ все свое войско; теперь выступаю преслѣдовать сѣтки его отряда, отступившіе къ двумъ таборамъ

своимъ, расположеннымъ въ четырехъ миляхъ отсюда. Дай, Господи, продолжать кампанію также удачно, какъ она начата: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища, остальные погибшіе—челядь“.

Другое лице, имѣвшее болѣе времени, сообщило подробности объ этомъ сраженіи въ слѣдующемъ письмѣ отъ 7 іюля, т. е. на другой день послѣ битвы:

„Полковника Небабу мы разгромили слѣдующимъ образомъ: панъ стражвикъ Мирскій, переправившись на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ; онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы извѣстили Небабу о томъ, что ляхи заняли уже ихъ ретраншаменты, но что отрядъ ихъ не многочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирского, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ своимъ войскомъ, котораго было числомъ 15,000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Послѣдній, успѣвъ переправить только часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга; дѣло обошлось даже безъ выстрѣла, ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось-ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшой; на него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты; онъ храбро и долго защищался; товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня, и они вступили въ рукопашный бой; въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали его вдвоемъ одолевать. Небаба не допустилъ ихъ однако взять себя въ плѣнъ; когда ему изранили правую руку, онъ защищался лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопадами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой лагерь; наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20,000 человѣкъ, но 3,000 онъ послалъ въ сторону Кричева и они овладѣли Рославлемъ, 2,000-же отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15,000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности; они просили лишь о сохраненіи жизни себѣ и своимъ дѣтямъ и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ парубковъ-броварниковъ, которые стали собираться въ помощь Небабѣ. Сраженіе это проис-

ходило въ пяти миляхъ отъ Чернигова; одержавъ побѣду, князь направился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черняговъ“.

Стольникъ литовскій вмѣстѣ съ паномъ Павшею пошли къ Припяти, а панъ Вейсъ съ 300 драгунъ подвандлера литовскаго отправился выручать Кричевъ; онъ наткнулся на передовой козацкій отрядъ въ 500 человекъ конницы, сразился и, положивъ на мѣстѣ 150 человекъ, остальныхъ разсѣялъ. На другой день онъ соединился съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ Мстиславскаго воеводства, и они напали вмѣстѣ на отрядъ козацкой конницы изъ полка Небабы, состоявшій изъ 3000 человекъ; послѣ упорнаго сраженія они одержали побѣду и перебили или разсѣяли ихъ, но и сами понесли чувствительныя потери: знатныхъ шляхтичей убито 20, самъ Вейсъ палъ въ битвѣ; погибли также: мстиславскій подсудокъ Воловичъ, мстиславскій писарь Суходольскій и панъ Каменскій; другихъ труповъ нельзя было распознать. Драгунъ убито 30 и вообще съ нашей стороны пало до 200 человекъ, но козаковъ почти всѣхъ уложили. Наши собираются взять Рославль. Въ Кричевѣ троцкій воевода (Александръ Служка) защищается удачно; козаки уже отбиты семь разъ съ большимъ урономъ. Такъ Господь повровительствовалъ литовскому войску.

Іюля 7. Между тѣмъ подъ Берестечкомъ въ пятницу утромъ опять пріѣхали козаки, чтобы получить условія сдачи. Объ нихъ разсуждали на совѣтѣ, о которомъ стыдно и упоминать; до того успѣхъ разслабилъ насъ, что никто и не высказалъ энергическаго предложенія. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать начальниковъ, коихъ поименно перечислили 16 человекъ, въ качествѣ заложниковъ, но не безусловно для наказанія ихъ; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, Тимоша (его сына) и Выговскаго; выдать примкнувшихъ къ козакамъ шляхтичей; чернь отпустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска. Послы козацкіе отвѣтили, что Хмельницкаго они готовы разыскивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса окончательно остался въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки извѣстили, что старшина и козаки находятся въ лагерѣ, на пастбищахъ, а чернь перепилась и потому они не могутъ пока столкнуться. Весь этотъ день прошелъ мирно и они допускали нашихъ чуть не внутрь своихъ укрѣпленій.

Юля 8, въ субботу, козаки отвѣтили на условія, предложенныя имъ королемъ, въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! Умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости, но намъ предложены условія невозможныя: выдать старшину мы не можемъ и не выдадимъ, такъ рѣшила рада войска и черни; артиллерія выдать не можемъ; шляхтичей выдать не можемъ и не выдадимъ, такъ какъ по зборовскому договору имъ обѣщано прощеніе вашей королевской милости. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ, мы выдали бы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ; однако мы обѣщаемъ ихъ разыскивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, какъ овецъ, съ пути; обѣщаемъ разорвать всякую связь съ татарами; просимъ, чтобы козаки и чернь оставались на такихъ правахъ, какія условлены были по зборовскому договору; паны пусть благополучно возвращаются въ свои помѣстья въ Украйну, но безъ военныхъ хоругвей, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ большой голодъ. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: войско вашей королевской милости запорожское со всею чернью“.

Подписи бывшаго у нихъ на тотъ часъ гетманомъ Джеджалия не было. Король, разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ пушекъ уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

Юля 9. Вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ, но король не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и строго пригрозилъ имъ; они писали письма сенаторамъ, постоянно прося прощенія, но вовсе не соглашаясь на предложенныя условія и настаивая на сохраненіи зборовскаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Кастелянъ краковскій разорвалъ, не читая, присланное ему письмо и строго сказалъ имъ: „Ступайте, хлопцы! вскорѣ вы узнаете, что такое зборовскій договоръ“!

Между тѣмъ наши, лишь-бы что либо дѣлать, среди этихъ колебаній стали устраивать плотины на рѣчкѣ, рассчитывая на то, что если удастся запрудить воду, то большая половина ко-

зацагаго табора, расположенная внизу надъ рѣкою и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано это было по совѣту козака Крысы, который добровольно остался у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на оплошность нашу въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за татарами, когда они бѣжали объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы понинѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ рѣчки; пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они будутъ постоянно надѣяться на возможность отступленія. Совѣтамъ его, впрочемъ, послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

Притомъ въ военномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы ночью, въ случаѣ если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ предположено было командировать пѣхоту, челядь и мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло; остальные отряды дворянскаго поголовнаго ополченія (за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ) должны были поддерживать штурмъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день; они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ усердіемъ готовятъ переправы. Все войско получило приказъ быть на готовѣ ночью.

Въ тотъ-же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій оставовились у Вишневца; наши были этимъ сильно встревожены; для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправлено было нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи полки гетмана польнаго (Калиновскаго), воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго), воеводы брацлавскаго (Ляндкоронскаго) и хорунжія короннаго (Конечпольскаго) должны были выступить противъ орды; въ случаѣ-же, если-бы татаръ не оказалось, имъ приказано было немедленно возвратиться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣкою, куда наши давно уже собирались. Ночью возвратился изъ развѣзда панъ Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но нигдѣ нѣтъ и помину о татарахъ. Вслѣд-

ствіе этого предположенная экскурсія была отмѣнена. Приступъ-же и вообще всѣ другія постановленія совѣта не состоялись вслѣдствіе неурядицы и беспорядка. Только воевода брацлавскій дерзнулъ переправиться на ту сторону, въ тылъ непріятельскаго табора, съ отрядомъ въ 2,000 человекъ.

Іюля 10, въ понедѣльникъ, чудеснымъ образомъ проявилось покровительство, которымъ Господь постоянно охранялъ короля и Рѣчь Посполитую и соизволилъ даровать намъ новую побѣду. Когда человѣческія предначертанія относительно дальнѣйшей осады и штурма козацкаго табора оказались тщетными, ибо то и другое намѣреніе представляло величайшія трудности и опасности, когда осаждавшіе оказались боже павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные, Богъ послалъ на враговъ неисповѣдимое смѣненіе, тревогу и паническій страхъ. Въ теченіе всей недѣли непріятель заявляли, что они скорѣе готовы подвергнуться всякой крайности и пробиваться черезъ нашъ лагерь, нежели сдаться или серьезно просить помилованія. Хотя они и обращались въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ къ королю, какъ о томъ выше было рассказано, но они дѣлали это не искренно, имѣя въ виду лишь замедлить и затянуть ходъ военнаго дѣла, надѣясь отсидѣться, не опасаясь вовсе нашихъ нападеній и ожидая помощи, то отъ Тимоша, то отъ возврата Хмельницкаго и хана, въ чемъ старшина обнадеживала толпу. Правда, чернь желала перемирія для того, чтобы поспѣшить домой на защиту женъ и дѣтей, которыхъ татары захватывали въ плѣнъ на обратномъ пути въ свои кочевья; въ виду этого желанія, Джеджалий, управлявшій должностъ гетмана, началъ переговоры, но старшина, зная, что, въ случаѣ заключенія договора, жизни ихъ угрожаетъ опасность, озаботилась заблаговременно о своемъ спасеніи; ночью съ воскресенья на понедѣльникъ они вчали возмущеніе, лишили Джеджалия власти и на его мѣсто избрали Богуна. Послѣдній, освѣдомившись отъ языковъ и перебѣжчиковъ, что брацлавскій воевода съ частью войска отправился черезъ переправу въ тылъ ихъ арміи, и посовѣтовавшись съ старшиною, вышелъ изъ табора на разсвѣтъ съ нѣсколькими тысячами конницы и съ двумя пушками, намѣреваясь занять и укрѣпить переправу. Чернь, увидѣвъ это движеніе и не зная намѣреній Богуна, встравожилась и стала теряться въ предположеніяхъ и подозрѣніяхъ, полагая, что старшина убѣгаетъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, кто-то въ толпѣ, вѣроятно по Божьему допущенію, вскри-

чалъ: „Вотъ старшина уже бѣжитъ!“ Немедленно всѣ бросились бѣжать, куда попало, лѣ въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ наши подъ Плявцами; отъ натиска на всѣхъ трехъ переправахъ стали тонуть. Увидѣвъ происходившее, Богунъ тотчасъ возвратился въ таборъ, сталъ ободрять своихъ и уговаривалъ возвратиться въ лагерь и успокоиться, но онъ не былъ въ состояніи удержать бѣглецовъ. Наши хоругви, стоявшіе на стражѣ, лишь только примѣтили это смятеніе, не смѣтря на свою малочисленность, придвинулись къ табору и переправамъ; тогда хлопы стали еще усиленнѣе толпиться и вязнуть въ топкомъ болотѣ; они бросали лошадей, вьюки, имущество, даже женъ и дѣтей, которыхъ множество находилось въ таборѣ; конница ихъ, стоявшая въ арьергардѣ, пыталась было выстроиться, но вслѣдствіе страха, посланнаго на нихъ Господомъ, она разсѣялась и позорно стала топиться въ болотѣ. Убѣгавшіе бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и оставили въ немъ много скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ, и стали пользоваться добычею; кто не подѣвился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за убѣгавшими, но онѣ должны были прежде пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти только по одиночкѣ; между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20,000, успѣла сформироваться и направилась вскачь впередъ. Воевода брацлавскій, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2000 человекъ, какъ было упомянуто, для того, чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами (жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, въ противномъ случаѣ всѣ козаки остались-бы въ западнѣ), увидѣвъ такое множество враговъ и полагая, что это нападеніе сдѣлано съ умысломъ противъ него, желая обезпечить себѣ отступленіе, отступилъ къ переправѣ къ Козину. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагерь и отправилось въ погоню за уходившими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Кажется, что нельзя было найти никого, кому-бы не довелось убить козака. Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство и, оправившись отъ первоначальнаго испуга, пожелалъ вознаграждать потерянное время; онъ немедленно отправился въ погоню

и производилъ ее съ такимъ рвеніемъ, что возвратился назадъ послѣднимъ. Когда онъ въ послѣдствіи хвасталъ предъ королемъ, утверждая, что онъ съ своимъ отрядомъ до того сильно билъ враговъ, что у нихъ заболѣли руки, то король насмѣялся надъ нимъ, замѣтивъ, что вѣроятно у нихъ болѣли ноги, намекая на первоначальное его бѣгство къ Козину. Весьма видное участіе въ дѣлѣ выпало на долю ополченія плочкаго воеводства; въ то время король производилъ ему смотръ и непосредственно со смотра скомандовалъ идти на врага, погому имъ довелось принять дѣятельное участіе въ погонѣ и они били враговъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и въ болотахъ; весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, чинили кровавую бойню, вытаскивая непріятелей изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая ихъ и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ ихъ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе. Одинъ отрядъ козаковъ, числомъ отъ 200 до 300 человекъ, устроилъ засѣку на одномъ островѣ среди болотъ и защищался храбро и отчаянно. Кастелянъ краковскій предложилъ имъ помилованіе, но тѣ принять его не захотѣли; они, въ знакъ своей рѣшимости, высыпали изъ кошельковъ деньги и побросали ихъ въ воду, а затѣмъ стали защищаться и поражать нашихъ; пѣхота должна была пойти на нихъ въ атаку колонною, и хотя разорвала ихъ и разсѣяла, но они не захотѣли сдаться, бѣжали въ болото и тамъ каждому по одиночкѣ нужно было доканчивать. — Одинъ изъ нихъ добрался до лодки и на глазахъ у короля и у всего войска представилъ образецъ храбрости далеко не хлопской; онъ въ теченіи вѣсколькихъ часовъ отбивался косою, не обращая вниманія на выстрѣлы (не знаю, не попадали-ль стрѣлки, или, можетъ быть, пули его не брали), пока наконецъ какой-то Мазовшанинъ изъ Цѣхановскаго повѣта, раздѣвшись до нага и бродя по шею въ водѣ, не нанесъ ему удара косою и потомъ не пронзилъ копьемъ. Король долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостью на это зрѣлище. Многихъ, подобно уткамъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали, никого не щадили, даже женъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ. Не малая добыча досталась нашимъ въ тотъ день, хотя она не можетъ и сравниться съ добычею, взятою у насъ подъ Пилявцами, ибо козаки не употребляли серебрянной посуды и не ѣздили въ каретахъ. Въ числѣ добычи оказалось 18 хорошихъ пушекъ съ лафетами, семь бочекъ пороху, кромѣ того,

что было расхвачено солдатами, и до 20 знаменъ, въ томъ числѣ знамя, которое послалъ имъ въ Кіевъ черезъ комиссаровъ король послѣ своего восшествія на престолъ; оно было краснаго цвѣта съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ русскихъ крестовъ; другое знамя голубое, съ изображеніемъ орла пополамъ бѣлаго и краснаго, которое далъ имъ покойный король Владиславъ въ 1646 году, когда замыслю козаковъ въ предполагавшійся турецкій походъ. Оба эти знамени у козаковъ считались важнѣйшими и хранились весьма бережно, теперь же взяты были королемъ, къ большому его удовольствію. Взятъ былъ живьемъ въ плѣнъ грекъ, прибывшій въ качествѣ посланника отъ патріарха константинопольскаго и привезшій Хмельницкому саблю и благословеніе на войну отъ лица всей греческой церкви. Его поймалъ ротмистръ волошской хоругви князя Вишневецкаго, а послѣдній доставилъ королю. Посолъ былъ одѣтъ весьма нарядно въ соболей мантии; привезенная имъ сабля и парадный кинжалъ были отданы также королю княземъ Вишневецкимъ. Отнято было также знамя, взятое въ сраженіи, бывшемъ въ четвергъ, козаками у отряда кастеляна краковскаго. Патріархъ іерусалимскій, болѣе всего подстрекавшій Русь къ возмущенію, былъ обезглавленъ среди смятенія; королю было доставлено его облаченіе, т. е. ризы, митра, красная, бархатная, украшенная кругомъ и крестообразно золотыми бляхами, двѣ чаши большія, подсвѣчники, крестъ изъ яшмы и печать; королю отдана также печать войска запорожскаго. Пану Браницкому достался большой серебрянный портфель Хмельницкаго со всеми письмами, полученными имъ отъ султана, хана, царя и Ракочія; письма эти онъ передалъ королю. Войсковая козацкая касса была разграблена солдатами; она состояла изъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ талерами, которыхъ было, по словамъ полковника Крысы, 30,000. Деньги эти назначены были на уплату ордѣ; ихъ расхватали тѣ, которые первые нашли кассу: одному товарищу досталось до 1500 червонцевъ, другимъ по нѣсколько сотъ или десятковъ. Одинъ изъ товарищей завладѣлъ бархатною, подбитою соболями мантиею Хмельницкаго и сорокомъ соболей. Найдено огромное количество ружей и самопаловъ, а также, между прочимъ, три колокола: два большіе и одинъ малый. Не было воина, который-бы не захватилъ въ таборѣ провизіи: пшеница, сала, мукъ и т. п., а также разной мелочи: желѣза, воевъ и проч., что было-бы слишкомъ долго перечислять. Наши нашли въ таборѣ пищу, еще варя-

шуюся въ горшкахъ, и жаркое на вертелехъ, — до того бѣгство враговъ случилось неожиданно вслѣдствіе паническаго страха, посланнаго на нихъ Господомъ. Они разсѣялись въ разныя стороны; ихъ истребляли въ дѣсахъ и болотахъ въ одиночку, а семь полковъ нашихъ, подъ предводительствомъ польнаго гетмана (Калиновскаго) и хорунжія короннаго (Конєцпольскаго), преслѣдовали ихъ главную массу, дабы не допустить ихъ опять собраться. Важнѣе всего было то, что побѣда, сопряженная съ столь значительною гибелью враговъ, одержана была почти безъ всякой потери съ нашей стороны; ибо убиты были только 5 поляковъ, нѣсколько иностранцевъ и одинъ капитанъ изъ полка князя Радзивила при штурмѣ засѣки, устроенной на островѣ.

Въ числѣ писемъ найдена была султанская грамота, жалующая Хмельницкому княжество русское, а также планъ предполагавшихся дѣйствій, въ которомъ условлено было, что Ракоци овладѣетъ Краковомъ и что ему назначалась польская корона.

Такимъ образомъ по милости и благословенію Божьему, за что да святится имя Его во вѣки, кампанія берестецкая счастливо была завершена въ этотъ день. Но война козацкая не кончилась, потому что слишкомъ много козаковъ и хлоповъ, поднявшихся противъ отчизны нашей, спаслось бѣгствомъ. Тому были разнообразныя причины: первая и важнѣйшая та, что заслуги наши передъ Господомъ не были достаточно усердны и Онъ не благоволилъ окончательно умиротворить Рѣчь Посполитую и истребить враговъ, а сохранилъ ихъ достаточно изъ этой бойни въ навазаніе за грѣхи наши. Другая причина—это была медлительность: вмѣсто того, чтобы ударить на встревоженнаго врага съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ, дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности, именно: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины и притомъ слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа, ибо невозможно было посылать на штурмъ конницу по причинѣ валовъ, окружавшихъ лагерь и широкихъ и многочисленныхъ рововъ, защищавшихъ его внутри, вслѣдствіе чего едва пѣхотинцы могли бы управиться, а для всадниковъ являлась положительная невозможность дѣйствовать. Много повліяла на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневецца, вызвавшая было у нашего войска совершенный упадокъ

духа, хотя я полагаю, что въ виду этой вѣсти (оказавшейся притомъ ложною) слѣдовало тѣмъ съ большею энергіею идти на приступъ, чтобы предупредить ожидаемое врагами пришествіе новыхъ силъ имъ въ помощь. Тѣ лица, которые, по видимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что причина медлительности состояла въ томъ, что какой-то астрологъ, на основаніи своихъ сомнительныхъ исчисленій, увѣрилъ короля, что числа 4, 5, 6, 11 и 12 іюля несчастны для него, и, потому, онъ не долженъ въ эти дни предпринимать ничего важнаго, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неизмовѣрно счастливъ. Вѣра въ это обманчивое предсказаніе и довѣріе въ его автору до того укоренились въ сердцѣ короля, что онъ рѣшился переждать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся въ теченіи 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало испытывать нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ regimentахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что, хотя, по видимому, мы осаждали враговъ, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ татарина, а онъ меня не пускаетъ“. Между тѣмъ враги набирались храбрости, усиливались, возвели укрѣпленія и мужественно въ нихъ держались; они безпокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они выбѣжали изъ табора, — случилось-ли это съ умысломъ или, что гораздо правдоподобнѣе, неожиданно, вслѣдствіе паническаго страха, — то успѣли спастись и ускользнуть изъ рукъ нашихъ, хотя съ большею потерей, вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ пути для бѣгства за рѣкою.

Въ тотъ-же день королю доставлена была копія письма отъ хана, писаннаго подъ Константиновымъ (текстъ его смотри выше), а также письмо отъ султана Кави-аги къ наместнику краковскому. Султанъ въ письмѣ своемъ удивляется счастью, дарованному намъ Богомъ, и проситъ освободить Нечахъ-мурзу изъ плѣна, въ виду того, что онъ человѣкъ не богатый (слѣдовательно выкупа большаго дать не можетъ), утверждая, что впредь до его освобожденія и рѣчи не можетъ быть о замиреніи.

То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству, ибо

опасно, чтобы въ подобномъ случаѣ оно не вздумало подражать позорному примѣру предковъ. Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ сраженія, происходившаго въ пятницу 30 іюня, которыя мы достаточно выяснили выше, какъ-то: что не преслѣдовали разбитыхъ татаръ, что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ, что въ теченіи десяти дней безъ всякаго дѣла оставались праздными и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды окончательной (какъ тогда казалось), еще болѣе ошибокъ и упущеній было сдѣлано, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа, что ясно станетъ изъ послѣдующаго разсказа.

Король, слѣдуя совѣту опытныхъ воиновъ, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися врагами, чтобы докончить съ должною энергіей столь неожиданную побѣду, подавить окончательно врага, ускользнувшаго вслѣдствіе нашей оплошности, и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Желая обезпечить, какъ можно прочнѣе, успѣхъ этого предпріятія, онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабѣвшее отъ постоянныхъ трудовъ, но и дворянское поголовное ополченіе. Но лишь только онъ объявилъ имъ это предложеніе чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль, будто она явилась сюда ради прейи, а не для военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы всѣ сообща стали причастными общему рѣшенію, зловредному и ошибочному, они спросили позволеніе составить совѣтъ въ „генеральномъ кругѣ“. Здѣсь, основываясь на законѣ, гласящемъ, что дворянское ополченіе обязано защищать отечество только въ продолженіи двухъ недѣль (будто Господь обязанъ въ послѣдствіи все остальное чудомъ довершить, вмѣсто нерадивыхъ гражданъ) и прикрывая собственное нерадіе формулою закона, они избрали своимъ маршаломъ Мартына Дембицкаго, подчашіи сандомирскаго, человѣка велерѣчиваго и популярнаго, и, подавивъ болѣе благоразумные голоса, даже сенаторамъ угрожая саблями, отправили къ королю свое рѣшеніе, въ которомъ, не обращая вниманія ни на уваженіе къ его величеству, ни на сохраненіе собственной вольности, ни на уронъ Рѣчи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое, постановленіе, „что дворяне дальше не намѣрены идти“. Столь не уважительное и богопротивное мнѣніе рѣзко оскорбило королевское сердце. Желая привести ихъ къ бо-

лѣе здравомыслящему рѣшенію, король и сенатъ представляли имъ всевозможныя доказательства, примѣры и андедеденты, просили ихъ и умоляли, чтобы они согласились хотя еще двѣ недѣли оставаться въ походѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, хотя пройти къ Старому Константинову, для того, чтобы устрашить враговъ молвою о томъ, что и король, и дворяне, и всѣ войска двигаются противъ нихъ въ походъ. Но всѣ эти резоны оставались безъ вліянія, падая будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивною привязанностью къ домашнему очагу, торопились къ своимъ женамъ и тѣмъ болѣе стремились возвратиться во свояси, чѣмъ болѣе тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для нихъ жизни; для того-же, чтобы прикрыть свое малодушіе и холодность къ интересамъ отечества, они стали упрекать короля въ томъ, что онъ съ умысломъ отпустилъ враговъ, взявъ отъ нихъ въ качествѣ выкупа 800,000 (душа содрогается при одной мысли объ этомъ невѣроятномъ подозрѣніи); сверхъ того они рассказывали множество другихъ безстыжихъ выдумокъ, которыя не только писать, но и вспоминать позорно для нашего народа. Королю, въ награду за всѣ его труды и усилія, пришлось лишь испытать справедливость пословицы: „дѣло короля—хорошо работать и дурное выслушивать“ ¹⁾. Тогда подканцлеръ коронный, Іеронимъ Радаевскій (съ которымъ король помирился въ пятницу во время сраженія, простивъ ему всѣ обиды, о которыхъ выше было сказано), желая услужить королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить силу своей популярности среди шляхты и въ силу ея занять вліятельное положеніе при дворѣ, предложилъ свои услуги для того, чтобы уговорить шляхту повиноваться королевской волѣ и оставить сопротивленіе, къ которому, какъ многіе утверждали, онъ самъ подстрекалъ ее прежде. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, ибо шляхтичи, услышавъ его усердныя представленія, не только не вняли имъ, но съ большимъ крикомъ стали его упрекать въ равнодушіе къ своимъ интересамъ и въ двоедушія по отношенію къ себѣ и къ королю; неудача эта усилила нерасположеніе къ нему короля и была поводомъ той окончательной немилости, которой онъ вскорѣ подвергся, какъ я о томъ ниже расскажу.

Наконецъ шляхтичи, страстно желавшіе развѣхаться по домамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, желая прикрыть благовиднымъ

¹⁾ Regium est cum bene feceris, male audire.

предлогомъ свое бѣгство и то обстоятельство, что они бросали короля среди военной компаніи, отправили къ королю депутацію съ заявленіемъ, что въ замѣнъ собственной службы они готовы или уплатить деньги, или снарядить милицію, соразмѣрную съ зажиточностью каждаго изъ нихъ; но король сразу не принялъ этихъ предложеній, ибо деньги безъ войска могутъ послужить лишь въ добычу врагу, а наборъ милиціи разстроить только сформированные уже наемные отряды, переманивая изъ нихъ солдатъ въ новые отряды, увеличить замѣшательство, но не прибавить военныхъ силъ. Впослѣдствіи, однако, въ виду упорства шляхтичей, пришлось принять эту предложенную ими помощь, за невозможностью добиться чего-либо болѣе существеннаго. Разныя воеводства предложили субсидію на различныхъ условіяхъ: такъ сендомирское воеводство предложило сейчасъ-же уплатить деньги въ размѣрѣ удесятеренной подати, но подъ условіемъ, что за эти деньги будетъ немедленно нанята милиція; краковское воеводство обѣщало само сформировать милицію; мазовецкое воеводство и значительная часть Великой Польши предложили деньги безъ всякихъ условій и т. п. Но все это принесло мало пользы, ибо и денегъ всѣхъ они не уплачивали въ дѣйствительности и за уплаченные негдѣ было навербовать солдатъ, такъ какъ шляхтичи почти всѣ предпочли уѣхать домой, а кварцянне солдаты, хотя, съ вѣдома ротмистровъ, и записывались въ воеводскія милиціи, но потомъ, получивъ часть денегъ и продовольствія, по требованію тѣхъ-же ротмистровъ, должны были возвращаться на службу въ тѣ хоругви, въ которыхъ числились до того времени. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя деньги были выданы въ качествѣ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли эти переговоры, многіе шляхтичи то въ одиночку, то толпами уходили изъ лагеря и даже цѣлые повѣты, никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали за Стырь; трудно предвидѣть, что случилось-бы тогда, если бы враги появились. Въ этомъ случаѣ мы извѣдали, что значить вести войну, пользуясь дворянскимъ ополченіемъ. Не дай, Господи, чтобы впредь мы должны были прибѣгать къ нему! Теперь мы постигли, почему всѣ народы чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода ополченіямъ; его ничтожество и малодушіе вполне обрисовалось. Несчастна наша Рѣчь Посполитая, въ которой безчинства многіхъ цѣнятся болѣе чѣмъ благоразуміе немногихъ избранныхъ. Не захотѣли понять,

что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью къ пролитію крови. Мы до того выродились сравнительно съ нашими предками, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что они нѣкогда приобрѣли, щедро жертвуя кровью; важнѣе-же всего то, что мы бросили на произволъ судьбы короля и отечество съ величайшимъ для себя позоромъ, почитая притомъ добродѣтелью тотъ поступокъ, который всякому покажется лишь величайшимъ посрамленіемъ.

Отряды, отправлявшіеся въ погоню за козаками, возвращались съ разныхъ сторонъ и доставляли свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ удалось истребить въ различныхъ мѣстностяхъ. Гарнизонъ, находившійся въ Дубнѣ, съ помощью окрестныхъ крестьянъ, напалъ на отрядъ ихъ, числившійся до 6,000 человекъ и стремившійся къ какой-то переправѣ, и почти дѣликомъ истребилъ его. Другіе козаки разбрелись въ разныя стороны: въ Полѣсье и въ Подоліе.

Іюля 14. Постыдное отступленіе дворянъ не отклонило короля отъ мысли энергическаго преслѣдованія бѣгущаго врага; напротивъ того, подавляя печаль въ сердцѣ своемъ, онъ съ непоколебимою твердостью выступилъ въ путь, направляясь отъ Берестечка къ Кіеву, въ сопровожденіи лишь своего двора и наемнаго войска польскаго и иностраннаго. Польный гетманъ (Калиновскій) съ частью войска отправленъ былъ въ качествѣ передоваго отряда. Король не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. И, дѣйствительно, позорное поведеніе дворянъ не давало имъ права на то, чтобы король милостиво попрощался съ ними; напротивъ того, слѣдовало-бы, по примѣру Болеслава Храбраго, многимъ послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и опоздали приходомъ, съ умысломъ двигаясь по мѣрѣ возможности медленно, для того, дабы битва безъ нихъ произошла; а между тѣмъ эти то ополченія болѣе всего настаивали на томъ, чтобы возвращаться домой и усерднѣе другихъ спѣшили бѣжать за Стырь, бросая возы и провізію и заботясь лишь о томъ, чтобы не обваживъ сабли, обезпечить себѣ путь для постыднаго отступленія. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми помѣстьями и и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ маршалъ надворный и подканцлеръ коронный, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили. Король, не обращая на это вниманія, въ тотъ-же день выступилъ и остановился на

ночлегъ въ полумиліи отъ Козина, помѣстья пана Фирлея. Онъ съ грустью увидѣлъ, что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ, ибо вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ ушли всѣ охотники, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ числа наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій. Притомъ и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебрянными украшениями мундировъ, теперь была оборвана; regimenty весьма малочисленны и нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война уже совершенно была кончена.

Въ тотъ-же день возвратился изъ развѣзда Гандаа и донесъ, что онъ былъ за Гончарихою, но татаръ не встрѣтилъ, а только видѣлъ слѣды ихъ бѣгства; козаки-же отступили по преимуществу въ Полѣсье, укрываясь въ болотахъ.

(Окончаніе будетъ).

Отрывокъ изъ записокъ анонима (1768 г.)¹⁾.

(Казнь Гонта и усмиреніе „Коливіщины“).

.....Когда уже Гонта понесъ заслуженное наказаніе, и росіане укротили запорожцевъ, для усмиренія-же волнующихся еще хлоповъ приготовлялась военная экспедиція, я также рѣшился возвратиться въ окрестности Смѣлы. Узнавъ, что панъ Степковскій, недавно назначенный региментаремъ украинской партіи, собираетъ уже хоругви и намѣренъ съ конницею идти въ Украйну, я поспѣшилъ въ Трояновъ, гдѣ тогда находился региментарь со штабомъ своимъ, желая совершить путь безопасно подъ охраною „народовой кавалеріи“—этимъ именемъ стали теперь называть панцырные хоругви, которыя разоблачили изъ кольчугъ.

Я былъ хорошо знакомъ съ новымъ региментаремъ въ то еще время, когда онъ носилъ титулъ жарновскаго кастелянничя; я встрѣчалъ его тогда въ Ровномъ и въ Дубнѣ и бывалъ въ его домѣ въ Шецетынѣ. Онъ принялъ меня привѣтливо и гостеприимно; жилъ онъ открыто и заискивалъ расположеніе шляхтичей кievскаго воеводства, стараясь склонить ихъ на сторону короля, которому онъ былъ горячо преданъ; онъ угощалъ постоянно толпу офицеровъ и товарищей. Время у него проводили весело, ибо поляки скоро забываютъ горе; кубки опорожнвали при звукахъ пушечной пальбы и танцовали съ увлеченіемъ. Панъ региментарь выступалъ бойко въ первой парѣ полонеза, выкрикивая: эй! пошло!, а между тѣмъ на берегахъ Тыкича и Тясьмина кровь еще проливалась.

---

¹⁾ Отрывокъ этотъ, писанный по-польски, былъ намъ сообщенъ въ рукописи покойнымъ М. А. Максимовичемъ. Передаемъ въ точномъ переводѣ эту интересную часть записокъ анонимнаго мемуариста.—В. А.

Госпожа Стемпковская, женщина очень привѣтливая, любезная и почтенная, страстно любила играть въ зернь, но такъ какъ она всегда играла по весьма умѣренному кушу, исключительно ради развлечения, то настоящіе игроки сторонились отъ ея столика, но за то молодые офицеры и товарищи, съ которыми она обращалась любезно и по матерински, окружали ее и участвовали въ игрѣ, выкладывая золотые и полталеры. Я встрѣтилъ въ Трояновѣ многихъ старыхъ знакомыхъ товарищей моихъ во время барской конфедераціи и, въ томъ числѣ у столика госпожи Стемпковской, я увидѣлъ сына моего друга, чашника Нурскаго, Мартына; онъ бойко встряхивалъ кубокъ и металъ зернь, такъ какъ ему везло въ игрѣ. Онъ радостно меня привѣтствовалъ и, кончивъ игру, подсѣлъ поговорить. Я спросилъ его про отца; онъ рассказывалъ, что, возвратившись изъ плѣна, отецъ его нашелъ домъ свой совершенно ограбленнымъ и хозяйство въ полномъ разстройствѣ; при томъ, какъ человѣкъ пожилой и привыкшій къ прежнимъ военнымъ порядкамъ, онъ не могъ привыкнуть къ нововведеніямъ, примѣненнымъ къ устройству павцярныхъ хоругвей и, потому, оставилъ военную службу. Самъ-же Мартынъ долженъ былъ явиться къ хоругви по приказанію региментаря и исполнилъ это весьма неохотно, но теперь привыкъ къ военной службѣ и полюбилъ ее.

Затѣмъ онъ рассказалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ казни суровой, которой подвергся въ Сербяхъ пріобрѣвшій грустную извѣстность атаманъ уманскихъ козаковъ Гонта. Онъ былъ схваченъ посредствомъ хитрости росіянами и выданъ вмѣстѣ со многими другими ловчію коронному (Браницкому). Тогда повѣсили болѣе тысячи гайдамаковъ, нѣсколько сотъ отправили въ Каменецъ, а 200 во Львовъ, гдѣ ихъ подвергли новымъ допросамъ и слѣдствію. Гонта приговоренъ былъ къ тому, чтобы съ его спины вырѣзать 3 полосы кожи и затѣмъ посадить его на колъ. Онъ терпѣливо перенесъ эти мученія, но не страдалъ долго, ибо колъ пронзилъ ему шею и очень быстро причинилъ смерть.

— Правда-ли, спросилъ я пана Мартына, что въ тюрьмѣ передъ казнью, ему отрѣзали языкъ, опасаясь, чтобы онъ не называлъ лицъ, которыя его подстрекали къ бунту и истребленію шляхты¹⁾?

¹⁾ Слухи о томъ, что Гонтъ будто отрѣзали передъ казнью языкъ и правую руку, были распушены шляхтичами, желавшими бросить тѣнь подозрѣнія на короля и Браницкаго въ томъ, будто они вызвали съ умысломъ крестьянское возстаніе для подавленія барской конфедераціи.

— Это подлинно ложь, отвѣтилъ товарищъ, ибо я лично слышалъ насмѣшливый отвѣтъ его одному изъ моихъ товарищей въ то уже время, когда онъ отправлялся на мѣсто казни. Случилось это по слѣдующему поводу. Не смотря на то, что Гонта былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и что сидѣлъ въ надежной тюрьмѣ, для большей безопасности поручено было одному изъ панцырныхъ товарищей оставаться безотлучно днемъ и ночью въ его темницѣ. Послѣ того, какъ наканунѣ казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему нѣ задумчивости: „Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводить съ вами послѣднія минуты?“— „Охотно, отвѣчалъ атаманъ,—напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ полсовъ“. Любопытный офицеръ поблагодарилъ за обѣщанный подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ либо шляхецкомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонтѣ вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: „Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!“— „Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою: первая полоса кожп, которую снимуть у меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ“. Товарищъ былъ спонсуженъ и товарищи долго насмѣхались надъ его униженіемъ. Негласно впрочемъ ходили слухи, будто за вѣскольво часовъ до казни Гонты курьеръ привезъ изъ Варшавы приказъ, дабы остановить исполненіе приговора и подвергнуть Гонтѣ новому допросу, но будто Браницкій, догадавшись съ чѣмъ состоитъ содержаніе пакета, вскрылъ его уже послѣ совершенія казни. Не знаю, вѣренъ-ли этотъ слухъ или основанъ только на предположеніи; не знаю также, слѣдуетъ-ли кого-либо обвинять или подозревать на этомъ основаніи. Говорили также, будто во Львовѣ, когда стали допрашивать отправленныхъ туда 200 человекъ гайдамаковъ, вдругъ полученъ былъ приказъ изъ Варшавы, предписывавшій прекратить слѣдствіе, уничтожить всѣ бумаги и казнить безъ различія всѣхъ подсудимыхъ.

Нѣсколько дней спустя конница отправилась налегкѣ въ Украйну. Офицерамъ запрещено было брать съ собою возы и разрѣшено имѣть только вьючныхъ лошадей съ багажемъ. Региментарь ѣхалъ самъ въ крошечныхъ саняхъ и взялъ другія сани, гройкою, для кухни. По дорогѣ къ намъ присоединились отряды

надворныхъ козаковъ, присланные помѣщиками. Такъ какъ у насъ не было артилеріи, то отцы кармелиты изъ Бердичева прислали намъ четыре пушки и своихъ артилеристовъ.

Я также отправился въ путь съ войскомъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались въ глубину Украйны, помѣщики и ихъ прикащики, уцѣлѣвшіе отъ ножа убійць, возвращались въ покинутыя ими села. Оказалось, что мое хозяйство въ Матусовѣ и Осотѣ потерпѣло большіе убытки: весь годичный сборъ хлѣба исчезъ, равно какъ и рабочій скотъ. Жилой домъ мой, хотя и былъ ограбленъ, но въ этомъ отношеніи потеря моя была не значительна, ибо тогда въ Украйнѣ мы обходились самою незатѣйливою обстановкою: дубовые столы, скамьи и табуреты, покрытые ковриками и попонами, снятыми съ дорожняго экипажа—составляли всю мебель; посуду мы возили въ дорожныхъ погребцахъ и пользовались оловянными сервизами. Присмотрѣвшись къ хозяйству въ теченіи нѣсколькихъ дней, я сталъ ощущать скуку въ пустынномъ домѣ: дѣла у меня не было, ибо гумно стояло порожнее, и потому я отправился въ главную квартиру региментаря. Панъ Стемпковскій, получая извѣстія о появленіи гайдамаковъ, весьма быстро носился съ мѣста на мѣсто. Помнится, что въ Визовкѣ мы застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человекъ гайдамаковъ; мы окружили село, но они, узнавъ о появленіи войска, удалились изъ хаты свадебную компанію, затворились въ ней и крѣпко защищались, отстрѣливаясь изъ оконъ и изъ подъ крыши. Они стрѣляли очень метко и убили и ранили нѣсколько солдатъ. Региментарь, не желая терять попусту людей, приказалъ солдатамъ отступить и, выдвинувъ двѣ кармелитскія пушки, приказалъ разбить имъ ту хату. Но монастырскіе артилеристы оказались на столько неопытными, что, выпустивъ до 20 выстрѣловъ, не попали ни разу въ хижину. Региментарь выругалъ и прогналъ пушкарей и вызвалъ охотниковъ: ротмистръ козацкій изъ Богуслава, Савицкій, вызвался сжечь эту постройку; дѣйствительно, хотя онъ и потерялъ нѣсколько человекъ, но успѣлъ обложить стѣны соломой и зажечь ее. Вскорѣ пламя охватило всю крышу, но гайдамаки не переставали стрѣлять, пока крыша не провалилась вмѣстѣ съ потолкомъ; тогда только замолкли ружейные выстрѣлы. Солдаты выломали тогда двери, но, среди горящихъ стѣвъ, нашли только двухъ человекъ еще живыхъ, но сильно пострадавшихъ отъ ожоговъ; остальные 16 сгорѣли; трупъ одного найденъ на пылавшей балкѣ, которую онъ охватилъ руками и ногами. Гайдамаки

эти при жизни еще вкусили адскія муки: израсходовавъ всю бывшую въ домѣ воду, они воспользовались двумя бочками квасу, опрокинули ихъ в, погружаясь въ жидкости, дабы хотя на мгновеніе умѣрить несносный жаръ, продолжали стрѣлять до послѣдняго издыханія. Удивительная выносливость! Жаль, что она не была примѣнена къ лучшему дѣлу.

Въ Дысянкѣ мы нашли на одной висѣлицѣ трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки съ надписью: „все одна віра“. Въ Кальниболотѣ схватили до двухъ десятковъ гайдамаковъ; панъ региментарь приказалъ повѣсить всю эту шайку на стропилахъ стараго кирпичнаго завода. Передъ исполненіемъ этого приговора, подошелъ товарищъ съ довлдомъ, что одинъ изъ плѣнныхъ заявляетъ, что онъ шляхтичъ. „Какъ! шляхтичъ среди гайдамаковъ! вскричалъ панъ Стемпковскій: нужно отдать подобающую честь его званію. Повѣсить его крайнимъ съ правой стороны!“

Такимъ образомъ, истребивъ по частямъ грабителей, восстановлено было спокойствіе и нѣкоторая безопасность въ этой несчастной сторонѣ. Хоругви народной кавалеріи расположились постоемъ въ Украинѣ, дабы сдерживать развужданную чернь. Нѣсколько сотъ человекъ, обвиненныхъ въ участіи въ рѣзнѣ, были арестованы и отправлены въ Кодню, гдѣ панъ региментарь основалъ главную квартиру и учредилъ военный судъ; они почти всѣ были казнены, въ томъ числѣ и нѣсколько духовныхъ лицъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ буцгу.

Библіографія.

---

*Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія
Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неофіціальной части „Кіевскихъ
Губернскихъ Вѣдомостей“, А. А. Кіевъ. 1882.*

Почтенный редакторъ „К. Губ. Вѣд.“ г. Андриевскій неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность по разбору и изданію старыхъ дѣлъ изъ архива губ. правленія: еще не прошло года со времени выхода перваго выпуска, а теперь предъ нами уже третій, въ которомъ издатель нашелъ возможнымъ ввести весьма существенное улучшение, именно систематизацію матеріала. Настоящій выпускъ посвященъ исключительно Кіеву, хотя документы и касаются разныхъ сторонъ жизни нашего города. Четыре помѣщенныхъ здѣсь обширныхъ дѣла о городскихъ предмѣстьяхъ содержатъ очень много важныхъ указаній для мѣстной исторіи, особенно же для исторической топографіи; далѣе слѣдуетъ, довольно впрочемъ безцвѣтное, въ виду описанія Новгородцева, описаніе Кіева 1760 года; переписка о шелководствѣ въ Кіевѣ; о кіевской питейной конторѣ; о заготовленіи для царскаго двора варенья и, наконецъ, мелкія замѣтки о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Въ виду разнообразія матеріала, мы остановимся здѣсь лишь на разборѣ данныхъ по исторической топографіи города и его окрестностей.

Первое дѣло, 1753 года, касается городскихъ земель на Сырцѣ, Корениовщинѣ и Преворкѣ и было первоначально возбуждено откупщиками войсковыхъ доходовъ, отрицавшими право жителей этихъ урочищъ имѣть на Преворкѣ винокурные котлы безъ платежа *показанщины*, а также вести здѣсь оптовую торговлю

горѣлкою и дегтемъ, не платя *поуховною*. Магистратъ защищалъ права живущихъ на его земляхъ, и потому явилась необходимость въ историческомъ разслѣдованіи этихъ правъ, тѣмъ болѣе, что и старшина кievскаго полка выступила противъ магистрата. Въ сущности здѣсь о правѣ собственности не было и спора; мѣщане настаивали только на томъ, что Преорка и „Подгорье“, упоминаемое въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ,—синонимы, а потому на нее должны быть распространяемы правила о земляхъ въ городской чертѣ; полковникъ же, и совершенно справедливо, указывалъ, что поселенія на Сырцѣ, Корениовщинѣ и Преоркѣ отдѣлены отъ города владѣніями кирилловскаго монастыря, *селою Плоскимъ*, съ котораго отбываются войсковыя повинности, а потому должны считаться лежащими уже внутри „полка“ и тоже платить повинности. Мѣщане, дѣйствительно, дѣлали топографическую передѣлку: въ грамотахъ, на которыя они ссылались, имъ подтверждаются, между прочимъ, право владѣнія „и Оболонемъ, и Подгородьемъ, и Кожемяками, и Преворкою“. Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній можно заключать, что Подгородьемъ называлось поселеніе между городской оградой и кирилловскими землями, которыя начинались за юрковицкимъ ручьемъ. На третьемъ и четвертомъ листахъ атласа Закревскаго городская ограда и находившіяся съ этой стороны „бискупскія“ ворота, придвинуты къ самому ручью; но съ правильностью такого указанія нельзя согласиться. Въ разграниченіи городскихъ и кирилловскихъ земель, 1701 года, прямо говорится, что „Подгорье горы Шкавицы“, ближе юркового потока, должно принадлежать магистрату,—очевидно, оно находилось *внѣ* городской ограды. Въ настоящихъ же „Матеріалахъ“ (14) находимъ и болѣе точное указаніе, гдѣ именно находились бискупскія ворота: полковая канцелярія указывала, что „отъ башты бискупской кievской, Подгородья кievского, дорога находится саженей маховыхъ двѣсти девяносто три, а отъ рогатокъ (т. е. на юрковицкомъ ручьѣ) село Плоски монастыря кievо-кирилловскаго“. Указаніемъ этимъ опредѣляется ливія городской ограды и положеніе бискупской проѣзжей башни—у нынѣшней Константиновской церкви, согласно чему и должны быть исправлены планы Закревскаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ они противорѣчатъ его собственному тексту, опредѣляющему правильнѣе положеніе этой башни (Описаніе Кіева, стр. 388).

Помимо этого указанія, дѣло о Преоркѣ, вновь возбужденное магистратомъ въ 1784 г., даетъ намъ цифру магистратскихъ

подданныхъ на спорныхъ урочищахъ: кромѣ урядовыхъ, мѣщанскихъ и ихъ подусѣдковъ, въ селѣ Преворкѣ въ 1752 г. состояло дворовъ посполитыхъ, подданныхъ ратушѣ кievской, 110 и бездворныхъ хатъ 7; въ деревнѣ Сирцѣ—дворовъ 17, бездворная хатка одна; въ деревнѣ Куреневщинѣ дворовъ 49, бездворныхъ хатъ 5 (стр. 9 и 22). Очень значительная часть земель всѣхъ этихъ урочищъ была занята хуторами различныхъ лицъ, въ числѣ 84, съ которыхъ узуфрукторы платили въ городской доходъ по полушкѣ отъ аршина *окружности*, и то только за одну усадебную землю, находившіеся же внѣ усадебъ лѣсъ, покосы, пастбища и т. под. были свободны отъ платежа вовсе. Составленная въ 1782 г. подробная опись всѣхъ этихъ хуторовъ (стр. 39—81) интересна преимущественно въ бытовомъ отношеніи, указывая сословный составъ хуторянъ, переходы владѣній и внѣшній порядокъ ихъ хозяйственнаго устройства. Она могла бы, вѣроятно, служить также практическимъ пособіемъ при повѣркѣ городскихъ земель въ настоящее время, если еще не поздно, т. е. если есть еще чѣмъ повѣрять.

Третье дѣло, 1781 года, касается „заднѣпровской воскресенской Слободки, почему она въ владѣніи губернаторовъ состоитъ“. Въ этомъ дѣлѣ находимъ любопытное указаніе, что земля эта была первоначально надана воскресенской церкви Евстафіемъ Дашкевичемъ, запись котораго подтверждена, 24 августа 1577 г., *зятель* Дашкевича, княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ, почему и носила названіе земли Евстафьевской, а въ церкви устроенъ былъ придѣлъ во имя св. Евстафія Паавиды,—онъ существуетъ и въ настоящее время. По вѣдомости кievо-подольской протопопіи 1784 г. это была сначала отдѣльная церковь, а соединена съ воскресенскою при постройкѣ, вмѣсто двухъ деревянныхъ, одной каменной, въ 1670 году (Закревскій, стр. 221). Этимъ указаніемъ объясняется переселеніе Ружинскихъ съ Волями въ Кievщину, а начало связи ихъ съ козачествомъ отодвигается въ первую половину XVI вѣка. Образовавшееся впоследствии на Евстафьевской землѣ поселеніе получило названіе воскресенской слободки, противъ которой находился и перевозъ изъ Кieва; а здѣсь раздѣлялись дороги на востокъ—Басанская, и на юговостокъ—Остролюцкая. Очевидно, это тотъ самый, древній, перевозъ, о которомъ упоминаетъ ипатская лѣтопись подъ 1146 годомъ по поводу битвы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами; одинъ изъ послѣднихъ, Святославъ, „бѣжа на устье Десны за Днѣпръ“, послѣ чего по-

бѣдители „идоша до нихъ до Вышегорода, и до Днѣпра, до устья Десны, и до перевоза до кievскою, сѣкуще я“ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 24). „Во время же турецкихъ походовъ прописанной слободки обыватели, имѣя свое селеніе на берегу, при самомъ перевозѣ чрезъ рѣку Днѣпръ, и отъ переходящихъ командъ претерпѣвая разныя обиды и разоренія, для охраненія отъ оныхъ себя просили у бывшаго тогда кievскаго губернатора, кн. Димитрія Мих. Голицына (1715—1719 г.), залогн (т. е. караула), какова какъ отъ его с—ва, такъ и отъ бывшихъ по немъ губернаторовъ кievскихъ давана была“. Постепенно защита губернаторами воскресенцевъ превратилась въ завладѣніе, такъ что и самая слободка получила уже названіе „Губернаторской“, пока въ 1781 г. причтъ и прихожане воскресенской церкви не стали хлопотать у гр. Румянцева о возвратѣ церковнаго имѣнія. На соответственный запросъ, кievская губ. канцелярія не могла отыскать никакого основанія къ такому завладѣнію, и слободка, вѣроятно, была возвращена церкви, съ тѣмъ, конечно, чтобы вскорѣ совсѣмъ отойти въ казну.

Въ дѣлѣ этомъ упоминается, между прочимъ, что „въ 1577 году ноября 17 дня за нѣкоторую часть оного Евстафiевскаго грунту Станиславъ Колантай, дѣтей Ивана Вигуры опекуны, имѣлъ споръ“. Вигуры были владѣльцами сосѣдняго села, носящаго и теперь ихъ имя—Вигуровщина. Такъ какъ это поселеніе весьма древнее, то мы воспользуемся случаемъ возстановить настоящее его имя. Въ житомирской актовѣ книгѣ 1664 г., по списку центрального архива № 21, на листѣ 8, записана жалованная королевская грамота 1653 г. Льву Тышѣ-Быковскому на селѣще *Витославское*, alias *Виуровщину*, въ кievскомъ воеводствѣ, надъ Днѣпромъ. Актъ этотъ, внесенный уже по выписи изъ коронной метрики, возбудилъ въ насъ сомнѣніе: не исказили-ль многократные переписчики буквы *M* въ *W* и *ł* въ *t*, т. е. не слѣдуетъ-ли здѣсь читать „*Miłosławskie*“. Въ справедливости этой догадки насъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Милославичи лежали за Днѣпромъ противъ Кіева: по лѣтописи Быховца, князь Скиргайло, въ 1396 г., былъ на пиру на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софiи, откуда поѣхалъ на ловы за Днѣпръ къ Милославичамъ, тамъ заболѣлъ, и немедленно вернулся въ городъ,—очевидно, разстояніе очень недалекое; 2) въ описаніи кievскаго замка 1545 г., въ числѣ замковыхъ селъ, Милославцы упомянуты вмѣстѣ съ Погребями, лежащими по сосѣдству съ Вигуровщиной и 3) по юстраціямъ 1616 и 1622 г., замковымъ

селомъ Милославичами владѣть кievскій городничій Ставнславъ Вигура¹⁾). Отнюдь, однако, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Милославичъ съ лѣтописнымъ (1151 г.) Мирославскимъ селцомъ: то находилось гораздо ниже, у Витичевского брода.

Намъ остается разсмотрѣть въ „Матеріалахъ“ еще одно дѣло—о крещатицкой землѣ. Дѣло это заключалось въ спорѣ михайловскаго монастыря о захватѣ принадлежащихъ ему земель и построекъ на нихъ „казенной австеріи, провара, солодовни и погреба съ анбарами“, тогда какъ монастырь встрѣтилъ со стороны генераль-губернаторской канцеляріи препятствіе въ постройкѣ на той-же собственной его землѣ „провара, воскобойни и винокурни“. По указу сената, куда обращался съ жалобой архимандритъ, губернская канцелярія должна была разслѣдовать о приважденности земли, на которой находились означенныя постройки, и вѣтъ-ли о ней спора со стороны магистрата, питейная монополія котораго могла подвергнуться нарушенію со стороны монастыря. Магистратъ, или, вѣрнѣе говоря, писарь его Николай Родуцкій, воспользовался случаемъ и заявилъ, что указываемая архимандритомъ какъ монастырская земля—на самомъ дѣлѣ есть городская, а въ собственность принадлежить ему, Родуцкому. Оказывается, что споръ шелъ о той землѣ, владѣніе которою подтверждено было монастырю Жлягимонтомъ I въ 1523 г., въ такихъ границахъ: „земли къ тому монастырю.... по самый валъ, и по людскіи ворота, и по Евсейкову долину, по старую дорогу, по михайловскій взвозъ“. Точное опредѣленіе упоминаемыхъ здѣсь урочищъ было-бы очень интересно для уясненія топографіи древняго Кіева. Настоящее спорное дѣло даетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, которыми мы и намѣрены воспользоваться.

Конечно, мѣстность эта подверглась въ настоящее время такимъ измѣненіямъ, что возстановленіе ея древней урочищной терминологіи очень затруднительно и всегда можетъ возбуждать возраженія. Остановимся, однако, на слѣдующихъ указаніяхъ: монастырь представилъ изъ приказной избы отъ 9 февраля 207 (1699) года, что „по досмотру и по мѣрѣ... въ дачѣ по урочищамъ отъ долины Евсейковой, которая сошлась того мѣста къ берегу рѣки Почайны, съ крещатицкимъ взвозомъ обще, идучи старую набережную

¹⁾ Опельскаго книги, № 21, стр. 3. Матеріалы для историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 34 и отд. III, стр. 31. Jabłonowski, Źródła dziejowe, т. V, стр. 101 и 131.

дорогою отъ крещатицкой башни и сквозь крещатицкую башню, по конецъ мосту, что нынѣ вновь построенъ былъ къ церкви Рождества Христова, противъ михайловскаго взвоза, что нынѣ противъ михайловской калитки, въ длину 203 сажени, а поперегъ, отъ того крещатицкаго мосту прямо на гору къ михайловской-же калиткѣ 164 сажени“. (Отсюда видно, во-первыхъ, что Евсейкова долина спускалась къ Двѣпру, соединившись съ крещатицкой; Крещатикомъ-же, какъ видно по другимъ древнимъ источникамъ, называлось мѣсто, гдѣ нынѣ нижній памятникъ св. Владимира; во вторыхъ, взвозъ пересѣкалъ соединенныя долины, черезъ которыя и былъ устроенъ мостъ; въ-третьихъ, у нижняго конца этого моста начинался нѣкогда михайловскій взвозъ, въ 1699 г. уже не существовавшій, „прямо на гору къ михайловской калиткѣ“. Начнемъ съ послѣдняго. Существующія пѣшеходныя тропинки идутъ и теперь еще въ направленіи древняго спуска, который начинался между михайловской оградой и церковью Трехъ Святителей (вершина его засыпана очень недавно), противъ лежащаго отрога горы, у котораго онъ развѣтлялся: влѣво шелъ боричевъ взвозъ, а вправо, гдѣ нынѣ оканчивается Александровская гора, сейчасъ за верхнимъ памятникомъ св. Владимира, это и есть древній михайловскій взвозъ. Опредѣливъ одну границу монастырской земли, отправимся отсюда вверхъ вдоль соединенныхъ долинъ крещатицкой и Евсейковой. Такъ какъ граница монастырской земли шла далѣе къ лядскимъ воротамъ, т. е. къ *верхнему* городу, то очевидно, что, идя снизу, крещатицкая долина оставалась *влѣво*, а Евсейкова *вправо*. Очертанія мѣстности показываютъ, что первую изъ нихъ можетъ быть только долина между институтской горою и нынѣшней Александровской улицей. То-же, что мы нынѣ называемъ Крещатикомъ, на самомъ дѣлѣ и есть Евсейкова долина. Вершина-же ея, повернувъ также влѣво, между нынѣшними улицами институтской и лютеранской, засыпана на нашихъ глазахъ подъ новую банковскую улицу. Михайловскій намѣстникъ такъ и опредѣлялъ ея направленіе: „выѣхавъ изъ города Верхнего Кіева въ ворота къ Печерскому, на правую сторону по за *Кловомъ* у яръ, у якого яру, гдѣ теперь вавозъ скидаютъ, оная Евсейкова долина окончалась“. Граница-же монастырской земли сворачивала вправо, къ лядскимъ воротамъ, т. е. вдоль нынѣшняго козьебозотнаго переулка, отсюда упиралась въ валъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста, и оканчивалась у сѣверо-западнаго угла михайловской ограды, т. е. начала михайловскаго взвоза.

Судить о степени основательности наших соображеній предоставляемъ специалистамъ. Мы же закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ заслуженнаго успѣха трудамъ почтенной редакціи „Губ. Вѣдомостей“, продолженія которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Ив. Новицкій.

E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spécialement au Caucase et en Crimée.
Lyon. 1881.

Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно-же на Кавказъ и въ Крыму, Лионъ. 1881 г.

Извѣстный французскій археологъ, снискавшій себѣ прочную репутацію серьезнаго ученаго многочисленными трудами по археологіи и этнологіи, особенно же капитальною работою о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Роны, г. Эрнестъ Шантръ, посвятилъ книжку, заглавіе которой мы выписываемъ, доисторической археологіи и этнологіи южной Россіи. Книжка эта явилась вслѣдствіе путешествія, предпринятаго г. Шантромъ на московскую антропологическую выставку; на обратномъ пути г. Шантръ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Одессу; собранные имъ наблюденія на мѣстѣ и осмотръ музеевъ на югѣ Россіи доставили ему матеріалъ для очерка, изданнаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Шантръ говоритъ, что онъ поставилъ цѣлью своего путешествія собрать данныя по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) константировать существованіе бронзоваго вѣка въ южной Россіи и указать его связь съ аналогическимъ періодомъ въ западной Европѣ и передней Азіи, 2) изслѣдовать могильники Осетіи и Грузіи, содержащіе деформированные (макроцефалическіе) черепа, 3) прослѣдить оставшіеся до настоящаго времени у туземцевъ Кавказа приемы деформации череповъ и 4) опредѣлить расположеніе и время постановки мегалитическихъ памятниковъ на Кавказѣ и въ Крыму. Недостатокъ времени заставилъ г. Шантра отказаться отъ послѣдней задачи. Наблюденія его надъ могильниками и черепами Грузіи и Осетіи имѣютъ характеръ строго мѣстный кавказскій, такъ, что мы уже упомянемъ только о рѣшеніи г. Шантромъ перваго изъ постановленныхъ имъ вопросовъ, какъ относящагося вообще къ южной Руси. Къ несчастью для рѣшенія этого вопроса наблюденій и свѣдѣній г. Шантръ успѣлъ

собрать слишкомъ мало, и потому рѣшаетъ его весьма поверхностно и по предвзятой впередъ мысли. Притомъ, какъ намъ кажется, г. Шантръ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой районъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ „южной Россіи“ и вслѣдствіе этого частнымъ фактамъ даетъ слишкомъ широкое примѣненіе, подтверждая свои выводы весьма неопредѣленными и неточными ссылками.

Г. Шантръ утверждаетъ, что онъ убѣдился въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи и что предметы бронзовые, найденные у подножія Кавказа и на берегахъ Чернаго моря, должны быть отнесены къ начальному періоду металлургіи и указываютъ путь распространенія древнѣйшаго металлоплавительнаго искусства изъ Индіи въ Европу (стр. 8--11). Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ указанія на предметы бронзовые, найденные въ бассейнѣ Днѣпра; но при этомъ г. Шантръ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о приводимыхъ находкахъ, и мѣстности называетъ до того неточно, что мы не можемъ дать себѣ о нихъ никакого отчета. Вотъ его перечень: „въ деревнѣ князя Григорьева на берегахъ Конки (не должно-ли разумѣть село Григорьевку, днѣпровскаго уѣзда, таврической губ.?) не вдалекѣ отъ Днѣпра нашли 50 топоровъ (?) и слитки бронзы. Въ Гилеи (sic!) у села Малые Копани, въ Херсонскомъ (sic) на берегахъ Шуты и въ Пултаиѣ (sic) на Днѣпрѣ найдены топоры, копья и стрѣлы вмѣстѣ съ отливными формами“ (стр. 10). Вотъ и всѣ данныя о южной Руси, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ вышеуказанный выводъ. Конечно, ни въ географическихъ терминахъ г. Шантра разобраться не возможно, ни въ точности его указаній нельзя быть уврѣненнымъ, такъ какъ онъ не объясняетъ, кѣмъ сообщены ему были приведенныя свѣдѣнія. Но допустивъ даже, что въ небольшомъ районѣ у устья Днѣпра (въ днѣпровскомъ уѣздѣ) и найдены были указанные предметы, то во всякомъ случаѣ они не даютъ права дѣлать заключеній о существованіи бронзоваго вѣка во всей южной Россіи.

Между тѣмъ всѣ понинѣ собранныя коллекціи и научно произведенныя раскопки заставляютъ насъ предполагать, что первобытные жители южно-русскаго края пользовались каменными исключительно орудіями до того времени, пока колонизація новыхъ пришельцевъ, двигавшихся отъ береговъ Чернаго моря, не познакомила ихъ съ металлическимъ производствомъ. Но пришельцы эти появились уже вооруженные желѣзомъ и потому

бронзовий вѣкъ не только не могъ развиться, но и вовсе не существовалъ въ южно-русскомъ краѣ. Если устранить тѣ бронзовые предметы, которые продолжали существовать совместно съ желѣзомъ и которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ и встрѣчаются въ курганахъ (украшенія, зеркала, наконецъ ии стрѣлы и булавы), то понынѣ, на сколько намъ извѣстно, найдены были только два характерные экземпляра бронзовыхъ предметовъ на всемъ пространствѣ семи южно-русскихъ губерній днѣпровскаго бассейна; это два цѣльта: одинъ найденъ въ черкасскомъ уѣздѣ (коллекція Волошинскаго) и одинъ въ васильковскомъ (коллекція г. Витковскаго). Конечно столь рѣдкія находки должны быть сочтены случайно попавшими извнѣ на територію южно-русскаго края, и пока новыя точныя данныя не явятся въ подтвержденіе теоріи, высказанной г. Шантромъ, мы будемъ въ правѣ считать эту теорію гипотезою, основанною лишь на поверхностномъ и неточномъ наблюденіи, и будемъ сомнѣваться въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Руси вообще и въ бассейнѣ Днѣпра въ особенности.

В. А.

- 1) *Бердичевъ. Сост. командиромъ 1 батал. 32 артил. бриг. полк. Петроковымъ. стр. II + 57,* 2) *Шпола. Сост. рыльскаго полка штабъ-капит. Шмидтомъ въ апрѣль 1882 г. Стр. 10.* 3) *Каменецъ-Подольскъ. Сост. каменецъ-под. уѣзднымъ воин. нач. полковн. Н. Л. Островерховымъ. Стр. 37.*

Брошюры эти составляютъ начало цѣлаго ряда подобныхъ описаній городовъ и главнѣйшихъ мѣстечекъ юго-западнаго края, изданіе которыхъ предпринято мѣстнымъ окружнымъ штабомъ, съ тѣмъ, чтобы они послужили впоследствии матеріаломъ для составленія общаго военно-статистическаго описанія губерній кievскаго военнаго округа. Не касаясь этихъ описаній, по ихъ спеціальвой цѣли и содержанію, во всемъ ихъ объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о той ихъ части, которая отвѣчаетъ первому вопросу составленной окружнымъ штабомъ программы: „Краткая исторія, основаніе города или мѣстечка и дальнѣйшее его развитіе“.

Въ описаніи Бердичева находимъ очень много неточностей. Здѣсь говорится, будто Бердичевъ упоминается впервые въ 1546 г., подъ именемъ села Беричикова, въ актѣ разграниченія

между Литвою и Украйною (sic), настоящимъ-же своимъ именемъ названъ первый разъ въ 1627 г., въ актѣ фундаціи кievскимъ воеводою Янушемъ Тышкевичемъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою разграниченія 1546 г., ни въ его первомъ, отдѣльномъ изданіи 1758 г., подъ заглавіемъ: „Dukt granic“ и т. д., ни въ первомъ томѣ виленскаго „Археографическаго сборника“, затрудняемся опредѣлить упоминаемое тамъ Беричиково, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть Бердичевомъ. Разграниченіе производилось между Литвою и Польшею, т. е. въ данной мѣстности между Волинью, а далѣе Украйною, воеводствами кievскимъ и позднѣйшимъ брацлавскимъ, какъ составными частями Литвы; съ одной стороны, и принадлежавшимъ Польшѣ воеводствомъ подольскимъ, съ другой; Бердичевъ не прилегалъ къ границамъ Подолиі, проходившимъ далѣе къ юго западу; даже и брацлавская граница проходила гораздо южнѣе, около Махновки и Пиковца, такъ что авторъ ошибается и тамъ, гдѣ утверждаетъ, будто „до раздѣла Польши Бердичевъ числился въ брацлавскомъ воеводствѣ“: городъ этотъ всегда принадлежалъ къ житомирскому повѣту кievскаго воеводства. Въ числѣ источниковъ описанія упомянуты „Акты, изд. кievской археологической (sic) комиссіей“, — а въ одномъ изъ этихъ изданій, именно въ 1-мъ томѣ 6-й части, снабженномъ алфавитнымъ указателемъ, Бердичевъ упоминается гораздо ранѣе 1627 года: въ 1611 г. этотъ *юродъ*, съ селами Быстрикомъ и Жидовцами, былъ отдаваемъ Фридр. Тышкевичемъ въ аренду Григорію Чернику; еще ранѣе, въ инвентарѣ города Слободищъ 1593 г., упоминается, „miasto nowoosiadłe Berduczow, w którum podymja osiadłego sto czterdzieści“; въ 1627 г. Янушъ Тышкевичъ кievскимъ воеводою еще не былъ, а сталъ имъ только съ 1630 г. Упоминаніе о разореніи Бердичева козаками въ 1647 г. мы считаемъ за опечатку вмѣсто 1648 г., но и самый фактъ не вѣренъ, — напротивъ, козаки хотя и взяли тогда Бердичевъ, но даже оберегли его и окрестности отъ татаръ: Жолкевскій писалъ въ канцлеру Оссолинскому, 8-го іюня 1648 г., объ Ордѣ: „stali pod Berduczowem, a nie wzięli nic..., w Bystrzyku u paumnieyszeu rzeczu nie wzięli“. Нельзя считать за такую-же опечатку нѣсколько разъ повтореннаго искаженія фамиліи „Завишъ“ вмѣсто „Завиша“. Преданіе, будто въ раздорахъ кармелитовъ съ Тышкевичами, въ 1660-хъ годахъ, козаки принимали сторону первыхъ, не выдерживаетъ никакой критики; ни одинъ козацкій полков-

никъ того времени не могъ говорить, что католическіе монахи „противъ козаковъ ничѣмъ не провинились“, — наоборотъ, монаховъ этихъ козаки считали одними изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, а истребленіе ихъ—дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ. Замѣтимъ еще, что въ перечвѣ печатныхъ источниковъ по Бердичеву встрѣчаемъ изданія едва-ли существующія, какъ наприимѣръ „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Драгоманова, а особенно „Рієзніа о Kiowі“, Скальковскаго. Сколько мы знаемъ, оба извѣстные писатели Скальковскіе, отецъ и сынъ, писали всегда по-русски и никто изъ нихъ не сочинялъ на хорватскомъ или сербско-далматскомъ нарѣчій „Пѣсни о Кіевѣ“.

Историческія свѣдѣнія о Шполѣ чрезмѣрно скудны. Авторъ не упомянулъ даже владѣльцевъ мѣстечка между кн. Потемкинымъ и Ив. Ал. Орловымъ, какими послѣдовательно были: ген. Высокій, Н. Лопухинъ и ген. Скородули. Вообще, объ этомъ мѣстечкѣ нужно замѣтить, что оно должно было существовать прежде подъ другимъ именемъ; въ документахъ оно появляется внезапно, во второй половинѣ прошлаго вѣка, уже въ качествѣ города, съ двумя церквями, построенными въ 1780-хъ годахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ,—слѣдовательно, поселеніе существовало гораздо раньше.

Что касается историческаго очерка Каменца, то онъ не подлежитъ нашему разбору, такъ какъ авторъ съ похвальной скромностью заявилъ, что свѣдѣнія имъ заимствованы изъ статьи г. Сементовскаго, и только напрасно послѣдній, по корректурному недосмотру, превращенъ въ Симантовскаго.

Говоря вообще, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и интереснымъ изданіе описаній отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селеній, въ которыхъ бы наиболѣе новымъ и точнымъ статистическимъ даннымъ предпосылались обстоятельные историческіе очерки. Но при этомъ историческому элементу должно быть отводимо самостоятельное мѣсто, объемъ его долженъ быть достаточно обширенъ, и обработка произведена лицами, спеціально занимающимися мѣстнымъ историческимъ изученіемъ. Какъ образецъ подобной обработки, можемъ указать статью В. Б. Антоновича о м. Ходорковѣ въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ 1870 года. Конечно, подобная задача никоимъ образомъ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности учрежденій вѣдомства военнаго. Намъ кажется, что органамъ послѣдняго достаточно ограничиться, по 1-му пункту программы, собравіемъ, если представится случай,

историческаго матеріала, который можетъ быть утилизованъ при составленіи общаго описанія края, или же изданъ отдѣльно. Въ самыя-же описанія вполне достаточно включать краткія заимствованія изъ специальныхъ изслѣдованій, какъ это сдѣлалъ г. Островерховъ, и вообще приводить только факты, уже установленные. Пользованіе-же случайными и непровѣренными указаніями не только бесполезно, ничего не внося въ науку, но даже вредно, сообщая офицерскому корпусу, для котораго изданіе преимущественно предназначено, ошибочныя историческія свѣдѣнія. Требовать исторической критики отъ составителей, специалистовъ по совершенно иному дѣлу,—невозможно. И невозможно имъ ни въ какомъ случаѣ ставить въ вину невольныхъ въ чуждой области промаховъ и ошибокъ.

Ив. Н.

Сборники малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскаго народнаго орнамента П. Литвиновой; Сборники „украинскаго орнамента“ А. Лисенко, Мазно, Квитко и др.).

Орнаментика всякаго народа представляетъ очень значительную и характерную часть этнографіи; въ желаніи и способности украшать извѣстнымъ образомъ предметы своей ближайшей обстановки сказывается степень культуры даннаго народа, культуры, въ которой могутъ быть отысканы какъ элементы чуждые, внесенные путемъ заимствованія и подражанія, такъ и элементы самобытные. Съ этой точки зрѣнія орнаментика можетъ быть изучаема и исторически, такъ какъ, зарождаясь вмѣстѣ съ самыми примитивными зачатками культуры, орнаментика сопутствуетъ и всё дальнѣйшее развитіе ея, идя отъ дѣтскихъ, наивныхъ способовъ украшенія первичнаго періода до изысканности стили у народа вполне цивилизованнаго.

Археологу, этнографу-историку хорошо извѣстно значеніе орнаментики, которая нередко служитъ цѣннымъ подспорьемъ въ научныхъ изысканіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма часты случаи, когда одна орнаментная отдѣлка, подобно краснорѣчивымъ письменамъ, проливаетъ свѣтъ на объясненіе загадочнаго памятника прошлаго.

Что касается до орнаментики малорусской, то приходится сказать, что широкое изученіе ея принадлежит лишь будущему; до сихъ поръ не собраны и не изданы даже матеріалы этой отрасли нашей этнографіи, не собраны въ такой полнотѣ, какъ это выпало на долю напримѣръ нашимъ памятникамъ устнаго народнаго творчества.

А между тѣмъ матеріаловъ этихъ имѣется такъ много. Желаящіе могли-бы встрѣтить и въ настоящее время массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды народнаго орнаментнаго стиля. Кромѣ того, сколько еще остается въ забвеніи старинныхъ вещей съ весьма интересной и характерной отдѣлкой. Въ этомъ отношеніи и наши церкви могли-бы дать богатѣйшій матеріалъ для изслѣдователя орнаментики, такъ много могъ-бы онъ найти въ нихъ интереснаго по части орнаментныхъ изображеній, церковной утвари, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго искусства.

Подобнаго обширнаго изданія, конечно, остается ждать лишь въ будущемъ.

Пока обратимся къ тѣмъ сборникамъ украинской орнаментики, каіе явились путемъ предпріимчивости отдѣльныхъ частныхъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не подъ силу было бы издательство въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ говорилось выше.

Въ вышедшихъ сборникахъ малорусской орнаментики наиболѣе посчастливилось вышивкамъ, которыя, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ представляютъ весьма видную сторону нашей народной орнаментики.

Первымъ сборникомъ этого рода явился сборникъ г-жи Косачъ „Украинскій орнаментъ“, который и до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ и разнообразнымъ, такъ какъ въ него включено очень много образцовъ вышивокъ, съ прибавленіемъ характерныхъ образцовъ тканья и писанокъ. Матеріалъ этого сборника расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, объясненномъ въ предисловіи, приложенномъ къ сборнику и представляющемъ собою вѣкотораго рода этнографическое изслѣдованіе. Не вдаваясь, за неимѣніемъ мѣста, въ разборъ этого изслѣдованія, скажемъ, что какъ оно, такъ и предисловіе г-на Волкова ко 2-му сборнику въ этомъ-же родѣ („Южно русскій орнаментъ“, приложение къ трудамъ 3 го археолог. съѣзда)—представляютъ собою начало научно-этнографической разработки малорусской орнаментики.

Можно было-бы надѣяться, что послѣдующіе труды въ этомъ родѣ будутъ разрабатывать дальше интересную область. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за этими сборниками появляются одинъ за другимъ, включительно до послѣднихъ дней, изданія малорусскаго орнамента: сборники А. Лисенко, Квитко, Махно, г-жи Литвиновой, Макаровой и др.

Къ сожалѣнію, сборники эти вовсе не служатъ продолженіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ были изданы два первые упомянутые сборника: новѣйшія изданія не имѣютъ ровно ничего общаго съ какой-бы то ни было наукой. Еще сборникъ г-жи Литвиновой обнаруживаетъ попытку издательницы придать своему сборнику этнографическій характеръ, по крайней мѣрѣ матеріалъ собранъ въ извѣстной мѣстности и снабженъ нѣсколькими страницами текста, хотя бѣгло поясняющаго въ некоторыхъ частностяхъ матеріала. Что же касается до остальныхъ названныхъ сборниковъ, то они кажутся и не имѣютъ никакой претензіи считаться этнографическими изданіями. Содержаніе ихъ представляетъ собою совершенно случайный сборъ образцовъ, который было-бы даже мудрено подвести подъ какую нибудь систему; издательницы и издатели словно задались цѣлью издать сборники какихъ нибудь узоровъ, пригодныхъ для практическаго употребленія (и при томъ исключительно узоровъ вышиванья). Неразборчивость издателей при наполненіи сборника доходитъ до того, что для нихъ даже безразлично, имѣеть-ли издаваемый матеріалъ по крайней мѣрѣ интересъ новизны, такъ напримѣръ очень многіе образцы сборника А. Лисенко уже были въ изданіи г-жи Косачъ и являются у А. Лисенко какъ-бы одной перепечаткой. Такія совпаденія въ новѣйшихъ сборникахъ „Орнаментовъ“ даже не поясняются, такъ какъ и вообще какой-бы то ни было пояснительный текстъ при нихъ не существуетъ.

Конечно, и эти сборники имѣютъ свой *raison d'être*, такъ какъ находятъ свою публику, которая можетъ удовольствоваться любымъ сборникомъ „узоровъ“; но съ научной стороны изданія эти, не скажемъ, что роняютъ этнографическую науку, а просто имѣютъ съ нею столь-же мало общаго, какъ напримѣръ иной „самый модный пѣсенникъ“ съ этнографическимъ изданіемъ народныхъ пѣсень.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ ПЕРЕВОЗЪ НА ДНѢПРЪ И ЕГО НЕЖДАНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ главный перевозъ черезъ Днѣпръ подь Кіевомъ существовалъ не на мѣстѣ теперешнихъ мостовъ, а ниже ихъ, именно противъ устья р. Лыбеди. Еще въ начальной лѣтописи упоминается, что въ 1097 г. „приде Василко (Ростиславовичъ) въ 4-е ноября и перевезеса на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу въ монастырь“. Съ половины XVII в. перевозъ этотъ находился въ рукахъ честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря, которые содержали два парома и построили за Днѣпромъ мостъ „у Толбина“. Тогдашній выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ былъ практическаго ума человекъ и усердный радѣтель объ умноженіи монастырскихъ доходовъ. На устьѣ Лыбеди, у самага перевоза, онъ построилъ мельницу, а при ней корчму съ продажею „горелки, пива и меду“. Такую-же корчму онъ поставилъ и на другомъ концѣ перевоза, въ с. Осокоркахъ, принадлежавшемъ тогда выдубицкому монастырю; а третья корчма находилась на Звѣринцѣ, который также лежалъ въ чертѣ владѣній того-же монастыря. Наконецъ тотъ-же смѣтливый игуменъ построилъ „на футорѣ выдубицкомъ винницу горѣлчаную“, т. е. винокурный заводъ. Все это—и перевозъ, и винокурню, и три корчмы, Старушичъ сталъ отдавать въ аренду кіевскимъ мѣщанамъ, и не простакамъ какимъ-либо, а все „славетнымъ дукамъ и богатырямъ“: райцамъ, лавникамъ и другимъ урядникамъ ратуша кіев-

сваго. И платили „славетные мѣщане и купци“ кievскіе хорошую арендную плату инокамъ выдубицкимъ: въ 1653 г. она равнялась 2,000 злотыхъ польскихъ, сверхъ того арендаторъ обязался „на каждый роѣзъ на потребу монастырскую“ отпускать „горелки доброн 500 кварть справедливыхъ“, пять каменей воску, двѣ мажи соли и наконецъ—даромъ перевозить братію и челядь монастырскую. За то арендаторъ получалъ право брать со всякаго за перевозъ извѣстную плату — деньгами или товаромъ, кромѣ того ему дозволено было „выбирани соли отъ коломыйцовъ и приходъ отъ глины гончарской на Зверинцу“. Завидно стало инокамъ печерскимъ, что выдубляне имѣють богатый доходъ съ перевозу, и вотъ они въ 1656 г. затѣяли съ ними процессъ о незаконномъ якобы присвоеніи печерскихъ монастырскихъ земель на устьѣ р. Лыбеди и права содержать перевозъ на Днѣпрѣ. Для разслѣдованія этого дѣла гетманъ Б. Хмельницкій назначилъ комиссію изъ генеральнаго войскового судьи Антона Ждановича и пана Ѳедора Выговскаго. Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ подтвержденіе своихъ претензій, сослался лишь на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ, показавшихъ, будто въ старину лыбедскій перевозъ принадлежалъ печерскому монастырю; относительно-же документальныхъ доказательствъ онъ заявилъ, что такіе документы были, да погибли: одни сгорѣли въ 1649 г. въ „вежѣ васильковской“, другіе еще раньше панъ Прокопъ Верецака съ собою на Волинь завезъ. За то противная сторона, Старушничъ и его братія, кромѣ такихъ-же свидѣтельствъ старыхъ людей, представили еще цѣлый рядъ письменныхъ доказательствъ въ пользу того, что лыбедскій перевозъ издавна принадлежалъ выдубицкому монастырю, и прежде всего сослались на вышеприведенное лѣтописное свидѣтельство о перевозѣ Васильва Ростиславовича, „беручи“ этотъ „доводъ Несторомъ, крайникаромъ або лѣтописцомъ печарскимъ, киевскимъ, за фундаментъ sprawy своея“. Въ концѣ концовъ войсковый судъ, въ виду непреложности этихъ архаическихъ свидѣтельствъ, склонился на сторону выдубицкихъ иноковъ и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Съ тѣхъ поръ лыбедско-днѣпровскій перевозъ, съ прилежавшими къ нему землями и угодьями, надолго оставался во владѣніи выдубицкаго монастыря и каждый годъ обогащалъ его казну громадными доходами, на зависть братіи сосѣдней печерской обители.

Всякій годъ доставлялъ выдубицкимъ перевозчикамъ не мало работы, но послѣдняя четверть XVII столѣтія дала имъ особенно много дѣла. То была для Малороссіи своего рода эпоха великаго переселенія народовъ. Въ печальную пору „руины“, въ гетманство Дорошенка и послѣ него, населеніе правобережной Украйны, разоряемое и истребляемое со стороны разгуливавшихъ по краю турецкихъ полчищъ, татарскихъ ордъ и польскихъ жолнеровъ, вынуждено было бросать землю своихъ отцевъ и искать убѣжища въ лѣвобережной Малороссіи; кто не рѣшался на это добровольно, тѣхъ силой сгоняли козаки гетмана Самойловича, для котораго эта насильственная колонизація подвластнаго ему края была весьма на руку, потому что она лучше всего могла содѣйствовать его социально-политическимъ видамъ—образованія въ Малороссіи класса крупныхъ землевладѣльцевъ и подчиненія имъ массы посполитаго народонаселенія. Сотнями тысячъ перешли эти несчастные переселенцы на лѣвый берегъ Днѣпра и, конечно, немалая часть ихъ прослѣдовала черезъ Кіевъ и была перевезена монастырскими паронами. Но съ 1680-хъ годовъ начинается обратное движеніе. Около того времени правобережная Малороссія была очищена отъ нашествія иноплемениковъ, а тогдашній польскій король Янъ Собѣскій, задумавшій грандіозный планъ войны съ турками для освобожденія осажденной ими Вѣны, нуждался въ военныхъ людяхъ и предпринялъ проектъ возстановленія въ Украйнѣ козачества. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ прежде всего вызвать въ опустѣлый край народонаселеніе и въ 1684 г. издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевского Полѣсья. Мѣра Собѣскаго имѣла громадныя успѣхъ. Въ короткое время въ кіевской Украйнѣ одно за другимъ возникли села и мѣстечки, образовались козацкіе сотни и даже полки, а во главѣ ихъ появились такіе талантливые вожди, какъ знаменитый Семень Палій, полковникъ бѣлоцерковскій, Самусь—богуславскій, Захарій Искра—корсунскій и др. Между тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи, вслѣдствіе искусственно созданной густоты населенія, народу приходилось поневолѣ вступать въ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ и вообще жилось плохо. Можно представить, поэтому, съ какою охотою онъ бросился къ возвращенію на свои старыя пепелища, гдѣ заводи-

лись старыя козацкія порядки, гдѣ не было (по крайней мѣрѣ на первое время) помѣщиковъ и гдѣ дѣйствовали и всѣмъ управлялъ его любимецъ—Палій. Но такая эмиграція въ конецъ разрушала планы гетмана Мазепы, еще болѣе яраго поборника шляхетско-крѣпостническихъ порядковъ, чѣмъ былъ его предшественникъ, и потому онъ задумалъ силой удержать на своихъ мѣстахъ бѣжавшее населеніе. Въ этихъ видахъ онъ разставилъ почти вдоль всего днѣпровскаго берега охочіе козацкія полки и строго приказалъ имъ не пропускать бѣглецовъ за границу. Но трудно было справиться ему съ массовымъ движеніемъ взволнованнаго моря народнаго: бѣглецы или уходили черезъ южную, степную границу Малороссіи, или силою прорывались сквозь разставленную береговую цѣпь стражниковъ, или прибѣгали къ мѣрамъ обмана и хитрости, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ приводимомъ ниже документѣ. Главное вниманіе гетмана естественно было обращено на существовавшія въ то время переправы черезъ Днѣпръ. Но лица, содержавшія эти переправы, болѣе склонны были заботиться о приумноженіи собственныхъ выгодъ и доходовъ отъ перевозовъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ, и потому неохотно подчинялись гетманскимъ универсаламъ, запрещавшимъ перевозить переселенцевъ. Особенно слабо исполнялись эти запрещенія въ Кіевѣ, куда, вѣроятно, направлялась главная струя переселенческаго движенія. Оба здѣшніе перевоза, городской и монастырскій, конкурируя одинъ съ другимъ, день и ночь перевозили „прочанъ“ и клали въ карманы хорошіе барыши. Этимъ и было вызвано въ 1702 г. нижеслѣдующее письмо гетмана Мазепы къ тогдашнему игумену выдубицкаго монастыря Варлааму Страховскому.

„Превелебный въ Богу мощѣ отче игумене монастыря кіево-выдубицкаго, мой вельце ласковій господине, отче и пріятелю!

По преможному его царскаго пресвѣтлаго величества указу, не поеднокротъ чрезъ монаршіи грамоти выразне до насъ писаному, абы нихто з тутешнихъ малороссійскихъ жителей з сее стороны Днѣпра, з Богомъ хранимой его великаго государя державы, на тамтую сторону в заграничній край на жите не былъ проущанъ, не разъ уже по всѣхъ рейменту нашего полкахъ, а особливо по надбережныхъ днѣпровыхъ городахъ (яко и в самій Кіевъ), срокги и суровіи послалисмо унѣверсали, пишно и грозно приказуючи, абы на перевозахъ и переправахъ на сегобочныхъ

людей, в прочку заграницу утекомъ идучихъ, пиная была сторожа и жадного чоловіка на тамтую сторону Днѣпра жадными мѣрами не пропуцано, але жебы кожного такого утѣнча гамова и назадъ завертано. А теперъ донеслося намъ вѣдати, же въ Кіевѣ на перевозахъ мѣскихъ и монастырскихъ, на Днѣпрѣ будучихъ, прочане перевозятся и безъ жадного удержаня з сеи стороны на тамтую сторону Днѣпра переездыть и такъ заграницу на жите перебираются. Що яко дѣется противко преможного монархи нашего указу и противко захованюся благопотребной отчизнѣ вашей народа полности, ягдижъ черезъ таковой прочаномъ волній переездъ малороссійского народу умаленіе чинится и в городахъ и селахъ значное жителей показуется оскудѣніе, такъ черезъ сей листъ вашъ пино вашу превелебность упоминаемъ, а тимъ-же монаршимъ указомъ и горливостю о цѣлости и добру посполитомъ обовязуемъ, абысь ваша превелебность на перевозахъ своихъ монастырскихъ сурово приказаль тымъ, которіи ихъ дозырають, жебы сегобочніе люде, в прочку на тамтую сторону Днѣпра уходячи, жаднымъ способомъ черезъ Днѣпръ не были пропуцаны, але овшемъ задержуваны и назадъ заворочуваны. А того пино нехай постерегають и доглядуются, жебы в мажахъ и возахъ подъ шкурами жонь и дѣтей своихъ вмѣсто товаровъ якихъ не вывозили и на перевозахъ такимъ способомъ тьи утѣнчачь утѣчки своей не утали, бо такъ они людей ошукивати звыкли. Абы теды на перевозахъ ваше превелебности монастырскихъ о прочаныхъ неоплошная была пиность и осто-должность, жебы жадными мѣрами черезъ Днѣпръ не мѣли переезду, и повторе ваше превелебности пиное о тое жадаемъ и упоминаемъ; ягдыжъ еслибы на которого з дозорцовъ у перевозахъ будучихъ мѣло напотомъ то перевестися, жебы кого з прочанъ на тамтую сторону Днѣпра имѣлъ перепустити, теди тое его дерзновение указови монаршому и волѣ вашей гетманской противное, до горлового ему караня стягатися будетъ.

При семъ молитвамъ святымъ вашей превелебности отдаемся.

Вашой превелебности зичливый пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского^а.

З Батурина.

Мая 23, року 1702.

(Изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицеаго монастыря).

О. Л.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, извѣстный нашъ беллетристъ г. Лѣсковъ въ замѣткѣ своей: „Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ“, написанной по поводу статьи кн. Н. С. Голицына: „Почаевская Лавра въ концѣ іюля 1855 г.“, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, касается и помѣщенныхъ нами въ сентябрьской книжкѣ того-же журнала двухъ документовъ, относящихся къ дѣйствіямъ комисіи, принимавшей почаевскую лавру отъ униатскихъ монаховъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Сдѣланные имъ, на основаніи этихъ документовъ и съ помощью другихъ, доступныхъ ему свѣдѣній, выводы важутся намъ недостаточно подрѣпленными и вѣрными, и мы хотимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Не будемъ повторять извѣстныхъ уже обстоятельствъ передачи почаевской лавры изъ рукъ униатскихъ монаховъ въ вѣдомство православное, а равно производившагося по повелѣнію императора Николая слѣдствія о расхищеніи имущества лавры базилианскими монахами; замѣтимъ только, что ближайшимъ поводомъ къ возвращенію древней лавры въ нѣдра православія послужилъ радушный пріемъ почаевскими иноками отряда польскихъ повстанцевъ 1831 г. подъ предводительствомъ Дверницеваго, другими словами—явное ихъ сочувствіе возстанію, а слѣдствіе о расхищеніи лаврскаго имущества вызвано распущенными, вскорѣ послѣ передачи лавры, польско-католическою партіею слухами о томъ, что почаевская святыня (чудотворная икона и стопа Богородицы) унесена базилианами изъ лавры за границу, что на мѣстѣ стопы нѣтъ болѣе стопы, подлинная стопа выдолблена базилианами, а на мѣсто иконы поставлена и сдана православнымъ подлѣльная икона, равно ходившими въ православной средѣ толками о пропажѣ значительной части имущества, накопленнаго въ теченіе долгихъ лѣтъ базилианами, причемъ униатско-католическая партія твердила, что члены пріемной комисіи сильно нагрѣли руки при пріемѣ лаврскаго имущества, а въ средѣ православныхъ толковали, что базилиане выдали значительную часть суммъ и драгоценностей мятежному отряду, а многое скрыли для себя лично про чорный день въ длинный промежутокъ между арестомъ базилианскаго начальства и прибытіемъ

пріемной комисіи, когда уніаты имѣли достаточно времени, чтобы развѣдать объ угрожающей базилианамъ опасности.

Само собою разумѣется, что такъ какъ всѣ эти толки сохранили всю свою силу и въ настоящее время, на что указываетъ и г. Лѣсковъ, то для насъ было-бы весьма важно добыть и привести въ извѣстность производившееся въ ту пору слѣдственное дѣло, которое одно могло-бы опредѣлить дѣйствительное значеніе ходившихъ и оставшихся толковъ насчетъ подлинности почаевской святыни. Но, пока намъ извѣстны только два документа изъ дѣла военно-судной комисіи по этому слѣдствію, мы по необходимости должны воздержаться отъ выводовъ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ запросъ военно-судной комисіи, обращенной ко всѣмъ б. членамъ пріемной комисіи, съ подробнымъ изложеніемъ показаній базилианъ относительно наличности монастырскаго имущества и способа передачи его православнымъ пріемщикамъ, другой составляетъ показанія одного изъ 12-ти членовъ пріемной комисіи, іеромонаха Іоанникія. Базилианы рассказываютъ обстоятельно, съ удивительною точностью относительно даже мелкихъ подробностей, причемъ стараются совершенно обфлить себя и бросить тѣнь на дѣйствія членовъ пріемной комисіи. Показаніе іеромонаха Іоанникія скудно фактами, такъ какъ ему порученъ былъ пріемъ такихъ хозяйственныхъ предметовъ, которые держали его вдали отъ всякихъ занятій комисіи и отъ дѣйствій другихъ, главныхъ членовъ ея. Тѣмъ не менѣе это показаніе уже обнаруживаетъ значительныя противурѣчія въ объясненіяхъ базилианъ. Вообще-же сами по себѣ эти два документа, открывая широкій просторъ догадкамъ, еще ничего положительнаго не выясняютъ и только прочнѣе устанавливаютъ интересъ къ дѣлу, правильное сужденіе о которомъ возможно будетъ только тогда, когда напечатаны будутъ показанія остальныхъ одинадцати пріемщиковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и описи принятаго имущества.

Тѣмъ болѣе насъ удивила и та подозрительность, съ которою г. Лѣсковъ отнесся къ помѣщеннымъ нами документамъ, и та поспѣшность, съ которою онъ приступилъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ, не имѣя для того достаточно твердыхъ, какъ намъ кажется, данныхъ. Такъ скудные показанія Іоанникія, хотя изъ нихъ ясно видно, что нельзя довѣряться показаніямъ базилианъ,

г. Лѣсковъ, по видимому, старается еще болѣе сѣзуть и унижить достоинство ихъ, признавая этого свидѣтеля „какимъ-то совсѣмъ безпамятнымъ“, хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ свидѣтель, давая свои показанія спустя полтора года послѣ событія и находясь на службѣ вдали отъ Почаева, забылъ про нѣкоторые мелкіе случаи во время пріема лавры, напр. въ который день оконченъ пріемъ лаврскаго ммущества. Отказавши въ довѣріи этому пока единственному свидѣтелю со стороны православныхъ пріемщиковъ, г. Лѣсковъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „допрошены были другіе—памятливые“ (пріемщики), хотя изъ отношенія военно-судной комиссіи въ волынскую духовную консисторію (первый изъ напечатанныхъ документовъ) ясно видно, что запросъ обращенъ къ каждому изъ духовныхъ членовъ пріемной комиссіи (всѣхъ шесть), значить такой-же запросъ посланъ былъ и свѣтскимъ членамъ этой комиссіи. Въ то-же время г. Лѣсковъ ни словомъ не задѣваетъ показаній базилианъ, точно въ нихъ нѣтъ никакихъ слабыхъ сторонъ, а отрывается одна правда. Не диво, что послѣ этого онъ дошелъ и до огульнаго осужденія дѣйствій пріемной комиссіи. Онъ признаетъ все поведеніе ея „страннымъ и срамнымъ дѣломъ“—утверждаетъ, что „пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и обѣ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили“, что „пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари, буфета съ погребями, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандальныхъ (?) исторій, сдатчики базилианы, кажется, дѣйствительно вынесли предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоценными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ слова притекутъ деньги“. „По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, стаканчикъ отъ стопы не у насъ, а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова“. „Это теперь, заявляетъ наконецъ г. Лѣсковъ, уже конечно не оспоримо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумни базилиане дурныхъ москалей опуевали и усе святѣ до себе заграницю въ вляшторъ забрали“. Намъ кажется однако, что ничего подобнаго не вытекаетъ изъ начечатанныхъ нами документовъ. Прочитавъ ихъ, всякій, конечно, согласится, что до напечатанія прочихъ документовъ нельзя еще ничего сказать какъ о количе-

ствѣ пропавшаго имущества, такъ и о степени виновности въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ пріемной комисіи, хотя послѣдніе повидимому гарантированы отъ обвиненія за поступки отъ базилянъ, имѣвшихъ всю возможность растаскать имущество въ трехмѣсячный промежутокъ отъ ареста монастырскаго начальства до прибытія пріемной комисіи. Мы готовы допустить, что еслибы открыто было подлинное слѣдственное дѣло, то могли-бы открыться нѣкоторыя мелочи изъ дѣйствій пріемщиковъ, въ родѣ того, что становой или засѣдатель стащили по боченку старой водки, поживились рублями изъ разорваннаго мѣшка, исправникъ заполучилъ корову или лошадь, духовнымъ лицамъ досталось по куску матеріи на рясы и под., но можетъ открыться и то, что они вполне добросовѣстно относились къ порученному имъ дѣлу и что если дѣйствительно многое изъ имущества утащено базилянами, то не на глазахъ ихъ. Во всякомъ случаѣ напечатанные документы ничего еще рѣшительнаго по этому предмету не дадутъ и только побуждаютъ къ розысканію и обнаруженію остальныхъ документовъ.

Г. Лѣсковъ источникъ своихъ сомнѣній въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ въ собранныхъ имъ въ мѣстномъ населеніи сказаніяхъ о томъ, какъ „разумни базиляне дурныхъ москалей опуыали и усе святе до себе заграницу въ вляшторъ забрали“; сверхъ того онъ самъ осматривалъ почаевскую святыню, причемъ не нашелъ въ икопѣ древности, а въ „стопѣ“—стопы. Первая оказалась подновленною настолько, что въ настоящемъ видѣ ничто не говорить о ея древности, а на мѣстѣ стопы онъ нашелъ только простое углубленіе въ камнѣ, увеличившееся отъ постоянного тренія въ немъ серебряннымъ черпакомъ. Вотъ что мы можемъ сказать по этому поводу.

Кому приходилось подолгу проживать въ средѣ того населенія, въ которомъ православіе постепенно возрождалось и замѣняло собою унию, или обратно получало католическіе костелы и чтимые въ народѣ предметы, захваченные нѣкогда католиками и униатами, тотъ хорошо знакомъ съ обычнымъ католическимъ пріемомъ считать всякую народную святыню пропавшею изъ костела или церкви, обращенной въ православный храмъ. „Матерь Божія (икона) ушла отъ схизматиковъ... видѣли ее тамъ и тамъ... тайкомъ увезена до передачи костела православнымъ“ ... и т. д. Обыкновенно

при этомъ распускаются въ народѣ цѣлыя исторіи объ обстоятельствахъ перехода иконы или другой святыни въ другіе пріюты—католическіе. Наглядѣлись мы этихъ случаевъ и наслушались этихъ толковъ въ холмской епархіи при обращеніи мѣстныхъ униатовъ въ православіе. Ни одинъ чтимый униатами предметъ не оставленъ въ этихъ толкахъ на своемъ мѣстѣ, всѣ они католическою молвою переселены то въ католическіе востелы, то въ невѣдомыя мѣста, временно останавливались то въ такомъ-то лѣсу, то на такомъ-то придорожномъ крестѣ, то въ какомъ-либо домѣ, выдали ее такіе-то, народъ толпами собирали для поклоненія мѣсту временной остановки святыни, оказывались лица, получившія на этихъ мѣстахъ видѣнія, исцѣленія отъ болѣзней и т. д. То же происходило и во время обращенія бѣлорусскихъ униатовъ въ 1839 году, и гораздо раньше, при всѣхъ такихъ-же случаяхъ на Волыни, Подольи и Украйнѣ. Попробуйте теперь напримѣръ передать въ руки православныхъ виленскую остробрамскую икону Божіей Матери или старорусскую икону ея — ченстоховскую (говоримъ для примѣра, не видя въ такой передачѣ никакой надобности), обставьте эту передачу всѣми возможными предосторожностями, и тотчасъ появится молва, что икона или подмѣнена католическимъ духовенствомъ, а москалямъ досталась только копія ея, или икона сама ушла отъ нихъ и москали вынуждены были замѣнить ее поддѣльнымъ изображеніемъ. Третируя православіе, какъ схизму, отверженную небомъ, католическое духовенство не можетъ допустить и мысли, чтобы чудотворная икона пожелала остаться въ схизматической церкви. Это было-бы настоящимъ скандаломъ въ глазахъ истыхъ католиковъ, и они во что-бы-то ни стало перемѣщаютъ такую святыню, въ свои, католическіе пріюты, конечно, только въ молвѣ, на словахъ, потому что на дѣлѣ это не легко и ни къ чему не привело-бы.

Если-бы базилиане дѣйствительно увезли икону и стопу изъ почаевской лавры, то неужели они доселѣ скрывали-бы эту святыню и неужели можно было-бы скрыть ее такъ, что доселѣ о ней нигдѣ ничего не слышно? Въ простонародномъ воображеніи „заграница“ дѣйствительно—нѣчто таинственное и всемогущее, „ушелъ за границу“—точно пропалъ. Но очевидно, что „заграница“ не такова, чтобы нельзя было узнать о существованіи почаевской святыни,

если-бы послѣдняя дѣйствительно гдѣ либо въ ней скрывалась. Скрывать святыню такъ, чтобы о ней никто не вѣдалъ—не прямо-ли это противурѣчить цѣли, для которой она увезена, и самому значенію святыни? Если-бы почаевская святыня находилась въ рукахъ католиковъ и униатовъ, то развѣ поляки промолчали-бы о ней въ то время, когда они подготовляли возстаніе на Волыни, Подольи и т. д., когда они отрывали и торжественно показывали народу *моци* Юсафата Кунцевича, откопали и торжественно перенесли на Подлясье кости св. Виктора, „поляка IV вѣка“, манифестировали со всѣми предметами, имѣвшими для народа значеніе во времена уни? Отчего не объявлять этой святыни, если она гдѣ либо скрывается, въ Галиціи, гдѣ въ настоящую пору такъ возбуждена польско-католическая энергія въ охраненію русскаго народа отъ вліянія православія и гдѣ опекуны народа такъ тревожно смотрятъ на пилигримство его въ Почаевъ. Вѣдь она сослужила-бы тамъ теперь такую службу, какъ никогда болѣе. Поляки не давали никакого повода подозрѣвать ихъ въ такой осторожности и сдержанности, чтобы они могли цѣлое полстолѣтіе хранить глубокое молчаніе о предметѣ, способномъ сослужить для видовъ ихъ великую службу...

Думаемъ также, что если-бы существовали какія либо подозрѣнія относительно пропажи почаевской святыни, то императоръ Николай Павловичъ, лично посѣтившій въ послѣдствіи Римъ и папу и заключившій конкордатъ съ римскимъ дворомъ, непременно изслѣдовалъ-бы этотъ вопросъ на мѣстѣ и настоялъ-бы на полномъ раскрытіи истины. Но очевидно, что въ такимъ настояніямъ не было никакого повода. Такой знатокъ польско-католическаго міра, каковымъ былъ одинъ изъ членовъ пріемной комисіи, протоіерей Рафальскій, вслѣдъ затѣмъ первый намѣстникъ православной почаевской лавры, въ послѣдствіи митрополитъ петербургскій Антоній, самъ вѣроятно бывавшій въ лаврѣ при господствѣ въ ней базилианъ, какъ вѣроятно бывали въ ней при базилианахъ и другіе члены комисіи, что въ то время обычнымъ и повсюднымъ было на Волыни въ средѣ православныхъ, могъ вполне узнать подмѣнъ и собрать о немъ всѣ свѣдѣнія и если онъ не давалъ никакой цѣны базилианскимъ и бабьимъ толкамъ по этому предмету, то значитъ, что эти толки не имѣютъ основанія. Сама военно-судная комисіа, въ своемъ отзывѣ

въ волынскую духовную консисторію, не выражаетъ нивакихъ подозрѣній на счетъ иконы и стопы. Если даже, какъ почему-то полагаетъ г. Лѣсковъ, окажется по обнаруженіи прочихъ документовъ, что пріемщики недостаточно подробно описали принимаемую икону и стопу, то и въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть дѣйствительной пищи для подозрѣній.

Вопросъ о подновѣ, найденной г. Лѣсковымъ на иконѣ, очевидно, относится къ художественному вкусу монастырскаго начальства и къ степени разумнаго имъ значенія церковной древности и едва-ли можетъ что либо прибавить для рѣшенія дѣла о подлинности почаевской иконы. Равнымъ образомъ ничего не доказываетъ относительно подлинности „стопы“ заявленіе г. Лѣскова о настоящемъ видѣ ея. *Gutta cavat lapidem*, черпая также дѣлалъ свое дѣло въ теченіе вѣковъ, и не благоразумно было-бы желать, чтобы для поддержанія нашей слабой вѣры ежеминутно „побѣждались естества уставы“...

Отъ почаевской святыни г. Лѣсковъ переходитъ въ значенію почаевской лавры въ настоящее время и по поводу высказанныхъ нами въ предисловіи къ упоминаемымъ документамъ замѣчаній о необходимости поднять лавру до ея прежней высоты, говоритъ, что лавра „сдѣлала свое историческое дѣло“, что „благополучное время для нее прошло“, что „поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ въ періодъ униатскій, теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому, по его мнѣнію, много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, чтобы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлываетъ“. На какія именно „помѣхи“ указываетъ онъ въ „мѣстныхъ обстоятельствахъ“ и „въ складѣ житейскихъ условій“, про какой всемогущій духъ, способный „всѣхъ передѣлать“, говоритъ онъ, этого мы не знаемъ, а потому и прямаго отвѣта дать не можемъ. Но не можемъ не сказать слѣдующее.

Духовъ у нашего времени много. Всѣ эти *духи* борются между собою, мечтаютъ о побѣдѣ другъ надъ другомъ, употребляютъ разнообразныя къ тому средства, но въ концѣ концовъ побѣда достанется тому изъ нихъ, подъ знаменемъ котораго окажется наиболѣе искренности, энергіи и правды. Церковь Божія на землѣ

называется *воинствующею*, потому что она борется и должна бороться съ разными другими духами во имя высшихъ непреходящихъ интересовъ народа, во имя правильного и здороваго роста внутренняго чловѣка. На этомъ полѣ ея и врата адавы не одолѣютъ, не то что неясный „духъ времени“. Страшиться тутъ нечего, нужно только дѣлать дѣло Божіе чистыми руками. Но таковъ-ли въ самомъ дѣлѣ духъ нашего времени, чтобы онъ способенъ былъ серьезно противиться возрожденію народно-религіознаго центра? Напротивъ, не самъ-ли онъ волеетъ въ мертвенности его, не самъ-ли онъ поэтому усиленно зоветъ его къ оживленію и къ энергической дѣятельности на пользу народа? *Не всякому духу стругите, но испытывайте духа.* Не нужно однако великой проникаемости и долгихъ усилій, чтобы понять, что духъ настоящаго времени въ религіозномъ отношеніи не удовлетворяется одними общими формами богослуженія, но, при значительномъ подъемѣ личности въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, настойчиво требуетъ отъ церкви и личнаго руководства во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и духовныхъ нуждахъ христіанина, не удовлетворяется подчиненіемъ общимъ требованіямъ и уставамъ церкви, но ищетъ пособія личному религіозному чувству. Для удовлетворенія этого внутренняго, личнаго чувства, люди бѣгутъ то въ штунду, то въ разнообразныя секты, секретная сила которыхъ состоитъ единственно въ отзывчивости на внутреннія, личные потребности души, въ щедрости христіанскихъ наставленій и утѣшеній (о достоинствѣ ихъ не говоримъ), въ удовлетвореніи христіански эстетической потребности. Многие обращаются за этимъ живительнымъ источникомъ къ латинству и, если вѣрять газетнымъ извѣстіямъ, даже въ кіево-печерской лаврѣ (не тѣмъ-бы поминать ее!) монахъ пренаивно продаетъ, а крестьянинъ еще наивнѣе покупаетъ варшавскія религіозныя картинки съ польскими подписями. А что сказать о миллионной массѣ православнаго населенія, помнящаго еще времена уни и величіе почаевской лавры, во множествѣ снабжавшей народъ изданіями по этому предмету, хотя далеко менѣе нынѣшняго развитому въ то время въ народѣ? Послѣ обращенія этой массы въ православіе, у нее отняли почаевскія базилианскія изданія: духовныя пѣсни, стихи, рассказы, молитвы, частныя обряды, обычаи и даже церковныя обряды на освященіе домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ, на

разныя положенія и случаи въ домашнемъ быту, въ замѣнъ всего этого ничего не дали, оставивъ народъ при одномъ общественномъ богослуженіи и при небольшомъ выборѣ частныхъ молитвъ. Что-же вышло? Народъ, вмѣсто почаевскихъ изданій, бросился на подобныя-же польскія... Сколько разъ приходилось намъ, проживая въ средѣ б. униатскаго населенія холмской епархіи, видѣть по вечерамъ въ воскресенія и праздники кучки мужчинъ и женщинъ, расположенныхъ подъ хатами и заучившихъ польскіе молитвенные стихи! Но не редко видѣлись и старики, владѣющіе то тою, то другою „книжечкою внижечкою“; бережно хранять они эту книжечку, какъ драгоценность, въ сундукѣ, завернутою въ платокъ, и съ восторгомъ читаютъ по ней: „О, Мати, Мати, Царице русскаго краю“... и т. п.

Поглядите, читатель, съ аналогической точки на окружающее почаевскую лавру, помнящее базилианъ населеніе, внищите безъ предубѣжденія въ причины и характеръ разсказовъ о томъ, какъ „разумни базилиане дурныхъ москалей ошукали“, и подумайте, чѣмъ не удовлетворяется „духъ времени“ въ почаевской лаврѣ, куда зоветъ онъ ее, какой дѣятельности просить отъ нее... Думаемъ, что никто не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы хлопотчемъ объ оживленіи почаевской лавры посредствомъ изданія „Богласника“.

Что касается житейскихъ условій и мѣстныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ оживленію почаевской лаврѣ, то намъ представляются болѣе другихъ серьезными только два слѣдующія.

1) Близость почаевской лавры къ галиційской границѣ. Извѣстно, какъ придирчива Австрія во всему, что предпринимается у насъ по сосѣдству съ Галичиной для оживленія православія и народности. Прислушиваясь къ голосу опекуновъ галицко-русскаго народа, намъ слѣдовало-бы парализовать всякую живую дѣятельность на этой границѣ, дабы не подвергнуться рѣзкому упреку въ агитаціи въ средѣ галицкаго народа во имя православія и русской народности. Императоръ Николай Павловичъ напелся вынужденнымъ заплатить эту дань австрійской придирчивости,—политика между прочимъ требовала, чтобы православные монахи въ почаевской лаврѣ, отстоящей отъ границъ Галичины всего на 8 верстъ, сидѣли молча, тихо, чуть дыша. Кому неизвѣстно, какъ подозрительно

смотря въ Галичинѣ на пилигримство народа въ эту тихую, мертвенно-молчаливую лавру! Кто знакомъ съ исторіей нашей пограничной съ Австріей политикой, тому понятно, что мертвенная тишина въ лаврѣ, наступившая вслѣдъ за обращеніемъ ея въ православіе, не вольная, вынужденная. Но очевидно, что это условіе не абсолютное; времена переменяются и нынѣ нѣтъ причины смущаться слишкомъ своекорыстною придирчивостью сосѣда, отдавнаго притомъ русскую Галичину во владѣніе той партіи, которая не останавливается ни предъ какими средствами агитаціи въ нашихъ предѣлахъ во имя уніи и подонима.

2) Въ соотвѣтствіе съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ почаевской лавры, организованъ былъ и составъ братіи ея. Полная случайность въ этомъ составѣ, крайняя простота, отрѣшенность отъ духовныхъ потребъ края, отсутствіе предприимчивости на пользу общественную и другія подобныя свойства поражаютъ богомольца въ этой монастырской братіи, тихо и безучастно двигающейся въ виду величественнаго зданія церкви, напоминающаго костель и бывша времена лавры... Но, очевидно, и это условіе не непреложное...

Въ заключеніе, повторяя сдѣланное г. Лѣсковымъ заявленіе о томъ, что „святѣни почаевской лавры не надо прятать отъ глазъ подъ спудомъ, что возбуждастъ недоумѣніе и говоръ, а надо-бы сдѣлать ихъ видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемены, когорымъ они подвергались отъ времени и отъ прикосновеній“, не можемъ не пожелать, чтобы такими описаніями руководило полное уваженіе къ религіозному чувству народа и его исторической святынѣ.

Е. Крыжановскій.

НЪ ХАРАНТЕРИСТИКЪ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КОЗАЧЕСТВА.

Эпоха уничтоженія козачества и постепеннаго введенія общероссійскихъ порядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Руси еще очень мало изслѣдована, по крайней мѣрѣ мало извѣстна читающей публикѣ, которая не можетъ ознакомиться съ нею непосредственно по архивнымъ источникамъ: только устное преданіе, какой-нибудь характерный разговоръ старожила или какой-нибудь старинный документъ, случайно избѣгнувшій участи превратиться въ ружейный

пыхъ или покрывку на горшокъ съ сметаной, могутъ иногда воскресить передъ вами какую-нибудь черту этого интереснаго времени. Столкновение двухъ началъ: единоподержавія, шедшаго съ сѣвера, и вольныхъ козацкихъ общинъ на югѣ въ теченіе полутора вѣковъ вызвало непрерывную борьбу, въ которой попеременно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, дѣлались взаимныя временныя уступки, пока, наконецъ, не наступило время окончательной ломки вѣками укоренившагося въ южно-русскомъ народѣ козацкаго строя, отъ котораго остались нынѣ только черноморскіе козаки на Кубани, постепенно все болѣе и болѣе утрачивающіе старинное самобытное устройство, затѣмъ возвращающіяся въ разныя времена изъ-за Дуная партіи запорожцевъ (часть которыхъ и до сихъ поръ еще живетъ въ предѣлахъ Турціи), да имя „козака“ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Эпоха этой ломки, взбудоражившей все общественное сознаніе нашего юга, вызвала на сцену множество интересныхъ явленій и своеобразныхъ типовъ: съ одной стороны реформаторы изъ великороссіянъ, которымъ по секретному наказу Екатерины велѣно было имѣть „волчій ротъ и лисій хвостъ“, съ другой—малороссійскіе паны: одни, готовые, ради увеличенія своихъ правъ, служить какому угодно правительству, другіе, хотя и сжившіеся съ своимъ панствомъ, которому, повидимому, должны были благопріятствовать новыя порядки (напр. введеніе крѣпостнаго права въ концѣ прошлаго вѣка), но тѣмъ не менѣе возмущавшіеся тѣмъ духомъ: „безъ разсужденія!“, который эти порядки вносили съ собой,—каковъ напр. старый Чернышъ въ повѣсти Кулиша, оплакивающей со своимъ „джурою“—бандуристомъ прежнее козацкое житіе и не согласный ни на какіе компромиссы съ новымъ духомъ канцелярщины. Среди тѣхъ и другихъ проходитъ масса безличныхъ людей, которые инстинктивно отдавались новому теченію жизни и непримѣтно для собственнаго сознанія проникались инымъ духомъ, сохраняя въ тоже время нѣкоторыя неизгладимыя черты прежняго духа и быта и представляя собою крайнюю пестроту во всемъ, отъ взглядовъ и понятій до мелочныхъ привычекъ будничной жизни. Особою статьею, позади всѣхъ ихъ, стоитъ протестъ народа, въ которомъ еще живы были идеалы запорожской равноправности, противъ всякаго панства и поддерживавшей его казенщины, протестъ, выразившійся въ лицѣ такихъ людей. Какъ

Гаркуша въ слободской Украинѣ (харьк. губ.) и въ болѣе позднее время Кармелюкъ (въ Подоліи).

Къ числу панскихъ типовъ той эпохи съ характеромъ смѣшаннымъ, безличнымъ принадлежалъ мой дѣдушка *Василь Павловичъ Григоровичъ*, котораго немудрая личность живо выступаетъ въ нѣкоторыхъ несвязныхъ *его воспоминаніяхъ* и разсказахъ, съ которыми я намѣренъ познакомить читателя для характеристики намѣченной мною эпохи.

Года три тому назадъ я гостилъ у него, въ с. Сиволожи, борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи. Григоровичи были когда-то одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ этой мѣстности, но раздѣлы имѣнія между наслѣдниками и различныя неудачи разстроили окончательно ихъ состояніе и теперь только старинной постройки конюшни да большой (въ 12 десятинъ) запущенный садъ съ затянутыми тиной „сажалками“ и бесѣдой изъ гигантскихъ липъ, насаженныхъ еще рукою сотника Дмитра Григоровича, и далеко видныхъ среди ровной мѣстности, напоминаютъ о томъ, что здѣсь когда-то широко развертывалась жизнь богатаго малороссійскаго пана. Старый большой домъ сгорѣлъ, земли почти все проданы по частямъ и въ небольшомъ деревянномъ домикѣ 30 лѣтъ безвыѣздно жилъ одинъ только отставной артиллеріи полковникъ, Василь Павловичъ Григоровичъ, со второй женой.

Старикъ Василь Павловичъ, теперь уже покойникъ, любилъ по временамъ тряхнуть стариной и, такъ какъ онъ умѣлъ хорошо говорить и встать вставить красное словце, то все любили послушать его разсказы про 1813-й годъ, за который онъ получилъ Георгія, про Оренбургъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, про осаду Данцига, который теперь никому не придетъ въ голову осаждать, про то, какъ одинъ его товарищъ, молодой офицеръ, подвыпивши, велѣлъ стрѣлять по этому городу брандсугелями (которыми теперь уже никто не стрѣляетъ), не смотря на то, что онъ, Василь Павловичъ, и отговаривалъ его отъ этого, и какъ въ этой-же перестрѣлкѣ этотъ молодой офицеръ былъ убитъ, не успѣвши получить только что присланной ему отъ невѣсты вышитой сорочки. Однажды я сидѣлъ за столомъ, съ жадностью антикварія перебирая толстую рукописную книгу, „одаренную переплетомъ изъ дерева, облеченнаго въ ремени“, которую я только что случайно нашелъ въ ам-

барѣ, гдѣ она валялась между папушами табаку и ломаной мебелью, предназначаясь по всѣмъ вѣроятіямъ на прочтеніе мышамъ, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ... Но дѣдушка Василь Павловичъ самъ по себѣ не менѣе интересенъ для антикварія, чѣмъ и его разсвѣзъ: теперь уже мало осталось такихъ людей, поэтому остановлюсь сначала нѣсколько времени на немъ.

Военная выправка и нѣкоторая рѣзкость стараго служаки соединялись въ немъ съ природнымъ малороссійскимъ юморомъ и добродушіемъ; къ этому присоединялась еще порядочная доля стараго барства, не терпящаго противурѣчій. По своему времени онъ былъ очень хорошо образованъ, хорошо зналъ языки и чрезвычайно уважалъ ученость и вообще ученье. Съ прислугой и крестьянами онъ обращался по-старому,—любилъ прикрикнуть и иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ пуститъ въ ходъ аргументы времени крѣпостнаго права: „за волосное правленіе“ да „въ нижній земскій судъ“,—но этого не случалось, и не знаю, что именно удерживало его: нежеланіе-ли ронять собственное достоинство, боязнь-ли новыхъ порядковъ, гуманность людей александровскаго времени, или природное добродушіе. Прислуга только улыбалась втихомолку, и крестьяне, для которыхъ этотъ характеръ представлялъ уже анахронизмъ, относились съ добродушной шутливостью къ „старому пану“: „зовіміъ—бакъ старенькій и головка облізла геть, якъ коліно“. У кухарки былъ маленькій сынтъ, съ которымъ онъ любилъ забавляться и называлъ его своей собакой; утромъ, когда онъ выходилъ пить чай, мальчикъ долженъ былъ всегда быть тутъ-же. „Собака!“ крикнетъ В. П., держа въ рукѣ сладкій сухарь; мальчуганъ, подражая собачьей воркотнѣ, подскакиваетъ къ нему и вырываетъ зубами сухарь, потомъ В. П. беретъ его на колѣни и гладитъ по головкѣ: въ насъ, людяхъ конца XIX в., такое обращеніе способно возбудить отвращеніе, но В. П., какъ человекъ начала этого вѣка, смотрѣлъ на вещи другими глазами и никакъ не могъ предположить въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго для „мужичкаго мальчишки“. Похоронивъ жену, братьевъ, сестеръ, дочь и сына съ женой, онъ остался одинъ представителемъ старины; кругомъ его выросли новые люди съ непонятными ему новыми требованіями и понятіями, новыя отношенія и взгляды, и онъ иногда съ удивленіемъ озирался кругомъ, не понимая, что такое дѣлается

теперь на свѣтѣ... По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ бывало на крыльцѣ съ длиннымъ чубукомъ и смотритъ на садъ и на бѣгущую мимо него проселочную дорогу. „Когда-то все отъ Нѣжина до Борзны принадлежало Григоровичамъ“, говаривалъ онъ. „Старъ уже сталъ, совсѣмъ старъ... и глупъ... а всебъ еще пожить хотѣлось... *та ба!*“ Иногда въ немъ вспыхивалъ шляхетскій гоноръ, когда кто-нибудь начиналъ говорить объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, котораго онъ не любилъ. „Что такое Х?“—говорилъ онъ тогда, „Х. былъ погонщикомъ, когда Григоровичъ былъ сотникомъ“.

По временамъ въ немъ заговаривалъ старинный украинскій патриотизмъ, изъ рода въ родъ дошедшій до него отъ временъ самобытности гетманщины. Когда я показалъ ему свой альбомъ южно-русскихъ дѣятелей, онъ вооружился очками, усѣлся по-лучше въ своемъ креслѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. Надъ Б. Хмельницкимъ онъ остановился и сказалъ: „Вѣдь онъ былъ простой мужикъ, ты знаешь? А голова! задалъ панамъ-ляхамъ! Вѣдь они шельмы, имъ никогда нельзя повѣрить“... „Ты читалъ нашу исторію?“—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Да, дѣдушка, я прочелъ исторію Бантыша-Камѣнскаго“, отвѣтилъ я. „Бантышъ-Камѣнскій!“ поправилъ онъ. На Полуботкѣ онъ вновь меня поправилъ: „*Полуботокъ*“. Кулиша онъ долго и со вниманіемъ молча разсматривалъ.

Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда старался доставить гостямъ всевозможныя удобства; при этомъ въ немъ иногда сказывались старыя барскія замашки; такъ, однажды онъ сильно разсердился и раскричался на прислугу за то, что вечеромъ, когда были гости, не было свѣчей въ пустой передней, что по его тогдашней обстановкѣ жизни было совсѣмъ лишнимъ. Я цѣликомъ занесъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ въ записную книжку.

— Дѣвка! А что-же тамъ свѣту нѣтъ?

— Та тамъ никого нема!

— Что я тебя бить долженъ? морду тебѣ разбить? у насъ за это палками дули, за такіе отвѣты, а еѣ сѣчь надо или чортъ еѣ душу знаетъ.

Ищетъ табакерки; въ это время рядомъ съ нимъ на диванѣ сидитъ барышня, пришедшая изъ другой комнаты; „ишь, вотъ она присосѣживается,—понюхать хочеть“!

— Нѣтъ, Василь Павловичъ, расскажите, что такое женщина! пристаешь къ нему молодежь.

— Что-жъ? женщина не настоящій человѣкъ! говоритъ онъ, конфузя барышень; вотъ женщина должна за курами смотрѣть, тогда у нее и курочка и пѣтушокъ будетъ..., а ей не до того (сѣтуешь онъ на современныхъ женщинъ)... и теленокъ, и ребенокъ, да! А старыхъ дѣвъ и на тотъ свѣтъ не принимаютъ. Это большое несчастіе для дѣвушки... Дѣвица должна непременно стараться выйти замужъ.

Послѣ ужина В. П. любилъ долго сидѣть за чаркой и рассказывать что-нибудь или слушать чужія разсказы; но, такъ какъ онъ былъ нѣсколько глухъ, то часто перебивалъ говорящаго словами: „говорите громче и я хочу слышать; говорятъ себѣ что-то, ничего не слышно“!

— Наташа, что онъ говоритъ? спрашивалъ онъ жену, и жена его (къ голосу которой онъ привыкъ, такъ что понималъ ее даже, когда она говорила не громко) повторяла ему слова рассказывавшаго; но иногда, недослышавъ, онъ говорилъ только: „чѣмъ чортъ знаетъ что говорить, такъ лучше выпить!“ и наливалъ себѣ новую чарку. Вопросъ со стороны младшаго (а всѣ были моложе его) онъ считалъ невѣжествомъ и иногда, если отвѣтъ затруднялъ его, говорилъ, указывая на большаго желто-бѣлаго кота, который всегда помѣщался рядомъ съ нимъ на диванѣ: „ну, объ этомъ мы спросимъ вотъ у кого!“ Послѣ нѣсколькихъ чарокъ онъ начиналъ отпускать такія остроты, что дамы не знали, куда дѣваться; при этомъ онъ говорилъ какъ-бы про себя по-французски или по-нѣмецки, какъ-бы разсчитывая на то, что его не поймутъ. Я помню, какъ однажды я прохохоталъ цѣлый вечеръ до спазмовъ въ бокахъ, такъ какъ смѣхъ тѣмъ больше разбираетъ, чѣмъ больше удерживаешься. Но въ то время, о которомъ я буду говорить, В. П. уже сильно одряхлѣлъ (ему было тогда около 90 лѣтъ), къ гостямъ выходилъ въ халатѣ и рѣдко уже пускался въ длинные разговоры. Исторія семейства Григоровичей представляетъ много интересныхъ характерныхъ эпизодовъ, которыми я современемъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, теперь-же ограничиваюсь бѣглымъ очеркомъ этого типа, который я самъ могъ наблюдать, и закончу мой разсказъ нѣсколькими о немъ словами.

Итакъ, я перелистывалъ старинную рукопись, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ. Выписываю изъ записной книжки его рассказъ дословно, со всѣми украинизмами его рѣчи.

— Что ты читаешь? спросилъ онъ меня.

— О запорожской Сѣчи, отвѣтилъ я.

— Аа! запорожская Сѣчь! давно это было... очень давно. Запорожская Сѣчь! торжественно и медленно отчеканилъ онъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Мой дѣдъ былъ запорожець! Дмитро Самъновичъ Григоровычъ! Это его книга. Онъ былъ прохорскимъ сотникомъ¹⁾ и коллежскимъ ассесоромъ: *Екатерина подавала имъ кромь того еще гражданскіе чины...* Старый былъ... Бутыли были такія громадныя и въ нихъ вишни и сливы (отъ наливки?). Вотъ онъ выпится и зоветъ меня доставать ему вишни оттуда, я и достаю рученками маленькими: я еще тогда ребенкомъ былъ... Дмитро Самъновичъ Гры-го-ровычъ!

— А въ сотники его вѣрно выбрали?

— Кто его знаетъ, вѣрно по выбору... А какъ Екатерина на престолъ вступила, то запорожцы отправились еѣ поздравлять и сказали ей: „будь здорова, якъ корова, а богата, якъ земля!“ и ничего... дала имъ ручку поцѣловать, благодарила... Будь здорова, якъ корова...

— Да перестаньте уже, перебила его Наталья Романовна, вошедшая передъ тѣмъ въ комнату.

— А какъ-же? Это отличное желаніе! И вѣрно какой-нибудь профессоръ былъ,—сочинилъ вѣдь такъ (обращается ко мнѣ): будь здорова, каже, якъ корова... оно совершенно вѣрно!

— А скажите, дѣдушка, ходилъ сотникъ на войну?

— Какъ-же! Они стояли на границѣ—тамъ служили... Екатерина баба была, а при ней хорошо было; царствованіе ея очень счастливое, благополучное... всего было много: денегъ, хлѣба... и туровъ славно били... Е-ка-те-рина!... Оо! то была ба-ба!...

— Н. Р. Ахъ, что это вы право говорите!

— А шо-жъ... конечно такъ было! Да, было когда-то давно... очень давно...

¹⁾ Село Прохоры, борзенск. уѣзда.

— Да, простота была, необразованность! вставила *Н. Р.*; онъ въ острогѣ сидѣлъ, дѣдъ Василя Павловича, прибавила она, очевидно желая прекратить надоѣвшій ей разговоръ.

— Што?... Да! Это когда Екатерина вступила на престолъ... писала запорожцамъ... спрашивала на какомъ положеніи они хотятъ, чтобы оставитъ Малороссію: на прежнемъ или перемѣнить, такъ онъ (дѣдъ В. П.) самъ своей рукой написалъ: „якъ було, нехай такъ и буде!“ такъ его въ тюрьму посадили. Цѣлый годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! въ Глуховѣ,.. Екатерина! оо, то баба була!

— *Н. Р.* Да будетъ уже право!

— Нѣтъ, да посуди сама, Наташа, (съ одушевленіемъ) цѣ-лый же годъ въ темницѣ томился! Вѣдь спрашиваетъ-же! Вѣдь цѣлый годъ сидѣлъ! цѣлый годъ! А сотнички ѣздятъ и понятное дѣло курей возятъ и разныя разности... просятъ... нельзя-же такъ, безъ этого... Сотничка это почетное званіе было! Да, имъ тогда лучше жилось, легче. Сотникъ ѣдетъ: ему лошадей приготовить, сала натолкутъ... всего много было... Подумать только, какъ все перемѣнилось! какъ-будто и люди не тѣ. А современемъ еще больше перемѣнится и опять нельзя будетъ узнать... чортъ его знаетъ, можетъ быть такъ еще сдѣлаютъ, что и жить будетъ негдѣ.

СВѢДѢНІЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Исторію Малороссіи обыкновенно оканчиваютъ вмѣстѣ съ концемъ гетманщины, не описывая самого процесса превращенія козаковъ съ одной стороны въ гусаръ и др. регулярныя войска, а съ другой стороны въ російскихъ дворянъ—помѣщиковъ, крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Между тѣмъ и самый послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія козачества произошелъ не сразу, а представляетъ нѣсколько колебаній и возвратовъ къ прошлому. Зная расположеніе южно-русскаго народа къ козачеству, правительство въ годину внѣшней войны не разъ прибѣгало къ вызову козаковъ изъ населенія южныхъ губерній (таковы напр. „малороссійскіе козаки“ времени крымской компаніи). Однимъ изъ такихъ явленій представляются, вѣроятно, и такъ называемые бугскіе козаки,

нѣкогда существовавшіе въ нынѣшней херсонской губерніи. Такъ какъ объ нихъ вообще очень мало писано, то я считаю не лишнимъ привести нижеслѣдующую выписку изъ одного стараго указа объ отставкѣ.

Лабенскіе переселились въ ю. Россію во времена Потемкина изъ Галиціи; они были православные (русины), „хотя грамота на дворянство и писана по-польски“, какъ объяснилъ мнѣ Н. С. Лабенскій. Въ то время Сѣчь запорожская была уже уничтожена, запорожцы разбѣжались кто-куда и въ огромныхъ пустопорожнихъ пространствахъ нынѣшней херсонской губерніи земля распродалась отъ казны *по нѣскольку копѣекъ за десятину*. Переселившійся изъ Галиціи Тимофей Лабенскій купилъ большое имѣніе по р. Бугу; земли эти впослѣдствіи перешли къ его племянникамъ Любимскимъ (которые вмѣстѣ съ Лабенскими пришли изъ Галиціи). Сынъ его, Степ. Тимоф. Л—скій служилъ въ бугскихъ козакахъ; вотъ выписка изъ его указа объ отставкѣ, который представляетъ интересъ по самой формѣ своей.

„Господинъ маіоръ Степанъ Тимофѣевъ сынъ Лабенскій. Въ службу вступилъ козакомъ 1805 г. сентября 13 въ бывшее *бугское войско; урядникомъ*—806 г. мая 9; *хорунжимъ*—1814 г. апр. 5-го; отъ роду имѣлъ онъ тогда 25 лѣтъ. *Переименованъ въ корнеты 818 г. января 22 въ 1-й бугскій (что нынѣ бугскій) уланскій полкъ; поручикомъ 820 г. „etc.“* Въ походахъ и сраженіяхъ находился: *Въ войну съ турками 808 года въ Молдавіи у содержанія на австрійской и турецкой и княжества варшавскаго границахъ кордонной стражи* ¹⁾, *потомъ съ начала съ французами второй войны 812 года... (оторванъ уголъ)... 2-ю, и до окончанія оныхъ во всѣхъ случавшихся съ неприятелемъ дѣлахъ, etc...* былъ казначеемъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ съ 821 по 824 годъ etc... *Имѣетъ серебряныя медали въ память 812 года и за взятіе г. Парижа 19 марта 814 года установленныя*. Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ и ариметикѣ знаетъ. 1837 года“. Подпись: графъ Витте и пр.

Курсивомъ я написалъ все то, что относится къ бугскимъ козакамъ, изъ чего мы видимъ, что они участвовали въ турецкой

¹⁾ Слѣд. еще козакомъ.

кампаніи 1808 года, при чемъ содержали пограничную стражу и пр. и въ кампаніи 12-го и 14 года, при чемъ участвовали во взятіи Парижа и, наконецъ, что они расформированы въ 1818 г. и обращены въ „Бугскіе“ уланскіе полки, изъ которыхъ теперь только одинъ сохранилъ названіе „Бугскаго“ (въ 9-й кавалерійской дивизіи).

А. Рудковскій.

О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обыкновенно считаютъ дикихъ коней, о которыхъ говорить Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи украинской степи, давнымъ давно вымершими и нѣкоторые относятъ ихъ чуть не въ область вымысловъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось слышать отъ очевидца, заслуживающаго полнаго довѣрія, совершенно противное. О дикихъ коняхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ была когда-то помѣщена большая статья „Про тарпанівъ (дикихъ коней)“ въ журналѣ „Основа“ (на украинскомъ языкѣ), затѣмъ (на томъ-же языкѣ) писалъ о нихъ черноморскій козакъ генер. Кухаренко; помнится, что онъ говоритъ о нихъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), какъ о существующемъ еще въ степяхъ Черноморіи видѣ животныхъ. Дядя мой, отставной ротмистръ Ник. Степ. Лабенскій (сынъ упомянутаго выше), сообщилъ мнѣ, какъ очевидецъ, интересныя свѣдѣнія о недавнемъ еще существованіи дикихъ коней въ степяхъ херсонской губерніи. Вотъ его разсказъ. „Дикія лошади водились въ херсонской губ. еще лѣтъ 40 тому назадъ; когда мнѣ было лѣтъ 10 (слѣд. въ 30-хъ годахъ), то я не разъ ѣздилъ съ отцемъ на охоту за ними. Это было за Вознесенскомъ около сс. Привольнаго и Полтавки херс. губ. на рр. Бугѣ и Мертвоводѣ. Отецъ мой, бывшій тогда волостнымъ командиромъ въ новороссійскомъ военномъ поселеніи, собиралъ облаву челоуѣкъ въ 30, 40, иногда и 100; иногда съ собой на охоту возили столбы, которые легко можно было-бы вкопать въ землю, чтобы привязывать къ нимъ пойманныхъ коней, пока они приручатся; но послѣ этотъ способъ оставили; однажды случилось—я самъ это видѣлъ и хорошо помню, хотя мнѣ тогда было всего лѣтъ девять, что одна лошадь, будучи привязана къ столбу, рвалась до тѣхъ поръ, пока не разбила себѣ совершенно голову и не задушилась. Ростъ этихъ лошадей малый: 2 арш. безъ вершка или полу-вершка, масть—мышастая съ черной полосой на спинѣ; сло-

жены пропорціонально и довольно красиво; головы небольшія и ноги совсѣмъ не мохнатя, какъ пишутъ о другихъ породахъ дикихъ коней. Всѣ они были очень жирныя, хотя сами себѣ промышляли кормъ: травы большія, зимою пробиваютъ снѣгъ ногами и достаютъ траву. Тогда въ херсонской губерніи и табуны (ручныхъ лошадей) паслись зимою такимъ образомъ. Дикія лошади чрезвычайно боязливы: такъ и дрожить вся, когда поймаютъ; изъ числа пойманныхъ нѣсколько умирало, но остальные, будучи приручены съ большимъ трудомъ, представляли чрезвычайно хорошихъ и выносливыхъ лошадей: они могли легко скакать подрядъ десять верстъ, не уставая, и притомъ очень быстро. Ихъ постоянно вылавливали и теперь едва-ли они уже существуютъ гдѣ нибудь. Они ходили табунами не болѣе 20 штукъ и охотиться за ними было чрезвычайно трудно, такъ какъ они въ высшей степени сторожки: если мѣстность ровная, то уже за 5 верстъ удаляются, и нужно не меньше 30-ти, 40-ка человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ (напр. тѣхъ-же дикихъ прирученныхъ); они съ разными хитростями и охотничьими сноровками объѣзжали ихъ и окружали съ разныхъ сторонъ. Тогда сѣдоки, которые по-ерѣвче сидѣли въ сѣдлахъ, бросались на нихъ, подскакавъ шаговъ на тридцать, забрасывали арканъ и пускались вслѣдъ за убѣгавшей лошадыю, не выпуская аркана, пока она не утомится; это былъ обыкновенный способъ первоначальнаго прирученія—вмѣсто привязыванія къ столбу. Бѣдетъ бывало на охоту человѣкъ 30 и поймаютъ 3, 4 лошади.

Кромѣ настоящихъ дикихъ лошадей были еще и одичалыя. Отобьетъ напр. волкъ отъ табуна лошечка (а то и большую лошадь), а онъ и пристанетъ къ дикимъ—одичаетъ. Одинъ разъ между дикими поймали *тыую* лошадь (слѣд. очевидно не дикую) и она легко приручилась. Это была кобыла, тоже небольшая; ей было лѣтъ 5 и она была очень хороша подъ верхъ; даже я ѣздилъ на ней—мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать—такъ хорошо приручилась. Когда мнѣ было лѣтъ 9, я уже ѣздилъ верхомъ сначала на „турчинѣ“, котораго моей матери братъ привелъ изъ турецкой кампаніи 29-го года, а потомъ на этой пѣгой, пойманной. Она была чрезвычайно вынослива; бывало на охотѣ за волками отецъ—на казенной лошади, и всѣ устанутъ и отстанутъ, а моя все впереди, пока волка не поймаютъ“.

Я помню, какъ однажды (лѣтъ восемь тому назадъ), проѣзжая по Херсонской губерніи, мнѣ пришлось разговориться съ однимъ табунщикомъ гг. Скаржинскихъ, громадные имѣнія которыхъ простираются отъ днѣпровскихъ пороговъ въ верховьямъ Ингула. Оглядываясь по сторонамъ, онъ сообщилъ мнѣ, какъ великую тайну, что у нихъ въ заповѣдномъ мѣстечкѣ *живетъ еще теперь нѣсколько штукъ настоящихъ дикихъ коней...* Разсказъ этотъ совсѣмъ было вышелъ у меня изъ памяти и я вспомнилъ его, только услышавъ разсказъ Н. С. Л—скаго и привожу его здѣсь въ рѣдантъ къ предъидущему. Интересно было-бы имѣть свѣдѣніе отъ самихъ гг. Скаржинскихъ, дѣйствительно-ли еще существуетъ эта живая эмблема легендарнаго запорожскаго герба?...

А. Рудновскій.

ПОПРАВКА КЪ РАЗСКАЗУ О БОНДАРЕНКѢ.

Въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины“, въ статьѣ о *Бондаренкѣ*, между прочимъ сказано, что онъ казненъ въ м. Чернобилѣ, гдѣ и нынѣ старожилы указываютъ „*Бондаренкову могилу*“—*по дорогѣ изъ Чернобиля въ с. Зальсье у выѣзда изъ мѣстечка*. Считаю долгомъ, по поводу сего и въ восстановленіе исторической истины, сказать нѣсколько словъ.

Какъ уроженецъ м. Чернобиля, гдѣ отецъ мой, воспитанникъ еще старой академіи, священствовалъ слишкомъ 34 года и, будучи самъ знатокомъ историческихъ мѣстностей, окружающихъ м. Чернобилъ, съ таковыми, въ часы досуга и при случаѣ, знакомилъ и меня, смѣло скажу, что таковой могилы *у выѣзда изъ мѣстечка, по дорогѣ въ с. Зальсье нѣтъ*. У выѣзда изъ мѣстечка, съ южной его стороны, по дорогѣ въ *Зальсье* есть не одинъ курганъ, а два, и таковыя курганы носятъ въ народѣ названіе: „*могилы воиновъ*“ какаго-то ополченія 1812 г. ¹⁾), умершихъ отъ эпидемическаго (кро-

¹⁾ Кажется, смоленскаго, отъ береговъ Березины, по р. Припяти, чрезъ Днѣпръ возвращавшихся на родину. Не знаю, какъ теперь, а во время оно, лѣтъ 35 назадъ, на такъ называемые *проводы* совершалась бывало торжественная на сяхъ кургановъ панихида всѣми священниками м. Чернобиля « *православныхъ здѣ почивающихъ воиновъ*».

ваваго) поноса въ м. Чернобилѣ и погребенныхъ, во избѣжаніе распространенія дальнѣйшей заразы, за кладбищемъ, совершенно уже видѣ мѣстечка. Есть, правда, еще третій курганъ у выѣзда, но съ западной его стороны, по дорогѣ въ с. *Корогодъ*, гдѣ я когда-то священствовалъ. Курганъ этотъ носитъ названіе „*татарскаго колодезя*“, гдѣ, по преданію, зарыты тѣла татаръ, дѣлавшихъ часто, хотя не всегда удачно, набѣги и на эту глухую мѣстность. Въ этомъ послѣднемъ курганѣ, по разсказу козацкаго сотника (изъ войска графа Ходкевича) Степана Чуры, переданному моему покойному отцу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію самаго генерала польскихъ войскъ Александра Ходкевича (владѣльца м. Чернобиля), производились даже раскопки, причѣмъ найдено довольно татарскаго оружія, сбруи и проч.

Но гдѣ-же возлѣ Чернобиля могила Бондаренка?

Есть она, но не у выѣзда изъ мѣстечка, и не по дорогѣ въ с. Залѣсье, а по дорогѣ изъ Залѣсья въ дер. *Заполье*, между дер. *Гапоновичами* и *Запольемъ* (Гапоновичи—между Залѣсьемъ и Запольемъ). Здѣсь, на нѣсколько возвышенной мѣстности, совершенно песчаной и почти обнаженной отъ всякой растительности, указываетъ преданіе мѣсто казни и могилы Бондаренки, безъ всякаго, какъ живо помню я, особаго тамъ кургана. Не разъ, проѣзжая съ покойнымъ моимъ отцемъ мимо сего мѣста, я слышалъ отъ него: „смотри, Гриша, вотъ мѣсто, гдѣ четвертовали Бондаренка“¹⁾. И пошли, конечно, послѣ сего съ моей стороны распросы: кто, что, какъ, когда, гдѣ и проч. Нужно замѣтить, что покойный мой отецъ по окончаніи курса въ старой кievской академіи и послѣ учительства въ кievо-подольскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на чернoбилcкiй ильинскiй приходъ еще въ 1821 г., слѣдовательно могъ легко бесѣдовать съ людьми живо помнившими многое изъ жизни прошлаго столѣтія, а по своей любви къ историческимъ преданіямъ, все слышанное имъ могъ правильно и точно удержать въ своей, довольно счастливой памяти. Въ отношеніи къ изслѣдуемому вопросу я и самъ, даже теперь, помню еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсенку чернoбилcкiхъ дѣвчатъ:

1) По обычаю тѣхъ варварскихъ временъ Бондаренка казнили «*четвертованьемъ*».

*Ой у місті Чорнобилі
Роковее свято,
Знать у місті Макарові
Бондаренка взято...
Ой и вы—козаки
Славни гайдамаки,..
Чомъ не оберемъ пана
Своего атамана... и проч.*

Свящ. Гр. Шиманскій.

ПѢСНЯ ПРО ФИЛИППА ОРЛИКА *)

Ой изъ-за горы, изъ-за Дніпра
Витерець повивае,
Ой якійсь-то човникъ
Филя до берега прибивае.

* * *

Ой прибила филя човникъ
Човникъ лебедочку,
Ой выскочивъ зъ неі Орликъ
Тай почавъ беседочку.

* * *

Пугу, браця, пугу,
Пугу, запорожци!
Стоить козаекъ въ лугу,—
Кажуть ему хлопци.

* * *

---

*) Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщено было замѣчательное нисмо б. писаря Мазены и вице-гетмана, Филиппа Орлика, къ запорожцамъ и еще болѣе замѣчательный отвѣтъ залорожцевъ, съ предисловіемъ А. А. Скальковскаго. Помѣщаемая пѣсня служитъ иллюстраціею къ этой перепискѣ. Выдержки изъ неа приводятся въ «Исторіи Новой Сѣчи Запорожской»; но такъ какъ это сочиненіе стало теперь библиографическою рѣдкостію, то мы не видимъ причины не помѣстить ее въ нашемъ изданіи, тѣмъ болѣе въ полномъ видѣ, съ того давняго оригинала, который сообщеть намъ тѣмъ-же многуважаемымъ историкомъ «Сѣчи».—Ред.

Эй, браця, ходимъ до Кошоваго,
 Будемъ радити раду;
 Зивимъ малого и старого
 На цюю важную пораду.

* * *

Ой пишовъ Орликъ до Кошоваго
 Та въ поясъ повлонився,
 Та начавъ изъ діла Карловаго,
 Що зъ нашимъ царемъ не помирився.

* * *

Ой батьку, Иване,
 Отакая-то річь:
 Кажить, Малюшевиче пане,
 Чи станете намъ въ помічь?

* * *

Ой надъ Україною гетьманською
 Громовая хмара стоить,
 Ой прийшовъ царь съ армію руською
 Та хоче ии та разорить.

* * *

Чому-жь не помогати,
 Коли просять браты сосіди,
 Чому-жь намъ татарь не рубати,
 Коли руки начали свербіти?

* * *

Та то не татарь рубати;
 Мазепа просить до насъ пристати,
 Наши Вкраині помічь дати,

* * *

А вписля до шведина привернуця
 И видъ царя руського одвернуця:
 Оттогда мы будемъ на волі,
 Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі!

* * *

О що-жь, батьку Иване,
 Прошу-жь міні казати,

Чи зъ твоихъ слівъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепі звісточку послати.

* *
* *

А ты-жъ те и забудь,
Що мы цареви присягнули,
Мазепа того и не розжувъ,
Що мы въ прощеніе взули.

* *
* *

О що-жъ тобі казати;
Ты бачишь діло самъ,
Намъ не можно присяги ламати,
Намъ не можно помочи дати вамъ.

* *
* *

Запорожець не бувъ бісовымъ синомъ,
Коли присягу вінъ давъ;
Наменують его еретичимъ чиномъ,
Коли й христия забувавъ.

* *
* *

Бо вінъ забувавъ христия,
Коли врага въ шію гнавъ,
А вписля знавъ и помолиця,
Та все присяги не ламавъ.

* *
* *

Отце, Орлику брате,
Одвези Мазепі цей отвiтъ;
Нехай вінъ луче начне жати,
Отце буде нашъ совiтъ.

* *
* *

Ой искра мала, та може свiтъ спалити
И сама счезне, пропаде.
Ой хоче Мазепа народа згубити;
Чого вінъ хоче, того тамъ не найде.

* *
* *

Ну, батьку Иване, прощай!
Що будемъ съ тобою робити.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Сiчъ голити.

* *
* *

Ой Орлику, мій брате,
 Не копай ты яму для насъ;
 Постой, жевжику, хвате,
 Бо въ ту яму та посадять васъ!

* * *

Ой повивае витерець
 Та відь моря холодный;
 Ой поїхавъ нашъ брехунецъ,
 Якъ собака голодный.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Чи чули вы, панове, зъ роду,
 Що Богъ прійшовъ до насъ ажъ самъ?—
 Чого-жъ?
 Бо старший чортъ хотівъ зрівнятьця зъ Богомъ,
 Надувсь, ажъ очі лізуть рогомъ...
 А Богъ ему сказавъ: а вонъ, а засъ!
 Нема тобі тутъ місяця въ насъ!
 Зайшовъ зъ иншого чортъ краю:
 Адама въ гості попросивъ,
 А цей гукнувъ ёго до гаю,
 Тай яблука изъ нимъ вкусивъ.
 Проснувсь на другий день, ажъ лихо:
 Товаришъ и сорочку знявъ.
 Адамъ питае Еву тихо:
 А съ кимъ я вчора такъ гулявъ?
 Не знаю, шо були за гості,
 А вже чогось у насъ нема...
 О, буде намъ, старый, похлостя—
 Не выкупимся мы відъ соромъ!
 Задумався Адамъ, сівъ, тай труситця въ куточку,
 А Богъ прійшовъ, пита его:
 А де ты дівъ сорочку?
 Не знаю, десь вчора загубивъ...

Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ раю!
 Обывся яблукуъ, ажъ сопешь...
 Отъ такъ ты доглядаешъ гаю,
 Безъ поспиту що хочешъ, те и рвешь?!
 И ты иди, небого, прясти,
 Адамъ тебе щобъ доглядавъ;
 А щобъ не сміла яблукуъ красти,
 Такъ я Адамові нагайку давъ.
 А ну, ходи сюди, прокляте!
 Ты що Адаму тамъ зробишь?
 Зайшовъ у гости погуляти,
 На вікъ хозяина згубивъ.
 Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ миру.
 У пекло, де огонь горить;
 Ось я тобі намілю гирю,
 Щобъ не вчивсь людей дурить!
 Загубъ проклятий чортъ у смолу,
 Тай на вікъ zostався тамъ...
 А щобъ Адама й Еву голу
 Одягнути, родився Самъ...
 Родивсь Христось: Адамъ гуляе,
 Е нова свита и кожухъ,
 И Ева въ плахті похожае,
 И зновъ радіе духъ.
 Теперь и въ васъ жупани нові,
 Бо вы Адамова рідня...
 Такъ будьте-жь зъ празничкомъ здорові,
 Гуляйте, пийте, хочъ що дня!

Вирша эта сообщена намъ уважаемымъ П. И. Ивановымъ и, по словамъ его, записана бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. Г. Ивановъ сопровождаетъ присылку Вирши слѣд. словами:

«Въ словесныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, съ появленіемъ письменности и съ постепеннымъ развитіемъ гражданственности, отличительныя особенности народнаго духа мало по малу теряють свои рѣзкія черты: сглаживается въ

нихъ все грубо характерное, смягчаются мѣстныя краски и придаются имъ тоны, принятыя цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ стираются отпечатки старинныхъ вѣрованій, воззрѣній, нравовъ, обычаевъ, столь цѣнные для полнаго изученія національнаго характера. Широко распространенный еще въ началѣ настоящаго столѣтія обычай виршеваній постепенно исчезаетъ даже въ деревняхъ, унося съ собою много оригинальныхъ произведеній народной фантазіи.

Тѣмъ необходимѣе, скажемъ мы, спѣшить записывать эти произведенія и дѣлать ихъ достояніемъ науки, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для нея матеріаловъ. Настоящая вирша тѣмъ особенно дорога, что представляетъ крайне оригинально, въ самой простой и образной формѣ, высокія истины паденія и искупленія человѣчества. Всегдашняя наклонность малорусскаго народа къ популяризаціи священныхъ истинъ, къ низведенію такъ сказать божества въ кругъ обыденной жизни и облеченію его дѣйствій въ самыя простыя формы, отразилась здѣсь съ особою силою, а ради праздничнаго веселія всѣ изображенія пересыпаны глубокимъ малороссійскимъ юморомъ. — Р е д .

О п е ч а т к а .

Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» въ отдѣлѣ Библиографіи, на стр. 153-й напечатано *Дильтръ* вм. *Дильстръ*, что не только измѣняетъ сущность дѣла, но незаслуженно могло-бы быть относимо къ винѣ автора разбираемой книги. — Р е д .

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. и., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Базальтъ Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бьлззерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Вороникъ А. Ѳ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Льсковъ Н. С., Мальшевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мицкевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемня А. А., Праховъ А. В., Стришкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ѳ. Я., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее же годовое изданіе составитъ четыре тома, размѣромъ 33—40 печ. листовъ каждый.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжень, съ приложениями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной въ Кіевѣ, Софійская площадь, д. Севастьяновой; въ отдѣленіяхъ конторы, при книжномъ магазинѣ Отлоблина (Крещатикъ, д. Клюга) и бумажномъ складѣ Дитятковской фабрики (Подоль, Гостиный дворъ); гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городского на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію четыре семикопѣечныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Цѣна съ пересылкою, безъ приложений—8 р., съ приложениями—12 р. въ годъ.

Отдѣльныя книжки «Кіев. Старины» продаются по 1 р. с.

Редакторъ-издатель *Θ. Г. Лебединцевъ.*

Y2 AUG 29

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ IV.

ДЕКАВРЬ

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1882 г.

- I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) 401
- ✓ II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смоктія** 420
- ✓ III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438
- ✓ IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Герленна** 481
- V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ - АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **К. К—на.** 519
- ✓ VI. КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распорядки. **А. Скальковского.** 527
- ✓ VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** 538
- VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕШНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недомоковъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** 557
- IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564
- X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne — serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кievскаго центрального архива. № 13. Составилъ Л. Ильвидскій. Кіевъ. 1882 г.— в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.— г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.— Помянка по пр. Филаретъ, епископъ рижскомъ, въ кншн. дух. семинари, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569
- XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя: а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).— б) Н. Д. Мязко (некролог).— в) Еще о бугскихъ казакахъ.— г) Старинные малороссійскіе портреты.— д) Протопошъ Комаръ и его вторичный бракъ.— е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.— ж) Замятки стараго кievлянина.— з)— Вирша на Рождество Христово.— и) Алексій Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583
- XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.
- XIII. Библиографическое извѣщеніе.
- ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложениями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софiевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

INDEXED

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

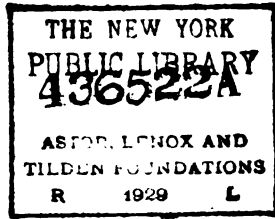
ДЕКАВРЬ.

1882 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Мпхайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 30-го ноября 1882 года.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго.

По мѣрѣ того, какъ ослабленіе, или отмѣна мѣстныхъ областныхъ особенностей Слобожанщины разширяли поприще для центральныхъ мѣропріятій, непрерывныя, можно сказать, реформы преслѣдовали жизнь этой провинціи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Есть свѣдѣніе, что еще Петръ I замышлялъ значительную передѣлку во внутреннемъ устройствѣ слободскихъ полковъ и, вѣроятно, только смерть неутомимаго реформатора остановила его дѣятельность въ этомъ уголѣ; но это спокойствіе отъ реформъ продолжалось не долго. Преобразование великорусскаго земскаго пограничнаго ополченія московской Украйны въ регулярное войско входило въ общій планъ военныхъ реформъ Петра I и продолжалось его наслѣдниками, и оно-же вызвало памятную по своему характеру и послѣдствіямъ первую радикальную реформу въ области слободскихъ полковъ. Это была реформа князя Шаховскаго, которая въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ право занять, можетъ быть, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ областной исторіи южно-русскаго населенія. Достоинно особаго вниманія, что, производя эту реформу, кн. Шаховскій дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, не имѣя, какъ увидимъ ниже, опредѣленныхъ указаній отъ высшей власти

*) См. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

и не справляясь съ указами, опредѣлявшими быть, права и привилегіи козачьяго населенія, и это тѣмъ болѣе доказываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ является лишь случайнымъ выразителемъ господствовавшихъ въ то время стремленій и общаго государственнаго и общественнаго строя. Неудивительно по этому, что въ его мѣропріятіяхъ является полное смѣшеніе такихъ разнородныхъ, по своему происхожденію и внутренней бытовой организаціи, элементовъ, какъ московскіе служилые люди, впослѣдствіи большею частію переименованные въ однодворцевъ, и южно-русское населеніе слободскихъ полковъ. Въ чемъ однако состояли преобразованія князя Шаховскаго? — Вѣрную характеристику ихъ мы находимъ въ такомъ важномъ официальномъ актѣ, какъ знаменитая жалованная грамота слободскимъ полкамъ императрицы Елисаветы 1743 г. Въ началѣ этой грамоты представлено то легальное положеніе этихъ полковъ, въ какомъ застала ихъ реформа. „Довольно извѣстно, говорится въ ней отъ лица императрицы, съ какою вѣрностію и ревностію черкасскіе слободскіе полки служили предкамъ и отцу нашему“... и что „за такія... ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты... 7177, 7192, 7197 и въ 1700 годахъ... они получали, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшина и козаки за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, (в)мѣсто годоваго жалованья, пожалованы и повелѣно имъ всякими промыслами промыслять и всякими товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодами владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и винокурить, и шинковать безъоброчно, и съ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможенныхъ у нихъ вѣрнымъ главамъ и цѣловальникомъ русскимъ быть не велѣно, а отданы тѣ таможи и мосты и перевозки старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ русскихъ и съ черкасъ съ продажныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ безъ излишества, самимъ опоплинные и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ, и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указанныхъ числѣ, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ *по ихъ черкасскому обыкновенію*, чтобъ оныя выборныя козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и оружены и въ походахъ запасами довольствованы, а кромѣ той

войсковой полковой конной службы никуда на годовую службу посылать и иныхъ тягостей налагать, такожь и подводъ у нихъ безъ указа и безъ грамотъ имать не велѣно-жь". Но вотъ какъ началась и что произвела реформа князя Шаховскаго: „а нынѣ,—продолжаетъ грамота,—нашему императорскому величеству тѣхъ слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 1732 году, по представленіямъ покойнаго генерала князя Алексѣя Шаховскаго, который въ тѣ слободскіе полки, по указу сестры нашей императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ *драгунскій полкъ* и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ ранговъ даны въ подмогу въ тѣхъ-же полкахъ мѣстечки, села и деревни съ грунтами и съ козаками, братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ *подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ несть*, съ немалымъ отягощеніемъ, и дѣйствительной козачьей службы лишены, и какъ онымъ офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подмога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ-же и подпомощниковъ съ немалою обидою, отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, а въ полковыхъ канцеляріяхъ въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалое помѣшательство, а на мѣсто убылыхъ и умершихъ въ томъ драгунскомъ полку драгунъ выбираются слободскихъ-же полковъ изъ лучшихъ козаковъ и отъ того оныя слободскіе полки пришли въ несостояніе". Такимъ образомъ вся реформа Шаховскаго сводилась къ подведенію козачьяго строя къ общимъ порядкамъ регулярной военной службы и обращенію всего неслужилаго козачьяго населенія въ экономическую и просто рабочую силу какъ для содержанія полка, такъ и въ личное довольство полевого начальства, въ роли крестьянъ.

Такой важный періодъ въ исторіи Слободской Украины, какъ реформа князя Шаховскаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія исследователей прошлой судьбы мѣстной областной жизни; но мы, по спеціальному характеру нашего главнаго предмета, не имѣемъ

ни средствъ, ни цѣли всесторонне останавливаться на этомъ періодѣ и потому сдѣлаемъ только извлеченіе изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ касательно положенія слободскихъ полковъ въ это время. Въ „Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества“, о которомъ мы прежде упоминали, кратко замѣчается, что съ 1732 г. слободскіе полки, по имянному повелѣнію Анны Іоанновны, подчинены были „во всякихъ дѣлахъ“ учрежденной въ Сумахъ *слободской комисіи*, и въ это-же время на вербованъ былъ изъ слободскихъ козаковъ регулярный драгунскій полкъ „на всемъ слободскомъ вооруженіи, обмундированіи и содержаніи, при каждомъ козацьемъ полку по 200 драгунъ“. Болѣе подробныя свѣдѣнія о произведенной кн. Шаховскимъ реформѣ и положеніи слободскихъ полковъ мы встрѣтили въ одномъ провинціальномъ изданіи¹⁾, гдѣ помѣщена весьма интересная для областной исторіи Слободской Украины статья: „Войсковые обыватели воронежской губерніи“. Вотъ что говорится въ ней относительно преобразования острогожскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и прочихъ слободскихъ полковъ, такъ какъ реформа кн. Шаховскаго ведена была одновременно во всѣхъ полкахъ: „...вскорѣ затѣмъ (послѣ Петра I) послѣдовалъ для нихъ (острогожцевъ) цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ преобразованій. Нѣмцы, какъ пишетъ составитель экономическаго описанія²⁾, были будто единственными виновниками злоключеній, которымъ подвергнулись острогожцы, начиная съ 1732 г. Господствуя при дворѣ Анны Іоанновны и стараясь все регулировать на нѣмецкій образецъ, приспѣшники Бирона обратили вниманіе и на слободское украинское козацкое войско, къ составу котораго принадлежали острогожскіе козаки. Но можетъ быть и не одно нѣмецкое регулированіе привело къ реформѣ... Козаки и реформу, и присланнаго дворомъ реформатора, — князя Шаховскаго встрѣтили непріязненно. Правду сказать, и со стороны преобразователей немного оказано было вниманія привычкамъ и интересамъ

¹⁾ Памятная книжка воронежской губерніи на 1865—1866 г. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1867 г.

²⁾ Тутъ прямое указаніе на другой важный для исторіи Слободской Украины источникъ, — не изданное еще экономическое описаніе воронежской губерніи 1781 г., находящееся, въ рукописи, въ архивѣ воронежскаго статистическаго комитета.

Козаковъ: реформа поведена была круто. Шаховскій собственно не уничтожалъ козацкаго войска; но сдѣлалъ хуже, чѣмъ если-бы его вовсе уничтожилъ, именно: онъ оставилъ существовать козацкое имя, а на дѣлѣ превратилъ одну часть козаковъ въ регулярныхъ солдатъ, а другую въ крѣпостныхъ. Это сдѣлалось такъ: учреждень былъ драгунскій слободской полкъ, въ который забраны были рядовыми всѣ лучшіе козаки и отданы подъ команду офицеровъ, приглашенныхъ изъ регулярной арміи. Старшинные козацкіе начальники были устраниены совсѣмъ отъ войска и оставлены безъ дѣла. Затѣмъ, всѣ такъ называемые козацкіе захребетники, подусѣдки, бѣдные козаки и прочіе люди, не попавшіе въ драгунскій полкъ, раздѣлены на участки и розданы въ аренду драгунскимъ офицерамъ вмѣсто жалованья, или назначены для будущаго укомплектованія драгунскаго полка. Нельзя не замѣтить, что военное учрежденіе, открытое Шаховскимъ, очень походило на позднѣйшія военныя поселенія⁴. Такимъ образомъ Аракчеевскія военныя поселенія въ харьковской губерніи имѣли уже въ лицѣ князя Шаховскаго своего достойнаго предтечу еще почти за 100 лѣтъ.

Неудовольствіе станичниковъ успѣло разразиться только громкими жалобами. Кончина Анны Іоанновны и вскорѣ затѣмъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны положили конецъ реформѣ Шаховскаго. Узнавъ о духѣ и настроеніи новой императрицы, и въ особенности о ея уваженіи ко всему, что было учреждено Петромъ I, острогожцы поспѣшили законнымъ путемъ снять съ себя положенное на нихъ иго¹⁾. Отправлена была депутація въ императрицѣ съ жалобой на невыносимую тягость положенія и съ просьбой о возвращеніи привилегій, утвержденныхъ и дарованныхъ грамотой Петра I отъ 1700 года. Полковникъ Иванъ Тевяшевъ (или Тевяшевскій), начальникъ депутаціи, хлопоталъ такъ усердно..., что императрица, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, рѣшилась отмѣнить распоряженія военной комиссіи 1731 г., т. е. реформу Шаховскаго, и въ 1743 г. своею грамотою возвратила козакамъ всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Возстановлено было козацкое полковое управление вмѣстѣ съ зависимостью по гражданскимъ дѣламъ отъ бѣлгородскаго губернатора. Надобно

¹⁾ Также точно поступили и остальные слободскіе полки.

было отдать дань народному чувству, оскорбленному бироновскимъ правленіемъ, и дань уваженія къ имени Петра. Впрочемъ нѣмецкіе теоретики,—продолжаетъ авторъ,—а вмѣстѣ съ ними и люди, понимавшіе положеніе и значеніе слободско-украинскаго козачества, не совсѣмъ въ этомъ случаѣ уступили; именно: одновременно съ освободительной грамотой сдѣлано было распоряженіе, чтобы особые доходы слободско-украинскаго войска обращались на содержаніе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка, учрежденныхъ военною коллегіею въ 1731 г. На это немаловажное ограниченіе войсковыхъ привилегій острогожцы не жаловались, очень довольные и тѣмъ, что избавились отъ реформъ Шаховскаго... Отвыкая постепенно отъ оружія, слободскіе козаки теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее стремленіе къ самостоятельному управленію и къ военнымъ почестямъ, сохранивъ только желаніе удержать привилегіи, обеспечивавшія ихъ матеріальное благосостояніе. Скоро не стало между ними ни Тевяшевскихъ, ни стариковъ, помнившихъ военныя дѣла козачества, и потомки азовскихъ воителей не просили болѣе военнаго званія, не искали привилегій за ратныя услуги, а боялись единственно потери права винокуренія, обложенія податями наравнѣ съ крестьянами и т. под. Сверхъ того упадку духа въ козакахъ способствовали печальные остатки или послѣдствія реформы Шаховскаго, именно: обращеніе многихъ козаковъ въ „подданныхъ черкасъ“, т. е. въ крѣпостныхъ. Бѣднѣйшихъ козаковъ, козацкихъ подсуздковъ, захребетниковъ и тому подобныхъ лицъ, не имѣвшихъ настоящаго права гражданства между козаками, Шаховской, какъ мы видѣли выше, роздалъ вмѣсто жалованья офицерамъ своего драгунскаго полка, отъ которыхъ, по возстановленіи козацкихъ правъ, эти люди перешли (на какихъ правахъ, мы сказать не можемъ) къ козацкимъ начальникамъ и, подъ властью этихъ, являются въ позднѣйшее время настоящими крѣпостными. Независимо отъ того, что этимъ уменьшился составъ войска, переходъ козацкихъ вождей въ сословіе владѣльцевъ имѣніями крѣпостныхъ людей имѣлъ самъ по себѣ пагубное вліяніе на козачество, сдѣлавъ, со времени этого перехода, интересы козацкихъ начальниковъ солидарными съ интересами прочаго дворянства въ краѣ и почти совершенно отдѣливъ ихъ отъ простыхъ козаковъ. Эти послѣдніе, оставленные своими вождями, стали быстро обращаться въ настоящихъ крестьянъ, и

если не тотчасъ лишились всѣхъ козацкихъ привилегій, то единственно по милости винокуренной привилегіи, которая одна связывала ихъ съ козацкимъ дворянствомъ. Для послѣдняго не было-бы основанія пользоваться привилегіею, если-бы простые козаки ее потеряли. Эти перемены во внутреннемъ положеніи и въ стремленіяхъ слободскихъ козаковъ послѣдовали частію прежде, частію послѣ возстановленія козацкихъ правъ императрицею Елисаветою, но уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого событія они привели козачество въ такое положеніе, что значительныя реформы сдѣлались совершенно возможными. Такимъ образомъ, въ 1765 г., послѣ 20-ти лѣтняго существованія, грамота Елисаветы перестала дѣйствовать... Указомъ Екатерины II острогожское козачество было уничтожено и козакамъ велѣно именоваться казенными войсковыми обывателями, при чемъ козацкая служба замѣнена службою въ острогожскомъ гусарскомъ полку. Этотъ гусарскій полкъ содержался на счетъ козаковъ. Для гражданскаго управленія учреждена острогожская провинціальная канцелярія, завѣдывавшая пятью уѣздными канцеляріями и подчиненная слободско-украинской губернской канцеляріи. Винокуренной привилегіи не тронули... Бывшее козацкое начальство въ особенности осталось довольно своимъ совершеннымъ присоединеніемъ къ мѣстному дворянству“.

Въ этой краткой исторіи реформъ князя Шаховскаго въ острогожскомъ полку и послѣдствій этихъ реформъ заключается исторія и остальныхъ слободскихъ полковъ за тоже время.

По свидѣтельству автора цитированной нами статьи, въ настоящее время потомковъ бывшихъ козаковъ острогожскаго полка считается около четверти населенія воронежской губерніи. Такимъ образомъ реформа князя Шаховскаго еще почти за полвѣка до формальнаго введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи ввела уже это право въ Слободскую Украину, а своеобразные аграрные порядки этой области передъ судомъ такого реформатора, какъ князь Шаховской, не заключали въ себѣ, конечно, никакого вопроса. Не трудно оцѣнить въ общемъ вліяніе этой нещадной ломки жизни на правовое сознаніе населенія относительно его старозаимочныхъ земель: естественно предположить, что начатый этою реформой разрывъ классовъ бывшаго прежде солидарнаго козацкаго населенія и въ особенности прочно заложенное рабство—должны были сильно

потрясти положеніе старозаимочнаго владѣнія козаковъ, а въ извѣстной части, гдѣ населеніе обратилось въ рабовъ, можетъ быть и совершенно упразднить старозаимочное право.

5) Дальнѣйшая судьба старозаимочнаго землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкция 1766 года.

Такая катастрофа въ жизни народа, какъ реформа князя Шаховскаго, потрясая самыя основы его бытовой организаціи, приготовила уже открытое прище для довершительныхъ мѣропріятій Екатерины II; въ 1765 г. изъ слободскихъ полковъ была образована слободская украинская губернія, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. „Послѣ воцаренія Екатерины II Слободская Украина“) подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ строѣ, унаслѣдованномъ изъ распорядковъ Богдана Хмельницкаго въ Гетманщинѣ. Тогдашній край пяти слободскихъ полковъ съ полевыми городами: Харьковомъ, Сумами, Ахтыркой, Изюмомъ и Острогожскомъ, множествомъ сотенныхъ мѣстечекъ и слободокъ, долженъ былъ утратить свое мѣстное управленіе и ввести новое, одинаковое для всей страны и ея окраинъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣропріятіяхъ правительства того времени, выказывалось стремленіе сосредоточить все мѣстное управленіе каждой провинціи въ рукахъ одного лица, которое облакалось большой властью. Съ такою-то властью въ 1767 г. прибылъ секундъ-маіоръ Е. А. Щербининъ. Матеріалы, хранящіеся доселѣ въ мѣстныхъ архивахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что кромѣ подготовленія и образованія въ краѣ „намѣстничества“, Щербинину были даны и другія весьма обширныя полномочія“. Между прочимъ онъ прилагалъ попеченіе объ усиленномъ просвѣщеніи и немедленно вошелъ въ переписку съ бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ о заведеніи при тогдашнемъ харьковскомъ коллегіумѣ типографіи, заявляя, что „для всякаго публичнаго училища необходимая есть вещь типографія, а отъ того и всему обществу слѣдуетъ польза“. Епископъ Самуиль хотя и согласился въ общемъ,

*) Харьк. Губ. Вѣдом., 1881 г., № 340.

что просвѣщеніе можетъ быть полезно, но въ своемъ отвѣтѣ косвенно предостерегъ губернатора о могущихъ быть „вредительныхъ гадинахъ“, которыя, безъ строгаго досмотра начальства, могутъ писать сочиненія, „опроверженія Божія закона исполненныя, самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя“... Такъ на этомъ и окончились, кажется, заботы о просвѣщеніи, но за то гражданское и общественное просвѣщеніе было тщательно переформировано.

При учрежденіи слободско-украинской губерніи населеніе слободскихъ козаковъ было переименовано въ казенныхъ войсковыхъ обывателей, а поселенія ихъ названы войсковыми слободами. Въ губерніи учреждена была губернская канцелярія и при ней особый вотчинныхъ дѣлъ департаментъ, который былъ подчиненъ государственной вотчинной коллегіи; кромѣ губернской канцеляріи были образованы еще подчиненныя ей 4-е провинціальныя воеводскія канцеляріи съ „великороссійскими прокурорами“.

Изъ инструкціи 6 іюля 1765 г., данной слободско-украинскому губернатору, между прочимъ, видно, что поземельнаго налога въ это время не было, а былъ опредѣленъ только душевой и личный окладъ: по 95 коп. съ войсковыхъ обывателей, съ правомъ винокуренія, а безъ этого права по 85 коп.; порядокъ сбора этого оклада велѣно „каждаго мѣста жителямъ оставить на собственныя народныя раскладки“. Прежнія сотенныя управленія преобразованы были въ комиссарства; только въ мелкихъ судныхъ дѣлахъ, не свыше 12 р., оставленъ былъ въ силѣ *мѣстный народный обычай* (черкасское обыкновеніе) *словеснаго суда* съ одной журнальной запиской. 9—16 пунктовъ этой инструкціи касаются, и то только въ самыхъ общихъ предначертаніяхъ, мѣстнаго поземельнаго вопроса, при чемъ не трудно замѣтить, что фактическое положеніе этого вопроса весьма мало, чтобы не сказать больше, было извѣстно администраціи. Мотивомъ учрежденія департамента вотчинныхъ дѣлъ было выражено: „по не имѣнію въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ и завладѣнное излишнее возвратилъ“. Далѣе, этому департаменту вотчинныхъ дѣлъ вѣнено было въ обязанность „сдѣлать подлежащія приуготовленія въ будущему размежеванію всѣхъ земель, по общему государственному о томъ установленію;

и для того отъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ на тамошнія земли грамоты и крѣпости, тако-жъ и отъ полковыхъ канцелярій, съ грамотъ, уязовъ и всякихъ укрѣпленій... собрать копія“... Мелкое поземельное, участково-наслѣдственное владѣніе бывшихъ Слободскихъ козаковъ и горожанъ Слобожанщины повидимому было или совсѣмъ не замѣчено, или-же игнорировано. Только въ указѣ 1803 года этотъ фактъ былъ признанъ относительно козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины: „въ числѣ жителей Малороссіи, сказано въ этомъ указѣ 19 іюля 1803 г., находится одно состояніе, какового нѣтъ ни въ Великой, ни въ Бѣлой Россіи, т. е. состояніе козаковъ, пользующихся по древнимъ законамъ совершенно на правѣ дворянскомъ пріобрѣтенными заслугой, или покупкой у другихъ владѣльцевъ землями (главное основаніе здѣшняго землевладѣнія—старозаймка не упомянуто и въ этомъ указѣ) и имѣющихъ по онимъ многочисленныя съ помѣщиками споры“. Официальное признаніе этого факта благоразумно замедлило рѣшительныя межевыя дѣйствія въ гетманской Малороссіи почти до позднѣйшаго времени; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ „Курса гражд. права“, размежеваніе Малороссіи представляло особенныя затрудненія. При меньшей спѣшности и энергіи объединительныхъ мѣръ эпохи Екатерины II эти трудности въ разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ бывшей Слобожанщинѣ также, конечно, были-бы замѣчены и оцѣнены по достоинству; въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ по старозаймочному вопросу, принадлежащемъ уже 60 годамъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ), была официально признана особенная важность дѣла о старозаймочныхъ земляхъ и необходимость всяческой „осторожности, съ которой должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія“. Это положеніе представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе серьезнымъ, что поземельное замѣшательство въ бывшей Слобожанщинѣ, вслѣдствіе цѣлой массы всяческихъ реформъ, имѣвшихъ въ виду не столько пользу населенія, сколько разныя внѣшнія служебныя и вотчинно-государственныя цѣли, началось еще до времени Екатерины II. Давнее, постепенное разложеніе козачьяго самоуправления, переходъ козачьей старшины въ привилегированный высшій классъ, возникновеніе крупнаго землевладѣнія изъ пожалованныхъ земель людямъ мѣстнаго и главнымъ образомъ великорусскаго происхож-

денія, фактическая и юридическая неопредѣленность мелкаго поземельнаго владѣнія массы туземнаго черкаскаго населенія—все это естественно порождало явленія насилія и захвата со стороны сильныхъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія и даже вызвало рѣшительную правительственную мѣру—указъ 15 марта 1765 г. „о возвращеніи слободскимъ полкамъ заселенныхъ помѣщиками земель“. Тогда обнаружилось, что „многіе неуказнымъ образомъ на дачахъ слободскихъ полковъ населили себѣ деревни“..., почему и предписано было эти „неправильно завлаженные земли съ поселенными на нихъ деревнями приписать къ содержанію слободскихъ полковъ“.

Всю эту сложность и неопредѣленность поземельнаго вообще и межеваго вопроса въ частности въ Слободской Украинѣ правительство рѣшилось регулировать общей инструкціей 25 мая 1766 г. „межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ“.

Цѣль этой инструкціи—„розмежеваніе во всей Имперіи всѣхъ владѣльцевъ въ ихъ земляныхъ дачахъ“, дабы отмежеваніемъ земель къ селеніямъ и точнымъ опредѣленіемъ пустошей „пресѣчены были споры въ земляхъ къ селеніямъ и пустошамъ принадлежащихъ, а не во владѣніяхъ селеній и пустошей, въ чемъ споры предоставляются обыкновенному... суду и разсмотрѣнію въ томъ крѣпостей... Вотчинной коллегіей“. Такимъ образомъ опредѣленіе мелкаго землевладѣнія внутри этихъ дачъ совершенно не входило въ цѣль этой инструкціи, а судебная защита этого владѣнія уже потому не могла имѣть мѣста, что старозаимочное мелкое землевладѣніе было въ массѣ почти совершенно бездокументальное. Трудно сомнѣваться въ томъ, что уже одно генеральное размежеваніе прошлаго вѣка въ Слободской Украинѣ, согласно этой инструкціи, принесло большую пользу дѣлу поземельнаго порядка, но мелкое старозаимочное владѣніе внутри генерально-обмежеванныхъ дачъ видимо было игнорировано въ виду XIX главы инструкціи „о земляхъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей“. Въ первомъ пунктѣ этой главы сказано: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яво то козаками, стрѣльцами... пушкарями... черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ,... слободы, села, деревни и пустоши, и прочія угоды утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ

дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустошми ко всякому особо“. Эта именно глава инструкціи и была примѣнена при генеральномъ межеваніи прошлаго вѣка къ мелкому старозаимочному землевладѣнію, а первоначальное доброе пожеланіе правительства относительно установленія поземельнаго порядка въ Слободской Украинѣ: „дабы всякій удѣлъ свой или займгу зналъ“ осталось безъ практическаго примѣненія, что случилось, нужно думать, можетъ быть не столько отъ недостатка благихъ пожеланій администраціи, какъ просто отъ физической невозможности упорядочить въ то время однимъ только бюрократическимъ путемъ всю массу находящагося въ постоянномъ движеніи мелкаго землевладѣнія. Кромѣ несомнѣнныхъ практическихъ затрудненій, которыя встрѣтило-бы всякое специальное межеваніе мелкаго землевладѣнія въ прошломъ вѣкѣ (затрудненій, которыя могутъ быть оцѣнены и по той массѣ ошибокъ и злоупотребленій, какія сопровождали даже въ наше время специальное размежеваніе черниговской и полтавской губерній), на упрощенное разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи несомнѣнно вліяла и добрая вѣра въ легкую возможность установки основныхъ бытовыхъ порядковъ населенія однимъ только бумажнымъ путемъ: въ концѣ 1 пункта той-же XIX главы инструкціи мы видимъ ясную цѣль правительства совершенно отрѣшить промышленное городское сословіе отъ землевладѣнія: „на живущихъ-же въ однодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать, за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ“. Въ послѣдующемъ изложеніи нашего вопроса мы коснемся тѣхъ послѣдствій, которыя породила эта XIX глава въ районѣ старозаимочнаго землевладѣнія.

Авторъ имѣющейея у насъ въ рукахъ брошюры: „Старозаимочныя земли харьковской губерніи“, которая, очевидно, была чѣмъ-то въ родѣ „мнѣнія“ или докладной записки, представленной по начальству уже въ 40-хъ годахъ, говорить, что побудительной причиною ея составленія было то „великое затрудненіе и недоразумѣніе касательно старозаимочныхъ земель и лѣсовъ“, которое онъ, самъ

авторъ, испыталъ въ должности посредника по полюбовному спеціальному размежеванію чрезполосныхъ владѣльческихъ земель, при составленіи полюбовныхъ соглашеній и окончательныхъ сказовъ по дачамъ харьковскаго уѣзда. Затрудненія, встрѣченныя этимъ замѣчательно добросовѣстнымъ чиновникомъ, были разнообразны и серьезны: такъ прежде всего онъ убѣдился, что у мелкихъ владѣльцевъ старозаимочныхъ земель (а такими мелкими владѣльцами была почти вся масса крестьянства, т. е. бывшихъ военныхъ обывателей и многія лица другихъ сословій), нѣтъ документальныхъ доказательствъ права на землевладѣніе: „документовъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и партикулярныхъ сдѣлокъ, на такыя старозаймки почти никто не имѣетъ: одни представляютъ, что ихъ документы по давности времени затеряны, или истреблены пожаромъ, у другихъ отобраны по начальству для разсмотрѣнія и обратно не возвращены, а иные говорятъ прямо, что у нихъ никакихъ документовъ нѣтъ, а владѣніе бесспорно, какъ ихъ отцы и предки владѣли“. Въ виду этихъ многообразныхъ затрудненій, авторъ брошюры дѣлаетъ краткій историческій обзоръ вопроса о юридическомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія, ссылается на цѣлый рядъ грамотъ московскихъ государей и царей, объясняетъ, что „слово займка выражаетъ свободное занятіе или пріобрѣтеніе участка земли; самыя неправильныя фигуры этихъ займовъ, продолжаетъ авторъ брошюры, показываютъ произвольное занятіе мѣстъ; гдѣ владѣльцы надѣлены землями по крѣпостямъ или отъ общества, тамъ участки (загоны, нивы) имѣютъ форму квадрата или паралелограмма, а здѣсь владѣльческія полосы земли и лѣса имѣютъ фигуры болѣе чѣмъ неправильныя. Стоитъ только взглянуть на планъ харьковской дачи, чтобы вполне удостовѣриться, что здѣсь не было ни надѣла, ни раздѣла земли: всякій по произволу занималъ то, что ему нравилось и что возможно было пріобрѣсть“.

Въ заключеніе своего краткаго обзора какъ историческаго происхожденія займки, такъ и освященія ея свыше цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, авторъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „на сихъ-то высочайше дарованныхъ правахъ осповываясь, многіе изъ военныхъ обывателей харьковской губерніи въ прежнія времена старозаймками распоряжались какъ неотъемлемою своею собственностію, закладывали, продавали, дѣлали на нихъ духовныя завѣ-

щанія и отдавали ихъ въ приданое своимъ дочерямъ; другіе изъ войсковыхъ обывателей, поступивши въ военную и гражданскую службу и за отличные подвиги и особенные ихъ труды, оказанные на пользу отечества, были возведены въ дворянское сословіе, не лишаясь предковскихъ своихъ старозаимокъ, отчего у потомковъ ихъ (безъ вѣрностей) находятся во владѣніи подобныя земли. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ войсковыхъ обывателей, занимаясь торговыми оборотами, промыслами и ремеслами, переходили въ купеческое, мѣщанское и цеховое состояніе, не переставая владѣть землями и лѣсами по старозаимкамъ“.

Этотъ бѣглый очеркъ происхожденія и правоваго характера старозаимочнаго землевладѣнія подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что огромная масса украинскаго народа въ слободскихъ полкахъ владѣла землей на правѣ полной частной собственности; при чемъ владѣніе это почти повсемѣстно было личное, а не общинное, съ полнымъ правомъ отчужденія и залога (заставы) и съ дробленіемъ и переходомъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы не оцѣниваемъ этого факта ни положительно, ни отрицательно, а просто намѣчаемъ его, какъ фактъ почти общій и безспорный: *индивидуализмъ землевладѣнія на югъ — это его національная и типичная форма въ Малороссіи*. Здѣсь мимоходомъ лишь замѣтимъ, что этотъ фактъ несомнѣнно органически обусловленъ какъ всей исторіей, такъ и національнымъ характеромъ населенія южной Руси, и нужно думать, находится въ тѣсной связи съ самымъ устройствомъ южно-русской семьи, отличнымъ отъ многосемейнаго „двора“ Великой Россіи, гдѣ „большакъ“ и „большуха“ стоятъ иногда во главѣ нѣсколькихъ семействъ и нѣсколькихъ поколѣній. На югѣ индивидуализмъ также наглядно проявляется въ устройствѣ семьи, какъ и въ поземельномъ владѣніи; можетъ быть еще правильнѣе было-бы сказать, что малочисленность южно-русской семьи (обыкновенно мужъ, жена и дѣти, еще неженатая и незамужняя) и личный характеръ поземельнаго владѣнія—это только разныя стороны одного и того-же принципа индивидуализма въ южно-русской жизни. При полномъ сходствѣ происхожденія, основныхъ началъ и типа землевладѣнія на всей территоріи южно-русскаго населенія, аналогическія явленія мы примѣчаемъ и въ такъ называемой Гетманщинѣ. Здѣсь однако старый

аграрный строй рѣже и менѣе нарушался правительственными мѣропріятіями и вліаніемъ постороннихъ элементовъ и народная жизнь представляла въ себѣ болѣе упругости. Правда, еще указомъ Анны Іоанновны 1739 г. января 8 (значить именно во время реформаторскихъ дѣяній князя Шаховскаго) даже малороссійскимъ козакамъ было запрещено распоряжаться своими землями на правахъ собственности, но въ этомъ-же указѣ было объяснено, что запрещеніе дѣлается до окончанія войны, и хотя оно потомъ опять подтверждено указомъ сената 1741 г., но не имѣло рѣшительнаго вліанія на измѣненія вѣвами установившагося порядка землевладѣнія. Спустя много лѣтъ, при Александрѣ I-мъ, именно указомъ 28 іюня 1803 г. дозволено было малороссійскимъ козакамъ продавать свои земли и вообще распоряжаться недвижимымъ имуществомъ по древнимъ правамъ и привилегіямъ ¹⁾ и такимъ образомъ наследственно-участковое поземельное право козацкаго сословія бывшей гетманщины было признано официально, какъ увидимъ еще ниже, почти 60 годами ранѣе официального признанія правъ частной собственности на старозаимочныя земли.

Иное положеніе земельного вопроса было для Слобожанщины: здѣсь врядъ-ли были какія-либо условія для опредѣленнаго выраженія народныхъ потребностей и стремленій, а, какъ замѣтили мы выше, оставалось мѣсто только для активнаго воздѣйствія съ одной стороны и пассивнаго подчиненія, или-же мертвой кости съ другой: жизнь почти съ самой ранней поры была лишена возможности органическаго саморазвитія не только по условіямъ своей внутренней творческой дѣятельности, но даже для свободнаго органическаго сліянія съ великорусскими аграрными порядками; она, можно сказать, почти цѣлые вѣка находилась подъ воздѣйствіемъ однихъ непрерывныхъ, извиѣ шедшихъ мѣропріятій, въ положительномъ смыслѣ нерѣдко совершенно безрезультатныхъ, а иногда даже и взаимно противорѣчивыхъ.

Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка въ дѣйствіяхъ администраторовъ бывшей слободской территоріи уже наглядно замѣчается вольное или невольное упущеніе изъ виду того факта, что позе-

¹⁾ См. Прибавленіе къ № 14 Черниг. Губ. Вѣдомостей, 11 апр. 1864 г., ст. «Историч. очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи».

мельное владѣніе мѣстнаго малорусскаго населенія, какъ по своему происхожденію, такъ и по неоднократно выраженному признанію высшаго правительства (относительно черкасскихъ вольностей и обыкностей) есть владѣніе личное и потомственное, на правахъ частной собственности. Такъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка администрація харьковскаго намѣстничества видимо проводила въ своей дѣятельности тотъ взглядъ, что землевладѣніе войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ слободскихъ полковъ) неразрывно связано съ ихъ сословнымъ положеніемъ и потому не можетъ выходить за предѣлы сословія, взглядъ, который въ позднѣйшее время былъ выраженъ и въ законодательномъ порядкѣ. Такія стремленія мѣстной администраціи могутъ бытъ объясняемы скорѣе простымъ упущеніемъ изъ виду существенныхъ разновидностей аграрнаго порядка той или другой области, чѣмъ сознательной ассимиляціей этихъ разновидностей съ типомъ землевладѣнія, который уже органически отвѣчалъ всему строю московскаго государства, а можетъ быть и совмѣстно обоими этими условіями. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣнно то обстоятельство, что коренная правительственная перетасовка однодворческаго землевладѣнія главнымъ образомъ на сѣверной границѣ слободскихъ полковъ видимо послужила администраціи готовымъ шаблономъ для послѣдующихъ аграрныхъ реформъ и въ Слобожанщинѣ. Г. Побѣдносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражд. права“ (ч. 1, изд. 1873 г., стр. 350—351) совершенно правильно замѣтилъ, что хотя старозаимочное владѣніе происходило путемъ вольнаго занятія земель, но уже рано „образовалось officialное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы“... По причинамъ, разъясненіе которыхъ принадлежитъ общей исторіи Россіи, центральная петербургская администрація прошлаго вѣка исторически усвоила себѣ взгляды и практику, отрицавшіе всякія вотчинныя права на поземельную собственность за крестьянской массой, а такъ какъ южно-русское населеніе Слобожанщины искони фактически пользовалось этими правами на землю, то вся послѣдующая реформаторская дѣятельность администраціи, руководимая идеей нивелировки и централизаціи, видимо направила всѣ свои мѣры противъ начала личной собственности въ землевладѣніи Слободской Украйны. Несоответствіе этихъ мѣръ съ основными началами мѣст-

наго аграрнаго порядка немедленно-же оказалось существеннымъ стѣсненіемъ въ частной гражданской жизни тогдашнихъ „обывателей“ харьковскаго наиѣстничества. Такъ, когда часть харьковскихъ войсковыхъ обывателей-землевладѣльцевъ пожелала перейти въ городское сословіе харьковскихъ мѣщанъ, то они „извѣстились“, что всѣ желающіе переходить изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство не должны уже мѣшаться „во владѣніе земли“, а въ замѣнъ долженствовавшей отойти отъ нихъ земли мѣстное заботливое начальство выразило готовность „отрѣзать мѣщанству надлежащее количество земли въ городскихъ выгонахъ“, которымъ, какъ безошибочно полагать можно, мѣщане могли воспользоваться лишь для общаго выпаса мелкаго домашняго скота и для огородовъ.

Въ виду такого нежданно предъявленнаго условія кандидаты въ городское сословіе въ „прошеніи своемъ“ на имя тогдашняго харьковскаго намѣстника Василя Алексѣевича Черткова, объяснили ему, что на городскихъ выгонахъ „съ такими выгодами и угодами, какъ ихъ дачи, получить земли нельзя“, и на основаніи этого просили, „буде отмѣнить того положенія не можно, оставить ихъ при всѣхъ прежнихъ привилегіяхъ въ числѣ войсковыхъ обывателей“. Защищая свои права на землю, просители объясняли, между прочимъ, что „предки ихъ.... поселились городами, мѣстечками и селами на пустыхъ земляхъ отъ крымскихъ сторонъ для защищенія російскихъ границъ.... предки ихъ, а затѣмъ и они, просители, поселившись на вольныхъ земляхъ, каждый занялъ себѣ свободные участки поземельныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ дачъ, мельницы, хутора и другія угоды, а нѣкіе, приобрѣвъ то покупкою, владѣли многіе годы, не имѣя во всемъ ни малѣйшей отмѣнности; да и прошлаго 1781 г., говорятъ о себѣ просители, записались въ мѣщанство съ такимъ обнадеживаніемъ, что всѣ предъизображенныя жалованныя привилегіи, земли и другія угоды не отымутся, а всегда при нихъ безъ малѣйшаго нарушенія пребудутъ“. Таковъ былъ взглядъ народа на свою поземельную собственность, не знавшую ни общинныхъ порядковъ, ни стѣсненія правъ по сословіямъ. Тогдашній харьковскій намѣстникъ Чертковъ, какъ видно, администраторъ, еще понимавшій мѣстныя условія, призналъ то простое положеніе, что не жизнь должна безусловно подчиняться мѣропри-

ятіямъ, а на оборотъ, и въ своемъ „предложеніи“ харьковскому намѣстническому правленію, по поводу вышеназванной просьбы, изложилъ слѣдующее руководящее разрѣшеніе этого вопроса: „внемля выраженіямъ просьбы сей и представивъ съ одной стороны надобность, koliko полезно, а затѣмъ нужно въ губерніяхъ и купечество и мѣщанство, доставленіемъ разныхъ промысловъ и торговли обществу благотворящее, съ другой обрѣтая между правилъ должности своя, что благоустройство въ губерніи, споспѣшествованіе и способъ ко удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія главнокомандующаго зависить, а посему поставляя предметомъ удовлетворить выгодамъ всѣхъ и каждаго отъ попеченія и управленія моего зависящихъ, какъ и данное харьковскому намѣстничеству земель постановленіе къ таковому-же средоточію наклоненіе имѣло, дабы приблизить недвижимость къ самимъ ихъ обиталищамъ, доставить имъ удобность къ домоводству, привилегіями дозволенному, безъ удаленія и отъ торговыхъ обращеній въ городахъ заведенныхъ, рекомендую намѣстническому правленію оставить просителей, а равно и все мѣщанство не только въ губернскомъ, но и въ уѣздныхъ вѣдомства своего городахъ, при прежнихъ займахъ и владѣніяхъ, которыя они выгодѣ, въ близости грунтовъ ихъ заключающейсѣ, охотно предпочитаютъ“. Изъ содержанія этого „предложенія“ Чертковъ и вызвавшихъ его причинъ видно, что это затрудненіе выхода войсковыхъ обывателей въ городскія сословія было уже не единичнымъ фактомъ, ибо самъ администраторъ смотритъ на сдѣланное имъ разрѣшеніе вопроса, какъ общее для всѣхъ однородныхъ случаевъ, и официально оглашаетъ его для общаго примѣненія во всемъ харьковскомъ намѣстничествѣ. Умный администраторъ не могъ не знать, что огромное большинство населенія въ городахъ его намѣстничества состояло изъ старозаимочныхъ владѣльцевъ—войсковыхъ обывателей и поэтому ставить преграды этому населенію къ выходу въ городскія сословія значило-бы оставлять города только при одномъ имени, а въ сущности принудительно оставлять ихъ населеніе при одномъ земледѣльческомъ промыслѣ, что позже и случилось въ дѣйствительности въ нѣсколькихъ (если не въ большей части), только номинальныхъ, городахъ харьковской губерніи, которые на самомъ дѣлѣ остались большими, но бѣдными земледѣльческими селами.

Послѣдующая судьба землевладѣнія въ б. Слободской Украинѣ, не менѣе какъ предыдущая, уже извѣстная читателямъ, способна удостовѣрить насъ въ томъ, что всѣ административныя и вообще правительственныя мѣры, клонившіяся къ такому или иному опредѣленію порядка землевладѣнія, были одновременными во всей этой мѣстности, такъ что исторія одного какого нибудь небольшого уголка этой мѣстности, одного ея уѣзда, или даже волости, можетъ представить собой почти общую исторію аграрнаго вопроса на всемъ пространствѣ бывшей Слобожанщины. Тѣмъ легче обнять и понять ее въ одной отдѣльной картинѣ, и тѣмъ необходимѣе такая картина, что историческія данныя относительно старозаимочнаго землевладѣнія имѣются далеко не для всѣхъ мѣстностей б. Слободской Украины и не за все изслѣдуемое время. Мы и представимъ такую картину въ исторіи одной старозаимочной дачи харьковской губерніи.

А. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА.

(Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софiевка).

I.

Та мѣстность, на которой расположенъ теперь г. Умань съ его окрестностями и знаменитымъ садомъ, составляла нѣкогда центръ такъ называвшейся *уманской пустыни*. Она занимала въ обрестности до 300 верстъ и простиралась за нынѣшній уманскій уѣздъ, захватывая земли теперешняго балтскаго уѣзда до м. Богополя. На ней нѣтъ ни одного шага земли не орошеннаго человѣческою кровью: въ прежнее время она служила мѣстомъ для кровавыхъ сценъ и народныхъ распрей. Съ одной стороны этой обширной пустыни пролегалa известная дорога—*Черный шляхъ* или *Татарскія дороги*, отдѣлявшая эту пустыню отъ земель ногайцевъ. Далѣе границами были: рѣчки—*Синюха и Удычъ*, впадавшая съ востока въ Бугъ, небольшой деревянный замокъ—*Брацлавскій*, укрѣпленный бревенчатымъ палисадомъ и основанный въ 1550 г. княземъ Богущемъ Оедоровичемъ *Корецкимъ*. Пустыню прорѣзывали, извинаясь въ скалистыхъ берегахъ, незначительныя рѣчки *Уманка* и *Каменка*, которыя соединялись ниже г. Умани.

Эта пустыня съ давнихъ поръ была ареною, на которой совершались всевозможныя столкновенія и насилія одного племени надъ другимъ и даже членовъ одного племени между собою. Известно, что беззащитная Украина въ прежнее время служила дорогой для различныхъ племенъ, что и изображается аллегорически въ пѣснѣ:

Ой біда, біда чайці небозі,
Що вивела дітокъ при биті дорогі.

Поэтому тутъ всегда могъ оставаться всякій сбродъ даже изъ сосѣднихъ націй, тѣмъ болѣе, что сюда не досягали и законы. Всѣ голодные или чѣмъ нибудь недовольные пролетаріи собирались со всѣхъ окружныхъ и отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь подвизались на поприщѣ грабительства и разбойничества. Тутъ-же отличалась и бездомная польская шляхта, презиравшая законъ своей страны и поставлявшая въ честь и личныя заслуги свои разбойническіе подвиги. Здѣсь часто собирались ватаги запорожцевъ, мстили своимъ притѣснителямъ и огнемъ и пикой уничтожали многолюдныя поселенія польской Украины. Не рѣдко можно было встрѣтить и рыскающихъ ногайцевъ. Здѣсь говорили на языкахъ: малорусскомъ, польскомъ, литовскомъ, сербскомъ, молдованскомъ, цыганскомъ, турецкомъ и даже на нѣмецкомъ и венгерскомъ...

Пустынею этою никто исключительно не пользовался, хотя въ XV стол. она и считалась принадлежащею къ великому княжеству литовскому и была жалуема *землянамъ*, а въ томъ числѣ и какому-то Семену Кошеѣ.

Сигизмундъ III актомъ, даннымъ 13 мая 1609 г., утвердилъ эту землю за винницкимъ и брацлавскимъ старостой Валентиномъ Александровичемъ Калиновскимъ. Съ этихъ поръ она и перешла въ его владѣніе. Калиновскіе стали заселять пустыню своими крестьянами и укрѣпили г. Умань для огражденія отъ нападеній татаръ и турокъ.

Отчего произошло названіе г. Умани, неизвѣстно. Подробностей и времени его возникновенія мы не знаемъ. Можетъ быть шалапъ, поставленный у рѣчки въ непроходныхъ лѣсахъ звѣроловомъ-охотникомъ, положилъ основаніе городу, или-же землянка бездомной „голоты“, добывавшей себѣ хлѣбъ разбоемъ у большой дороги—*Черный шляхъ*. О существованіи Умани мы знаемъ только изъ различныхъ письменныхъ памятниковъ; извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи.

Въ 1596 г. малороссійскій гетманъ Наливайко, воюя съ польскимъ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, привелъ свои войска въ окрестности Умани и здѣсь набралъ себѣ для помощи храбрыхъ и отчаянныхъ удалцовъ, съ которыми догналъ Жолкевскаго подъ Чигириномъ и тамъ разбилъ его.

Выговскій, вторично добивавшійся гетманства, въ 1664 г. послалъ вѣрнаго ему запорожца Сулиму подъ Умань, гдѣ послѣдній набралъ и составилъ отрядъ, съ которымъ двинулся на помощь Выговскому.

Въ эпоху такъ называемыхъ „руинъ“ г. Умань часто подвергался нападеніямъ и разореніямъ. Цѣлый рядъ бѣдствій записанъ на листахъ исторіи этого города во время гетманства Петра Дорошенка.

Послѣдній былъ утвержденъ въ гетманствѣ польскимъ королемъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ избранъ гетманомъ и уманскій полковникъ Ханенко.

Изъ-за гетманской булавы поднялись ссоры и драки, мѣстомъ которыхъ также былъ г. Умань и его окрестности. Самое ужасное изъ всѣхъ этихъ бѣдствій было въ 1674 г. Тогда Умань былъ лучшимъ городомъ въ этомъ краѣ, сильно укрѣпленнымъ и могъ отразить даже сильное нападеніе. Петръ Дорошенко, призвавшій на помощь противъ польскаго короля турокъ, занялся повореніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ зап. Украинѣ. Визирь Кара-Мустафа, начальствовавшій надъ турецкимъ войскомъ, послѣ взятія м. Ладыжина, направилъ свои силы на Умань. Это было лѣтомъ. Дорошенко обѣщаль оставить городъ въ цѣлости и не дѣлать надъ жителями никакихъ насилій, если уманцы безъ сопротивленія сдадутъ городъ. Когда послѣдніе увидѣли, что къ городу идетъ большое турецкое войско, то немедленно выслали полковника съ старшинами и лучшими козаками къ турецкому начальнику, чтобы онъ принялъ городъ подъ свое покровительство. Турки забрали городскихъ представителей въ плѣнъ. Это уманцевъ огорчило: они заперлись въ городѣ и храбро отбивались; дѣлали вылазки и нападали на враговъ. Турки принуждены были обойти городъ и начали съ другой стороны—отъ *Грекова тѣса*—дѣлать шанцы. Такимъ образомъ они подошли подъ самый замокъ, насыпали равной высоты съ городскимъ валомъ батареи и поставили на нихъ пушки. Черезъ двѣ недѣли городъ былъ взятъ. Кровавая битва происходила и на улицахъ. Спрятавшіеся въ погребахъ были задушены дымомъ, такъ какъ турки зажигали на входахъ солому. Головы убитыхъ христіанъ турки представляли къ пашѣ и за каждую получали по червонцу; снимали кожу, дѣлали чучелы и отвозили визирю въ Ладыжинь. Послѣ

многихъ неистовствъ надъ жителями, которыхъ насчитывалось до 20 тысячъ, турки разорили и истребили до основанія посредствомъ огня и весь городъ ¹⁾).

Мѣстность, на которой стояли турки до взятія города и теперь извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *турджъ* или *турки*; она лежитъ между старымъ базаромъ, т. е. первоначальнымъ городомъ и Софіевкой.

Послѣ этого кроваваго событія Умань, изъ укрѣпленнаго и торговаго города, сдѣлался незначительнымъ селеніемъ, въ которомъ находили убѣжище бездомные скитальцы, существовавшіе грабежемъ и разбоемъ.

Около 1712 г., въ царствованіе Петра I, когда вмѣстѣ съ бозацкими полками большинство жителей западной Украйны переселилось въ восточную Украйну, остатокъ православныхъ уманскихъ жителей перешелъ также, а западная Украйна отошла во владѣніе Польши.

Отъ Калиновскихъ г. Умань перешелъ во владѣніе Потоцкихъ слѣдующимъ образомъ: дочь Мартына Калиновскаго, Елена, выдана была замужъ за Якова зъ Рацибору Мартына, воеводу сендомирскаго и, получивъ въ приданое Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и нѣсколько другихъ имѣній, передала ихъ своему другу и родственнику Станиславу Потоцкому, коронному стражнику.

Такимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались владѣльцами Умани и сосѣдями запорожцевъ. Главное мѣсто жительства Потоцкихъ было *Потокъ* въ белзскомъ воеводствѣ, а резиденція—замокъ въ *Крыстинополь*.

II.

Съ переходомъ уманской волости въ родъ Потоцкихъ, число бездомныхъ пролетаріевъ въ этихъ мѣстахъ увеличилось; они собирались здѣсь значительными партіями и дѣлали грабежи и разбои, какъ въ окрестностяхъ Умани, такъ и во всей западной Украйнѣ. Въ народѣ они извѣстны подъ именемъ „гайдамакъ“. Такіе бурлаки, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ“ или полковниковъ всѣми силами старались вредить польскимъ панамъ и католическому духовенству, и при всякомъ столкновеніи грабили ихъ.

¹⁾ По Рягельяпу.

Часто изъ Запорожья спеціально выходили отчаянные удальцы и сорвиголовы для набѣговъ и грабили въ польской Украйнѣ и даже въ самой Польшѣ; девизомъ ихъ была поговорка: „або добути, або дома не бути“. „Ватажки“ выводили часто свои шайки изъ запорожскихъ степей, грабили и разоряли шляхетскіе и еврейскіе дворы, истязали въ нихъ хозяевъ, а особенно евреевъ.

Появлялись они и исчезали моментально, такъ что даже не давали времени подвергавшимся нападенію стать въ оборонительное положеніе. Если-же польское правительство или магнаты захватывали такіа шайки, то безпощадно истребляли ихъ. Поэтому поводу часто русскимъ и польскимъ правительствомъ были назначаемы коммисіи; но коммисіи рѣшали дѣла на бумагѣ и не могли предотвратить бѣдствій. Набѣги и грабительства гайдамакъ повторялись все чаще и чаще. Наконецъ гайдамачество стало принимать правильную форму и нашло себѣ опору въ народной массѣ. Оно было протестомъ противъ преслѣдованія поляками православныхъ и стѣсненія народныхъ правъ. Выражалось оно возстаніями порабощенныхъ крестьянъ противъ пановъ, ихъ управителей и евреевъ—арендаторовъ. Унія, начавшаяся въ то время распространяться, была для православнаго народа ненавистною. Когда-же при польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію и начали дѣлать всевозможныя изувѣрства, то народное терпѣніе и ожесточеніе дошло крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ православныя церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые были откупщиками и всѣхъ церковныхъ требъ и обрядовъ *). Католическіе и уніатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, исповѣдывавшихъ греческую религію и старались насильно обращать православныя приходы въ унію. Вотъ что породило тѣ ужасныя, потрясающія душу, кровавыя драмы, которыя разыгрались большею своею частью надъ Уманью.

Дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви со стороны православія явился игумень мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, а мстителями за народное угнетеніе и порабощеніе запорожцы.

*) Письменныхъ указаній на это нѣтъ, а осталось лишь устное преданіе.—

Поляки и евреи, страшась гайдамакъ, укрѣпляли свои жилища и города, содержали постоянную стражу, которая увѣдомляла о ихъ появленіи. Всѣ старались найти защиту и укрыться, какъ можно надежнѣе. А гайдамацкіе набѣги происходили непрерывно. Францъ-Салезій Потоцкій, чтобы защитить свои владѣнія отъ набѣговъ, укрѣпилъ г. Умань, который до 1760 г. представлялъ ничтожное, опустошенное мѣстечко. Въ этомъ-же году городъ, находившійся на возвышеніи и отдѣлявшійся отъ предмѣстья оврагами, былъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ. Среди самаго города былъ построенъ замокъ. Такія укрѣпленія возводились и въ другихъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ, находящихся въ западной Украинѣ. Уманскій замокъ представлялъ собою большой домъ, въ которомъ помѣщался управляющій или губернаторъ. Домъ имѣлъ большой каменный магазинъ и службы, а вокругъ него было особое укрѣпленіе, состоявшее изъ палисада, тянувагося по окраинѣ глубокаго рва. На верхнемъ этажѣ магазина находилась башня съ бойницами. Изъ замка вели двое воротъ: однѣ въ такъ называемый *Новый городъ*, а другія къ оврагу, со стороны предмѣстья—*Бабанка*. У воротъ всегда стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства. Уманскій гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ: одного коннаго полка въ двѣ тысячи человекъ, набраннаго изъ крестьянъ принадлежащихъ къ имѣніямъ Потоцкихъ, и сотни пѣшихъ, которыхъ называли *лизнями* или въ насмѣшку *лежнями*; кромѣ того была еще партія польскихъ шляхтичей (человекъ 60), которые именовались тѣлохранителями своего ясновельможнаго пана. Нарядъ войска соответствовалъ цвѣту герба Потоцкихъ: желтый жупанъ, голубыя шаровары, кунтушъ и желтыя шапки, отороченныя черными смушками; пояса кожаные, украшенные у простыхъ козаковъ мѣдными, а у сотниковъ серебряными бляхами и разными побрякушками. У каждаго козака на кожаныхъ перевязяхъ висѣли съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, а съ другой лядунка съ пулями, кремнями и т. п. Вооруженіе уманскихъ войскъ состояло изъ ружья, пики и двухъ пистолетовъ. Саблю имѣли право носить только шляхтичи и военные чины—полковникъ, сотники и хорунжіе. Внутри замка находилась особая комната, называвшаяся *коменда*, въ которой хранились знамена, лигавры, трубы и т. п. У дверей коменды всегда находился почетный караулъ. Каждый годъ въ день

праздника Троицы всему войску, находившемуся въ Умани, производился смотръ.

Такъ было въ Умани предъ началомъ знаменитой *уманской рѣзни* или по народному—*Колівищины*, совершившейся въ 1768 г.

Опираясь на свои придворные гарнизоны и укрѣпленія, магнаты и шляхта безопасно проводили время и безчинствовали въ своихъ имѣніяхъ. Конфедераты разбрелись по всей Украинѣ, Волыни, Подолии и немилосердно давили *схизматиковъ*, стараясь обратить ихъ въ унию; они грабили крестьянъ и совершали надъ ними всевозможныя несправедливости. Въ это время въ лѣсной тиши мотронинскаго монастыря созрѣвалъ планъ народнаго возстанія; здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью слова Божьяго сѣялась въ богомольцахъ-посѣтителяхъ ненависть къ униі и католичеству. Игуменъ этого монастыря Значко-Яворскій не дремалъ: онъ всѣми силами противодѣйствовалъ вліанію католицизма. Наконецъ изъ Запорожья вышелъ знаменитый Максимъ Желѣзнякъ. Была изобрѣтена, неизвѣстно кѣмъ, золотая грамота, выданная будто-бы запорожцамъ Екатериной II-й, освящены ножи и дѣло было начато. Къ Желѣзняку отовсюду стекались толпы гайдамакъ изъ крестьянъ правобережной Украины. Сначала было взято и разорено м. Жаботинь; поляки и евреи, не успѣвшіе во время укрыться, были истреблены. Жаботинская сотня присоединилась къ Желѣзняку. Ежечасно полчище Желѣзняка увеличивалось новыми охотниками и имя его сдѣлалось громкимъ по всей Украинѣ. Потомъ разорено было мѣстечко Лысянка. Католики, евреи и униаты бѣжали изъ края и искали убѣжища въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Многіе направились къ Умани, такъ какъ этотъ городъ былъ укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Гайдамаки знали, куда спрячутся ихъ враги, и потому направили свои силы на Умань, который послѣдшне укрѣплялся и готовился дать имъ отпоръ. Вотъ какъ объ этомъ говорить пѣсня:

„Підъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи,
Гей помліли уманчики, запорожцівъ ждучи“...

Въ это время въ Умани губернаторомъ былъ Младановичъ. Степшагося народа было такъ много, что всѣ не помѣстились внутри города, а часть размѣстилась таборомъ подъ городомъ около *Грекова лѣса*. Гарнизонъ уманскій состоялъ въ это время изъ 6 ты-

сячь человекъ и главная сила его заключалась въ надворныхъ козакахъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха.

Когда Младановичъ услышалъ о гайдамацкомъ движеніи, то выслать для укрощенія своихъ козаковъ. Въ этомъ числѣ былъ и извѣстный сотникъ Гонта. Младановичу и въ голову не приходила мысль, что козаки могутъ измѣнить, хотя онъ и запретилъ имъ распѣвать пѣсни о Богданѣ Хмельницкомъ.

Гонта съ своимъ отрядомъ вышелъ на встрѣчу гайдамакамъ къ селенію Соколовкѣ (въ 50 верстахъ отъ Умани) и сталъ съ ними сноситься. Евреи объ этомъ провѣдали и донесли Младановичу. Послѣдній призвалъ Гонту, который явился къ нему съ нѣсколькими атаманами, какъ ни въ чемъ не бывало. На всѣ обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно и клялся въ своей невинности. Однако нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы казнить его. Младановичъ не хотѣлъ круто поступить съ Гонтой, такъ какъ послѣдній былъ въ милости у Потоцкаго, который подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни *Росошки* и *Орадовку*. Уликъ противъ него никакихъ не было и ни что не давало повода подозрѣвать его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ вѣрно служилъ своему пану. Повидимому, онъ былъ почти совсѣмъ ополяченъ: говорилъ и писалъ по-польски, женатъ былъ на полькѣ. Его заставили вторично присягнуть и снова отправили къ полку. Теперь Гонта дѣйствовалъ открыто: свидѣлся съ Желѣзнякомъ и присталъ съ своими козаками къ гайдамакамъ. Объясняютъ эту перемену тѣмъ, что Желѣзнякъ показалъ Гонтѣ золотую грамоту Екаторины II-й и этотъ послѣдній увѣровалъ въ ея подлинность, что однако мало вѣроятно. Въ Умани не ожидали этого. Подступая къ Умани, гайдамаки направились къ *Грекову лѣсу*, гдѣ располагался польскій таборъ. Гонта съ своими козаками шелъ впереди и остановился у лѣса. Землемѣръ Шафранскій, находившійся въ то время въ городѣ, видѣлъ съ башни въ подзорную трубу, какъ Гонта сошелъ съ лошади и, подойдя къ Желѣзнику, поцѣловался съ нимъ. Тогда только поляки поняли свою оплошность; но было уже поздно.

Весь таборъ, состоявшій по извѣстіямъ современниковъ изъ 8 т. душъ католиковъ, униатовъ и евреевъ, былъ перебитъ. Изъ города ушли, перебивъ стражу и присоединились къ гайдамакамъ 100 человекъ арестантовъ, содержащихся подъ карауломъ. Туда-же

ушла и вся прислуга, состоявшая изъ малороссовъ. Городъ былъ поднятъ на ноги и послѣпно сталъ приводиться въ оборонительное положеніе: евреевъ даже вооружили и поставили къ палисаду; но было поздно. Отстоять городъ не было никакой возможности: крохѣ того въ немъ не было воды. Младановичъ рѣшился вступить съ гайдамацкими предводителями въ переговоры и послалъ имъ подарки. На другой день Желѣзнякъ и Гонта подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на вѣшной сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый чрезъ глубокій ровъ. Къ нимъ вышелъ губернаторъ, окруженный нѣсколькими поляками. Тутъ Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ противъ поляковъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Во время этихъ переговоровъ былъ заключенъ договоръ слѣдующій: всѣмъ полякамъ выговаривалась безопасность, а евреи съ ихъ имуществомъ отдавались на произволъ гайдамакъ. Дѣло было почти совсѣмъ улажено, но одинъ полякъ, по имени Рогашевскій, оскорбилъ гайдамацкихъ предводителей и все было разстроено. Гайдамаки напали на поляковъ, которые послѣпно убѣжали въ городъ. Младановичъ бросился въ костель, гдѣ уже была собрана толпа. Гайдамаки ворвались въ городъ и принялись избивать евреевъ и самихъ католиковъ. Рѣзня была ужасная. Трудно подыскать такихъ яркихъ красокъ, чтобы ее изобразить и представить въ подходящемъ свѣтѣ. Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, обхватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу, съ остервенѣніемъ животнаго, бросающагося на все то, что носитъ названіе поляка. Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Трусами загромождены были всѣ улицы. Народная мечь удовлетворялась кровью, которая здѣсь текла потоками. Дѣти были прокалываемы копьями и подымаемы вверхъ. Гайдамаки перерѣзали монаховъ базилианскаго монастыря; школярами базилианской школы былъ заваленъ колодезь, находившійся на площади и имѣвшій до 30 сажень глубины ¹⁾. Они ругались

¹⁾ Колодезь этотъ дѣтъ 10 тому назадъ былъ отрытъ и почивенъ городомъ и изъ него, говорятъ, было вынуто множество костей. Онъ находится на главной площади предъ соборомъ и предъ стариннымъ мрачнымъ зданіемъ, которое и до сихъ поръ называется «базилианамъ». Въ этомъ зданіи погѣщался базилианскій монастырь и школа. Кажется, Срезневскій въ своихъ изслѣдованіяхъ указываетъ на другой колодезь.

надъ католической святынею, бросали ее на землю и топтали ногами. Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими. Когда не много прошли первые симптомы ярости, гайдамаки собирали толпы католиковъ и евреевъ и гнали ихъ въ николаевскую церковь, гдѣ надъ ними совершалось крещеніе. Это крещеніе происходило среди хоругвей, при колокольномъ звонѣ. Желѣзнякъ и Гонта были восприемниками. Дѣти Младановича: сынъ и дочь были пощажены и насильно перекрещены. Гонта, по преданію, ничѣмъ впрочемъ не подтверждаемому, двухъ своихъ сыновей католиковъ самъ убилъ.

Послѣ такой кровавой расправы гайдамаки стали таборомъ въ урочищѣ *Карповка*, гдѣ въ настоящее время находится *Софіевка*. Желѣзнякъ называлъ себя кievскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ первый былъ выбранъ гетманомъ, а второй уманскимъ полковникомъ.

2 іюня генералъ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго региментаря Пулавскаго. Во второй половинѣ іюня онъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши уговорить гайдамакъ разойтись, такъ какъ русское войско уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего. Впрочемъ гайдамаки, должно быть, знали, съ какой стороны грозитъ имъ опасность и вели себя очень осторожно. Вотъ какъ народная пѣсня упоминаетъ о прибытіи къ Умани русской команды:

„Ой выглянувъ донський козакъ изъ-за Острои могилы¹⁾,
Утівали уманчики—штаны погубили“.

Особой хитростью успѣли арестовать гайдамацкихъ предводителей и перевязали весь гайдамацкій таборъ. Впослѣдствіи Гонта былъ самымъ варварскимъ способомъ казненъ. О Желѣзнякѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ былъ доставленъ въ кievскую крѣпость, въ числѣ другихъ гайдамакъ.

Такимъ образомъ кончилась эта кровавая драма, извѣстная подъ названіемъ „Коливицины“ или „Гайдамачины“.

Лѣтъ 85 тому назадъ въ Умани видны были еще остатки старинныхъ укрѣпленій и другихъ сооружений: разрушившійся деревянный палисадъ, окружавшій городъ во время нападенія гайда-

¹⁾ Село въ 30 верстахъ отъ м. Бѣлой-Церкви, по дорогѣ къ Умани.

маковъ, костель и полуразрушенный базилианскій монастырь. Потомъ Потоцкій построилъ новый каменный монастырь, а деревянный въ 1828 году уничтожилъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ обращенъ въ военный госпиталь. Теперь эти зданія пусты и принадлежатъ казнѣ; подъ ними находятъ много подземныхъ ходовъ.

Православная Михайловская церковь, въ которой совершалось крещеніе католиковъ и евреевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣла. Николаевская церковь, въ которой также Желѣзнякъ и Гонта принудили многихъ принять крещеніе, обветшала и вмѣсто ней построена въ 1812 г. новая каменная, обращенная въ 1846 г. въ соборную.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ „Колишщины“ г. Умань былъ въ упадкѣ и не могъ придти въ надлежащее положеніе: и послѣ Желѣзняка мелкія шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшеніе его началось со времени возвращенія этого края Россіи, т. е. съ 1794 г. Въ 1797 году г. Умань былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но принадлежалъ гр. Потоцкому. Въ 1834 г. онъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими имѣніями гр. Александра Потоцкаго. Въ 1839 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе начальства кievскихъ и подольскихъ военныхъ поселеній. Теперь въ немъ считается до 25 тысячъ жителей.

III.

Въ верстѣ отъ г. Умани находится знаменитый *Царицынъ садъ* или *Софiевка*, считающійся чудомъ Украины. Богатство польскихъ магнатовъ и множество рабочихъ рукъ, представлявшихъ даровой крѣпостной трудъ, создали это чудо. Если вспомнимъ, какимъ образомъ прежніе паны могли сдѣлать изъ лѣта зиму и покрыть пустое мѣсто въ одну ночь большимъ лѣсомъ для охоты, то легко поймемъ, какимъ образомъ возникъ и уманскій садъ.

До 1796 г. тамъ, гдѣ теперь расположена Софiевка, было пустое возвышенное мѣсто, усѣянное кусками гранита, между которыми протекалъ ручей *Каменка*. Истокъ ручья начинался близъ деревни *Войтовки*. Берега ручья отъ природы были усѣяны громадными глыбами, въ беспорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Подпочва здѣсь гранитная и представляетъ продолженіе отроговъ Карпатскихъ горъ. Изъ расщелинъ камней струились маленькіе

ручейки, собиравшіеся въ небольшихъ углубленіяхъ камней и образовавшіе озерца, зароставшія лѣтомъ водяными растениями. Чрезъ это мѣсто танулась по направленію къ Умані ровная долина, носившая то-же названіе, что и ручей—Каменка. Тутъ на окрестныхъ возвышенностяхъ паслись стада. Это прекрасное мѣсто служило жителямъ Умані, въ особенности ученикамъ базилианской школы, для прогулокъ и увеселеній. Послѣ разоренія Умані, гайдамаки стащили къ холму тѣла своихъ товарищей, убитыхъ при взятіи города, и здѣсь погребли ихъ. На мѣстѣ занимаемомъ нынѣ садомъ, они зарыли въ землю много денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, часть которыхъ въ прежнее время была открыта.

Графъ Феликсъ Потоцкій, переселившійся изъ Тульчина въ Умань, разъ весною въ 1796 г., проѣзжая по окрестностямъ города, пріѣхалъ съ женою къ Каменкѣ. Въ это время въ описываемой мѣстности уманцы, по обыкновенію, собрались на гулянье. Берегъ ручья Каменки, холмистое мѣстоположеніе и роскошная растительность понравились Софіи Потоцкой; она сказала мужу, что на этомъ мѣстѣ можно было-бы устроить прекрасный паркъ. Графъ взялся выполнить мимолетное желаніе своей красавицы—жены. Возвратясь съ прогулки, онъ позвалъ своего управляющаго уманскимъ имѣніемъ капитана Мецеля и поручилъ ему немедленно приступить къ устройству парка и сада. Мецель—данцигскій уроженецъ много разъ путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ гр. Феликса и самимъ графомъ и видѣлъ всѣ тогдашніе знаменитые заграничные сады.

Вскорѣ послѣ этого графъ съ женою уѣхалъ за границу. Весною 1797 г. Мецель приступилъ къ устройству сада. Масса крестьянъ, согнанныхъ изъ окрестностей, принялась за работу. Огромныя деревья съ корнями и землею привозились изъ-за сотенъ верстъ и насаждались аллеями. Громадныя гранитныя глыбы перетаскивались съ одного мѣста на другое и укладывались по указанію строителя, который руководился одной мыслью: скрыть искусство и труды челоуѣка удачнымъ подражаніемъ природѣ. И въ этомъ онъ успѣлъ: всѣ эти дивіе утесы, огромныя глыбы, образующія причудливыя формы, скалы, гроты, кажется, нагромождены самою природою.

Въ 1800 г. гр. Потоцкій возвратился съ женой въ Умань. Это было близко около дня рожденія графини, когда къ Потоцкимъ съѣзжалось много гостей съ Польши и Украйны. Графиня не знала объ устройствѣ около Умани сада; при графскомъ дворцѣ, находившемся въ центрѣ города, былъ разведенъ прекрасный садъ, изобиловавшій различными затѣйливыми сооруженіями, поэтому она и не думала о разведеніи другаго сада. Въ день рожденія графъ и графиня и всѣ гости поѣхали прокатиться по окрестностямъ города. Никто не зналъ, съ какою цѣлью была предложена эта поѣздка. Болѣе трехсотъ экипажей вереницей потянулись къ Каменкѣ. Когда пріѣхали къ парку, то всѣ, знавшіе прежнюю мѣстность, были поражены неожиданною ея переменю: на холмистой мѣстности, усѣянной выдающимися изъ земли громадными глыбами гранита, былъ роскошнѣйшій садъ и паркъ, украшенные множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, каскадами, фонтанами, гротами, павильонами и т. п. сооруженіями. Общій видъ сада представлялъ очаровательную картину: на крутыхъ возвышенностяхъ по уступамъ проведены аллеи, идущія между скалами по разнымъ направленіямъ; внутри на каждомъ шагу встрѣчались пруды, водопады, ручьи, съ перекинутыми черезъ нихъ красивыми мостиками и всевозможныя дорогія растенія. Тутъ-же было дано и названіе саду—*Софіевка* въ честь графини Софіи, которой принадлежала первая мысль его устройства.

До самой смерти своей гр. Феликсъ не переставалъ улучшать и украшать свою любимую Софіевку: выписывалъ растенія, устраивалъ новые фонтаны, покупалъ статуи и т. п. Ему непремѣнно хотѣлось довести садъ до той степени устройства, до котораго можетъ быть доведено только истинное произведеніе человѣка, и онъ во многомъ успѣлъ выполнить свое желаніе.

Онъ умеръ въ 1805 г. и послѣ него Софіевка досталась старшему его сыну Александру, при которомъ весь садъ пришелъ въ упадокъ и многія строенія развалились. Еще и послѣ смерти Феликса были привезены изъ Италіи и другихъ мѣстъ, заказанныя имъ для Софіевки, статуи, множество экзотическихъ растеній, оконченъ тоннель и большая оранжерея¹⁾.

¹⁾ Предмѣстье сада было заселено крестьянами Потоцкихъ и образована была слободка, существующая и до сихъ поръ подъ названіемъ *Софіевки*. Жители слободки обязаны были въ опредѣленное время являться въ садъ на работы.

Съ 1831 г. т. е. послѣ польскаго возстанія Софіевка вмѣстѣ съ городомъ перешла въ казенное управленіе.

До 1859 года она находилась въ вѣдѣніи императорскаго двора и называлась *Царичинымъ садомъ*, а потомъ передана была въ вѣдомство государственныхъ имуществъ и теперь принадлежитъ уманскому училищу земледѣлія и садоводства. До этого времени Софіевка считалась собственностью государыни Александры Теодоровны, которая подарила ее уманскому училищу. Въ память этого въ означенномъ училищѣ, въ актовомъ залѣ, въ стѣнѣ вѣдлана мраморная доска со слѣдующею надписью: „30 марта 1859 г. ея императорское величество, государыня императрица Александра Теодоровна соизволила представить уманскій Царичинъ садъ главному училищу садоводства“.

Изъ особенно значительныхъ мѣстъ и сооружений Софіевки, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, замѣтимъ слѣдующія:

1. *Громовой гротъ*. Онъ представляетъ собою большую каменную пещеру, сводъ которой поддерживается большой гранитной колонной. Стѣны и колонна высѣчены неправильно и поддѣланы подъ естественный видъ. Внутри темно и сыро. Съ верхняго пруда въ гротъ проведена вода, которая, проходя по трубѣ сверху внизъ, вытекаетъ въ углу изъ потолка и образуетъ гремѣщій водопадъ. При открытіи трубы слышится шумъ, который увеличивается все больше и больше и наконецъ раздаются сильные громовые раскаты. Отъ этого громоваго водопада гротъ и получилъ названіе *громового*. При входѣ на правой стѣнѣ высѣчена въ камнѣ слѣдующая надпись:

Trac tutaj pamięć nieszczyć, a szczęścia przyjm wieszczce,
A jeśliś jest szczęśliwy, bądź szczęśliwszym jeszcze.

Про надпись эту ходитъ слѣдующій рассказъ:

Въ одно время Потоцкій въ этомъ гротѣ игралъ съ бѣднымъ шляхтичемъ въ карты; шляхтичъ обыгралъ Потоцкаго на очень большой кушъ. Въ память этого и сдѣлана была здѣсь надпись, которая говоритъ, что „здѣсь память счастья“—для бѣднаго и „память несчастья“—для богатаго. Впрочемъ трудно вѣрится, чтобы это было большимъ несчастьемъ для Потоцкаго, обладавшаго громадными имѣніями и несмѣтными богатствами. Можетъ быть эти слова имѣютъ другой смыслъ, для насъ непонятный.

2. *Сломанная колонна и три слезы.* Два эти памятника, вѣроятно, были сооружены въ память какого нибудь печальнаго событія. Колонна имѣетъ 2½ саж. высоты и на верху сломана. Она находится вблизи ручья, протекающаго по *Елисейскимъ полямъ*. Сбитая вершина, подножіе и вообще вся колонна представляетъ печальный видъ разрушенія. Говорятъ, что такой видъ—древности и разрушенія—былъ поддѣланъ искусственно и напоминаетъ о томъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго.

На ряду съ колонной и не вдалекѣ отъ нея находятся *три слезы*. Онѣ представляютъ три небольшихъ водопада въ ручьѣ, загроможденномъ въ этомъ мѣстѣ грудой камней.

Два эти памятника дополняютъ другъ друга: колонна своимъ видомъ, а три слезы своимъ названіемъ и напоминаніемъ постоянныхъ слезъ. Устроены они, говорятъ, въ память трехъ умершихъ сыновей Феликса Потоцкаго.

3. *Бюстъ Трембецкаго.* Трембецкій, извѣстный польскій поэтъ, воспѣлъ уманскій садъ въ своей поэмѣ „Софіевка“, за что, вѣроятно, и былъ почтенъ Потоцкимъ. Бюстъ его стоитъ надъ ручьемъ. На пьедесталѣ вырѣзаны слѣдующіе стихи изъ его поэмы, относящіеся къ ручью:

Płyn, strumyku, szybkim biegiem,
Te na zawsze rzucasz cienie;
Z kwiecistym się żegnaj brzegiem
J krapiać dzikie spiesz kamienie!

* * *

Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka;
Ledwo się go ujrzeć godzi,
Tylko błysnie i ucieka!

Плыви, ручей, теченьемъ быстрымъ,
На дни камни поспѣшай,
Простися съ берегомъ тѣнистымъ,
Мѣста цвѣтуши покидай!

* * *

Счастливыи день такъ улетаетъ,
Хотя онъ рѣдокъ для земныхъ:
Мелькнетъ и быстро исчезаетъ
Едва уришь его на мигъ!

4. *Елисейскія поля.* Елисейскія поля представляютъ долину, лежащую ниже верхняго пруда и составляющую часть парка. Это угрюмое, невеселое мѣсто, усѣянное множествомъ большихъ, покрытыхъ мхомъ, камней, на которыхъ и между которыми растутъ дикіе вустарники и деревья. Черезъ все протяженіе этой долины протекаетъ небольшой ручей, который беретъ начало въ верхнемъ

прудѣ и начинается каскадомъ; конецъ его теряется въ *долгій м-антовъ* между громадою гранитныхъ глыбъ и впадаетъ въ нижній прудъ рядомъ съ *большимъ каскадомъ*. Можно думать, что Елисейскія поля служили для Потоцкихъ мѣстомъ грусти и скорби по какомъ-то утраченномъ счастьи, о чемъ свидѣлствуютъ тѣ надписи на памятникахъ, которые мы разобрали выше, а также устройство самага парка, значительно отличающагося отъ другихъ частей сада и видъ его (сломанная колонна, три слезы и т. п.). Характеръ этого мѣста носить особенный отпечатокъ и опредѣляется даже самыми деревьями и ихъ группировкой: тутъ растутъ чинары, тополи, березы, осина и др. Между прочими тутъ есть четыре замѣчательныхъ дерева, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ символическое значеніе. Это четыре осины, которыя выходятъ изъ корня сросшимися, затѣмъ на высотѣ 2-хъ аршинъ они расходятся и потомъ срастаются на высотѣ 2-хъ саж. только три дерева, а четвертое идетъ въ сторону—отдѣльно. Эти деревья, выходящія изъ одного корня, означаютъ самага Феликса Потоцкаго и его трехъ умершихъ сыновей. Впрочемъ, говорятъ еще, они означаютъ четырехъ братьевъ Потоцкихъ (какихъ, не знаю), изъ которыхъ три были дружны и ни въ чемъ не расходились, а третій измѣнилъ имъ и отечеству.

Съ одной стороны Елисейскихъ полей, ближе къ верхнему пруду, находится громовой гротъ, съ другой—сломанная колонна и три слезы—ближе къ каскаду и нижнему пруду, а посрединѣ бюстъ Трембецкаго.

5. *Памятникъ*. Онъ находится на возвышеніи надъ нижнимъ прудомъ и видѣнъ еще издали съ большой дороги, идущей изъ города. Отъ него открывается прекрасный видъ на прудъ и *фонтанъ*, находящійся на прудѣ, на *навильонъ* и на *рыбки* (съ противоположной стороны пруда около бассейна, сосредоточіе гуляющихъ). Воздвигнуть онъ въ 1856 г. „въ память посѣщенія уманскаго царицына сада государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.“ Отъ памятника идетъ красивая каменная лѣстница и оканчивается площадкой, подъ которой когда-то былъ гротъ. На высокомъ утесистомъ берегу нижняго пруда находится гальванопластическая статуя государыни Александры Θεодоровны. Она поставлена въ 1850 г. на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ.

6. *Павильоны.* Одинъ павильонъ находится около нижняго пруда надъ большой дорогой, идущей изъ города въ училище, имѣеть красивый видъ и отличается изящной отдѣлкой. Во время Потоцкихъ тутъ была сельская хижина, сдѣланная вся изъ древесной коры; потомъ былъ построенъ казной настоящей каменный павильонъ.

Другой павильонъ—маленькій находится на островѣ верхняго пруда и называется *павильономъ* или *бесѣдкой Александры Θεодоровны*. Это изящное, красивое строеніе, стоящее какъ разъ посрединѣ острова. Соеобщеніе съ островомъ съ одной стороны происходитъ черезъ мостикъ, а съ другой черезъ паромъ. Въ южной части сада, на самой возвышенной точкѣ находится *китайская бесѣдка*. Она окружена дубовой рощей—*дубинкой*, въ которой снизу между высокими деревьями просѣчена прямая длинная аллея, идущая по одному направленію съ паденіемъ большаго каскада.

7. *Тоннель.* Идетъ онъ отъ верхняго пруда къ нижнему на протяженіи приблизительно 50 саж. Для освѣщенія внутри, сверху продѣланы окна на разстояніи 8 саж. другъ отъ друга. Тоннель заканчивается бассейномъ, отъ котораго вода идетъ уступами и низвергается съ пяти-саженной высоты грандіознымъ каскадомъ. Черезъ бассейнъ перекинуть красивый желѣзный мостикъ. Прежде въ тоннелѣ были лодки для катанья; для освѣщенія зажигали факелы...

Есть въ Софіевѣ множество еще и другихъ примѣчательностей: много статуй, фонтановъ, бесѣдокъ и т. п. Изъ сада проведена въ городъ хорошая вода. Начало водопровода и ключъ находится въ *венериномъ гротѣ*. Недалеко отъ грота водопроводъ прерывается и изъ скалы струится вода и льется въ двѣ подставленные вазы, поддерживаемыя мѣдными ужами, отчего и мѣсто это называется *ужами*.

Часто мнѣ приходилось слышать отъ старожилонъ, что изъ сада въ городъ есть подземный ходъ. Начинается онъ, по указанію ихъ, къ югу отъ большаго каскада между камнями *шантской долины*; это приходится ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ статуя купидона. О достовѣрности этого слуха я говорить не могу. Но все таки можно думать, что тутъ должно быть хотя что нибудь

подобное, давшее поводъ къ такому предположенію. Говорили даже, что тутъ просто зарыть Потоцкимъ кладъ.

Мѣстность, на которой расположена Софіевка часто служила мѣстомъ для таборовъ различныхъ враждебныхъ силъ, поэтому можно предполагать, что тутъ зарыто не мало кладовъ. Объ этомъ дѣйствительно и говорятъ многіе и даже откапывали нѣкоторыя зарытыя вещи.

Въ Софіевкѣ есть образцовая ферма, огородъ, плодовый садъ и питомникъ. Все это вмѣстѣ съ садомъ относится къ уманскому училищу земледѣлія и садоводства, цѣль котораго—приготовить ученыхъ управителей и садоводовъ.

А. Смокій.

1882 г. $\frac{10}{23}$ октября
г. Умань.

Старинный южно-русский театр и въ частности вертепъ.

О южно-русскомъ театрѣ и въ частности о южно-русскомъ вертепѣ существуетъ уже значительная по объему ученая литература ¹⁾; но она все-таки не исчерпала всего содержанія этого предмета и далеко еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи южно-русскаго вертепа. Нагляднымъ доказательствомъ тому варианты южно-русскаго вертепа по списку г. Галагана, отличающіе этотъ списокъ отъ списка г. Маркевича ²⁾. Въмѣстѣ съ другими новыми матеріалами второстепеннаго значенія, эти варианты могутъ, по нашему мнѣнію, пролить новый свѣтъ на судьбы южно-русскаго стариннаго театра и вертепа. А это обязываетъ насъ кратко обозрѣть сдѣланныя доселѣ наблюденія и открытія относительно южно-русскаго театра и вертепа и указать новыя приобрѣтенія въ этой области.

По установившемуся понятію, старинный южно-русский театръ слагался изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ заимствованной изъужа мистеріи и изъ начатковъ народнаго русскаго театра. Первая

---

¹⁾ Важнѣйшіе труды по этому предмету слѣдующіе: 1) Мистерія и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго, въ «Современникѣ» за 1857 годъ. 2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, его-же. 3) Лѣтописи русской литературы и древностей, Тихонравова, кн. 5. 4) «Вертепъ», въ брошюрѣ Н. Маркевича: «Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860 г. 5) Историческіе очерки средневѣковой драмы, П. Полеваго, С.-Петербургъ, 1865 г. 6) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кievской академіи Труды кiev. дух. акад. за 1866 г. 7) Старинный театръ въ Европѣ, А. Весаловскаго. Москва. 1870 г. 8) Киевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая, Н. Петрова. Кіевъ, 1879 г.

²⁾ Содержаніе перваго изложено въ октябрьской книжкѣ «Кievской Старины» за настоящій годъ.

заимствована у поляковъ, которые въ свою очередь переняли ее у западно-европейскихъ народовъ; а вторые, замерши въ зародышѣ, нашли потомъ нѣкоторое выраженіе для себя въ искусственной, заимствованной драмѣ, но опять-таки подъ вліяніемъ западно-европейскаго и польскаго театра, допускаяшаго сближеніе церковной драмы съ народомъ. Поэтому, между стариннымъ южно-русскимъ театромъ съ одной стороны и западнымъ и преимущественно польскимъ съ другой существуетъ тѣсная и почти неразрывная связь, которая и должна быть для изслѣдователя исходнымъ пунктомъ при его работахъ.

I.

Старинный театръ въ западной Европѣ образовался изъ народныхъ сценическихъ представленій языческаго или вообще свѣтскаго характера и изъ христіанской обрядности и началомъ своимъ восходить уже къ первымъ вѣкамъ христіанства и въ послѣднимъ временамъ существованія римской имперіи. Необузданная страсть римлянъ къ языческимъ зрѣлищамъ пережила самое принятіе ими христіанства и, нашедши для себя поддержку въ обычаяхъ варварскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ римскую имперію, приражалась въ самой христіанской жизни и церковному богослуженію. Никакія обличенія пастырей и учителей церкви и кары церковныя не могли искоренить этой страсти, такъ что сама зараждавшаяся христіанская обрядность должна была допустить въ себя драматическій элементъ, для противоядія языческимъ зрѣлищамъ и для уясненія народу, въ первобытно простыхъ и наглядныхъ образахъ догматовъ христіанства, или олицетворенія важнѣйшихъ событій евангельскихъ. Самая „месса“, по словамъ Газе, „была со временъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ всемірнаго голгоѣскаго позорища, цѣлымъ строемъ религиозныхъ ощущеній, отъ полнаго скорби *miserere* до ликующаго и торжественнаго *Gloria in excelsis*, и отъ того-то она всегда такъ удобно служила текстомъ для величественныхъ симфоній“. Развиваясь дальше, католическая обрядность произвела цѣлый рядъ торжественныхъ зрѣлищъ, процессій и драматическихъ обрядовъ. Таковы, напримѣръ: 1) процессія въ память шествія Христа во Іерусалимъ, подобная нашему хожденію на ослати, при чемъ Христа изображалъ одинъ изъ свя-

щенниковъ, сидящій на ослѣ; 2) процессія страстей Христовыхъ во время страстной недѣли, наглядно изображающая евангельскій рассказъ о страданіяхъ Спасителя; 3) драматическое распредѣленіе чтенія евангелія въ страстную недѣлю между нѣсколькими священнослужителями; 4) богослуженіе Пасхи, сопровождавшееся различными обрядами, олицетворявшими всѣ обстоятельства евангельскаго рассказа о воскресеніи Спасителя; 5) устройство въ храмѣ ясель на Рождество Христово, служащихъ прототипомъ нѣмецкаго Krippeispiel, польской шопки (szopka) и южно-русскаго вертепа; 6) въ праздникъ трехъ царей введеніе въ богослуженіе разговора ихъ съ Богородицей; 7) въ день избіенія виолесмскихъ младенцевъ—жалобы несчастныхъ матерей и появленіе Ирода, издающаго свое жестокое повелѣніе и проч. Сначала неприкосновенность святыни не допускала людямъ маскироваться въ святыхъ, и ихъ роли въ процессіяхъ исполняли большею частию куклы и марионетки.

Въ такихъ еще неясныхъ образахъ положены уже были основы дальнѣйшему развитію духовной драмы: всѣ ея главные роды и видоизмѣненія были уже намѣчены; оставалось спаяніемъ въ нихъ духовнаго начала съ народнымъ довершить начатое, преобразить отрывочныя сцены въ цѣльныя драматическія произведенія и постепенно возвысить ихъ отъ служебной роли при богослуженіи до вполне самостоятельнаго существованія.

Драгоценный образецъ духовной драмы въ самомъ ея зародышѣ, когда она еще тѣсно связана была съ богослуженіемъ, представляетъ древнѣйшая итальянская мистерія, найденная Франческо Палермо въ палатинской бібліотекѣ. Отдѣлы ея или акты носятъ первобытное названіе *devozioni* и распредѣлены въ подобающихъ мѣстахъ литургіи вслѣдъ за проповѣдью или за произносимыми священникомъ литургическими словами. Эта мистерія приурочена была къ страстной недѣлѣ и изображала страданія Спасителя.

Около указанныхъ главныхъ церковно-догматическихъ обрядовъ начинаютъ образовываться отдѣльныя группы новыхъ церковныхъ драмъ. Изъ кантовъ и рѣчей, произносившихся изъ-за алтаря, кабы отъ лица Богородицы, Іосифа, пастуховъ, въ то время, когда въ церкви стояли миньятюрныя ясли и куклы или писанныя изображенія названныхъ личностей, изъ этого первобытнаго рожде-

ственскаго обряда постепенно образуется рождественская драма: неодушевленные предметы замѣняются дѣйствующими лицами въ костюмахъ, рѣчи клириковъ, скрытыхъ за алтаремъ,—естественными разговорами актеровъ внѣ его, въ виду набожной толпы; наконецъ, одинъ лишь моментъ поклоненія пастуховъ, изображавшійся дотолѣ, обставляется полнымъ пересказомъ повѣствованія евангельскаго и, начиная съ Благовѣщенія, вводитъ всѣ аксессуарныя подробности—избѣненіе младенцевъ, разговоръ Ирода съ волхвами, бѣгство въ Египетъ и т. п. Подобнымъ образомъ возникла изъ обряда церковнаго драма пасхальная, обнимающая собою въ послѣдствіи изображеніе страстей Господнихъ, воскресенія, явленія апостоламъ.

Возникши въ противовѣсъ языческой, свѣтской драмѣ, церковная драма, однако, не могла побѣдить послѣднюю, уберечься отъ ея вліанія и рано или поздно должна была слиться съ нею. Сначала литургическая драма, преслѣдовавшая богослужебныя цѣли, пользовалась языкомъ церкви, т. е. латинскимъ; но мало по-малу, въ видахъ наибольшей вразумительности латинскаго богослуженія для народа, она принимаетъ въ себя народный языкъ, а затѣмъ и чисто народныя черты, идущія нерѣдко въ разрѣзъ съ характеромъ остальныхъ отдѣловъ драмы. Такимъ образомъ духовный обрядъ постепенно вырождался и приравнивался къ обычаямъ народа, исключительно жизненнымъ и нерѣдко полнымъ двоевѣрія. Духовная драма своимъ сближеніемъ съ народнымъ говоромъ, введеніемъ свѣтскихъ исполнителей, шла, съ своей стороны, къ разрыву съ первобытнымъ церковнымъ началомъ. Импульсъ въ этомъ случаѣ данъ былъ самою церковію, которая положительно стала запрещать праздненства, пляски и драматическіе обряды въ храмахъ и даже мистериі. Гонимыя изъ стѣнъ церковныхъ, послѣднія долго еще ютились въ церковныхъ оградахъ и кладбищахъ, не прерывая связи съ церковной обстановкой, пока наконецъ и оттуда онѣ не были выгнаны въ XVI вѣкѣ. Тѣсняемая отовсюду, духовная драма выходитъ наконецъ за церковную ограду, сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клирикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни. Перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, нефы, паперть и разнообразные аксессуары кладбища. Драма дождала до своего освобожденія.

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи духовная драма образовала слѣдующія главные категоріи мистеріальной драмы: 1) собственно мистерію (отъ *ministerium*—обрядъ), бывшую первоначально въ тѣсной связи съ церковнымъ обрядомъ, каковы напр. рождественскія и пасхальныя мистеріи; 2) мистеріи чудесъ или *миражи*, посвященныя прославленію жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, какъ напр. объ Іосифѣ прекрасномъ; 3) морали (*moralité*), въ которыхъ подъ аллегорическими именами олицетворялись отвлеченныя понятія и нравственныя правила, напр. милосердіе, вѣра, любовь, гнѣвъ, жестокость и т. п.; 4) драматизированныя священно историческія хроніки главнѣйшихъ событій священной исторіи и выдѣлившіяся изъ нихъ пасторальныя мистеріи; 5) историческія мистеріи или хроніки, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ вмѣшательствомъ божественной силы въ дѣла людей и вообще постояннымъ присутвіемъ духовнаго начала, каковы напр. были во Франціи крещеніе Хлодвига; жизнь Людовика святаго и короля Тьерри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, и т. п., и 6) мистеріи, возникшія изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, отступающія отъ достовѣрнаго разсказа исторіи, дабы приблизиться къ нерѣдко апокрифическому сказанью или ходячей новеллѣ и повѣсти, и образующія собою звено, соединяющее старый духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ. Таковы легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Робертѣ дьяволѣ, о папѣ Ютѣ (Іоаннѣ).

Выйдя изъ церковной ограды, мистерія была встрѣчена народомъ съ распростертыми объятіями и создала свою самостоятельную сцену. Теперь требовалось найти средство совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія троякаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій—земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость нагляднаго представленія взаимныхъ отношеній силъ неба и тьмы къ земнороднымъ. Этой потребности удовлетворило трехъ—ярусное устройство мистеріальной сцены: земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусь, надъ которымъ возвышался рай, а внизу незатѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада и принимавшія внутрь себя отверженныхъ грѣшниковъ. Вся постройка возводилась надъ бревенчатымъ помостомъ, который въ

первую пору по изгнаніи мистеріи изъ церкви служилъ единственно ея сценой. Каждый этажъ дѣлился двумя перегородками снова на три отдѣленія; въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, собственно адъ находился въ среднемъ отдѣленіи его, сообщавшемся посредствомъ дверей съ другими. Изъ ада шли боковыя лѣстницы въ средній этажъ, изображавшій землю; устройство его было многосложнѣе другихъ по причинѣ большого разнообразія въ представляемыхъ мѣстностяхъ и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей; только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился надъ самой глубиной сцены и отличался вообще небольшими размѣрами. Расположеніе это много способствовало оживленію дѣйствія, такъ какъ иногда случалось играть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ.

Въ исполненіи мистеріи принимали участіе лица всѣхъ сословій безъ различія званія; усиленію средствъ постановки мистеріи способствовали цехи, артели, братства. Но рано появляются и спеціальныя призванія, посвятившіе себя, въ числѣ прочихъ поэтическихъ упражненій, и служенію цѣлямъ духовнаго театра, какъ напримѣръ трубадуры и труверы со своими жонглерами и менестрелями, судебныя ассоціаціи средневѣковой Франціи—знаменитое базюшское королевство и Имперія галилейская, парижское братство страстей Господнихъ, братство беззаботныхъ и проч.

Но особыя лица и ассоціаціи, принимавшія участіе въ развитіи и представленіи мистеріальной драмы, все болѣе и болѣе освобождали ее отъ клерикальныхъ оковъ и приближали ее къ чисто народной комедіи.

Начало послѣдней коренится въ народныхъ пѣсенныхъ образахъ и праздникахъ и поддерживалось и укрѣплялось бродячими пѣвцами, жонглерами, скоморохами, гистріонами, которыхъ, подъ различными именами, но въ одинаковомъ положеніи и почетѣ мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ старой Европы. Эти скоморохи и проч., приурочивая свои представленія къ эпохамъ народной жизни, поддерживали и развивали въ массѣ вкусъ и пристрастіе къ комизму, къ легкой, но рѣзкой насмѣлкѣ, и постепенно выработали цѣлую семью комическихъ типовъ: панталона у итальянцевъ, Гансвурста въ Германіи и т. п. Кромѣ того, существовали цѣлыя кор-

пораціи придворныхъ и барскихъ шутовъ, напр. шутовской орденъ, дижонская инфантерія, къ коимъ нужно причислить отчасти упомянутыя выше судебныя ассоціаціи базюшскаго общества, имперіи галилейской и т. п., также много содѣйствовавшія развитію народно-комическаго начала. Подъ такимъ одновременнымъ и дружнымъ вліаніемъ, вкусы народа не могли не подвергнуться съ ранней поры коренному измѣненію въ пользу комедіи. Міряне, призванные (въ видахъ приданія большей торжественности мистеріи увеличеніемъ числа исполнителей) къ участию въ представленіи духовныхъ пьесъ, незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, привыкли добавлять подлинный текстъ пьесы, ея сценическій распорядокъ своими вставками, рѣчами отъ себя, которыя мало шли къ назидательному тону пьесъ, но удовлетворяли понятной прихоти людей отъ міра сего. Первые слѣды вторженія комическаго элемента замѣчаются въ тѣхъ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ свѣтскіе люди, коимъ поручалось первоначально исполненіе второстепенныхъ ролей. Таковы, напр., пастушескія сцены въ рождественскихъ мистеріяхъ, имѣвшія собственно цѣлю яснѣе отмѣтить безыскусственность той среды, которой первой довелось узнать о великомъ событіи. Съ теченіемъ времени введенъ былъ въ драматическую среду постоянный смѣшливый ампуа въ видѣ шута, который, не относясь ни къ одной изъ сторонъ пьесы, вставлялъ свое слово всюду, гдѣ хотѣлъ, не обращая вниманія на то, что его прыжки и остроты приходились часто въ разрѣзъ съ настроеніемъ зрителей. Наконецъ, вторженіе свѣтскаго элемента въ духовную драму становится столь сильно, что приводитъ къ обособленію случайныхъ комическихъ сценъ въ одно цѣлое, къ составленію изъ отдѣльныхъ сценъ небольшихъ комическихъ пьесъ, исполняемыхъ между актами драмы и называвшихся интермедіями и интерлюдіями или „междуброшенными забавными игральницами“. Образовавшіяся первоначально изъ сценъ и рѣчей свѣтскихъ дѣйствующихъ лицъ въ мистеріяхъ, интерлюдіи сохранили отъ своего первообраза особенность частыхъ уклоненій отъ сюжета главной пьесы, уклоненій, ничѣмъ неоправдываемыхъ, кромѣ стремленія развлечь слушателя. Какъ воины, дѣлящіе ризы Христовы, начинали, бывало, въ мистеріи препираться и укорять другъ друга различными смейными дѣлами, и разговоръ принималъ характеръ уличной народной сцены, такъ и интерлюдіи, храня въ началѣ до нѣкоторой

степени связь съ духовной драмой, постепенно освобождались отъ этой связи и лишь механически сопоставлялись съ актами набожной пьесы. Въ старыхъ коллективныхъ мистеріяхъ связь интерлюдій съ основнымъ текстомъ еще замѣтна. Такъ напримѣръ, въ пастушескихъ сценахъ, предшествовавшихъ изображенію Рождества Христова и составляющихъ особый отдѣлъ коллективной мистеріи подъ именемъ *Pageae pastorum*, слѣдующія согласно евангелію рѣчи пастуховъ прерывались вставочной сценой, гдѣ предъ зрителями являлся великій плутъ и овцекрадъ Макъ, который, притворяясь бѣднымъ и удрученнымъ семьею, просить позволенія у пастуховъ провести съ ними ночь. Изъ предосторожности, они владутъ его промежъ себя, надѣясь такъ устеречь свое стадо отъ его нападеній; но ловкій воръ успѣваетъ украсть лучшаго барана, снести его къ женѣ, которая не менѣе удачно хоронитъ концы въ воду. Макъ снова возвращается спать къ пастухамъ. Когда они спохватились барана и стали искать его у Мака, жена Мака притворилась стонушею за перегородкой послѣ родовъ, а баранъ положенъ былъ въ колыбель и изображалъ собою новорожденнаго. Походенія пастуховъ съ Макомъ внезапно обрываются пѣснью ангеловъ, возвѣщающихъ рожденіе Спасителя, и затѣмъ мистерія идетъ далѣе своей обычной чередой. Отъ такого хотя уже поверхностнаго подчиненія главной пьесѣ интерлюдія переходить къ полной независимости, расширяетъ предѣлы своихъ источниковъ и проникается серьезными цѣлями. Тому-же дѣлу, которому служили интерлюдіи въ серединѣ пьесы, служили часто и небольшія сцены столь-же отрывочнаго характера, которыя исполнялись по окончаніи пьесы, въ видахъ возстановленія веселаго настроенія въ зрителяхъ. Какъ интерлюдіи, такъ и заключительныя комическія сцены перешли въ фарсъ (въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), который, будучи всегда почти чуждъ поучительныхъ цѣлей, представляетъ рядъ веселыхъ сценъ, либо схваченныхъ прямо съ природы, либо придуманныхъ досужей фантазіей автора; порожденный духомъ народнаго юмора, онъ открываетъ обширное поприще для введенія на сцену современной публики любимыхъ ея сатирическихъ типовъ, тѣхъ личностей и характеровъ, надъ которыми любить смѣяться народъ.

Реформаціонное движеніе, постепенно охватившее Европу, глубоко отразилось на судьбѣ старѣвшаго духовнаго театра. Не-

зависимая народная сатира, порицаніе общественныхъ и государственныхъ неурядицъ получило сильную поддержку въ смѣломъ духѣ отрицанія, овладѣвшемъ обширнымъ міромъ господствующей церкви. Въ борьбѣ народной комедіи со старой драматургіей явился новый факторъ, быстро склонившій успѣхъ на сторону свѣтскаго, жизненнаго искусства. Наплывъ реформаціонныхъ началъ образуетъ кризисъ въ существованіи мистеріи, изъ котораго она выходитъ далеко не торжествующею, далеко не обыкновенною. Постепенно крѣпнувшее и раздающееся въ ширь реформаціонное движеніе не оставило безъ вниманія и драматическую область, столь много послужившую нѣкогда упроченію католицизма въ Европѣ; оно вступило и тутъ въ борьбу со старымъ началомъ. Послѣдователи Лютера и Кальвина смѣло прибѣгали къ пособію драматическаго начала для своей полемической и пропагандистской дѣятельности. А протестъ реформаціи не могъ не вызвать возраженія со стороны старой церкви и на побочномъ поприщѣ духовной драмы. Въ отвѣтъ на полемическія протестантскія драмы возникъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній, проникнутыхъ ультра-католическимъ духомъ и отражающихъ нападенія противника. Борьба была открыта на всей линіи, повсемѣстно выступали новые бойцы за неприкосновенность католическаго догмата и духовныхъ привилегій. Въ католическихъ академіяхъ и коллегіяхъ вошло въ обычай, въ видахъ утвержденія учащейся молодежи въ истинной вѣрѣ, слагать драмы, возвеличивающія ее и разяція еретиковъ и отступниковъ всѣми возможными карами. Онѣ приучали также исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображеній находчивости, развѣвали въ молодыхъ людяхъ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды или даже простаго служителя алтаря. Въ этотъ періодъ существованія мистеріи она получаетъ названіе школьной или учебной драмы. Духовной драмѣ отводится подобающее ей мѣсто въ общей программѣ учебнаго курса. Она причислена къ вѣдомству преподавателя поэзіи, которому вмѣняется въ обязанность отъ времени до времени сочинять духовныя пьесы въ подобающемъ стилѣ и давать ихъ разучивать своимъ ученикамъ. Форма, избираемая для школьной драмы, постепенно отдалялась отъ своего прототипа и, подъ вліяніемъ усиливавшагося гуманистическаго движенія и возрожденія вкуса въ классическихъ образцахъ, стала подражаніемъ

формамъ и стилю древней трагедіи; нравоучительныя-же пьесы, *magalités*, выходившія за предѣлы этого стиля, въ душевной школьной обстановкѣ утратили тѣ неотъемлемыя достоинства простоты, искренности религіознаго чувства и наивности аллегорій, которыя дѣлали этотъ родъ драмы однимъ изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Олицетворенія отвлеченныхъ понятій отзываются схоластическимъ мудрствованіемъ, или вѣютъ туманнымъ мистицизмомъ. Іезуиты были одними изъ первыхъ руководителей школъ, которые воспользовались возможностью употребить духовную драму, какъ подспорье пропагандѣ и поддержку основательнаго лингвистическаго и проповѣдническаго образованія. Опытные въ искусствѣ эффектно дѣйствовать на человѣческую природу, они окружали свои представленія всѣмъ блескомъ и пышностью свѣтскихъ торжествъ, прибѣгая къ содѣйствію музыки и сценическихъ эффектовъ. При такомъ умѣньи искусно привлекать и молодой персоналъ исполнителей и постороннюю публику, присутствіе которой часто бывало необходимо для скрытыхъ плановъ братства, неудивительно, что іезуитскія пьесы сумѣли сохраниться едва не до нашихъ временъ и встрѣчать сочувствіе знати и общества въ минувшее столѣтіе, несмотря на видимое торжество въ массѣ европейской публики идей энциклопедистовъ. Въ іезуитскихъ пьесахъ замѣчается смѣшеніе понятій, стилей, событій, смѣсь христіанскаго настроенія съ мифологическими картинками, подлаживающаяся подъ вкусы современнаго общества и литературы. Помимо сюжетовъ изъ священнои исторіи, драматурги-іезуиты заимствовали ихъ изъ исторіи свѣтской, поскольку избираемыя событія могли служить во славу истинной вѣры.

Старая форма драмы очевидно отживала свой вѣкъ, неудовлетворяя новымъ требованіямъ общества, искавшаго исхода изъ тяжкаго застоя драматургіи. Возрожденіе занятій классическими литературами, начало свѣтлой поры гуманистическаго движенія рано указало этотъ искомый исходъ въ подражаніи древнимъ образцамъ. Еще въ концѣ XV вѣка появляются переводы греческихъ и латинскихъ трагедій и комедій. Классическія пьесы скоро вошли, какъ важнѣйшее и неизбѣжное пособіе при преподаваніи, во всѣ школы, безъ различія ихъ вѣроисповѣднаго характера и направленія, стремясь къ неограниченному господству, давая тонъ и направленіе мѣстной литературной дѣятельности и производя подражанія. Лож-

ный классицизм по-немногу водворялся въ обновлявшихся при помощи его литературахъ. Но и противъ него началась въ Англіи, а отсюда распространилась по всей Европѣ спасительная революція въ драмѣ во имя романтизма, народности, свободы творчества, въ лицѣ Марло, Шекспира и др. и послужила исходнымъ пунктомъ для образованія новаго европейскаго театра.

Таково была, въ общихъ чертахъ, служба стариннаго театра у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и между прочимъ у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ. Но изъ нихъ наиболее интересенъ для насъ старинный театръ въ Польшѣ, имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на южно-русскую драму.

II.

Старинный театръ въ Польшѣ тоже слагался изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: народныхъ обрядовъ и игръ и духовной мистеріи. Какъ и на западѣ, польское духовенство рѣшилось противопоставить полуязыческимъ зрѣлищамъ инны, освященные всѣмъ обаяніемъ церковнаго величія. Въ пору прежнихъ зимнихъ календъ оно учредило храмовую церемонію вертепа; встрѣчу весны оно почти допустило въ новой христіанской обстановкѣ. Введенный почти повсемѣстно у славянъ - католиковъ рождественскій обрядъ нигдѣ не получилъ столь широкаго развитія, какъ въ Польшѣ, которая впоследствии въ измѣненномъ видѣ передала его на Русь. Съ кануна Рождества и до новаго года ставились въ церквахъ небольшія ясли, въ которыхъ лежала статуетка, изображавшая Спасителя; возлѣ находились изображенія вола и быка, нерѣдко даже поставленныя за особыя загородки или стойла; навонецъ, размѣщались изображенія Богородицы, пастуховъ и трехъ царей. Въ церквахъ Литвы до позднѣйшаго времени сохранился этотъ обрядъ, конечно въ измѣненномъ видѣ: въ крещенскій сочельникъ въ церквахъ вѣшаютъ на лентахъ люльки съ восковымъ младенцемъ, около которыхъ стоятъ восковыя-же изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ царей. Подходящіе къ люлкѣ сначала качаютъ ее три раза и потомъ молятся. Сценическое изображеніе Рождества и связанныхъ съ нимъ событій дополнялось и разъяснялось или духовными пѣснями, раздававшимися изъ-за алтаря, либо сказываніемъ молодыми церковнослужителями, скрытыми тамъ-же, отдѣльныхъ тирадъ

изъ евангелія, съ строгимъ распредѣленіемъ ролей и рѣчей. Изъ этихъ діалоговъ, сопряженныхъ съ декоративной сценой, образовался тотъ любимый въ Польшѣ и ставшій въ ней народнымъ діалогъ, который слыветъ въ ней подъ названіемъ *zorka* или *jaselka*. Повинуясь неизбѣжному влеченію къ большому простору, свободѣ и сближенію съ народной жизнью, первые исполнители мистерій, внося въ нихъ отъ себя посторонніе элементы, постепенно освобождали ее отъ исключительно духовнаго направленія. Путь этого вторженія свѣтскаго начала былъ обычный: дьяволы, войны, Иуда вмѣсто нѣмыхъ служебныхъ личностей становятся увеселителями народа; они заговариваютъ все смѣлѣе, не стѣсняются богобоязненными приличіями, и изъ ихъ разговоровъ начинаютъ образовываться вставочныя сцены и интерлюдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныя интерлюдіи входили и вовсе не относившіяся къ пьесѣ лица, взятая изъ чисто народныхъ сценъ, издавна любимыхъ народомъ, получившихъ начало, вѣроятно, въ средѣ скоморошества и впоследствии достигнувшихъ высокаго значенія и развитія. Мало по-малу на духовной сценѣ являются въ комическомъ видѣ лица изъ духовнаго-же міра; зритель потѣшается надъ забавной личностью приходскаго дьячка, уставщика пѣвчихъ (кантора); въ войнахъ римскихъ видитъ своихъ жолнеровъ, и такимъ образомъ населяетъ сцену наиболѣе забавными или почему-либо интересными для него типами. Но тутъ драму постигаетъ суровый запретъ властей: она признана унижающею святость религіи, выходитъ за ограду, здѣсь снова распадается на составные свои элементы—мистерію и комедію, и дѣлается достояніемъ разныхъ слоевъ народа, какъ-то: духовныхъ школъ и монастырей, народа и шляхетскаго и вообще средняго сословія. Мистерія собственно нашла себѣ надежный пріютъ лишь въ школахъ и немногихъ монастыряхъ. Она скоро лишилась тутъ своего первоначальнаго искренно-набожнаго и безхитростнаго характера и стала орудіемъ либо педагогическихъ цѣлей, либо пропаганды, особенно съ тѣхъ поръ, когда ея всецѣло овладѣли іезуиты. Сельскій народъ прилѣпился къ наивнымъ представленіямъ вертепа, спустившимся къ нему изъ церковнаго обихода, и старался вложить въ нихъ свои мысли, знаемые типы, и сближить съ своей жизнью. Рождественскій обрядъ отразился въ народѣ съ одной стороны въ образованіи цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ,

а съ другой—въ развитіи чисто народныхъ представленій Рождества Христова. Въ шляхетскомъ кругу и въ томъ *tiers-état*, который неизбѣжно образовывается въ каждомъ развивающемся обществѣ изъ представителей различныхъ сферъ населенія, начинаютъ обособляться свѣтскіе діалоги, получившіе начало отъ интерлюдій и проникающіеся сатирическимъ направленіемъ. Такова была разрозненность вліяній народа на его театр,—и неудивительно, что при кастовомъ дробленіи различныхъ родовъ драматическаго искусства, общее движеніе впередъ было слабо и далеко не возвышалось надъ посредственнымъ уровнемъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти кастовые роды драматическаго искусства польскаго имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ всѣ они отразились на исторіи южно-русскаго театра, а потому мы и остановимся на нихъ нѣсколько.

Мистерія, выгнанная изъ церкви, пріютилась сначала въ браковской академіи и происшедшихъ отъ нея коллегіяхъ, а также въ низшихъ школахъ, и приняла видъ духовной драмы, подчинявшейся по формѣ классическимъ образцамъ. Но въ низшихъ школахъ она еще удерживала свою близость къ народной средѣ и нерѣдко допускала перевѣсъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Иезуиты, проникшіе чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ учрежденія ихъ ордена въ Польшу и быстро овладѣвшіе народнымъ образованіемъ, ввели въ свои коллегіи великолѣпные спектакли, гдѣ латинскія стихотворныя пьесы перемежались съ польскими, сюжеты духовные съ связаніями классической мифологіи, и гдѣ житія святыхъ, отечественная исторія, политическія теоріи, любовныя похождения языческихъ боговъ или легенды свѣтскаго содержанія представляли неисчерпаемый источникъ вдохновенія для иезуитскихъ драматурговъ. Прелесть, новизна и многосторонность иезуитскихъ спектаклей отвлекали молодежь отъ старыхъ школъ и браковской академіи, хотя представители чистой науки не умолкали въ своихъ протестахъ противъ укореющагося во вредъ ей шарлатанства. Вслѣдствіе этого, нѣсколько противоположнѣйшихъ вліяній не могло не отразиться на воспринятомъ литературномъ родѣ. Съ одной стороны традиціи старой мистеріи находили еще поборниковъ между духовными педагогами, съ другой—надъ ней тяготѣла обязательность латинскаго текста, полезнаго въ школѣ. Наконецъ, пышныя представленія, устраиваемыя иезуитами и нѣкоторыми монашескими орде-

нами, пытались превратить духовный театр въ что-то среднее между придворнымъ пантомимнымъ балетомъ и новомодной тогда въ Германіи *staats-action*. Очевидно, что перевѣсъ псевдоклассицизма и іезуитскихъ парадовъ имѣлъ всего болѣе вѣроятій на успѣхъ. Образцы старой польской мистеріи почти утратились, тогда какъ напротивъ множество пьесъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, относятся къ числу школьныхъ или ученыхъ драмъ.

Совершенно въ другую сторону тянулъ народъ. Послѣ изгнанія духовныхъ пьесъ изъ церквей, интерлюдіи получаютъ обширное развитіе и приводятъ къ созданію комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Любимый народомъ вертепъ, всего ближе подошедшій къ массѣ, скоро создаетъ свой обширный комическій репертуаръ, поддерживаемый импровизаціями. Кругъ осмѣиваемыхъ личностей становится все шире и отъ церковной сферы переходитъ къ военному быту, шляхтѣ и, хотя рѣдко, къ знати. Насмѣшка обращается наконецъ въ политическую сатиру и выводитъ на сцену олицетвореніе коренныхъ недуговъ польскаго государства. Первые проявленія комическаго начала сохранились въ свѣтской части *szorki*. Судя по сохранившимся доселѣ маріонетнымъ пьесамъ, и въ старое время онѣ представляли рядъ отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой пьесъ, въ которыхъ передъ глазами зрителя проходили различные типы изъ окружающей жизни, съ соблюденіемъ характерныхъ особенностей ихъ провизношенія, манеръ, своеобразныхъ взглядовъ; выводился краковянинъ, карпатскій горецъ, нѣмецъ, еврей. Всѣ эти типы вереницей проходятъ передъ зрителемъ, образуя какъ-бы оригинальную панораму „племень, нарѣчій, состояній“. Рѣчи, которыми сопровождается дѣйствіе, полны выходокъ и отличаются стремленіемъ собрать въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ наиболѣе рѣзко выдающіяся свойства каждаго характера. Иногда эти комическія импровизаціи сплетаются съ народными пѣснями, и колядные пѣсни замѣняютъ собою оживленный діалогъ. Сцены изъ міра сказочнаго, богатырскаго, излагающія въ драматической формѣ любимыя темы народной поэзіи, нерѣдко смѣняютъ чисто комическія, житейскія сцены. Такъ, общераспространенный мотивъ пренія жизни со смертію подаетъ поводъ къ цѣлой небольшой пьесѣ вертепа, въ которой являются дѣйствующими лицами богатый крестьянинъ, ксендзъ и скелетъ смерти. Въ интерлюдіяхъ, вкравшихся

въ большія пьесы, и въ отдѣльныхъ комическихъ сценахъ, частью прямо возникшихъ на народной почвѣ, частью обособившихся изъ мистерій и *moralités*, встрѣчаемъ тѣже коренные типы народной сатиры. Ожидая только опытной руки для переработки ихъ въ болѣе стройные организмы народныхъ комедій и фарсовъ, они представляютъ для нихъ готовый матеріалъ. Отъ времени до времени появляются такія частныя передѣлки, а сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ свѣтскіе діалоги или *Rozmowy* представляютъ собой образцы небольшихъ комедій. Таковы, напримѣръ, *Rozmowy polskie*, написанныя въ 1553 году Витомъ Корчевскимъ, при всей своей наивной формѣ, живо и мѣтко схваченныя съ дѣйствительности. Въ одной изъ нихъ выводится пономарь, который жалуется на побои въ корчмѣ отъ крестьянъ, у которыхъ онъ насильно хотѣлъ получить слѣдующую ему десятину, и ксендзь, который скорбитъ объ уназдкѣ правственности и уменьшеніи своихъ доходовъ. Споръ причта съ паствой, рѣшительно отказывающей ему въ повиновеніи и платежѣ сбора, переносится на судъ пана, который презрительно отзывается объ обычаяхъ ксендзовъ жить на чужой счетъ и, не трудясь, принимать только привозимые къ нимъ снопы, добытые не ихъ трудами. Ксендзу противопоставлена старая баба колдунья, которая, открывеннѣе его сознаваясь въ разныхъ своихъ продѣлкахъ, выражаетъ ненависть къ человѣку, столь корыстному и продажному. Отъ подобной сцены, сложившейся уже до нѣкоторой степени въ формы фарса, недалеко переходъ къ комедіи собственно. Она тоже рѣдко грѣшитъ противъ естественности и вѣрности изображенія правотъ. Такова, между прочимъ, комедія Петра Барыки *Z chlora król*, служившая утѣхой двора Владислава IV, въ которой польскій крестьянинъ, опохмѣлившись, видитъ себя королемъ и осыпается любезностями и изъявленіями преданности со стороны гулящихъ жолнеровъ, доставившихъ себѣ забаву отъ скуки. Опущенія внезапно ставшаго знатнымъ хлопа, который, разлакомившись, спѣшитъ доставить себѣ всѣ привычныя незатѣйливыя удовольствія, все это представляетъ благодарную канву для построенія комедіи. Комедія 1655 года *Uciechu* и проч. вся основана на осмѣяніи помѣщиковъ и порицаніи ихъ жестокой власти надъ крѣпостными. Монологъ пана, дышащій звѣрскимъ негодованіемъ противъ ослушнаго слуги и жаждой мщенія, возбуждаетъ

невольное содроганіе; это настоящій дифирамбъ тѣмъ владѣльцамъ, которые умѣютъ всегда на славу избить хлоповъ канчуками, взявъ хорошенько за шею. Слѣдствіе таковаго обращенія тутъ-же на лицо: воспользовавшись похмѣльемъ пана, слуга издѣвается надъ нимъ, призываетъ на него всякое зло и стремится спастись бѣгствомъ въ козакамъ въ Запорожье—воевать съ турками. Если барщина подвергается тутъ позору, то въ комедіи *Рыбалтовской* выступаютъ на сцену и правы конфедераций, наносившихъ своимъ разгульнымъ и буйнымъ характеромъ немалый вредъ сельскому беззащитному населенію. Дѣйствующія лица въ названпой комедіи сильно встаютъ противъ разбойническихъ приемовъ конфедератовъ и противъ безграничнаго ихъ сластолюбія, а образецъ порицаемыхъ нравовъ данъ, кромѣ того, въ лицѣ конфедерата, выжимающаго у крестьянина послѣдній грошъ.

Середины между означенными двумя крайними полюсами, т. е. духовной драмой и народной комедіей, представляютъ драматическія произведенія въ духѣ подражанія классическимъ образцамъ, какъ напримѣръ у Рея и Кохановскаго. Но и этотъ родъ драмы не имѣлъ въ Польшѣ особеннаго развитія, вслѣдствіе наплыва чужеземныхъ элементовъ, которые доканали старинную мистерію и народный фарсъ и проложили путь новому театру, вышедшему изъ чужихъ началъ и осужденному въ свою очередь, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ волненій, раздиравшихъ страну въ продолженіе долгаго періода, на робкое и безпомощное состояніе.

III.

Въ сравненіи съ польскимъ и особенно съ западно-европейскимъ театромъ старинный русскій театръ представляется довольно блѣднымъ. Но и въ немъ все-таки замѣчаются нѣкоторыя аналогическія черты съ болѣе крупными явленіями въ исторіи западно-европейскаго театра, какъ-то: наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностію, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ, и проч.

Богатые задатки развитія драматическаго начала таились въ пространномъ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ

съ древнѣйшими вѣрованіями народа, какъ-то: въ хороводныхъ пѣсняхъ и пляскахъ, обрядъ чествованія временъ года, въ свадебномъ чинѣ и т. п. Всѣ эти обряды представляютъ рядъ драматическихъ сценъ, болѣе или менѣе оживленныхъ и нерѣдко сопровождавшихся переряживаніемъ и маскированіемъ. Участниками всѣхъ народныхъ важнѣйшихъ обрядовъ, или вѣрнѣе—вдохновителями и организаторами ихъ были скomorохи. Сатирическій элементъ, насмѣшка надъ дѣйствительностію, привычка къ цѣлому ряду предпочтительно забавныхъ типовъ, которыхъ народъ любитъ выбирать предметомъ своихъ остротъ и смѣха, это начало, высказываясь сперва въ скomorошьяхъ и иныхъ веселыхъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ сказкахъ съ сатирическимъ отгѣнкомъ, народныхъ легендахъ, какъ-бы ждало только удобнаго случая, чтобъ выразиться въ доступныхъ народу формахъ драматическаго произведенія.

Христіанство, появившись въ Россіи, преслѣдовало скomorошья игры и двоевѣрные народные обычаи и обряды, какъ бѣсовскіе; но и само оно не могло вполне отрѣшиться отъ элементовъ народной драматургіи и отчасти приняло ихъ подъ свое покровительство. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду вѣковые народные обряды въ честь возрождающагося солнца, совпадавшіе съ рожденіемъ святокъ и Пасхой. Эти обряды прежде всего и подчинились вліянію церковному и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ мистерій, приуроченныхъ если не всегда къ богослуженію, то непременно къ отправленію христіанскихъ праздниковъ. Г. Веселовскій говоритъ, что будто-бы „извѣстенъ лишь одинъ чисто мѣстный и несомнѣнно позднѣйшій случай, гдѣ скomorохи являются посетителями чего-то въ родѣ духовнаго театра. Это такъ называемые въ Бѣлоруссіи *волочebники*, по замѣчанію очевидцевъ, нѣчто въ родѣ древнихъ гусларей или баяновъ (?), воспѣвавшихъ въ пѣсняхъ или рассказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или иной праздникъ и т. д. Волочebники ходятъ по селамъ въ теченіе всѣхъ святокъ и святой недѣли ¹⁾. Но *волочebники*, вмѣстѣ съ колядниками, упоминаются еще въ грамотѣ Сигизмунда I, данной жителямъ Ново-

¹⁾ Старинный театръ въ Европѣ, стр. 307.

грудка въ 1511 году, въ которой говорится, что „коляды и волочебнаго (мѣщане) не мають на замокъ нашъ даваты подлѣ давнаго обычая“¹⁾. Слѣдовательно, колядники и волочебники, какъ представители религіозной драмы, приуроченной къ праздникамъ Рождества и Пасхи, относятся къ глубокой древности. Къ рождественскимъ-же праздникамъ, именно ко второму дню праздника, приурочивалось празднованіе полога Богородицы, отчасти удержавшееся и доселѣ. До послѣдняго времени женщины на Волыни, на второй день Рождества Христова, приносили въ церковь хлѣбы, пироги и т. п., что на мѣстномъ нарѣчій называлось „ходить на родины до Богородицы“. Весь этотъ приносъ, по отправленіи надъ нимъ молитвословія, обращался въ доходъ причту. Этотъ обычай ходить на второй день Рождества Христова „на родины до Богородицы“ въ словѣ христіянина приурочивается къ древнему поклоненію роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители,—говорится здѣсь, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, короваи молятъ... Не тако-же простотою зѣбъ служимъ, но смѣшасмъ съ идольскою трапезою тропарь св. Богородица съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу“. Патриархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей 1586 г. говоритъ объ этомъ обычѣ слѣдующее: „на второй день (назавтріе) праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ этотъ день семидаліонъ, муку печеную (а по другимъ актамъ—пироги), что есть великое нечестіе“, и проч.²⁾. Тѣмъ не менѣе въ униатской церкви этотъ праздникъ существовалъ во все время существованія уніи и имѣлъ особыя службы, какъ-то: службы посѣщенію пресв. Богородицы, пресвятѣй Богородицѣ рожанцовой, и проч.³⁾.

Если прибавить къ этому нѣкоторые сценическіе обряды сѣверно-русской церкви, какъ-то: пещное дѣйствіе, шествіе на ослати, дѣйство страшнаго суда и сохраненную доселѣ церемонію омовенія ногъ, то этимъ и исчерпывается почти весь кругъ зачатковъ религіозныхъ мистерій въ русской церкви. Въ православной церкви,

¹⁾ О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ «Трудахъ кiev. дух. академіи», октябрь, 1871 г., стр. 19—20.

²⁾ Тамъ-же, сентябрь, 1871 г., стр. 574.

³⁾ Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ; А. О. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 79.

гдѣ не предстояло нужды въ разъясненіи того, что такъ ясно говорилъ уму древній, но родственннй народу языкъ, стремленіе популяризовать богослуженіе не пошло далѣе пяти—шести обрядовъ, носящихъ въ общихъ чертахъ драматическій характеръ. Этого было слишкомъ недостаточно для зарожденія драмы въ самой церкви, и, еслибъ позднѣе заимствованіе школьной мистеріи не повлекло за собою краткаго періода духовнаго русскаго театра, то самое существованіе его было-бы невымыслимо.

Западно-европейскій театръ прокладывалъ себѣ путь въ Россію съ двухъ сторонъ, изъ различныхъ побужденій и источниковъ. Съ одной стороны южная Русь, по примѣру Польши, вводитъ у себя духовныя драмы, воспитываетъ на нихъ цѣлыя поколѣнія будущихъ русскихъ пастырей; съ другой стороны, постепенно усиливающееся тяготѣніе къ европейской жизни, завязывающіяся день ото дня все тѣснѣе связи съ европейскими государствами приводятъ бродячую труппу нѣмецкихъ актеровъ въ варварскую Московію. Ихъ репертуаръ, въ которомъ къ пьесамъ духовнаго содержанія присоединялись свѣтскія комедіи, отражавшія нравы и характеры чуждыхъ народовъ, и пьесы Мольера перемежались съ довольно неуклюжими произведеніями псевдомыхъ писателей Германіи и Франціи, репертуаръ этотъ внесъ особое оживленіе въ зарождавшійся театръ, ограниченный до этой минуты лишь тѣснымъ кругомъ благочестивыхъ сюжетовъ.

Оставляя въ сторонѣ сѣверно-русскій старинный театръ, какъ не имѣющій отношенія къ нашей цѣли, обратимся собственно къ южно-русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ драмамъ подражательнаго характера.

Относительно южно-русскаго духовнаго театра мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто этотъ театръ сразу явился здѣсь въ видѣ школьныхъ духовныхъ драмъ, хотя и не оспариваемъ, что школьная духовная драма была здѣсь преобладающею формою. Первые опыты подражательнаго духовнаго театра южно-русскаго были, по нашему мнѣнію, чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію. Мы разумѣемъ здѣсь церковныя пассіи, доселѣ совершаемыя въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Россіи. Идея ихъ появилась еще въ Греціи и выразилась здѣсь въ такъ называемомъ Ин-

Никодимовомъ евангеліи и передѣлкахъ его. Никодимово-же евангеліе въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ, извѣстно было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ Европы, и должно было породить одинаковыя по духу религіозно-обрядовыя явленія, хотя и въ разныхъ формахъ. Выработавшаяся отсюда на западѣ Европы форма пассій могла въ свою очередь имѣть вліяніе на учрежденіе южно-русскихъ пассій, содержаніе и составъ которыхъ, однакоже, заимствованы изъ православныхъ источниковъ. На основаніи одной темной замѣтки на рукописи кіево-михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, полагаютъ, что южно-русскія пассіи введены, въ настоящемъ ихъ видѣ, при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1630 году изданы были во Львовѣ „Верше съ трагедіи Христосъ пасхонъ ²⁾“, изъ трагедіи *Χριστός πασχων*, приписываемой св. Григорію Назіанзену и впервые изданной въ 1549 году Габріелемъ Гарчіа въ латинскомъ переводѣ. Дѣйствія въ этой мистеріи немного: все оно вращается вокругъ немногихъ лицъ—Богоматери, Маріи Магдалины, евангелиста Іоанна, Іосифа, Никодима и хора, играющаго здѣсь, какъ и въ древней трагедіи грековъ, важную роль. Рѣчи ведены предпочтительно діалогомъ, но многія сцены превращаютъ всю пьесу въ мелодраму, состоя изъ длинныхъ тирадъ одного и того-же лица. О событіяхъ впѣ сцены извѣщаютъ вѣстники, не ограничивающіеся при томъ ролью простыхъ гонцовъ, но относящіеся съ своей точки зрѣнія къ сообщаемымъ событіямъ. Слова Спасителя приводятся рѣдко и по возможности ближе къ евангельскому тексту. Хоръ, находящій всегда слово сочувствія и ободренія Богоматери въ ея горѣ, составляющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы, нерѣдко дѣлится на два полухора и исполняетъ, по видимому, свои партіи антифонически ³⁾.

Къ этимъ мистеріальнымъ и переводнымъ пассіямъ привиты были и первоначальныя школьныя драмы кіевскія, тоже имѣющія своимъ предметомъ страданія Христовы. Таковы пьесы: „Дѣйствіе

¹⁾ Нѣсколько словъ о происхожденіи пассій, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1876 г., № 8; см. «Кіев. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. № 7.

²⁾ «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Удольскаго, 1871 г., № 336.

³⁾ Старинный театръ въ Епронѣ, А. Веселовскаго, стр. 11—12.

на страсти Христовы списанное“, половины XVII вѣка, предположительно приписываемое Лазарю Барановичу, и „Мудрость превѣчная, чрезъ благородныхъ Россіи младенцовъ въ училищномъ коллегіумѣ кіево-могилеапскомъ стихотворнымъ сложеніемъ явствова(вшая)ся“. Печальный конецъ обѣихъ пьесъ даетъ понять, что онѣ писались для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовали великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя ¹⁾).

Вслѣдъ за пассіональными драмами получили развитіе въ южно-русскихъ школахъ рождественскія пьесы, имѣвшія свою цѣлю сценическое представленіе рожденія Спасителя. Мы не говоримъ здѣсь о вертепныхъ представленіяхъ, составляющихъ для насъ пока искомую величину, и имѣемъ въ виду лишь параллельныя съ ними рождественскія драмы. По старшинству къ нимъ прежде всего должна быть отнесена комедія св. Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово. Князь Шаховской говоритъ, что драмы Димитрія Ростовскаго „сперва представлялись студентами кіево-печерской лавры (кіевской академіи)“ ²⁾), слѣдовательно написаны имъ еще во время пребыванія его на югѣ Россіи, приблизительно въ третьей четверти XVII вѣка. Комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество есть какъ-бы оригинальное смѣшеніе трехъ мистеріальныхъ стилей: вступленіе есть чистая moralité; большая часть пьесы не отступаетъ отъ рутиннаго обычнаго пошиба мистеріи; наконецъ, сцена между пастухами есть характерный образчикъ интерлюдіи. Въ общемъ, эта пьеса довольно блѣдна, безцвѣтна. Вступленіе наполнено нескончаемыми разговорами Людской Натуры, Золотаго Вѣка, Зависти, Смерти и т. д. Разговоры эти почти безцѣльны, не могутъ служить настоящимъ прологомъ и словно случайно примкнули къ пьесѣ. Сама пьеса представляетъ обзоръ событій, обставившихъ Рождество, отъ поклоненія пастуховъ до бѣгства въ Египеть. Но, при своей блѣдности въ общемъ, комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово замѣчательна, какъ переходная ступень отъ подражательности къ выработкѣ самобытныхъ мотивовъ. Натура

¹⁾ О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за ноябрь, 1866 г., стр. 359—367.

²⁾ Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго, стр. 354—5.

людская, выводимая въ этой комедіи, встрѣчается раньше въ трагикомическихъ діалогахъ *Bellerophon Sarmaticus*, представленныхъ въ краковской академіи въ 1637 году, а кантъ въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго, начинающійся словами „Ангель пастыремъ вѣстиль“, и проч., есть почти буквальный переводъ польской набожной пѣсни¹⁾. Несмотря однако на эти несомнѣнные слѣды подражанія, въ пьесѣ есть замѣтные проблески оригинальности: пасторальная сцена въ ней дышетъ бытовою правдою и естественностію. По замѣчанію г. Пекарскаго, въ выводимыхъ здѣсь пастухахъ легко узнать земляковъ св. Димитрія, безпечныхъ и наивныхъ малороссовъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, стережетъ стадо, тогда какъ двое товарищей его ушли въ Виелесемъ за припасами. Когда они приходятъ и начинаютъ ужинъ, вдругъ раздалось чудное пѣніе. Мало по малу они замѣчаютъ, что поютъ какія-то странныя существа на небѣ. Начинаютъ спорить о томъ, кто они: одинъ говоритъ, что это птички, другой—что „робятки невелички“. Когда является съ своею вѣстью ангель, они не мало дивятся, что такой воевода для нихъ собственно пришелъ. Ангель отвѣчаетъ, что „Пастырь сый вѣмъ пастыремъ, васъ пастырей чаеть“, они-же простодушно допытываются, не нужно-ли ему чѣмъ поклониться, дары принести, подобно какъ нашему князю, и т. д.

Какъ скоро упрочены были въ кievской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы, за ними стали появляться и другіе ея виды, постепенно отстающіе отъ духовнаго, клерикальнаго направленія и мало по малу воспринимающіе въ себя элементъ свѣтскій, какъ-то: міракли, драматизированныя священно-историческія хроники, историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ примѣсью духовнаго начала, и проч. Всѣ эти виды южно-русской школьной драмы отражали на себѣ слѣды тѣхъ направленій, какія испытывала на западѣ духовная драма подъ вліяніемъ возрожденія классицизма, борьбы католичества съ протестантизмомъ и іезуитскихъ школъ. Такъ на примѣръ, въ духѣ міраклей написанъ діалогъ объ

¹⁾ См. *Kancjonal pieśni nabożnych*, Poczajow 1820 г.; см. Богогласникъ почаяскаго изданія 1825 г., № 15, гдѣ она передѣлана изъ латинской пѣсни.

Алексіѣ челоуѣкѣ Божиємъ, напечатанный въ 1674 году; трагедо-комедія Лаврентія Горен „Патріархъ Іосифъ“, 1708 года, можетъ быть названа драматизированной священно-исторической хроникой; трагедокомедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“, написанная имъ подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, равно какъ и слѣдующія за ней пьесы „Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившая“, 1728 г., и трагедокомедія Георгія Щербачкаго „Патріархъ Фотій“, 1749 года, могутъ быть названы историческими драмами или хрониками. Трагедокомедія Лащевскаго „О тщетѣ міра сего“, 1742 г., и М. Козачинскаго „Благоутробіе Марка Аврелія“, 1744 года, напоминаютъ собою позднѣйшія іезуитскія пьесы, то обличая лютеранъ и кальвинистовъ, какъ напримѣръ пьеса Лащевскаго, то смѣшивая языческую мѣлологію съ христіанскими именами и оставляя исполненіе пьесы эффектнымъ „сальтами“, какъ у М. Козачинскаго ¹⁾).

Всѣ эти пьесы уже значительно уклоняются отъ прежняго мистеріальнаго содержанія и характера духовной драмы и стоятъ какъ-бы на перепутьи отъ этой послѣдней къ свѣтскому театру. Однѣ изъ нихъ излагаютъ чисто гражданскую исторію отечественную, какъ напримѣръ драма „Милость Божія“, 1728 года; другія, напримѣръ трагедокомедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“, 1705 года, не смотря на серьезный тонъ свой, мѣстами допускаютъ такіа живыя, комическія частности, которыя скорѣе могутъ идти къ какой либо комической интерлюдіи, чѣмъ къ серьезной драмѣ. Таковы у него—описаніе жрецомъ Жериволомъ тощаго козла, принесеннаго въ жертву языческимъ богамъ княземъ Владиміромъ, и описаніе самого Жеривола, о которомъ другой жрецъ Пѣяръ разсказываетъ своему товарищу Курояду слѣдующее:

Видѣхъ, когда напѣтанный
 Многими онъ жертвами лежаше во хладѣ,
 А чрево его бѣше превеликой кладѣ
 Подобное. Обаче въ сытости толикой
 Знаменіе бысть глада и алчбы великой:

¹⁾ Подробнѣе о всѣхъ этихъ пьесахъ см. въ брошюрѣ: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г.

Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣры,
 Движа уста и гортань, и достойно вѣры
 Слово твое, Пеаре! время не имѣетъ,
 И во снѣ жретъ Жериволь.

Самыя пассіональныя драмы въ XVIII вѣкѣ прекращаются, и вмѣсто ихъ появляются теперь пасхальныя пьесы, болѣе веселыя и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Всего-же замѣтнѣе обнаруживается прогрессъ развитія южно-русской драматической дѣятельности въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ“ и „интерлюдіяхъ“ или „междуброшенныхъ забавныхъ игралицахъ“, которыя, не будучи органически связаны съ самыми школьными пьесами, болѣе или менѣе серьезными, не стѣснялись ихъ серьезностію, смѣло допускали комическій народный элементъ и наконецъ пытались образовать изъ себя самостоятельную область народной комедіи.

Школьная теорія „интерлюдій“ несомнѣнно явилась въ Кіевѣ уже въ концѣ XVII вѣка. Въ Лирѣ, рукописной кіевской пѣтицкѣ 1696 года, о комедіи говорится слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ-то—господарь (paterfamilias)“, и проч. ¹⁾. Лаврентій Горка въ своей пѣтицкѣ 1707—8 г. говоритъ о комедіи слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ напримѣръ господарь, дѣдъ, слуга и проч.“ ²⁾. Митрофанъ Довгалева еще болѣе расширилъ кругъ комическихъ лицъ: „въ комедіи,—говоритъ онъ въ своемъ садѣ пѣтическомъ 1736—7 г.,—выводятся лица легкія, какъ-то: господарь, литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, татаринъ, турокъ, грекъ, итальянецъ“ ³⁾. По правиламъ пѣтицкѣ 1726 года и Георгія Конисскаго 1746—7 г. „комедія пишется словами шуточными, низкими, обыденными“, иначе—„слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“ ⁴⁾. Эти правила о комедіи прилагались собственно къ составленію „интермедій“ и „интерлюдій“.

¹⁾ Рук. кіево-як. монастыря, № 1719, chord. 1, ton. 2, cant. 3.

²⁾ Idea artis poëseos, рук. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7, pars 1, lib. 2. cap. 9.

³⁾ Hortus poëticus, рук. кіево-як. монастыря, № 1713.

⁴⁾ Рук. кіев. дух. акад., № I. III. 92, часть III, п № I. III 82, кн. II, гл. 2.

Первое упоминаніе объ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ мы нашли въ пьесѣ Лаврентія Горки, 1708 г., подъ заглавіемъ „Патріархъ Іосифъ“, въ которой послѣ втораго и четвертаго „дѣйствій“ предполагались „интермедіи“¹⁾. Интермедіи эти не дошли до насъ, но за то сохранились почти одновременныя имъ „интерлюдіи или междуброшенныя забавныя играллица“ неизвѣстнаго автора, хотя и касающіяся сѣверно-русской жизни, но составленныя какимъ либо южно-русскимъ ученымъ и дающія понятіе объ этого рода южно-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ „интерлюдіяхъ или междуброшенныхъ забавныхъ играллицахъ“ являются живьемъ взятые съ натуры: цыганъ барышникъ, малограмотный дьячекъ, трепещущій при мысли отдать сыновей въ *серимарію* на муку, раскольникъ съ жидомъ, препирающіеся о томъ, чья вѣра старше и правильнѣе, и докторъ—шарлатанъ, говорящій по-латыни предъ цыганомъ, различные секретари и подьячіе, молодцы изъ веселой голи кабацкой, мужикъ и т. п.; словомъ, видимъ здѣсь нѣсколько чертъ, мѣтко схваченныхъ изъ современной жизни²⁾. Но собственно изъ кievскихъ и вообще южно-русскихъ школьныхъ интерлюдій мы имѣемъ болѣе позднія, относящіяся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь интерлюдіи къ рождественской и пасхальной пьесамъ Митрофана Довгалева, 1736—7 г., и интерлюдіи къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1747 года³⁾, представляющія большую аналогію съ подобными польскими произведеніями, напримѣръ Розмовами Вита Корчевскаго, 1553 г., комедіей Петра Барыки *Z chlora król*, комедіей *Uciechu* 1655 г., комедіей Рыбалтовской и проч.

Едва-ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что кievскія интерлюдіи сохранились только при пасхальныхъ драмахъ, замѣнившихъ собою пассіональныя, и при рождественскихъ, т. е. при такихъ, которыя менѣе всего были случайными, получили уже

¹⁾ Рукоп. кiev. дух. акад., № 0. 4, 7.

²⁾ См. о нихъ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Пекарскаго, т. I, стр. 447—8.

³⁾ Отрывки первыхъ см. въ «Трудахъ кiev. дух. академіи», за февраль 1865 и ноябрь 1866 г.; интерлюдіи-же къ пьесѣ Конисскаго изданы въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 года.

нѣкоторую устойчивость и нашли почву для себя въ народныхъ русскихъ обрядахъ, соединенныхъ съ этими важнѣйшими праздниками русской церкви. Имѣя слабую, чисто внѣшнюю связь съ духовными драмами, къ которымъ относятся эти интерлюдіи, онѣ мало по малу стараются завоевать себѣ независимость отъ духовныхъ пьесъ и сдѣлаться самостоятельными.

Интерлюдіи къ школьнымъ духовнымъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго имѣютъ нѣкоторую связь съ ними и слѣдуютъ за духовными пьесами, какъ комическое за высовкимъ. Возьмемъ для примѣра не изданную еще вполне пасхальную драму Митрофана Довгалевскаго „Властотворный образъ“, 1737 года, съ относящимися къ ней интерлюдіями, и между ними и явленіями драмы мы увидимъ нѣкоторое соотношеніе и параллель по содержанію. Такъ, въ первомъ явленіи „Властотворнаго образа“ Совѣтъ Божій и Правосудіе Господне препираются между собою относительно сотворенія человѣка; ихъ примиряетъ Милость Божія. Соотвѣтственно этому, и въ первой интерлюдіи выходятъ два мужика-рыболова и спорятъ между собою о мѣстѣ, гдѣ бы поставить сѣти; ихъ примиряетъ третій мужикъ. Во второмъ явленіи „Властотворнаго образа“ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай, заключаетъ съ нимъ союзъ и заповѣдуетъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, угрожая за нарушеніе этой заповѣди различными бѣдствіями; человѣкъ обѣщаетъ исполнять заповѣдь, но Прелесть склоняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода. Въ параллель этому, во второй интерлюдіи чортъ несетъ жида и заключаетъ съ нимъ договоръ, съ обязательствомъ не ѣсть хлѣба; жидъ соглашается, но, по уходѣ дьявола, разрѣшаетъ себѣ на хлѣбъ и обѣщаетъ не ѣсть одной только свинины; однакожь при одномъ воспоминаніи о свининѣ у него текутъ слюнки, а тутъ еще является цыганъ и еще болѣе соблазняетъ жида свининою. Въ третьемъ явленіи „Властотворнаго образа“ человѣкъ сѣтуетъ на себя за то, что не уберегся отъ прелести и преступилъ заповѣдь Господню, а Правосудіе Господне, за нарушеніе заповѣди, лишаетъ человѣка дорогихъ одеждъ и украшеній. А въ третьей интерлюдіи мужикъ бранитъ сына за то, что онъ не устерегъ оставленныхъ ему на сохраненіе на возу пироговъ, и лишаетъ его за это шапки, которую прежде обѣщала купить ему. Въ пятомъ явленіи „Властотворнаго

образа“ Милость Божія освобождаетъ „стѣнящихъ и вопіющихъ праведныхъ во адѣ“, повелѣвъ діаволу и смерти вывести ихъ изъ темницы адской. А въ пятой интерлюдіи козакъ освобождаетъ за- проданныхъ ляхомъ жида мужиковъ, забитыхъ въ вандалы и жа- лобно просившихъ о пощадѣ. Еще больше замѣчается соотвѣтствія между актами трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и соотвѣтствующими имъ интерлюдіями ¹⁾).

Такая связь интерлюдій съ духовными драмами, довольно внѣшняя и непрочная, не мѣшала первымъ совершенно оставлять иногда почву церковности и авторамъ ихъ углубляться въ область собственныхъ вымысловъ и народныхъ преданій, вѣрованій и легендъ. Авторы этихъ интерлюдій знакомы были съ народнымъ бытомъ, нерѣдко сами выходили изъ среды народа и, стараясь пародировать его воззрѣнія, иногда помимо воли и намѣренія высказывали со- чувствіе къ нему и довольно вѣрно изображали его умственное состояніе и социальное положеніе. Доказательство тому—въ тѣхъ-же интерлюдіяхъ Митрофана Довгалева и Георгія Конисскаго, которыя стоятъ въ близкой связи съ южно-русскими народными преданіями и рассказами. Вотъ примѣры тому. Въ третьей пасхальной интерлюдіи Митрофана Довгалева мужики-литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣтса“.

Литвинъ. Брешешь ти! тамъ все святцѣ, то въ піеклѣ (зла)дзіе.

Ксендзъ. Якъ-же се тамъ нашему папижу поводи?

Литвинъ. Памѣнай ужо якъ звалъ: пропавъ іонъ да и годцѣ.

Ксендзъ. Свенты-же бы былъ въ пеклѣ, щекашъ (лжешь) ты, старушку!

Прши нимъ еще была ласка Христуова.

Литвинъ. Правда, правда! угадавъ ти:

Сагнувшись саматужки прець до піекла дрова,

А хваршнѣи аругъ скачуць и играюць,

Гѣтакими дубцями вотъ таць поганяюць!

¹⁾ Соотвѣтствіе это указано въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 г., стр. 249.

Подобное рассказывается въ южнорусской народной сказкѣ о несчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ рассказываетъ пану, что „повойный панъ старый, того пана батько, дрова возить у пекло“). Въ третьей паскальной интерлюдіи того-же Довгалевскаго „виздѣть мужикъ на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сына, пойдеть торговати“. Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „ыриги“ и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были ыригамъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ-же приемъ отводитъ хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой-же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ „чоловѣкъ зъ масломъ и москалі“. Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собой: зайдѣ ты сзади,—говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходить москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Сдово за-слово, и москаль такъ разговаривался съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты. Только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься-ли ты, потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашель, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ промажу своего масла²⁾.

Интерлюдіи Георгія Конисскаго по внутреннему достоинству своему стоятъ ниже интерлюдій Митрофана Довгалевскаго; но и онѣ приближаются иногда къ народнымъ понятіямъ, вѣрованіямъ, историческимъ преданіямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, и удачно схватываютъ и вѣрно передаютъ ихъ. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужикъ говоритъ о себѣ:

¹⁾ Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.

²⁾ Тамъ-же, вып. 2, стр. 167—168.

Мы за ёго (Бога) ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю.

Слова эти находятъ оправданіе себѣ и въ современныхъ обычаяхъ южно-русскаго крестьянина, который, начиная сѣять, приговариваетъ: „роди, Боже, на всякого долю, и бѣднаго, и богатаго“. Въ той-же интерлюдіи мужикъ въ ужасъ пришелъ отъ того, что дѣти его поймали на нивѣ бабу, которая будто-бы дѣлала тамъ закрутки. Закрутка есть извѣстнаго рода завивка нѣсколькихъ стеблей на пашнѣ, дѣлаемая лихимъ человѣкомъ и особенно вѣдьмою для уничтоженія посѣяннаго хлѣба. И въ настоящее время закрутка наводитъ неописанный страхъ на суевѣрнаго мужика, который для вырванія ея въ прежнее время призывалъ или знахаря, или священника.

Наконецъ, и у Довгалвскаго, и у Конисскаго выводимые въ интерлюдіяхъ жида, ляхи, москали, цыгане, литвины и проч. изображаются съ такими-же характерами, съ какими они представляются въ народныхъ южнорусскихъ сатирическихъ сказкахъ.

Какъ-бы чувствуя контрастъ съ духовными школьными драмами, въ которыя вставлялись первоначально интерлюдіи, эти послѣднія иногда помѣщались не между актами духовныхъ драмъ, а въ концѣ ихъ, какъ нѣчто самостоятельное, и, можетъ быть, разыгрывались даже отдѣльно отъ духовныхъ драмъ. А отсюда уже не далеко переходъ и къ самостоятельной комедіи, выработавшейся изъ интерлюдій. Образчикъ такой комедіи мы видимъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ комедіи уніатовъ съ православными, священника Саввы Стрѣлцаго, писанной, впрочемъ, на польскомъ языкѣ ¹⁾. Дальнѣйшее-же развитіе мѣстной южно-русской литературы пошло въ общую струю теченія русской литературы.

IV.

Важнѣйшую составную часть стариннаго южно-русскаго театра представляетъ изъ себя такъ называемый вертепъ, или театръ марионетокъ, изображавшій въ цѣломъ рядъ драматическихъ сценъ обстоятельства Рождества Спасителя.

¹⁾ Издана въ русскомъ переводѣ въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1869 годъ.

Рождественскому вертепному представлению предшествовали въ южной Россіи колядные обряды и пѣсни частію полуязыческаго, частію христіанскаго содержанія и характера, и до сихъ поръ удерживающіяся въ средѣ народной. На почвѣ этихъ обрядовъ и пѣсень и въ зависимости отъ церковнаго богослуженія развилось, съ теченіемъ времени, драматическое дѣйствіе, имѣющее цѣлю наглядно представить важнѣйшія обстоятельства Рождества Христова, дѣйствіе простое, несложное, отрывочное. На западѣ Европы такимъ дѣйствіемъ была коротенькая мистерія о поклоненіи волхвовъ родившемуся Спасителю, XI в. ¹⁾). Аналогическое явленіе мы находимъ и на югѣ Россіи, гдѣ и теперь еще, мѣстами, въ рождественскіе праздники исполняются молодыми людьми отрывочныя, незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова и особенно поклоненія волхвовъ Спасителю. Таковы, напримѣръ, сценическія представленія въ селеніи Исаковой, оргѣвскаго уѣзда, кишиневской губерніи, исполняемыя взрослыми съ третьяго дня праздника Рождества и по 5-е января. Группами въ шесть и болѣе душъ, замаскированныя въ костюмы воиновъ, съ жезлами въ рукахъ и касками изъ разноцвѣтной бумаги на головахъ, молодые парни представляютъ въ зажиточныхъ домахъ хозяевъ сцену встрѣчи съ Иродомъ трехъ царей-волхвовъ, шедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю ²⁾).

Когда вертепъ явился въ юго-западной Россіи, съ точностію неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ существовалъ уже здѣсь въ концѣ XVI вѣка. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о составѣ видѣннаго имъ вертепа. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о составѣ и содержаніи старинной вертепной драмы южно-русской доселѣ служилъ списокъ ея, записанный Н. А. Маркевичемъ въ 1848 году отъ своихъ крестьянъ; но этотъ списокъ носить уже на себѣ явные слѣды школьнаго происхожденія пьесы. Въ настоящемъ году сталъ извѣстенъ другой списокъ вертепной драмы по изложенію, которое сдѣлано сосѣдомъ

¹⁾ См. «Историческій очеркъ средневѣковой драмы», П. Полеваго. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 73—77.

²⁾ «Кишинев. Епарх. Вѣдомости» за 1881 г., № 1-й.

Н. А. Маркевича по имѣнію, нынѣ членомъ государственнаго общества, Г. П. Галаганомъ. Повидимому, этотъ списокъ происходитъ изъ одного источника съ первымъ, но имѣеть нѣкоторыя, иногда весьма важныя отличія. О происхожденіи своего списка Г. П. Галаганъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „по рассказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ; потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста“¹⁾. Къ сожалѣнію, полный текстъ этого списка не приводится въ интересномъ сообщеніи Г. П. Галагана, между тѣмъ было-бы весьма важно опредѣлить разночтеніе этого и другихъ, могущихъ быть открытыми списковъ, такъ какъ исторію вертепной южно-русской драмы въ настоящее время только и можно изучать путемъ сличенія различныхъ ея списковъ и сопоставленія ихъ текста съ соответствующими памятниками. Мы лично, впрочемъ, имѣли возможность сличить извѣстные доселѣ два списка вертепной драмы, т. е. Н. А. Маркевича и Гр. П. Галагана, съ цѣлію извлечь данныя для внутренней исторіи южно-русскаго вертепа, и представляемъ здѣсь результаты своихъ изысканій.

Извѣстно, что дошедшая до насъ вертепная драма раздѣляется на двѣ части: духовную, вращающуюся около обстоятельствъ рожденія Спасителя, и свѣтскую, которая мало имѣеть отношенія къ этому всемірному событію. Оба извѣстные списки вертепа *въ общихъ чертахъ* сходны между собою въ обѣихъ частяхъ; разность усматривается главнымъ образомъ въ текстѣ второй части и тогда

¹⁾ «Кіевская Старина», октябрь, 1882 г., стр. 9.

какъ первая, духовная часть въ обоихъ спискахъ повторяется почти буквально, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и отличіями, въ текстѣ второй встрѣчаются значительныя частныя отличія въ обоихъ спискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Н. А. Маркевича, высказаннаго имъ въ своей книгѣ ¹⁾, будто „первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, въ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію“, какъ потому, что существованіе въ это время кіево-богоявленской школы и академіи болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ и потому, что стихи даже первой части вертепа не носятъ на себѣ слѣдовъ литературнаго языка того времени. Скорѣе первая часть вертепа можетъ идти въ сравненіе съ комедіей на Рождество Христово св. Димитрія Ростовскаго, второй половины XVII вѣка, и особенно съ „Комическимъ дѣйствіемъ“ на Рождество Христово, Митрофана Довгалевскаго, 1736 года. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи“ Довгалевскаго Декретъ Божій призываетъ Смерть, а Смерть—Діавола.

Смерть (къ Ироду): Не годѣ будетъ сего, яко пощѣцу ты,
 Но горѣ будетъ ти, яко во адъ возму ты;
 Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою,
 И возьмемъ ты отсюду на жилье съ собою.
 Приди, друже искренній, первѣйшій владыко,
 И увидь снѣдь готову, намъ сладку толику!
 Долгое бо время сего ожидали,
 Дабы въ рудѣ Ирода убійцу пріяли.

Дьяволъ. *О юстя вождельница, о друга прелюбезна!*
Давно ты ожидаетъ глубочайша бездна, и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде насытый, почто се болтаешь
 И мене убити воямъ повелѣваспъ?

¹⁾ Обычая, повѣрья, кухня и напитки малороссіянтъ, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 28.

Изъ пропасти ада будешь ты знати,
 Неповинны чада якъ убивати!
 Выйди, брате, друже, мени пособити,
 Кровопийцю Ирода отъ земли стробити!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?

Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говорить:

Друже мій вірний, друже прелюбезный!

Довго ждаєш я тебе въ глибочайшей бездни.

Почти буквальное сходство послѣднихъ словъ вертепнаго дѣйствія съ соотвѣтствующими словами „Комическаго дѣйствія“ Довгалева показываетъ, что или вертепъ заимствовалъ кое-что у Довгалева, или-же, наоборотъ, Довгалева воспользовался нѣкоторыми частностями вертепной драмы. Во всякомъ случаѣ то нужно считать несомнѣннымъ, что около 1736 года текстъ вертепа въ первой своей части заключалъ уже тѣ самыя мѣста, какія находятся и въ теперешнихъ его спискахъ.

Во второй части вертепа существующіе два списка его представляютъ, какъ мы выше сказали, нѣкоторыя значительныя разности. Особенный интересъ представляетъ въ списокѣ Г. П. Галагана явленіе 12-е, въ которомъ выводится на сцену запорожець съ его козацкими пѣснями и думами, проливающими нѣкоторый свѣтъ и на исторію самаго вертепа. Правда, этотъ запорожець выводится и у Маркевича и поетъ ту же самую пѣсню, но отъ думы въ списокѣ Маркевича остались только безсвязные отрывки, тогда какъ въ списокѣ Г. П. Галагана она сохранилась въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ по этому списку пѣсня и дума запорожца цѣликомъ приведены въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, то, не повторяя ихъ здѣсь, мы замѣтимъ только, что обѣ онѣ отзываются глубокою древностію. Въ частности пѣсня запорожца: „Та не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ та на Украини“ въ томъ-же почти видѣ приводится въ сочиненіи Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“ и отнесена къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, но безъ указанія, откуда она взята¹⁾. Текстъ ея воспроизведе-

¹⁾ «Богданъ Хмельницкій», Н. И. Костомарова, 1870 г., т. III, стр. 352—353.

день также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году¹⁾. Что касается думы, то она носитъ на себѣ слѣды еще болѣе древняго происхожденія своего. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнно въ ней въ особенности то сохранившееся въ Галагановскомъ спискѣ мѣсто, въ которомъ приводятся слѣдующія слова запорожца:

Да якъ и лукъ натягну, брязну тетивою,

То мусить съ поля втѣвать ханъ крымскій зъ ордою.

Оно ясно говоритъ, что дума относится къ тому переходному времени, когда лузъ и тетива только-что стали замѣняться у запорожцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ ко времени болѣе раннему эпохи войнъ Хмельницкаго. Другое доказательство древности этой думы то, что отрывки изъ нея нерѣдко воспроизводились на безымянныхъ изображеніяхъ запорожца, приурочиваемыхъ иногда къ разбойнику XVIII вѣка Мамаю и дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка во множествѣ экземпляровъ. По Галагановскому списку вертепа, дума запорожца начинается слѣдующими словами:

Хоть дивись на мене, та ба не вгадаешъ,

Видкиль родомъ и якъ зовуть, личичиркѣ не знаешъ.

Коли трапилось кому у степахъ бувати,

До той може призвище мое вгадати.

А въ мене имя не одно; а есть ихъ до ката,—

Такъ зовуть, якъ набѣжишь на якого свата:

Жидъ зъ бѣды за рідного батька почитае,

Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.

А ты якъ хочъ назови,—на все позволяю,

Абы лишъ крамаремъ не назавъ, за те—то полаю.

По словамъ А. М. Лазаревскаго, въ его собраніи древностей есть изображеніе запорожца, принадлежавшее нѣкогда полковнику Полуботку, вазненному Петромъ I въ 1722 году, и подъ этимъ изображеніемъ подписаны приведенныя начальныя слова думы запорожца. Тѣ-же слова съ незначительными измѣненіями помѣщены на акварельномъ снимкѣ съ другаго подобнаго изображенія XVIII в., сдѣланномъ г. Де-ла-Флизомъ съ оригинала въ 1850-хъ годахъ.

1) См. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I. Кіевъ, 1876 г., стр. 613.

Хоть на мене дивися, та не угадаешъ,
 Якъ зовуть и видквиль родомъ, и якъ прозываютъ,—нечичиркъ не знаешъ.

Коли трапилось кому у степахъ бувати,
 То той можетъ мое прозвище угадати.
 Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
 А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
 А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...
 Абы лишъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизь называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣспалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства ¹⁾. Дѣйствительно, мы читали въ одной перечневой лѣтописи XVIII столѣтія о казни разбойника Мамаю, помнится въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но очевидно, что живописный типъ запорожца существовалъ раньше Мамаю и только примѣненъ былъ въ данномъ случаѣ къ этому разбойнику. Наконецъ, въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ находится еще подобное изображеніе безымяннаго запорожца, половины XVIII вѣка. Внизу и по сторонамъ этого изображенія выписаны четыре отрывка изъ вертепной думы запорожца, именно изъ начала, середины и конца этой думы. Вотъ эти отрывки:

1. Хоть дивись, то одначе не вѣгадаешъ,—
 Вѣдки я родомъ, правда нѣчичир(к)ъ не знаешъ.
 Называй мене гайдамакою, розбойникомъ, паницею...
2. Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
 Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
 А тепера и вошъ одъ мене силнѣйша здаеця.
3. Козагъ душа справедливая, сорочки не мас.
 Коли не пье, то воши бье, то таки не гуляе.
 Того ляхи, не менше попи и чинцѣ, набѣралися жаху.

¹⁾ Этнографическій альбомъ Де-ла-Флизь находится въ церковно археологическомъ музеѣ при кіевской дух. академіи.

4. Гей, бандура моя золотая!

Коли бѣ до тебе молодица молодая!

Скакала бѣ, спѣвала. До сѣго лиха

Не одинъ бы чумакъ отъчурався грошии мѣха.

Бо якъ заграю, то не одинъ и поскаче,

А подождавшѣ с того веселя то не одинъ и заплаче.

Такимъ образомъ, пѣсня и дума запорожца въ 12-мъ явленіи вертепа по происхожденію своему относятся въ глубокой старинѣ, можетъ быть къ началу XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго и обѣ пользовались извѣстностію и въ XVIII вѣкѣ. Когда онѣ вошли въ составъ вертепной драмы, неизвѣстно съ точностію; но такъ какъ и пѣсня, и дума, въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ, помѣщаются въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ вертепа, Марьевичевскомъ и Галагановскомъ, то надобно полагать, что онѣ вошли въ составъ вертепной драмы при установленіи основнаго текста второй части вертепа.

Относительно происхожденія основнаго текста второй, свѣтской части вертепа прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ея мѣста носятъ на себѣ слѣды искусственнаго, школьнаго происхожденія. Не смотря на различныя наращенія и передѣлки, каковымъ подвергся текстъ второй части вертепа въ устахъ его исполнителей, въ ней и доселѣ еще можно замѣтить слѣды силлабическаго школьнаго стихосложенія, состоявшаго изъ 13, 12, 11 и т. д. слоговъ, съ рифмою на концѣ и иногда цезурою въ срединѣ. Такъ напримѣръ, тринадцати-сложное силлабическое стихосложеніе съ цезурою замѣчается въ цыганской пѣснѣ 8-го явленія:

Де-жь, цыгане, ты живешь? Я-жь не маю хаты;

Що выкую та выдурю,—тільки мыни платы, и проч.

Двѣнадцати-сложное силлабическое стихосложеніе замѣчается въ польской пѣснѣ десятаго явленія, напримѣръ въ словахъ:

Не жалуи, дивчина, барилечка вина,

Бо собѣ достанешъ добрей матки сына, и проч.

Отличаясь веселымъ, забавнымъ содержаніемъ и характеромъ, вторая часть вертепа представляетъ прямую аналогію со школьными

интерлюдіями, каковы извѣстныя уже намъ интерлюдіи Митрофана Довгалева и Георгія Конисскаго. Въ качествѣ интерлюдій, свѣтскія сцены вертепа первоначально соотвѣтствовали своимъ содержаніемъ актамъ или явленіямъ первой духовной части вертепа, къ которой онѣ относились. Примѣры такого соотвѣтствія можно видѣть отчасти и въ настоящее время. Первая, духовная часть вертепа состояла, повидимому, изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ первомъ актѣ говорится о поклоненіи пастырей новорожденному Спасителю; во второмъ—о путешествіи волхвовъ на поклоненіе Спасителю, встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ и возвращеніи восвояси; въ третьемъ—объ избіеніи вилеемскихъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода; въ четвертомъ—о смерти Ирода. Первому акту мистеріи соотвѣтствуетъ то явленіе второй части вертепа, гдѣ жидъ, принося важнѣйшія событія изъ исторіи еврейскаго народа, высказываетъ надежду на скорое пришествіе Мессіи. Мистеріальной сценѣ поклоненія пастырей рожденному Спасителю и принесенія ему даровъ соотвѣтствуютъ тѣ явленія второй части вертепа, въ которыхъ мужикъ Климъ даритъ блудливую и никуда негодную свинью дяку за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ послѣдней сценѣ рождественской мистеріи смерть и чортъ уносятъ Ирода въ адъ. Подобнымъ образомъ и во второй части вертепа чортъ, по приказанію козака, уносить съ собой жида, и наконецъ два чорта хотятъ взять къ себѣ и самого запорожца. Съ теченіемъ времени, различныя сцены второй части вертепа стали перемѣщаться съ одного мѣста на другое, дополняться другими сценами, или сокращаться, какъ это наглядно можно видѣть изъ сличенія списковъ Маркевича и Галагана; а вслѣдствіе этого первоначальная связь вертепныхъ интерлюдій съ самой рождественской мистеріей или затемнилась, или вовсе утратилась.

Если смотрѣть на первоначальную форму свѣтской части вертепа, какъ на интерлюдіи къ рождественской духовной драмѣ; то происхожденіе этой части нужно отнести къ самому раннему времени появленія интерлюдій вообще и школьной теоріи ихъ, т. е. по времени не позже конца XVII вѣка, хотя матеріалъ для интерлюдій могъ быть заимствованъ изъ народнаго обращенія и раньше этого существовать въ иной формѣ. Существовалъ-же въ какой-то формѣ вертепъ, видѣнный Изопольскимъ, съ подписью 1591 г.

Само собою разумѣется, что первоначальный текстъ свѣтской части вертепа или вертепныхъ интерлюдій не могъ оставаться неизмѣннымъ и дойти до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Давая матеріалъ для составленія новыхъ школьныхъ интерлюдій, вертепныя интерлюдія въ свою очередь могли заимствоваться отъ нихъ и обогащаться новыми матеріалами и сценами. Этимъ взаимнымъ отношеніемъ между первоначальными вертепными интерлюдіями и позднѣйшими школьными объясняется большое сходство въ частности между вертепными интерлюдіями съ одной стороны и интерлюдіями М. Довгалевскаго и Георгія Конисскаго съ другой, весьма важное для исторіи текста второй части вертепа. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого сходства. Во второй части вертепа запожець издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту, говоря:

Що се я піймавъ? чи се птичка?

Чи перепеличка?

Чи се тая синичка,

Що вона й не дыше,

Тилько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птиця,—

Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Голодный цыганъ съ цыганкой во второй части вертепа очень живо напоминаютъ цыганскую чету въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго. При сходствѣ положенія дѣствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними.

У Конисскаго голодный цыганъ говоритъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!

Хотя саломъ смажне губы пошмаруйте!

А въ вертепѣ онъ говоритъ такъ:

Эхъ, юсти, юсти

Смаженой капусты!

Хочь бы сальцемъ зашаровати!

У Конисскаго цыганка обѣщаетъ накормить цыгана и говорить:

Навару тобѣ боршу, испеку комара
И накормлю тебе, мого милого господара...
То-то борщъ ситій, то-то страва любя!
Возми лишъ да покоштуй, ажъ злипнется губа!

Цыганъ. Се-жъ твуй борщъ похюжь на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку.

И въ вертепѣ цыганка подобнымъ образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

Цыганка. Принесу тоби борщичу

Въ польвяномъ горщичу...

Туть-то страва, туть-то любя!

Якъ покоштуешь, то стынется (звисне) губа...

Цыганъ. Твуй борщъ походивъ на раковую юшку.

Цыганка. Кидала мій миленькій (й цыбулю) и петрушку;

И для свого господара

Кидала кусокъ сала зъ комара.

Послѣ интерлюдій Георгія Конисскаго 1746 года, кievскій вертепъ едва-ли имѣлъ дальнѣйшее развитіе, такъ какъ съ этого приблизительно времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной жизни. Въ 1736 году Теофанъ Провоповичъ, указывая кievскому митрополиту Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія кievской академіи, не благопріятно отозвался о студенческихъ „миркованьяхъ“, составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ школьныхъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ двухъ отрывковъ, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ „Правила увѣщательнаго пѣяницамъ“, 1779 г., но встрѣчающагося въ другихъ спискахъ гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуй-

теся! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспримите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепы*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда-же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя⁴. „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ „Правила“,— похулити подвиги и труды ваши, горкопійцы; обтекаете бо вселенную, аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще ладопивоство, и гдѣ изобиліе шиньвовъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь“¹⁾. Такіе-то, вѣроятно, орлы—пивоорѣзы залетѣли въ 1770-хъ годахъ и въ Сокиришцы, имѣніе гг. Галагановъ, и разыгрывали здѣсь вертепное представленіе. Но очевидно, что они уже не были творцами вертепной драмы, а только ея исполнителями, промышлявшими чужимъ добромъ ради собственнаго прибытка.

Сдѣлавшись достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ, а затѣмъ церковныхъ дяковъ и полуграмотнаго народа, вертепъ мало по малу терялъ свою первоначальную школьную правильность, утрачивалъ прежнія сцены, дѣлавшіяся анахронизмомъ, или переставлялъ ихъ съ одного мѣста на другое и замѣнялъ новыми въ простонародномъ вкусѣ. Это отчасти можно видѣть изъ текста Галагановскаго списка вертепа и сличенія его со спискомъ Маркевича. Дума запорожца почти совсѣмъ выпущена въ списокъ Маркевича, вѣроятно потому, что этотъ запорожецъ, давно уже и самъ сошедшій со сцены, говоритъ здѣсь о козацкихъ столкновеніяхъ съ турками, татарами и ляхами, о ханѣ крымскомъ съ ордою, и проч. Въ заключительномъ явленіи Галагановскаго списка выходитъ на сцену нищій Савочка, единственный человѣкъ, къ которому благовольтъ запорожецъ. Но въ списокъ Маркевича это явленіе замѣнено болѣе современнымъ явленіемъ, въ которомъ солдатъ стрѣляетъ изъ пушки и привѣтствуетъ господъ—зрителей словомъ: виватъ! На основаніи архаическихъ мѣстъ, удержавшихся въ Галагановскомъ списокѣ вертепа, мы готовы признать его редакцію болѣе древнюю, чѣмъ редація Маркевичевскаго списка, хотя и въ послѣднемъ мѣстами сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ въ списокѣ Галагановскомъ.

¹⁾ Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., стр. 76—78.

За небольшими исключениями, основной текст вертепа в обоих списках, Маркевича и Галагана, довольно сходен между собою; небольшие разночтения могут служить только к восстановлению первоначального текста вертепа. Первая, духовная часть вертепа наиболее осталась верною первоначальному его тексту, тогда как во второй части его чувствуется множество искажений, распространений и вставок, свидетельствующих о том, что эта часть вертепа пришлась по вкусу исполнителям, которые наложили на нее свою руку. Школьное силлабическое стихосложение в этой части вертепа постоянно перебивается и нарушается размером украинских думь.

Известно, что в состав древнего эпического стиха, распространенного у других славянских народов, входило десять слогов с двумя ударениями. Размер этот выдержан в украинских и особенно в галицких колядках. Но думы отличаются от других украинских пьес разнообразною, вольною мерою своих стихов, слагающихся из неравного числа тонических стоп, и в неопределенном числе слогов: есть стихи многосложные, заключающие в себя около 30 слогов; есть также пятисложные, даже трехсложные. Размер думь основан на внутренней потребности мысли отделить в каждом стихе вполне отдельную часть ее: гармония звука вытекает из внутренней гармонии мысли, что и дает думам право на их название. Это именно думы, сознательные акты мысли, облеченные в поэтическую форму воспоминаний о прошедшем, которое не настолько отделилось от певца, чтобы можно было говорить о нем вполне беспристрастно, в спокойно размеренной форме традиционного эпического стиха. Певец, слагатель думы, сам был очевидцем и, может быть, участником совершившихся событий; оттого-то эпический тон думы часто переходит в лирический и драматический. Другое отличие украинских думь от эпических великорусских пьес и юнацких сербских состоит в ритме, столь привычной для пьесно-певня южно-русского. Редко встречается в думь стих без ответного и созвучного ему стиха; чаще их бывает по нескольку (до 10-ти) на одну риму¹⁾.

¹⁾ Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. II, 1877 г., стр. 459: «Что такое думы». См. «Очерк звуковой истории малорусского наречия» П. Жятецкого. Киев, 1876 г., стр. 289—290.

Вотъ это-то стихосложеніе украинскихъ думъ, врываясь мало по-малу въ вертепныя швольныя интерлюдіи, нарушало ихъ силлабическій размѣръ, приближало ихъ къ народному складу и произвело во второй части вертепа тотъ видимый беспорядокъ, который теперь замѣчается въ немъ съ перваго разу. Наглядный примѣръ тому представляютъ сцены цыгана съ цыганкой, встрѣчающіяся и въ интерлюдіяхъ Г. Конисскаго, и въ вертепѣ. вмѣсто 13 или 11 слоговъ интерлюдій, въ вертепѣ является, въ соответственныхъ мѣстахъ, отъ 5 до 14 слоговъ. Этому перебою силлабическаго стихосложенія стихосложеніемъ думъ много содѣйствовала риома, усвоенная тѣмъ и другимъ стихосложеніемъ, которая вызвала у исполнительей вертепа новые стихи съ такими-же риомами и новыя риомы даже въ срединѣ стиховъ. Это видно изъ сличенія какъ цыганскихъ вертепныхъ сценъ съ соответствующими сценами въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго, такъ и обоихъ списковъ вертепа между собою. Такъ напримѣръ, въ интерлюдіи Конисскаго мы видѣли слѣдующій стихъ:

Охъ, исти, исти хочу! панове ратуйте!

Въ другомъ мѣстѣ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара, и проч.

Но въ спискахъ вертепа каждый изъ этихъ стиховъ раздѣленъ на два меньшіе, по числу слоговъ, стиха, съ приставкою къ первому полустишію риомы и необходимаго для нея текста. Такимъ образомъ изъ перваго стиха вышли два слѣдующіе:

Эхъ, юсти, юсти (вм. исти, исти),

Смаженой капусты.

Изъ втораго-же стиха, при помощи новой риомы, образовалось слѣдующее двустипіе:

Принесу тоби борщику

Въ польвяномъ горщику.

Нараченіе нѣсколькихъ риомъ, съ соответствующимъ новымъ текстомъ, на первоначальную риому видно изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ вертепа по обоимъ его спискамъ. Такъ напримѣръ, первое явленіе второй части вертепа, по Галагановскому списку, начинается слѣдующимъ двустипіемъ:

Отъ, теперь-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода
на свѣтѣ не стало.

Теперь, моя молодичко, потанцюймо хоть мало!

Но въ спискѣ Маркевича вмѣсто этого двустипія являются уже три стиха съ одинаковою риемою, въ такомъ видѣ:

Отъ, теперь и намъ припало,

Якъ Ирода вже не стало.

Потанцюймо-жь, молодычко, мій ружевый квити, хоть мало!
Въ спискѣ Маркевича девятое явленіе начинается слѣдующими стихами, сравнительно правильными въ силлабическомъ отношеніи:

А цо тута за галаце?

Нѣхъ дзембло везме гайдамацѣ!

Идъ, хлопку, ведъ до мнѣ кохану!

Я ту краковьяку вытанцевать стану.

Но въ спискѣ Галагана къ двумъ первымъ риемамъ прибавляется третья:

А цо тута слыхъ да галаце?

Нѣхъ дзембле везьмо гайдамацѣ!

Идъ, хлопку, до женской палаце!

Послѣ этого, четвертый стихъ оказался уже неумѣстнымъ въ спискѣ Галагана и выброшенъ изъ него.

Такія и подобныя вторженія народнаго стихосложенія въ текстъ вертепа встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ и сообщаютъ ему народный колоритъ и буветь. Этотъ послѣдній усиливается, по мѣстамъ, вставками въ текстъ вертепа цѣлыхъ народныхъ пѣсень, или отрывковъ изъ народныхъ произведеній, или очевидныхъ подражаній имъ. Такова, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи второй части вертепа пѣсня: „Ой пидъ вишенькою“, и теперь распѣваемая независимо отъ вертепа.

Благодаря привнесенію народнаго элемента, южно-русскій вертепъ сдѣлался любимымъ народнымъ развлеченіемъ, получилъ широкое распространеніе и перешель даже въ Сибирь. Еще въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, говорятъ, онъ разыгрывался въ кievскихъ балаганахъ, на торговыхъ площадяхъ, и привлекалъ къ себѣ толпы зрителей изъ простаго народа. Поэтому южно-русскій вертепъ имѣетъ право на полное вниманіе со стороны лицъ, заботящихся о развитіи народнаго театра, такъ какъ этотъ вертепъ и знакомитъ насъ съ театральными вкусами простаго здѣшняго народа, и можетъ дать матеріалъ для современнаго народнаго театра.

Н. Петровъ.

БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ.

(Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой).

Въ томъ переходномъ фазисѣ своей исторической жизни, который переживаетъ теперь малорусское племя, остатки національной старины таютъ и исчезаютъ съ поразительной быстротой. Рѣшительныя и рѣзкія перемѣны послѣдняго двадцатипятилѣтія,—крестьянская реформа, общая воинская повинность, желѣзныя дороги—повліяли сильнымъ образомъ на сложившійся подъ иными условіями народный бытъ. Но нигдѣ исчезновеніе старыхъ преданій незамѣтно такъ сильно, какъ въ области историческаго народнаго самосознанія. Не поддержанное школой и научнымъ путемъ, сознаніе это, отодвинутое отъ стараго строя столѣтіемъ жизни въ иныхъ условіяхъ, теряетъ съ нимъ всякую связь. Подъ вліяніемъ этихъ-же новыхъ условій жизни одинъ изъ факторовъ такого сознанія,—народная историческая поэзія, безвозвратно умираетъ на нашихъ глазахъ.

Хранителей поэтическихъ произведеній историческаго характера,—кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ, которыхъ въ пятидесятихъ годахъ насчитывали еще десятки, въ настоящее время надо считать единицами. Еще недавно почтеннаго Остапа Вересаю считали послѣднимъ представителемъ малорусскихъ рапсодовъ. Потомъ нашлось два кобзаря въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ менѣе обширнымъ репертуаромъ. Заключение о Вересаѣ, какъ о единственномъ живомъ хранителѣ народнаго эпоса, было слишкомъ поспѣшно. Въ глухихъ уголкахъ Малороссіи есть еще нищія слѣпцы, прошедшіе свою науку въ 50—60 годахъ, когда на искусство ихъ былъ еще нѣкоторый спросъ, и поющіе по двѣ, по три историческихъ пѣсни

общаго характера. Но кобзарей стараго типа, хранящихъ въ памяти большой запасъ думъ и пѣсень, помнящихъ еще то время, когда въ этимъ пѣснямъ прислушивалась народная толпа, на всей Украинѣ, дѣйствительно, найдется теперь не болѣе двухъ-трехъ, да и тѣ одной ногой стоять въ могилѣ. Бандуристъ, именовемъ котораго озаглавлена эта замѣтка, одинъ изъ этихъ послѣднихъ мигиканъ. Живетъ онъ въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ я и записалъ отъ него печатаемые нынѣ варианты думъ.

Первые собиратели произведеній народной поэзіи не оставили намъ никакихъ замѣтокъ о личностяхъ почтенныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ, память которыхъ сохранила эту народную святыню. Произошло-ли это отъ того, что въ то время, въ первую четверть нашего вѣка, кобзари были еще явленіемъ общимъ, не обращающимъ на себя вниманія своею рѣдкостью, или отъ полнаго отсутствія въ то время уваженія къ личности въ людяхъ изъ народа, но ни князь Церетелевъ, ни гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ ни словомъ не упоминаютъ о кобзаряхъ, отъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ сборниковъ. Впервые кобзари названы въ „Южно-русскихъ пѣсняхъ“ Метлинскаго, вышедшихъ въ 1854 году. Три года спустя П. А. Кулишъ, въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“, этой книгѣ, которой нѣтъ равной въ литературѣ малорусской этнографіи, далъ нѣсколько характеристикъ знакомыхъ ему кобзарей, набросанныхъ съ обычнымъ этому писателю живымъ талантомъ. Такимъ образомъ нѣкоторая извѣстность досталась только рапсодамъ позднѣйшаго времени, дольше протянувшимъ нить народнаго историко-поэтическаго преданія и какъ-бы въ награду за то. Наибольшая доля вниманія выпала въ этомъ отношеніи Остапу Вересаю, скромное имя котораго проникло даже на чопорныя страницы „Revue des deux mondes“. Къ маленькой серіи кобзарскихъ біографій должно примкнуть и это сообщеніе о лохвицкомъ бардѣ¹⁾.

¹⁾ Къ списку кобзарей, помѣщенному въ статьѣ „Остапъ Вересай, его пѣсни и думы“ („Кіевская Старина“, 1882 г. № 8), составленному главнымъ образомъ по замѣткѣ г. Бѣлозерскаго (въ сборникѣ Метлинскаго), надо прибавить еще имена: лярника Дмитра Погорилого, изъ Звенигородки, кіевск. губ., Феодора Кононенка, изъ с. Александровки, лубенскаго уѣзда, полт. губ. и Александра Михайлюка, изъ того-же уѣзда. Думы отъ нихъ записывалъ Кулишъ. Упомянемъ, вкратцѣ, что въ изданіи Л. Жемчужникова „Живописная Украина“ (1861—62 г.) помѣщено нѣсколько портретовъ кобзарей, рисованныхъ издателемъ и Кулишемъ. Таковы портреты Андрея Шута, Архипа Кононенка, Дмитра Погорилого и Вересаю, гдѣ 25 назадъ.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, при вѣздѣ въ печальную и нынѣ, а тогда совершенно захолустную Лохвицу, стояла панская усадьба—обиталище мелкопомѣстныхъ дворянъ Крюковскихъ. Земля ихъ была при городѣ; тутъ-же, близъ исчезнувшей нынѣ усадьбы, при томъ-же „городѣ“, стояли панскія хозяйственныя постройки, а въ убогихъ хаткахъ, размѣщалось десятка два крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1820 году, на зимняго Миколу, у пана родился сынъ, а три недѣли спустя, тоже сынъ родился у одного изъ его подданныхъ—Григорія Кравченка. Когда мальчику исполнилось три года, его взяли въ комнаты, къ паничу. Пока Иванъ былъ маленькій, назначеніе его было—играться съ паничемъ, когда-же онъ немного подросъ и окрѣпъ и отъ него можно было получить болѣе серьезныя услуги, обязанности его перемѣнились и онъ превратился въ лакея-попыхача. Такъ, въ „комнатахъ“, прожилъ онъ до 15-ти лѣтъ. Въ это время у него стали болѣть глаза и болѣли три года. Наконецъ зрѣніе совсѣмъ стало измѣнять ему и онъ долженъ былъ убѣдиться, что слѣпнетъ. Паничъ не вѣрилъ этому и, по разсказу кобзаря, „все было шуткуе: скаже мені—туди иди, або туди,—а я пійду та-й впаду. Звісно—паны тоді знуцались надъ людьми!—А після того панъ старый уже бачить, що я сліпый, та й одпустивъ мене“. Ни хаты, ни поля онъ ему не далъ.

— Ты сліпый, сказалъ ему панъ, на що тобі хата? Ты у людей де нѣбудь проживешъ.

Въ то время отецъ Ивана уже умеръ, жива была одна мать. Она то и вздумала отдать сына въ ученіе къ кобзарю. Въ село Гапоновку (лохвицкаго уѣзда), незадолго передъ тѣмъ, явился кончившій свою науку слѣпецъ Кравченко (однофамилецъ нашего бандуриста). Къ нему-то и отправила мать Ивана на обычные три года, сказавъ: „иди, сыну, може ты у ёго чогось научишся“!

Кравченко былъ старше Ивана и учился въ зѣвковскомъ уѣздѣ у стараго кобзаря Хмельницкаго. Онъ умеръ года три назадъ въ с. Венславовѣ, близъ Гадяча, куда потомъ переселился. Онъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ учителемъ Ивана. Странствованія по ярмаркамъ сближали его и съ другими кобзарями, отъ которыхъ онъ, при хорошей памяти, перенималъ пѣсни и думы. Особенно памятенъ ему старый Гаврило Волкъ, жившій гдѣ-то въ зеньковскомъ уѣздѣ. Ему было лѣтъ 90. „Вінъ такий бувъ, що и

кобзу свою вже покинувъ,—не здужавъ гратъ. Такъ, словесно було розсказуе. Я ёму за кажды пісню дававъ четвертакъ. У ночі оце, було, яхъ посходимось,—вінь мені разивъ три, чи чотири проваже, то у мене память була дѣ-обра, то я й затвержу. То и вінь каже бувало,—царство Боже!“ „Эге, сыну, не те вже теперь! Не такихъ співають! Багато и я позубувавъ. А колись чувъ доброго, хороше знавъ!“...

Время шло. Спросъ на думы и пѣсни все болѣе и болѣе уменьшался въ народѣ и нашъ кобзарь повѣсилъ на гвоздь бандуру и почти исключительно занялся витьемъ веревокъ и дѣланьемъ возжей, обычнымъ ремесломъ малороссійскихъ нищихъ-слѣпцовъ.

Надо было устроить какъ нибудь жизнь. Панъ не далъ ничего, кромѣ своего имени: по странной прониі судьбы кобзарь нашъ является теперь носителемъ и продолжателемъ исчезнувшей фамилиі Крюковскихъ. Такъ назвали его съ самаго начала его скитальческой жизни; подъ этимъ именемъ знаютъ его всѣ и теперь. Въ 27 лѣтъ Иванъ женился. Бракъ этотъ далеко не былъ бесплоднымъ: число дѣтей кобзаря достигло, съ лѣтами, числа сыновей Іакова. Изъ этой огромной семьи въ живыхъ осталось только три сына. Жива и жена, еще далеко не старая женщина (она моложе своего мужа на 11 лѣтъ). Вмѣстѣ сколачивали они деньги и два раза было построились, одинъ разъ въ м. Сенчѣ, другой—въ Лохвицѣ, но два раза погорѣли. Послѣ того, лѣтъ двѣнадцать, семья жила въ чужой хатѣ. Въ это время жена и старшій сынъ, поднявшійся уже на ноги, въ теченіи трехъ лѣтъ, ходили на Донъ, на заработки. Жена приносила рублей по 45 (она жала, вязала и проч.), сынъ рублей по 80 (онъ косилъ). Такимъ образомъ они сколотились на грунтъ и на хату. То и другое куплено въ пригородѣ Лохвицы-Прилипкѣ, гдѣ и живетъ теперь Крюковский.

Быть можетъ кому нибудь будетъ страннымъ представить себѣ кобзаря въ городской обстановкѣ. Бывшіе въ Лохвицѣ поддержать меня, а не бывшіе повѣрятъ на слово тому, какъ мало городского въ этомъ „городѣ“. Что-же касается предмѣстья Прилипки, гдѣ стоитъ хата Крюковскаго, то это совершенная деревня. Соломенные крыши, плетневые заборы, сады и огороды, съ торчащими кое-гдѣ огромными ольхами и липами, клуни, окруженныя скирдами, собаки въ дворахъ и свиньи на улицахъ—все здѣсь, какъ слѣдуетъ быть

въ селѣ. Даже эта строгая деревенская тишина, подъ которой чуеться трудовой недосугъ, насущная работа, то очевидное прямое дѣло земледѣльческаго труда, которое наполняетъ все деревенское время, всю деревенскую жизнь и такъ выгодно отличаетъ ее отъ ничѣмъ не наполненнаго, пустого и унылаго прозябанья маленькихъ городковъ.

Колеса по полтавской губерніи и услышавъ о Крюковскомъ, я завернулъ въ Лохвицу и безъ труда нашелъ его хату, а въ ней и самаго хозяина, старика за 60 лѣтъ, средняго роста, сѣдого, съ волосами чубомъ, въ усахъ и съ двухнедѣльной бородой. Лицо его, съ довольно правильными чертами, грубовато, но смягчается оттънкомъ добродушія. Мы скоро познакомились и перешли къ интересовавшему меня предмету. Крюковскій охотно диктовалъ мнѣ думы, псалмы и пѣсни и не разъ сѣтовалъ на то, что многое перезабылъ изъ всего этого. „Я ихъ знавъ всіхъ пісень 70, такъ що-жь?—Рідко приходится співать. Хоть-би кожного году по разу всі проспівавъ, то й то-бъ помнивъ, а то рідко-рідко коли проспівашь. На ярмарки я тільки за-молоду ходивъ, а впісля покинувъ. То ти, що зъ лирою,—то вінъ сяде середь ярмарку та грає, та голосить, то люде его и слухають; а то співай дві чи три,—а тобі достанеться ота копійка або дві! Люде старихъ пісень и не слухають. Ще прежде старики волись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знає, що воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, та отъ коли хто зъ панівъ покличе, то граю імъ“.

Говорили о кобзаряхъ. Припоминали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобзари знаютъ другъ друга и распросы у нихъ лучшей способъ сдѣлать новыя находки въ этой области, еслибъ такія находки были еще возможны. Крюковскій зналъ Андрея Шута, вечірскаго (пирятинскаго уѣзда) Антона (помѣръ торікь!), Трихона, зъ Великихъ Бубнівъ (роменскаго уѣзда, умеръ два года назадъ), Потапа, въ с. Новой Греблѣ, лохвицкаго уѣзда, Алексѣева изъ Крячковки (пирятинскаго уѣзда), Архипа Никоненка („той далеко живъ, такъ мы рідко стрічались“). Всѣ они поумирали. Знаетъ Вересая, но видѣлся съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ.

Самъ онъ *зіньковскоі науки* и, какъ сказано, главный свой пѣсенный фондъ перенялъ отъ Кравченка, учившагося у Хмель-

нипкаго, въ Зеньковѣ. Хмельницкій умеръ раньше Вовка и съ этимъ учителемъ своего *майстра* онъ не встрѣчался никогда. У самаго Крюковского есть ученики, но историческихъ пѣсень онъ пѣть ихъ не учитъ, во первыхъ потому что на это нѣтъ теперь никакого спроса, во вторыхъ потому что это трудно: „Иному разъ двадцать прокажи—ничого не тямить!“ Также трудно и научить играть на бандурѣ. Одного ученика онъ играть научилъ. То былъ сиротка, плохого здоровья, слѣпой и горбатый и жилъ у нихъ. Теперь онъ ушелъ.

Для меня былъ вынесенъ изъ коморы „струментъ“, хотя я и не затруднялъ старика пѣніемъ всѣхъ думъ и прослушалъ съ бандурой только тѣ, которыя онъ самъ захотѣлъ пѣть. Голосъ у Ивана довольно свѣжъ. Думы поетъ онъ быстрыми речитативами съ протяжными окончаніями при переměнѣ мелодіи. Довольно гармонично звучатъ также нѣсколько исполняемыхъ имъ на одной кобзѣ, безъ пѣнія, пѣсь.

Матеріальное положеніе Крюковского плохо. Изъ большой семьи, рабочихъ рукъ, этого обычнаго источника крестьянскаго благосостоянія, въ живыхъ осталось только три сына. Младшему всего лѣтъ шесть, средній еще въ ученьи у кузнеца и только старшій, парубокъ, помогаетъ отцу въ его ремеслѣ,—выдѣлѣ издѣлій изъ конопля, которыя они возятъ продавать на ярмарки и дѣлаютъ, по заказу, на мѣстѣ.

Всѣ девять думъ, записанныя мною отъ Крюковского, извѣстны печатно. Тѣмъ не менѣ эти, послѣдніе, можетъ быть, по записи, варианты не лишены значенія. Сохранились они въ памяти кобзара довольно полно всѣ, кромѣ думы о Самойлѣ Кошкѣ, изъ которой онъ могъ, по его выраженію, припомнить „хѣба десяте слово“. Помѣщеніе и этого послѣдняго варианта объясняется тѣмъ, что настоящій ключокъ варианта есть первый, встрѣчающійся собирателямъ пѣсень послѣ того, какъ превосходная дума эта записана была въ 30-хъ годахъ Лукашевичемъ. Сравненіе остальныхъ думъ съ извѣстными прежде текстами обнаружило также отличія. Я не стану, однакожь, удлинять безъ надобности размѣры статьи сравненіемъ этихъ вариантовъ съ прежними строка за строкой, указаніемъ что въ нихъ есть и перечисленіемъ чего нѣтъ, по примѣру русскаго композитора, печатавшаго нѣкогда списокъ произведеній, которыхъ

онъ не пишетъ. При наличности девяти думъ это потребовало-бы чуть-ли не цѣлой книги. Специалисты сдѣлаютъ сравненіе сами; для нихъ нуженъ самый текстъ, который я и передаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ записалъ ихъ, начиная, по примѣру Крюковскаго, съ излюбленной думы бандуристовъ.

Олексій Поповичъ.

У святую неділеньку, рано—пораненько,
На Чорному морі, та на камені біленькому,
Сидівъ сокіл ясенський, жалібненько квилить—приквиляе,
Свою голову низенько склоняе,
А на Чорне море спільна поглядае,

Шо на Чорному морі усе не добре починае:
Береть судно козацьке—молодецьке на три часті розбивае;
Одну часть узяло у орабську землю занесло,
А другу часть узватило у Дунайске гірло заблю,

А третя часть—де ся має?—

Посередь Чорного моря на бистрій хвилі потопае...

А при той часті бувъ гетьманъ Кошовий,—
Грицько Збурівскій.

То вінъ на чердакъ изхожае,

Гірко плаче, та рыдае

Словами промовляе:

— „Ой, вы, сотники и полковники и козаки рядові!
Сповідайтесь, братця, и къ Чорному морю,
И напередъ Богу милосердному и отоману Кошовому:
Который на собі найбільше гріхивъ має!“

То всі сотники, усі полковники замовчали,
Тільки озывается Олексій Поповичъ Пирятинскій, писарь війсковий и ко-
закъ лейстровий,

То вінъ на чердакъ изхожае, словами промовляе:

— „Ой, вы сотники, вы и полковники и козаки рядові,
То добре вы собі учніте, возьміть мене, чорною китайкою очі
завяжіте,

Та білий камінь до шиї причепіте,

Та візьміть мене самого на Чорне море пустяте.

Нехай я буду на Чорному морі своєю головою дарувати,
Ажъ не товариства сердешного невпниної душі теряти!...

Я то, каже, братця, зъ города Пирятина внізжавъ,
Изъ отцемъ, изъ матірю прощенія не ймавъ,

На свого доброго коня сідавъ,
Свого отця и матірь въ груди поторкавъ,
И близькихъ сусідівъ зъ хліба и соли збавлявъ,
Свого старшого брата за брата не мавъ,
Добрымъ конемъ по улиці пробігавъ,
И чужихъ дітокъ ростурчавъ,
И кровь християнську на сыру землю проливавъ;
А мимо церковъ іхавъ, мимо святого Миколи,—

Шличка не скидавъ,

На собі хреста не покладавъ;
А лишъ-бы то я на свого доброго коня поглядавъ,
Та на свое здоровье козацьке-молодецьке уповавъ.

Коли-бъ то мені Богъ помігъ у добромъ здоровьи у сієї потребі сходити,
То могъ-бы я отцеву й материну молитву рано й пізно споминати!¹
То якъ ставъ Олексій Поповичъ свої гріхи милосердному Богу и Чорному
морю и отаману Кошовому по правді повідати,

То стало. Чорне море унімати.

То такъ воно унімало,

Якъ-бы віколи и не грало!

Ставъ изъ Дніпра тихий вітеръ повивати,
— Стало судно козацьке-молодецьке до буйної Приспи прибувати.
То одну часть взяло—зъ орабської землі вынесло,
А другу часть исхватило—изъ Дунайського горла вырвало,

Та до буйної Приспи прибило...

То всі козаки на сыру землю зхожали,

Къ сырій землі низкі поклоны ударяли;

А Олексій Поповичъ Пирятинський на сыру землю схожає,—

Береть у руки святое письмо читає,

До сотниківъ, до полковниківъ словами промовляє:

— „Ой-же козаки, паны всі молодці,

Отъ тымъ-то, каже, братця, годится отцева й материна молитва!

Хто отцеву и материну молитву споминяє,

То отцева и материна молитва и помощь спомагає,

Изо-дна моря душу выймає,

И одъ гріхівъ одъ смертельнихъ искупляє!²...

То всі сотники и полковники тее зачували,

До Лексія Поповича словомъ промовляли:

— „Одъ же, Олексію Поповичу, хотя ты берешъ въ руки святое письмо, читаешъ.

А лишъ-бы то ты бѣльше грѣхѣвъ на собѣ маєшь?!“...

Та тоді вони на сырїй землі проживали,

Молебні наймали,

Отцеву й материну молитву споминали,

Сама поміжду собою дивомъ дивували:

— „Шо на якій-то бистрій філі на Чорнімъ морі мы пробували,

На середини потопали,

Та не одного козака не втерали!

Шо насъ Господь милосердний выпісь

На край веселый,

Между миръ хрещеный!“...

—
Дай, Боже, миру царському,

Народу християнському,

На многі літа,

До конца віка!

Варіантовъ этой думы извѣстно болѣе десяти ¹⁾. Въ четырехъ изъ нихъ героемъ является Олексій Поповичъ пирятинскій, какъ и въ нашемъ спискѣ; въ остальныхъ—передъ смертью, въ виду неминуемой гибели, каются другъ другу въ грѣхахъ два утопающіе брата. Мораль всѣхъ варіантовъ—одна и таже. Это—святость сыновней любви, сыновняго долга, честной жизни и чудодѣйственная сила родительской молитвы.

Въ прекрасно сохранившемся въ памяти нашего кобзаря, варіантѣ этой думы, описываемый козацкій набѣгъ на турецкіе берега представленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ прежнихъ варіантахъ. Тутъ, подъ начальствомъ гетмана Грицька Збурівскаго (Самуила Зборовскаго), находятся полковники и сотники и вообще цѣлая козацкая флотилія, что не противорѣчитъ и историческимъ свидѣтельствамъ. Впрочемъ, какова-бы ни была достовѣрность историческихъ подробностей этой прелестной думы, по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ, она должна быть отнесена къ самымъ замѣчательнымъ образцамъ малорусской народной поэзіи. Признаніе въ своихъ грѣхахъ ради спасенія ближнихъ, беззавѣтная жажда душевнаго очищенія, открытая исповѣдь предъ Богомъ, людьми и природою въ нарушеніи святѣйшихъ завѣтовъ честной

¹⁾ См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ часть I стр. 176.

жизни честныхъ предковъ и, какъ отвѣтъ на укрощеніе этой душевной бури, наступившей миръ и успокоеніе природы—все это счастливейшіе мотивы, какіе могутъ встрѣчаться въ поэзіи. Поразительно сильна, при всей сжатости, описательная, картинная часть думы. Любопытнымъ образчикомъ поэтического единоборства являются варіаціи Шевченка на первыя строки „Олексія Поповича“¹⁾. По этому граціозному перепѣву, можно убѣдиться, сколько въ произведеніяхъ народной музы кроется живой и свѣжей силы для творческаго вдохновенія поэтовъ.

Слѣдующая дума Крюковскаго „Відчимъ“ встрѣчается въ сборникахъ князя Цертелева и Максимовича („Отъѣздъ козака изъ родины“, „Отъѣздъ козака изъ дому“) и входитъ также въ репертуаръ Вересая. Какъ въ нашемъ вариантѣ, такъ и въ другихъ, пристрава объ отчимѣ, по всей вѣроятности, есть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное кобзарями, съ цѣлью сдѣлать думу сочувственною большому числу слушателей, послѣ того какъ основной ея мотивъ,—прощанье козака съ семьей предъ отъѣздомъ въ походъ, съ перемѣной строя жизни, сталъ мотивомъ чуждымъ. Первыя девять строкъ думы какъ-бы оторваны отъ остального и между ними и послѣдующимъ не чувствуется органической связи. Тоже самое еще рельефнѣе выступаетъ въ вариантѣ Максимовича („Украинск. народн. пѣсни“ 1834 г.) который почему-то замѣчаетъ даже отъ себя, что „сія небольшая дума переложена изъ пѣсни „Гомонъ, гомонъ по дубровѣ“. На самомъ дѣлѣ у этой думы съ помянутой пѣсней общаго не много.

В і д ч и м ъ.

Шо у святую неділеньку,
 Барзо рано поравенью,
 Мати рідненька
 Слізми проливае,
 До свого сына словами промовляє:
 — „Иди ты, сыну, міжъ чужий люде,

¹⁾ Въ прозаической повѣсти „Матрось“. Отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ, въ числѣ другихъ, въ газетѣ „Трудъ“ 1881 г. декабря 12.

Чи не лучше тобі буде!
 Нехай тебе второй отецъ не лае, не проклинае,
 Щастя й долі козацької твоєї не теряє!“...

Старша сестра коня выводила,
 А середужча сестра зброю выносила,
 А найменьша сестра хустину выносила,
 Та горко плакала и рыдала

И словами промовляла:

— „Відкіля-жъ тебе, братіку, въ гості виглядати:

Чи зъ буйного вітру,

Чи зъ широкого степу,

Чи зъ славнаго війска Запорожья?“

То братъ тее зачувае,

До сестры словами промовляє:

— „Возьми ты, сестра рідненька, та жовтого піску жменю,

Та посій по білому каміню.

То якъ буде жовтий пісокъ на білому каміню схожати,

Хрещатимъ зеленимъ барвінкомъ білий камінь устилати,

То тоді будешъ мене, сестра, въ гості обжидати!“

То сестра тее зачувае,

Горко плаче та рыдае,

Дрібними слізами проливае:

„Я, каже, братіку, одъ старихъ людей сѣго не чувала,

Щобъ жовтий пісокъ на білому каміні схожавъ,

Хрещатимъ барвінкомъ зеленимъ устилавъ.

То не буде хрещатимъ барвінкомъ білий камінь устилати,

То, мабуть, не буду я тебе, братіку рідненькій, голубоньку сивенькій, більше
 въ світі видати!“...

Выслухай Господи,

У просьбахъ, у нечетнихъ молитвахъ!...

Дай Боже миру царському,

Народу християнському,

На многі літа,

До конца віка!

Это прощанье съ сестрами и въ особенности образъ тоскующей младшей сестры одинъ изъ любимыхъ образовъ не только малорусской, но и всей народной славянской поэзіи. Мотивъ этой, популярной нѣкогда, думы перешелъ цѣликомъ въ народныя пѣсни. Въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи я записалъ пѣсню почти

буквально перефразирующую „Отчима“. Привожу ее здѣсь, какъ любопытный образчикъ—одинъ изъ многихъ—переработки формъ въ народной поэзіи:

У неділю рано
 Батько сына дає,
 Горбо проклинає:
 — „Иди, сыну, прічь одь мене,
 Черезъ тебе що дня змага у мене!“...
 Шо старша сестра коня веде,
 Підстарша сестра сідло несе,
 Сама меньша—платокъ дає,
 Платокъ дає, та й питає:
 — „Ой ты, брате нашъ,
 Ты одинъ у насъ,
 Покидаєшъ насъ, ой коли-жъ ты придешъ
 У гости до насъ?“
 — „Пійди, сестро, по-надъ моремъ,
 Візьми піску жменю,
 Та посій по каміню;
 Та уставай ранесенько,
 Поливай пісокъ частесенько,
 Коли жовтий пісокъ по каміню зійде,
 Тоді вашъ братъ изъ походу прийде!“...
 Нема піску, нема сходу,
 Нема брата изъ походу!...

Дума „Соволі“ принадлежитъ къ циклу „невольничьихъ“. До сихъ поръ она записана была только отъ Вересая. Имя Ивана Бого-словця, упоминаемое въ ней, есть вѣроятно искаженіе Ивана *Богуславця*. Последнее встрѣчается въ одной исторической пѣснѣ¹⁾ и въ „Исторіи руссовъ“—Кониссаго. По свидѣтельству помянутой пѣсни, это былъ ренегатъ, принявшій „бусурманскую вѣру“ и вступившій въ бракъ съ турчанкою, женою „Кізлевського“ паши (изъ г. Козлова). Въ качествѣ ренегата, онъ могъ отличатся въ неистовствахъ надъ своими плѣнными соотчичами и дума, въ этомъ случаѣ, не дѣлаєтъ ошибки противъ психологическаго опыта. Вся она сложена въ формѣ поэтическаго иносказанія и тонъ этотъ вы-

¹⁾ См. „Историч. пѣсни малорусск. народа“ т. I, стр. 241.

держанъ вплоть до освобожденія „бездільного, безрідного ясного соколяти“ отцемъ изъ пышной цареградской неволи.

Думу эту Крюковскій перенялъ отъ кобзаря Клима Губы, учившагося въ прилуцкомъ уѣздѣ.—„Такъ собі кобзариска бувъ, вспоминалъ онъ о немъ, „вінь молодымъ и умеръ. Самъ вінъ срібрянскій бувъ (изъ м. Сребного, прилуц. уѣзда), такъ тутъ у насъ у Жабкахъ приставъ до жінки; такъ года чотири, чи що, поживъ, та й умеръ!“

Присутствіе одинаковыхъ думъ въ репертуарѣ Вересая и Крюковского и вообще кобзарей сосѣднихъ мѣстностей объясняется легко тѣмъ, что думы перенимались у учителей и товарищей большею частью ближайшихъ по мѣсту жительства и такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, когда репертуаръ кобзарей пересталъ обновляться, удерживались, по преданію, *по районамъ*.

Пропѣвши думу, Крюковскій говорилъ: „Це, бачте, такъ у плінь, у неволю брали“ и, переходя къ собственнымъ, наболѣвшимъ воспоминаніямъ, продолжалъ сравненіемъ: „Якъ, мовлявъ, були панські люде, то візьметь до себе, та мучить, мучить того бідолашнѣго чоловіка,—отъ якъ и мене... То воно такъ и зложено. Отъ про християнську землю такъ и нема, щобъ измучили підъ конецъ жизни чоловіка,—а все невіра! Тоді воно було такъ,—и теперъ те-жъ саме!“...

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что недавніе рассказы о болгарскихъ звѣрствахъ проникли и въ убогую кобзарскую хату.

С о к о л и.

Вилинули соколи зъ чужої стороны,
 И сіли—упали у лісі, на превольдобному древі орісі;
 Звили собі гніздо щерлатне,
 А знесли яйце жемчужне,
 И вывели собі дятя, бездільне—безрідне ясне соколя.
 То якъ полетівъ старый сокіль
 На чужу Україну живности доставати,
 Та живности не доставъ, а свое бездільне та безрідне ясне со-
 коля утерявъ...

Шли стрільці—Булахівці,
 Щерлатне гніздо усмотріли,
 Та оріхъ—дерево зрубали,
 Та бездільне—безрідне ясне соколя забрали.
 То старий сокілъ на свою Україну прилітає,
 Та свого дятяти, бездільного—безрідного ясного соколяти, на місті не застає.
 То вінъ то жалібненько кивлять—проквивляє,
 Сизокрилого орла у вічі забачає,
 Та словами до ёго промовляє,
 Горко плаче, дрібними слізами проливає:
 — „Чи ты, сизокрилий орле, не чувъ, чи не бачивъ,
 Де мое бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, подімося?“
 То сизокрилий орель тее зачуває,
 До ясного сокола словами промовляє:
 — „Ой, соколе ясний! Шли стрільці—Булахівці,
 Та щерлатне гніздо твое усмотріли,
 Оріхъ—дерево зрубали,
 Та твое безрідне—бездітне ясне соколя забрали,
 Та сребраные пута на ноги надівали,
 Жемчугомъ очі ёму-закривали,
 Та у Царіградъ-городъ, Ивану-Богославцю, на утіху продавали.
 То якъ-бы ты, ясний соколе старий, полетівъ на Царіградъ-городъ,
 То буде Иванъ-Богославецъ у Царіграді-городі гуляти,
 Твое дитя, ясне соколя, на рукахъ держати,
 Самъ себе буде втішати;
 То нехай воно въ Ивана-Богословця на рукахъ не такъ безпешно
 просвіщає,
 Головку низенько свою склоняє,
 Будто якъ нездорове буває.
 То вінъ будеть, Иванъ-Богославецъ, великую радість мати,
 До своїхъ слугъ словами промовляти:
 — „Отъ уже, довжно быть, що бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, здо-
 рове не буває!
 Ой вы слуги мои вірні! Вы добру безпешность собі майте,
 Сребрані пута зъ ясного соколяти зъ нігъ здіймайте,
 І жемчугъ изъ очей скидайте,
 Та на високій валь ёго выношайте;
 Чи не буде тихій вітеръ на ёго повивати,
 Чи не буде воно на своє здоровья змагати?“
 То слуги тее зачували,

Сребраное путо зъ нігъ здімали,
 И жемчугъ зъ очей скидали
 На высокій валъ ясне сокола выношали,
 Изъ рукъ ёго на сыру землю пускали.
 То ясный сокілъ велике милосердие жае,
 Та на сыру землю сідае,
 Та свое дитя, бездільне та безрідне ясне сокола, на крыла хватае,
 Та підъ високу высоту залітае,
 Жалібненько квілять—проквіляе,
 Та Царіградъ-городъ заклинае:
 — „Ой-же хотя ты, Царіградъ-городъ, дорогими вещами украшений,
 И въ тобі сребра и злата много пробувае,
 Ну чоловікові одрадошти ніякому немає!“...
 Одъ Цариграда-города ясный сокілъ одлітае,
 Та до своего дитяти словами промовляє:
 — „Чи лучше, каже, бездільне — безрідне ясне сокола, у чистому полі без-
 пешно гуляти,
 Ніжъ у Цариграді-городі у Івана-Богословця на рукахъ проживати“...
 Дай, Боже, мирові царському,
 Народу християнському,
 На многі літа,
 До конца віка!

Печатаемые далѣе три думы: „Про сестру и брата“, „Про вдову та синівъ“ и „Озовські браты“—принадлежатъ къ произведеніямъ болѣе общаго характера, почему и задержались долѣе въ памяти вобзарей, какъ довазывають многочисленныя списки ихъ, существующіе въ сборникахъ. Воспѣваюція не дѣятельность забытыхъ историческихъ лицъ и не описывающія изгладившіяся изъ памяти народа событія, своимъ обще-житейскимъ содержаніемъ, думы эти были ближе слушателямъ недавняго времени и современнымъ. И теперъ еще попадаютъ изрѣдка молодые нищѣ—слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ ту или другую изъ этихъ думъ. Для тѣхъ, кто странствуетъ еще по малорусскимъ захолустьямъ, укажемъ въ полтавской губерніи молодыхъ кобзарей Ивана и Афанасія въ м. Хомутцѣ, миргородскаго уѣзда, кобзаря въ м. Комышнѣ, того-же уѣзда и лирника въ м. Сенчѣ, близъ Лохвицы. Дума объ азовскихъ братьяхъ должна быть отнесена къ XVI вѣку и описываетъ побѣгъ изъ турецкой неволи:

но преобладаючий въ ней моральный элементъ помогъ сохранившись
 этому благородному образцу малорусскаго епоса до нашихъ дней.

Про сестру и брата.

У святу неділю, барзо рано пораненько,
 Не сива зозуля закувала,
 Не дрібна птиця въ бору зашебетала,
 Якъ сестра до брата, изъ чужої сторони,
 У далекі города листи писала,
 Та братіка рідненького, голубонька сивенького, у гости прохала та
 благала:

— „Братіку мій рідненькій, голубоньку сивенькій,
 Прошу я тебе: прибудь ты до мене,
 И созвідай мене на чужий чужині,
 При бідній, нещасній моїй злій хуртовині!
 Шо я, братіку, на чужій чужині проживаю,
 Усякий день дрібними слізами проливаю“...

То братъ тее зачуває,
 Назадъ листи одсилає,

Та до своїй сестры рідненької словами промовляє:

— „Радъ-бы я, сестро, къ тобі прибути,
 Тебе созвідати,

Такъ не могу за быстрыми водами
 И за широкими степами,

За дальніми, далекими сторонами,

За темними високими лугами!“

— „То хотя то ты, мій братіку рідненькій,
 Голубоньку сивенькій,

Черезъ быстрыі воды білимъ лебедонькомъ переплыви,

А черезъ широки степи малымъ, невеличкимъ перепелонькомъ перебіжи,

Черезъ дальніи-далекі сторони,

Черезъ темни-високи луги,

Яснимъ соколомъ перелини,

А на мое подвір'я сизокрылимъ голубомъ упади,

Та жалібненько заквиди, та мое серце звесали!“...

¹⁾ На вопросъ: „Якъ-же це — високий лугъ?“ — кобзарь отвѣчалъ: — „Стало бити то птиці — не високий, а чоловікові, якъ далекий, — то темний и високий; добитися якъ его?“

Шо вже-жъ то, каже, братіку, идеть праздникъ, Христово пресветле Воскресение,

Людымъ радость — а мені смутость...

Шо люде на праздникъ до Божого дому идуть,

Якъ бджола гудуть,

А зъ Божого дому вступаютъ,

Якъ маковинь білинь цвітомъ процвітають;

Пола изъ полою схожае,

Братъ изъ сестрою плече о плече черкае,

На хлібъ на сіль завертае,

А на мене, бездільню та безрідну, братіку, ништо не погляне,

Мовъ-би то васъ ништо и родомъ не знае!

Якъ мы въ свого отця и матери проживали,

Якъ у васъ то пили та гуляли,

Не світь и не зоря на-добрідень давали,

На хлібъ на сіль зазывали;

А якъ пришибла ляха-нешасна хуртовина,

То тоді одреклися усі кумы побратими,

И вся своя названа рідная родина.

Трудно, братіку, рабі безъ воды пробувати,

Птиці и звіру безъ ліса у чистімъ полі гуляти,

А ище трудніше, тяжче й важче бездільному та безрідному чоловікові на чужій Україні проживати!..

Про вдову та синивъ.

Ой у святую неділеньку рано — пораненьку,

То не сосна въ бору зашуміла,

Якъ бідна вдова, стара жена,

Изъ сынами въ своїй домівці гомоніла:

— „Ой, синивъ-жъ вы моі, діти молоді!

Якъ я васъ изъ-малу до зросту годувала,

Пучками и ручками хліба и солі заробляла, —

А теперъ — чого я одъ васъ дождала?“...

Стали вдовиченки підростати, —

Стали молоде собі подружжя заніматя,

Стали свою матусю рідненьку,

Вдову стареньку,

Изъ своего двора изгоняти.

То у святу неділеньку рано пораненько
 Бідна вдова, стара жена, із двора виходила,
 За дрібними слізами Божого світу не виділа...

Умьється дрібними слізами,
 А вдарится о поли білими рученьками,
 Плаче горко, бідна вдова, дрібними слізами!
 То близькі сусіди тее зачували,
 До вдови словами промовляли:
 — „Ой, удово, старенькая жово! —

Не плачь, не журися!
 Иди ты у мій двір проживати,
 Будешь ты у мене хатку промітати,
 Будешь ты мені дітокъ маленькиѣх доглядати,
 Буду я тебе за матірѣ рідненьку, вдову стареньку, поважати!“

То бідна вдова, старая жена, на чужому дворі дванадцять літ
 проживала,

То всякій день дрібними слезами проливала.
 То вона усякій день дрібними слезами проливає,
 А сынаѣмъ усіѣмъ трѣѣмъ, вдовиченкамъ, на своїѣмъ дворі прожитку не має.
 Стали люди зъ довиченкиѣв насміятись,
 Ставъ ихъ Господь милосердный невинно карати.

— „Шо то, измовить старший братъ середульшему, а середульній—
 меньшому,

Ой шо то мы, браття, не добре учинили,
 Шо мы свою матусю рідненьку, вдову стареньку, прогнівили, із
 двора зогнали!

Добре мы, братця, учінімо
 Та ходімъ удову стареньку, свою матірѣ рідненьку; у свій домъ призовімо.
 Якъ буде у насъ матірѣ рідненька, вдова старенька, проживати,
 Чи не буде насъ такъ Богъ милосердный карати?“

Та у святу неділеньку, рано пораненько,
 Не сизи орли заклектали, —

Якъ три удовиченка на чужій двірѣ перебували,
 До своєї матусі рідненької и вдови старенької низенько до нігъ упали,
 Та въ свій домъ протали її и благали:

— „Ой иди-жь ты, мати, на свій двірѣ проживати,
 Будемъ мы свої жони молоді испиняти,
 Будемъ дітокъ маленькиѣх научати,

То не будуть тебе, при старості літ, чужі діти у плечі торкати,
 Будешь ты у своїѣмъ кутатстві хліба й соли вживати!“

А вдова тое, стара жена, зачуває,
Горко плаче та ридає,
Дрібними слёзами проливає
И до своїхъ сынівъ словами промовляє:

— „Ой, сини мої діти молодії,

Що теперешнього часу котрий чоловікъ отцеву й материну молитву рано й пізно споминяє,

То отцева и материна молитва на помощь спомогає,
Чумакові—въ чумацтві и богатому—въ богатстві
То отцева и материна молитва на всякий часъ помогає!“

Дай, Боже!...

и проч.

Про озовськихъ братівъ.

То не сині тумани вставали,
Не дрібні дощі накрапали
И не чорні хмари наступали,
А якъ три брата рідненькихъ, голубоньківъ сивенькихъ,
Зъ города Озова, зъ тяжкої неволи, каторги турецької, віри бусурмевської
втікали...

Два брата кіньми утікали,

Третій братъ міжъ ними піший пішаниця, якъ би й тая чужаниця!

То вінъ біжить-підбігає,

И пожаръ подъ ноги відпадає,

И кровъ християнська сліди заливає.

То своїхъ братівъ кіннихъ доганяє,

Межи коні вбігає

И коні за стремена хватає,

До братівъ словами промовляє:

— „Братики мої старші, рідненькі, голубонькі сивенькі!

Добре въ собі учиніте,—

Мене, найменшого брата, пішого пішотинця, на коні озміте,

Хошъ мало-немного мене надвезіте,

Щобъ я знавъ, куди въ города християнські до отця до матери, до роду
своего докожати!“

То старший братъ тее зачуває,

До брата найменшого словами промовляє:

— „Братіку нашъ найменшій! У насъ коні не дияшні,

Мы сами не втечемо

И тебе не ввеземо;

Будеть изъ города Озова великая погоня, віра бусурменська, каторга ту-
рецька, за нами, кінними братами, угають,

То буде насть, кіннихъ братівъ, доганяти,

Або стріляти,

Або рубати,

Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бесурменську завертати!

То два брата кіньми утікали,

А найменшого брата, пішого піхотинця, у чистому степу, на ясному сонці,
на буйному вітрі при шляху ёго покидали.

То ище-жъ то найменшій братъ на здоровье свое козацьке-молодецьке визнає,

Свої біленькі ніжки на сире коріння, на біле каміння спотикає,

Та за кінними братами уганяє,

Ажъ пожаръ підъ ноги підпадає,

И кровъ християвська сліди ёго заливає.

То вінъ міжъ коні убігає,

Коні за стремена хватає,

Горко плаче-ридає,

Дрібними слізами прольває,

До братівъ словами промовляє:

— „Братика мої старші, якъ голубоньки сивенькі!

Добре вы собі дбайте, булатну шаблю зъ ножа виймайте,

Та мені, козацьку молодецьку, найменшому брату, голову зъ плечей
здіймайте,

Тіло мое, козацьке-молодецьке, въ чистому степу хорошенько поховайте,

Птиці звіру на поталу мене не подайте!

То середульшій братъ тее зачуває,

Горко плаче, та риде,

Словами промовляє:

— „Братуку-жъ нашъ найменшій, мплий, якъ голубоньку сивий!

Булатна наша шабля шні найменшого брата не йме,

Рука ваша не оздойметця,

Серце не осмілитця,

И душа гріха до смерти не скупитця!“

То два брата кіньми утікали,

А найменшого брата, пішого піхотинця, въ чистому степу покидали...

Якъ стали брати рідненькі, якъ голубоньки сивенькі, у терни, у зелені бай-
раки уїзжали,

Ставъ середульшій братъ велике милосердіє мати,

Ставъ тернами байраками зелене віття верхи истинати,

Та найменшому брату примету давати,

Шобъ и вінъ знавъ, куда въ городи христіянські до отця, до матері, до
свого роду дохожати.

То іхали старші брати не день, не два, не три, не чотири...

Якъ стали старші брати зъ тернівъ, зъ байраківъ виїзжати,

До річки до Кримки прибувати,

Ставъ середульший братъ до старшого словами промовляти:

— „Отъ тутъ, каже, брате старший рідненький, голубоньку сивенький, трави
зелені: очерета воздобні, а води довольні,

Станьмо мы тутъ, коні попасімо, а найменшого брата пішого піко-
тинця підождімо!“

А старший братъ зачуває,

До середульшого словами промовляє:

— „Якъ будешъ ты, середульший братъ, за найменшимъ жалкувати,

Буду я шаблю булатну изъ ножна выимати,

Та твою голову зъ плечей издіймати,

И твое тіло козацьке—молодецьке на три части рубати,

А въ города христіянські до отця до матері самъ буду доїзжати;

То я й самъ знатиму, який отцеві-матусі одвігъ отдавати.

То ты, брате середульший, не знаєшь,

Шю якъ буде найменший братъ мижъ нами пробувати,

То буде отецъ и мати-батьківщину на три части паювати,

То будемъ мы въ трѣхъ велику между собою супереку мати“.

Средульший братъ тее зачуває,

До старшого словами промовляє:

— „Мы-жъ будемъ въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду
доїзжати,

Буде насъ отецъ и мати на здоровье стрічати,

Буде обь своѣму сыну и обь нашому брату питати“.

— „Тобі-жъ то, каже, брате середульший, сѣго не знати,

Якій отцеві и матері одвігъ отдавати?—

Були мы въ городі Озові въ вірі бусурменьській, въ каторгі турецкій,

То мы ношноі доби утікали,

Свого брата найменшого одъ сна будили—не збудили,

То тамъ ёго въ каторзі турецкій, у вірі бусурменьській, у городі Озові, приостановили“.

Якъ стали старші брати рідненькі, голубонька сивеньки, Муравськими шля-
хами проїзжати,

Ставъ середульший братъ велике милосердіе мати:

Та одинъ на собі дорогою каптанъ має,

Та зъ підъ того киръ-китайку выдирає,

Та найменшому брату, пішому піхотинцю, примету даває,

Шобъ и вінъ знавъ, куди въ города христiянські до отця, до матері, до роду
своєго дохожати.

Якъ ставъ найменший братъ, піший піхотинець, зъ тернівъ, изъ байраківъ
на Муравські шляхи выхожати,

Ставъ киръ-китайку въ вічі забачати,

Ставъ горко плакати та рыдати,

Дрібними слезами проливати,

И словами промовляти:

— „Шо не дурно моїхъ старшихъ братівъ дорогні шити киръ-китайки по шля-
ху валяе,

Мабуть їхъ живитъ на світі не має!

Була зъ города Озова велика погоня,

Віра бусурменська, каторга турецька за моїми братами кіньми уганяла,

Можеть їхъ постріляла, або порубала,

Або живьомъ у каторгу турецьку, у віру бусурменську, у городъ Озовъ,
завертала,

А мене, найменшого брата, пішого піхотинця у тернагъ, та у байракахъ на
спочинкахъ минала“.

Якъ ставъ найменший братъ, піший піхотинець, Муравськими шляхами
прохожати,

Ставъ буйный вітеръ повівати,

Ставъ бідного козака, найменшого брата, пішого піхотинця, зъ білихъ нігъ
валяти.

„Оттакъ-то, каже, Господи милосердний, у чистому степу,—

Одно безлібья,

А друге безвіддя,

А третє бездоровья!“...

Якъ ставъ найменший братъ до Саворъ-могили прихожати,

Спочивати лягати,

Та до єго сизокрили орли налітали,

Въ головахъ насадали...

Та ще вінъ на свое козацьке—молодецьке здоровья измагає,

До сизокрилихъ орлівъ словами промовляє:

— „Братики мої рідненьки, сизокрили орли, гости мої премилі,

Хочъ мало вы мені надождіть,

Поки зъ Дніпра буде тихий вітеръ повивати,

Тоді моя буде душа зъ тіломъ розлучатись“.

Якъ ставъ изъ Дніпра тихий вітеръ повивати,

Стала козацька душа, пішого піхотинця, найменшого брата, зъ тіломъ
розлучатись.

То сизокрили орли до его налітали,
 Въ головахъ насадали,
 На чорни кудрі наступали,
 И зъ ліба очі вибирали,
 Кровъ христіянську випивали;

А сірохмивці-вовки его тіло, козацьке-молодецьке, на Саворь-могилі
 знаходили,

Та его жовтні кості по тервахъ по байракахъ разносили,
 Та до міста схожали, хорошенько поховали, надъ нимъ похоронъ одправляли;
 Та сиви зозулі до его налітали,
 Жалібнеенько закували,
 Якъ рідни сестриці оплакали его!..

.....
 Якъ стали старші брати рідненьки, голубоньки сивеньки, у города христіянські,
 до отця, до матері доізжати,

Ставъ отецъ и мати на здоровья стрічати,

А не такъ на здоровья, якъ обь меншому сыну, а обь іхъ брату питати.

А старший братъ зачуває,

До свого отця-матері-словами промовляє:

— „Мы були у городі Озові у вірі бусурменській, у каторзі турецькій, у тяжкій
 неволі,

Та ношної доби утікали,

Свого брата отъ сна будили—не збудили,

Та тамъ его у каторзі турецькій, въ вірі бусурменській, у тяжкій неволі
 приостановили“.

Якъ ставъ середульший братъ изъ отцемъ, изъ матірью, изъ добрыми людьми
 на підпятахъ пяти та гуляти,

Ставъ горько плакати и ридати,

Дрібні слѣзи проливати,

Та отцеві-матусі весь одвітъ откривати...

То отецъ и мати стали старшого сына зневажати,

Изъ двора свого изгоняти.

Ставъ ёго Господь милосердний невинно карати:

Шо який то вінъ собі домъ коштоввий збудувавъ,—

То вінъ громовимъ огнемъ пішовъ...

А середульший братъ ставъ изъ отцемъ изъ матірью проживати,

Ставъ ёму Господь милосердний всегда благодать изъ небесъ посылати;

А старший братъ по чужигъ хатахъ ставъ. валяться,

Чужого хліба и соли заробляти...

Отъ-же хотя трѣхъ братівъ озовськихъ найменшого брата, пішого піхотинця,
 голова на Саворі-могилі полягла,—

Такъ ёго слава, козацькая й молодецькая, не помре, не поляже,
 Помежду панами,
 Помежду козаками,
 Отъ вни и до віка
 И на многая літа!

Послѣ этой думы, гдѣ мастерской обрисовкѣ трехъ характеровъ и грандіознымъ картинамъ степной природы могъ-бы позавидовать величайшій поэтический талантъ, я заговорилъ о „Самійлѣ Кішкѣ“. Не легко было выпытать слѣдующіе далѣе обрывки этой думы. Кобзарь говорилъ, что лѣтъ двадцать какъ пѣлъ ее и совершенно забылъ. Въ этомъ, съ грустью, убѣдились мы оба, когда онъ, по моему настоянію, сталъ припоминать стихи думы.—„Воно не такъ!—Такъ що я казатиму?“ постоянно восклицалъ онъ.—„Ще вуди! Багацько, багацько немає! Білше лѣтъ двадцяти якъ співавъ! Прежде було старику якому проспівую, то вінъ те-жъ и собі старовину спомінає: отъ-такъ и такъ воно діялось!—А иноді, якъ нікому не трапилось співать, то,—була охота,—самъ собі, було, проспівую.—Такъ давня вже річ!—Ще може черезъ десяте у двадцятє слово!“

Начало думы въ особенности передано въ видѣ безформенныхъ клочковъ. Вторая часть глаже. Но если къ уясненію этого превосходнаго произведенія прибавится хотя черта, то и тогда надо благодарить Крюковского. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ни разу не случалось встрѣтить варіанта этой думы и Лукашевичъ, записавшій ее въ переяславскомъ уѣздѣ, близъ м. Березани, отъ замѣчательнаго бандуриста (имя котораго онъ даже не помянулъ): одинъ только украсилъ ею свой сборникъ¹⁾. Въ нашихъ отрывкахъ отъ списка Лукашевича разнится начало и упомянуто новое лицо—легендарный „дідъ Соленко“, турецкій плѣнникъ. По словамъ Крюковского дума эта пѣлась когда-то пирятинскими и переяславскими кобзарями. Онъ зналъ кобзаря Гордія въ Тепловкѣ, пирятинскаго уѣзда, пѣвшаго эту думу. Самъ онъ перенялъ ее отъ Вовка.

¹⁾ Малорос. и червонорусскія народн. пѣсни и думы“. Сиб. 1836 г. стр. 15—27.

Самійло Кішка.

У лузі у Базалузі бувъ курінь нетязьскій
И тамъ живъ-проживавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій...

И вінъ около себе навъ сорокъ чоловіка нетягъ...

...Да вони тамъ у лузі—Базалузі проживали
Ніякого горя не знали...

Та по Чорному морю молоде паня, турецьке баша, галярою гуляе,
Лугъ-Базалугъ завидало,
До луга до Базалуга поспішно прибувало,
Кішку Самійла, гетьмана козацького и сорокъ чоловікъ нетягъ соннигъ
заставало,

Та у плінь забірало,
И на руки и на ноги залізни пута надівало;
На закови забрало,

И на свою галяру поміщало
И до дівкі до Санджаківни прибувало..

Тамъ воно одъ неділі до неділі проживае,
И тігъ біднихъ нетягъ и Кішку Самійла по три раза въ день залізними
прутьями въ одно місто затинае...

...И коло їхъ дідъ—Бутурлакъ проживае,
На їхъ згрозна гука...

Дай той-же їхъ и бє.—Вінъ шістдесятъ лігъ живъ у турка у клюшникагъ;
то вінъ на его и звиривъ.

...То імъ дівка Санджаківна разні напятки-наідки присилае,
То імъ Бутурлакъ дідъ всего не одкривае,

А тільки по одному стакану въ день вина одпушае...

(—Значить вона імъ хорошо присилае, а вінъ не оддае, та складае...)

А по три раза въ одно місто залізними прутьями затинае...

...Шо вони у дівкі у Санджаківни одъ неділі до неділі проживали,
На підпятагъ пробували,

У неділю на Чорне море до свого дому одызжали,
На галярі почивать всі полягали...

То турецьке паня, молоде баша, отъ сна уставае,
Та до діда до Бутурлака словами промовляе:

— „Ой то то, каже, діду, Бутурлаку, шо то мені сонъ дивний и предивний,
чудний и пречудний сниться,

Шо будто мене взято,
У Чорне море заметано,
Ні одного насъ не оставлено!“

Дідъ Бутурлакъ тее зачуває,
До молодого пані, до турецького баші, словами промовляє:

— „Сему сну, каже, ви не потурайте,
Та вшпять спочивать лягайте!“

А до Кішкі-Саміяла, до козака, до гетьмана словами стигенька промовляє

И ключъ зъ кармана вынає:

— „Цитьте, хлопці, не гриміте
И залізоъ не стучите;
Дружка-дружку одмикайте,
Залізо у Чорне море метаите,

И молодого паню, турецького башу, и пам'ять ёго у Чорне море изъ га-
ляри скидайте!...

Тоді чи не дасть намъ Богъ безпешно по Чорному морю проїзжати,

Турецькі калавури минати“...

.....
Якъ вони паню, турецького башу у море пометали,
Тоді на себе турецьке платте надівали...

.....
То дідъ Бутурлакъ до калавуру приїзжає,

Ключі зъ кармана вынає,
До калавуру словами промовляє:

— „Цитьте! каже, не шуміте,
Турецького паню, молодого башу, не збудіте,
Потихеньку ворота одчивіте,
Бо мы у дівки у Санжаківни на гулянні пробували,
То мало мы одпочивали“¹⁾...

..... То вони, турецькі калавури якъ проїзжали,

По Чорному морю тоді безпешно гуляли,

Та турецьку землю, віру бусурменську на віки заклинали:

— „Ой-же хотя ты, земле турецькая, віра бусурменская!
Хотя въ тобі весело проживати,

¹⁾ Шо того, бачъ, вже й немає. А ему аби то той калавуръ проїхать, такъ ёнаъ забувся и думать!.. Не зложу такъ, якъ було!.. Десате слово, той то не въ ладъ!..

Много сребра и золота въ тебе перебуває,
А чоловікові ніякої одрадошти немає!¹⁾...

.....

То якъ стали вони по Чорному морю гуляти,
До буйної Приспи прибувати,

Та до діда до Соленка ²⁾ у гості заіжжати...

... Той дідъ Соленко якъ їх забачає,

И горко плаче—рыдає,

Дрібними слізами проливає,

До Господа милосердного словами промовляє:

—„Благодарю тебе, Господи милосердвий, шо за сорокъ літь Господь мене
привівъ

Козака гетьмана Самійла у вічі повидати!“...

... То вони тамъ, у діда, у Соленка двенадцять день безпешно гуляли,

Та віру православну споминали,

А турецьку славу, віру бесурменську кляли—проклинали:

Коли-бъ їх Богъ милосердвий такъ побідивъ,

Якъ вони насъ зобіждали,

Шо вони у плінь забірали,

Ніякої намъ веселості не отдавали;

Ніякої мы одради собі не мали

И роду свого у вічі не видали!“...

... Та тоді вони речі хороші другъ до друга промовляли,

На галюру всі посідали ³⁾...

„Вynesи, кажуть, насъ, Господи милосердвий,

Между миръ хрещений,

На край веселый!

Чи не дасть намъ Богъ милосердвий своїхъ братівъ повидати,

Хочъ-бы мало—немного свою жизнь проваждати,

Между миромъ хрещенымъ проживати!...

.....

Стараясь не упустити ничего изъ историческаго репертуара Крюковскаго, я изъ разспросовъ узналъ, что, сверхъ продиктованныхъ, ему взвѣстна была еще дума о Тарасѣ Бульбѣ. Понятно, такое открытіе крайне возбудило мое любопытство. Кобзарь отго-

¹⁾ Вінъ проживавъ тожъ на острові той дідъ—сорокъ літь. Его турокъ тежъ заперъ.

²⁾ Всі. Значить забравъ и діда того Соленка Кішка Самійла изъ собомъ.

варивался однако тѣмъ, что совершенно забылъ эту думу. Подозрѣвая, нѣтъ-ли здѣсь какой нибудь ошибки и не измѣняеть-ли старику память, я выразилъ сомнѣніе въ существованіи такой думи. Но Крюковскій стоялъ на своемъ: „Дума була настояща и співалась, говоривъ онъ, старинна, довга, отъ якъ „Конівченко“, такъ и співалась“... На просьбу мою припомнить хоть содержаніе думи, или сказати, если знаетъ, хоть нѣсколько стиховъ, Крюковскій розказавъ слѣдующую легенду:

Тарасъ Вульба та сыны.

Тарасъ Вульба самъ чи въ Чигирині проживавъ, чи що... У ёго три сына було: старшій Терешко, середульшій—Дмитро, а меньшого не спомню якъ... Такъ вони безпешно гуляли у городі Чигрині, та пішли турківъ, чи татаръ, чи ляхівъ воювати, Чигринъ-городъ оборонять. У ёго и хлопці були хороші! Терешкові було 22 года и 22 пуда вісу, а Дмитрові було 18 годъ и 18 пудовъ... А меньшій, якъ пошли вони, значить, розбивать татаръ та ляхівъ, то вінъ взявъ їхъ и покинувъ, та утікъ у Польшу, та тамъ у Польші не багачко проживавъ, та віттила навстрічъ зъ поляками, та давай на батька итти, щобъ то, бачъ, батька звоевать, чи що... Такъ батько якъ стрівъ ёго, то голову ёму и знявъ, та каже Терешкові:

Якъ будешъ ты віру христіянську теряти,

То буду я тобі зъ плечъ голову здїяти...

... Эй, ходімо, каже, хлопці, ходімо турківъ та ляхівъ воювати,
Чи не дасть намъ Богъ якої добичі достати...

Такъ вони трое пошли, то той Терешко лігъ на степу спать, а біля себе положивъ свій мечъ и добре молодецьке свое копье (а въ ёго мечъ бувъ шість пудовъ вісу) и коня доброго молодецького свого вороного поставивъ въ головахъ, а самъ заснувъ въ степу: (звісно якъ вінъ богатыръ, то вінъ нічого и не боитця, лігъ собі, заснувъ богатырскимъ сномъ). Такъ ёго найшли татари, набігли ёго сонного. А вінъ-то якъ на то саме и прокинувся, та бачить, що їхъ не мало—„э, каже, хлопці, такъ вы хотіли мені смерті придати! Глядїть-же, хлопці, постережіть мені коня и моего копьа, а

я, говорить, пійду по цьому степу погуляю, подивлюсь, чи васъ ще де есть?“... Такъ вони стали розказувать, що їхъ ще есть багато; такъ вінъ якъ покинувъ імъ коня и копые, а шаблю взявъ, та якъ пішовъ по тому степу, та найшовъ шайку їхъ, та якъ взявъ колоть, то вибивъ всіхъ. Тільки одинъ, значить, ёго якійсь, чи татаринъ, чи що, обранивъ по плечу: якъ заходився воювать зъ нимъ, такъ по плечу ударивъ, та одрубавъ плече, такъ вінъ байдуже, и не чувъ!... Вінъ изъ нихъ все тамъ познімавъ, череса то що, та прихавъ до батька, такъ батько каже: „Що у тебе, сыну, таке красніе?“—А вінъ, гулькъ, а у ёго кровь біжить.—„Та візьми-жъ ты, каже батько, святої землі, та затопчи, а вінъ каже, що воно на живому чоловіку скоро заживе. Вінъ затоптавъ, такъ воно и зажило, кровь остановилась, ёму не дуже вредно було. Батько ставъ питатьця: „Де-жъ твій мечъ, копые твое, та кінъ добрый, молодецький?“—„Э, каже, на степу покинувъ“.—„Щобъ увігъ хто?“.—„Э, ні, каже, не уведе никто!“ А вінъ тїмъ приказавъ, якъ покинувъ коня:—якъ будете тікать, то все ровно жизнь вашу порішу, не будете далеко, такъ вони и не тікали. Вінъ до їхъ якъ прийшовъ, та дававъ череси, дававъ вибирать—хай узнае де чьего родича чересъ, чи батьківъ, чи що... А другимъ каже: „а вы тікайте, біжіть, а то якъ набіжить батько, або братъ Дмитро, то й васъ не буде. Вамъ те буде, шо и тїмъ.

— Вамъ тутъ, каже, не проживать, Чигрина-города не займать, а якъ тільки Чигринъ-городъ будете займать, такъ и сами на світі не будете проживать!“...

Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ и складомъ думъ, не допуститъ ни на одну минуту, чтобы эта легенда была остовомъ исчезнувшей думы. Имя Тараса Бульбы приплетено къ ней совершенно механически. Герой легенды, Терешко—обыкновенный сказочный богатырь, о другихъ-же сыновьяхъ упоминается совсѣмъ вскользь. Два двустипія, попадающіяся въ разсказъ, не доказываютъ также ничего. По своему общему характеру они могли быть взяты изъ любой думы. Крюковскій очевидно спуталъ и, смутно помня что-то, прибавилъ имя гоголевскаго героя къ какой нибудь старой сказкѣ. Все это не говоритъ, впрочемъ, противъ того, чтобы

думи о Бульбѣ не существовало вовсе. Быть можетъ Гоголь слышалъ ее мимоходомъ и взялъ изъ нее сюжетъ и имя героя (какъ взялъ сюжетъ для „Вія“ изъ народнаго преданія). Возможно также и то, что пересказъ безсмертной поэмы какими нибудь судьбами дошелъ и до кобзаря и оставилъ въ его памяти свой слѣдъ. Во всякомъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ о Бульбѣ и сыновьяхъ надо искать не въ этой легендѣ, по фантастичности своей оставляющей безконечно далеко позади всѣ историческія „вольности“ Гоголя, перенесенаго въ поэмѣ основаніе кievской бурсы и академіи съ XVII вѣка во времена Наливайка и проч.

Думъ о временахъ Хмельницкаго Крюковскій не зналъ. Относительно думъ о Мазепѣ слышалъ, что много ихъ было забыто въ то время, какъ имя гетмана сдѣлалось опальнымъ и провозноситъ его было рисковано. Насчетъ Палія выразилъ недоумѣніе: „Хиба и про ёго співають? То-жъ только у книгахъ про ёго пишуть“.

Двѣ послѣднія думы, хорошо сохранившіяся въ памяти кобзаря, близки къ вариантамъ Вересаея, что подтверждаетъ еще обычное сходство вариантовъ по близости мѣста ихъ записыванія.

Хведоръ Безрідный.

По потребі, по потребі барзо то по царскій,
 Много війска и помнажено и посічено,
 То нито-жъ то понижъ тмиъ трупомъ живъ не буває,
 Тільки джура Ярема промешае,
 Та тільки Хведора Безрідного та бездільнаго, на рани смертельні постріляного
 та порубаного, знахожае;
 Чотири рани широкихъ, а чотири глибокихъ...
 То ще-жъ вінъ шличокъ издїмае,
 До Хведора до бездільного та безрідного словами промовляє:
 — „Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре, бездільний та безрідний!
 Чи ты живий пробуваєшь,
 Яку ты мені славу козацьку-молодецьку одкриваєшь?“
 То ще-жъ Хведоръ бездільний та безрідний зачуває,
 До джури до Яреми словами промовляє:
 — „Джуронько мій, малий-невеличкий! Возьми ты мого доброго коня
 вороного!“

И свій каптанъ дорогий изъ себе скидае

И тяги червонні изъ себе знімае,

Та джурі Яремі на руки отдавав:

— „А візьми-жъ ты, джуронько мій, малий-невеличкий Яремо,
Каптанъ дорогій отъ пілгъ до коміра золотомъ гаптований,

И тяги червонні па себе надівай,

И на мого доброго коня сідай,

Та передо мною козацький обичай увесь обертай;

Чи можешъ ты знати

Козацький звичай козакамъ отдавати?

Біжи-жъ ты скоренько, та поспішненько по надъ Дніпромъ лугомъ,

Якъ будуть ушкали густі, то ты скоронися,

А якъ будуть козаки Дніпромъ-Славутою ити, то ты озовися,

И про мене Хведора бездільного та безрідного козакамъ обовися!^а...

Шо якъ побігъ джура Ярема по-надъ Дніпромъ-Славутою,

Козацькимъ поспіхомъ поспішненько,

То вінгъ іхавъ—не день, не два...

Ушкали гудуть,—

А козаки Славутою не йдуть!^б)...

Якъ ставъ вінгъ по-надъ Дніпромъ изъ лугівъ изъ зеленігъ виізжати,

Стали козаки джуру Ярему стрічати,

Стали молодецького доброго коня и тяги червонні и каптанъ дорогій въ вічі
забачати,

Стали на ёго згрозна гукати:

— „Әй, джуроньку малий-невеличкий Яремо!

Де ты сёго доброго вороного коня запопавъ,

И тяги червонні и дорогій каптанъ заслуживъ?

Мабуть, каже, ты Хведора бездільного та безрідного, або продавъ,

Або живцемъ у землю закопавъ?^в)

Джура Ярема тее зачуває,

Шличокъ издїймає,

И козацький обичай увесь передъ козаками отдавав.

— „Ні, каже, я Хведора бездільного та безрідного не запродавъ,

Живцемъ у землю не закопавъ,

А тільки чуть живого между трупомъ заставъ,

На чотирі рани глибокихъ,

А на чотирі широкихъ

Посіченного, порубанного знаходивъ;

¹) Не набіжить козаківъ сердешний!

²) Значить, вони бачять его заслужчини, такъ клоночутца. То-жъ бувъ іхъ атаманъ.

То вы козацькій зичтай добре знайте,
 Та Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке¹⁾
 На поталу птиці-звіру не подайте;
 Хорошенько тіло его, козацьке-молодецьке, поховайте!²⁾
 То вони ті слова зачували,
 Соромъ чоловіка изъ табору одлучали,
 Та по Хведора бездільного та безрідного послали.
 То вони-жъ то соромъ чоловіка та дванадцять день помежду трупомъ про-
 ментали,
 Поки Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-
 молодецьке знаходили,
 Ну, живого его, козака, не застали.
 То вони его тіло козацьке-молодецьке на червону китаїку забирали,
 Та зъ Дніпра чистої води набирали,
 Та ёго рани глибокі и широкі промивали;
 Та булатними шаблями глибоку яму копали,
 Та ёго тіло, козацьке-молодецьке хорошенько поховали.
 Та шличками персть носили,
 И високу могилу висипали;
 И въ головахъ дубовий прапірокъ³⁾ поставили,
 Хорошенько поховали;
 А чимъ ёго помивали,
 Що въ себе сухарі въ сумкахъ мали³⁾...
 Хотя Хведора бездільного та безрідного голова полягла,
 Такъ ёго слава, козацька молодецька, не вире, не поляже,
 Міжду панами,
 Міжду козаками,
 Міжду всіма православними христіянами,
 Одъ нині до віка,
 На многні літа!

Иванъ Коновченко.

На славній Україні,
 Въ славному городу у Корсуні,
 Та тамъ живъ корсунській полковникъ Филонъ;
 То вінъ по городахъ листи засилавъ

¹⁾ Стовиць.

²⁾ Білше-жъ тамъ нічого не було въ їх!

Сотниківъ и полковниківъ и козаківъ рядовихъ въ охотне військо викликавъ:

— „Ой вы сотники и полковники и козаки рядови!

Который охотникъ пійти изо мною на Черкению-долнну гуляти,

Слави-царствія заживати,

За віру христіянську. у въ одній стані стати!...

Чи не дасть намъ Богъ якої добичі собі мати?“

То всі сотники и полковники замовчали.

Тількі жила у городі у Черкасі, по прозванію Коновчиха, а по мужу

Грициха, удова‘

То вона собі мала Івася—сына единчика;

То вінъ ті ласті у вічі забачае,

До своїй матусі рідненької, вдови старенької словами промовляє:

— „Ой вдово, старенькая жоно, ты мати моя рідненька!

Благослови ты мене мати

Съ корсунськихъ полковникомъ, съ паномъ Филономъ, на Черкению-долнну
пійти погуляти,

Слави-царствія заживати,

За віру христіянську у въ одній стані стати!

Чи не дасть намъ Господь милосердний якої добичі собі мати?“

А вдова сее зачувае,

До свого Івася единчика, прекрасного лицаря, словами промовляє;

— „Ой Івасю, сыну единчику, не благословлю я тобі, сыну, на Черкению-долнну
гуляти,

А благословлю я тобі, сыну, чотири коні воронні изъ загорода одлучати,

Та ити у поле кїба пахата“.

— „Эй хотїлось мені, мати, съ корсунськихъ полковникомъ пійти на Черкению-до-
лнну полуляти,

Та хотїлось мені, мати, весь козацкій звичай узнати;

Якъ-би ты, вдова старенька, матусю моя рідненька мою волю вволїла,

Та чотири боли чабаниі, и чотири коні воронні изъ загородъ одлучила,

Та дванадцять червонцівъ доложила,

Та до города до Крылова одїслала,

Та до жида до Линдаря, та мені доброго молодецького коня купила,

Которого моя душа влюбила та утвалила“.

То вдова тее зачувае,

До свого Івана нічого словами не промовляє,

Та до Божого дому на моленіе сложае,

А свого Івася Коновченка, единчика свого, на прочімъ ёго покидае.

То Івась Коновченко отъ сна уставае,

По стїнахъ поглядае,

Шо батьківського ружья по стінахъ и ни одного немає ¹⁾.
 По світлиці вінъ прохсждає, —
 Тільки у запічку батьківська семипядна пицаль усіяє.
 То вінъ козацький звичай знає,
 Батьківську семипядну ²⁾ пицаль за плечи закладає,
 До корсунського полковника сімсотъ версть піший магає,
 Та корсунського полковника на Черкені-долнині на спочивкагъ заставає;
 То вінъ до палати прихожає,
 Шашку складає,
 Громижнъ голосомъ окликає.
 То корсунський полковникъ ёго голосъ зачуває,
 Отъ сна уставає,
 За білу руку ёго береть поспішно хватає,
 Словами промовляє,
 Здоровьямъ ёго поздоровляє:
 — „Їй здоровъ, здоровъ, Ивасю Кошовченку, прекрасний лицарю!
 Чи то по своїй волі зайшовъ, чи тебе добрий конь занієсь?
 Чи ты здоровьямъ змагаєшь?
 Чи ты въ себе доброго молодецького коня маєшь?“
 — „Я, каже, доброго коня не маю,
 А на молодецьке на добре здоровья змагаю;
 Благослови, корсунський полковнику, пане Филоне слави-царствія заживати,
 И за віру християнськую у одній стані стати
 И по Черкені-долнині безпешно погуляти!“...
 Якъ стали турки и татаря по Черкені-долнині гуляти,
 Та Ивасъ Кошовченко не дуже безпешно піший гулявъ:
 Сімсотъ душъ рубавъ, а сімсотъ живьсьма на арканъ забравъ,
 Те до корсунського полковника на примету представлявъ.
 А ёго мати рідненька вдова старенька зъ Божого дому, зъ моленія прохсжає,
 Та свого Ивася Кошовченка у домівці своєї не заставає
 Та горко плаче да рыдає,
 Дрібними слізами проливає,
 Та чотири воли чабанів, чотири коні воронні изъ загороди одлучає,
 Дванадцять червонцівъ докладдає,
 Та до города до Крилова жида та до лицдаря отгопає,
 Та молодецького доброго коня получає,

¹⁾ Мати поховала вже!

²⁾ Сімъ пяді. Довга пицаль.

Та донськимъ козакомъ Іваномъ Захарютою одсилає
 Н низкій поклонъ ёму передає:

— „Ой, Івасю, единчику, Коновченку, бодай тебе, сину, шашка не рубала
 И бистра пуля минала!“...

То Івасъ козакъ Захарюта бере коня вороного за шовкові поводи,
 На Черкению-долину приїзжає;

То Івасъ Коновченкою оддала доброго коня своёго въ вічи забачає,
 Та до корсунського полковника словами промовляє:

— „Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
 Я-жъ думавъ, що мене мати кляне—проклинає,
 Ажъ вопа мені хорший гостянець передаває,
 Которого коня, доброго молодецького моя душа улюбила, та вже й
 ухвалила.

Отъ теперт, корсунський полковнику, благослови на Черкени-долині без-
 пешно погуляти!“

А корсунський полковникъ тее зачуває,
 До Івася—сдинчика словами промовляє:

— „Не благословлю, каже, я тобі на Черкени-долині безпешно гуляти,
 А благословлю я тобі на червоній катайці сидіти,
 Бо ще жъ ты дити молодое“.

То Івасъ Коновченко тее зачуває,
 До корсунського полковника слова промовляє:

— „Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
 Возьми ты утя одно старое, а другее малое,
 Та пусти ты на Чорнее море,
 Чи не полливе те малое, такъ якъ-бы и старое?“

А ты, корсунський полковнику, благослови мені оковитого зеленого вина
 уживати,

Та тоді пойдю на Черкению-долину безпешно гуляти“!

То корсунський полковникъ тее зачуває,

Словами промовляє:

— „Хиба тобі, Івасю Коновченку, единчику, прекрасний лицарю, оковитее вино
 закрите?“

То вінъ козацький звичай знає, до сорокової бочки приступає,
 Та зеленого вина скілько вгодно уживає;

То вінъ такъ зеленого вина свій кубокъ наливає

И козацьке свое серце звеселивъ...

То тоді свого доброго коня молодецького поспішненько и тугенько сідає
 И по Черкени-долині безпешно гуляє.

Ист. сільного часу до четвертого гулявъ,

Таь ни одного ни турка, ни татарина живого не оставлявъ,
И между тямъ трупомъ безпешно по Черкени-долині гуляе,
Свою головку низенько коневі на гриву сїлює!)...

А сїдобородпй татаринъ между трупівъ встаєае,

Та ззадї забїгає,

То вїнь ёго не дуже взявъ,

А тїльки чуть у пїль съ конемъ не перерубавъ?)...

То курсунській полковникъ по Черкени-долині поглядає,

То вже Ивана Коновченка, прекрасного лицаря живого немає;

То ще-жъ то вїнь помежъ тямъ трупомъ промешкає,

Ёго тїло козацьке-молодецьке знахожає,

На червону кпталку забирає,

Та ёго тїло, козацьке-молодецьке, хорошенько на Черкени-долині хоєає,

Доброго молодецького коня забирає,

До города до Черкаса до вдови старенької назадъ одсилає,

И самъ у гостї до старої вдови заїжає,

И козаківъ запорожскїхъ засїлає,

И низкі поклони отдаєає,

До вдови старої, Коновчихи, словами промовляє:

— Эй здорова, здорова, старая жено, по прозванью Коновчихо, а по жуку
Грицх!

Чи ты горько плачешъ. плачешъ та рїдаешъ,

За своїмъ Ивасемъ Коновченкомъ я скучаешъ?

А твій сынъ на Черкени-долині одружився,

Взявъ собі жєну нїмкеню!¹⁾...

То вона тїї слова зачувала,

До курсунського полковника словами промовляла,

У свій домъ зазивала

И курсунського полковника, паша Филона угощала,

И всїмъ донськимъ козакамъ запорозськимъ по червонцю награди давала.

А тїльки курсунській полковникъ, панъ Филонъ, со двора збїжавъ²⁾,

То горько заплакавъ, зарїдавъ,

Що прекрасного лицаря Ивася Коновченка на Черкени-долині утерявъ.

То въ свою Україну приїжає,

До вдови Коновчихи листи послас:

¹⁾ Уже нема нікого!

²⁾ Той притаївся между трупомъ, а Ивасъ уже їдївъ,—уморився, ёго и вїнь розабраво.

³⁾ Вїнь їй не признавався тоді, якъ самъ був!

— „Эй удово, старенькая жоно, не дуже радуйсь, веселись,

Бо твій сынъ не оженився, а получивъ собі жену високу могилу и вірну
дружину!“

То вона тоді ті листи въ вічі забачае, горко плаче-ридае,

Та корсунського полковника споминае:

— „Бодай ты, корсунській полковнику, щастя свого долю мавъ,

Якъ ты мого сына, прекрасного лицаря, Ивася Коновченка, на Черкені-долині
утерявъ!

Отъ-же хоть на Черкені-долині Ивася Коновченка голова полягла,

Такъ ёго слава козацька-молодецька не вьре, не поляже,

Между панами,

Между козаками,

На многая літа

До конца віка!

Два дня на Прилипкѣ минули какъ сонъ. „Поважныя“ думы, „уродливыя“, по мнѣнію умниковъ, псалмы, грубоватыя шутливыя пѣсни,—весь этотъ скарбъ сѣдой головы бандуриста выгружался предо мною и погружалъ меня въ какой-то особый міръ крестьянской поэзіи, гдѣ, на ряду съ старыми преданіями, видѣлся цѣликомъ особенный, давній умственный строй. Въ старческомъ голосѣ кобзаря, въ его старосвѣтскихъ речитативахъ, въ тихомъ рокотаньи бандурныхъ струнъ чуялись самые образы старой жизни, вѣяло дыханіе сермяжной музы, слышались голоса прошлаго.

Подвигаясь на сѣверъ, я покидалъ милую Полтавщину съ ея безбрежными равнинами, гдѣ нѣтъ препонъ ни глазу, ни воображенію, мирными селами съ старыми трехглавыми церковками посрединѣ, безконечными, далекими лугами, гдѣ тихо струятся Пселъ и Сула, окружая себя то зеленою лѣсовъ, то сыпучими бѣлыми песками... Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, почти на выѣздѣ изъ лохвицкаго уѣзда, мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ-бы землемѣровъ. Протягивали цѣпь, вбивали вѣхи и колеи въ землю. То было „изысканіе“ будущей желѣзно-дорожной линіи (отъ ст. Талалаевки либаво-роменской ж. д. на Кременчугъ). Инженеръ, „всемирный гражданинъ“, въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструмен-

тами по проектированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришлась степная могила, какихъ много на границѣ роменскаго и лохвицкаго уѣздовъ. Безстрастный пришелецъ—„изыскатель“ далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для водруженія желѣзно-дорожной вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что принесть за собою эта новая „цивилизациа“ въ еще дѣвственный край. Что внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* новой жизни, что пробудитъ она въ умственной жизни этого края и какіе новые всходы замѣнять хотя-бы тѣ, взрощенные этой почвой, цвѣты поэзіи, которыми полна еще была моя душа?.. Степной вѣтеръ гулялъ надъ могилой и „равнодушная“, безтрусетная предъ будущимъ, созидательница-природа улыбалась подъ лучами осенняго солнца...

В. Горленко.

Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ.

(1826 г.)¹⁾

Извѣстныя изъ исторіи декабристовъ волненія, происшедшія въ 1825 году между войсками расположенными въ юго-западномъ краѣ, отразились въ слѣдующемъ 1826 году между крестьянами множествомъ ложныхъ слуховъ и толковъ о предстоящей въ скоромъ времени рѣзнѣ помѣщиковъ, шляхты и вообще всѣхъ, кто такъ или иначе стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ крестьянству.

По всей южной половинѣ кievской губерніи пронесся слухъ объ указахъ, будто-бы полученныхъ священниками, въ которыхъ повелѣвалось послѣднимъ покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить пасхи въ этотъ день, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны, и крестьяне, отъ мала до велика, должны идти истреблять пановъ. Въ Уманщинѣ рассказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто-бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно поскорѣе, въ Варшаву; кто-же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ падеть отъ крестьянской руки.

Крестьяне подъ вліяніемъ такихъ слуховъ становились все смѣлѣе въ заявленіяхъ протеста противъ угнетеній своихъ помѣщиковъ: во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ крестьяне не хотѣли отработывать барщины; въ Яблоновкѣ (таращанскаго уѣзда) крестьяне хвалились, что ихъ озеро „достачить“ на сколько угодно челоуѣкъ оружія; въ Ситковцахъ (того-же уѣзда) составляли списки ополченія.

---

¹⁾ Настоящій рассказъ извлеченъ изъ дѣла, хранящагося прежде въ архивѣ кievской уголовной палаты и переданнаго теперь въ кievскій центральный архивъ.

Но наступили и прошли свѣтлые праздники, а возстаніе не вспыхнуло; тогда народная молва перенесла срокъ его на Юмину недѣлю.

Около этого послѣдняго срока, въ субботу, 3-го апрѣля 1826 года, прожатые изъ с. Дзензелевки привели въ с. Иваньки (уман. уѣзда) къ мѣстному соцкому солдата днѣпровскаго полка Алексѣя Семенова. Онъ возвращался изъ домашняго отпуска (изъ с. Хмѣлеваго, орловской губ.) и, какъ видно, не особенно поспѣшалъ въ свой полкъ: въ каждомъ селеніи проживалъ онъ по два, по три дня. Это замѣтилъ экономъ с. Кутовъ и распорядился о доставленіи Семенова подъ карауломъ къ его полку, стоявшему въ м. Соколовкѣ: онъ съ десятиками отправилъ Семенова въ сосѣднее село, написавъ всѣмъ лежащимъ по дорогѣ экономіямъ, чтобы съ такимъ-же карауломъ препровождать его дальше.

Теперь привели его въ Иваньки и подали соцкому записку кутовскаго эконома; по случившійся тутъ дьячекъ, котораго соцкій просилъ прочитать, не зналъ по-польски, тогда Семеновъ подсунулъ свой билетъ, а записку спряталъ. Дьячекъ, посмотрѣвъ на билетъ, сказалъ „хорошо“, и соцкій повелъ солдата на квартиру.

За „вечерей“ въ избѣ крестьянина Григорія Бенедя послѣдній сталъ спрашивать Семенова о новостяхъ.

— У насъ прошелъ было слухъ, началъ Семеновъ, что вышелъ отъ царя указъ забирать всѣхъ пановъ въ Петербургъ, и когда всѣхъ заберутъ, то крестьяне будутъ свободны, не будутъ больше на панцину ходить.

— Та и у насъ пішла була поголоска, шо-бъ святили паски въ великий четвергъ, бо на Великдень всі, мали й велики, підуть ризать панівъ; та отъ и Великдень пройшовъ, а нічого зъ то го не выйшло. А, якъ-бы то який чортъ взявъ нашого...

На этомъ и кончился разговоръ. Солдатъ сообразилъ, какво настроеніе крестьянъ и какъ имъ воспользоваться, и въ этотъ-же вечеръ составилъ цѣлый планъ грабежа мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ въ избу Бенедя соцкій, чтобы освѣдомиться, какъ устроился солдатъ на квартирѣ и узнать отъ него что нибудь новое. Семеновъ выслалъ всѣхъ домашнихъ изъ хаты, заперъ на крючекъ двери и, вынувъ изъ ранца записку кутовскаго

эконома, началъ разсказывать соцкому и Бенедю о своемъ мнимомъ назначеніи.

— Вотъ указъ отъ государя императора, въ немъ велѣно мнѣ забирать по всей кievской губерніи пановъ и везти къ нему въ Петербургъ. Вы не смотрите на то, что я въ простомъ солдатскомъ мундирѣ; но я не солдатъ, у меня оберъ-офицерскій чинъ и орденъ, орденъ; да только мнѣ нельзя такъ показываться, а то какъ увидятъ паны, сейчасъ-же узнаютъ меня и начнутъ прятаться, тогда ищи ихъ. Такъ ты, соцкій, собери на завтра крѣпкій карауль, человекъ въ сорокъ, приготовь кандалы и три тройки; я теперь ѣду въ Романовку и другія села, а завтра вернусь и возьму вашего поссесора, такъ смотри, чтобъ все было готово. Да, смотрите, никому не говорить объ этомъ до моего возвращенія; а то услышитъ вашъ панъ и уйдетъ, тогда будете искать сами; а не найдете, въ Сибирь, въ каторгу сошлю.

Затѣмъ потребовалъ у соцкаго тройку и уже поздно вечеромъ поскакалъ въ сосѣднее село Романовку. Здѣсь онъ переночевалъ; въ воскресенье утромъ, когда явился къ нему соцкій и сталъ спрашивать, по какому виду онъ ѣдетъ, то Семеновъ, ударивъ его нѣсколько разъ плеткой, велѣлъ сейчасъ-же подать тройку и къ обѣду собрать значительный карауль изъ надежныхъ людей, такъ какъ онъ на возвратномъ пути будетъ препровождать очень важныхъ арестантовъ. Тоже продѣлалъ онъ и въ с. Мошуровѣ, и въ Тальномъ, вездѣ разсыпая удары нагайкой всякому, кто сколько-нибудь ослушивался или медлил исполнять его приказанія.

Приготовивъ такимъ образомъ для себя возможность спастись бѣгствомъ, когда откроется его продѣлка и стануть его преслѣдовать, Семеновъ приступилъ къ выполнению задуманнаго плана.

Вернувшись изъ Тальнаго въ Мошуровъ, онъ засталъ уже здѣсь собранныхъ соцкимъ до пятидесяти крестьянъ, готовыхъ исполнять всѣ приказанія столь строгаго начальства.

— Я присланъ отъ царя взять вашего пана и объявить вамъ, что вы съ этого времени свободны, что-бы никто васъ на панщину не требовалъ; идите-же за мной и помогите мнѣ взять его,—такъ рекомендовалъ себя Семеновъ передъ собравшимися крестьянами.

Толпа, образовавшись, двинулась за Семеновымъ по направленію къ панскому двору, вооружаясь по дорогѣ колыями, выткну

тыми изъ встрѣчавшихся по пути плетней. Это происходило въ воскресенье, селяне по большей части отдыхали дома отъ работы недѣльной, поэтому къ двигавшейся по улицѣ толпѣ приставало очень много любопытныхъ, и вскорѣ она возрасла до двухъ сотъ душъ.

Дорогой соцкій началъ жаловаться Семенову, что экономъ Квицинскій запретилъ выдавать ему почту. Семеновъ обѣщалъ раздѣлаться съ нимъ за ослушаніе и, отдѣливъ тридцать человекъ, приказалъ имъ пойти и окружить домъ посессора Ганлея, а самъ съ прочими завернулъ къ эконому.

— Здравствуй, с.... с..., мошенникъ! Ты какъ смѣлъ спрашивать у меня бумагу?—обратился солдатъ къ Квицинскому.

Перепуганный экономъ началъ было извиняться, обзывая солдата чуть не высоко-превосходительствомъ, предлагалъ сейчасъ-же приготовить нѣсколько троекъ; но Семеновъ не слушалъ его.

— Я тебѣ покажу бумагу! У меня ея цѣлый мѣшокъ,—продолжалъ онъ кричать на эконома.

— Эй, соцкій, кандаловъ! Заковать его! А вы чего стоите безъ шапокъ, надѣвайте, уже ихъ панство кончилось; на палицину никто не посмѣетъ гнать васъ.

— Вамъ высоко-превосходительство, это имѣніе генерала Нарышкина, проговорилъ едва слышно экономъ.

— А, Нарышкина?! Ну, такъ можно немного работать;—только не много!!

Крестьяне, понуждаемые плетью и кулаками Семенова, быстро заклепали въ желѣза эконома; тогда самозванный царскій посланный, поставивъ подлѣ него караульныхъ, повелъ стоявшихъ тутъ крестьянъ къ посессору Ганлею.

Между тѣмъ Ганлей, увидавъ такую толпу съ дрекольемъ въ рукахъ и припомнивъ слухи о рѣзнѣ, испугался и велѣлъ затворить всѣ окна и двери и спрятался съ семействомъ въ бывшій подъ домомъ погребъ. Семеновъ приказалъ брать домъ приступомъ: крестьяне принялись бить стекла въ окнахъ, а другіе, подхвативъ лежавшее позади дома бревно, стали разбивать двери. Ударили разъ, другой; двери—дубовыя, не поддаются; за третьимъ разомъ съ грохотомъ и трескомъ повалились въ сѣни. Семеновъ, какъ стоялъ передъ крыльцемъ верхомъ на лошади соцага, такъ и двинулся прямо въ панскіе покон.

Въ сѣняхъ стоялъ перепуганный Ганлей.

— Ты, кто таковъ? спросилъ его Семеновъ и ударилъ нѣсколько разъ нагайкой.

— Я хозяинъ дома, отвѣчалъ Ганлей. Семеновъ приказалъ ему слѣдовать за собой въ залу. Здѣсь, ударивъ нѣсколько разъ Ганлея по щекѣ кулакомъ, Семеновъ велѣлъ сельскому атаману заковать пана въ кандалы, перевести въ другую комнату, раздѣть тамъ до нага и обыскать. Крестьяне сняли платье съ Ганлея и подали солдату. Въ карманѣ сюртука лежало полтораста рублей ассигнаціями и шесть рублей серебряной монетой; Семеновъ деньги вынулъ и взялъ себѣ, а платье подаль назадъ хозяину.

Затѣмъ онъ позвалъ экономическаго писаря и приказалъ ему сейчасъ-же составить опись всего имущества Ганлея, а самъ съ другими крестьянами пошелъ въ кладовую, гдѣ взялъ двѣ серебряныхъ ложки, ножъ и бутылку вина, и воротился назадъ въ покои. Опись была составлена. Семеновъ посмотрѣлъ на нее, сложилъ и сунулъ въ карманъ. Въ это время пришелъ какой-то отставной офицеръ Хржановскій и сталъ ругать Семенова за безчинства; Семеновъ скомандовалъ крестьянамъ дать офицеру двѣсти розогъ, и тѣ исполнили приказаніе; затѣмъ по распоряженію Семенова Хржановскаго забили также въ колодки и посадили подлѣ Ганлея.

Теперь я у васъ покончилъ, нужно ѣхать въ Романовку, — обратился Семеновъ къ крестьянамъ; ты, соцій, поставь здѣсь крѣпкій караулъ и береги ихъ до моего возвращенія, да приведи сюда также и эконома.

Привели эконома. Семеновъ посадилъ всѣхъ троихъ пановъ посрединѣ компаты, вокругъ ихъ поставилъ двадцать человѣкъ стражи, потребовалъ себѣ отъ поссесора верховаго козака Захарія Кутерногу для разсылокъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Романовку.

Въ Романовкѣ соцій также собралъ указанное число крестьянъ и дожидалъ пріѣзда Семенова. Да и какъ было не собрать, не послушаться его приказаній? „Винъ-же вдавъ зъ себе такого строгого начальника“, — такъ крестьяне объясняли свое увлеченіе на допросѣ. Да, нашъ крестьянинъ того времени, привыкшій встрѣчать отъ застѣдателя и исправника самое грубое обращеніе, создалъ представленіе о высокомъ чиновникѣ, какъ о человѣкѣ съ кнутомъ и крѣпкимъ кулакомъ, разсыпаящемъ удары на право и на лѣво, и чѣмъ сильнѣе

эти удары, тѣмъ важнѣе, значить, чиновникъ, а Семеновъ такъ искусно выполнялъ столь несложную роль.

Въ Романовѣхъ объявили ему, что помѣщика дома нѣтъ, выѣхалъ куда-то, остался только его экономъ Чайковскій, при чемъ жаловались на послѣдняго за его жестокое обращеніе съ крестьянами. Семеновъ велѣлъ написать и подать ему жалобу; обѣщавъ наказать его и послалъ за Чайковскимъ козака Кутерногу. Чайковскій не пошелъ и заперся въ своихъ „офисинахъ“. Тогда Семеновъ съ шестьюдесятью крестьянами двинулся къ панскому двору, окружилъ домикъ эконома, приказалъ бить стекла въ окнахъ, выбить двери и вытащить Чайковскаго на дворъ.

— Ты какъ смѣлъ ослушаться моихъ приказаній?—закричалъ Семеновъ на Чайковскаго. Разложить его! И Семеновъ отсчиталъ эконому собственноручно двѣсти плетей. Чайковскій сошелъ кровью и лежалъ безъ чувствъ. Ожесточеніе крестьянъ противъ эконома было столь велико, что никто не тронулся пособить ему.

Затѣмъ Семеновъ повелъ крестьянъ къ помѣщичьимъ кладовымъ, отбилъ у нихъ замки и взялъ голову сахару, серебрянную сахарницу, ножницы и нѣсколько связокъ табаку.

Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Семеновъ почувствовалъ усталость отъ трудовъ и не захотѣлъ уже ѣхать въ Иваньки, а послалъ отъ себя козака Кутерногу съ романовскими соцкимъ и атаманомъ. поручивъ имъ арестовать иваньковскаго посессора Яворскаго и ожидать его приѣзда. Въ знакъ полномочія онъ надѣлъ на Кутерногу взятую у Ганлея саблю.

Иваньковская громада давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала приѣзда „флигель-адъютанта изъ Петербурга“, какъ тутъ окрестили Семенова, и когда полупьяный Кутернога, указывая на саблю, объявилъ крестьянамъ свое назначеніе и сказалъ имъ идти за нимъ, то вся толпа ринулась въ панскій дворъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ толпу Яворскій и обращаясь къ Кутерногѣ, спросилъ:

— Ты кто такой и звѣдки взялся?

— Я самъ собі чоловікъ, прихавъ взять тебе; а отъ, за мною скоро приде жандаръ, такъ пропадешъ тоді, якъ собака,—отвѣтилъ Кутернога и ударилъ Яворскаго плетью.

Яворскій скрылся въ комнаты и заперъ за собою двери, затѣмъ, увидѣвъ черезъ окно соцкаго, закричалъ ему:

— Эй, соцкій, бійся Бога! шо ты робишь, чомъ не вяжешъ цихъ розбійниківъ? Я ніякого указу не читавъ и не бачивъ, се якісь обманъ.

— Такъ я бачивъ і чувъ, якъ читали,—отвѣтилъ соцкій; пропала теперъ твоя голова, Яворскій!

Яворскій выслалъ двухъ дюжихъ шляхтичей, чтобы связали козака, но крестьяне не позволили имъ этого сдѣлать и поколотили ихъ. Послѣ этого Кутернога ударилъ плетью по окну, выбилъ стекла и думалъ было черезъ окно пробраться въ комнаты, но былъ оттолкнутъ находившимися тамъ экономами Яворскаго и упалъ на землю. Разсерженный такимъ сопротивленіемъ, онъ приказалъ разбивать двери. Между тѣмъ за это время Яворскій успѣлъ спрятать свое семейство въ безопасное мѣсто, а самъ рѣшился отдаться въ руки взбунтовавшихся крестьянъ, поэтому отперъ двери и пустилъ ихъ въ комнаты. Крестьяне бросились вязать поссессора и его экономовъ: принесли сдѣланныя въ этотъ-же день спеціально для своего пана колоден и набили ихъ на ноги Яворскому. Кутернога съ саблей на-голо расхаживалъ по панскимъ покоямъ и раздавалъ приказанія, копируя своего начальника: писарю онъ велѣлъ описать все имущество Яворскаго, опечатать кладовыя, погреба, а соцкому послать надежныхъ людей въ с. Полевничую и тамъ также арестовать пана и доставить въ Иваньки.

Запировали тогда мошуровскіе, романовскіе и иваньковскіе крестьяне по случаю столь легко и неожиданно полученной воли; Семенова угощали водкой, курами, яйцами. Но не долго продолжалась ихъ радость: вечеромъ того-же дня имъ пришлось разочароваться въ мнимомъ посланникѣ царскомъ, а на слѣдующій день испытать всѣ ужасы экзекуціи.

Въ ту пору, какъ Семеновъ наказывалъ въ Романовеѣ эконома Чайковскаго, черезъ Тальное проѣзжалъ засѣдатель Скитѣевъ. Увидѣвъ стоящую подлѣ почтовой станціи толпу крестьянъ, онъ остановился и спросилъ, по какому случаю они тутъ собрались. Соцкій отвѣтилъ ему, что пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, велѣлъ ему приготовить пять троекъ и крѣпкій караулъ для препровожденія арестованныхъ въ сосѣднихъ селахъ

пановъ. Скитѣевъ въ недоумѣніи, чтобы это значило, помчался по дорогѣ къ Мошурову, куда, какъ указали ему крестьяне, уѣхалъ петербургскій чиновникъ. Дорогой онъ старался угадать, кто-бы это могъ быть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, пріѣхало какое нибудь весьма важное лицо, чтобы арестовать пановъ, замѣшанныхъ въ исторіи декабристовъ; изо всѣхъ силъ спѣшилъ онъ встрѣтить должнымъ образомъ эту важную особу. Но въ Мошуровѣ его недоумѣніе разсѣялось: видъ разбитыхъ стеколъ и дверей, закованныхъ и избитыхъ пановъ, ограбленіе Ганлея—все этого было дѣломъ, свойственнымъ больше разбойнику, чѣмъ представителю власти. Собразивъ быстро, Скитѣевъ помчался по слѣдамъ за Семеновымъ.

Семеновъ въ это время выѣхалъ изъ Романовки по дорогѣ въ Иваньки, но, угостившись черезмѣрно, не могъ дальше ѣхать и тутъ-же, за селомъ, подлѣ стоявшихъ чумаковъ прилетѣть и заснулъ. Тутъ его и настигъ Скитѣевъ.

Разбуженный ударомъ Скитѣева, Семеновъ поднялся, вынулъ ножъ и уже занесъ его надъ Скитѣевымъ, но былъ удержанъ чумаками. Его связали, положили на повозку къ Скитѣеву и подъ карауломъ отвезли въ Мошуровъ.

Не рѣшаясь оставить такого важнаго преступника безъ своего личнаго присмотра, Скитѣевъ отрядилъ десять дюжихъ шляхтичей и поручилъ имъ арестовать въ Иванькахъ козака Кутерногу и другихъ главныхъ зачинщиковъ, а самъ остался въ Мошуровѣ и арестовалъ мѣстныхъ крестьянъ.

На другой день привели закованнаго и избитаго Кутерногу, явились войска, пріѣхалъ судъ; на улицахъ запылали востры подѣ громадныи котлами, а по селу бѣгали солдаты, хватая куръ, гусей и поросятъ, и все это тащили къ востру.

Крестьяне долго не знали, кому вѣрить: освобождавшему-ли вчера отъ панщины чиновнику въ солдатскомъ мундирѣ, или закрѣпощавшимъ на другой день засѣдателю и исправнику, рѣшили, что паны подкупили начальство и покорились своей судьбѣ...

Семенова по суду приговорили къ смертной казни, а изъ ста пятидесяти арестованныхъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе, третьимъ присудили по пятидесяти ударовъ кнутомъ, нѣкоторыхъ оправдали.

КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ВНУТРЕННИЕ РАСПОРЯДКИ.

I.

Приговоръ большой экстраординарной „рады“.

Въ запорожскомъ войскѣ бывали годовыя и полугодовыя „рады“, то есть общія собранія всѣхъ чиновъ „товариства“,—первыя для выбора кошевого и всей „войсковой“ старшины, то есть судьи, обознаго, эсауловъ и другихъ, а полугодовыя—для отдачи по жеребью степей, рѣчекъ и другихъ угодьевъ. Экстраординарныя „рады“ или сходки собирались по особеннымъ случаямъ, какъ-то: для выслушанія высочайшихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, внезапному наряду козаковъ на пограничную службу, отпуску „громадскихъ“ денегъ, а также рѣшенія спорныхъ дѣлъ и принятія особенныхъ мѣръ по внутреннимъ распорядамъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ „рада“ 23 декабря 1764 года, приговоръ которой, списанный нами, къ несчастію съ весьма вѣтхаго документа, предлагаемъ здѣсь съ возможною точностію. Этотъ документъ весьма любопытенъ и по особенной его формѣ изложенія, и по прикосновенію его къ исторіи гайдамачества, въ томъ особенно смыслѣ, что опровергаетъ категорически участіе Запорожья, какъ общины, въ набѣгахъ на поляковъ и жидовъ.

1764 года декабря въ 23 день.

„Мы всѣхъ куреней атаманъ, со всѣми старшими козаками, съ стариками и молодыми, добросовѣстными, въ Кошу запорожскомъ, при собраніи полномъ войсковомъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ, по приговору и желавію къ доброму по-
рядку всего Коша дали сію въ Кошу росписку въ нижисаннемъ:

„Гдѣ есть степами и лугами, нашихъ куревей, воры и злодѣи и какой-бы не былъ ватажекъ, передержатель и покушникъ воровскаго, не только гдѣ жили, но и гдѣ шатались въ чатахъ и собраніяхъ, до единого прибрать въ руки, искоренить и удержатъ вовсе отъ воровства, дабы ни въ татарь, ни въ Польши ни въ російскихъ подданныхъ, по шляхамъ и по зимовникамъ, ни на одну копѣйку веточъ отъ сего дне не чинили-бъ; за всѣми до единого козака смотрѣть отнюдъ удержатъ обязать; защищать, передерживать виннаго и за нимъ ручиться нигдѣ не будутъ; къ бунтамъ и радамъ ни одного не допускати, и за то худобою своей и горломъ со всѣмъ куренемъ ставить, не щадя одинъ одного и по всѣмъ приказамъ всегда будемъ въ послушаніи въ Кошеваго и старшинъ войсковыхъ: воровство вовсе истребить приступаемъ и прійдется (?) вѣрно. А ежели въ какомъ куренѣ атамамъ не исправенъ, ослушенъ и потатчигъ злодѣйствамъ будетъ, то господину Кошевому волюю его покарати и того приказать отставить, а другого избрать, и только добраго и исправнаго заразъ поставитъ, а его во всѣхъ куреняхъ всякой чести лишитъ и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не становити. А господину Кошевому и войсковой старшинѣ отъ сего же дня за нами, якъ и за всѣми куренями такъ смотрѣть, щобъ были мы всегда въ добромъ страду и порядку и на кому что явится, не миповати и вѣякого воровства не допускать и карати, по войсковому обычаю, потачокъ, дозволенія не на что худое никому не давати, взятковъ зъ винныхъ не брати и ихъ не выпускати безъ наказанія всего Коша, ни за малѣйшую воровскую вину; ни на какіе поруки воронъ и ихъ согласниковъ не давати; а кто прійдетъ за такимъ ручиться, то и того окovati и зъ воромъ равно держати и карати“.

„А ежели не такъ поступатиметь господинъ Кошовій, судін, писарь и асауль, и явится въ чемъ потакунъ, или добрыхъ или невинныхъ козаковъ будетъ напрасно обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаменамъ и старикамъ такихъ правителей, заразъ зъ доносомъ главнымъ командамъ, отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и въ ци какой чинъ не ставитъ, и якого дѣла и обидъ не окончить, то зъ самага того взыскать. При томъ-же они господа въ Кошу правящіе землю войсковую отъ всякихъ утисковъ оберегать и милости отъ ея императорскаго величества высочайшихъ правительствъ и главныхъ командъ искать, за всѣ

нужды и надобности, и не пропускать никакихъ дѣлъ и всегда смотрѣть по всему Кошу о добрыхъ состоянїяхъ“.

„Дабы въ полномъ послушанїи, чести и вѣрности все могло жити и войсковыми прежними полезными обычаями и привилегїями на вѣки пользовались и на то все войско въ войсковой особливый скарбець и табель восковой сдѣлати, съ чего лучше можно, и умножити такъ, якъ въ другихъ войскахъ, и при сборѣ стариковъ и атамановъ считати, теряти и содержать: скрынку войсковую неподвижную при церкви расходную для Коша ¹⁾ въ судїи и о томъ всемъ стараться правящимъ въ Кошу. Такожь порохъ и свинець войсковой неподвижно содержать. На каждую потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться, безъ стариковъ, до скарбцу неподвижнаго войсковаго, подѣ смертнымъ штрафомъ, и кто на то настояти масть и сей войсковой уставъ и подписи наше переимѣнитиметь, то горломъ карать и всю худобу его забирать, не уважати ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого. А что-бъ всегда войско запорожское низовое исправно было ружьемъ, коньми со всемъ приборомъ, того господину Кошевому и атаманамъ всемъ смотрѣти и приказывать безъ забутку, и за всеми козаками атаманы будутъ неусыпно того наблюдать и на службу его императорскаго величества отъ мала до велика готовы состоять и состоятимутъ на вѣки“.

„Въ томъ подписуемси всякъ куреня атаманъ зъ стариками и козаками по простотѣ крестами, а кто можетъ письмомъ, и что должны все вышеписанное содержать и исполнати непременно сугубо и охотно обовязуемси, а въ апробацію и подверждевіе господинъ Кошевой атаманъ и войсковые старшины нынѣшніе и бывшіе на семъ подписываться имѣють, и войсковую печать при всѣхъ приложить, и представить всемъ высокимъ властямъ, и читать сіе всегда въ радѣ при сборѣ старшинъ“.

За симъ слѣдовали цѣлыя тетради подписей, но они пропали, а уцѣлѣли лишь 26 подписей одного титоровскаго куреня, и во главѣ ихъ подпись, т. е. крестъ „атамана куреннаго Федора Шамрая“.

¹⁾ Вѣроятно „съ ключемъ“.

II.

Ордеръ по пограничнымъ дѣламъ съ татарами.

„Вамъ Маркови Каженови, куренному (атаману) незамоевскому и знатному войска нашего запорожскаго низоваго товарищеву, такожь и прочимъ войска нашего при Камянцѣ ¹⁾ сидячимъ и по инымъ мѣстахъ по близу козакамъ сямъ нашимъ войсковымъ открытымъ листомъ, объявивъ, приказуемъ:

„Понеже отъ насъ войска нарочно опредѣленные куренные атаманы, два человекъ: куреня корсунскаго *Павель Козелецкій*, да куреня васюринскаго *Иванъ Шостаки*, и придавъ къ нимъ пристойное число козаковъ, къ перевозу *Кизи-Керменскому* ²⁾, поставленному отъ хана крымскаго, для изслѣдствія и распросу, почему оный при *Кизи-Кермени* перевозъ отъ татарской стороны учрежденъ, и мають-ли они отъ кого на то повелительный указъ или явтъ, и дабы на томъ ихъ *Кизи-Керменскомъ* перевозѣ людей никакихъ купецкихъ и прочихъ не пуская, ихъ отгдѣ отвергнуть и возить не дерзать, запретить посылаются“.

„Того ради и вамъ пригрозя приказуемъ: по ихъ вышеозначенныхъ атамановъ требованію не чинясь ослушными, всякое удобноевозможное спомоществованіе чинить, и сами собою потрудитесь, и тако сколько можно будетъ зъ околичныхъ тамошнихъ зимовниковъ козаковъ и взявши оныхъ къ собі, зъ выше прописанными нарочно посланными атаманами, къ перевозу *Кизи-Керменскому* имѣете поѣхать, и что они прикажутъ вамъ дѣлать, не ослушаясь то и дѣлайте, а сверхъ ихъ приказу отнюдь вамъ ничего не сочинять и жадныхъ ссоровъ и дракъ, такожь и озлобленій никому не показывать, подъ жесточайшимъ штрафомъ. Данъ зъ Коша сентября 27, 1743 году“.

На означенномъ подпись: „Якимъ Игнатовичъ, атаманъ кошевый войска запорожскаго низоваго съ товариствомъ“.

(М. П.).

Причиною такого распоряженія было то, что татаре, дабы переманить купцовъ и солевозовъ на свою сторону мимо запорожской переправы въ *Камянскомъ* форпостѣ, устроили свой у нынѣшняго *Борислава*, существующій доселѣ.

¹⁾ С. *Каменка* херсонской губер. и уѣзда на рѣчкѣ сего имени, впадающей въ *Днѣпръ*, выше *Берислава*. Тамъ въ 1711 году была временная Сѣчь, и переправа на крымскую сторону.

²⁾ *Кизи-Керменъ* — нынѣ *Бериславъ* херсонской губернии.

III.

Духовная умершаго запорожскаго козака.

Одинъ польскій губернаторъ прислалъ въ Кошъ духовное завѣщаніе умершаго въ его округѣ запорожца, купца Ивана Высочина, на польскомъ языкѣ написанное и въ Сѣчи переведенное на русскій—и какъ видно полагомъ. Мы списываемъ этотъ документъ буквально, раздѣливъ его только на 3 §, т. е. на *состояніе* умершимъ оставленное, на его *распоряженіе* и на *исполненіе* этого распоряженія. Гдѣ именно умеръ завѣщатель, мы еще не узнали.

„Я *Иванъ Высочинъ*, запорожець, симъ моимъ остатнимъ testamentомъ записую, сколько имѣю собственной своей мизеріи и какъ огазуе, и записую настояція доказательно такъ, дабы, по смерти моей, турбаціи и споровъ какихъ-либо какъ въ Польской Области, такъ и въ Запорожьѣ не было, всякому кому вѣдать надлежатиметь, объявляя“.

1.

„Впервыхъ имѣю я товару: горѣлки ганнусковой (анисовой) пробной до третья воды спуствивъ ¹⁾ 220, за которую горѣлку выдавши совѣзмъ, вышло суммы. . . . . 420 р. — к.
 да Иванъ Шаргородченко виновать . . . . . 5 р. 50 к.
 Яковъ Зерденовскій виновать . . . . . 2 р. — к.
 Грицько Солодивый виновать. . . . . 6 р. — к.
 При мнѣ готовыхъ. . . . . 18 р. — к.

2.

„Герасимови братови записую коня бѣлаго съ вульбакою и рушницю; ратище, жупанокъ зеленый, опанчу (въ Сѣчи), шаровары синіе, ковре (одѣяло) и килимъ (коврикъ)“.

„Деревни Плещаневъ, гдѣ были родичи мои, записую на со- рокоустія за помершихъ. . . . . 10 р.
 На тую жъ церковь записую. . . . . 10 р.
 Тамъ-же и за мене грѣшнаго записую . . . . . 5 р.

„Что остается денегъ товарискихъ у Грицька Одвосума (вѣ- роятно по куреню), то прошу изчислити при атаманѣ Яцку, и по расчетъ, что въ мою часть надлежатиметь, прошу каждому просящему дать“.

„Такъ-же до „Святыхъ Горъ“ (въ харьковской губ.) 20 р. -- к.
 Въ Камянку до чудного образа Матери Божіей. . 10 р. — к.

¹⁾ Спуствъ—три ведра.

Герасимови братови записую	10 р. — к.
Въ курень прошу обѣдъ справить рублей на . . .	3
За похороны священникамъ: Затковецкому 15 зл. п.	1 р. 5 к.
Мелешневскому	1 р. — к.
Дикамъ съ товарищми	1 р. — к.
Пономарю	— р. 10 к.
Братству	— р. 50 к.

Лошакивъ съ Односумомъ товарицкихъ пять.

Хутро (шубу) и кунтушь отдать до Сѣчи, и Односумъ нехай продасть и деньги на церковь дасть“.

„Сіе записую при людяхъ достойныхъ, а именно: Андрей Дубовому, Яцку Пидгѣрносу, Ивану Рудому, Василю Бѣлицкому, Костѣ Микитису, Якову Шереда и Ивану Шароградскому“.

3.

„Реестръ по умершему Ивану Высочину, ще выдано на разные расходы за его покойнаго душу, а именно:

„Зѣ денегъ: попу изъ братствомъ того-жь храма го- товыхъ денегъ	12 р. — к.
Дякамъ того-же храма	1 р. — к.
Отцу Василю Мелешковскому	1 р. — к.
Поломареви 10 к.; дякови Мелешковскому 5 к.; брат- чикамъ того-жь храма 50 к.; за ладанъ на по- хороны сдержано 5 коп.	

За кабана на обѣдъ упогреблено . . . . . 1 р. 5 к.

За борошно (муку) пшеничное . . . . . 1 р. — к.

За маслосвятіе . . . . . 1 р. — к.

„Горилки на маслосвятіе употреблено полспусть, на обѣдъ спусть, а потомъ вторично полспусть“.

„Попу дано хутро (шубу) черное и кунтушь.

„Арендарю Шліоми долженъ остался по . . . . . 4 р. 25 к.

Берхови шинкарю . . . . . — р. 5 к.

Писареви . . . . . — р. 5 к.

Иванови Шароредску . . . . . — р. 5 к.

Въ Ладыжичъ на позволе . . . . . 1 р. — к.

За подковку коня и за подковы . . . . . — р. 20 к.

Взято на подкову 15 фугъ.

„За росписку, которую далъ покойный Иванъ къ отсылкѣ до Сѣчи, имѣвшуюся отъ жида Затковского, то прошу, чтобъ сюда назадъ была прислана чрезъ Ивана Шаргородіенка, яко

жидъ просить, что-бъ ему обратно отданъ былъ, о чемъ и Герасимъ сознаеть, что куда выдано“.

Это примѣчаніе сдѣлано вѣроятно губернаторомъ польскимъ, приславшимъ въ Сѣчь духовную Высочина.

Для насъ въ особенности интересна цѣна припасовъ и вознагражденіе церковнослужителей. Кабанъ стоитъ всего 1 руб. 5 коп., да ладанъ 5 к. Дьяку и пономарю дано всего по 5 коп.

На подлинномъ документѣ замѣчено: „переводъ съ польскаго на русскій діалектъ“.

IV.

„Печатка“ по случаю опасеній наезда татаръ, въ 1769 году.

Печатками ¹⁾ назывались въ Запорожьи тѣ приказы Коша, которые разсылались по паланкамъ и перевозамъ, особенно въ началѣ существованія войска, за неимѣніемъ писарей; онѣ состояли изъ одной печати, наклеенной на воскъ или бумагѣ, а содержаніе ихъ передавалось изустно. Прилагаемая здѣсь „печатка“ принадлежитъ уже позднѣйшимъ годамъ. Происхожденіе ея было слѣдующее: по свѣдѣніямъ доставленнымъ полковниками самарской и орельской паланокъ (нынѣ верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатеринослав. губерніи), татары сожгли 72 зимовника и въ нихъ убили 54 чел., въ плѣнъ взяли 256 душъ обоюго пола и захватили 22,080 штукъ скота, овецъ и лошадей.

„По полученіи сей печатки всѣ по зимовникамъ стоящіе въ Тарасовскомъ, Бѣленкомъ и Хортицахъ ²⁾ имѣютъ неотмѣнно какъ себя, такъ и тѣхъ, кто съ нихъ господаремъ живеть, и могущественные и таковыя, въ коихъ лошадей не имѣется, а они могутъ за що себѣ купить, ружемъ каждаго и по парѣ лошадей приспособить. Служителей-же своихъ, ружье жь чтобы было у каждаго, а когда хозяинъ пожелаетъ, то и парю лошадей приспособить-же, и всякій козакъ хозяинъ, со всѣми въ зимовнику, быть во всемъ къ походу и отпору противъ татарскаго движенія готови, и тагъ что ежели куда повелѣно будетъ выступать, то

¹⁾ Въ 1770-хъ годахъ были еще *карточки* посылаемыя по куренячъ о нарядѣ козаковъ на посты и чаты.

²⁾ Херсонской губерніи и уѣзда, на границѣ.

всѣ зъ зимовника какъ конные, такъ и пѣшіе, оставя при скотѣ въ зимовникѣ для смотрѣнія онаго одного человекѣа, выступить въ повелѣнное мѣсто; а безъ позволѣнія нигуда движенія не имѣть, и всѣ безотлучно находились-бы всегда при зимовникахъ⁴.

„Сію „печатку“ посылать зимовникъ отъ зимовника самокорѣе и какъ всѣ зимовники обойдетъ, то возвратить опять до Коша и отдать въ канцелярію войсковую; посылается-жъ съ Коша, 1768 года, ноября 13“.

Наша печатка, къ сожалѣнію, до того была ветха отъ сырости, что мы были принуждены дополнять ее иногда своими собственными словами.

V.

По церковнымъ дѣламъ.

Въ 1759 году запорожское войско пожелало сдѣлать для своей сѣчевой церкви паникадило серебрянное, по образцу кievской печерской лавры. Но такъ какъ это было вѣсомъ въ 7 пудовъ, то рѣшено было заказать въ Москвѣ паникадило серебрянное въ 5 пудовъ и 2 аршина вышины. Къ этому случаю относятся слѣдующія два письма запорожскихъ посланцевъ, довольно любопытныя.

1) 1759 года іюня 17, изъ Кіева. Запорожскій полковникъ Максимъ Куликовскій, посланный въ Кіевъ для снятія образцовъ съ пещерскихъ паникадилъ, пишетъ Кошевому (Алексѣю Григорьеву Бѣлицкому) слѣдующее:

„Софійскаго кievскаго монастыря всечестнѣйшій отецъ намѣстникъ, бывшій въ батурическомъ монастырѣ игуменомъ, Іосифъ Миткевичъ, просилъ къ себѣ, въ котораго въ самый праздникъ (Сочествовіе св. Духа) будучи, кушали всѣ и по нашему у его прошенію, за ходатайствомъ, у преосвященнаго митрополита кievскаго Арсенія были, и благословеніе въ поведѣльникъ на Троицу получить удостоились; а за скорымъ моимъ съ атаманомъ отходомъ въ квартиру, оставшіеся только два Онисимъ Семеновъ, да писарь у стола преосвященнаго кушали и довольно гуляли, и при отходѣ оба раза въ квартиру нашу въ межигорскій дворець¹⁾ софійскимъ монастыря повѣздомъ (экипажемъ) цугами отвозили и такъ отъ него всечестнаго угощены, что его

¹⁾ Подгорье жжигорскаго монастыря на Подолѣ Кіева.

благопріятствомъ весьма проникнуты и предъ В. В. безъ похвалки оставить было невозможно".

Само собой разумѣется, что отъ Софійскаго и другихъ монастырей посланъ былъ въ Сѣчь, съ дозволенія митрополита, монахъ (намѣстникъ батуриискій), для сбора милостыни.

2) Изъ Глухова, 22 сентября 1759 года атаманъ дядьковскаго куреня, Онисимъ Семеновичъ, пишетъ тому-же Кошевому:

„По словесному повелѣнію В. В. и общему приговору, я серебро, взятое мною изъ Сѣчи для издѣланія паникадила въ Москву возилъ, и тамо какъ я самъ, такъ и его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ новоспасскій въ издѣланіи онаго прилагалъ старанія, только-жъ въ Москвѣ тамошніе золотари, безъ выдачи заразъ денегъ, взять не похотѣли. Хотя-жъ и были тые, что нѣкоторые взять и принимались, но не скоро сдѣлать обѣщевались. Мое-жъ намѣреніе было, что-бъ взявши, по приговору войсковому съ казны жалованной деньги, которые по нашему намѣренію принять желалось въ Москвѣ, самому до сдѣлки прожить. Токмо отъ Статсъ-Колторы выдачу не въ Москвѣ, но въ Кіевѣ ассигновано принимать. Почему я принужденъ тое серебро, ѣдучи обратно, взять отъ отца архимандрита и въ Глуховѣ, по совѣту мѣщанъ, въ томъ числѣ и Григорія Приблудова (кои и ручались), отдать ко издѣланію къ майстру глуховскому мѣщанину и жителю, Карлу Яковлевичу *Кептину*, съ такимъ договоромъ, что онъ до принятаго отъ мене 1-го пуда 20 фунтовъ и 20 лотовъ, кои состоятъ 8° пробы, своего прибавить 3 пуда и 8 фунтовъ 12-й пробы; фунтъ цѣною по 15 рублей. И съ того всего серебра, т. е. 4½ пуда, сдѣлать оное (паникадило) 1760 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ; а деньги съ перваго теперешняго времени, за пріемомъ въ Кіевѣ казны тысячу рублей, а по сдѣлки половинной части паникадила, нѣкоторую часть, да за привозомъ на его коштъ, всѣ остальные отдать роспискою обовязался. О чемъ въ контрактѣ пространнѣе изъяснено“.

Подпись: „Онисимъ Семеновъ“.

VI.

Инструкція для ревизіи пананокъ и сбора податей 1762 г.

„Изъ Коша войска запорожскаго низоваго панамъ атаманамъ (куреней): деревянковскому Николаю *Тимофьеву*, левушковскому Якову *Качалову*, дядьковскому Гаврилу *Щирогу*“.

И Н С Т Р У К Ц І Я.

„Въ Кошѣ извѣстно учинилось, что по ревизіи въ минувшемъ 1756 году о дворовомъ числѣ въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ чиненной, по якой отъ означеннаго году по нынѣ и годовой окладъ на войско зъ обивателей взиманъ былъ, за расходомъ зъ прочихъ селъ въ другіе мѣста обивателей, не малое несходство въ написанномъ числѣ имѣется, потому что въ какомъ селѣ написано было дворовъ большимъ числомъ, за сходомъ, нынѣ остается малымъ, а гдѣ меньшимъ было, состоитъ большимъ. Отъ того слѣдуетъ и слѣдовать можетъ народу немалая тяжесть и во взятіи за изшедшихъ излишняго платежа обида и разореніе. Дабы впредь того не слѣдовало, повелѣли Мы, полнымъ Собраніемъ, для учиненія самую вѣрностью: гдѣ именно въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ, въ селахъ, какимъ числомъ дворовъ тяглыхъ и пѣшихъ состоитъ, въ тѣ вѣдомства для составленія ревизіи отправить васъ, и вы имѣете получа сію нашу инструкцію, учинить нижеписанное:

1.

„Слѣдовать въ вышепрописанные вѣдомства въ кодацкое и самарское, за прїѣздомъ атаманамъ „посполитымъ“ ¹⁾ кодацкому и самарскому приказать о всѣхъ ихъ вѣдомства подданныхъ, наличныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ, подать вѣрные списки, по якимъ вы, объѣхавъ обоихъ вѣдомствъ села, освидѣтельствовать и надлежаше безъ упущенія сочинить вѣдомости, и оныя, за поворотомъ, вамъ въ Кошѣ представить.

2.

Живущимъ кодацкаго вѣдомства въ Биленковатомъ, Росохватомъ и въ прочихъ байракахъ и мѣстахъ, тако-жь гдѣ козацкіи зимовники имѣются, и отъ обивателей тѣсятя, объявить, дабы они болѣе уже тамо жителями не были и утѣсенія остающимъ зимовниками козакамъ холостымъ не дѣлали, приказать въ села войти непременно, по посланному въ козацкую паланку приказу.

¹⁾ *Посполитыми* они назывались для отлічія отъ куренныхъ, т. е. военныхъ, это были семейные поселане, или „поженившіеся“ козаки.

3.

Богородичанъ¹⁾), призвавъ въ самарскую паланку, каковыя отъ тамошняго атамана Байраке чинятся обиды, озлобленіе и разоренія народу, спросить и по спросѣ учинивъ надлежащее разсмотрѣніе, и буде дойдетъ, что доносимыя намъ сюда обиды богородичанскимъ обитателямъ отъ него же будетъ до прима, то яко ему Байраку не до чиненія богородичанскимъ обитателямъ обидъ отъ Коша атаманску должность править велѣно,—другимъ, кого тамошніе обиватели похотятъ, добронадежнымъ человекомъ перемѣнить.

4.

„Воровъ и разбойниковъ, если гдѣ провѣдаете, сискивать, ловить и поступать по войсковымъ обычаямъ; равножь съ самовольцами, слушниками и не почитающими команды, поступать безъ поноровки, съ добрыми-же и чесными запорожскаго войска козаками поступать вамъ обходительно.

„Зъ Коша, генваря 9, 1762 года“.

Въ этомъ, вообще интересномъ документѣ, любопытнѣе всего для насъ сдѣланное наставленіе, чтобы вышедшія въ степь на поселеніе „обиватели“ возвращались въ свои усадьбы, дабы не стѣснять козаковъ въ ихъ зимовникахъ. Между тѣмъ въ этихъ двухъ паланкахъ, занимавшихъ большую часть нынѣшняго екатеринославскаго и новомосковскаго уѣздовъ, т. е. на 15,500 квадратныхъ верстѣ было всего 2,400 осѣдлыхъ семействъ, или до 8,000 душъ обоого пола, жившихъ въ 31 усадьбахъ, и нѣсколько сотъ козаковъ по зимовникамъ, а теперь здѣсь населенія болѣе, чѣмъ 300 тысячъ душъ обоого пола.

А. Скальковскій.

¹⁾ Богородичскій ретраншаментъ при владеніи р. Самары въ Дибрѣ, близъ Новомосковска, построены въ 1711 году.

Дневникъ Станислава Рѣсвѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Окончаніе). *)

Іюля 16. Король продолжалъ предначертанный путь, съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій и тамъ его истребить; но, сообразивъ, что при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ большой опасности и себя и всю Рѣчь Посполитую, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія, не будетъ-ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украйну, самому же возвратиться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, влонившіяся въ ту и въ другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полторы мили отъ Кременца и въ мили отъ передоваго отряда, двигавшагося впередъ подъ начальствомъ полнаго гетмана, король объявилъ, что онъ возвратится назадъ съ своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно-же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непременно отправлялся въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ; изъ придворныхъ чиновниковъ къ этому-же мнѣнію склонился канцлеръ (Андрей Лещинскій). Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ князю Вишневецкому, что самъ онъ не пожелалъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15,000 войска, теперь-же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества войска отправлялся въ отдаленный походъ.

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь, сентябрь и ноябрь „Кіев. Ст.“

Юля 17. Король пожелалъ передъ выѣздомъ произвести генеральный смотръ войску, съ этою цѣлью онъ отправился въ поведѣльнигъ въ Кременецъ; но такъ какъ случились въ то время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Вечеромъ этого дня онъ прибылъ въ Броды, гдѣ ночевалъ у хорунжія коронаго (Коняцпольскаго), котораго здоровье уже тогда поправилось. На слѣдующій день онъ ночевалъ въ Бѣломъ Кампѣ.

Юля 20 въ четвергъ король ночевалъ въ Глинянахъ. Во время его путешествія постоянно шелъ проливной дождь, приходилось ѣхать по грязи, оставивъ всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ; королю путь этотъ опротивѣлъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ. Если этотъ отъѣздъ короля и былъ невыгоденъ для Рѣчи Посполитой, то вся вина падаетъ на дворянское ополченіе, которое лишило его средствъ продолжать походъ, не только потому, что само удалилось, но и потому, что подало поводъ къ бѣгству всѣмъ тѣмъ, которые состояли въ войскѣ на жалованьи, теперь же подъ предлогомъ поступленія въ новыя милиціи, убѣжали скоростижно; изъ королевскаго полка осталось только три хоругви, которыя и послѣдовали за королемъ и принесли извѣстіе о томъ, что на остальные королевскія хоругви вѣтъ никакой надежды. Не смотря на все это, Господь рѣшился до конца не оставлять насъ: панъ Суходольскій возвратился изъ-за Винницы съ извѣстіемъ, что ханъ и Хмельницкій находятся въ Крыму и что татары вездѣ на обратномъ пути убивали и угоняли въ полонъ крестьянъ и козаковъ; наши также истребляютъ ихъ въ разсыпную. Притомъ Господь послалъ на нихъ повсемѣстный страхъ; наши, двигавшіеся „татарскимъ шляхомъ“, встрѣчали на всякой переправѣ множество потонувшихъ коней. Панъ Суходольскій утверждалъ положительно, что повсемѣстно чернь затворяется въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ и даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанные татарами въ Крымъ. Такъ поступило ополченіе черни, которое въ числѣ до 15,000 отправлялось въ помощь козакамъ подъ начальствомъ паволочскаго войта, и по дорогѣ встрѣтивъ татаръ, было ими истреблено на половину. Чернь вездѣ заявляетъ готовность къ покорности и если это настроеніе продолжится, то подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ сражается, ибо мы сами не дѣлаемъ ничего такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши

солдаты и доблестно сражались въ теченіи трехъ дней. Въ войскѣ съ гетманами остался писарь польскій Пржыемскій; князь Радзивиллъ и Убальдъ собираются уѣзжать. Король приказалъ, чтобы ротмистры оставались при хоругвяхъ, но многіе изъ нихъ сбѣжали.

Іюля 21. Король прибылъ во Львовъ; онъ явился въ городъ вечеромъ инкогнито и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду; затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи. Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что онъ заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излечившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Между тѣмъ волучились самыя разнообразныя вѣсти отъ разныхъ лицъ о судьбѣ Хмельницкаго: одни утверждали, что онъ въ сопровожденіи 30 воззаконъ отправился въ Крымъ вмѣстѣ съ ханомъ и что, потерявъ всякую надежду на восстановленіе козачества, онъ рѣшился принять исламизмъ. Извѣстіе это подтверждали гонцы господара волошкаго, вторые находились при ханѣ во время его переправы черезъ Днѣпръ у Санкермена (sic) и увѣрили, что видѣли тамъ Хмельницкаго. Другіе утверждали, что ханъ насильно увелъ съ собою Хмельницкаго въ оковахъ, имѣя намѣреніе отмстить ему за посрамленіе и потерю своего войска, такъ какъ онъ отправился въ походъ, полагаясь на ложныя увѣренія Хмельницкаго, будто войско наше весьма слабо и малочисленно. Многіе, подтверждая послѣднее извѣстіе, прибавляли однако какъ достовѣрное свѣдѣніе, что Хмельницкій откупился отъ хана, уплативъ ему 150,000 злотыхъ или талеровъ, вслѣдствіе чего былъ отпущенъ на свободу. Кажется, что ничто подобное случилось дѣйствительно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ остался въ Украинѣ и въ Крымѣ не поѣхалъ, доказательствомъ этого служатъ универсалы, разосланные имъ изъ Бѣлой-Церкви 2 іюля, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ битвы, въ которыхъ онъ зазываетъ разсѣявшихся хлоповъ вновь собираться. Вотъ ихъ подлинный текстъ:

„Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ запорожскимъ господамъ полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманьскому и паволоцкому добраго здоровья отъ Господа Бога желаемъ. Извѣщаемъ васъ, что по совѣту съ товариствомъ мы рѣшили: немедленно быть на готовѣ и собираться, не откладывая сбора до двухъ или даже до одной недѣли; по-

тому приказываемъ вамъ стянуть всѣ названныя полки къ Бѣлой-Церкви подѣ начальство бѣлоцерковскаго полковника, остальные же полки соберутся подѣ моимъ начальствомъ у Корсуня. Теперь необходимо намъ принять предосторожности, дабы враги не захватили насъ въ разбродѣ по домамъ. Съ этого времени всѣ извѣстія, какія дойдутъ до васъ, не теряя ни минуты, днемъ и ночью, сообщайте намъ; мы-же, въ свою очередь, будемъ васъ увѣдомлять обо всемъ, что узнаемъ, услышимъ или порѣшимъ въ нашемъ совѣтѣ. Вторично при томъ вамъ напоминаемъ, чтобы вы были на готовѣ и собирались въ одно мѣсто. Орда уже выступила и мы надѣемся, что враги наши не будутъ имѣть успѣха. За сямъ поручаемъ васъ покровительству Господа Бога. Дано подѣ Бѣлою-Церковью, дня 2 іюля, 1651 года. Богданъ Хмельницкій рукою власною“.

Хотя многіе были увѣрены въполнѣ, что Хмельницкій находится въ Крыму, и потому считали эти универсалы подложными и опубликованными исключительно для того, чтобы ввести насъ въ обманъ, но въ послѣдствіи истина обнаружилась, когда онъ самъ лично 9-го іюля явился съ нѣсколькими десятками козаковъ въ Любартовъ; вмѣстѣ съ нимъ находилось 2000 татаръ и три мурзы; они расположились лагеремъ у города, но вели себѣ скромно и смирно. Хмельницкій пообѣдалъ въ городѣ и выѣхалъ изъ него, взявъ съ собою съѣстные припасы, которыми нагружилъ двѣ повозки.

Описавъ весь ходъ Берестецкой кампаніи и ея послѣдствій, возвращусь къ разсказу о нашемъ походѣ въ Подгорье, который имѣлъ слѣдующій исходъ: выступивъ изъ лагеря 26 іюня, какъ о томъ выше было упомянуто, мы двигались ускореннымъ маршемъ, понуждая къ нему и пѣхоту, для того, чтобы поскорѣе достигнуть Чорштына и потушить намъ вспыхнувшее пламя бунта. Чтобы избѣгнуть замедленія и траты времени на переправахъ въ белзской землѣ, гдѣ онѣ очень многочисленны и трудны, мы, переправившись черезъ Бугъ у Сокала, раздѣлились на два отряда: мечникъ коронный и староста Сандецкій съ наемнымъ войскомъ отправились по дорогѣ на Нароль, мы-же пошли ближайшимъ путемъ на Любачевъ; мы все болѣе и болѣе ускоряли нашъ походъ, такъ какъ получали частыя вѣсти не только о проiscaхъ Костки, но и о томъ, что на той границѣ собираетъ войска Сигизмундъ Ракоцій, который состоялъ въ связи и съ нашими бунтовщиками и съ Хмельницкимъ. Но какъ его намѣре-

нія оказались тщетными, такъ и наша поспѣшность, стоившая намъ столько трудовъ, была излишня; ибо, еще до нашего прихода, противъ Костки отправилась пѣхота, находившаяся въ Краковѣ въ качествѣ гарнизона, и рать краковскаго епископа; ему не хватило ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ въ чорштынскомъ замкѣ, и потому горцы, которыхъ 40 человекъ, отъявленныхъ разбойниковъ, затворилось вмѣстѣ съ нимъ, потерявъ надежду на спасеніе и получивъ обѣщаніе, что будутъ отпущены на волю, выдали его нашимъ 24 іюня вмѣстѣ съ другими начальниками, которыхъ переписка выше была приведена. Всѣхъ ихъ казнили 18 іюля въ устрашеніе другимъ бунтовщикамъ. Начальникъ, называвшійся Косткою, но въ дѣйствительности бывшій или Наперскимъ или Симеономъ Бзовскимъ, и принявши самозванно титулъ старосты Чорштынскаго, былъ посаженъ на колъ; на допросахъ подъ пыткой онъ показалъ, что онъ принялъ фамилію Костки лишь потому, что воспитывался въ домѣ паповъ Костковъ, дѣйствительная же его фамилія Наперскій, притомъ онъ называлъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ короля. Передъ смертью онъ называлъ себя Симеономъ Бзовскимъ. Маршалокъ Лентовскій былъ четвертованъ, а ректоръ Пцимскій обезглавленъ; тѣло послѣдняго, вслѣдствіе усиленной просьбы его сына, служившаго тогда органистомъ у краковскаго епископа, дозволено было похоронить при церкви св. Катерины, но голову его прибили къ висѣлицѣ, рядомъ съ другими казненными.

Мы очень сожалѣли, что извѣстіе о его поимкѣ сообщено намъ было слишкомъ поздно; ибо мы напрасно утруждались походомъ и лишены были возможности принять участіе въ битвѣ подъ Берестечкомъ. Желая имѣть по крайней мѣрѣ точныя извѣстія, мы поспѣшили впередъ въ Краковъ, оставивъ свой отрядъ назади; здѣсь извѣстіе вполнѣ подтвердилось. Не имѣя повода далѣе оставаться въ этомъ краѣ, мы переговорили съ краковскимъ епископомъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ защиты, присутствовали вмѣстѣ съ нимъ на смотрѣ войска, вновь набранныаго для защиты краковскаго воеводства, и затѣмъ отправились назадъ въ Калѣбушовую, намѣреваясь оттуда отправиться обратно въ лагерь, оставивъ лишь пѣхоту, которая была сильно утомлена. Но здѣсь мы получили письма, извѣщавшія насъ о томъ, что войско пошло въ Украину, что дворянскія ополченія разбрелись по домамъ и что король возвратился въ Варшаву; вслѣдствіе этого мы и отказались отъ предполагаемаго похода.

Между тѣмъ войско наше, разставшись съ королемъ, отправилось въ Украйну; но оно двигалось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ постоянно падалъ дождь, переправы оказались вездѣ плохія и испорченныя, лошади были изнурены и страшно страдали отъ оводовъ. Едва 30 іюля войско достигло Лабуня, но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время этого похода наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаграждать себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, онѣ страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили.

Между тѣмъ литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣе двигались къ Кіеву; онъ извѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ въ случаѣ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія какъ по вышеприведеннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе сильнаго голода, господствовавшаго въ томъ краѣ.

Хлопы украинскіе, ускользнувъ отъ опасности, разбрелись по домамъ своимъ; они совершенно пали духомъ и въ первое время готовы были отказаться отъ всякихъ бунтовъ и своеволія и стали подчиняться панамъ и ихъ прикащикамъ и управляющимъ и исполнять свои повинности; но когда они узнали, что шляхтичи разѣхались по домамъ, что король, одно имя котораго наводило на нихъ страхъ, оставивъ войско, возвратился въ Варшаву, и что войско наше едва двигается черепашьимъ ходомъ, они немедленно стали опять помышлять о бунтѣ, вождей нашихъ и войско безъ короля они презирали, управляющихъ стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, стали вновь собираться толпами.

Августа 20. Въ этотъ день, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ лагерь доблестный рыцарь князь Іеремія-Михаилъ Вишневецкій, воевода русскій, мужъ для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампаніи; все войско о немъ глубоко сожалѣло и, если-бы это было возможно, готово было бы собственною кровію искупить его кончину.

Августа 21. Я пріѣхалъ въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и враги и собственные наши солдаты; я про-

жилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время я ѣздилъ въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославившуюся столь важными битвами и побѣдою; я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе какъ вслѣдствіе мѣстоположенія, такъ и по возведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ я посѣтилъ Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана Конецпольскаго; городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіи 12 недѣль осаду отъ 36,000 козаковъ и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ, оно все обращено было въ пепелъ татарами, когда они въ первый разъ шли атаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіяся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцомъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначая его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту онъ выразилъ въ слѣдующей надписи, изсѣченной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria
 Victoriae—triumphus
 Triumphi praemium—quies ¹⁾).

Теперь все это разрушено и испорчено бѣшенствомъ разъяренныхъ хлопцовъ.

Сентября 4. Относительно войска нашего и его похода въ Украину ничего существенно важнаго не случилось въ теченіи цѣлаго мѣсяца; все это время оно двигалось впередъ крайне медленно по выше указаннымъ причинамъ. Враги сразу смутившіеся не только ободрились въ это время, но успѣли вновь скопить значительныя силы, такъ что они были въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну. Правда на первыхъ порахъ они потерпѣли неудачу: не зная о томъ, что литовское войско выступило изъ Кіева для соединенія съ войскомъ короннымъ, непріятель отправилъ 3,000 отборпой конницы къ Кіеву сухимъ путемъ и столько-же водою съ порученіемъ отгнать

¹⁾ „Награда трудовъ военныхъ—побѣда, побѣда—тріумфъ, тріумфа-же—отдыхъ“
 Подгорцы и Лесневъ мѣстечка въ злоческомъ округѣ въ Галиціи.

литовское войско отъ Кіева, или по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительный уронъ. Нашъ передовой отрядъ наткнулся на тѣхъ козаковъ, которые двигались сухимъ путемъ и разбилъ ихъ столь основательно, что немногіе только успѣли спастись; такая-же участь постигла и тотъ отрядъ, который плылъ по Днѣпру. Однако эта потеря была незамѣтна при многочисленности враговъ, которые собирались большими толпами и съ той стороны Днѣпра и со всей Украйны. Впрочемъ самыя упорныя волненія и бунты своевольныхъ хлоповъ происходили по обыкновенію въ Брацлавщинѣ вслѣдствіе подстрекательства Богуна; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, скопища безчинствовавшихъ опрышковъ (разбойниковъ) не дозволила возвратиться никому изъ нашихъ. Александренко и Чугай¹⁾, истребивъ шляхтичей въ окрестности Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію и даже скирды хлѣба въ полѣ и затѣмъ, собравъ 10,000 людей, отправились къ своему войску. Чугай былъ убитъ случайно выстрѣломъ, который въ знакъ привѣтствія выпалилъ одинъ изъ хлоповъ, но Александренко, принявъ начальство надъ всѣмъ скопичемъ, расположился лагеремъ у Браилоза, разослалъ развѣзды во все стороны, занялъ волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовую и другія помѣстья въ той мѣстности; козаки воспользовались вомѣщачьими житницами, шляхту ограбили и истребили. Притомъ среди хлоповъ были распространены универсалы Хмельницкаго, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ обрабатывать и обсеменять все поля, утверждая, что ляхи находятся у него въ рукахъ, что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много татаръ. Господарь извѣщалъ насъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о намѣреніи хана выступить въ походъ со всею ордою; онъ совѣтовала кастеляну краковскому кончать войну скорѣе, предостерегая, что въ Украйнѣ, особенно около Умая, происходитъ наборъ лошадей для татаръ.

Вслѣдствіе того, что враги успѣли собрать значительныя силы и получили помощь отъ татаръ, наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ-бы въ осадѣ; враги захватили все дороги и пути сообщенія, прервали все сношенія, беспокоили нашихъ частыми стычками и произвели въ войскѣ нестерпимый голодъ, не допуская въ лагерь подвоза припасовъ. Хлопы въ сслахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими, восклицая: „ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ отъ Вислы!“

¹⁾ Въ подлинникѣ имя этого предводителя названо разъ Чугай, другой разъ Чуйко.

Паны гетманы, видя, что войсва его королевской милости и Рѣчи Посполитой сильно страдаютъ какъ отъ безпрестанныхъ стычекъ съ врагами, такъ и отъ голода, что силы враговъ постоянно увеличиваются подходящими къ нимъ отрядами козаковъ, и татаръ (въ лагерѣ Хмельницкаго у Бѣлой-Церкви находилось уже 160,000 козаковъ и 10,000 татаръ подъ начальствомъ Карашъ-мурзы и Мехметъ-мурзы), что всѣ пути ими завяты, наши-же не имѣютъ надежды ни на какія подкрѣпленія, старались изъискивать всѣ средства для того, чтобы покончить дѣло или сраженіемъ или договоромъ на приличныхъ условіяхъ. Враги, какъ казалось, также склонялись къ переговорамъ, но тѣмъ не менѣе они не пропускали малѣйшаго случая для того, чтобы нанести уронъ нашему войску. Наконецъ Хмельницкій прислалъ трехъ козаковъ къ краковскому кастеляну, предлагая ему отправить довѣренное лице для переговоровъ объ условіяхъ мира съ его писаремъ Выговскимъ. Гетманъ отправилъ пана Маховскаго.

Сентября 11. Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впоследствии-же оно съ нимъ соединилось. Вечеромъ возвратился отъ Хмельницкаго панъ Маховскій; козаки просили, чтобы гетманы назначили комиссаровъ для веденія съ ними приговоровъ; при чемъ Хмельницкій и полковники принесли клятву, что они будутъ соблюдать международное право и обезпечать безопасность комиссаровъ; они просили послѣднихъ пріѣхать въ Бѣлую-Церковь ради собственной безопасности и не совѣтовали вести переговоры въ полѣ, опасаясь нападенія на комиссаровъ отъ своевольныхъ татаръ.

Сентября 18. Отправились въ качествѣ комиссаровъ: воеводы Адамъ Кисѣль кіевскій и Лебовичъ смоленскій, также стольникъ литовскій Гонсевскій и подсудокъ брацлавскій Коссаковскій въ сопровожденіи 500 драгунъ и двухъ полковъ кавалеріи; но конвой этотъ возвратился изъ Бѣлой-Церкви.

Переговоры продолжались въ теченіи двухъ дней; согласились на нѣсколько условій, а именно: что Хмельницкій уплотитъ нашему войску жалованье за нѣсколько четвертей года, что козаковъ останется въ регистрѣ только 12,000, что Хмельницкій останется гетманомъ по прежнему. Условія эти вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „ты пріобрѣлъ славу и богатство нашими головами, говорили они, теперь еднаешся (миришься), изъ регистра насъ исклю-

чаешь, *ляхамъ насъ подиешь* ¹⁾), они сядутъ намъ на шею и т. п.⁴ Когда они наконецъ притихли, комиссары наши въ среду, на канунъ дня св. Маттея, собрались ѣхать въ свой лагерь, для утвержденія предположенныхъ условій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ числа козацкой старшины. Но едва обозъ комиссаровъ выступилъ изъ города, казаки и татары напали на возы, разграбили ихъ и все бывшее въ нихъ имущество расхитили; при этомъ убили до 30 товарищей, въ томъ числѣ и члена комиссіи пана Нагорецкаго, многихъ челядинцевъ захватили въ плѣнъ. Комиссары уже было тронулись въ путь вслѣдъ за обозомъ, когда получили извѣстіе о томъ, что творится впереди. Немедленно Выговскій и два полковника отвели ихъ обратно въ замокъ и отправились унимать буйство. Хлопы едва не вломились въ замокъ вслѣдъ за комиссарами и стали вынимать палисады; но по ту сторону частокола размѣщены были нѣсколько сотенъ регистровыхъ козаковъ, которые стали отражать нападавшихъ хлоповъ и рубили имъ руки при палисадѣ.

Когда это происходило въ Бѣлой-Церкви, оба войска наши перешли черезъ рѣчку Ольшанку; тотчасъ 1,000 татаръ подъѣхали подъ нашъ лагерь и нанесли намъ значительный уронъ, захвативъ многихъ солдатъ возвращавшихся съ провіантомъ. Въ то-же время прибѣжалъ одинъ рядовой изъ Бѣлой-Церкви съ извѣстіемъ, что комиссары находятся въ крайней опасности, ибо разъяренная чернь штурмомъ желаетъ добыть ихъ изъ замка и несомнѣнно она бы ихъ разнесла саблями, если-бы не прибѣжалъ самъ Хмельницкій съ полковниками и не приказалъ казнить тутъ-же 15 человекъ черни. Гетманы и войско были опечалены этимъ извѣстіемъ и стали обдумывать различныя средства для освобожденія ихъ. Уже склонялись къ тому предложенію, чтобы всю конницу направить на Бѣлую-Церковь съ тѣмъ, чтобы или освободить комиссаровъ, или вмѣстѣ съ ними сложить головы. Одинъ только кастелянъ краковскій полагалъ, что нужно повременить. Въ это время пришло извѣстіе, что комиссары уже возвращаются, но что орда ихъ преслѣдуетъ и что они просятъ подать имъ помощь, какъ можно скорѣе. Немедленно ударили въ гетманскіе котлы, войско поспѣшно вскочило на коней и выступило въ поле. Но было уже поздно, ибо всѣ экипажи комиссаровъ были уже разграблены: воевода смоленскій и стольникъ литовскій лишились

¹⁾ Подчеркнутые слова въ подлинникѣ по русски.

денегъ болѣе, чѣмъ на 100,000 злотыхъ, воевода-же кievскiй и подсудокъ брацлавскiй болѣе, чѣмъ на 30,000.

Сентября 21. Въ день св. Матѳея возвратились комиссары наши въ лагерь подъ escortомъ нѣсколькихъ тысячъ регистровыхъ козаковъ; вмѣстѣ съ ними Хмельницкiй прислалъ Гладкого и еще кого-то другого (Москаленка) для окончательнаго утвержденiя условленнаго договора. Но когда пришлось обсуждать его статьи въ палаткѣ кастеляна краковскаго, въ присутствiи гетмановъ, сенаторовъ и полковниковъ, то собралась въ палаткѣ большая толпа товарищей и среди нихъ поднялся шумъ и ропотъ. Гетманъ литовскiй (кн. Янушъ Радзивиллъ), нашъ польный гетманъ (Капиновскiй) и все войско протестовали противъ статей договора и негодовали за оскорбленiе нашихъ комиссаровъ. Когда кастелянъ краковскiй предложилъ сѣсть козацкимъ посламъ, то польный гетманъ вскричалъ: „я приказалъ уже приготовить колы, на которыхъ они будутъ посажены, здѣсь-же среди насъ они недостойны сидѣть!“ Такимъ образомъ переговоры не состоялись; войско должно было двинуться въ походъ къ Вѣлой-Церкви. Когда оно уже остановилось въ виду этого города, прибыло посольство къ краковскому кастеляну отъ Хмельницкаго, спрашивая, почему онъ приблизился съ войскомъ къ городу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что запорожское войско не можетъ согласиться на предварительныя условiя договора и требуетъ возстановленiя статей договора зборовскаго.

Сентября 23. Въ виду ихъ двоедушiя, кастелянъ краковскiй расположилъ войско въ боевой строй такой же, каковъ былъ у насъ въ битвѣ у Берестечка; надъ правымъ крыломъ, которому угрожала самая большая опасность, ибо впереди его находились пасѣнки, рвы и болота, принялъ начальство князь гетманъ литовскiй, лѣвое крыло было подъ начальствомъ польнаго гетмана, центромъ-же командовалъ кастелянъ краковскiй вмѣстѣ съ писаремъ польнымъ Пржыемскимъ. Козаки, которыхъ Хмельницкiй угостилъ водкою, вышли въ поле вмѣстѣ съ татарами; многiе изъ нихъ наблюдали съ вершины кургановъ за движенiями нашего войска. Кастелянъ краковскiй полагалъ, что не слѣдуетъ вступать въ битву; но всѣ другiе были иного мнѣнiя. Между тѣмъ войска сошлись такъ близко, что необходимо было начать сраженiе. Шесть хоругвей нашихъ бросились впередъ и врѣзались въ середину неприятелей, за ними бросился съ своимъ полкомъ хорунжiй сандомирскiй, ему-же доставлялъ подкрѣпленiя воевода подольскiй.

Въ то-же время князь гетманъ литовскій паступилъ впередъ весьма быстро правымъ крыломъ; онъ согналъ съ поля враговъ, которые обратились позорно въ бѣгство къ своему табору. Убитыхъ было немного, ибо все дѣло состояло болѣе въ бѣгствѣ, чѣмъ въ сраженіи. Въ этотъ день мы могли одержать если не окончательную, то весьма значительную побѣду, но лѣвое крыло не сумѣло воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали враговъ отъ болотъ и пастѣкъ на обширную равнину, лежавшую противъ этого крыла.

Сентября 24. Утромъ Хмельницкій прислалъ сказать, что онъ радуется тому, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія; онъ утверждалъ, что вчера противъ насъ выступили только татары и своевольные люди, которыхъ онъ не могъ удержать; онъ изъявилъ готовность возобновить переговоры. Между тѣмъ около полудня въ поле выступило болѣе 10,000 козаковъ, другіе прокрадывались къ намъ, скрываясь среди болотъ, татары же напали сзади на нашъ лагерь, такъ что нашимъ пришлось отражать ихъ. Однако Божіею милостію уронъ нашъ былъ незначителенъ, хотя татары и захватили многихъ челядинцевъ. Вечеромъ Хмельницкій объявлялъ, что завтра начнетъ переговоры.

Сентября 25. Съ утра до вечера происходили постоянныя стычки съ татарами въ разсыпную.

Сентября 26. Опять Хмельницкій прислалъ пословъ, заявляя, что онъ готовъ принять предложенныя комиссарами статьи договора, но только требовалъ, чтобы количество козаковъ было не менѣе 20,000; наши должны были согласиться на это, хотя противъ воли. Притомъ онъ требовалъ, чтобы кастелянъ краковскій уступилъ ему Черкасы и Боровицу; но на это кастелянъ не могъ согласиться безъ дозволенія короля и сейма.

Сентября 28. Взявъ въ качествѣ заложниковъ въ свой таборъ подскарбія литовскаго (Михаила Тризну?) и старосту красноставскаго (Яна Собѣскаго), Хмельницкій пріѣхалъ въ нашъ лагерь въ сопровожденіи двухъ полковниковъ и Выговскаго; онъ, стоя на колѣнахъ передъ кастеляномъ краковскимъ, просилъ прощевія и благодарилъ за помилованіе. Затѣмъ прочли статьи договора слѣдующаго содержанія:

Статьи договора, заключеннаго съ козаками подъ Вѣлю-Церковью:

1) Козаковъ регистровыхъ полагается 20,000. Они должны жить исключительно въ воеводствѣ кievскомъ, въ королевскихъ

имѣніяхъ, и не имѣютъ права селиться въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, а также въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, откуда предоставляется право переселиться въ королевскія имѣнія тѣмъ, которые будутъ записаны въ регистръ.

2) Составленіе регистра должно быть кончено къ празднику Рождества Христова. Регистръ, за подписью гетмана, долженъ быть представленъ королю и явленъ въ кіевскія градскія книги.

3) Войско коронное будетъ занимать квартиры въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ и не будетъ размѣщаться тамъ, гдѣ живутъ козаки.

4) Помѣщики воеводствъ кіевского, брацлавскаго и черниговскаго, равно какъ и старосты могутъ немедленно возвратиться въ свои помѣстья или прислать своихъ управляющихъ и принять въ свое распоряженіе имѣнія и всѣ доходы: корчмы, мельницы и т. п., но они не будутъ требовать податей и даней впередъ до составленія регистра, дабы тѣ лица, которыя попадутъ въ регистръ, имѣли время для того, чтобы выселиться и дабы точно опредѣлилось разграниченіе между козаками и подданными.

5) Чигиринь, согласно выданной кородемъ привиллегіи, остается во владѣніи гетмана и его преемниковъ; гетманы козацкіе должны подчиняться верховной власти гетмановъ коронныхъ; они будутъ получать уставныя грамоты и, принимая должность, должны приносить присягу на вѣрность королю. Всѣ полковники и козацкая старшина будутъ назначаться гетманомъ и состоять подъ его властью.

6) Греческая вѣра, исповѣдуемая войскомъ запорожскимъ, остается свободною, согласно съ древними правами; соборы, церкви, монастыри и кіевская коллегія останутся неприкосновенными. Въ случаѣ, еслибы оказалось, что въ смутное время кому-либо были пожалованы церковныя имуществва, то такія грамоты теряютъ всякое юридическое значеніе.

7) Общая амнистія дается какъ дворянамъ римскаго и греческаго исповѣданія, принявшимъ сторону козаковъ, такъ и кіевскимъ мѣщанамъ.

8) Евреи имѣютъ право по прежнему проживать и арендовать доходныя статьи въ имѣніяхъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ.

9) Орда, находящаяся нынѣ въ Украинѣ, должна немедленно удалиться, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости. Впредь татары не имѣютъ права оставлять

ваться на кочевья въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и козацкій гетманъ обѣщаетъ склонить татаръ къ повиновенію волѣ короля. Хмельницкій обязывается за себя и за своихъ преемниковъ не входить никогда въ тайныя сношенія ни съ ордою, ни съ другими сосѣдними народами и монархами и пребывать въ вѣрномъ подданствѣ короля его милости.

10) Такъ какъ козачество никогда не простиралось въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то и впредь туда простираться не должно.

11) Такъ какъ Кіевъ есть столица воеводства и мѣстопробываніе суда, то въ городѣ должно быть по мѣрѣ возможности меньше козаковъ зачислено въ регистръ.

Статьи эти для большей вѣры и крѣпости должны быть подтверждены присягою какъ комиссаровъ, такъ и запорожскаго гетмана и старшины, и должны быть точно приведены въ исполненіе.

Послѣ прочета этихъ статей, Хмельницкій исполнилъ присягу. Дай Господи, чтобы онъ ее соблюлъ точнѣе, чѣмъ предшествовавшія!

Послѣ замиренія, коронное войско удалилось немедленно въ назначенныя ему для стоянки мѣста, на которыхъ должно было оставаться впредь до составленія регистра; оно расположилось у Животова, гдѣ назначенъ былъ генеральный смотръ. Литовское войско возвратилось въ Литву. Орда должна была уйти во свояси, а козаки были отпущены по домамъ. На предстоящій сеймъ козаки должны были отправить пословъ съ изъясненіемъ благодарности королю за ихъ помилованіе.

Вышеупомянутый договоръ заключенъ былъ съ козаками на условіяхъ, не отвѣчавшихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ нашего войска. Тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ наскучила война и постоянный сборъ податей на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе этого, жемали какъ можно скорѣе заключенія мира, полезнаго какъ для нихъ, такъ и для отечества. Не смотря дѣйствительно на нашу безурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно: 1) помѣщики трехъ воеводствъ: брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, были освобождены отъ тяжелаго ярма, возложеннаго на нихъ зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать въ регистръ козаковъ, жив-

шихъ въ частныхъ помѣстьяхъ, 2) расторженъ былъ опасный союзъ козаковъ съ татарами, который долженъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря, 3) войска наши получили вновь право квартировать въ трехъ украинскихъ воеводствахъ, котораго лишены были по зборовскому договору, 4) постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предава забвенію.

Впрочемъ большинству дворянъ и самому королю договоръ не особенно понравился; они были недовольны тѣмъ, что булава гетманская была оставлена Хмельницкому, что признано было законнымъ слишкомъ большое число козаковъ, что обязанность уплаты жалованья войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно-же неудовольствіе происходило отъ того, что въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не отвѣчалъ надеждамъ, то на то были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно: 1) разстроенное здоровье кастеляна краковскаго, вслѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но по временамъ войску угрожала серьезная опасность. 2) Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскахъ происходили крупныя скандалы; ибо польный гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, вслѣдствіе чего, что стыдно даже писать, они ругались взаимно матерными словами и хватались за сабли. 3) Войско наше страдало отъ голода, который можетъ безъ битвы привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи; въ лагерь нашъ за коровой хлѣба платили по 4 злотыхъ, а за кварту простой водки, если только возможно было ее достать, по 8 злотыхъ. 4) Войско наше, теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ таковыя постоянно прибывали къ драгамъ. 5) Большая ошибка сдѣлана была въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло оттуда ни возвратиться вспять, ни двинуться впередъ, не подвергаясь большой опасности. 6) Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ орды подъ начальствомъ Нуреддина и находился уже у Кореуня. 7) Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безурядицы нашей, оставитъ насъ и

возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе!“ Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ немовѣрной скромности и вѣжливости; онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой вои́нъ. Вообще о князѣ Радзивиллѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающійся умъ въ военныхъ со-вѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣнье удержать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой. Качества эти онъ заявилъ въ дѣлѣ, бывшемъ въ субботу (23 сентября), о которомъ упомянуто выше: князь настаивалъ на необходимости вступить въ сраженіе, атаковалъ храбро непріятеля, привудилъ его очистить поле битвы и вѣроятно уничтожилъ-бы окончательно его силы, еслибы наше войско его поддержало. Но онъ убѣдился въ нашей вялости, и потому на слѣдующій день, когда его спросили въ совѣтѣ: слѣдуетъ-ли продолжать начатые переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „еслибы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ короннаго войска, то я предпочелъ-бы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ“. 8) Обстоятельство, вызвавшее также уступчивость съ нашей стороны, заключалось въ состояніи погоды: дождь и слякоть, продолжавшіеся непрерывно въ теченіи трехъ сутокъ, до того были вредны для войска. что въ одну ночь умерло до 300 человекъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные-же иностранцы, не будучи въ состояніи долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ врагамъ. 9) Наконецъ, совершенное почти отсутствіе управленія, этсой души военнаго дѣла, проявилось въ такой-же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на угадъ по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану. 10) Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ сдѣлана была самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительнаго сраженія, которое могло-бы увѣичать и закончить кампанію полнымъ уснѣхомъ. Сами враги впоследствии сознавались, что когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ-же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями полянаго писаря Пржыемскяго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились въ бѣгство; даже полковники стали отступать за Рось

и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Любимецъ его Выговскій говорилъ: „мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали у Берестечка, но Господь вамъ отнялъ разумъ“.

И такъ, принявъ во вниманіе всѣ перечисленные обстоятельства, мы должны воздать благодарность Господу за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранилъ насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать вслѣдствіе нашего неустройства.

Октябрь доказалъ намъ, что на столько-же легко, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заключить договоръ, на сколько потомъ трудно и тягостно удержать оный и исполнить, когда для этого потребуется нѣкоторое время и когда минуетъ угрожавшая опасность. Примѣръ этого явилъ Хмельницкій, который, показывая полную готовность исполнить подтвержденные его присягою статьи договора, сталъ ихъ толковать на свой ладъ, согласно съ своими интересами. Онъ сообщилъ пану Маховскому, отправленному къ нему изъ лагеря, что онъ разрѣшаетъ войску занять квартиры въ брацлавскомъ воеводствѣ, но ограничилъ право сбора провіанта и прибавилъ условіе, чтобы солдаты вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. Тягостно показалось вождямъ и войску отъ подданнаго получать ограниченія и предписанія, но, уступая тяжелой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключеннаго договора, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украинѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Савраия по всей почти Уманщинѣ; оно, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получило право на сборъ самаго ничтожнаго провіанта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость, что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына Тимоша съ частью войска въ Молдавію, для бракосочетанія съ дочерью молдавскаго государя, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ отъ послѣдняго; съ Тимошемъ онъ рѣшилъ отправить и татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долині у Корсуни, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли. Кастелянъ краковскій, убѣжденный въ томъ, что это предпріятіе влечетъ къ большой невыгодѣ и опасности для Рѣчи Посполитой, не распустилъ войска на квартиры, но остановилъ его въ сборѣ у Маховки подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще крестьянскія волненія. По причинѣ тяжелой болѣзни онъ сдалъ начальство польному гетману, самъ же 22 октября уѣхалъ для восстановленія совершенно разстроенаго

здоровья въ Хмельникѣ. Бунты не унялись и за Днѣпромъ, гдѣ хлопы продолжали своевольничать и, не обращая вовсе вниманія на универсалы Хмельницкаго и на его приставовъ, похвалялись выбрать другого гетмана и никого изъ нашихъ не пропускали за Днѣпръ, если-же кто-либо отваживался переѣзжать туда, то его убивали.

Ноября 20. Скончался въ Хмельникѣ кастелянъ краковскій послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися послѣ его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отстрачивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго кастеляна была предоставлена воеводѣ мазовецкому Варшицкому, несмотря на то, что по обществу мнѣнію право на нее имѣлъ краковскій воевода. Барское староство передано князю Богуславу Радзивиллу, люблинское — кастеляну сендомирскому Витовскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ недавно оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву; но въ дѣйствительности его успѣху гораздо болѣе спомоществовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15,000 червонцевъ. Нѣжинское староство предоставлено маршалу коронному (Любомирскому), булаву-же гетмана великаго король пока оставилъ при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Другія, мелкія доходныя мѣста покойника оставлены были его наслѣдникамъ для того, чтобы помочь имъ уплотить выкупъ, не выплаченный еще татарамъ за его освобожденіе изъ плѣна.

Декабря 15. Между тѣмъ изъ Украины получались постоянно новыя вѣсти о томъ, что козаки и хлопы не смирились, но безпрестанно возобновляли попытки къ бунтамъ и волненію; они не только продолжали къ намъ относиться враждебно, но производили беспорядки и въ собственной средѣ: такъ они убили бѣлоцерковскаго полковника Громыку, пытавшагося усмирить ихъ своеволіе, а также многихъ другихъ лицъ, желавшихъ прекращенія бунта. Своевольники жившіе за Днѣпромъ, избрали себѣ новаго гетмана, нѣкоего Вдовиченка и вчали междуусобіе. Но Хмельницкій энергически отстаивалъ свое положеніе и авторитетъ своей власти и казнилъ до двадцати бунтовщиковъ. Въ виду этихъ событій нашъ польскій гетманъ, который вслѣдствіе смерти гетмана великаго принялъ верховное начальство надъ войскомъ, не полагаясь на

строгія мѣры, принятыя Хмельницкимъ и опасаясь, чтобы волненіе, вспыхнувшее между козаками, не разразилось неожиданно бѣдствіемъ для Рѣчи Посполитої, приказалъ немедленно всему войску, расположившемуся было уже на квартирахъ, собираться въ лагерь, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полковъ мѣстечко Животовъ; онъ такимъ образомъ принялъ мѣры для того, чтобы всякое возможное, но непредвидѣнное событіе не застигло его върасплахъ.

Письмо кн. Н. В. Репнина къ императору Николаю Павловичу

(по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній).

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзнулъ-бы я обременять васъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею вашего императорскаго величества, чтобы правда невозбранно достигала подножія престола вашего. Я ручался вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что ни какіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать вамъ, какъ государю твердому, справедливому и дѣлательному, уповааетъ на милосердіе ваше и въ васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества; я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества, и, къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе вашего императорскаго величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселенъ, а черезъ то и дворянства, и въ отношенія моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 19 генваря, не льстилъ, яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несообразныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій возраждаютъ ропотъ на правительство, и что нищета и скорбь производятъ часто въ

простолюдинахъ тѣже преступныя дѣйствія, какія возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ.

Ваше императорское величество услышали мольбу подданнаго и истинно вамъ преданнаго, казакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ таже надежда на милосердіе, чрезъ представленіе г-ну министру войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи же недоумокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но възысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія, слѣдовательно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства и обвиненныхъ тѣмъ же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи! Трудно мнѣ, всемилостивѣйшій государь, оправдать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало уже высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общахъ дѣло частное; но я измѣнилъ-бы вамъ, всемилостивѣйшій государь, и отечеству, еслибы умолю, предвидя стоишь шести сотъ тысячъ вашихъ подданныхъ, и разрывъ той связи народа, на коей обезпечно доселѣ спокойствіе Имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на вѣрнѣйшихъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ, а здѣсь, всемилостивѣйшій государь, представляю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества важнѣйшую причину испрашиваемаго милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполство) мало чѣмъ различествовали отъ казаковъ и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время поработены они просками тогдашнихъ царедворцевъ, клеветовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ частиемъ родины для собственныхъ выгодъ. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память рассказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ казакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся-ли въ помѣщичьихъ крестья-

янахъ, когда увидятъ они милосердіе вашего императорскаго величества оказанное козакамъ и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?!.. Не покажется-ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ-ли они проклинать своихъ владѣльцовъ, служащихъ для нихъ, какъ будто преградою отеческаго милосердія вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподаннымъ вашимъ? Наконецъ отобравіемъ дворянскихъ имѣній въ опекуновское управленіе и, вслѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ помѣстій на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ-ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцовъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ вашему императорскому величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣланы мною еще 18 истекшаго мѣсяца, слѣдовательно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ; но признаюсь вамъ, всемилостивѣйшій государь, что я долго колебался обременять ваше императорское величество симъ представительствомъ моимъ, боясь, чтобы оное, по заключенію г. министра финансовъ, не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости, ни предъ Богомъ, ни предъ вами, ни предъ честью, и я рѣшился исполнить долгъ вѣрности и ходатайствовать въ послѣдній разъ у милосердія вашего императорскаго величества о помощи порученныхъ управленію моему, съ тою откровенностію, правда, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ вашему императорскому величеству. Можетъ быть иныя осудятъ меня за сію дерзость; но могли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту вашего императорскаго величества? Справедливость ваша, всемилостивѣйшій государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность мою Отцу, Брату и вамъ,—терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія, правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои, бескорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе милліоны, огчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, не разлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту вашу. Вы взвѣсите все сіе, всеми-

лостивѣйшій государь, съ обвиненіемъ меня, и уповаю, ваше императорское величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствій силы закона, но напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка. Также справедливость и прозорливость, всемилостивѣйшій государь, оправдаетъ жену, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея не бесполезна отечеству, и ваше императорское величество удостовѣритесь, что если расчестъ недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то они ни чѣмъ болѣе другихъ не виновны, и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельница, хотя тринадцати тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ пять тысячъ совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, три тысячи едва усмирённыхъ мятежниковъ нижегородской губерніи и пять тысячъ скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наследство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять ваше императорское величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце ваше скорбитъ о испытаніяхъ судьбами Всевышняго, на отечество наше налагаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, всемилостивѣйшій государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь приобрѣсти довѣріе вашего императорскаго величества, лишась коего, не полезенъ уже буду для службы и чести государства и порученной надзору моему странѣ,—напротивъ совершенно вреденъ. Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно и если польза государства побудитъ ваше императорское величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе ваше, всемилостивѣйшій государь, навѣрно не откажетъ мольбѣ моей,—употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо ниже той, на которую возвела меня благодать вашего императорскаго величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружать престоль вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принести въ жертву отечеству жизнь, достоиніе и честолюбіе. Скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподанный

Князь Николай Репнинъ.

31 іюля 1831 года.

Приведенный документъ, взятый „во время оно“ изъ домашняго хранилища наследниковъ князя Николая Васильевича Репнина, въ Яготинѣ, В. А. Животовскимъ и переданный мнѣ, сохранялся у меня не одинъ десятокъ лѣтъ. Изъ прочтенія недавно изданнаго, цѣннаго труда М. К. Чалаго: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 41) выясняется обликъ и духовный складъ двухъ лицъ: князя Н. В. Репнина и его дочери Варвары Николаевны, аристократовъ по происхожденію и по существу. Счастливая и богато одаренная семья! Среди окружающей тьмы панскаго „мочемордія“, среди животнаго мракобѣсія, какъ ярко свѣтящія солнца блистали эти два лица семьи, именитой въ краѣ. Князь Николай Васильевичъ былъ малороссійскимъ губернаторомъ, имѣя въ своемъ управленіи губерніи черниговскую и полтавскую, которыя одни тогда назывались малороссійскими, и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Прочитавъ приведенное письмо его къ государю Николаю Павловичу, кто не усмотритъ въ немъ истинно государственнаго человѣка, кто не оцѣнитъ его заботливости о нуждахъ края, его прямоты, съ которою онъ высказываетъ истину строгому государю, и смѣлости, съ которою онъ идетъ противъ цѣлой партіи приближенныхъ государя? Испросивъ прощеніе недоимокъ козакамъ и казеннымъ крестьянамъ, Репнинъ настаиваетъ на сложеніи недоимокъ съ крестьянъ помѣщичьихъ, не смотря на брошенный въ него укоръ въ своекорыстіи. То были дѣйствительно тяжкія времена едва оконченныхъ двухъ войнъ, послѣдовавшихъ за ними чумы, холеры и голода и начавшагося польскаго возстанія. Чуткая къ бѣдствіямъ народа душа князя спѣшитъ къ нему на помощь, рискуя всею своею карьерою. Но не однимъ этимъ драгоцѣнно приведенное письмо его: оно приподнимаетъ завѣсу съ неутвердившагося еще въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостничества, указываетъ на господствовавшія тогда политическія опасенія и политическія-же интриги и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на темный конецъ карьеры князя, съ которымъ пострадали тысячи невинныхъ людей. Мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Ник. Вас. Репнина, слышали о проискахъ и клеветѣ нѣкоей партіи на дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патриотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе.

какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмъ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ пеповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ, въ 30-мъ году, энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усумнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліаніемъ... Темное преданіе связываетъ эту печальную исторію съ женитьбой Репнина на дочери гетмана Разумовскаго и родствомъ его съ А. Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство. Какъ-бы то ни-было, но по усмиреніи польскаго возстанія, сформированные по поводу его козаки не возвращены на родину, но отправлены на Кавказъ, гдѣ и образовали линейные полки миргородскій и полтавскій, а когда эти невольные переселенцы заявили, что не могутъ оставаться въ одиночествѣ, то съ мѣста ихъ родины для нихъ отправлено соотвѣтственное количество невѣсть, а земли ихъ, перешедшія въ другія руки, и въ настоящее время составляютъ предметъ трудно разрѣшаемаго вопроса. Въ настоящемъ письмѣ Репнина сквозятъ грустныя черты, перешедшія потомъ въ едва вѣроятный фактъ, а преданіе указываетъ въ лицѣ иноземца Канкринна (сына крещеннаго еврея), главнаго коновода „тогдашнихъ царедворцевъ и клеветовъ ихъ“, какъ выражается князь въ своемъ письмѣ. Другое выраженіе князя: „истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ“ указываетъ на происходившую тогда борьбу коренныхъ силъ съ иноземными, изъ которой выродилось столь пригодное для многихъ дѣтище въ формѣ подозрѣванія вездѣсущей измѣны. Государственныя заслуги Репнина, были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ 1834 г. отъ службы; тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института флигель-адъютантомъ Строгановымъ. Въ заключеніе мы находимъ необходимымъ оговорить значеніе словъ князя о томъ, что долгъ превышалъ цѣнность доставшагося ему за женою имѣнія. Не одними

долгами обременены были доставшіяся по наслѣдству имѣнія князя; по нимъ велись нескончаемые и весьма убыточные процессы. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ уничтоженія гетманщины крѣпостничество, широко развернувъ свои когти, запуская ихъ и въ чисто козачьи поселенія. Изъ таковыхъ очутились въ кабалѣ у Разумовскихъ: часть Батурина, Великій Санборъ, Малый Санборъ и Корибутовъ, и объ нихъ-то и говорится здѣсь. Свободные владѣльцы земель—козаки, очутившись въ объятіяхъ кабалы, не хотѣли остаться въ ней ни пока числились во владѣніи Репниныхъ, ни когда остались „выморочными“ за казною, какъ стоимшіе уже свыше стоимости долга. Долго ходяки ихъ хлопотали о возстановленіи ихъ „первобытнаго положенія“, т. е. полной свободы со своимъ земельнымъ достояніемъ, долго возили свои животы, но, уставъ порядкомъ и видя, что дѣло все болѣе затягивается, „плюнули“, сказавши: „то въ панскій двіръ ворота широки, а зъ панського вельми тісни“...

Ст. фонъ-Носъ.

Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.

Послѣ усмиренія „Коліивщины“ судьба челоѣка, игравшаго въ ней самую важную роль, Максима Желѣзняка, теряется въ не-извѣстности: изъ польскихъ мемуаровъ знаемъ только, что онъ былъ арестованъ въ лагерѣ у Умани полковникомъ Гурьевымъ и отправленъ въ Кіевъ; затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о его участи не имѣется. Встрѣтивъ случайно нѣсколько документовъ, относящихся къ Желѣзнику послѣ его ареста, мы находимъ возможнымъ дополнить хотя нѣсколькими незначительными чертами скуднаго вообще свѣдѣнія объ этомъ инициаторѣ „Коліивщины“.

Покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ намъ небольшую пачку документовъ, извлеченную изъ „кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ“, въ которой находится нѣсколько фактическихъ указаній на первое время ареста Желѣзняка и его товарищей. Въ пачкѣ этой сохранились слѣдующіе документы: 1) рапортъ плацъ-маіора кіево-печерской вѣрности Лбова о томъ, что онъ принялъ подъ караулъ Желѣзняка съ 73 его товарищами, 8 іюля (20 іюля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряженіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ суммы для продовольствія арестованныхъ гайдамакъ впредь, пока судьба ихъ не будетъ рѣшена коллегією иностранныхъ дѣлъ (17 іюля); 3) рапортъ Лбова (отъ 8 августа) о томъ, что онъ израсходовалъ отпущенную на продовольствіе сумму и 4) постановленіе кіевской губернской канцеляріи о вторичномъ отпускѣ суммы на содержаніе арестантовъ до окончанія надъ ними суда (отъ 11 августа). Изъ послѣдняго документа мы узнаемъ, что судъ происходилъ въ кіевской губернской канцеляріи, ибо, давая распоряженіе объ отпускѣ кормовыхъ денегъ, канцелярія эта мотивируетъ свое распоряженіе слѣдующимъ образомъ: „а какъ по при-

сланному изъ оной государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 24 іюля сего году указу велѣно надъ оными присланными изъ полской Украйны, оказавшимися въ разбоѣ и во смертномъ убивствѣ, запорожцами произвести кіевской губернской канцеляріи надлежащій судъ, то въ разсужденіи того приказали... означеннымъ арестантамъ до окончанія объ нихъ суда кормовыхъ денегъ выдать“.

И такъ изъ приведенныхъ документовъ видно, что 8 іюля 1768 года Желѣзнякъ съ товарищами были заключены въ кіево-печерскую крѣпость, что въ концѣ іюля послѣдовало распоряженіе о преданіи ихъ суду въ кіевской губернской канцеляріи и что въ началѣ августа судъ уже началъ свои дѣйствія. Приговоръ его неизвѣстенъ намъ, но вѣроятно онъ кончилъ свои дѣйствія только въ октябрѣ и приговорилъ осужденныхъ къ ссылке на востокъ. Послѣднее мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго намъ обязательно А. А. Андріевскимъ, въ которомъ значится, что 1-го ноября Желѣзнякъ съ товарищами былъ уже на пути къ Бѣлгороду (курской губ.). Въ окрестности Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бѣгствомъ, но большинство ихъ, и въ томъ числѣ Желѣзнякъ, были вскорѣ настигнуты и вновь взяты подъ стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ указанной выше переписки. Въ виду заключающихся въ ней не безынтересныхъ подробностей, мы сообщаемъ ниже in extenso три изъ числа перечисленныхъ документовъ.

В. А.

1. *Рапортъ кіевского плацъ-маіора Василя Лбова о принятіи въ кіево-печерскую крѣпость 74 гайдамакъ и въ числѣ ихъ полковника Максима Желѣзняка. 1768 года, іюня 9.*

Кіевской губернской канцеляріи въ секретную экспедицію отъ кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ рапортъ.

Сего іюля 8-го дня прислано изъ Польши пойманныхъ гайдамакъ семьдесятъ четыре человека, коимъ при семъ иманной списокъ прилагается, которые и содержатся въ кіево-печерской крѣпости подъ карауломъ и пропитанія никакова ни откуда не имѣютъ; о семъ секретной экспедиціи симъ представляю: что повелено будетъ съ оными чинить, имѣю ожидать резолюціи. Плацъ-маіоръ Василій Лбовъ. Іюля 9 дня, 1768 году.

Списокъ приведеннымъ за конвоемъ, взятымъ подъ мѣстечкомъ Гуманемъ, запорожскимъ старшинамъ и козакамъ, а именно:

Называемые: атаманъ Павло Таранъ, полковникъ Максимъ Зелѣзнякъ.

Козаки: Власъ Лаевской, Макаръ Черной, Амелко Чубъ, Иванъ Бѣлой, Степанъ Якубовичъ, Михайло Моторный, Кондрать Верховойтъ, Андрей Калыболоцкій, Иванъ Зеленскій, Иванъ Лысой, Андрей Белой, Лукьянъ Долгопалой, Ефимъ Прейма, Максимъ Рудъ, Екимъ Жерлай, Гаврило Таранъ, Власъ Сокуръ, Радко Марковщина, Иванъ Губа, Корней Черной, Давыдъ Вербенко, Степанъ Саганагъ, Семень Тарасенко, Андрей Майданникъ, Фома Дурной, Каленикъ Медведевскій, Федоръ Волошинъ, Яковъ Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петръ Бондуренко, Павло Столбовый, Иванъ Таранъ, Грицко Кочаръ, Мосей Неживенко, Евстухъ Бескуздый, Никита Таранъ, Корней Белой, Кирило Стирчагъ, Денисъ Кобинякъ, Иванъ Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоусъ, Филипъ Безрукавый, Грицко Таранъ, Иванъ Шрамъ, Василей Гаенной, Демко Балагаиъ, Иванъ Жулай, Федоръ Булка, Лецко Бурганъ, Алекса Смишко, Нестеръ Литвиненко, Кирило Мадсейчанъ, Гаврило Губа, Семень Ивановичъ Демьянъ Чернявской, Петръ Таранъ, Михайло Черной, Федоръ Кулбаса, Василь Таранъ, Михайло Плохий, Василей Скулчанъ, Ничипоръ Лаштабей, Игнатъ Побошгородичъ, Федоръ Губа, Василей Морчукъ, Трофимъ Чуприна, Иванъ Байрицкій, Фома Сукуръ, Павло Лабазинъ, Мосей Павловъ, Яковъ Безродной.

Итого семьдесятъ четыре человекъ. Плаць-маіоръ Василей Лбовъ.

2. Постановленіе кievской губернской канцеляріи о выдачѣ кормовыхъ денегъ, по двѣ копейки въ день на человека, для содержанія поименованныхъ гайдамакъ. 1768 года, іюля 17.

1768 году іюля 17 дня. По указу ея императорскаго величества кievская губернская канцелярія, слушавъ присланнаго отъ находящагося въ Польшѣ каргопольскаго карабинернаго полку полковника Гурьева рапорта, въ которомъ между прочимъ объявлено: что по командированіи его, полковника Гурьева, съ онымъ каргопольскимъ полкомъ, отъ генераль-маіора Кречетникова къ польскому мѣстечку Умани для истребленія оказавшихся тамо гайдамаковъ, поймано тамо онымъ полкомъ запорожскихъ козаковъ 48, да предъ тѣмъ поймано жъ тверскаго карабинернаго полку поручникомъ

Калагривовымъ таковыхъ-же запорожскихъ козаковъ 25; итого 73 человекъ, между коими оныхъ разбойниковъ начальнигъ называемой полковникъ Желѣзнякъ. И оныя гайдамаки присланы въ Кіевъ при приложенномъ при томъ рапортѣ спискѣ, по которому явствуеть, что изъ показанныхъ въ ономъ Гордей Кибитной въ дорогѣ умре; а притомъ кіевскаго гарнизона плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что изъ оныхъ арестантовъ Павла Лабазина надлежитъ исключить, потому что онъ белевскаго полку бѣглой солдатъ и что настоящее его имя Андрей, а прозваніе Кобызевъ. А по поданному отъ оного плацъ-маіора Лбова списку явствуеть, что за исключеніемъ изъ оныхъ арестантовъ вышешисанныхъ: умершаго Гордѣя Кибитнаго да бѣглаго солдата Андрея Кобызева, имѣеть быть присланныхъ отъ оного полковника Гурьева арестантовъ 71, да прежде того присланныхъ въ Кіевъ съ письмомъ изъ Умаи отъ гайдамацкихъ начальниковъ два; итого всѣхъ 73 человекъ. Причомъ оной-же плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представлетъ, что на содержаніе оныхъ арестантовъ, то есть на покупку имъ хлѣба, меньшимъ числомъ обойтится не можно, какъ двумя копѣйками на день на каждаго человекъ; а какъ оныя арестанты присланы сюда по извѣстнымъ, происходящимъ въ Польшѣ обстоятельствамъ, о которыхъ уже на резолюцію представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, того ради приказали: вышеозначеннымъ присланнымъ каргопольскаго карабинернаго полку отъ полковника Гурьева 71, да отъ гайдамацкихъ начальниковъ двумя, итого 73 человекамъ арестантамъ, до воспослѣдованія объ нихъ на оное, учиненное отсюда, представленіе резолюціи, производить кормовые денги по двѣ копѣйки на день на каждаго человекъ, съ приводу ихъ въ Кіевъ, то есть сего іюля съ 8 числа и на произведевіе имъ тѣхъ кормовыхъ денегъ выдать помянутому плацъ-маіору Лбову 50 рублей изъ имѣющейсѣ въ кіевской губернской канцеляріи опредѣленной на заграничныя расходы суммы мѣдною монетою, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ расходчиву, архивариусу Бѣлозерскому дать указы и плацъ-маіору Лбову на записку тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, за губернскаю печатью и за секретарскою по листамъ скрепою, книгу. Означеннаго же бѣглого солдата Андрея Кобызева, для поступленія о немъ по указамъ и воинскимъ регуламъ, отослать при ордерѣ къ генераль-маіору, кіевскому оберъ-коменданту Елчанипову. При чемъ оному плацъ-маіору Лбову объявить, чтобы по издержкѣ тѣхъ денегъ, въ приходъ требовалъ выдачи еще на

произвожденіе онымъ арестантамъ кормовыхъ денегъ.--Федоръ Воейковъ. Петръ Веселицкій.

3. *Приказъ кievской губернской канцеляріи о розысканіи бѣжавшихъ изъ подъ стражи на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ гайдамакъ съ замѣткою о поимкѣ уже 36 изъ бѣжавшихъ, въ томъ числѣ и Максима Желѣзняка. 1768 года, декабря 19.*

1768 году, декабря 19 дня. По указу ея императорскаго величества кievская губернская канцелярія, слушавъ промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи, въ которой объявлено, что изъ отправленной изъ оной канцеляріи за надлежащимъ конвоемъ для препровожденія въ Бѣлгородъ 71 человекъ колодниковъ, Максимъ Желѣзнякъ съ товарищи, согласясь съ прочими 51 человекомъ, во время ночлегу ахтырской провинціи въ слободѣ Котельвѣ, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбивъ караулъ, и выломавъ двери, и отбивъ у солдатъ десять ружей и у козаковъ копья и ружья; изъ которыхъ колодниковъ 52-хъ человекъ Желѣзнякъ съ товарищи 33 человекъ, да въ малороссійскомъ полтавскомъ полку два человекъ пойманы, а 16 человекъ за побѣгомъ ихъ не пойманы и тою промеморіею требуется о подтвержденіи, куда надлежитъ, о присматриваніи и поимкѣ, по показаннымъ въ приложенномъ при оной промеморіи спискѣ приметамъ, оныхъ бѣглыхъ колодниковъ, и, если пойманы будутъ, о присылкѣ оныхъ въ ту канцелярію новороссійской губерніи подъ карауломъ для отправленія ихъ въ надлежащія мѣста. Приказали: въ кievской магистратъ, такожъ въ полицмейстерскую контору и на состоящіе въ кievской губерніи главные пограничные форпосты послать указы и при оныхъ приложить съ оного, присланнаго при промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи бѣжавшимъ колодникамъ списка копіи, и велеть тѣхъ бѣжавшихъ 16 человекъ колодниковъ, по показаннымъ въ томъ спискѣ примѣтамъ, присматривать и ловить, и ежели гдѣ усмотрены и пойманы будутъ, то, забивъ ихъ въ колодки, прислать подъ крѣпкимъ карауломъ въ кievскую губернскую канцелярію немедленно, и для ведома о томъ въ оную канцелярію новороссійской губерніи сообщить промеморіею. Наумъ Ск..., Василій Флеровъ, секретарь Василей Чернявской. Подписано 20 декабря 1768 года.

Библиографія.

---

*D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia.
T. I—2. Warszawa. 1882.*

*Д-ръ Антоній І. Историческіе разказы—серія третья, томъ 1—2.
Варшава. 1882.*

Подъ этимъ заглавіемъ неутомимый докторъ Антоній издалъ новый рядъ историческихъ очерковъ (числомъ 11), которые, за малымъ исключеніемъ (кромъ 2-хъ), относятся болѣе или менѣе непосредственно къ исторіи южной Руси. Большинство очерковъ посвящены концу XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ находятся три біографіи болѣе видныхъ дѣятелей тарговицкой конфедераціи: Автонія Злотницкаго, Бенедикта Гулевича и Дызмы Томашевскаго. Не одобряя цѣлей и пріемовъ дѣйствія самой конфедераціи, авторъ старается обрисовать совершенно безпристрастно избранные имъ типы, не произнося надъ ними огульнаго осужденія; онъ видитъ въ Томашевскомъ человѣка искренно-преданнаго старошляхетскимъ идеаламъ, считавшаго старое устройство Рѣчи Посполитой непривосновенною святынею и всѣ попытки, влонившіяся къ разширенію правъ другихъ сословій, къ установленію вѣротерпимости и къ обузданію дворянскаго произвола—преступленіемъ; такого рода убѣжденія побудили Томашевскаго къ участию въ конфедераціи, имѣвшей, какъ извѣстно, послѣдствіемъ прекращеніе политическаго существованія Польши. Игравшій видную роль въ той же конфедераціи—Гулевичъ дѣйствовалъ также по убѣжденію: онъ ожидалъ только отъ помощи Россіи спасенія для Польши и исключительно руководился въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ этою мыслью. Иной типъ представляетъ, по мнѣнію автора, Злотницкій, который и убѣжденія и

общественное дѣло готовъ былъ посвятить личной наживѣ и карьерѣ. Всѣ три впрочемъ названныя лица носятъ одну общую черту: они всѣ стоятъ въ зависимости въ полу-служебныхъ, полудружескихъ отношеніяхъ къ богатому вельможѣ—Феликсу Потоцкому и политическая карьера ихъ является гораздо болѣе результатомъ вліанія на нихъ этого магната, чѣмъ какихъ-либо убѣжденій. Не смотря на собранныя очень тщательно черты индивидуальнаго ихъ характера, помимо воли автора, изображенные имъ типы прежде всего дѣлаютъ впечатлѣніе сателлитовъ и паразитовъ важнаго пана, что конечно также составляетъ черту быта нравственно разложившагося въ XVIII вѣкѣ шляхетскаго общества. Представителемъ того же разложенія является и Іосифъ Стемпковский, біографію котораго помѣстилъ въ числѣ другихъ докторъ Антоній, подъ эффектнымъ заглавіемъ: „грозный Іосифъ“. Эпитетъ „грознаго“ данъ ему вслѣдствіе жестокихъ казней, которыми онъ истреблялъ крестьянъ послѣ усмиренія „Колывищины“, но въ сущности, согласно съ меткою характеристикой автора, мы думали бы, что Стемпковский заслуживаетъ скорѣе эпитета „пошлый“. Вся его жизнь посвящена на то, чтобы выслужиться, не разбирая средствъ, сдѣлать карьеру, скопить деньги и потомъ нагроможденные средства прокутить самымъ легкомысленнымъ и сибаритскимъ образомъ. Жестокія казни крестьянъ въ 1768 году не истекаютъ ни изъ убѣжденій, ни изъ личнаго его нрава, онъ расточаетъ ихъ лишь потому, что ошибочно полагаетъ, что жестокой образъ дѣйствія будетъ угоденъ королю;—убѣдившись въ противномъ, онъ оставляетъ казни и ищетъ другихъ средствъ отличія: мелкія стычки съ гайдаками раздуваетъ до размѣровъ рѣшительныхъ сраженій и наконецъ добивается того, что легкомысленное столичное и особенно придворное общество, смотритъ на него, какъ на спасителя отечества; затѣмъ онъ является постояннымъ агентомъ и клеветомъ короля въ сеймовыхъ агитаціяхъ, за что выпрашиваетъ должности, староства, ордена, доходныя бенефиціи и т. д.; всѣ эти званія королевской милости онъ перепродаетъ, закладываетъ и т. п. и вырученныя деньги употребляетъ на изысканную эпикурейскую роскошь, пока наконецъ апоплексическій ударъ не спасъ его отъ банкротства, долговъ и нищеты.

Во второмъ томѣ разсказовъ мы находимъ слѣдующія монографіи, содержаніе которыхъ относится къ XVI и XII столѣтіямъ: 1) Княжескій столъ за женщину, 2) Жизнь на Украинѣ до

козацкаго возстанія, 3) Одинъ изъ числа многихъ, 4) Немиричи. Предметомъ перваго служить неудачное сватовство Криштофа Зборовскаго на сестрѣ молдавскаго господаря Богдана Лопушнано (1569—1572 г.). Оскорбленный отказомъ господаря, Зборовскій схватилъ его на пути и заключилъ въ темницу; когда-же господарь уплатилъ выкупъ и получилъ свободу, то оказалось, что престолъ его уже былъ занятъ однимъ изъ его соперниковъ. Эпизодъ весьма характерный для даннаго времени и для обрисовки отношеній пограничныхъ магнатовъ къ Молдавіи и ея господарямъ; онъ рассказанъ весьма живо и обставленъ подробностями, поясняющими характеръ того времени.

Второй очеркъ, не менѣе интересный, составленъ по архивнымъ матеріаламъ (1570—1642 г.); онъ повѣствуетъ о продолжительной враждѣ двухъ семействъ земанъ брацлавской земан: Микулинскихъ и Козюбъ Якушинскихъ и изобилуетъ многочисленными бытовыми, весьма интересными подробностями.

„Одинъ изъ числа многихъ“ — это біографія шляхтича изъ Брацлавщины, нѣкоего Жука-Скоршевскаго, попавшаго въ плѣнъ козакамъ въ 1648 году и спасагося съ неимоверными усиліями бѣгствомъ, благодаря покровительству Адама Киселя. Жукъ поселился потомъ на берегахъ Збруча, въ имѣніи Ляцкоронскаго, но здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ этого магната, вслѣдствіе того, что осмѣлился посватать его дочь; подвергшись нападенію со стороны одного изъ родственниковъ Ляцкоронскаго, убилъ его въ дуэли, происходившей ночью на паромѣ, середѣ Днѣстра, и вслѣдствіе этого долженъ былъ убѣжать въ одну изъ отдаленныхъ областей Польши.

Послѣдній очеркъ „Немиричи“, составленный болѣе обстоятельно, рассказываетъ исторію этого древняго кievскаго землянскаго рода, начиная съ Ивана Немирича (упоминаемаго въ 1535 году) и до конца XVII столѣтія; въ концѣ прибавлена въ видѣ дополненія небольшая замѣтка о Генрихѣ Немиричѣ, подвергавшемся суду въ исходѣ прошлаго вѣка по обвиненію въ атеизмѣ. Біографіи Немиричей составлены по архивнымъ источникамъ и очерчены весьма отчетливо; такъ какъ многія лица, принадлежавшія къ этому роду, исповѣдывали соцініанство, то авторъ прибавилъ общій очеркъ распространенія этого религіознаго ученія въ южной Руси. Разсматривая генеалогію Немиричей, авторъ полагаетъ, что дворянскій родъ Немиричей разбогатѣлъ и приобрѣлъ значеніе потому, что онъ особенно сочув-

ственно отнесся къ люблинской уніи и умѣлъ скорѣе другихъ принаровиться къ новому порядку вещей. Мы полагаемъ, что это положеніе автора ошибочно, такъ какъ Немиричи гораздо раньше люблинской уніи принадлежали къ числу богатыхъ и знатныхъ земель кievской земли. Самъ докторъ Антоній нашелъ одно указаніе на этотъ фактъ въ описаніи овручскаго замка 1552 года, гдѣ Іосифъ Немиричъ поименованъ въ числѣ „пановъ кievскихъ“, въ качествѣ „державцы“ 4 селъ; ему также извѣстно, что отецъ Іосифа Иванъ владѣлъ селами Чернеховомъ, Марморицами и тремя пустошами. Къ указаніямъ этимъ можемъ прибавить еще нѣсколько свѣденій: въ 1531 году тотъ-же Иванъ Немиричъ приобрѣлъ покупкою отъ дворянки Ульяны Потаповичевой село „дѣдистое Ворахобовичи у Бѣлыхъ Берегахъ“; онъ былъ женатъ на послѣдней представительницѣ богатаго кievскаго рода земель Скобейковъ, принесшей ему въ качествѣ приданнаго вотчины и выслуги своего рода (въ томъ числѣ и Чернеховъ); Іосифъ-же Немиричъ владѣлъ дворами въ замкахъ овручскомъ и житомирскомъ. Такимъ образомъ поземельное состояніе Немиричей и значеніе ихъ рода можно констатировать уже дѣтъ за 30 до люблинской уніи.

Вообще всѣ очерки новой серіи „историческихъ разсказовъ“ д-ра Антонія І. написаны съ такимъ-же талантомъ и званіемъ историческаго матеріала, какія мы отмѣтили и въ прежнихъ сочиненіяхъ того-же автора, хотя и не лишены, какъ намъ кажется, и прежнихъ недостатковъ—злоупотребленія эпитетами и нѣсколько исключительной, предвзятой тенденціи. В. А.

Опись актовой книги кievскаго центральноаго архива. № 13. Составилъ Л. В. Пильницкій (официальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г.

Вышедшая на дняхъ книжка составляетъ уже 24-й выпускъ описей актовыхъ книгъ, издаваемыхъ кievскимъ центральнымъ архивомъ. Обладая громаднымъ научнымъ матеріаломъ, архивъ позаботился о томъ, чтобы привести этотъ матеріалъ въ извѣстность и, по мѣрѣ возможности, облегчить къ нему доступъ лицамъ, разыскивающимъ нужныя указанія. Съ этою цѣлью съ 1866 года приступлено было къ составленію краткихъ, но отчетливыхъ описей актовъ, хранящихся въ архивѣ и, по мѣрѣ того

такъ подвигалось составленіе этихъ описей, архивъ печаталъ ихъ; каждый выпускъ описей обнимаетъ докумены, вписанные въ отдельную актовую книгу. Составленіе описей происходитъ по строго выработанному плану и, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворяетъ предположенной цѣли: описи дѣлаются кратко и сжато, но притомъ такъ, чтобы не опустить ни характеристическихъ подробностей содержанія, ни личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ каждомъ документѣ. Желающій пользоваться описью можетъ въ теченіи часа ознакомиться съ содержаніемъ каждой описанной книги и вымѣтить себѣ акты, нужные для занимающаго его сюжета, между тѣмъ какъ безъ описи просмотрѣть книги и ознакомленіе съ ея содержаніемъ потребовало бы по меньшей мѣрѣ недѣлю усидчиваго труда. Притомъ лица, живущія вѣдѣ Кіева, могутъ по самой описи собрать богатый запасъ фактовъ, хотя лишенныхъ подробностей, но все таки могущихъ доставить значительный научный матеріалъ для любого историческаго или историко-юридическаго сюжета.

Вышедшая нынѣ книжка (№ 13) представляетъ опись актовой книги житомирской гродской, записовой и поточной 1617—1618 годовъ. Огромная эта книга содержитъ до 1500 листовъ, на которыхъ записано 1200 актовъ, въ числѣ которыхъ весьма многіе представляютъ историческій интересъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ данныя и для политической исторіи края: о походахъ противъ татаръ и турокъ, о походѣ поляковъ подъ Москву въ 1618 г., о мѣрахъ польскаго правительства для укрощенія козаковъ и т. п. и еще болѣе для исторіи бытовой всѣхъ сословій края: духовенства, дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ, козаковъ, жолнеровъ и евреевъ. Сверхъ того есть документы, относящіеся къ всевозможнымъ областямъ общественной и частной жизни давняго времени: постановленія областныхъ сеймиковъ, мѣры для сбора податей и налоговъ, указанія на копные суды, на производство заводское (поташные заводы) и торговлю, на семейный бытъ и т. п. Для генеалогіи, біографій отдельныхъ лицъ, исторической топографіи описи доставляютъ также обильный матеріалъ, такъ напримѣръ въ теченіи двухъ лѣтъ мы находимъ множество матеріаловъ для біографіи: Елисея Плетенецкаго, Веніамина Рудцаго, князя Януша Острожскаго и т. д., обильныя указанія на топографію Кіева и его окрестностей, на исторію кіевскихъ церквей и монастырей и т. п.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, на сколько удовлетворительно составлены описи и насколько онѣ дадутъ точное по-

нятіе о содержаніи самихъ актовъ, выпишемъ для примѣра вѣсколько самихъ описей, выбравъ ихъ на угадъ:

№ 226—жалоба вознаго Николая Пузовскаго на дворянина Яна Кучковскаго, приказывавшаго жалобцигу съѣсть принесенныя имъ позы и, послѣ отказа въ этомъ, нанесшаго ему тяжкіе побои“.

„№ 90. Свидѣтельство вознаго по жалобѣ дворянина Витинскаго о томъ, что *копа* села Вересова въ дѣтвицѣ житомирскаго замка безвинно и противузаконно подвергла пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ его крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ лошади у вересовскаго крестьянина“.

„№ 631. Жалоба кіево печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго на ложное обвиненіе его кіевскими мѣщанами въ незаконной торговлѣ водкою и въ устройствѣ ярмарки“.

„№ 491. Жалоба кіевского городничаго Станислава Вигуры о грабежѣ кіевскими мѣщанами сѣна и захватѣ ими подъ г. Кіевомъ острова Муравица въ грунтѣ *Милославицкомъ*“.

Полагаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о приѣмахъ составленія описей и возможности пользоваться ими для научныхъ цѣлей. В. А.

Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 r.

Мы выписали въ заглавіи одинъ изъ выпусковъ „Статистическихъ Вѣдомостей“, издаваемыхъ въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ „Львовскимъ Статистическимъ Бюро“, въ видѣ отдѣльныхъ „Стат. Вѣдомостей“. Онъ представляетъ собою брошюру въ 48 стр. (отъ 133—182) и состоитъ изъ XII таблицъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ цифровыя даты о землѣ, второй—о населеніи Галиціи, подъ особымъ заглавіемъ: „Najważniejsze wyniki spisu ludności Galicyi z 31 grudnia 1880 według tymczasowych zestawień powiatowych“...

Какъ видно изъ двухъ коротенькихъ предисловіій, которыми снабжены оба отдѣла, свѣдѣнія о землѣ собраны въ самое послѣднее время при „обычномъ урегулированіи поземельнаго налога“, и добыты редакціей изъ краевой комиссіи“, учрежденной для урегулированія поземельнаго налога, а данныя о населеніи

представляютъ результатъ однодневной переписи, произведенной 31 декабря 1880 г. во всей австрійской имперіи, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; систематизація же тѣхъ и другихъ данныхъ принадлежитъ самому редактору „Стат. Вѣд.“, проф. Пилату. Всѣ цифры разверстаны между 74 уѣздами (powiat или starostwo), на которые дѣлится Галиція. Въ 1-мъ отдѣлѣ всего двѣ таблицы, изъ которыхъ въ первой проставлены цифровыя данныя о землѣ по угодьямъ (огороды, поля, луга и т. д.), во 2-мъ—процентныя отношенія по тѣмъ же рубрикамъ. Во второмъ отдѣлѣ X таблицъ.

Таблицы I, II, III, IV содержатъ свѣдѣнія о населеніи по полямъ и мѣсту жительства, съ указаніемъ процентныхъ отношеній, таблица V—а) представляетъ населеніе по вѣроисповѣданіямъ, V—в) и VI по образованію съ процентными отношеніями, табл. VII, VIII и IX—по языку, тоже съ процентными указаніями. Наконецъ въ послѣднюю X-ю таблицу вошли общія цифры о населеніи по судебнымъ округамъ, которыхъ въ Галиціи II.

Какъ источникъ, изъ котораго взяты цифры, такъ и полнота и новизна самыхъ данныхъ (до этого времени не обнародованныхъ) дѣлаетъ эту брошюру, какъ и вообще Статистическія Вѣдомости львовскаго Бюро, весьма цѣнною для всякаго, интересующагося судьбою нашихъ единоплеменниковъ въ Галиціи, и мы со своей стороны рекомендуемъ непосредственно ознакомиться съ этой книжкой „Стат. Вѣдомостей“, какъ и вообще съ изданіемъ, богатымъ статистическимъ матеріаломъ.

Мы не станемъ сообщать въ библиографической замѣткѣ подробнаго содержанія самыхъ цифръ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только данными относительно русскаго населенія Галиціи, какъ болѣе интереснаго для читателей „Кіевской Старины“.

Изъ 74 повѣтовъ Галиціи русское (точнѣе южно-русское) населеніе преобладаетъ въ 46, составляя отъ 89, 926% (это maximum въ повѣтѣ Turka) до 56,746% (это minimum въ повѣтѣ Sanok). Такимъ образомъ южно-русское населеніе занимаетъ 9,503,854 морга земли изъ общей суммы 13,640,554, т. е. $\frac{2}{5}$ всего пространства Галиціи. Въ этой южно-русской Галиціи живетъ 3,445,101 человекъ, а за выключеніемъ пришлаго населенія (ludnosci zagrajowa 15,640) постояннаго населенія въ южно-русской Галиціи 3,439,461. По вѣроисповѣданіямъ это населеніе заключаетъ въ себѣ 944,015 католиковъ, 2414 армяно-католиковъ (ormiańsko unickie), 33 старо katolickie, 812 православныхъ, 30,463

лютеранъ, 63 англиканца, 698 менонитовъ, 498,459 іудеевъ, 1153 разныхъ иныхъ вѣроисповѣданій и 2,383,110 греко-уніатовъ. Относительно языка въ указанномъ районѣ: а) говорящихъ польскимъ языкомъ 827,340, б) нѣмецкимъ—274,167, в) на прочихъ языкахъ 2579 и д) на русскомъ 2,452,030. Населеніе южно русское характеризуется въ Галиціи уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ и русскимъ языкомъ, а потому цифра уніатовъ 2,516,542 представляетъ контингентъ малоруссовъ въ Галиціи; изъ нихъ 2,383,110 обитаетъ въ 46 округахъ, въ восточной Галиціи, а 133,432 въ западной ея половинѣ.

Въ цитируемыхъ нами данныхъ „Стат. Вѣдом.“ есть еще весьма характерныя цифры, это цифры табл V б), изъ которыхъ узнаемъ, что въ восточной Галиціи умѣющіе читать и писать составляютъ 8,94%, только читать 2,50%, а совершенно безграмотные 88,29%. Если же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что грамотность, какъ извѣстно, вообще развита больше въ высшемъ классѣ, затѣмъ между горожанами и послѣднее мѣсто занимаетъ населеніе деревень, въ Галиціи-же привилегированный классъ составляютъ поляки, а городское населеніе нѣмцы и евреи, то результатъ получится еще болѣе печальный. Въ южно-русскихъ провинціяхъ поляки составляютъ болѣе 23%, нѣмцы около 8, а вмѣстѣ 31%, такъ что, игнорируя уже цифру еврейскаго населенія, мы увидимъ, что русское населеніе въ Галиціи поголовно безграмотно. Процентъ грамотности въ польской Галиціи болѣе высокъ, именно совершенно неграмотные составляютъ тамъ 72,18%.

И. Житецкій.

Высокопреосвященныйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Москва, 1882 г.

Поминки по пр. Филаретъ, епископъ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ, 1882 г.

Эти двѣ небольшія брошюры, стр. 50--70 каждая, посвящены памяти тѣхъ скончавшихся въ этомъ году архипастырей, именами которыхъ онѣ названы. Это не некрологи и не біографіи, но, какъ говорится, вѣнки на могилу почившихъ: одинъ соплетенъ въ Москвѣ, другой въ Кишиневѣ. Обѣ брошюры вышли почти одновременно и одновременно сошли въ нашихъ рукахъ;

мы и соединяемъ ихъ въ одной общей о нихъ замѣткѣ, имѣя на то особыя причины.

Имена Макарія Булгакова, митрополита московскаго, и Филарета Филаретова, епископа рижскаго, принадлежать къ числу особо чтимыхъ въ сѣверѣ духовной и въ обществѣ свѣтскомъ. Объ нихъ, по поводу ихъ смерти, много писалось, еще болѣе говорилось. По видимому, намъ тѣмъ болѣе было повода говорить объ нихъ, что оба эти архипастыря по мѣсту окончательнаго ихъ образованія, отчасти службы и дѣятельности принадлежать кievской академіи. Но обезличенная ко времени ихъ академія не положила на нихъ мѣстнаго отпечатка, въ свою очередь и они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать для возрожденія ея историческаго духа и характера, а слѣдовательно какъ ни почтенна ихъ дѣятельность, она мало имѣетъ общаго съ тѣмъ, что составляетъ задачу нашего изданія, чтобы говорить о ней нарочито. Иное дѣло сказать по поводу того, что говорилось и что имѣетъ прямое къ намъ соотношеніе; это мы и исполняемъ теперь, говоря о двухъ названныхъ нами брошюрахъ.

Брошюра московская о митрополитѣ Макаріѣ—это такъ сказать цвѣты краснорѣчія, разсыпанные при гробѣ его и собранные неизвѣстнымъ почитателемъ его памяти. Тутъ въ 15-ти отдѣльныхъ статейнахъ различныхъ авторовъ соединено все, что говорилось (6-ть надгробныхъ словъ и рѣчей) и писалось по поводу смерти и погребенія московскаго архипастыря. Брошюра, можно сказать, не оставляетъ въ немъ ни одной стороны и ни одной черты не рассмотрѣнною; тутъ свѣдѣнія о немъ какъ администраторѣ, богословѣ, проповѣдникѣ, историкѣ и человѣкѣ,—объ его происхожденіи, образованіи, воспитаніи, характерѣ, направленіи, самыхъ разнообразныхъ его отношеніяхъ и домашней жизни и обстановкѣ. Помимо высочайшихъ достоинствъ и несомнѣнныхъ и великихъ заслугъ ученаго архипастыря, все здѣсь сказанное и написанное имѣетъ видъ хвалебнаго гимна и потому еще, что говорилось и писалось въ виду такъ-сказать не закрытаго еще гроба. Изъ всего этого мы отмѣтимъ, что митрополитъ Макаріѣ—воспитанникъ кievской академіи, преобразованной уже за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ по общему шаблону, что одно-годичное его въ этой академіи бакалаврство по кафедрѣ русской церковной исторіи не оставило, конечно, ни въ ней, ни въ немъ никакого слѣда, что вскорѣ потомъ онъ написалъ ея исторію, не обнявъ ея духа и характера, что впоследствии онъ сдѣлалъ для

своей *almae matris* въ годъ ея юбилея пожертвованіе въ 25,000 р., что наименованный винницкимъ епископомъ, въ должности ректора петербургской академіи, никогда онъ Винницы не видалъ и никакихъ дѣлъ съ нею и подольскою епархіею не имѣлъ, что въ управленіе епархіями харьковскою и литовскою онъ не внесъ ничего такого, что сообразовалось-бы съ историческими ихъ особенностями и что наконецъ въ своемъ монументальномъ трудѣ „Исторія русской церкви“ онъ не мало труда приложилъ къ разработкѣ исторіи южно-русской церкви. У насъ сохранились воспоминанія о его мимолетномъ кіевскомъ бакалаврствѣ и необычайномъ его трудолюбіи и аккуратности. Петербургъ выработалъ въ немъ счастливѣйшую, хотя мало цѣнимую людьми способность примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, — которой онъ, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, много обязанъ своею блестящею карьерою. Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ онъ проходилъ сквозь тернія Протасовскаго и послѣдующихъ режимовъ, но насъ это также мало занимаетъ, какъ и поднятый извѣстной партіей вопросъ о томъ, былъ-ли онъ по Москвѣ или Москва по немъ. Положительныя достоинства митрополита Макарія такъ несомнѣнны, заслуги его такъ велики, дѣятельность его такъ обширна и многоплодна, что память о немъ не умретъ между русскими людьми. Своими учено-литературными трудами онъ самъ поставилъ себѣ прочный памятникъ. И къ митрополиту Макарію вполнѣ приложились слова, сказанныя имъ надъ гробомъ С. М. Соловьева. „Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ, но не умеръ въ своихъ бессмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своей душой, воспарившей въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили-бы въ продолженіе даже столѣтней жизни“.

Брошюра кишиневская, посвященная памяти пр. Филарета, епископа рижскаго, есть плодъ прекраснаго чувства признательности къ нему его воспитанниковъ и слушателей. Въ немногочисленномъ Кишиневѣ набралось ихъ до 20-ти въ разныхъ вѣдѣностяхъ. Раздѣленные службою и жизнію, они сошлись, чтобы помянуть своего наставника и начальника не только молитвою, но трапезою и общею бесѣдою. Одинъ изъ нихъ, Л. М., произ-

несъ въ этомъ кружкѣ задушевную рѣчь въ память почившаго, и она то и составляетъ главное содержаніе брошюры.

Пр. Филаретъ также воспитанникъ кіевской академіи; но онъ посвятилъ ей 20 лѣтъ службы и связь его съ нею продолжительнѣе и тѣснѣе. Сопоставляя однако личность его, какъ она опредѣляется и въ рассматриваемой брошюрѣ, съ личностью митрополита Макарія, мы видимъ итоги жизни далеко неодинаковые. Отъ довольно продолжительной, дѣятельной и даже кипучей жизни человѣка талантливаго и высоко поставленнаго не осталось какъ будто ничего. Литературная производительность пр. Филарета почти совсѣмъ не видна и единственнымъ плодомъ ея осталась диссертация *о книгѣ Іова*, писанная по исполненіе требованій новаго академическаго устава. Въ ней несомнѣнно проявились и обширная эрудиція автора и его глубокій умъ; но покойный митрополитъ Арсеній сдѣлалъ невыгодный о ней отзывъ со стороны духа и направленія и докторантъ не получилъ искомой степени, а потомъ и вовсе уже не стремился къ ней.

Вся жизнь пр. Филарета ушла на административную дѣятельность. Плоды этой дѣятельности, по существу своему, съ трудомъ поддаются точному измѣренію и взвѣшиванію, и достоинство ихъ часто бываетъ спорнымъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность администратора скорѣе можетъ сдѣлаться жертвою забвенія, чѣмъ дѣятельность литератора. Книгу прочтуть и оцѣнить чрезъ 200 лѣтъ; но дѣятельность администратора нужно захватывать, такъ сказать, *по горячимъ слѣдамъ*, чтобы спасти ее отъ забвенія.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы встрѣтили брошюру Л. М., посвященную памяти Филарета, какъ ректора кіевской академіи, которой онъ служилъ такъ долго и въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть видны плоды его дѣятельности, хотя-бы и административной. Заслуги Филарета для академіи, по объясненію Л. М., состояли главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ академическому журналу и къ академическому музею древностей. „Онъ далъ“ (говорится въ брошюрѣ стр. 15—16) „новую постановку съ 1861 г. академическому журналу *Труды кіевской духовной академіи*“; такъ что хотя этотъ журналъ задуманъ и основанъ нѣсколько раньше его ректорства, но настоящимъ организаторомъ его справедливо можно назвать Филарета. Онъ всегда старался держать этотъ академическій органъ на высотѣ *научныхъ* требованій. „Труды кіевской духовной академіи“ въ его время дѣйствительно были трудами ученыхъ людей, имѣвшихъ въ виду всестороннюю разработку

богословской науки; цѣлей *снѣ-научныхъ* они себѣ не поставили. Когда Фигарету замѣчали, что чрезъ это академическій журналъ имѣеть мало подписчиковъ, онъ отвѣчалъ, что значить мало развита наука въ Россіи и что слѣдуетъ водворять эту науку... Научный характеръ „Трудовъ кievской духовной академіи“ привлекалъ къ нимъ симпатіи людей науки и въ этомъ состоитъ существенная оцѣнка ихъ тогдашняго достоинства“...

Достоинство этой заслуги, конечно, вполне понятно лицамъ академическаго кружка, къ которому относится и кишиневскіе почитатели пр. Филарета, но трудно судить о ней читателю постороннему, въ виду того, что въ наукѣ вообще имя почтеннаго академическаго органа столь-же мало извѣстно, какъ и имя его редактора *ex officio*, каковымъ неизмѣнно становится всякій ректоръ. Мы можемъ отмѣтить, что въ указываемое время въ академическомъ журналѣ разработка мѣстной исторіи сдѣлала значительные успѣхи, но не можемъ сказать, на сколько въ этомъ проявилось личное вліяніе оофициальнаго редактора „Трудовъ“. Извѣстно, что самъ онъ ничего не писалъ и какою-либо спеціальною познаний, кромѣ еврейскаго языка, не обладалъ; но любилъ все новое и смѣлое въ наукѣ, въ какую спеціальную и сухую форму оно ни было-бы облечено. Впрочемъ заслуга, о которой рѣчь, выяснилась и выросла впоследствии, когда академія раздробила и разбѣжала на мелочь свою учено-литературную дѣятельность и кромѣ своихъ давнихъ изданій: „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“, притянула къ себѣ отъ консисторіи и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ съ ихъ обязательною подпискою, устремляясь какъ-бы разомъ за многими зайцами...

Другая заслуга пр. Филарета для кiev. академіи указывается въ его отношеніяхъ къ церковно-археологическому музею. „Филаретъ (говорится въ брошюрѣ стр. 16) основалъ при академіи кievской новое учено-вспомогательное учрежденіе, какихъ нѣтъ (вѣрнѣе сказать: до того времени не было) при другихъ академіяхъ. Разумѣемъ церковно-археологическое общество съ музеемъ древностей при немъ. Для того, чтобы сразу же *поставить*, такъ сказать, *на ноги* это учрежденіе, Филаретъ на собственные деньги (12 стр.) приобрѣлъ знаменитую (?) сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ и пожертвовалъ ее музею. Въ основаніи археологическаго общества и музея состоитъ важнѣйшая заслуга Филарета для науки, которой никогда не забудутъ будущія поколѣнія“. Въ интересахъ истины сдѣлаемъ къ этимъ строкамъ нѣсколько поправокъ. Первая

мысль объ основаніи археологическаго музея принадлежит проф. П. А. Лашкареву, который привезъ ее съ 1-го археологическаго съѣзда; Филаретъ на первое время относился къ этой мысли скептически, и только впоследствии расположился къ ней, когда дѣло уже пошло въ ходъ неусыпными трудами другаго профессора, Н. И. Петрова ¹⁾. Далѣе: изъ употребленныхъ на покупку сорокинской коллекціи 12,000 р., только около 2,000 р. с. затрачено лично пр. Филаретомъ, остальные же 10,000 р. с. пожертвованы въ его личное распоряженіе, безъ означенія цѣли, одною дамою, пытавшеюся однако получить деньги обратно, когда ей стало извѣстно данное имъ назначеніе.

Вообще въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о пр. Филаретѣ, вызванныхъ его внезапною кончиною, ему не мало приписано такого, что вовсе не принадлежитъ ему, какъ напр. основаніе при кievской семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, когда Филаретъ находился еще въ Казани, или же выдача имъ изъ собственныхъ средствъ пособій наставникамъ академіи, но опущено то, что сдѣлано имъ по собственному почину, какъ напр. капитальное переустройство обоихъ академическихъ зданій и приспособленіе ихъ ко всѣмъ потребностямъ заведенія и академическаго конвикта, обновленіе внутренняго вида братскаго храма и превращеніе онаго въ теплый, измѣненіе порядка студенческихъ испытаній, предоставленіе академической корпораціи большей самостоятельности, не смотря на то, что самъ онъ велъ съ нею иногда упорную борьбу, изгнаніе изъ академической жизни послѣднихъ остатковъ формализма и такъ называвшагося монашескаго духа и наконецъ забота о томъ, чтобы поставить на ноги академическую библіотеку, безъ которой, по выраженію Ѳ. Прокоповича, *какъ безъ души, академія*. Независимо отъ новаго помѣщенія библіотеки и снабженія ея новыми цѣнными изданіями, нельзя не указать на крайнія его въ 1869 г. усилія дать академіи библіотекаря въ лицѣ извѣстнѣйшаго библіографа С. И. Пономарева, хотя сама академическая корпорація оказала ему въ этомъ рѣшительное препятствіе. Не подлежитъ оспариванію, что это былъ замѣчательно свѣтлый и глубокій умъ, характеръ твердый, несокрушимый. Сравнивая пр. Филарета съ митр. Магаріемъ, можно

¹⁾ Впрочемъ Филарету и прежде были присущи археологическія тенденціи, какъ это доказывается его заботами о списываніи портретовъ академ. дѣятелей, для торжеств. акад. залы, на что онъ потратилъ не мало хлопотъ и денегъ.

сказать, что онъ превосходилъ его богатствомъ дарованій. И однако какая громадная разница въ результатахъ и размѣрахъ дѣятельности обоихъ! Причиною сему, между прочимъ, съ одной стороны неровность въ характерѣ пр. Филарета, невыдержанность его и крайняя прямота, съ другой—природная тяжесть, малоподвижность натуры его, нѣкоторая какъ-бы апатія и сонливость, когда ничто ее не возбуждаетъ. Такимъ онъ былъ въ своихъ лекціяхъ, такъ относился онъ къ лекціямъ другихъ, которыхъ никогда не посѣждалъ, такъ глядѣлъ онъ и на всякое заурядное дѣло. Но являлось препятствіе, столкновеніе и—тутъ закипала его страстная натура и много времени и силъ уходило, иногда даже безплодно. Тѣневныя стороны дѣятельности пр. Филарета неумолчаны и въ рассматриваемой брошюрѣ о немъ. „Натура его (говорится въ брошюрѣ стр. 17—18) была *нервная*, горячо ко всему относившаяся... Это горячее, *сердечное* воспринятіе всего съ теченіемъ времени развило въ немъ *болѣзненную раздражительность*, которая разумѣется не могла не проявляться такъ или иначе въ его отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ академической корпораціи, отношеніяхъ и начальническихъ, и человѣческихъ“. И еще: „Филаретъ какъ будто иногда уставалъ—разочаровывался, сердился, раздражался“ (стр. 25). Это вѣрно, и всякій, кто служилъ въ академіи при пр. Филаретѣ, скажетъ, что это вѣрно. Но прямота и честность Филарета были такъ ясны для всѣхъ, что ради нихъ даже люди, педовольные имъ, кое-что такъ сказать сбрасывали ему со счетовъ. Его безкорыстіе и вестяжательность были такъ велики, что, получая едва не министерское содержаніе, онъ не рѣдко занималъ копѣйки у своего-же келейника, и то для того, чтобы отдать другимъ. Его равнодушіе къ тому, что называется карьерою, могло-бы служить для многихъ поучительнымъ примѣромъ. Пожалѣть можно о томъ, что столь свѣтлый умъ и столь сильный характеръ такъ мало принесли видимыхъ плодовъ академіи, которой онъ такъ долго служилъ, мало, по видимому, интересуясь ея историческимъ характеромъ и задачами. Но его память въ академіи увѣковѣчена устроенною имъ въ большей части на свои средства портретною галлереею въ академической залѣ, въ которой предъ глазами посѣтителя проходитъ вся исторія этого древнѣйшаго въ Россіи училища и вся его многообразная и разносторонняя жизнь.

Л. Т.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗАПОРОЖЦЫ.

(НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ).

Не смотря на довольно позднее появленіе въ исторіи запорожскихъ, или низовыхъ козаковъ, наши и польскіе лѣтописцы и историки, какъ извѣстно, отодвинули далеко въ глубь вѣковъ начало запорожскаго козачества и облекли его происхожденіе туманомъ вымысловъ.

Объясняя возникновеніе южно-русскаго козачества, всѣ почти историки, какъ принимавшіе туземное происхожденіе нашихъ козаковъ, такъ и выводившіе ихъ отъ другихъ народовъ, признавали первоначальнымъ пунктомъ появленія козачества Запорожье и уже отъ запорожцевъ выводили городовыхъ козаковъ. Грабянка, напримеръ, полагала, что малороссійскій народъ произошелъ отъ славянскаго племени козаръ: „козаровъ-же нарицаніе малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, вмѣсто козаровъ, козаками именуются“. Но первые козаки поселились около Днѣпра ниже пороговъ „въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ поляхъ“; образовались-же они изъ жителей Украйны, не желавшихъ работать на поляковъ, которые, по присоединеніи Малороссіи, „усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущіе въ нихъ (въ малороссійскихъ странахъ) люди“¹⁾. Было высказываемо и такое мнѣніе, что запорожскіе козаки произошли отъ

¹⁾ Лѣтопись Григорія Грабянки К. 1854 г. стр. 15—18.

великороссійскихъ: козаки цѣлымъ столѣтіемъ прежде появленія ихъ въ Малой Россіи были уже извѣстны по Волгѣ и на Дону, и въ Рязани въ 1444 году, и за разбой въ княжествѣ курскомъ и мещерскомъ были выгнаны оттуда еще въ началѣ XVI вѣка и ушли въ Запорожье, гдѣ на островахъ могли найти остатки прежнихъ черныхъ клобуковъ, половцевъ и проч. ¹⁾). Польскіе историки также высказывали различныя, болѣе или менѣе произвольныя, предположенія о происхожденіи нашихъ козаковъ, связывая ихъ происхожденіе съ производствомъ имени козаковъ. Между другими, наприм., Веспасіанъ Коховскій производитъ имя козаковъ отъ дивихъ возъ, которымъ они подобны скоростію до брани и ловомъ которыхъ наиболѣе упражнялись ²⁾). Не менѣе запутанности въ вопросѣ о происхожденіи южно-русскаго козачества можно найти и у прежнихъ историковъ Малороссіи. По мнѣнію Маркевича, запорожское козачество возникало если не три, то, по крайней мѣрѣ, два раза. Въ первый разъ тотчасъ послѣ завоеванія южной Руси монголами горсть безпріютныхъ скитальцевъ, удалившись съ пелелищъ своей родины, поселилась на днѣпровскихъ островахъ... „Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска козаковъ и черкасъ“ (т. е. черныхъ клобуковъ и торковъ). Подъ 1401 г. Маркевичъ упоминаетъ уже о городовыхъ козакахъ, не поясняя ихъ происхожденія. За тѣмъ оказывается, что на островахъ днѣпровскихъ жили козаки въ началѣ XVI столѣтія, но были разсѣяны и неустроены: переходили съ мѣста на мѣсто, и не имѣли постоянной организаціи; первымъ настоящимъ организаторомъ ихъ былъ Евстафій Дашковичъ, котораго они избрали кошевымъ. Организованы они были послѣ 1511 года, т. е. послѣ Піотровскаго сейма, на которомъ Дашкевичъ защищалъ мысль о необходимости учрежденія постоянной стражи противъ татаръ, у днѣпровскихъ пороговъ ³⁾). Бантышъ-Каменскій относитъ происхожденіе южно-русскаго козачества къ началу XV столѣтія и считаетъ также, что первыми козаками на югѣ были запорожцы: „Въ сіе

¹⁾ «Чернигов. Губерн. Вѣдомости» 1852 г. № 5 ст. Раковича о козакахъ.

²⁾ Лѣтопись Грабянки, стр. 15.

³⁾ Исторія Малороссіи, т. I-й стр. 16, 32, 33.

время впервые появились въ Польшѣ козаки, каковое названіе приняли тогда днѣпровскіе островитяне отъ татаръ“¹⁾).

Между тѣмъ, изданные въ послѣднее время разнаго рода акты даютъ возможность вполне отчетливо опредѣлить причину и время возникновенія запорожскаго войска. Изъ этихъ документовъ видно, что первоначально были одни городовые козаки, которые жили въ предѣлахъ нынѣшней кievской губерніи. Эти козаки находились подъ главнымъ завѣдываніемъ кievскаго воеводы и украинскихъ старостъ: кievскаго, черкаскаго и каневскаго. Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ они уже выходятъ ежегодно на югъ для ловли рыбы и звѣрей и время отъ времени появляются тамъ для нападенія на татаръ, но всегда возвращаются осенью домой. Вслѣдствіе того, что кievскіе воеводы и украинскіе старосты дозволяли козакамъ ходить на татарскіе улусы для добычи, которой козаки дѣлились со старостами, между турецкимъ и татарскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и польскимъ съ другой, происходили большія неприятели и столкновенія. Это побуждало польскихъ королей писать украинскимъ воеводамъ и старостамъ со строгими внушеніями, чтобы тѣ приняли мѣры въ воздержанію козаковъ отъ нападеній на татаръ и даже сами указывали и предлагали эти мѣры: въ королевскихъ грамотахъ предлагается старостамъ, чтобы они, отпуская козаковъ на ловлю рыбы и бобровъ, знали точно ихъ число и наблюдали-бы, съ какою добычей возвращаются домой козаки. Чтобы удержать козаковъ въ повиновеніи, велѣно было всѣхъ ихъ вписать въ реестры²⁾). Разумѣется, такія мѣры шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями козаковъ, назначеніемъ которыхъ была борьба съ невѣрными и защита отъ нихъ мирнаго южно-русскаго населенія. Въ видахъ противудѣйствія указаннымъ мѣропріятіямъ, часть городовыхъ козаковъ, безъ приказанія и вѣдома короля и украинскихъ старостъ, удалилась изъ Украины на низовье Днѣпра и стала тамъ „въ полю и на иныхъ входахъ перемѣшивать (проживать)“; поселясь же тамъ, они начали нападать на подданныхъ турецкаго султана, чабановъ, и татаръ перекопскаго хана. Это было передъ

¹⁾ Исторія Малой Россіи, т. I-й, стр. 114.

²⁾ Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археограф. комисс., т. I-й, стр. 109. Королев. грамота 1541 года.

1568 годомъ, какъ видно изъ универсала, написаннаго въ упомянутомъ году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ къ удалившимся козакамъ, которымъ предписывалось возвратиться обратно въ замки и города ¹⁾). Такимъ образомъ приведенные акты свидѣтельствуютъ, что войско запорожское возникло позже всѣхъ другихъ видовъ козачества, именно въ началѣ второй половины XVI столѣтія, но что южно-русскіе козаки раньше этого времени хорошо были знакомы съ низовьями Днѣпра, такъ какъ они ходили туда для нападеній на татаръ и даже временно поселялись на островахъ, какъ напримъ это было при Димитріѣ Вишневецкомъ около 1556 г., когда тотъ укрѣпилъ о. Хортицу и засѣлъ на ней съ козаками. Еще лучше знали они низовья мѣста по той причинѣ, что издавна имѣли тамъ свои „входы“, т. е. угодья съ езами и бобровыми гонами, и ежегодно отправлялись туда „въ добытки на рыбы и бобры“. Интересенъ тотъ фактъ, что не только козаки правобережной Украйны имѣли право входа въ низовья мѣста, но даже полтавскіе козаки и севрюки (сѣверяне) нынѣшней черниговской губерніи ходили туда для ловли рыбы и звѣрей ²⁾), даже въ болѣе позднее время, когда уже существовала Запорожская Сѣчь, и тѣ мѣста должны были, повидимому, принадлежать исключительно низовому войску. Вѣроятно, право пользованія рыбными и звѣринными угодьями на низахъ принадлежало издавна южно-русскому населенію и оно пользовалось этими мѣстами на основаніи изстари установившихся обычаевъ. Если это такъ, то югъ съ давнихъ временъ былъ хорошо знакомъ нашимъ предкамъ и они имѣли въ тѣхъ мѣстахъ временныя жилища, бурени и землянки, на подобіе тѣхъ, какіе и теперь устраиваются разнаго рода промышленниками: баштанниками, рыболовами и т. п.

Какъ лѣтописцы и историки наши путались въ своихъ объясненіяхъ причинъ и способовъ возникновенія сѣчеваго козачества, также точно и народъ въ своихъ преданіяхъ о происхожденіи запорожцевъ. Еще во время существованія Запорожья была у сѣчевиковъ легенда, которая относила ихъ происхожденіе къ 948 году. По этой легендѣ, запорожцы обязаны своимъ существованіемъ нѣ-

¹⁾ Архивъ юго-запад. Россіи. Ч. 3-я, т. I-й, стр. 4.

²⁾ «Кіевск. Старина», апрѣль стр. 18 и историко-статистич. описаніе харьков. епархіи Филарета. Отд. 2, стр. 320.

коему Семену, выходцу изъ правобережной Украйны, который поселился сначала одинъ при устьѣ р. Буга для производства промысловъ, „для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи“, затѣмъ привлекъ къ себѣ болѣе ста человекъ своихъ сосѣдей, которые называли его своимъ атаманомъ. Они, по словамъ легенды, „спили себѣ кафтаны и штаны изъ кожи дикихъ козъ, и тако произошли въ великую славу, что славные стали быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами“. Упомянутыхъ казаръ съ ихъ атаманомъ Семеномъ призвалъ къ себѣ на службу греческій императоръ для войны съ сарацинами. Умноживъ свои войска добровольцами изъ Украйны, Семень счастливо воевалъ съ сарацинами. За это греческій царь по окончаніи войны милостиво жаловалъ ихъ и называлъ ихъ козаками и писалъ объ нихъ къ королю польскому, чтобы ихъ, за храбрыя поступки, подъ своею протекціею имѣлъ и велѣлъ называть козаками, а не козарами. Возвратясь изъ похода, Семень поселился по очаковской сторонѣ, при р. Днѣпрѣ¹⁾).

Настоящее преданіе, подробно изложенное Мышецкимъ въ его исторіи о казакахъ запорожскихъ, по всей вѣроятности дало тему для разнообразныхъ объясненій и толкованій нашихъ лѣтописцевъ относительно происхожденія запорожцевъ. Конечно, въ приведенномъ преданіи нельзя не видѣть отраженія книжныхъ извѣстій, и поэтому нужно думать, что оно было сложено какимъ либо грамотнымъ и даже книжнымъ человекомъ. Но что оно извѣстно было также простымъ козакамъ, въ этомъ можно убѣдиться, зная о существованіи до сихъ поръ въ народѣ преданія, которое производитъ запорожцевъ отъ козаръ. П. А. Кулишъ записалъ въ Корсунѣ отъ старика преданіе о запорожцахъ, которое именно говоритъ, что запорожцы сначала назывались казары и имѣли свою Сѣчь прежде въ Каневѣ, потомъ въ Романовкѣ и Старомъ Кодакѣ, наконецъ ниже Никополя. „Служило ихъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третѣму сказавъ: отъ же я двомъ заплативъ гришми, а ты, коли хочъ, иди въ Каневъ, осади собі тамъ слободу. Отъ вінъ пишовъ, та й завівъ тамъ Січъ²⁾). Такъ кратко, но не ясно говоритъ народное преданіе о происхожденіи запорожцевъ.

¹⁾ Исторія о казакахъ запорожскихъ, Мышецкаго. Од. 1851 г., стр. 1—3.

²⁾ Записки о южной Руси Кулиша, т. I-й, стр. 150.

Сообщаемое нами ниже преданіе о томъ, откуда взялись запорожцы, уже не носитъ на себѣ никакой книжной окраски и не ищетъ происхожденія съчевиковъ въ глубинѣ вѣковъ; напротивъ, оно преисполнено чисто народно-фантастическаго духа, хотя и относитъ основаніе Запорожья къ самому позднѣйшему времени, именно къ царствованію Екатерины 2-й. Причину возникновенія Сѣчи наше преданіе находитъ въ войнѣ между Россіей и Турціей. Если-бы можно было принимать приводимое преданіе лишь какъ объясненіе народомъ возникновенія послѣдней Сѣчи запорожской, то оно имѣло-бы нѣкоторый видъ правдоподобія. замѣчательно наше преданіе въ томъ отношеніи, что оно желаетъ охватить все время существованія Запорожья, начиная отъ его возникновенія и оканчивая появленіемъ запорожцевъ въ Турціи послѣ паденія Сѣчи.

Приводимый ниже рассказъ, согласно съ другими народными преданіями, представляетъ запорожцевъ людьми сильными, храбрыми, смѣтливыми; онъ называетъ ихъ также *manoцивниками*, т. е. людьми умѣющими напускать *ману*, околдовывать враговъ. Вообще рассказъ рисуетъ запорожцевъ симпатическими чертами и указываетъ на глубокую привязанность народа къ Запорожью.

Говоря объ этой послѣдней сторонѣ народныхъ преданій о запорожцахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что память народная о запорожцахъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднее время, начинаетъ затемняться и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ воспоминаній о нихъ раздвояется: тогда какъ одни, болѣе старыя люди, высказываютъ большую симпатію къ запорожцамъ, считая ихъ чуть-ли не идеальными рыцарями, другіе, болѣе молодое поколѣніе, хотятъ видѣть въ нихъ лишь разбойниковъ. Послѣдній взглядъ возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ затемняющихся преданій о гайдамакахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно остановиться на одномъ изъ воспоминаній о запорожцахъ, переданномъ въ журналѣ „Устой“ за нынѣшній годъ (кн. 1, стр. 78, Записки южно-русскаго крестьянина). Въ упомянутой статьѣ бурлака (бѣглый крестьянинъ) рассказываетъ, какъ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ, будучи еще мальчикомъ, встрѣтился въ херсонской губерніи съ однимъ глубокимъ старикомъ изъ козаковъ полтавской губерніи и какой произошелъ между ними разговоръ, по поводу малороссійскихъ козаковъ вообще и запорожцевъ. — То-жъ были разбойники, говорилъ мальчикъ. „Не вѣрь, убѣждаетъ

старикъ, то не разбойники, они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты... Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали; за-то и назвали ихъ разбойниками и ворами, а они были добрые люди, какъ и всѣ люди“. А я говорю: какъ же это: такіе люди, а ихъ называли такими?— „Потому что они были „неувага“, не давали спуску никому“. А я и говорю: какъ же это не давали спуску: значить, они были разбойники?— А онъ говоритъ: „если кто нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару; это была ихъ земля“. А я думалъ, что они разбойники. Тогда дѣдусь и говоритъ мнѣ: „тогда козаки были, какъ теперь паны: они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь и этотъ Херсонъ, онъ не Херсонъ назывался, а иначе“.

Не такая-ли самая разница во взглядахъ, а можетъ быть и симпатіяхъ, относительно козачества вообще и Запорожья въ частности, замѣчается въ настоящее время и между нашими изслѣдователями прошлаго, принадлежащими къ двумъ противоположнымъ направлѣніямъ: централистическому и народническому?

Вотъ самый рассказъ, переданный намъ Г. Я. Стрижевскимъ и записанный послѣднимъ въ 70-хъ годахъ въ г. Полтавѣ отъ семидесятилѣтняго старика, бывшаго крѣпостнаго крестьянина, Павла Кислого.

Була царица велика, и сама вона царювала. Тильки супостать находѣ, богатырь, що: „подай на войну—выходи!“ А вона не сміе— боиться.

„Ну, якъ ты не смієшь виходити, такъ дай мени двадцатеро чоловіка садатъ“ (такъ, значить, якъ-бы у плінъ).

Вона зраділа и заразь послала: идіть каже, оттуды й туды! Вони пішли. Ну, послани, естѣ вони тамъ,—царица думає.

Пішли; не дійшли до ёго, а відъ ей відійшли. Ократилися собі, кошомъ стали. Каже, „чого мы до ёго підемо: нехай вінъ насъ шука! „Прожили собі годъ въ степу, такъ—бурлаками діло: де вівцю вкрадуть, де корову счигають.

На другий годъ требує впять полководець, каже: „вставай, иди, а то я на тебе йду! Чомъ ты мені не послала двадцатеро чоловіка?“ А вона каже: именно, именно послала. Потимъ того

сорокъ чоловіка требує. Вона вспоружила і послала сорокъ чоловіка: абы-бъ тильки ты мене не йшовъ рубати!

Потимъ того ище годь... То пакъ: ті пішли сорокъ чоловіка, тимъ степомъ, найшли тіхъ першихъ.

„Здрастуйте!“

— Здорові! куды вы йдете?

„Цариця послала у плінъ“.

— Та й мы, каже, йшли, та тутъ окопилися; зоставайтесь и вы тутъ зъ нами, будемо жити!

Вони й остались. И стало ихъ 60 чоловіка.

На третій годь вінъ, полководець, каже: „э, ні, царице Екатерино! ты мотаєшь, ты не посылаєшь салдаты, якъ казала“. А вона одписує, що я послала, уже 60 чоловіка послала.

„А! ну ще попли 60 чоловіка!“

Вона послала 60 чоловіка і наказала: идіть-же, каже, та щобъ вы именно тамъ були!

Добре. И ті пішли. И зновъ до тихъ пристали. Якъ разъ саме на перестриті, въ степу.

„А куды йдете?“

— Оттакъ, такъ и такъ.

„Та й мы, каже, йшли. Чого вы туда підете? Ооставайтесь тутъ; будемо жити!“

И вже вони припасы зробили, и орудія, и все. И стало ихъ 120-ро чоловіка. И стали вони запорожці.

Теперь виходе той полководець воюватися. Цариця проситьця, каже: що я тобі винна?

„Ні, каже, давай воюватися!“

Уже цариця йде зъ своими варміями. Тутъ сі йдуть—наши, а тутъ ті йдуть.

(При этомъ розкащикъ сдѣлалъ движеніє руками съ противоположныхъ сторонъ въ одну точку).

Ще-жъ наши йдуть, а вже ёго дойшли якъ разъ до ціхъ, що въ степу окопилися.

Идуть, ажъ лісь такий, та терны!

Запорожці поприсідали, попригинались, поставали, а имъ здаєця лісь, що нибы-то дерева стоять. Якъ почали вони по міжъ тими тернами продиратися. То отце иншого запорожець и

возьме за чуба, то той такъ отчеплюе, дума, що за гильячку зачепивсь...

Отъ якъ пройшли вони той лісь, тоді запорожьці прямо стали и хоруговъ выкинули й у трубы заграли. Тіи озирнулись, ажъ страшенне військо за ими стоить (А ихъ усихъ 120-ро чоловіка було!). Вони до орудія: тутъ бахъ! бахъ! изъ орудія—а воно тильки пссь! вода! А запорожьці понаставляли помы, беруть тіи ядра й кули, та имъ кидають.

Запорожьці маноцивники були, такіи лыцари були—страшне діло! Оце розстелють бурку по воді, та сядуть по вуглахъ чотыри чоловіка, та й плывуть, люльки курячи, та ще й у карты граючи! Эге! Якъ-бы оце запорожець изъ нами сидівъ оттуть била грубы, то вінъ-бы таке напустивъ, що намъ здалося-бъ, що домъ горить: мы-бъ жахнулись, а вінъ-бы сидівъ собі, ій-богу!

Такъ вони такъ и тутъ поробили: тіи стріляють изъ орудія—стріляють гораздъ, здаетьця, якъ слідъ, а выстриле, такъ вода: тильки пссь... та й більшь ничого. Тоди запорожьці якъ жахнули! такъ чисто все забрали, а татаръ на кгамузъ порубали.

Це-жъ тіхъ татаръ порубали, а тутъ идуть варміи відъ цариці изъ орудіями... Приходять... и сі наткнулися. Побачили, то страшне діло! військо стоить! Заразь, бахъ! бахъ! изъ орудія, а воно тилько—пссь! вода!

„Ә, каже, такъ не візьмемо; тутъ нечиста сила бьеть!“

Прийшлось на штихи. Тутъ запорожьці на колінка впали. Шо-жъ, говорять, мы-бъ васъ и били, таъ шо-жъ, коли вы наші браты.—(Шо може тамъ чий дядько, або батько есть!)

„Що-жъ вы таке?“—питають.

— Мы, каже, запорожьці, мы тіи саміи, що царица послала. Такъ и такъ, каже, скажить цариці, що мы есть запорожьці. А татаръ, каже, вже мы порубали. Такъ и цариці скажить.

Вернулися варміи назадъ. А вони zostалися.

Цариці доложили, шо, мовъ, такъ и такъ. Отъ царица заразъ: „узять ихъ!“

Швидко сказать добре, тилько взять ихъ не добре. Що не робили и солдаты вставали, такъ ничого не зроблять.

Такъ уже зібрались усі генералы, усі полковники—порадьмося, що имъ зробити, якъ ихъ обгорнути!

Такъ тамъ и межъ ими выбрався одинъ манюцивничокъ. „О, стривайте, каже, вы, каже, не знаєте, що робити! Не знаєте“?

— Не знаємо! кажуть.

„Постривайте-жъ каже; розложу я бурку, простелю та въ середні хлібъ та дрибокъ соли положу; а вы который достаньте, та тільки на бурку не ступай“. Узавъ, бурку прославъ, положивъ хлібъ посередні и соли дрибокъ изъ-верху.

„А! каже, бачите цей хлібъ? Ну хто зъ васъ, каже, розумнійшій? достань цей хлібъ и сіль, тільки не ступай на бурку. не ступай. Оттуть стій, осьдечки; нахились тільки, а на бурку не ступай“.

Отъ, котори смілівіши, засміялись, кажуть: то вінъ выгадує?

А той каже: „не смійся, ты достань, та волінъ не згинай, а нахились та достань хлібъ; тутъ стій осьдечки, о! Та не досягнешъ. не досягнешъ“!

Отъ тутъ заходились... такъ и справді не досягнуть. Инший нахилитьця та й не встоить, та носомъ объ хлібъ. А той манюцивничокъ регочется. „А що“? каже...

Тоді всі до ёго приступили. А ну-жъ, ты, кажуть, и ты не досягнешъ!

„Ні досягну“!

— А-ну, досягни!

„Добре. О, каже, вы не знаєте язъ“.

Лежить бурка розистлана. Вінъ узавъ, одинъ край загнувъ трішечки и—далі: підійшовъ изъ другого краю, трішечки загнувъ, потимъ изъ третёго—ледви знати, изъ четвертого... Та такъ то зъ того, то зъ того краю підгинавъ—підгинавъ—підгинавъ, де забігъ; усе потрошку—поки й бурку згорнувъ! Тоді нахились, хлібъ узавъ. „Ось“! каже.

— Ну, такъ!—кажуть ¹⁾.

Ягъ узяли-жъ вони турбоватись, якъ узяти, по той бікъ Ворсклы. А то въ букинъщині була гетьманъщина—це були тіи,

¹⁾ Этотъ манюцивникъ изъ числа русскихъ генераловъ, вѣроятно, и указалъ какъ побѣдить запорожцевъ плн, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ обуздать.

богатыри, стало буть, були. Якъ почали ихъ то зъ того боку, то зъ того. Отъ вони до Нехворощи подалися и за Орель передался. А по сей бѣкъ Орели линія була, а по той бѣкъ Орели, за Нехворощею, полководчина була. А то, що могилы, то тамъ були сторожи, щобъ уже якъ побачимъ невіру, той тікай.

Тільки вони за Орелью пожили небагато. И відтиль ихъ похнули. Якъ передались вони черезъ Орель, такъ вони якъ дійшли до Самары, такъ и теперъ церква е зъ дванадцятьма банями. Отъ и теперъ співаєтьця:

Ой Самаръ річка да невеличка
 Да промывае кручи...
 Ой да заплакавъ та панъ Кошовый
 А видъ цариці йдучи!

(При этомъ раскащикъ отеръ слезы).

Значить, вони й цариці жалілись, що-бъ ихъ не руйновали.

Такъ оттамъ, якъ окопились вони, добре, добре жили! Якъ вони добре жили тамъ у Самарі!

Тілько якъ стало сугужно й тамъ, и тамъ ихъ стали обижати, такъ вони рушили тоді підъ турка на островъ. Повинули свое життя й цереву — все, и пішли, бо дуже стали ихъ обижати.

Ото-жъ тиі запорожьці! ото-жъ ихъ завежденія! ото-жъ ихъ завежденія.

Оце недавно, може, пятнадцать... ні, не буде! прислали вони двадцять тысячъ на поправку, щобъ така була, якъ мы покинули; щобъ не руйновалась.

Вони й теперъ у Турещині живуть на острові; и Семень Палій изъ ними.

П. Ефименко.

Н. Д. М И З К О

(некрологъ).

Недавно умеръ въ Москвѣ Николай Дмитріевичъ Мизко. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей изъ среды состоятельныхъ землевладѣльцевъ нашего юга, которые серьезно интересовались русскою литературой, а также настоящимъ и прошлымъ

южной Россіи, и писали о нихъ. Вотъ причина, по которой его слѣдуетъ помянуть на страницахъ „Кіевской Старины“.

Родъ Мизокъ происходитъ изъ козаковъ нынѣшняго борзенскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, заключающимся въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, прадѣдъ Н. Д. Мизва, Ѳеодоръ, былъ козакъ, а дѣдъ Тимофей († 1738—1816 г.) сначала причетникъ, потомъ дьяконъ, много лѣтъ былъ потомъ священникомъ въ г. Борзни; онъ зналъ хорошо иконописаніе, такъ что ему было поручено написать иконы для черниговскаго преображенскаго собора. Отецъ покойнаго, Дмитрій († 1772—1847 г.) учился въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса служилъ почти въ продолженіи 30-ти лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, которая была имъ-же и открыта въ 1805 году. Изъ рода Мизокъ извѣстенъ также дядя Николая Дмитріевича Григорій († 1782—1867 г.), который былъ съ 1817 по 1833 г. попечителемъ въ обществѣ израильскихъ христіанъ.

Всѣ члены рода Мизокъ отличались особенной религіозностью, по всей вѣроятности, унаслѣдованной отъ ихъ предка Ѳеодора, который направлялъ своего сына на духовное поприще. О священникѣ Тимофѣѣ сохранилось свидѣтельство въ его документѣ, что онъ былъ „доброй и пoboжной жизни“. Директоръ Дмитрій особенно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана и передалъ эту наклонность сыну, Николаю, памяти котораго посвящены настоящія строки. Григорій принадлежалъ къ тому мистическому направленію, которое было названо масонствомъ. Приобрѣтя въ Новороссіи хорошія матеріальныя средства, Мизки не забывали своей первоначальной родины, Борзны, жертвуя на церкви этого города разныя церковныя вещи и деньги; на ихъ средства выстроена въ Борзни, надъ могилою священника Тимофея, церковь во имя Воскресенія Христова¹⁾.

Николай Дмитріевичъ воспитывался въ той-же гимназіи, что и пишущій настоящія строки, т. е. въ екатеринославской. Мы помнимъ его, когда онъ, окончивши курсъ въ гимназіи и подъ ру-

¹⁾ Историко-статист. описаніе черниг. епархіи, кн. 6-я, стр. 424, 428, 435, 436, 439.

ководствомъ учителя гимназіи Андрея Степановича Понятовскаго, замѣчательнаго педагога ¹⁾, готовился къ выдержанію экзамена на званіе дѣйствительнаго студента въ харьковскомъ университетѣ. Помнимъ время 1846—1847 г., когда Мизко уже состоялъ редакторомъ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, гдѣ онъ усердно работалъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы встрѣчали его въ городахъ Кіевѣ и Борзнѣ, въ домѣ землевладѣльца Н. Д. Бѣлозерскаго, служившаго въ то время сборнымъ пунктомъ для всѣхъ интересовавшихся южно-русскимъ краемъ и работавшихъ для него. Но настоящее знакомство наше съ нимъ относится уже къ 1874 году, когда онъ разстался окончательно съ екатеринославской губерніей и переселился въ г. Воронежъ.

Располагая значительнымъ состояніемъ (онъ въ 1847 г. получилъ отъ отца въ наслѣдство до 6000 десят. земли), Мизко не имѣлъ надобности въ государственной службѣ; онъ все время посвящалъ лишь хозяйству и литературѣ. Во время своихъ хозяйственныхъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи и новороссійскаго края, Мизко имѣлъ возможность познакомиться со всѣми выдающимися южно-русскими писателями и патриотами 40—50-хъ годовъ: Гулакъ-Артемевскій, Метлинскій, Забѣла, Кулишъ, Шевченко, Аванасьевъ, Чужбинскій, Бѣлозерскій и др.—вотъ лица, съ которыми онъ былъ близокъ или знакомъ. Сношенія съ указанными лицами не могли не отразиться на воззрѣніяхъ и симпатіяхъ покойнаго. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому украинскому направленію; симпатіи къ родинѣ не помѣшали ему посвятить свои силы русской литературѣ,—онъ много писалъ по исторіи и теоріи словесности въ разныхъ журналахъ 40—70-хъ годовъ: въ „Отечеств. Запискахъ“, „Москвитянинѣ“, журналѣ „Мин. Нар. Просв.“, „Библиографическихъ Запискахъ“, „Филологическихъ Запискахъ“, газетѣ „Донъ“ и др. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій стоитъ упомянуть о „Столѣтій русской литературы“ (Одеса 1849 г.) и книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи (Москва 1865 г.). Кстати здѣсь сказать, что Мизко принадлежалъ къ числу немногихъ

---

¹⁾ Всѣ воспитанники екатеринославской гимназіи 30—40-хъ годовъ помнятъ этого учителя, вкладывавшаго душу въ свое дѣло, и благоговѣнно чтуть его память; біографія его помѣщена была Н. Д. Мизкомъ въ журн. Мин. Нар. Пр.

лицъ, понявшихъ и оцѣнившихъ въ свое время значеніе произведеній Гоголя—„Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“. Ему принадлежитъ статья „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Мертвыя Души“, появившаяся въ 1843 г. въ „Отечеств. Запискахъ“ и обратившая на себя вниманіе Бѣлинскаго и самаго Гоголя.

Перечислимъ статьи Ник. Дм. касающіяся непосредственно юга.

О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославль. „Екатерин. Губ. Вѣдомости“ 1846 г., перепеч. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15.

Рецензія проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. „Русск. Бесѣда“ 1857 г. кн. 3.

Рецензія на книгу Метлипскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, „Москвитянинъ“ 1855 г. № 4.

Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитомъ украинскомъ актерѣ. „Основа“ 1861 г. № 2.

Изъ с. Карабиновки (тамъ-же № 5).

Краткій историческій очеркъ украинской литературы (по поводу книги Петриченка; тамъ-же, 1862 г. № 3).

Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, жур. „Мин. Нар. Пр.“ 1868 г. № 5.

Труды Максимовича для русской филологіи и словесности. „Филологич. Записки“ 1871 г.

Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила Писаревскаго. „Донъ“ 1869 г. № 54—57.

По поводу толковъ о малороссійскомъ языкѣ и о малороссійской словесности. „Донъ“ 1881 г. № 53¹⁾.

По поводу послѣдней статьи, г. Рябининъ, авторъ воспоминаній о Мизкѣ²⁾, говоритъ, что хотя Мизко по образу мыслей принадлежалъ къ украинофиламъ, „но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи; онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-гѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной исто-

¹⁾ Кроме того ему-же принадлежитъ рукописная статья, переданная имъ въ 1843 г. Гоголю: Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ новорос. краѣ съ 1764 года.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г., октябрь. Изъ этой статьи мы извлекли нѣкоторыя свѣдѣнія о Мизкѣ.

рическими их судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы, силится высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій“. Изъ приведенныхъ словъ г. Рябинина должно заключить, что авторъ думаетъ, будто другіе украинофилы придерживаются крайнихъ и нелѣпыхъ теорій, требующихъ разрыва между Малой и Великой Россіей. Въ качествѣ исконнаго украинофила, мы позволимъ себѣ назвать такое заключеніе нелѣпымъ и вотъ почему: нѣтъ изъ украинофиловъ подобныхъ теорій не высказывавъ, да ихъ и не существуетъ въ дѣйствительности; украинскій-же политическій сепаратизмъ вымысленъ тѣми лицами, для которыхъ выгодно, чтобы ихъ считали спасителями отечества. Съ ихъ словъ или за ними уже вторятъ объ украинскомъ сепаратизмѣ люди честные, искренно дорожащіе единствомъ отечества. Но послѣдніе не могутъ понять сущности украинофильства и потому оно кажется имъ подозрительнымъ. Въ противоположность славнофильству, украинофильство вытекло не изъ готовой теоріи, а непосредственно, до извѣстной степени, бессознательно, изъ чувства, до сихъ поръ не переработаннаго мыслью надлежащимъ образомъ, не возведеннаго въ теорію. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ-же и сила его. Источникъ украинофильства — краевое чувство или чувство любви къ родинѣ, къ своей природѣ, своему народу, къ его рѣчи и проч., отсюда-же и стремленіе къ духовному слитію съ народомъ. Чувство родинное присуще не только малороссійскому простонародью, но часто и интеллигентнымъ людямъ; оно въ особенности проявляется тогда, когда малороссъ попадаетъ внѣ родины. Въ примѣръ можно привести извѣстнаго писателя Максимовича, который, будучи профессоромъ въ Москвѣ, почувствовалъ „непреодолимое влеченіе къ родинѣ“ и перешелъ въ Кіевъ. Родинное чувство замѣтилъ у малороссовъ еще нѣмецъ Гаксгаузенъ и не нашелъ его у великороссовъ. Дѣйствительно, у великороссовъ чувство родины расширяется въ чувство отечества (государственный патриотизмъ), при которомъ они себя одинаково хорошо чувствуютъ какъ на Соловахъ, такъ и въ Батумѣ, какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Вержболѣвѣ. Для нихъ, поэтому, непонятно краевое чувство; они не могутъ понять органически, напримѣръ, выраженія историка Ма-

лороссіи: „отечество выше родины; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества“. Отъ такого непониманія является внутреннее нежеланіе допустить развитіе родиннаго чувства у малороссовъ до его естественныхъ предѣловъ; отсюда-же возникаетъ у нихъ, когда они наталкиваются у малороссовъ на проявленіе родиннаго чувства, боязнь за всероссійское единство. Оттого, тогда какъ на западѣ, напримѣръ, въ Испаніи, Италіи и Франціи, развитіе мѣстныхъ литературъ не считается опаснымъ для цѣлости государства, у насъ подобное-же стремленіе признается опаснымъ признакомъ сепаратизма и вызываетъ противудѣйствіе даже со стороны извѣстной части русской литературы.

Такъ мы понимаемъ основы украинофильства и источники гоненія на него. Также понималъ его и Н. Д. Мизко, съ которымъ намъ приходилось не разъ бесѣдовать на эту тему, во время проживанія его въ г. Воронежѣ.

П. Ефименно.

ЕЩЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 389—391, помѣщена замѣтка *А. Рутковскаго* о бугскихъ козакахъ. Авторъ оной сѣтуетъ на недостатокъ свѣдѣній объ этихъ козакахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, „вообще мало писано“, и приводитъ одинъ документъ, какъ историческое свидѣтельство о ихъ существованіи. Этотъ документъ есть указъ объ отставкѣ маіора Лабенскаго.

Если-бъ авторъ потрудился отыскать книгу мою подъ заглавіемъ: *Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края*, Одесса, 1836—1838 г., 2 ч., то нашель-бы въ ней довольно подробностей объ исторіи этого козачества, почерпнутыхъ мною изъ одесскаго генераль-губернаторскаго архива и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ послѣднимъ ихъ атаманомъ, княземъ Н. Д. Кантагузенемъ. Но такъ какъ книги мои вообще довольно рѣдки¹⁾, то я предлагаю при семъ нѣсколько положительныхъ данныхъ для помѣщенія въ „Кіевской Старинѣ“.

¹⁾ Особенно въ Кіевѣ, гдѣ въ теченіи 11-ти лѣтъ продано ихъ 3 экземпляра, въ томъ числѣ, 2 въ духовную академію.

„Бугскіе козаки“ явились въ первые въ новороссійскомъ краѣ, въ видѣ самостоятельнаго отряда, въ войну 1768—1774 г., подъ начальствомъ своего кондотіера, польскаго эмигранта *Петра Скаржинскаго*. Это была, по показанію ихъ самихъ, настоящая „голода“, набранная преимущественно изъ молдованъ, болгаръ, польской шляхты и бѣглыхъ козаковъ, и вообще людей бездомныхъ, но храбрыхъ. Изъ нихъ турки составили дружину подъ начальствомъ польскихъ авантюристовъ и за большія деньги, правда, обѣщанныя только, и направили ихъ противъ Россіи. Но наши молодцы, большею частію православные, не оправдали ожиданій турокъ. Познакомившихъ съ запорожскими отрядами, они по совѣту своего начальника, полковника Скаржинскаго, перешли „подъ царскую руку“ и хотя подвизались на свой счетъ и рискъ, служили столь честно и вѣрно, что заслужили довѣріе полководца графа Румянцева-Задунайскаго и даже милости императрицы Екатерины II-й ¹⁾. „По окончаніи войны имъ дарованы были земли, по собственному ихъ избранію, съ обязанностію только служить въ козацьемъ званіи, по образцу слободскихъ и легкоконныхъ полковъ. Они избрали для своего водворенія богатая земля на правой сторонѣ Буга, гдѣ завели отличныя усадьбы и содержали отрядъ въ 1.000 человекъ для пограничной службы, по татарско-ногайскому рубежу. Въ 1783 году они составляли часть такъ называемаго „екатеринославскаго козачества“, котораго Потемкинъ былъ гетманомъ. Въ то время они уже носили названіе „бугскихъ козаковъ“ и въ числѣ 1500 человекъ служили во всю компанію 1788—1791 г., и отличились особенно при осадѣ Кинбурна и Очакова.

По заключеніи въ 1791 году букарестскаго трактата, бугскіе козаки сдѣлались настоящимъ „военнымъ поселеніемъ“ и хотя содержали кордоны на бессарабской границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ занимались и сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ богатыхъ станицахъ, такъ что къ нимъ стекались на поселеніе и службу поселяне изъ западныхъ губерній и Малороссіи ²⁾.

Въ 1796 году, при образованіи изъ нынѣшней херсонской и подольской губерній *Вознесенскаго Намѣстничества*, они вошли съ

¹⁾ Именно знамена съ Георгіевскими украшеніями.

²⁾ Потемкинъ переманивалъ ихъ въ свои красносельскія имѣнія (алекс. уѣзда херс. губ.), но они рѣшительно отказались.

своими селеніями въ его составъ, подъ названіемъ „вознесенскаго казачьяго войска“ и въ ихъ станицѣ *Соколы* на Бугѣ, основанъ былъ главный городъ этого края, подъ названіемъ *Вознесенска*. Судьбы его были весьма неблагопріятны, а въ концѣ столѣтія онъ обратился въ ничтожный заштатный городокъ.

Но въ 1797-мъ году, когда и самая вознесенская губернія была упразднена, бугскіе козаки изъ вознесенскихъ полковъ исключены, распущены по домамъ (т. е. въ свои села) и тамъ обращены въ крестьянское званіе. Въ 1830-мъ году число этого бугскаго войска, считая съ ними и болгаръ, переселившихся къ нимъ изъ-за границы, и не большую партію арнаутъ, водворенныхъ стараніями князя Николая Кантакузена, составляло 6,383 души мужскаго пола, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Буга, т. е. въ ольвіопольскомъ, елисаветградскомъ и херсонскомъ уѣздахъ. Бугскіе козаки, видя, какъ императоръ Александръ милостиво возстановлялъ въ Новой-Россіи всѣ предположенія императрицы Екатерины, отправили ко двору своихъ депутатовъ, капитановъ: *Хмільницкаго* и *Солтыковского*, прося, чтобы ихъ освободили изъ крестьянства и обратили въ первобытное военно-земледѣльческое, или козачье состояніе. Правительство, собравъ надлежащія свѣдѣнія чрезъ губернатора Миклашевскаго, поручило военному министру Вязьмитинову и графу Кочубею составить проэктъ объ устройствѣ бугскихъ козаковъ. Проэктъ ихъ былъ утвержденъ указомъ 18-го мая 1803 г. и прежній бытъ бугскаго войска возстановленъ. Оно раздѣлено на 3 полка и многія станицы; учреждена войсковая канцелярія; дарованы войску разныя права; прощены неуплаченные подати; обозначены служба и повинности. Войсковымъ атаманомъ избранъ былъ государемъ войска донскаго генераль-маіоръ *Иванъ Красновъ* (указъ 8 іюня 1803 г.), который командовалъ до 1807-го года. Монархъ, въ знакъ своего покровительства и для вѣщаго на будущее время поощренія бугскаго казачьяго войска, даровалъ ему 15. знаменъ при милостивой грамотѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ войскѣ прежде было 12 знаменъ: 10 данныхъ Румянцевымъ и Потемкинымъ, съ изображеніемъ Георгіевскаго креста и буквою Е въ срединѣ, и два собственныхъ, вѣроятно еще въ Турціи принятыхъ войскомъ, съ изображеніемъ св. Троицы и св. Григорія Великой Арменіи.

Атаманъ Красновъ, осмотрѣвъ села и земли принадлежащія войску, нашелъ, что въ составѣ онаго находятся:

I. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Михайловка	7. Нерубайка
2. Красноселье	8. Новогригорьевка
3. Гумницкая	9. Сердечная
4. Лозоватка	10. Рудая
5. Лагери	11. Уховка
6. Кучеровка	12. Водяная.

Въ этихъ станицахъ было: 3,361 душа мужскаго, 840 дворовъ и 43,945 десятинъ удобной земли.

II. Въ ольвиопольскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Троицкое	4. Арнаутовка
2. Михайловка	5. Новогригорьевка
3. Бѣлоусовка	6. <i>Вознесенскъ</i> или Соколы.

Здѣсь считалось: 1,592 души мужскаго пола, 308 дворовъ и 62,700 дес. удобной земли.

III. Въ херсонскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Новопетровка	5. Себина
2. Ѳедоровка	6. Матѣевская
3. Касперовка	7. Константиновка
4. Баловная	8. Гурьевская.

Кромѣ того два села болгарскія, вновь къ войску присоединенныя:

9. Щербиновка.	10. Дымино.

Въ этихъ десяти станицахъ было: 1,430 душъ мужскаго пола, 359 дворовъ и 63,097 десятинъ удобной земли. Всего-же 28 станицъ, 6,383 души обоого пола, 1,597 дворовъ и 169,742 десятины удобной земли. Бугское войско могло поставить на службу 1,308 вооруженныхъ козаковъ. Съ теченіемъ времени присоединилось къ нему нѣсколько малороссійскихъ семействъ и небольшое число без-

земельнаго польскаго шляхетства, такъ что въ концѣ 1804-го года считалось въ войскѣ болѣе 7,000 душъ мужескаго пола ¹⁾.

Въ 1812 году, по случаю отечественной войны, бугское козачье войско, движимое примѣромъ своего навазнаго атамана, князя Николая Кантакузена, донесло герцогу Ришелье, что все ихъ сословіе, не смотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило козачью дружину въ 500 человекъ, и просило только оружія, въ которомъ оно имѣло недостатокъ, присовокупляя, что войско, кромѣ того, готовитъ еще 500 человекъ, чтобы ими замѣнять убыль въ рядахъ своихъ собратій.

Но въ 1817 году войско это окончательно упраздняется. Наконецъ начальникъ украинской уланской дивизіи генераль-маіоръ графъ де-Виттъ, отъ 23 апрѣля сего года, донесъ генераль-губернатору Ланжерону, что воля государя императора есть: „всѣ земли и села бугскаго войска, съ причисленіемъ 18-ти деревень ольвѣопольскаго, херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ, исключить изъ гражданскаго вѣдомства для учрежденія *военнаго поселенія* въ херсонской губерніи“. Всѣ бугскіе станицы увазомъ 24-го декабря 1817 года вошли въ составъ бугскаго поселенія, котораго центромъ остался упомянутый нами г. Вознесенскъ. Съ того времени наше козачество раздѣляетъ судьбу херсонскаго военнаго поселенія до окончательнаго его упраздненія въ близкіе намъ годы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что основатель войска Петръ Скаржинскій, умершій въ чинѣ генераль-маіора, и послѣдній его атаманъ князь Н. Р. Кантакузенъ, оставили своимъ дѣтямъ и внукамъ въ наслѣдство огромныя земли по обѣимъ сторонамъ Буга херсонской губерніи.

А. Скальковскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ ¹⁾.

— Къ свѣдѣніямъ о нашихъ старыхъ портретахъ, опубликованнымъ „Кіевской Стариной“, по столь компетентному почину г. Ла-

¹⁾ Изъ одесскаго генераль-губернаторскаго архива.

¹⁾ „Кіевскія Старина“ 1882 г., № 5, 9 10.

заревскаго, присоединяю указанія на слѣдующіе образцы малорусской портретной живописи XVII и XVIII вѣковъ:

31) *Портретъ гетмана Ив. Степ. Мазепы*. Принадлежитъ мнѣ и находится въ с. Ярошовкѣ, прилуцк. уѣзда, полтавск. губ. Поясной. Принадлежность основана на преданіи. Гетманъ изображенъ здѣсь лѣтъ 45-ти. На немъ разстегнутый темно-зеленый кунтушь съ золотыми позументами, изъ подъ котораго видна бѣлая узорчатая одежда. Фонъ темный. Лицо мужественное и красивое, совершенно несходное съ извѣстнымъ изображеніемъ, находящимся въ петербургской академіи художествъ. Доказано, впрочемъ, что академическій портретъ, писанный однимъ изъ первыхъ русскихъ живописцевъ Ив. Никитинымъ (1690—1744) и долго считавшійся портретомъ Мазепы,—есть портретъ Скоропадскаго, съ котораго снятъ въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ въ 1722 году¹⁾.

Въ фамиліи Горленковъ, происходящей отъ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Мазепы, полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка, приставшаго вмѣстѣ съ гетманомъ къ Карлу XII, естественно должна была сохраняться память о Мазепѣ. Документы, относящіеся къ этой эпохѣ, и письма гетмана дѣйствительно и сохранились²⁾. Но такъ какъ эта близость къ Мазепѣ была источникомъ невзгодъ для лицъ этой фамиліи, то „вещественные знаки“, напоминавшіе покойнаго гетмана, едва-ли особенно сохранялись и остались только акты, могущіе служить къ утверженію тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ. Описываемый портретъ сохранился также не въ родѣ Горленковъ, пріобрѣтенъ однимъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, какъ бы по долгу старой признательности, на распродажѣ замѣчательнаго собранія портретовъ и картинъ, извѣстнаго нѣкогда черниговскаго помѣщика и богача, камергера Будлянскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Будлянскій былъ зятемъ Кирилла Разумовскаго и портретъ Мазепы достался ему изъ дома послѣдняго гетмана. Большой любитель искусствъ и страстный коллекціонеръ, Будлянскій, по преданію, погибъ жертвою своей непомѣрной

¹⁾ Сомовъ, «Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи». С.-Пб. 1872 г.

²⁾ Они разобраны были г. де-Пуле въ статьѣ его «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ I». — «Вѣсти. Европы 1872 г., № 5.

тучности, или, какъ невѣжливо выражались въ старину, „лопнуть отъ жиру“. Его замѣчательная коллекція картинъ разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Не помнить ли чего о ней кто-нибудь изъ черниговскихъ старожиловъ?—Намъ случалось видѣть вещи изъ нея, дающія высокое понятіе о ея достоинствѣ, напримѣръ поразительную головку Иорданса, воспроизводящую центральную фигуру извѣстной его композиціи „Король оргіи“, находящейся въ вѣнскомъ Бельведерѣ. Судьба частныхъ художественныхъ собраний, находившихся въ Малороссіи, въ родѣ собраний Завадовскаго, князей Репнинныхъ и проч., ждетъ еще своего историка.

Снимокъ съ нашего портрета Мазепы сдѣланъ въ Петербургѣ фотографомъ Лушевымъ, издателемъ „фотографическаго альбома лицъ XVI—XVIII вѣковъ“.

Старинныя наши церкви и монастыри, заключающіе въ себѣ такъ много важнаго для знакомства съ малорусскимъ искусствомъ, хранятъ въ себѣ иногда и образцы старой портретной живописи. Особенно относится это къ захолустнымъ монастырямъ, гдѣ портреты могли-бы удержаться дольше, несмотря на воздвигнутыя на нихъ каноническія гоненія, еслибъ ихъ не губило невѣжество, болѣе опасное, чѣмъ всѣ формальныя запрещенія. Вотъ что сохранилось по части портретовъ въ двухъ монастыряхъ полтавской губерніи:

32) *Портретъ гетмана Ив. Самойловича* въ густыньскомъ троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилуки. Эта обитель, основанная въ 1600 году, на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, „гдѣ прежде сидяще пасѣщемъ зъ Путивля Москвитинъ“, въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ¹⁾. Самойловичъ былъ строителемъ главной монастырской церкви и щедрымъ продолжателемъ милостей, сыпавшихся раньше на обитель, со стороны князя Михаила Корибута и княгини Райны Могилянки (изъ рода Могиль) Вишневецкихъ. Портретъ нарисованъ на стѣнѣ главнаго храма. Самойловичъ изображенъ во весь ростъ, въ накинутой на плечи красной киреѣ, подобной мѣху, и бѣломъ, съ цвѣтами, кафтанѣ, стянутомъ поясомъ. Булава и мѣховая шапка лежатъ на столѣ. Одинъ уголъ картины занятъ приподнятой драпировкой, на другомъ на-

¹⁾ «Лѣтопись о первозачатіи и созданіи густыньскаго монастыря» издан. Бодянскимъ, Москва 1848 г.

ходится гербъ. Плотная фигура гетмана кажется немного короче натуры. Типичное лицо, съ чубомъ и черными усами, задумчиво и важно, руки молитвенно сложены. Внизу подпись: „гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, соорудившій сей храмъ въ 1674 г.“

Противъ этого портрета, также въ главной церкви, висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ Мих. Вишневецкого ¹⁾, но въ 40-хъ годахъ былъ проданъ настоятелемъ монастыря Паисіемъ какому-то любителю старины. Назначенный въ монастырь, послѣ возобновленія его въ 1845 году, Паисій, ученый (?), какъ его называла братія, ревностно принялся за устройство благолѣпія храма и съ этой цѣлью поручилъ какимъ-то богомазамъ росписать всѣ стѣны вновь, поверхъ старой, замѣчательной живописи, по своему. Многочисленные историческія надписи, украшавшія, по преданію, храмъ—исчезли. Портретъ ктитора-гетмана, къ счастью, тронуть былъ самую малость. Въ настоящее время въ густынскомъ монастырѣ, кромѣ самаго храма, удивительной прочности и типичной постройки, съ двойными хорами, уцѣлѣла только превосходная рѣзба иконостаса, да двѣ-три случайно оставшіяся вещи, въ родѣ необычайнаго, узорчатаго замка на дверяхъ, одного изъ тѣхъ предметовъ, которые, при всей своей незначительности, характерностью своей могутъ привести въ восторгъ антикварія или поэта, живо воскрешая предъ нимъ прошлое. Все остальное увезено было въ Черниговъ, послѣ закрытія монастыря, въ числѣ другихъ, въ 1793 г. Монастырь былъ заброшенъ въ теченіи многихъ лѣтъ и я немогъ найти даже слѣдовъ могилъ полковниковъ прилуцкихъ, похороненныхъ въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ. Нынѣ монастырь бѣденъ и завѣтная мечта братіи, съ настоятелемъ о. Германомъ во главѣ, доказать свои права хотя на часть бывшихъ огромныхъ монастырскихъ имуществъ. Доказательствами, кромѣ густынской „лѣтописи“, выставляются, интересные для историка, „фундуши“ Самойловича, которыхъ у игумена хранится до 15-ти, и старая купчія. Я читалъ одну изъ этихъ записей, такого содержанія: „куплено монастыремъ земли на пятнадцать дней оранки за 8 рублей“, и позналъ справедливость изреченія древней мудрости: *tempora mutantur*. Въ

¹⁾ Свѣдѣнія о густынскомъ монастырѣ изъ «Матеріаловъ для статистики россійской Имперіи», С.-Пб. 1841 г.

процессѣ, о которомъ мечтаетъ густынская братія, сочувствіе всякой живой души будетъ конечно не на сторонѣ отжившаго, а живого, т. е. казенныхъ крестьянъ, являющихся въ этомъ искѣ противной стороной.

Въ лубенскомъ мгарскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1622 г. Исаіей Копинскимъ, кромѣ портретовъ почивающаго тамъ патріарха святителя Аванасія и племянника его Серафима, находятся два портрета малорусскихъ духовныхъ дѣятелей:

33) Стѣнной *портретъ* (фрескъ) *Иосифа Тукальскаго*, митрополита кіевскаго и галицкаго (1664—75 г.) во весь ростъ, въ облаченіи. Портретъ этотъ находится близъ могилы митрополита. Самое мѣсто могилы обозначено на стѣнѣ аллегорической фреской, изображающей смерть святителя.

34) *Портретъ Иоасафа Горленка*, епископа бѣлгородскаго (1748—1754 года), бывшаго одно время настоятелемъ лубенскаго монастыря. Святитель изображенъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ. Внизу этого поясного портрета начертана краткая біографическая надпись. По письму и по сохранности этотъ портретъ несравненно лучше находящагося въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ (по „Указателю“ музея отд. VII, № 17).

Изъ „древностей“ въ лубенской обители въ алтарѣ, на престолѣ, находится два великолѣпныхъ, украшенныхъ алмазами, евангелія, пожертвованныхъ Мазепою, да въ ризницѣ—митры временъ Петра Могилы. Иконостасъ лучше сохранился, чѣмъ въ пустыни. Онъ украшенъ обильно деревянной скульптурой. Такъ, надъ среднимъ иконостасомъ, находится скульптурное „Преображеніе“—фигуры Спасителя, пророковъ Мойсея и Иліи и Бога-Отца на облакахъ,—всѣ золоченыя. На боковыхъ дверяхъ фигуры архангеловъ. Живопись иконостаса—древняя. Очень хорошъ по письму средний образъ Христа во всей своей славѣ и въ особенности большая икона Богоматери, полная изящества и граціи. Живопись иконостаса должна быть современна эпохѣ основанія обители, какъ современны ей гигантскіе дубы, грабы и ясени, сообщающіе мгарской горѣ и всей этой очаровательной мѣстности столько задумчивой и величавой красоты.

В. Горленко.

ПРОТОПОПЪ КОМАРЪ И ЕГО ВТОРИЧНЫЙ БРАКЪ.

Подобаетъ епископу единья жены быти мужу.

(Къ Тимоѳею 1 посл., гл. 3, ст. 2.).

Ученіемъ вселенской церкви слова эти съ древнѣйшихъ временъ примѣнены къ пресвитерамъ, или священникамъ, которые во времена апостольскія назывались иногда и епископами. 17 и 18 правила апостольскія, 26 правило VI вселенскаго собора, правила Василия Великаго давно утвердили такой смыслъ за приведенными словами св. ап. Павла и наложили запретъ на второбрачіе священниковъ. О бракахъ епископовъ въ IV и V вѣкахъ не могло быть рѣчи: принимающіе епископскій санъ, если они состояли дотолѣ въ супружествѣ, также должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей, какъ принявшіе монашество архіереи должны были оставлять архіерейскія каѳедры и идти въ монастырь. Самое однако изданіе правилъ свидѣтельствуетъ, что до нихъ существовалъ иной порядокъ вещей, на который указываютъ слова того же ап. Павла: *или не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1 Коринѳ., гл. IX, ст. 4). Запрещеніе въ послѣдствіи епископамъ совмѣстнаго жительства съ ихъ женами сдѣлано не по принципу, который стоялъ-бы въ прямомъ противорѣчій съ приведенными словами апостольскими, а въ виду дознанныхъ неудобствъ отъ такого сожительства и прямыхъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и запрещеніе второбрачія священникамъ вызвано также внѣшними соображеніями, а не какимъ либо принципомъ, который не имѣлъ-бы вовсе значенія, если-бы не былъ подведенъ подъ апостольскія слова, поставленныя въ заглавіи нашей замѣтки.

По неизмѣнному закону природы человѣческой, въ возникающихъ вновь въ человѣчествѣ религіозныхъ обществахъ примѣчается то общее явленіе, что первоначальныя ихъ доктрины и правила отличаются строгостью, превышающею нормальное положеніе человѣческой жизни. Въ послѣдствіи природа беретъ свое, опытъ жизни составляетъ дѣлать отступленія и если они освящены бывають установленною въ обществѣ властію, то въ свою очередь получаютъ силу закона и правила, въ противномъ-же случаѣ правило церкви само по себѣ, а жизнь ея членовъ и даже представителей идетъ своимъ чередомъ. Въ строго обрядовой Москвѣ еще въ концѣ XV в. имѣвшій несчастье лишиться жены священникъ считался какъ-бы

отверженнымъ и самое вдовство его, величайшее изъ бѣдствій чело-
вѣческихъ, лишало его права священнодѣйствія, а слѣдовательно и
всякихъ средствъ къ жизни. Но поступалъ онъ въ монастырь и съ
него снималось запрещеніе; ему разрѣшалось священнослуженіе и
въ томъ случаѣ, когда онъ переходилъ въ Москву въ одну изъ до-
мовыхъ церквей, которыхъ такъ много тогда было. „Или на Москвѣ
попы святы стали“?—протестовалъ попъ Георгій Скрипицынъ и от-
воевалъ свободу несчастныхъ, какъ и онъ, братій своихъ.

Религіозная жизнь южно-русскаго народа, исторія церкви
южно-русской представляетъ иныя явленія. Слабость польской пра-
вительственной власти, неразвитость жизни гражданской, единствен-
ная охрана имущественныхъ правъ и отношеній въ судѣ, замѣняв-
шемъ во многомъ и власть административную, рано вызвали здѣсь,
въ средѣ мірянъ, появленіе брака гражданского въ связи съ бракомъ
церковнымъ, а иногда и независимо отъ него. Раннее проникновеніе
сюда въ разныхъ видахъ реформатскаго ученія вносило большую сво-
боду вообще въ сферу религіозной жизни и въ частности въ ученіе о
бракѣ, на который въ XVII и даже XVIII в. въ классахъ выше про-
стаго смотрѣли какъ на актъ гражданскій, лишь освящаемый благосло-
веніемъ церкви и сопровождаемый болѣе или менѣе торжественнымъ
общественнымъ празднованіемъ. Ясно различались тогда и самымъ
временемъ раздѣлялись *интерцюза шлюбная*, или предбрачный до-
говоръ, самый *шлюбъ*, или вѣнчанье, и *актъ весельный*, *веселе*—
свадебное праздненство. Актовые книги кievскаго центрального ар-
хива переполнены „интерцюзами шлюбными“. „Шлюбъ“ самъ по
себѣ не имѣлъ силы, безъ скрѣпленія его „интерцюзомъ“ и „актомъ
весельнымъ“ и были случаи, что повѣнчанная уже дѣвушка выхо-
дила замужъ за другаго, когда свадебная сдѣлка не состоялась.
Таже власть судебно-гражданская, которая скрѣпляла брачный союзъ,
давала супругамъ и *роspуcтныя листы*, при чемъ обое расходящіяся
свободно могли вступать во второй бракъ. Разводъ такимъ образомъ
совершался безъ участія духовной власти и если на „роspуcтныхъ
листахъ“ встрѣчаемъ подписи священниковъ, то лишь въ качествѣ
свидѣтелей').

1) „Рус. Ст.“ 1880 г., нояб., статья О. Н. Левцоваго: „О семейныхъ от-
ношеніяхъ“ и пр.

Духовенство въ южной Руси не было тогда сословіемъ, оно постоянно пополнялось людьми міра, и свободное ученіе о бракѣ, проникшее въ общество, переходило въ его среду и находило тамъ свое примѣненіе, повидимому, никого, кромѣ строгихъ ревнителей древнихъ правилъ, не соблазнявшее. Въ концѣ XVI в. на кievской митрополичей кафедрѣ возсѣдалъ много лѣтъ двоєженецъ Онисифоръ Дѣвочка, епископы Діонисій Збируйскій и Леонтій Пелчипкій жили съ своими женами, второбрачіе священниковъ въ жалобахъ ревнителей приводится, какъ явленіе не рѣдкое. Съ введеніемъ уніи возникшая между православными и уніатами полемика указала въ той и другой сторонѣ не мало опредѣленныхъ случаевъ второбрачія священниковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мы сочли нужнымъ привести прежде того факта, о которомъ хотимъ сказать, дабы самый фактъ не показался или слишкомъ исключительнымъ, или даже маловѣроятнымъ. А фактъ былъ такого рода.

Въ началѣ XVIII ст., на Волыни, въ г. Овручѣ, при церкви св. Василія, жилъ протопопъ Комаръ, по имени Симеонъ. Его постигло одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя особенно тяжестію ложатся на жизнь каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника,—онъ лишился „своего подружія“. Въ какомъ возрастѣ былъ тогда Комаръ и при какихъ обстоятельствахъ застигло его это несчастіе, объ этомъ, какъ и вообще о его жизни, никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Было это въ то тяжелое время, когда унія на всемъ пространствѣ южной Руси, остававшейся подъ владычествомъ Польши, брала рѣшительный перевѣсъ предъ православіемъ и вытѣсняла его отовсюду. Не смотря на недавній трактатъ 1686 г. между Россіей и Польшею, которымъ, въ предѣлахъ послѣдней, признаны, при полной свободѣ исповѣданія своей вѣры, 5 православныхъ епископій, православные епископы съ пасомыми подвергались крайнимъ притѣсненіямъ за вѣру, или вовсе не были допускаемы въ ихъ епархіи. Въ предѣлахъ древней митрополіи кievской, обнимавшей всю южную Русь, давно уже считалось два митрополита—православный и уніатскій, теперь и въ епархіяхъ являлось по два епископа, или епархіею въ большинствѣ еще православною управлялъ епископъ уніатъ,—вновь назначенный, или измѣнившій раньше паствы православію. Происходило неимовѣрное давленіе уніатской власти на православное

священство и народъ съ цѣлію склонить ихъ въ униі. Вліятельнаго священника, тѣмъ болѣе протопопа тянула къ себѣ одна и другая сторона; при томъ въ униі на всякое отступленіе отъ каноновъ церковныхъ смотрѣли снисходительнѣе, нежели въ церкви православной. Наконецъ тогдашній южно-русскій священникъ въ своемъ положеніи былъ столько-же въ зависимости отъ власти духовной, сколько и свѣтской, доминіальной, т. е. помѣщика—колятора, имѣвшаго право не принять и удалить его, вопреки распоряженію власти духовной. При епископѣ униатскомъ, священники православные считали себя, конечно, внѣ всякой зависимости, теперь-же православный епископъ луцкій, Кирилль Шумлянскій, былъ вовсе изгнанъ, а епархію луцкую досматривалъ епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій, еще съ 1700 г. измѣнившій православію и имѣвшій въ это время титулъ администратора кievской митрополи. Этимъ смутнымъ положеніемъ и воспользовался православный еще протопопъ Семіонъ Комаръ и вступилъ во второй бракъ. Когда фактъ этотъ сталъ извѣстенъ Іосифу Шумлянскому, онъ, въ видахъ, конечно, смиренія своеправнаго протопопа и приведенія его въ святую унию, простеръ на него издалека свою власть и запретилъ ему священнодѣйствіе и совершеніе требъ, что равносильно было отрѣшенію отъ прихода. Запрещеніе епископа несомнѣнно поддержано было на мѣстѣ властію помѣщика. Легко понять, въ какую бѣду попалъ Комаръ съ своимъ „новымъ подружіемъ“ и какую борьбу онъ долженъ былъ выдерживать въ душѣ, колеблясь между преданностію вѣрѣ отцевъ и привязанностію къ новой женѣ. Епископъ, хотя и униатъ, стоялъ на твердой почвѣ: униа была *de jure* переменною лишь іерархической подчиненности, всѣ догматы и каноны церкви восточной оставлены были за нею. Съ точки зрѣнія православія и униі Комаръ былъ равно виновенъ и епископъ съ полнымъ основаніемъ указывалъ въ второбрачномъ союзѣ прямое нарушеніе правилъ св. отецъ. Отовсюду было тѣсно Комару. Онъ взмолился, *рыдающе и стенающе*, епископъ не измѣнялъ своего рѣшенія. Комаръ продолжалъ молить, являя „полное смиреніе и раскаяніе“, какъ значитъ въ грамотѣ Шумлянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору рѣшилось его вѣроотступничество. Епископъ не довѣрялъ; онъ сталъ налагать на Комара разныя наказанія,—тотъ терпѣливо ихъ принималъ. Прошло такъ не мало времени, епископъ не сдавался. Явился наконецъ

знатные ходатаи духовнаго и свѣтскаго чина и было ихъ не мало. Епискоцъ ввѣсилъ все и уступилъ: особю разрѣшительною грамотою онъ объявилъ, что не только принялъ второбрачнаго Комара „въ первшее благословенство, но священнодѣйствовать ему и всякія требы исполнять соизволил и поблагословилъ“. Это было въ 1708 г.

Пр. В. Б. Антоновичъ, обнародовавшій этотъ случай въ собранномъ имъ IV томѣ I-й части Архива юго-западной Россіи ¹⁾, сомнѣвается въ дѣйствительности онаго и готовъ видѣть въ немъ вымыслъ униатской партіи, придуманный съ цѣлю склонить въ униатскаго протопопу; но мы нашли новое подтвержденіе приведеннаго факта. Въ томъ-же 1708 г. послѣдовала перемѣна въ униатской церковной іерархіи: управление кievскою митрополіею, съ званіемъ экзарха, поручено было епископу луцкому и острожскому Діонисію Жабоврицкому, и онъ подтвердилъ данное Комару Шумлянскимъ разрѣшеніе ²⁾. Оставалось испросить разрѣшеніе помѣщика, который и разрѣшеннаго епископскою властію священника могъ не допустить въ служенію въ церкви, считавшейся, на равнѣ со всѣмъ имѣніемъ, его собственностію. Такое разрѣшеніе или дозволеніе давалось на бумагѣ и носило названіе „презенты“ или „аппробація“. Овруцкимъ имѣніемъ, подъ названіемъ староства (жалованнаго лично отъ короля), владѣлъ тогда нѣкто Іосифъ Бржуховскій, а управляющимъ у него былъ шляхтичъ Іосифъ Зверуховскій. Этотъ послѣдній и допустилъ Комара къ служенію въ его приходской церкви, а спустя четыре года, именно въ 1712 г., исхлопоталъ для него у своего патрона и самый „презентъ“. На немъ рукою Бржуховскаго было написано: „ponieważ duchowieństwo pozwała drugiego małżeństwa wielebnemu Semionowi y nie oddala go od służby Bożej odpawiania, y ia go nie oddalam od cerkwi świętey w Owruczu“ (т. е. поелику духовная власть позволяетъ преподобному Симеону второе супружество и не отстраняетъ его отъ священнослуженія, то и я не отстраняю его отъ святой церкви въ Овручѣ ³⁾).

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, т. IV, стр. 283, № СХХVI.

²⁾ Книга центр. архива № 27, л. 23.

³⁾ Книга центр. архива № 27, л. 66 на оборотѣ.

Такъ уладилъ протопопъ Семіонъ Комаръ страшную надъ нимъ двойную бѣду—безвременное вдовство и запрещеніе священнослуженія, но купилъ свое благополучіе цѣною вѣры, въ которой такъ непреклонно было тогдашнее православное священство. Только не желаніе разлучиться съ второю женою и вѣроятная къ ней привязанность могли подвинуть Комара на тяжкую измѣну отеческой вѣрѣ. Болѣе 5-ти лѣтъ длилась эта тяжелая драма, которой едва слабыя черты дошли до насъ. Полагать надо, что заручившись разрѣшеніемъ двухъ епископовъ и аппробаціею своего пана-коллектора, Комаръ протопопъ продолжалъ уже безмятежно жить съ своимъ „вторымъ подружіемъ“ и оно на языкѣ того времени величало его безсумнительно своимъ „господинкомъ“, какъ онъ ее своею „госпожыньюкою“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ супружеское счастье не разъ было нарушаемо тяжелыми укорами совѣсти, что промѣняли они завѣтъ отцевъ, кровію освященный, на преходящую утѣху жизни.

Что до епископа-отступника, несомнѣнно, что онъ только терзалъ попавшаго въ бѣду Комара, чтобы тѣмъ надежнѣе преклонить его къ униі, такъ какъ наружное и временное согласіе на унию было тогда дѣломъ частымъ и даже обыкновеннымъ; много, если предположить, что онъ колебался дать открытое разрѣшеніе, мало или вовсе еще не практиковавшееся. Нѣсколько позже вопросъ о подобныхъ казусахъ былъ оформленъ и „диспенсы“, но ходатайству епископовъ, давались, хотя и не бесплатно, святѣйшимъ отцемъ римскимъ. Римская церковь, знавшая одно лишь безбрачіе священниковъ, мало понимала въ тонкостяхъ возрѣвнѣй восточныхъ аскетовъ на единобрачіе священниковъ и цѣломудріе ихъ невѣсть, какъ на охрану и свидѣтельство ихъ собственнаго цѣломудрія. Лѣтъ двадцать назадъ намъ случилось видѣть папскую „диспенсу“, исходатайствованную около 40-хъ годовъ XVIII ст. львовскимъ епископомъ Аванасіемъ Шептицеимъ одному униатскому священнику, который, принимая санъ священникъ, женился на вдовѣ. Конечно, это была лишь формальная уступка догмѣ восточной, еще удерживавшейся въ церкви униатской.

Наконецъ въ приведенномъ фактѣ нельзя обойти вниманіемъ и того обстоятельства, что нашелся тогда въ средѣ православной священнической, который повѣнчалъ вторымъ бракомъ протопона Ко-

мара, нашлись свидѣтели и участники его семейной радости, не слышно протеста и со стороны прихода, все еще православнаго, и только епископъ, самъ недавно измѣнившій православію, простираетъ свою претензію къ кое-какъ устроившемуся вдовцу-протопопу, не подлежавшему его юрисдикціи. По видимому, второй бракъ протопопа въ Овручѣ не выступалъ въ рядъ явленій небывалыхъ и явилось „не мало годныхъ духовнаго и свѣтскаго стану особъ“, которые ходатайствовали предъ епископомъ о признаніи за Комаромъ его вторичнаго брака и права священнодѣйствовать и учить народъ, что, какъ мы видѣли уже, и исполнилось въ его и многихъ, конечно; удовольствіе.

Такъ разрѣшился въ давніе годы въ смѣшанной православно-униатской средѣ вопросъ о второбрачїи священниковъ, бывшій и остающійся у насъ самымъ жгучимъ вопросомъ жизни!

ГЕТМАНСКОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ НА СВАДЬБУ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ доставшееся намъ въ большой массѣ бумагъ³⁾ суляницкаго архива письмо жены гетмана Данпла Апостола къ Павлу Акимовичу Скорупѣ съ приглашеніемъ его на свадьбу гетманской племянницы съ писаремъ Юркевичемъ. Письмо это любопытно не только какъ образчикъ своего рода этикета въ тогдашнемъ высшемъ малороссійскомъ обществѣ, но и какъ одно изъ подтвержденій господствовавшаго въ немъ, какъ и въ другихъ классахъ южно-русскаго населенія, взгляда на бракъ (см. здѣсь-же стр. 607), по которому такъ называемый «актъ весельный», съ предшествовавшею ему «шлюбною интерцюзію» или брачнымъ договоромъ, не только отличался отъ брака церковнаго, какъ учрежденіе гражданско-общественное, но и отдѣлялся отъ него значительнымъ, какъ въ данномъ случаѣ трехъ мѣсячнымъ, промежуткомъ времени. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это, какъ и всѣ другія, нѣбующіяся у насъ письма гетманши Апостоловой, писаны, не исключая подписи, рукою постороннею, изъ чего должно заключать, что эта первая въ Малороссіи особа прекраснаго пола или очень слабо владѣла перомъ, или просто была неграмотна. Впрочемъ тоже почти было тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ и съ русскими великими князьями, дщерями Великаго Петра. Вотъ текстъ письма гетманши.

³⁾ За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ искреннюю признательность уважаемому собирателю родной старины Турвонту Венедиктовичу Квбальчичу.—Ред.

Мосцѣ пане Скороупа,
миѣ велце мосцѣ пане свате и зичливий пріятелю.

Поневажъ изволеніемъ и благословеніемъ вся устраивающаго Бога, послѣдовательно-же и нашимъ благословителнымъ желаніемъ приговорена въ доживотное сожитіе племянница наша панна Іуліана Максимовна пану Григорію Юрьевичу, писарю полковому стародубовскому, и тотъ приговоръ еще прошлаго генваря 25 числа по церковному чиноположенію обрученіемъ и вѣнчаніемъ утверждень, а за Божиимъ-же и нашимъ благословеніемъ имѣеть онимъ новобрачнымъ одправоватись веселній актъ здѣсь въ домѣ нашемъ сего априля 22 числа; того ради и вашей мости пана съ вселюбезнѣйшою сожителницею вашею, а нашею коханою панѣ сватовою, просимъ для присудствія оной веселной компаніи къ означенному числу въ Глуховъ прибыть, якого вашего благополучнаго прибытія охотно ожидая, пребываемъ вашей милости пану вседоброжелательнѣйшая сватова,

Іуліана Данилова Апостолова Гетманова.

Апрѣля 15 дня 1733 году.

Глуховъ.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КІЕВЛЯНИНА.

(КІЕВЪ ВЪ 1812 И 1824 ГОДУ).

„Но Кіевъ, на степи глухой
Дивить ужь болѣе неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоять, какъ памятникъ надгробный“.

„Наливайко“, поэма Рыльева.

Въ моей сѣдой, восьмой десятокъ лѣтъ доживающей головѣ всего менѣе, кажется, осталось воспоминаній о Кіевѣ, которому я принадлежу по самому рожденію моему. И не удивительно: мѣсяцъ отодвинулъ отъ него слишкомъ длинный промежутокъ времени, лѣтъ въ 60, и сильныя ощущенія послѣдующей жизни вытѣснили изъ памяти нѣжныя впечатлѣнія дѣтства; но исходивъ всю почти Россію, странствуя долго по Европѣ, Азій и Африкѣ, я всегда

хранилъ святую память о немъ и отдавая теперь ему мои послѣднія воспоминанія, почту себя счастливымъ, если они въ комъ либо изъ читателей пробудятъ память о тѣхъ лицахъ, которыхъ я коснусь, или возбудятъ тотъ сладкій трепеть, которымъ переполняется и мое сердце при одномъ имени „матери градовъ русскихъ“.

Родился я, какъ уже сказалъ, въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1806 года и здѣсь, подъ южнымъ небомъ, подъ сѣнью кіевской святыни протекло мое дѣтство. Въ 1817 году родители мои отвезли меня чрезъ Москву, еще неотстроенную послѣ погрома 1812 года, въ Петербургъ, откуда по производствѣ изъ пажей въ офицеры арміи, въ апрѣлѣ 1824 г. я возвратился въ Украину, гдѣ и провелъ первые годы моей службы въ стоявшемъ не далеко отъ Кіева харьковскомъ драгунскомъ полку, имѣя возможность часто посѣщать Кіевъ. Полкомъ командовалъ сперва старый воинъ Георгій Александровичъ Кончіеловъ, а потомъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ знаменитаго героя отечественной войны, подъ командою котораго служилъ мой отецъ. Въ то боевое время, когда Россія одна боролась противъ всей почти Европы, часто „родство по штыку“ считалось выше родства по рожденію и я не могу не вспомнить здѣсь со мною вмѣстѣ вступившихъ въ полкъ: Александра Будберга, Александра Комара и извѣстнаго впоследствии писателя А. Н. Муравьева, съ которымъ я переписывался до самой его кончины въ Кіевѣ въ 1874 г.

Родной мнѣ Кіевъ остался у меня въ памяти всего болѣе по 1812 г. При первомъ извѣстіи о вторженіи французовъ въ наши предѣлы, мой отецъ, тогда командиръ таврическаго гренадерскаго полка, стоявшаго въ г. Вильно, полковникъ Николай Семеновичъ Сулима, немедленно отправилъ матушку съ нами дѣтьми въ Кіевъ, къ ея матери, нашей бабушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, вдовѣ генераль-поручика Репнинскаго, времени Суворовскихъ и Екатерины II-й. Въ Кіевѣ царилъ тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной. Мы остановились въ „Липкахъ“, лучшей улицѣ, названной такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ, и расположились во флигелѣ дома бабушки. Какъ тогда, кромѣ люда рабочаго, никто еще не ходилъ „per pedibus apostolorum“, а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы „матери всѣхъ городовъ русскихъ“ и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ. Кромѣ

двухъ, вѣчно враждующихъ межъ собою партій, кievскихъ гвельфовъ и гибелиновъ, — оборванныхъ жидовъ и голодныхъ псовъ, рѣдко случалось встрѣчать христіанскую душу пѣшую на улицахъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь „Подоль“, на перекресткахъ ходили часовые „ратники“, въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ, въ народѣ, подозрѣвали „жидівъ и ляхівъ“. Скоро у насъ появилась масса нашихъ раненыхъ и еще огромнѣйшая масса плѣнныхъ французовъ и нѣмцевъ—изъ числа послѣднихъ взятъ былъ и мой „гувернеръ“, саксонецъ, Іоганъ-Фридерихъ Апель. Кіевляне радушно вездѣ и всегда принимали, угощали и даже одѣвали, какъ нашихъ, такъ и враговъ... Помню французскаго генерала *Rantz*, который, со многими другими, часто обѣдалъ у моей бабушки и всегда меня ласкалъ. Помню живо, какъ однажды поздно вечеромъ, моя мать, возвратившись отъ бабушки Репнинской, меня уже спящаго выхватила изъ постели и, подкidyвая меня, уже здоровеннаго мальчугана, кричала: „наши въ Парижъ, Парижъ взять!“ —къ великому восторгу сбѣжавшейся дворни.

Помню блестящаго графа Милорадовича, тогдашняго, кажется, генераль-губернатора кievскаго. Отсюда отозванъ онъ въ армію, но верхній этажъ дворца еще тогда сгорѣлъ, когда онъ въ немъ жилъ. Помню и почтеннаго старца митрополита Евгенія, который насъ также часто посѣщалъ. Милорадовичъ тогда еще былъ ловкій и красивый мущина, средняго роста, веселаго нрава и занимательный разсказчикъ. Онъ часто начиналъ разсказы свои восклицаніемъ: „Помилуй Богъ!“ Меня мальчика онъ ласкалъ и баловалъ. Но еще болѣе баловалъ меня высокій артиллерійскій, не помню, генералъ или полковникъ въ то время, съ густыми черными бакенбардами и волосами, другъ моего отца, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, также частый гость нашъ, который много мною занимался и многое мнѣ объяснялъ, что чрезвычайно льстило моему самолюбію. Къ намъ еще весьма часто ѣздили обѣдать и на цѣлый день эмигранты,—старикъ, когда-то еще королевскій-французскій генералъ, Пупаръ, какъ его называли, съ супругою. Какъ вчерашнее помню его свѣтло-зеленый кафтанъ, съ огромною звѣздою на лѣвой сторонѣ груди, пудреную голову съ тучѣмъ, и его высочайшую, востлявую, надменную злючку-супружницу, съ длиннѣйшими желтымъ лицемъ и табашнымъ носомъ. Я ее ненавидѣлъ за ея безпрестанна, всегда обидныя на мой счетъ замѣчанія.

Алексѣй Петровичъ также не жаловалъ злую генеральшу. Въ одинъ для меня особенно злосчастный день, когда меня, по ея милости, безцеремонно выпроводили изъ гостинной, вскипѣла во мнѣ негодованіемъ козацкая запорожская кровь и я горько плакалъ. Алексѣй Петровичъ вышелъ за мной, чтобъ меня успокоить, въ чемъ и успѣлъ. Давно уже мнѣ хотѣлось имѣть къ моему козацкому одѣянію маленькую саблю, въ которой мнѣ рѣшительно отказывали. Я сталъ его просить. Онъ обѣщаль, и дѣйствительно на другой-же день не только привезъ, но и выпросилъ, чтобъ мнѣ, когда послѣ окончанія уроковъ мною будутъ довольны, было дозволено не только саблю надѣвать, но, въ присутствіи гувернера, даже ее обнажать. Когда я учился дурно, по мѣрѣ вины, меня лишали сабли, что дѣйствительно, когда это случалось, приводило меня въ отчаяніе больше, чѣмъ всѣ выговоры и аресты: — какъ, у меня козака, отбирать саблю, данную мнѣ самимъ Алексѣй Петровичемъ! Не была мнѣ позже судьба служить, какъ я желалъ, подъ начальствомъ покорителя Кавказа. Бабушка наша, Елизавета Васильевна, была старушка чистенькая, свѣженькая, добрѣйшая, подвижная. Все вокругъ нея и въ просторномъ домѣ ея дышало какою-то благодатью, чистотой и спокоемъ. Большіе во весь ростъ портреты фельдмаршаловъ *Суворова*, Румянцева, Потемкина, подъ начальствомъ которыхъ служилъ дѣдушка и которыхъ и она знала, особенно-же Суворова, котораго письма къ ней сохраняла, какъ святыню,—какъ-то благодушно смотрѣли изъ своихъ рамъ на проходящихъ мимо ихъ по большой залѣ. Въ большой гостинной, подъ огромнымъ портретомъ Еватерины II-й, на диванѣ сидѣла бодрая, привѣтливая, чистенькая, какъ северская статуетка, старушка, съ вѣчнымъ вязаніемъ въ крошечныхъ ручкахъ. Когда ее спрашивали, когда кончитъ и куда дѣнетъ все это вязанье, она отвѣчала обыкновенно: „ахъ, родной, да какже иначе? не можно-же *имъ* (т. е. бѣднымъ) такъ просто деньги въ руки совать!.. а такъ въ платочкѣ, фуфаячкѣ—не такъ совѣстно... приличнѣй“. Надобно было послушать ее, какъ она начнетъ разсказывать, или толковать съ старымъ инженернымъ, временъ Суворовскихъ, генераломъ Ильей Алексѣевичемъ Глуховымъ, съ которымъ служилъ и ея мужъ, или со слезами на глазахъ показывать и читать писанное къ ней письмо богатыря „Рымникскаго и князя Италійскаго“... какъ она оживля-

лась, молодѣла!.. Но когда съ полей Бородина привезли ея тяжко раненнаго сына, надо было видѣть ея дѣятельность и силы... старуха исчезла, осталась одна любящая мать!..

Помню еще изъ русскихъ друга дома и моего покровителя, всѣми сердечно уважаемаго, почтеннаго, добрѣйшаго Христіана Карловича Бунге, его золотыя очки, добрѣйшую жену, сыновей и дочерей. Съ сыновьями его я часто игралъ у насъ и въ ихъ домѣ и саду. Помню еще губернатора Черепанова и вице-губернатора Катеринича. Помню красивыхъ, милыхъ дамъ Семенова и ея сына тоже возака, какъ я,—Лошакову и ея мрачнаго супруга, веселую Всеволодскую и нашу родственницу—во всемъ высокую, добрѣйшую Елену Александровну Захаржевскую, рожденную графиню Самойлову, владѣтельница *историческаго* с. Жаботина. Весело жилось тогда въ Кіевѣ, но когда начались шны и балы въ торжество побѣды штыка русскаго солдата и дубины русскаго мужичка, веселью не было мѣры. Пожаръ жертвовавшей собою Москвы довелъ чувства до восторженности и у насъ—дѣтей... Всякій жертвовалъ, что могъ. Явились картины сраженій у разносчиковъ и новыя пѣсни народныя.

Трогательнѣе было зрѣлище, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ генераломъ Раппъ), какъ къ русскимъ страдалцамъ выдались на встрѣчу хозяйева и дамы и какъ бережно помѣщали ихъ на покойнѣйшія кресла, заранѣе приготовленныя, плѣнныхъ-же принимали весело какъ *своихъ гостей*. Начинались танцы, плѣнные весело плясали, танцы все болѣе и болѣе оживлялись и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ. Было то славное время и для насъ дѣтей, время, которое мы потомъ взрослыми не забывали и въ бою, въ память отцовъ нашихъ.

Французскій генералъ Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостями; Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Вотъ образчики:

«Coeur pur, amitié fidèle
Tendresse et vertu maternelle
Solide et modeste savoir

Сердце чистое, дружба вѣрная,
Нѣжность и доброта материнская,
Основательная и скромная ученость,

Vanité cédant au devoir
Bonté de coeur et grandeur d'ame
C'est votre portait, Madame.

Rapp. Kieff. 1813.

«Chacun vous fait un compliment
d'usage,
Dont vous connaissez la valeur;
L'Amitié vient aussi, modeste en
son langage
Elle dit peu de mots, mais ils par-
tent du coeur
Et vous combleriez son bonheur,
Si vous en distinguiez l'hommage.
Rapp.

Гордость преклоняющаяся предъ
обязанностію,
Доброта и великодушіе—
Вотъ вашъ портретъ, судариня.
Рappъ. Кіевъ. 1813 г.

Каждый дѣлаетъ вамъ привѣт-
ствіе,
Цѣна котораго вамъ извѣстна,
Дружба скромна въ рѣчахъ,
Въ немногихъ, сердечныхъ сло-
вахъ,
А вы-бы ее осчастливили,
Отличивъ сіе приношеніе.
Рappъ. Числа нѣтъ.

Эргардтъ оставилъ много весьма не дурныхъ рисунковъ въ тѣхъ-же альбомахъ.

Къ лѣту мы уѣхали въ деревню, въ наше село Богоявленское. Помню старинный домъ, съ старинными портретами, картинами, библіотекой, мебелью, доказывающими, что и въ прошлое время край не былъ дикимъ. Помню огромный, прекрасный садъ, грознаго сѣдовласаго управителя Никиту Иванчука, котораго людъ называлъ „Мекита“, и огромныхъ дворовыхъ собакъ, съ которыми я скоро подружился. Помню большой складъ всякаго богатаго стариннаго оружія въ домѣ... Помню, какъ игралъ въ солдаткии съ мальчишками, которые меня звали Сулименко.

«O, primavera, gioventu dell'anno,
O, gioventu, primavera della vita»

«O, весна! юность года,
O, юность! весна жизни!»

и помню, какъ праздникомъ, прямо изъ церкви, отъ обѣдни, къ намъ являлись ветхіе старцы и старицы съ отрѣзаннымъ ухомъ или одною изъ рукъ!... Съ уваженіемъ къ нимъ приближались мужички и бабы, а самъ „Мекита“, снявъ шапку, давалъ имъ подаваніе и пиццу; то были, говорили мнѣ попотомъ, „гайдамаки“, мученики времени торжества Уніи!... Народъ ихъ почиталъ почти святыми... Никто не зналъ или боялся сказать, гдѣ они проживаютъ зимой, „або въ степу, або въ байракахъ“, въ холода невозможные.

Зиму опять провели мы въ Кіевѣ, при ликованіи побѣдъ нашихъ... Мы уже жили въ домѣ Безбородко, изъ котораго помню дивный видъ, особенно при закатѣ солнца, на старый Кіевъ, соборъ

святой Софіи *) и златоверхій михайловскій монастырь, не хуже, чѣмъ съ уступа верхняго дворцоваго сада. Скольео мнѣ извѣстно, изъ видовъ Кіева и окрестностей многіе еще ждутъ кисти художника. И порядочныхъ литографій еще не видать. Многое зависитъ отъ выбора поры дня, освѣщенія и мѣста, съ котораго слѣдуетъ снимать видъ мѣстностей или строеній.—Продолжаю.

Въ концѣ этой зимы и особенно въ веснѣ началось мое учение, а съ нимъ и всякія мученія. Сверхъ Закона Божія и языковъ, начали учить меня исторія, географія и, по тогдашнему, не объясняя, а просто въ долбяшку!.. Скоро прибылъ еще новый учитель русскаго языка—москвичъ, да давай меня истязать за мягкій знакъ и за мое вообще украинское произношеніе: „усѣ не до смаку“...

Наступила весна. Послѣ мучительныхъ дня и вечера, я спалъ сномя праведника, какъ въ одно утро вдругъ—раньше обыкновеннаго—мой гувернеръ, добрый Іоганъ-Фридрихъ Апелъ, меня поспѣшно разбудилъ и, что никогда не случалось, при умываніи и одѣваніи моей особы даже мнѣ помогаль. На всѣ мои распросы о причинѣ необыкновенной поспѣшности, онъ мнѣ попотомъ отвѣчалъ: „Ich darf nicht“, т. е. не смѣю. Я ожидалъ чего нибудь ужаснаго... въ родѣ новаго учителя-мучителя!.. Вышли...

Въ залѣ у стола сидѣлъ красивый, съ темными бакенбардами, мущина, въ военномъ сюртукѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ вскочилъ, схватилъ и поднялъ меня, какъ перышко...

О, Боже!.. это былъ мой отецъ!..

Да, *то былъ солдатъ двѣнадцатаго года!*..

Оставивъ родной Кіевъ въ мартѣ 1817 года, я опять попалъ въ него прямо изъ холоднаго, сумрачнаго, прямолинейнаго Петербурга, въ маѣ 1824 года, въ самый разгаръ цвѣтущей украинской весны. Когда мы подвигались отъ станціи Броваровъ, меня уже издали, при утреннемъ солнцѣ, поразила прелесть знакомаго мнѣ вида златоверхой лавры печерской, среди садовъ и строеній, парящей въ высотѣ надъ зеркаломъ водъ широкаго „батюшки“ Днѣпра. Забилося мое сердце.

---

*) См. мою брошюру: „Зодчество восточной православной церкви“. Кіевъ. 7-го іюня 1873 года.

Не многое могу сказать о Кіевѣ въ ту пору; онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ я его оставилъ восемь годовъ тому назадъ, прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужевъ. Подъ великолѣпными липами въ „Липвахъ“ устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все таже пыль по улицамъ и все тѣже искони враждующіе межъ собою партіи монтекки и валулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ *форейторомъ*, или *цуръ* „съ бичемъ“ яснаго пана, обращали на себя вниманіе обоихъ воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь, торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а невѣжды собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадыми. Нищихъ они часто пропускали мирно, судя, вѣроятно, по фізіономіямъ. Меня, ѣхавшаго на почтовыхъ, въ „перекладной“ повозкѣ, они не удостоили особеннаго вниманія, таякнувъ лишь нѣсколько разъ, чтобъ явить свою бдительность. Заѣхалъ я, по тогдашнему, прямо къ моей бабушкѣ, доброй Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, которая уже жила въ своемъ новомъ каменномъ красивомъ домѣ, еще до моего отъѣзда изъ Кіева оконченномъ и отдѣланномъ, окруженномъ тогда вновь разведеннымъ и уже разросшимся молодымъ садомъ, въ которомъ и я работалъ и между прочимъ посадилъ и молодую грушу. Хотя еще было раннее утро, я ее засталъ уже за чаемъ. Хорошая, еще бодрая старушка, разцѣловала меня, съ радости не знала, чѣмъ и какъ меня угостить. Наболтавшись и наѣвшись по русскійски, я, чтобъ переодѣться, пошелъ въ уже приготовленную мнѣ въ верхнемъ этажѣ, знакомую, большую, свѣтлую комнату, которой три распахнутыя окна открывали мнѣ дивный видъ чрезъ улицу и Бегичева цвѣтуцій садъ на „старый Кіевъ“ и въ весеннемъ солнцѣ сіяющіе куполы св. Софіи и златоверхаго михайловскаго монастыря!..

Налюбовавшись, я переодѣлся, и въ каретѣ бабушки отправился явиться коменданту въ крѣпость. Въ комендантѣ нашелъ добраго, ласковаго старика, который, распросивъ меня о моихъ родителяхъ и представивъ, какъ стараго знакомца, своей женѣ, наконецъ меня отпустилъ домой (кажется, то былъ старикъ *Маасъ*). Возвратившись прямо къ бабушкѣ, которая мнѣ запретила къ кому-то ни было заѣзжать, я уже засталъ у ней старыхъ ея и всего

нашего семейства друзей: съ бѣлою уже совсѣмъ головой, но все еще бодрога и какъ верста прамаго, теперь уже генераль-лейтенанта со звѣздой, знакомаго съ моего дѣтства *Суворовца* ¹⁾, Илью Алексѣевича Глухова, и добрѣйшаго, также все еще бодрога и веселаго Христіана Карловича Бунге, съ тѣми-же золотыми очками. Не буду распроетраняться, говоря о всѣхъ добрыхъ, незабвенныхъ знакомыхъ и друзьяхъ нашего семейства, которые всѣ обласкали меня, какъ роднаго, и объ ихъ дѣтяхъ, товарищахъ моего дѣтства, изъ которыхъ многіе уже состояли на службѣ, а изъ дѣвушекъ нѣкоторые уже были замужемъ. Изъ семействъ Бунге и Могилянскихъ еще всѣ были на лице, а Глуховы уже стали намъ родня, ибо ихъ дочь Марія уже была замужемъ за сыномъ бабушки, братомъ моей матери, тѣмъ самымъ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, который послѣ Бородинской битвы пріѣзжалъ, жестоко израненный (три пули), къ бабушкѣ на короткое время и едва излѣчившись, посидѣвши догнать полкъ. Я у нихъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ Репнинскій служилъ уже полковникомъ въ гвардіи. У Х. К. Бунге все семейство еще было на лице и всѣ здоровы. Жили они въ прежнемъ своемъ домѣ и ихъ садъ значительно разросся и похорошѣлъ. И бабушкинъ садъ чрезвычайно разросся, и *моя груша* была уже прекраснымъ молодымъ деревомъ, приносящимъ обильные и вкусные плоды. Въ высокихъ, свѣтлыхъ, новыхъ комнатахъ новаго дома висѣли по стѣнамъ мси старыя знакомыя, перенесенныя изъ стараго дома, огромныя, старинныя, прекрасной живописи, портреты: Суворова, Румянцева, Потемкина, и изъ своихъ старинныхъ рамъ поглядывали на насъ всѣхъ также благосклонно, какъ во времена моего счастливаго дѣтства.

На другой день, посѣтивъ до обѣда всѣхъ знакомыхъ дѣтства моего и прекрасный дворцовый садъ, который мнѣ такъ напоминалъ прежніе годы, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что верхній этажъ дворца со времени пожара 1812 года еще не возстановленъ. Послѣ обѣда поѣхалъ къ вечернѣ въ софійскій соборъ. Въ храмѣ софійскомъ было не мало неопратности и небрежности; но не смо-

---

¹⁾ Состоялъ инженернымъ офицеромъ при Суворовѣ; по плану Глухова взята штурмомъ Прага (завислянское предмѣстье Варшавы), что и побудило Варшаву сдаться безъ боя.

тря на это, при пѣніи „Взбранной воеводѣ побѣдительная“, сердце мое наполнили тѣже чувства восторженнаго моленія, какъ многіе года позже въ св. Софіи цареградской и при служеніи въ соборѣ св. гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Многое, многое говоритъ русскому сердцу въ нашемъ, все еще прекрасномъ, хотя старомъ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“. Если зданіе молитвенное, посвященное славословію премудрости Всевышняго, должно выражать чувства и мысли строителей, то какъ-же классическій Пантеонъ, поставленный хоть и самимъ Михель-Анжіоло Буенаротти на колоннаду Пареона, — выраженіе языческаго культа чувственности и реализму, или дерзкіе шпиль почти арабскихъ и мавританскихъ средневѣковыхъ рыцарскихъ катедралей (другаго выраженія не нахожу) могутъ выразить идею смиренія, покорности, моленія и самоотверженія пострадавшаго на крестѣ Искупителя человѣчества? Какъ св. Софія цареградская, такъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, св. Софія кіевская вполне выражаютъ эту идею. Въ сѣверной Италіи, особенно въ Равеннѣ, я встрѣчалъ храмы выражающіе ту же мысль и чувства. Св. Маркъ въ Венеціи лишь не совсѣмъ удачное подражаніе св. Софіи цареградской.

На третій день посѣщаль я и другія святыни кіевскія, которыя позже описалъ мой другъ и товарищъ, по службѣ въ харьковскомъ драгунскомъ полку, уже покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Да, монгольская эпоха нашего многострадательнаго прошедшаго оставила намъ здѣсь, не смотря на частыя погромы татаръ, памятники, которые свидѣтельствуютъ объ свѣтлыхъ зачаткахъ отечества нашего, прерванныхъ, но не совершенно уничтоженныхъ.

Въ 1824 г. въ Кіевѣ жилъ съ своей семьей Н. Н. Раевскій, командующій 3-мъ корпусомъ 1-й арміи, штабъ котораго находился также здѣсь. То было веселое и славное время русскаго представительства въ древнѣйшей столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ кіевской губерніи (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая-Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшана), генералъ временъ Потемкина, извѣстный силачъ, графъ Николай Самойловъ (м. Смѣла), Алкивиадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давы-

довы (Грушевка), Высоцкій (м. Златополь), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и многіе другіе, какъ Орловъ (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украйнѣ блестящій русскій элементъ, а теперь?... Но съ 1845-го года я въ Кіевѣ не былъ.

Семень Сулима.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

1. Христось родивсь, міръ звеселивсь: сѣгоднішними часы
Для сихъ родинъ всякъ христянинъ вминае ковбасы.
2. Бабы, діды пиво-меды, горілку варену
Кухликкомъ пьють, съ книшами трутъ свинину печену.
3. Хлопці, дівки навпередки бігають підъ хатки
И якъ вовки, або свинки, скиргичуть колядки.
4. Паны купці, славні кравці, шинкарство, міщаны
Объ сімъ Різдва усі въ нови убрались жупаны.
5. Мати земля уся гуля и взявшись у боки,
Пісни гука, бѣе гопака въ підківки широки.
6. На небесахъ янголи всі ажъ въ долони
Зъ радости бьють, пісни гудуть Якимовій Доні.
7. Старенькій Вігъ на стіль излігъ и самъ собі дума:
«Праздникъ душамъ, тільки Адамъ изъ Евою рюма».
8. Важко здихнувъ, потимъ кликнувъ Гаврила швиденько,
Да й приказавъ, щобъ лясть пославъ Адамови хутенько.
9. Архистратигъ метнувся вмигъ, папіръ и чернило,
Де треба, взявъ да й написавъ Адаму такъ мило:
10. „Честный Адамъ, що всімъ людямъ праотець зовешся,
Годі, не плачь, отъ-отъ, якъ бачъ, изъ пекла спасешся,
11. Бо вже на світъ, якъ роза цвітъ, Христось народився.
Вінъ адъ стробить, чорта смиритъ, щобъ той не гордився.
12. Смерть злу ягу зогне въ дугу и зломить ій спину,
Гостру косу и збрую всю стре, якъ павутину.
13. Адьькихъ сіпакъ зонне якъ макъ, зибѣ ихъ въ макухи,
За ихъ брехню и всю плутню вінъ дасть имъ цукрухи.

14. Вже-жъ бо отъ сихъ катюгъ презлихъ просвітку не мають;
Правъ и не правъ, кого понавъ, знай въ некло таскають.
15. Катъ-бы ихъ ма! у ихъ нема нікому вже спуску:
Хоть-бы чернець, хоть-бы святець, осмалять, якъ гуску.
16. Вони и вамъ, честный Адамъ, зъ жоною твоєю,
Племфи дали, якъ въ гріхъ ввели брехнею своєю.
17. Сихъ-то покусь хитрый искусь твою молодичю
На гріхъ пиддівь, що й ты изъвѣвъ прокляту кислещю.
18. Отъ сихъ врагівъ вы изъ богівъ голяки зробились,
Рвали листки, шили мішки и тими прикрились.
19. Одъ ихъ чарівъ вы изъ царівъ чортъ зна чимъ стали
Изъ усіми зъ раю дітьми у некло попали,
20. Де дєнь и нічь дрова у пічь возите санками,
За той-же трудъ ще васъ и бьють по ребрахъ кійками.
21. Отъ сихъ-то мугъ ты, якъ павуєъ, онухъ и хвораєнъ;
Ну-жъ лишъ вставай, сей листъ читай,—заразъ очунаєшъ“.
22. Болізнь забувъ, хвабро скакнувъ нашъ прадідъ изъ полу,
Надівъ сірякъ и сякъ то такъ додывавъ до столу.
23. На лавку сівъ, да й надівъ на нісь окуляры,
Листъ той хвата, зъ сміхомъ чита, бо одійшли шпары.
24. Тутъ-же сидить, Ева глядить у вічи пильненько,
Все, що чита, Адамъ мота на усь гарненько.
25. Якъ прочитавъ, Еви сказавъ: „давай варенухи!“
Глечикъ хильнувъ дай махнувъ въ те місце навтרוхи,
26. Де въ пічь дрова кладуть, сыває всіхъ и репетує:
„Христось родивсь, Христось родивсь! намъ янголь віщує.
27. Потімъ вийма листъ и знима зъ гири капелюху,
На пень-же ставъ, всімъ прочитавъ той листъ до слуху.
28. И увєсь тутъ загудівъ людъ, мовъ літомъ ті бджолы;
Беруть жінокъ, ведуть въ танокъ, затыкавши полы.
29. Тіи бычка, ті козачка, ті горлицю скачуть,
Сами-жъ старі, сидя въ шатрі, одъ радости плачуть.
30. Пророкъ Давидъ тамъ-же сидить и въ кобзу играє,
Пісню святу Спасу Христу за псалтири читає

31. Чорнявий Хамъ сидить тежъ тамъ и рїже въ сопілку,
Самъ добре пье и всімъ дае квартою горілку.
32. Куци чортн, мовъ ты хортн голодни скиглять,
Лапы грызуть, изъ себе шкуру рвуть, скрутились и пінать.
33. Старшій ихъ бїсъ нахлюпивъ нїсь, сидить въ куточѣу,
Скубе виски и на куски шматуе сорочку.
34. Суціга смерть собі-жъ верть-верть, ляпъ-ляпъ кістками,
Бїжить въ кутокъ, бере мішокъ зъ косою, зъ ножами,
35. Заступъ хапа, яму кона и все въ ту поклала..
Смерте, вгамуйсь! тобі Исусъ дасть доброго драла.
36. Нашъ Богъ Христось чортівъ, якъ ось, подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, смерте, трісокъ наробить и гною.
37. Всіхъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Симъ я Христомъ, паны, зъ Рїздомъ васъ поздравляю.
Сообщ. С. И. Пономаревъ.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТАВРОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ),

Когда настоящая книжка закончена была печатаніемъ, мы получили извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора кїевского университета А. И. Ставровскаго, послѣдовавшей въ г. Острѣ (черниг. губ.) 14 ноября сего года, послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга.

Покойный Алексѣй Ивановичъ, воспитанникъ бывшаго педагогическаго института, товарищъ славныхъ ученыхъ: Неволина, Богородскаго, Иваннишева, все время провелъ на службѣ въ кїевскомъ университетѣ, занимаая касседу всеобщей, а по временамъ и русской исторіи. Въ теченіи 25-ти лѣтъ его слушали нѣсколько поколѣній учащейся молодежи и среди читателей «Кїевской Старины» найдутся, вѣроятно, его слушатели, для которыхъ вѣсть о кончинѣ ихъ б. профессора можетъ имѣть особое значеніе. Покойный не отличался выдающимися дарованіями, велъ дѣло свое скромно, но честно и добросовѣстно. Въ свое время онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ, много писалъ, но не оставилъ ни одного печатнаго труда и только живая память его слушателей можетъ сказать что-либо о его профессорской дѣятельности. Выйдя въ отставку въ 1870 г. и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, онъ, отъ недостатка привычной дѣятельности, скоро подвергся параличу и въ этомъ тяжкомъ недугѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, пока смерть не прекратила тяжкихъ его страданій. Послѣ его смерти осталась бібліотека до 1,000 изданій, между которыми есть не мало рѣдкихъ и дорогихъ. Сверхъ того у него-же сохранялись весьма цѣнные бумаги изъ такъ-называемаго рїшетилловскаго архива, принадлежавшаго наслѣдникамъ бывшаго секретаря Потемкина Попова. Желательно было-бы, въ интересѣ науки, чтобы оставшееся теперь наслѣдство не постигла участь драгоцѣннаго въ своемъ родѣ наслѣдства Потемкинскаго секретаря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

- Абаза, ст. сов., администр. нѣмѣннй гр.
Потоцкаго, 80.
Авдѣевка, с., 313.
Авратынъ, с., 155.
Азовъ, г., 229, 231, 237.
Азовское море, 160.
Александренко, предводитель козацкаго
отряда, 545.
Александровка, с., 482.
Александръ I-й, рос. имп., 236, 295,
415.
Алексѣй Михайловичъ, моск. царь, 197,
198, 200, 289.
Алексѣй Поповичъ, богатырь, 135.
Анна Иоанновна, рус. имп., 131, 403,
415.
Антоній, петерб. митроп., 378.
Антоній I..., д-ръ, 149; разб. его кн.,
570—573.
Антоновичъ В. Б., пр. кiev. унив.,
70, 146, 231; авт. ст. „Иванъ
Гонта“, 276, 362, 364.
Антонскій А. А., проф., 315.
Арсеній, кiev. митроп., 536, 580.
Архангельскъ, г., 205.
Астрахань, г., 242.
Афанасьевъ-Чужбинскій А., этнографъ,
67, 586.
Афонъ, св. гора, 59.
Атырка, г., 199, 219, 408, 565.
—
Бабанка, предмѣстье г. Умани, 425.
Багряновцы, волость, 545.
Байракъ, запорож. атаманъ, 537.
Бакировка, с., 225.
Баклань, 299.
Балабанъ, начальникъ польск. отряда,
332.
Балабушевичъ В., авторъ замѣтки: „0
днѣ смерти кн. Острожскаго“, 175—
177.
Бантышъ-Каменскій, историкъ, 386,
585.
Барахты, с., 232.
Баръ, г., 84, 545.
Барыка Петръ, польск. писатель XVII в.,
452, 462.
Барышовка, с., 293; нѣмѣннй Сулимъ,
309.
Басанская, дорога, 356.
Батуринъ, м., 171, 372, 563.
Безбородко, графъ, 312.
Беклешевъ Алекс. Андр., московскій
генер.-губер., 326.
Бендеры, г., 260.
Беккендорфъ, генер., 557.
Бердичевъ, г., 44, 269, 352, 362.
Березань, м., 504.
Березина, р., 396.
Берестечко, м., 168, 330, 542, 544,
548, 553.
Берында-Шамво, южно-русскій ученый
XVII в., 286.
Бецкій Ив. Ив., генер.-поруч., 294.
Бзовскій Симеонъ, польскій революціо-
неръ полов. XVII ст., 549.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

- Вибиковъ Дмитр. Г., кiev. генер.-губ.,
 47, 79.
 Виронъ, регентъ при имп. Аннѣ Іоан.,
 404.
 Вичаль, м., 79.
 Влотница, с., 311.
 Богополье, м., 420.
 Богородицкій ретраншаментъ, 537.
 Богунъ, полковн. козацкій, сподвиж-
 никъ Б. Хмельницкаго, 338, 545.
 Богуславъ, г., кiev. губ., 165.
 Болеславъ, князь мазовецкій, 144.
 — Храбрый, король польскій,
 347.
 Бонапартъ, Наполеонъ І-й, француз.
 импер., 39.
 Боновскій, помѣщ., 80.
 Боремль, м., 168.
 Борецкіе, русскіе бояре, 141.
 Борецкій Іовъ, митроп. кiev., 457.
 Борзна, г., 68, 238, 386, 595.
 Боровица, 549.
 Боромя, м., 219, 225.
 Борща, станція, 155.
 Боярскій Матвѣй, атыр. полков. судья,
 225.
 Браиловъ, г., 545.
 Браницкій, региментаръ польск. войскъ
 XVIII ст., 91, 252; ловчій корон.,
 272, 274, 341.
 Брацлавъ, г., 81.
 Бремъ, знамен. натуралистъ, 74.
 Броды, м., 328, 336, 544.
 Брюховецкій, гетманъ, 131, 200, 202,
 207.
 Бугъ, р., 144, 390; 391, 420, 541,
 588, 603.
 Бугскіе козаки, 389—391; замѣтка
 о нихъ А. Скальковскаго, 599—
 603.
 Будянскій, собиратель рѣдкостей жи-
 вописи и искусства, 604.
 Бугувичъ Н. И., помѣщикъ, 174.
 Бугурлакъ, упомин. въ думѣ о Кішкѣ
 Самійлѣ, 505.
 Быстрикъ, с., 363.
 Быковецъ, лѣтоп., 357.
 Бѣлая-Церковь, м., 81, 99, 260, 429,
 540, 547.
 Бѣлгородъ, г., 198, 201, 402, 568.
 Бѣлевскій, ученый, 146.
 Бѣлявскій Вас. Гр., рус. критикъ, 597.
 Бѣляцкій А. Г., кошевый, 534.
 Бѣлозерскій В. М., б. ред. «Основа»,
 67, 69, 70, 596.
 — Н. Д., помѣщикъ черн.
 70, 596.
 — Н. М., авт. статьи: «Т. Г.
 Шевченко», 77.
 — И. И., помѣщикъ черниг.
 губерніи, 71, 77.
 Бѣлозерская Е. Н., 70.
 Бѣлозерскій, рус. оф., 161.
 Бѣлокриница, м., 168.
 Бѣлополье, г., 201.
 Бѣлый Камень, —
 Валки, г., 203,
 Валкевичъ Петръ, 298, 302.
 Ванновскій, И. И., воспитатель Якова
 Яким. Сулимы, 315.
 Ваньковцы, помѣстье, 545.
 Варшава, г., 39, 44, 68.
 Варшавскій, воевода мазовецкій, 555.
 Василько Ростиславичъ, князь, 368.
 Васильковъ, г., 81.
 Васильковское урочище, 472.
 Васильковцы, с., 311.
 Вдовиченко, козацкій полковн. XVII в.,
 555.
 Вейсъ, начальникъ польск. отряда дра-
 гунъ, участникъ берестечской битвы,
 335.
 Великій Саборъ, с., 563.
 Венславовка, с. гадяцкаго уѣзда, 483.
 Вербки, с. ковельскаго у., 88.
 Вересай Остапъ, бандур., 240, 483.
 Вересовъ, с., 575.
 Верещака Прокopfъ, богатый украин.
 землевладѣлецъ XVII в., 369.
 Вероника Кребсъ, остав. мемуаръ объ
 уманской рѣзницѣ, 252.
 Веселицкій Петръ, 568.
 Веселовскій, проф., ученый, 454.
 Верхова, мѣст., 84.
 Верхососенскъ, гор., 198.
 Вигуры, богатые украин. землевла-
 дѣльцы XVIII в., 357.
 Вигура Ив., проф. кiev. универ., 82.
 — Станиславъ, кievскій городничій
 начала XVII в., 358, 575.
 Вигуровицана, с., 357.
 Вижнеръ, французскій путешествен-
 никъ, 138.

- Вильна, г., 78, 298.
 Винница, г., 589, 579.
 Витобскъ, г., 78.
 Витинскій, дворянинъ, 575.
 Витковскій, археологъ, 362.
 Витъ-Корчевскій, польскій писатель
 XVI в., 452.
 Витовскій, кастелянъ сендомирскій, 555.
 Витте-де, графъ, рус. генераль, 390,
 603.
 Висла, р., 143.
 Вишевскій Іоаннъ, южнор. писатель
 конца XVI в., 284.
 Вишневецъ, м., 168, 332.
 Вишневецкіе, польскіе магнаты, князья,
 605.
 Вишневецкій Дмитрій, предводитель
 козаковъ, 587.
 — Іеремія, кп., 137, 140,
 153, 328, 337, 341,
 538, 543, 606.
 Вишневецкая Раяна, 605.
 Владиміръ, г., 143.
 Владиславъ IV, король польскій, 341,
 452.
 — корольвичъ польскій, 140.
 Власенко Н. А., 71.
 Воейковъ Ѡ. М., кiev. генераль-губер.
 пол. XVIII в., 90, 97, 104, 109,
 162.
 Войцеховичи, малорус. дворян. фамилія,
 294.
 Войцеховичъ А. И., членъ госуд. со-
 вѣта, 295.
 — Андрей Ивановичъ, 295.
 — А. А., помѣщикъ переясл.
 у., 173, 292.
 — Иванъ Андреевичъ, 295.
 Воляная, козачья станица, 602.
 Вознесенскъ, г., 601, 603.
 Войтовка, дер., 430.
 Волга, р., 344, 585.
 Волкъ Гаврило, козбзарь, 483.
 Волковъ Ѡ. К., его сборникъ украин.
 орнаментики, 365.
 Воловичъ, истислав. подсудокъ, 335.
 Володарка, м., 255.
 Волошинскій, южнор. этнографъ, 362.
 Волянь, 276, 281.
 Вольное, поселеніе, 205, гр., 198.
 Воронежъ, г., 596.
 Ворскла, р., 594.
 Вульфъ, рус. полков., 90, 100.
 Вуртъ, руск. секундъ-майоръ, 91, 108.
 Выговскій Иванъ, гетм. украин., 200;
 приближ. гетм. Хмельниц-
 каго, 335, 422, 546, 554.
 — Теодоръ, каз. старшина вре-
 мени Хмельницкаго, 369.
 Высокопосольское, с. аламан. сотни,
 ахтыр. полка, 223.
 Высокій, русскій генер., 364.
 Высочинъ Иванъ, купецъ-запорожець,
 531.
 Вышгородокъ, м., 168.
 Вѣна, г., 370.
 Вязовокъ, с., мѣсто сожженія и вѣ-
 шанія гайдамакъ региментар. Стѣп-
 ковскимъ, 352.
 Вязмитиновъ, военный министръ при
 Александрѣ I-мъ, 601.
 —
 Габріель Таргіа, ученый, 457.
 Гавриэль, митропол., 313.
 Гавриловъ, профес., 203.
 Газе, ученый, 439.
 Гакстаузенъ, писатель, 193.
 Галаганъ Григорій, прилуцкій полковн.,
 302.
 — Григорій Павловичъ, членъ
 гос. сов., авторъ статьи: „Ма-
 лорусскій вертезь“, стр. 438,
 468, 470, 474, 478.
 Галичина, 381.
 Гамалѣй, Т. В., 292.
 Ганжа Андыберъ, герой народной думы,
 135.
 Ганицкій, собиратель малор. пѣсень,
 232, 245, 248.
 Ганзей, посес. нѣмѣннй генер. Нарыш-
 кина, 522.
 Гапоновичи, дер., 394.
 Гапоновка, с., 483.
 Гаркуша, предводитель разбойничьяго
 отряда, 384.
 Гедиминъ, князь литовскій, 146.
 Герасимъ — козакъ, герой народной
 украин. пѣсни, 241.
 Гервасій Линцевскій, переяславскій
 епископъ, 92, 94, 100, 115.
 Геттингенъ, г., 325.
 Гизель Иннокентій, печер. архим., пи-
 сатель XVII в., 369.

- Гиршфельдъ, писат., 322.
 Гладкій, козацк. полковн., 333; послан.
 Богд. Хмельниц., 548.
 Глинскій, Григорій Борисов., староста
 овруцкій (1496—1503), 153.
 Глиняны, с., 539.
 Глуховъ, г., 91, 110, 113, 130, 133,
 171, 304, 306.
 Глѣбовъ, кievскій генер.-губерн., 165.
 Гнатко Голый, гайдам. ватажокъ, 246.
 Гоголь Н. В., изв. писатель, 177,
 510, 597.
 Гоздава-Валуцкій, писарь польск. погр.
 камеры, 103.
 Голдбахъ, ученый, 319.
 Голицынъ М. М., полковникъ лейбъ-
 гвардіи, 218.
 — Д. М., кн., кievскій губерн.,
 357.
 Гонсевскій, стольникъ литов., 546.
 Гонга Иванъ, уманскій сотникъ 179,
 250—276; уманскій полковн., 268,
 349, 427, 429, 430.
 Горашевичъ, ученый, 146.
 Горбовъ, помѣстье, принадл. елецкому
 монастырю, 172.
 Горленко В., авторъ статьи: „Банду-
 ристъ Иванъ Крюковскій“, 481—
 518, и замѣтки о стар. малорос.
 портретахъ, 603—607.
 Горленко Дмитрій, козацкій полковн.,
 604.
 — Иоасафъ, епископъ бѣлгород-
 скій, 607.
 Городище, с. острожскаго у., волын.
 губ., 168.
 Грабянка, украин. лѣтоп., 584.
 Гребенки, с. кiev губ., 81.
 Григорій, архим. пересоп. мон., перевод.
 Евангелія на малорос. языкъ, въ
 XVI ст., 282.
 Григоровичъ Дмитро, козацкій сотникъ,
 384, 386.
 — В. П., отст. артил. полк.,
 384.
 Грошныя, бѣлоцерков. полковн., 552.
 Губа Климъ, кобзарь, 493.
 Гудовичъ, украин. магнатъ, 301, 562.
 Гудовка, нѣвніе Сулимы, 309.
 Гулакъ-Артемовскій П. П., профес.,
 малорос. писатель, 596.
 Гулевичъ Бенедиктъ, шляхтичъ, дѣятель
 таргов. конфедерациі, 570.
 Гумницкая станица, 602.
 Гумилювичъ, авторъ историч. мемуа-
 ровъ, 252.
 Гурьевъ, русскій полковн., 269, 271,
 564, 567.
 Гусаково, с. звенигор. у., кiev. губ.,
 189.
 —
 Дальке-фонъ, рус. генералъ XVIII в.,
 114.
 Данцигъ, г., 384.
 Дашевъ, мѣст., 40.
 Дашкевичъ Евстафій, предводитель ко-
 заковъ, 296, 356, 585,
 Дашко, сотникъ, 258.
 Дверницкій, генералъ польскихъ войскъ,
 373.
 Двина, р., 144, 156.
 Де-ла-Флизъ, этногр., 472.
 Демицкій Мартынъ, подзапій сандо-
 минскій, 344.
 Деревки, с. атырскаго полка, 226.
 Десна, р., 356.
 Десятинъ Гр., авт. замѣтки: «Украин-
 скій Геліосъ», 177—180.
 Дзеджалій, полковн., сподвижникъ Б.
 Хмельницкаго, 329, 336.
 Дзензелевка, с., 520.
 Дмитрій Ростовскій, святитель, 5;
 игум. елецк. монаст., 170, 458, 469.
 Дмитрашко-Раичъ Вас. Алексѣев., бе-
 резанскій сотникъ, 298, 302.
 Двѣррь, р., 112, 114, 138, 143,
 160, 197, 292, 334, 356, 372,
 587.
 Днѣстръ, р., 84, 144.
 Довгалеваскій Митрофанъ, учитель пи-
 тики въ кiev. акад. (1736—1737),
 4, 5; писат., 461, 463, 464, 465,
 469, 474, 475.
 Долгорукій Як. Ѳ., кн., рус. генералъ
 163; воевода, 221.
 Домбровица, мѣст., 168.
 Довъ, р., 160, 198, 238, 242, 484,
 585.
 Дорошенко П., гетманъ, 159, 370,
 422.
 Драгомановъ М. П., историкъ и публиц.,
 146, 231, 364.
 Дубно, г., 168, 349.

- Дубовая, помістье, 545.
 Дызна-Томашевскій, участникъ торго-
 вни. конфедераціи, 570.
 Дымно, с., 602.
-
- Евсейкова Долина, древ. кiev. урочище,
 359.
 Евстафьевская Земля, нынѣш. Воскр.
 Слободка, близъ г. Кіева, 356.
 Ей, р., 160.
 Екатерина II, рус. имп., 80, 97, 195,
 207, 216, 295, 408, 426, 427,
 589, 600.
 Елисавета, рус. импер., 119, 402,
 405.
 Елчаниновъ, кievскій оберъ-комендантъ,
 568.
 Есимонтовка, нѣгніе стародуб. обознаго
 Есимонтовскаго, 296.
 Есимонтовскіе, старинная малорус. фа-
 милия, 294.
 Есимонтовскій Афанасій, стародубскій
 обозный, 295.
 — Алексѣй, иглинскій сот-
 никъ, 295.
 Есимонтовская Марина Григорьевна,
 урожден. Скоруппа, 295.
 Ефименко П. С.; его статьи: «Откуда
 взялись запорожцы» и «Н. Д. Мизко»,
 599.
-
- Жаботинъ, м., 426.
 Ждановичъ Антонъ, генер. судья, 369.
 Желѣзнякъ Максимъ, гайдамакскій пред-
 водитель, 97, 149, 245, 248, 260,
 261, 268, 426, 429, 430, 564,
 565, 567.
 Жемчужниковъ Левъ Мих., художникъ,
 68, издат. „Живописной Украины“,
 482.
 Жеча, р., 300.
 Животовъ, мѣст., 551, 556.
 Жигайловка, козацкіе поселенію, 223.
 Жигимонтъ I, король польскій, 358.
 Жиловцы, с., 363.
 Жятецкій П. И., его статья: предисл.
 къ „Малорус. вертепу“, и „Ста-
 ринныя воззрѣнія русскихъ людей
 на русскій языкъ“, стр. 277—291.
 Жятецкін И., его рецензія на книгу
 проф. Пялата: „Wiadomości sta-
 tystyczne“..., стр. 575—577.
- Жмудь, б. провинція б. литов. княж.,
 146.
 Жолевскій Станиславъ, воевода кiev.,
 139, начальникъ польск. войскъ,
 292, корон. гетманъ, 421.
-
- Заборовскій Рафаиль, митроп. кiev.,
 476.
 Забѣла В. Н., украин. поэтъ, 68, 70,
 73, 76.
 Завадовскій, его коллекція художествен.
 произведеній, 605, 312.
 Загорскій, ученый, 319.
 Закоморье, им. Ст. Освѣцима, автора
 „Дневника“, 543.
 Закревскій, составитель описанія г.
 Кіева, 355.
 Залѣсье, с., 393.
 Замоискіе, польскіе магнаты, 141.
 Замоискій Оома, воевода кiev., 141.
 — Янь, магнатъ польск., 14.
 Западный Бугъ, р., 156.
 Заполье, дер., 394.
 Зарудный Василій, сотникъ, 160:
 Заславль, г., 80, 88, 168.
 Зборовскій Криштофъ, польскій маг-
 натъ, 572.
 Зборовскій или Збуровскій Самуиль,
 козацкій предводитель, 487,
 Збручъ, р., 572.
 Звенигородка, г., кiev. губ., 261.
 Звѣринецъ, предмѣстье г. Кіева, 368.
 Звягель, м. новгородвол. у., вол. губ.,
 80.
 Злотницкій Антоній, дѣятель торговиц.
 конфедераціи, 570.
-
- Иванъ Грозный, царь москов., 195.
 Иваненко Г. Г., переяслав. полковн.,
 315.
 Иванюшевъ Н. Д., кievскій ученый,
 его путеv. записки, 78—88.
 Ивановъ Логвинъ, городничій гор. Ах-
 тырки, 222.
 — П. И., этногр., 399.
 Иваньки, с., уманск. у., 520.
 Игватовичъ Якимъ, кошевой запор.
 атам., 530.
 Изопольскій, писатель XVI вѣка, 2,
 467, 474.
 Изюжъ, г., 203, 408.
 Иконниковъ, профес. кiev. унив., 236.

Ильницький Л. В., собиратель этногр. матеріала, 234; рецензія на его „Опись актовой книги кiev. центр. архива“, 573—575.
 Ингуль, р., 393.
 Искорость, м., 168.
 Искра Захарій, полковн. корсунскій, 370.
 Искрицкий Петръ, 299.
 —
 Іоанъ Лѣвстичникъ, дух. писат., 287.
 — Болгарскій, 289.
 Іосафатъ Кунцевичъ, епископъ униат. готель православія, 378.
 —
 К. К.—бъ, авт. статьи: „Самозв. флигель-адъютантъ, солдатъ Семеновъ“, 519,
 Казы-ага, султанъ, 343.
 Казиміръ, кор. польскій, 147, 144.
 Калиновскій, польный гетманъ, 342, 357, 337, 548.
 — В. А., брацлавскій староста, 421.
 Калміусъ, р., 160.
 Калміусская паланка, 159.
 Калишевскій Петръ, послѣдній коше-
 вый запор., 161, 162, 166.
 Кальвинъ, религіозн. реформат., 446.
 Кальниболотъ, м., кiev. губ., 353.
 Каменецъ, г., 85, 274, 332, 350, 364.
 Каменка, р., 420.
 — с. херсонск. у., 350.
 Кандыба П. Григ., предвод. дворян. конотоп. у., 119.
 Каневъ, г., 75, 91, 588.
 Каноровскій-Соха А., племянникъ пер-
 еяслав полковн. С. И. Судимы,
 308; его письмо къ Григорію Ско-
 вородѣ, 307.
 Кантакузинъ Н. Д., кн., послѣдній
 атаманъ бугскихъ козаковъ, 599,
 601, 603.
 Капуновка, с., 227.
 Карабиновка, с., 597.
 Кара-Мустафа, визирь, начальникъ,
 турецкой арм., 422.
 Карашъ-мурза, начальникъ татарскаго
 ополч., 546.
 Кармелюкъ, разбойникъ, 183 — 189,
 384.

Карваты, 143, 239, 430.
 Карновъ, г., 198.
 Карповка, урочище, 429.
 Касперовка, станица, 602.
 Каталонія, исп. пров., 239.
 Кафа, г., 135, 142.
 Качаловъ Яковъ, атаманъ куреня ле-
 вушковскаго, 535.
 Качановка, нѣвне Григ. Степ. Тар-
 новскаго, 70,
 Квитко, надат. сборника украин. ор-
 намент., 365.
 Кейстутъ, сынъ литов. князя Гедими-
 на, 146.
 Кизикермень, нынѣ г. Бериславъ, 148,
 530.
 Кирбурнь, укрѣпленіе, 600.
 Кирилловка, с., мѣсто рожденія Т. Г. Шев-
 ченка, 222.
 Киселинъ, м., на Воляни, 156.
 Кисель Адамъ, воевода кiev., 329,
 546, 572.
 Кишиневъ, г., 579.
 Клеванъ, м. на Воляни, 168.
 Клечковскій Мих., губернаторъ „замка“
 богуславскаго, 165.
 Кодня, м.; мѣсто суда надъ гайдама-
 ками, 353.
 Кодыма, р., 137.
 Козачинскій М., писатель XVIII в.,
 460.
 Козелецкій П. Н., кошевой атаманъ,
 160.
 — Павло, атаманъ куреня
 корсунскаго, 530.
 Козельскій Яковъ, полтавскій эсаулъ,
 160.
 Козюбинъ-Якушнинскіе, земляне брацлавск.,
 572.
 Колонтай Станиславъ, обызатель кiev-
 ской XVIII в., 357.
 Кологривовъ, русскій поручникъ, аре-
 стованній гайдамакъ подъ Уманью,
 429, 567.
 Комышня, м. миргород. у., полтавской
 губ., 495.
 Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, гет-
 манъ, 134, 139, 469.
 Кондратьевъ Андрей Гер., суискій полк.,
 204, 201.
 — Герасимъ, сынъ полковн.
 Кондратьева, 204.

- Конецпольскій, хорунжий коронный, 330, 337, 342, 539; гетманъ корон., 544.
- Коплянский Исаія, кiev. митр., основат. лубенскаго монаст., 607.
- Коницкий Георгій, архіеп. бѣлорус. и писат., 312, 461, 463, 464, 466, 474, 475, 479.
- Коницкий Матфій, сотникъ нвангород, 300.
- Копаченко Ив., герой народн. думы, 512—517.
- Копоненко Федоръ, кобзарь, 482.
- Константиновъ Андрей, запорож. толмачъ, 161.
- Константиновъ Павловичъ, великій кн, 39.
- Копачевъ, помѣстье елец. монаст., XVII в., 173.
- Кореневщина, предмѣстье г. Кіева, 354.
- Корецкий Б. Ѳ., князь, 420.
- Корибутовъ, имѣніе кн. Репнина, 563.
- Корицкий И. И., воспитатель сына Сулимы, 326.
- Корець, м. новогр.-волын. у., 80, 168.
- Корогодъ, с., 394.
- Коривенко-Демянскій, учитель законовѣденія, 85.
- Корсунъ, м., 541, 588.
- Корчевскій Витъ, польскій писатель XVI в., 462.
- Коссаковский, подсудокъ брацл., 546.
- Косачъ, собират. этногр. матер., 234.
— Ольга Петровна, ея сборникъ, украин. орнамент., 365.
- Костинъ, прапорщ. рус. службы, 161.
- Костка, онъ-же Наперскій, революц. польскій XVII в., 542.
- Костомаровъ Н. И., историкъ, 69, 231, 236, 237, 241, 246, 470.
- Котельва, слобода, 219, 223, 226, 568.
- Кохановскій, польскій писат., 453.
- Коховскій Беспасіанъ, польскій ученый, 595.
- Кочубей, дворян. фамилія въ Малороссіи, 165.
- Кочубей Семенъ, генеральный обозный, 305; членъ малор. кол., 310.
— Викторъ Павловичъ, министръ внутр. дѣлъ, 325, 601.
- Кощка Самійло, герой козацкой думы, 486, 505.
- Кравовъ, г., 143, 342, 542.
- Красновъ Иванъ, генер.-маіоръ, атаманъ бугскихъ козаковъ, 601.
- Краснополье, г., 201.
- Красноселье, станція, 602.
- Крашевскій Іосифъ, писат. польск., 2.
- Кременецъ, г., 168, 169.
- Кременчугъ, г., 517.
- Кречетниковъ, генер.-маіоръ, 90, 99, 269, 333, 429, 569.
- Крещатики, мѣстность Кіева, 359.
- Кристинополь, резиденція Потоцкихъ, 254, 423.
- Кричевъ, укрѣщ., 334, 335.
- Крушинскій, товарищъ палаты уголовн. суда, 85.
- Крыжановскій Е. М., авторъ замѣтки о поч. лаврѣ, 382.
- Крыловъ, г., 137, 159.
- Крыса, бѣлоцерков. полковн., 328, 333.
- Крюковскіе, лохвицкіе дворяне, 483.
- Крюковский Иванъ, бандуристъ, 481—487.
- Кубань, р., 383.
- Куликовскій Максимъ, полковникъ запорожскій, 534.
- Кулишъ П. А., писатель, 66, 67, 70, 236, 383, 386, 482, 588, 296.
- Кульчевскій, польскій королевск. уряд., 200.
- Курбскій, князь, русекій эмигрантъ при Иванѣ IV-мъ, писат., 88.
- Курскъ, г., 201.
- Куты, с., 520.
- Кухаренко, генералъ, 391.
- Кущелевъ-Безбородко, графъ, 236.
-
- Лабенскіе, украин. дворяне, 390.
- Лабунъ, м., 169, 543.
- Лаврентій Зиваній, западно-рус. ученый, XVII в., 289.
— Горка, писатель вач. XVIII в., 460, 461, 462.
- Ладзыжинъ, м., 422.
- Лазаревскій А. М., 68, 75, 76, 119; авторъ замѣтки о старин. малорос. портретахъ, 173—175; 295, 471.
- Лазарь Іарановичъ, архіеп. черниг., писатель, 458.

Ланжеронъ, новорос. генер.-губернат., 603.
 Любовь, кiev. плацъ-майоръ XVIII в., 564, 565.
 Лебединъ, м., 200, 293.
 Лебовичъ, воевода смолен., 546.
 Левартъ, капит. уманскаго гарнизона, XVIII в., 260, 264.
 Лейтовскій, маршалокъ, 542.
 Лесевичкій, агтырскій полковн., 218.
 Лещинскій Андрей, канцлеръ, 538.
 Лизогубъ, генеральн. бунчужный, 301.
 Липомянъ, авт. мемуара о Колинвщичѣ, 252, 262.
 Ломиковскій, бунчуков. товарищъ, 304.
 Лопуханъ П. А., князь, мин. юстиціи, 326.
 — Н., влад. мѣстечка Шполы, 364.
 Лопушано Богданъ, молдавскій господарь, 572.
 Лохвица, г., 482.
 Лубны, г., 137.
 Лудольфъ, ученый англичанинъ конца XVII в., 289.
 Лукашевичъ, украин. этногр., 482, 504.
 Луцкъ, г., 168.
 Лухевъ, фотогр., 605.
 Лысенко Иванъ, переяславльскій полк., 293.
 Лысянка, м., 260, 353, 246.
 Львовъ, г., 274, 336, 350, 457, 540.
 Лѣсковъ Н. С., беллетристъ, 373.
 Ляховцы, м.-острожск. у., 168.
 Лявцковскій, воевода брацлавскій, 337, 572.
 Любачевъ, м., 541.
 Любечъ, г., 299, 335.
 Любомирскіе, князья, 159.
 — маршалокъ корон., 555.
 —
 Магнушевскій, полковн., 259, 260, 263.
 Мазепа И. Ст., гетманъ, 131, 135, 159, 174, 371, 510, его портреты, 604, 607.
 Майборода, предвод. гайдам. отряда, 91, 107, 108.
 Макарій Булгаковъ, митроп. московск., 578.

Максимовичъ М. А., ученый писатель, 71, 109, 139, 471, 482, 490, 564, 597.
 Максимъ Грекъ, ученый XVII в., 288.
 Мамай, разбойн. XVIII в., 471.
 Манджура, украин. этногр., 243.
 Мариенбургъ, г., 237, 241.
 Мариуполь, г., 160.
 Маркевичъ Н. А., историкъ, 1, 438, 467, 470, 474, 477, 585.
 Марковскій, хорунжій уманск. гарнизона, 265.
 Марло, писат., 448.
 Масловъ В. П., собиратель этногр. матеріаловъ, 68, 71.
 Маховскій, офицеръ польск., 546, 554.
 Махновка, с., 554, 363.
 Мацевичъ Л. С., соб. малор. пѣсень, 238, 241.
 Мглинъ, г., 295, 299.
 Медвѣдовка, м., 118.
 Мееръ, профес. геттингенскаго универ., 323.
 Мейнеретъ, профес., 323.
 Мелетій Смотрицкій, состав. грам., 289.
 Мелешко Иванъ, каштелянъ смоленскій, 147.
 Мелиседекъ, игумень мотров. монаст., 92, 94, 110, 113, 115, 424, 426.
 Меньшиковъ, кн., 205.
 Метлинскій, этногр., 482, 596.
 Мещерскій, кн., бригадиръ, 129.
 Мизко Н. Д., писат., 594—599.
 Миклашевскій, губернаторъ, 601.
 — И. М., сынъ стародубскаго полковн., 298.
 Микуллинскіе, земляне брацлавскіе, 572.
 Микѣшинъ М. О., художникъ, 67.
 Милорадовичъ Гр. А., графъ, 174.
 — полковн. черниг., 132.
 Миткевичъ Іосифъ, игумень батуринск. монаст., 534.
 Михайль Федоров., царь московскій, 198, 234.
 Михалчина, имѣние С. И. Сулимы, 309.
 Михайлюкъ Александръ, лирикъ, 482.
 Михневичъ Вл., писатель., 249.
 Мицкевичъ, поэтъ польскій, 178.
 Мичерлихъ, профес. геттин. универ., 323.
 Младановичъ, губевнаторъ г. Умани, 256, 257, 260.

- Младановичъ Павелъ, авторъ мемуаръ ун. рѣзнѣ, 252, 266.
- Многogrѣшный, гетманъ, 131.
- Могила Петръ, митрополитъ кievскій, 59, 286, 607.
- Могилевъ, губ., 83, 314.
— на Днѣстрѣ, 272. 423.
- Мокрицкій, художн., 75.
— уніатскій оффиціалъ, 92, 102, 105.
- Мордвиновъ Н. С., графъ, 236.
- Мордовцевъ Д. Л., писатель, 134.
- Москаленко, посолъ гетмана Хмельницкаго, 548.
- Мошны. м., 91, 107, 108.
- Мошововъ, русскій капитанъ, 161.
- Мощняскій, авторъ мемуаровъ, 252.
- Мышецкій, его исторія о завор. козакавъ, 588.
-
- Нагорещкій, польск. комисаръ въ переговорахъ съ Хмельняцкимъ, 547.
- Наливайко, гетм., 421. 520.
- Наполеонъ I Бонапартъ, 248.
- Нарбутъ, ученый, 175.
- Нарышкинъ, генер., 522.
- Небаба, козац. полковн., 333.
- Невгалеваскій Валентинъ, переводчикъ Евангелія конца XVI в., 282.
- Неволинъ, ученый, 194.
- Немиричи, кievскіе земляне XVI—XVII ст., 572.
- Немиричъ Генрихъ, 572.
— Иванъ, 572.
— Иосифъ, кiev. магнатъ XVI в., 573.
- Неплюевъ Сем. Ив., генер.-лейтенантъ русской службы, 311.
- Нерубайка, станица, 602.
- Несторъ, лѣтописецъ, 369.
- Несухоѣжи, м., 156.
- Нехвороща, м., 594.
- Нечай, предводит. козачьяго отряда, 245, 248.
- Никитинъ Иванъ, живописецъ, 604.
- Николай I, импер. русскій, 39, 43, 63, 378, 381, 435.
- Никоненко Архипъ, козааръ, 482.
- Никонъ, патріархъ, 59.
- Новая Гребля, с., лхвиц. у., 485.
— Рябина, с., 227.
- Новгородцевъ, составит. описанія Кіева, 354.
- Новгородъ, г., 313.
- Новицкій И. П., 231, 237, 239, 360.
- Новогригорьевка, станица, 602.
- Новогрудекъ, м., 455.
- Новый Осколь, г., 198.
- Нурскій Мартынъ, сынъ чашника, 350.
- Нѣсецкій, писат. польскій, 175.
- Нѣжинъ, г., 69, 164, 300, 286.
-
- Обухъ, полковн. умавской милиціи, 257, 260, 263, 427.
- Овручъ, г., 168.
- Ожеховскій Станиславъ, польскій писат. XVI в., 145.
- Оксфордъ; г., 289.
- Оленовка, с., 70, 76.
- Оленько, иначе Александръ, сынъ кievск. кн. Владиміра, 146.
- Оленьковичи, потомки кievскаго князя Владиміра, 146.
- Олешня, поселеніе, 203, 205.
- Олыка, м., 168.
- Ольгердъ, князь литовскій, 146.
- Ольговичи, князья, 356.
- Ольшанка, р., 547.
- Ольшанскъ, г., 198.
- Онега, р., 128.
- Орадовка, с., подаренное Потоцкимъ Гонтѣ, 254, 427.
- Орель, р., 160, 594.
- Оренбургъ, г., 384.
- Орликъ Филиппъ, писаръ Мазепы; народная пѣсня про него, 395.
- Орловъ И. А., приближенный Екатер. II-й, 364.
- Орловскій, священ., 87.
- Осинскій, вифулатъ, 79.
- Осиповъ Федоръ, бригадиръ, 221, 225.
- Осога, с., 352.
- Оссолинскій, канцлеръ коронный, 363.
- Останкинъ, назв. мызы гр. Шереметьева, 317.
- Остерманъ, графъ, 165.
- Острая Могила, с., 429.
- Островерховъ, полковн., 362, 365.
- Острогожскъ, г.; 218, 408.
- Острогорскій, 113.
- Острогъ, г., 137, 168, 285.
- Острожскій Константинъ-Василій, князь, 175—177, 285, 298.

- Острожскій Янушъ, 176—177, 574.
 Острожская Анна, княжна, 141.
 Остролицкая — назв. дороги, 356.
 Отескій Зиновій, ученикъ Максима Грека, 288.
 Охонкій, авторъ историч. записокъ, 252.
 Охримовичи, с., 311.
 Очаковъ, г., 600.
 Очкино, с., 175.
- Павелъ I, импер. русскій, 317, 295.
 Павша, польскій панъ, 335.
 Паясий, настоят. густынского монаст., 606.
 Палерио Франческо, итальянск. ученый, 440.
 Палій Семень, козацк. полковн XVII в., 154, 237, 241, 340, 510, 594.
 Панинъ, графъ, вельможа временъ Екатерины II-й, 90; презвд. коллегіи иностран. дѣлъ, 95, 98, 103, 100, 165, 270.
 Панкевичъ, профессоръ, 315, 319.
 Папроцкій, ученый, 138.
 Парижъ, г., 230.
 Пасекъ, Т. П., авторъ записокъ, 67.
 Пацы, бѣлорусскіе дворяне, 140.
 Пекарскій, ученый, 438.
 Первольфъ, чешскій ученый, 142.
 Перебийнисъ, начальн. козацкаго отряда, 149.
 Переволочна, м., 138.
 Перекрестовъ, ахтырскій полковникъ, 203, 205, 221, 227.
 Перепетица, названіе кургана, 69.
 Пересопница, м., 168.
 Переяславецъ, козацкій полковн., 333.
 Переяславль, г., 91, 99, 111, 113.
 Петербургъ, г., 96, 68.
 Петякусъ, ученый, 180.
 Петровъ Н. И., проф. кiev. дух. акад., 4, 176, 581.
 Петроковъ, полковн., 362.
 Петръ I-й, импер. рус., 128, 149, 201, 206, 209, 248, 286, 291, 401, 404, 471.
 Петриченко, украин. писатель, 597.
 Пиковецъ, с., 363.
 Пилать, проф. львовскаго унив., 576.
 Пилавцы, мѣсто пораженія поляковъ Хмельницкииъ, 339.
- Писаревскій, авторъ записокъ объ украинск. старинѣ, 597.
 Пиємонтъ, итальян. провинція, 239.
 Платовъ, генер., 248.
 Плетенецкій Елисей, архимандр. кievо-печерскій XVII в., 574, 575.
 Плоское, с., 355.
 Побѣдоносцевъ, авторъ „Курса гражд. права“, 195, 200, 416.
 Погорилий, Дмитро, лирикъ, 482.
 Подгоричанинъ, русскій генер., 271, 272.
 Подгорцы, мѣст. въ Галичинѣ, 544.
 Подляхія, провин. польская, 138.
 Покословщина, отчина бунчука товарища Григ. Скороуны, 330.
 Политика, малорос. патриотъ временъ Екатер. II, 120.
 Полковниче, с., 525.
 Полозовичъ С. Р., староста овручскій (1506—1510 г.), 153.
 Полонное, мѣст. новогр.-волынскаго у., волын. губ., 80, 168.
 Полонскій Яковъ, русскій поэтъ, 68.
 Полтава, г., 113, 590.
 Полтавка, с., 391.
 Полуботокъ Пав. Леонт., черниговскій полковн., 174, 293, 471, 175, 386.
 Полуботчица, вкладчица черняг. елецк. монастыря, 171.
 Полятовка, с., 168.
 Пономаревъ С. И., библиографъ, 582.
 — О. П., сотоварищъ Т. Шевченка по акад. художествъ, 67.
 Понятовскій Андрей Степановичъ, учитель екатерин. гимназій, 596.
 — Станиславъ, король польскій, 424.
 Потаповичева Ульяна, кievск. дворянка XVI ст., 573.
 Потемкинъ Григорій, кн., вельможа временъ Екат. II, 165, 364, 390, 600.
 Потокъ, имѣніе гр. Потоцкииъ, 423.
 Потоцкіе, графы, магнаты польскіе, 83, 159.
 Потоцкій Александръ, богатый землевлад., 86.
 — Іосифъ, корон. гетманъ, 273.
 — Михайлъ, графъ, богатый помѣщ., 79.

- Потоцкіи Станиславъ, коронный стражникъ, 423.
 — Феликсъ, гр., польскій госуд. дѣятель, 431, 571.
 — Францъ-Селезій, воевода польскій, 251, 254, 256, 425.
 Потоцкая Софья, графиня, 431.
 Преверна, предм. г. Кіева, 354.
 Пржмыскій, писарь польный, 540, 548, 553.
 Привольное, с. херсон. губ., 391.
 Прилипка, пригор. г. Лохвицы, 484.
 Прилука, г., 303, 605.
 Припеть, р., 156, 335, 393.
 Провансъ, провинція француз., 239.
 Прозоровскій, кн., генер. майоръ русской службы, 91, 94, 101, 103, 113, 165.
 Прокоповичъ Теофанъ, архіеп. новгород., проповѣдникъ и богословъ нач. XVIII в., 7, 460, 476, 582.
 Протасевъ, полк. русскій XVIII в., 90, 97.
 Проскуровъ, г., 86.
 Прохоры, с. борзенск. у., 386.
 Псѣль, р., 517.
 Пузовскій Николай, возный, 574.
 Пулавскій, региментарь барск. конфедерація, 429.
 Пушкинъ А. С., поэтъ, 177, 243.
 Пцимскій, ректоръ школы въ Галиціи XVII, 542.
 Пясечинскій, польскій панъ, 331.
 —
 Рабино, с., 222.
 Рагузинскій, приближ. Петра I, 205.
 Радзевскій Иеронимъ, подканцлеръ коронный, 345.
 Радзивиллы, князья, 176.
 Радзивиллъ Богуславъ, кн., староста барскій, 555.
 — Христофоръ, 292.
 — Янушъ, великій гетманъ литовскій, 333, 334, 342, 540, 543, 548.
 Радомысль, г., 111.
 Разинъ Степьякъ, русскій разбойникъ, 241.
 Разумовскій, гр., послѣдній гетманъ, 119, 303, 562, 604.
 Ракочій Сигизмундъ, кн. сѣмиград., 341, 342, 541.
 Ратно, м. ковельск. у., 80, 88.
 Раставица, р., 156.
 Рафальскій, протоіер., 378.
 Рева И. М., перевод. и издатель мемуара В. Кребсъ, 252.
 Рей, польскій писатель, 453.
 Репнинъ Н. В., русскій посланникъ при варшав. дворѣ, 91, 94, 101, 106, 110, 111, 115.
 — Ник. Вас., кн., малороссійскій губерн., 561, 557—560, 605.
 Ришелье, герцогъ, правитель новороссійскаго края, 603.
 Ровно, г., 168, 349.
 Рогашевскій, главный кассиръ уманскаго „замка“ въ 1768 г., 257, 265, 428.
 Родуцкій, писарь кievск. магистрата, 358.
 Романовичъ-Славатинскій А. В., профессоръ, 80.
 Романовка, с., 521; мѣстопребываніе Свѣчи, 588.
 Романовскій Дмитрій, войсковой писарь запорожскій, 161.
 Ромны, г., 27.
 Рославль, г., 334.
 Ростовъ, г., 234.
 Росовки, с., 252, 254, 255, 270, 427.
 Рудковскій А., 391, 393, 599.
 Рудченко И. Я., издат. Сборника малор. пѣсень и сказокъ, 233, 234, 237, 240.
 Ружинскій Евстафій, кн., 356.
 Румянцевъ Н. А., гр., правитель Малороссія; 89, 110, 126, 162, 270, 309, 357, 600.
 Руцкій, униат. митроп., 574.
 Рыбниковъ П. Н., русскій этногр., 238.
 Рябининъ, писат., 597.
 Рязань, г., 585.
 —
 Савватій, справщикъ, 289.
 Савицкій, ротмистръ козацкій, 352.
 Салтыковскій, капитанъ, 601.
 Самара, р., 160, 594.
 Самборъ, г., 138.
 Самойловичъ, гетм., 131, 135, 174, 293, 370; о его портретѣ, 605.

- Самуило Кишка, герой украинской народной думы, 135.
- Самуилъ, епископъ бѣлгородскій, 408.
- Самушъ, полковн. богуславскій, 370.
- Сангушко Евстафій, князь, 87.
- Романъ, начальн. польскихъ войскъ, 87.
- Сандецкій, мечп. коронный, 541.
- Соноцкій Михаилъ, переводчикъ еванг. на малор. языкъ въ XVI в., 282.
- Сапѣги, бѣлорусскіе дворяне, 141.
- Сапѣга Лука, староста оверупкій, въ нач. XVII в., 153.
- Сасниъ, управит. нѣмн. конфедерата Щенявскаго, 112.
- Сатавовъ, и. под. губ., 70, 86.
- Сахацкій Пав. Афан., профессоръ философіи, 315.
- Сахновскій Иванъ, полковой асаулъ, 130, 132.
- Семенъ, легендар. основатель Запорожья, 588.
- Семеновичъ Онисимъ, атаманъ дядьковского куриня, 535.
- Сенчило-Стефановичъ А. Ф., учитель рисованія, 69.
- Сербы, с., 272, 350.
- Сивки, с. острожск. у., вол. губ., 168.
- Сигизмундъ I, король польскій, 147, 454, 587.
- III-й, король польск., 421.
- Синюха, р., 256, 257, 137, 420.
- Скаржинскіе, украин. помѣшники, 393.
- Скаржинскій Петръ, предводит. бугскихъ козак., 600, 603.
- экономъ уманскій, 267.
- Скальковскій А., авторъ «Исторіи Новой Сѣчи» и пр., 166, 364, 395, 537, 603.
- Скиргайло, князь литовскій, 357.
- Скобейки, кievскіе дворяне XVI в., 573.
- Сковорода, украинскій писатель XVIII в., 10, 307, 308.
- Скорина, д-ръ, переводчикъ библіи на бѣлорусское нарѣчіе, 282.
- Скоронадскій, гетманъ украин., 12, 93, 295, 296, 604.
- М. В., генеральн. подскарбій, 120, 303.
- В. Ив., адъютантъ гр. Румянцева, 310, 311.
- Скорупы, старин. украинская фамилія, 294.
- Скорупина Григ. Десяиновичъ, бунтукон. товарищъ, 298, 299.
- Марья Павловна, жена А. С. Сулимы, 294.
- Павелъ Григорьевичъ, полковникъ козацкій, 294.
- Славуца, мѣст., приватд. кн. Сангушъ, 87, 88.
- Слободище, г. въ XVI ст., 363.
- Слобожанщина (Слободская Украина), 198, 199, 204, 207, 211, 401, 419.
- Скужка Александръ, тройкій воевода, 335.
- Смоктій А., его ст. «Г. Умань и Софиевка», 183—189, 437.
- Смоленскъ г., 314.
- Смотрницкій Мелетій, составитель славянской грамматики въ нач. XVII в., 286.
- Спѣла, и., 261, 949.
- Собѣскій Янъ, король польскій, 370; староста красноставскій, 549.
- Сожа, р., 295.
- Сокаль, г., 541.
- Соколовка, мѣст., 262, 427, 520.
- Соколы, заглавіе историч. думы, 493.
- станица козацкая, 601.
- Сокоръ, предводит. польскаго отряда, 331.
- Соленникъ, знаменит. украин. артистъ, 597.
- Соловьевъ С. М., изв. историкъ, 579.
- Сорока, нѣвніе помѣщ. Сребдольскихъ, 70.
- Сосница, г., 299.
- Софиевка, знам. садъ въ г. Умань, 429.
- Сребдольскіе, малорусскіе помѣшники, 70.
- Сребне, и. прилуцкаго у., 493.
- Срезневскій, академикъ, профес., 428, 482.
- Ставровскій, А. И. проф., 626.
- Стадницкій, ученый, 146.
- Станиславъ-Августъ, король польскій, 252.
- Понятовскій, король польскій, 272.
- Стародубъ, г. 296, 298.
- Старый Кодакъ, 588.
- Константиновъ, 86.

- Старушичъ Климентій, игуменъ выдубицкаго монаст., 368.
- Стасовъ, профессоръ архитектуры, 321.
- Степанъ, и., 169.
- Степковскій Іосифъ, региментарь украинской партіи, 349 и 571.
- Стояновъ А., авторъ ст. Пѣсня XI в., 230, 237, 240.
- Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубицкаго монаст., 371.
- Стрижевскій Г. Я., этнографъ, 590.
- Строгановъ, флигель-адъютантъ, 562.
- Стырь, р., 346.
- Стрѣлецкій Савва, писатель конца XVIII в., 466.
- Судиенко А. М., 175.
- Осипъ Степановичъ, приближенный гр. Безбородко, 315.
- Суджа, г., 202.
- Судока, г., 201.
- Судость, р., 296.
- Сула, р., 517.
- Сулимова (Судиминцы), род. помѣстье Сулигъ, 163, 292, 313.
- Сулимы, старинная дворянская фамилія въ лѣвобережной Украинѣ, 293.
- Сулина Иванъ Михайловичъ, запорожскій гетманъ въ 1628 г., 292, 293, 422.
- Евстафій Семен., 309.
- Иванъ Федоровичъ, генеральный хорунжій, 173, 175, 293, 297.
- Марья Павловна, жена Ив. Федор., 174; ея жалоба къ гетману, 296—298.
- Прасковья Семеновна; ея письма къ дѣтямъ, 308.
- Самуилъ Ивеновичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 297.
- Семень Ивановичъ, переяславскій полковн. (1739—1766 г.), 174, 293, 302; его письма, 308.
- Федоръ Ивановичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 292—293, 297.
- Христофоръ, архимандр. гамальвѣвскаго монаст., 314; епископъ слобоско-украин., 311.
- Якимъ Семеновичъ, 293; 294, 311, 315.
- Сулина Семень Николаевичъ, его статья: «Замѣтки стараго кievлянина», 614—624.
- Николай Семенов., полк., 615.
- Сумы, г., 200, 291, 404, 408.
- Суходольскій, истисл. писарь польскій, 335, 337.
-
- Т—въ М., авторъ статьи: «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 237, 249.
- Табанъ Антонъ, губернаторъ уманскаго «замка», 163.
- Тальное, с., 521.
- Тавскій Василій, полковн., 226.
- Таранъ Павло, атаманъ гайдамацкаго отряда, 566.
- Тарнавскій Ал., авторъ некролога: «Отець Аполл. Сендульскій», 166.
- Тевяшевъ Иванъ, полковникъ, 405.
- Тепловъ, членъ «экономической канцелярии», 120, 304, 306.
- Тернавскій, бунчук. товарищъ, 304.
- Тимофѣевъ Николай, атаманъ куреня деревнянковск., 535.
- Тихомль, с., 168.
- Тихонравовъ, русскій ученый, 3, 5, 438.
- Торческъ, древ. городъ въ Киевщинѣ, 231, 233, 240.
- Трембецкій, поэтъ польскій, 434, 435.
- Тургеневъ Ив. С., знамен. русскій беллетристъ, 68.
- Турковскій, мглинскій сотникъ, 296.
- Турчановскій А., 307.
- Турчакскій, авторъ мемуаровъ о Колівищинѣ, 252, 267.
- Тустановскій Лаврентій-Зизаній, составитель русской грамматики въ концѣ XVI ст., 287.
- Тукальскій Іосифъ, митрополитъ Киевскій, 607.
- Тулчинъ, и., 79.
- Тыкичъ, р., 349, 370.
- Тыша-Быковскій Левъ, 357.
- Тышкевичъ Янушъ, воевода кievскій, 363.
- Тясинъ, р., 349, 370.
-
- Убальдъ, начальникъ польск. войска, 540.
- Удай, р., 605.

Удычь, р., 420.
 Уласенко, сотникъ, 260, 271.
 Уманка, р., 420.
 Уманщина, 276.
 Умань., г., 79, 231, 257, 260, 269, 420, 426, 427, 431, 432, 564, 567.
 Усердъ, г., 198.
 Узловъ, названіе виллы короля Стан. Понятовскаго, вбл. Варшавы, 274.

Филаретъ, митроп. кіевскій (1837—1857), 53.
 — Гушлевскій, чернягов. епископъ, духовный писатель, 76.
 — епископъ рижскій, 578.
 Фрезъ, московскій медикъ, 318.

Ханенко, уманскій полковн., 422.
 Харьковъ, г., 408.
 Херсонка, дер., 472.
 Херсонъ, г., 590.
 Хмельникъ, м., 555.
 Хмельницкій Богданъ, гетманъ украин., 7, 82, 123, 131, 135, 149, 195, 197, 329, 335, 341, 342, 369, 427, 473, 540, 543, 545, 547, 549, 552, 554, 555.
 — Тимошъ, сынъ гетмана, 335, 338, 554.
 — Юрій, также сынъ, впоследствии гетманъ, 131.
 — капитанъ, 601.
 — кобзарь, въ збнѣков. у., 483.

Ходкевичи, бѣлорусскіе дворяне въ нач. XVII в., 140—141.
 Ходкевичъ Александръ, поѣздникъ, 394.
 Ходорково, м., 364.
 Хойнацкій А. Ѡ., проф. нѣж. лицея, 455.
 Холецкій Михайло, староста овруцкій, 153.
 Хомуць, м. миргородскаго у., полт. губ., 495.
 Хорошово, с., 283.
 Хортица, островъ на Днѣпрѣ, мѣстопробываніе Коша запор., 587.
 Хотинъ, г., 84.

Хотомирскъ, г., 198.
 Хура, козачье поселеніе въ актырскогъ волку, 223.
 Хмѣлево, с. орловскогъ губ., 520.

Царево-Борисовъ, 203
 Цартелевъ, князь, украинскій этногр., 482.
 Цѣсельскій, белзскій мечникъ, 257, 258.

Чалый Матв. Корн., авторъ книги: «Жизнь и произв. Т. Шевченка», 68, 561.
 — Савва, герой гайдамацкихъ пѣсень, 246.

Чарторыйскъ, м., 168.
 Чепелевъ, с., 311.
 Черкассы, г., 549.
 Чернякъ, собирав. украин. пѣсень, 247.
 Чернятка, слобода, 300.
 Чернышъ, генеральный судья, 296.
 Чернышевъ, графъ, 294.
 Чернобыль, м., 393, 394.
 Черниговъ, г., 333.
 Чернеховъ, ивѣніе Ив. Немирича, 573.
 Чертковъ, В. А., харьковскій наместникъ, 417.
 Четвертя, м., 168.
 Чистаховскій Григ. Ник., художникъ, 76.
 Чигиринъ, г., 290, 331, 421, 508.
 Чорный Шлягъ (или Татарская дорога), названіе пути, 137. 420.
 Чубинскій Пав. Пл., этногр., 231, 236.
 Чуйкевичъ, бунчуковый товаришъ, 304.
 Чугай, предводит. козацкаго отряда, 545.
 Чугаевъ, поселеніе, 203.
 Чура Степанъ, козацкій сотн., 394.

Шайноха, польс. историкъ, 146.
 Шамрай Федоръ, куренной атаманъ, 529.
 Шантръ Эрнестъ, французскій археологъ, 360.
 Шараневичъ, львовскій проф. и историкъ, 146.
 Шафранскій, землемѣръ, защитникъ г. Уманя, 264, 427.
 Шаховской, кн., 401, 458.

- Швачка, предводит. гайдамакаго отряда, 471.
- Шевченко Т. Г., поэтъ; воспоминавія о немъ, Н. Бѣлозерскаго, 66 — 77; упомин., 177, 490, 596.
- Шидловскій, бригадиръ слобод. полковъ, 205.
- Шило, козакъ, 268.
- Шимоновъ А. Л., авторъ изслѣдованія о землевладѣніи въ харьковск. губ., 191—228, 401—419.
- Шнишковъ, ученый, 136.
- Шлетцеръ, профессоръ геттинг. унверс., 323.
- Шостакъ Иванъ, куренной атаманъ, 530.
- Шпаченко Савва, гайдамака, 118.
- Шулговскій, значковый товарищъ, 309.
- Шумлянскій Кирилль, еписк. луцкій, Іосифъ, еписк. львов., 610.
- Шуть Андрей, кобзарь, 482.
-
- Щенявскій, польскій помѣщикъ, конфедерать, 95, 103, 106.
- Щербацкій Георгій, писат. XVIII в., 460.
- Щербина Д. М., борзен. страпчій, 70.
- Щербининъ Е. А., рус. секундъ-маіоръ, 408.
- Щербиновка, с., 602.
- Щиракъ Гаврило, куренной атаманъ, 535.
-
- Эйлеръ Хр. Леонт., академикъ, 165.
- Эрбенъ, ученый, 147.
-
- Яблоновка, с., 519.
- Яблоновскіе, князья, 159.
- Яблоновъ, г., 198.
- Яворскій Стефанъ, митроп. и духов. писатель XVIII в., 10.
- Яготянь, м., 561.
- Якимъ Игнатовичъ, кошевой запорожскій, 160, 163.
- Яковъ-Мартынъ-зъ-Рацибору, воевода сендомирскій, 423.
- Якубовскій, польскій урядникъ г. Ахтырки, 200.
- Якушкинъ П., этногр., 74, 278.
- Ямное, с., 223.
- Ямполь, м. острожск. у., волын. губ., 168, 423.
- Ячивскій, іезуитъ, 176.
- Янкевичева Констанція, сестра уманск. губерн. Младановича, 266.
- Ярема, уманскій сотн., 260.
- Ярмолинцы, с., 86.
- Ярошовка, с., 504.

Библиографическое извѣщеніе.

Въ Львовѣ, съ лѣта нынѣшняго года, издается „**Малорусско-нѣмецкій Словарь**“. Это первый опытъ систематизаціи издававшихся доселѣ по частямъ матеріаловъ таковаго рода. *Нѣмецко-малорусскій Словарь* былъ изданъ въ 1867 г. профес. Партицимъ. Необходимость такихъ изданій для пребывающихъ подъ нѣмецкою державою галицкихъ братьевъ нашихъ понятна сама собою; но и раньше присоединенія Галиціи къ Австріи въ малорусскій языкъ вошло много нѣмецкихъ словъ.

Составитель настоящаго словаря—учитель гимназіи въ Станиславовѣ, *Евгеній Желеховскій*. Словарь выходитъ выпусками, по два печатныхъ листа. Полное его изданіе составитъ до 60-ти печатныхъ листовъ. Доселѣ вышло два выпуска; въ послѣднемъ не окончена буква *В*. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Изданіе предполагается окончить до истеченія 1883 г. Составитель ставитъ скорый выходъ изданія въ зависимость отъ успѣха подписки.

Желающіе подписаться на это изданіе могутъ адресоваться или прямо въ г. Станиславовъ къ г. Евгенію Желеховскому, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ IV. 1882 г.

Октябрь.

	СТР.
I. МАЛУРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. Гр. П. Галагана, съ предисловіемъ П. И. Житецкаго	1
II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) Н. (<i>Продолженіе</i>)	39
III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г.). Н. Бѣлозерскаго	66
IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кievской археографической комисіи, ректора и профессора кievскаго унiверситета). О. Л.	78
V. ПЕРЕПИСКА Гр. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА. (<i>Продолженіе</i>)	89
VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ	119
VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ.	126
VIII. БИБЛОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Poláci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882.	134
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Седульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Дмитрія Ростовскаго о приѣзѣ и сдачѣ нмѣ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинныя малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. мвро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ	159
ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.	

II.

Ноябрь.

СТР.

I. ГЛАВНѢЙШЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. А. Л. Шимонова	191
II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. М. Т—ова	229
III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) В. Антоновича	250
IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. П. И. Житецкаго.	277
V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Ал. Лазаревскаго.	292
VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (<i>Продолженіе</i>). В. А.	328
VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Колівщини»)	349
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кiev. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кiev. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кievъ. 1882 г.—б) E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spécialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердячевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскаго народнаго орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.)	354
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кievо-вудубицкій перевозъ на Днѣрѣ и его неожиданная политическая роль.—б) Замятка на замятку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово	368
ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кievская Старина».	
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ уманскаго сотника Ивана Гонты.	

Декабрь.

I. ГЛАВНѢЙШЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. А. Шимонова. (<i>Продолженіе</i>)	401
II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. А. Смолтія	420
III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. Н. Петрова.	438
IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. В. Горленка	481
V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ - АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) Н. Н—ка.	519
VI. КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распорядки. А. Скальновскаго.	527

	СТР.
VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (Окончаніе). В. А.	538
VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. Ст. фонъ-Носъ	557
IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. В. А.	564
X. БИБЛИОГРАФІЯ: а) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кievскаго центрального архива. № 13. Составилъ Л. Ильницкій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макаріа, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Помяники по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомѣ, въ книжн. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Бишаневъ. 1882 г.	569
XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).— б) Н. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Захѣтки стараго кievлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ).	583
XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кievской Старины», 1882 г.	
XIII. Библиографическое извѣщеніе.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозныя, правовыя и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и загранично изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Билалъ Д. И., Будановъ М. Ф., Блюзерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. О., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. О., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дишкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. О., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондритовичъ О. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Льсковъ Н. С., Мальшевскій И. И., Мацьевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій И. И., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоткій А. И., Терновскій Ф. А., Шимоновъ А. Л., Ханенко А. И., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее-же годовое изданіе составляетъ четыре тома, размѣромъ 35—40 печатныхъ листовъ каждый. Въ 1883 г. изданіе будетъ раздѣлено вмѣсто четырехъ на три тома, не менѣе 50-ти печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ, съ приложениями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной: Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой; въ отдѣленіяхъ конторы: при книжномъ магазинѣ Оглоблина (Крещатики, д. Клука) и бумажномъ складѣ Дятковской фабрики (Подоль, Гостинный дворъ); гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городского на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію четыре семипечатныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Съ 1-го января 1883 г. выходитъ три раза въ недѣлю. Цѣна съ пересылкою, безъ приложений—12 р., съ приложениями—16 р. въ годъ. Новые подписчики, приплачивая еще 2 р., получаютъ 26 печат. листовъ начатой въ 1882 г. повѣсти: «Трудъ и деньги».

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ**

